

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Ю. В. Морозов

**Пути нейтрализации
угроз России
в рамках
стратегического
треугольника
«РФ – США – КНР»**

Москва
ИДВ РАН
2020

УДК 327(470+571:510:73)
ББК 66.4(2Рос)(5Кит)(7Сое)
М80

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д.воен.н. Д.В. Гордиенко, д.фил.н. А.В. Лукьянов

*Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-014-00009*

Морозов Ю.В.

М80 Пути нейтрализации угроз России в рамках стратегического треугольника «РФ—США—КНР»: монография / Ю.В. Морозов. — М. : ИДВ РАН, 2020. — 488 с.

ISBN 978-5-8381-0373-4

Монография посвящена возможным путям нейтрализации вызовов и угроз национальным интересам России в рамках ее взаимоотношений в стратегическом треугольнике «РФ—США—КНР». Описаны тенденции изменения военно-политической обстановки в мире в начале XXI века и угрозы безопасности России, а также способы защиты ее интересов, представлены существующие проблемы стратегической стабильности и новые теоретические и практические подходы к вопросам раскрытия потенциала взаимодействия России—США—Китай в «стратегическом треугольнике». Особое внимание уделено перспективным путям решения региональных проблем и возможностей развития российско-китайских отношений в конкретных сферах экономики, политики и культурно-гуманитарного сотрудничества. Исходя из тенденций изменения обстановки в мире и существующих способов защиты интересов РФ проанализирована стратегия развития российско-китайских отношений и возможные направления сотрудничества с США по противодействию общим угрозам и вызовам.

Оценки и выводы монографии являются полностью авторскими и не всегда совпадают с позицией ИДВ РАН.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, «стратегический треугольник», регионы мира, политика, стратегия, безопасность, угрозы, взаимоотношения.

**УДК 327(470+571:510:73)
ББК 66.4(2Рос)(5Кит)(7Сое)**

ISBN 978-5-8381-0373-4

© Морозов Ю.В., 2020
© ИДВ РАН, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of the Far Eastern Studies
of the Russian Academy of Sciences

Morozov Yu. V.

**Ways to neutralize threats
to Russia
in the framework of the strategic triangle
of “Russia—USA—China”**

Moscow
2020

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute of Far Eastern Studies
Russian Academy of Sciences*

Reviewers:

D. Sc. (military) Gordienko D. V., D. Sc. (philosophy) Lukyanov A. V.

Morozov Yu.V. Ways to neutralize challenges and threats to Russia's national interests in the framework of the “strategic triangle of Russia—USA—China” Moscow, RAS IFES, 2020.

The monograph, Morozov, Y. V., prepared by leading researcher of the Center for the study of strategic problems of North-East Asia and SCO of the Institute of the Far Eastern Studies is devoted to the possible ways of neutralizing challenges and threats to Russia's national interests in its relations in the “strategic triangle of Russia, China and the USA”. The monograph describes the trends in the military-political situation in the world at the beginning of the XXI century and threats to the security of Russia, as well as ways to protect its interests. The study also presents the existing problems of strategic stability and new theoretical and practical approaches to the issues of revealing the potential of interaction between Russia-China — the United States in the “strategic triangle”. The study also presents the existing problems of strategic stability and new theoretical and practical approaches to the issues of revealing the potential of interaction between Russia — China — the United States in the “strategic triangle”. Special attention paid to promising ways to solve regional problems and opportunities for the development of Russian-Chinese relations in specific areas of economy, politics and cultural and humanitarian cooperation. Based on the trends in the world situation and the existing ways to protect the interests of the Russian Federation, the author analyzed the strategy for the development of Russian-Chinese relations and possible areas of cooperation with the United States to counter common threats and challenges.

The book is addressed to a wide circle of readers, students and professors, as well as scientists and practitioners working on issues of security and relations between actors in the “strategic triangle Russia—China—USA” in the XXI century. Estimates and conclusions of the monograph are completely author's and do not always coincide with the position of the IFES RAS.

Keywords: Russia, China, USA, “strategic triangle”, regions of the world, politics, strategy, security, threats, relationship.

Содержание

Введение	9
Часть I. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В МИРЕ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ	13
1.1. Тенденции изменения военно-политической обстановки в мире и угрозы для обеспечения безопасности РФ	13
1.2. Применение Соединенными Штатами форм и способов действий в рамках гибридной войны против России и Китая ..	41
1.3. Арктический регион и деятельность в нем акторов «треугольника»	63
1.4. Американская Индо-Тихоокеанская стратегия как вызов национальным интересам Китая и России в регионе	90
1.5. «Мягкая сила» актров треугольника и использование США «умной и жёсткой силы» на международной арене	117
1.6. Существующие проблемы стратегической стабильности	149
Часть II. СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В XXI ВЕКЕ	177
2.1. Развитие теории и практики многополярного мира в рамках международных структур и на национальном уровне	177
2.2. Повышение роли России в борьбе с глобальными и региональными угрозами	198
2.3. Совершенствование политического взаимодействия России с государствами мира	213
2.4. Усовершенствование военного компонента РФ для защиты национальных интересов	232
2.5. Направления нейтрализации угроз России в информационной сфере	264

Часть III. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА С США ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ОБЩИМ УГРОЗАМ И ВЫЗОВАМ	290
3.1. Стратегия развития российско-китайских отношений в XXI веке	290
3.2. Сферы укрепления сотрудничества между РФ и КНР	311
3.3. Экономические проекты России и Китая в Евразии	338
3.4. Нераскрытый потенциал российско-китайского сотрудничества	367
3.5. Использование «мягкой силы» России и Китая для реализации их национальных интересов	399
3.6. Возможные пути нормализации российско-американских отношений и нейтрализации экономических угроз РФ в условиях глобализации	421
3.7. Направления сотрудничества США, Китая и России по противодействию общим угрозам и вызовам	442
Заключение	471
Summary	476
Список литературы	479
Краткие сведения об авторе	486

Content

Introduction	9
Part I. MILITARY-POLITICAL SITUATION IN THE WORLD AND EXISTING PROBLEMS OF STRATEGIC STABILITY	13
1.1. Trends in the military-political situation in the world and threats to Russia's security	13
1.2. The use by the United States of forms and methods of action in the framework of a hybrid war against Russia and China	41
1.3. The Arctic region and the activities of the "triangle" actors in it	63
1.4. The American Indo-Pacific strategy as a challenge to the national interests of China and Russia in the region	90
1.5. The soft power of the triangle actors and the US's use of "smart and hard power" on the international stage	117
1.6. Existing problems of the strategic stability	149
Part II. WAYS TO PROTECT RUSSIA'S INTERESTS IN THE XXI CENTURY	177
2.1. Development of the theory and practice of a multipolar world within international structures and at the national level	177
2.2. Increasing the role of Russia in the struggle against global and regional threats	198
2.3. Improving Russia's political interaction with the world's States	213
2.4. Improvement of the military component of the Russian Federation in the interests of protecting national interests	232
2.5. Directions of neutralization of threats to Russia in the information sphere	264

Part III. STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS AND AREAS OF COOPERATION WITH THE UNITED STATES TO COUNTER COMMON THREATS AND CHALLENGES	290
3.1. Strategy for the development of Russian-Chinese relations in the XXI century	290
3.2. Areas of strengthening cooperation between Russia and China	311
3.3. Economic projects of Russia and China in Eurasia	338
3.4. Undisclosed potential of Russian-Chinese cooperation	367
3.5. Using the “soft power” of Russia and China in the interests of its national interests	399
3.6. Possible ways to normalize Russian-American relations and ways to neutralize economic threats to the Russian Federation in the context of globalization	421
3.7. Areas of cooperation between the United States, China and Russia to counter common threats and challenges	442
Summary	476
Brief information about the author	487

Введение

Данная монография посвящена поиску возможных путей нейтрализации вызовов и угроз национальным интересам России в рамках ее взаимоотношений в стратегическом треугольнике «РФ—КНР—США». Научной основой написания работы стал круглый стол, состоявшийся в Центре изучения стратегических проблем США и ШОС в марте 2019 г., в ходе которого были рассмотрены международно-правовые аспекты деятельности акторов этого треугольника, а также актуальные проблемы безопасности России в глобальном и региональном масштабе.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что проблема российского-китайского-американского «стратегического треугольника» на протяжении долгого времени находилась в центре внимания российских и американских исследователей, однако в основном в рамках анализа их двусторонних отношений.

Поэтому в современных российских исследованиях отсутствуют аналитические труды, посвященные путям нейтрализации угроз национальным интересам России на глобальном и региональном уровнях, исходящих в основном от политики и стратегии Соединенных Штатов, а также всестороннему анализу стремления США сдержать рост влияния Китая и России в мировых делах.

С учетом этих обстоятельств, целью данной монографии являлось определение возможных путей нейтрализации вызовов и угроз для национальных интересов России в рамках взаимодействия с международными акторами в XXI в. Исходя из этой цели, были сформированы ее структура и содержание.

В первой части монографии «Военно-политическая обстановка в мире и существующие проблемы стратегической стабильности» проводится анализ тенденций изменения военно-политической обстановки в мире и связанных с этим угроз для обеспечения безопасности РФ. Показано, как Соединенные Штаты применяют различные формы и способы действий в рамках гибридной войны против России и Китая. Описана деятельность России, Китая, США и иных стран мира в Арктическом регионе. Раскрыта

американская Индо-Тихоокеанская стратегия в качестве вызова национальным интересам Китая и России в этом регионе, содержание «мягкой силы» акторов треугольника и использование США «умной и жёсткой силы» на международной арене. В качестве итога части монографии описаны существующие проблемы стратегической стабильности.

В *первом разделе второй части* монографии «Способы защиты интересов России в XXI в.» отмечается, что Россия продолжает активно работать над формированием демократической многополярной модели миропорядка. В разделе также рассмотрены особенности трактовок многополярности на национальном уровне странами ШОС и подходы России к формированию многополярного мира. Это мироустройство призвано опираться на результативное многостороннее сотрудничество, что предполагает надлежащую координацию деятельности ведущих международных структур. Схематически это можно представить в форме пирамиды, вершину которой образуют ООН и ее Совет Безопасности. Уровнем ниже расположены многочисленные региональные организации, взаимодействующие с ООН и соединенные между собой горизонтальными связями. Далее — плотная ткань двусторонних отношений. И, наконец, фундамент и своего рода цементирующий материал всей конструкции — международное право.

Второй раздел этой части монографии посвящен анализу предпринимаемых шагов России в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом в рамках ООН. Также в нем рассмотрены вопросы антитеррористического сотрудничества в рамках СНГ, ШОС и ОДКБ, а также проанализирована международная информационная безопасность. Выявлены новые вызовы и угрозы в рамках партнерства Россия—АСЕАН, и даны рекомендации по их устранению.

В *третьем разделе* проводится анализ участия России в формировании нового мироустройства, и дана оценка внешнеполитической ситуации в мире в среднесрочной перспективе. Также описаны региональные приоритеты России в XXI в. и способы их достижения.

В *четвертом разделе* проанализированы военная организация России как основа обеспечения ее безопасности и этапы военной реформы Российской Федерации. Приводится структура современного облика Вооруженных Сил России. Подведены итоги военных действий ВКС РФ в Сирии, и оценены их результаты. В разделе приводятся основные уроки военной кампании в Сирии для военной безопасности России на глобальном и региональном уровне. Также оценивается «зеркальный» ответ РФ на выход США из договора по ДРСМД и влияние прекращения этого договора на международную безопасность. В заключение раздела даются рекомендации по усовершенствованию военного компонента РФ в интересах защиты ее национальных интересов.

В *пятом разделе* отмечается объективная необходимость уточнения информационной политики России на современном этапе ее развития, а также описаны направления создания стратегии ее информационного поля. Даются приоритетные направления информационно-безопасности и основные ее задачи по парированию угроз информационной безопасности в интересах стратегии информационного развития российского общества.

Первый раздел третьей части монографии «Стратегия развития российско-китайских отношений и направления сотрудничества с США по противодействию общим угрозам и вызовам» посвящен анализу современного состояния стратегического партнерства РФ и КНР и конкретных проектов развития российско-китайских отношений. Описана современная инвестиционная политика в российско-китайских отношениях, и оцениваются перспективы развития экономического сотрудничества этих акторов и выгоды от двустороннего стратегического взаимодействия РФ и КНР.

Во *втором разделе* приводятся факты возрастающей роли Китая в современном мире и описаны направления российско-китайского сотрудничества. Проанализированы политическое сотрудничество между Россией и КНР, а также рамки их всестороннего взаимодействия. Определены основные направления глобального российско-китайского партнерства и регионального сотрудничества Китая и России в различных сферах. Выявлены существующие проблемы при реализации проекта «Один пояс, один путь» и предложены возможные пути их устранения. Также показаны сферы сотрудничества Китая и России в рамках ШОС по противодействию общим угрозам и вызовам.

В начале *третьего раздела* описаны современная «мягкая сила» РФ на международной арене и ее использование во имя реализации интересов РФ. Также проанализирована миротворческая деятельность РФ в качестве инструмента реализации ее мягкой силы. Определены возможные совместные шаги России и Китая в области укрепления гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС и совершенствования их информационной политики в ее рамках.

В *четвертом разделе* описаны негативные факторы, влияющие на развитие отношений России и США. Исходя из этого, определены положительные факторы развития российско-американских отношений и возможные направления улучшения. Также предложены возможные шаги РФ в регионах мира при отсутствии сотрудничества с Соединенными Штатами, в том числе с опорой на собственные силы в условиях продолжающихся западных санкций. В заключение раздела приводятся выводы, касающиеся возможных путей нормализации российско-американских отношений и нейтрализации экономических угроз РФ в условиях глобализации.

Заключительный раздел этой части монографии посвящен поиску конкретных направлений их сотрудничества в рамках «треугольника» в части касающихся областей, представляющих угрозу не только их интересам, но и системе глобальной безопасности. Однако здесь ситуация в среднесрочной перспективе выглядит не лучшим образом. Это касается политики, проводимой США в отношении России и Китая, а также подходов Вашингтона к проблемам ограничения СНВ, ограничения вывода оружия в космическое пространство, совместных миротворческих операций и т. п. Поэтому основная вина в невозможности реализации путей нейтрализации угроз системам региональной и глобальной безопасности совместными усилиями акторов треугольника лежит на Соединенных Штатах, считающих, что другие субъекты международных отношений должны безоговорочно им подчиняться. И пока в американских законодательных органах власти не произойдет сдвиг в сторону осознания реалий современного мира, эта ситуация не изменится в лучшую сторону.

Таким образом, в работе представлены новые теоретические и практические подходы к вопросам раскрытия потенциала взаимодействия России—Китая—США в рамках «стратегического треугольника». Особое внимание уделено перспективным путям решения региональных проблем и возможностям развития российско-китайских отношений в конкретных сферах экономики, политики и культурно-гуманитарного сотрудничества.

В Заключение изложены обобщенные выводы, отражающие степень раскрытия темы исследований и степень достижения этой цели в форме синтеза полученных в процессе исследования результатов, имеющих теоретическую и прикладную направленность. Обращено внимание на необходимость защиты российских интересов в рамках «треугольника», и определен ряд потенциальных направлений взаимодействия акторов этого «треугольника» и других заинтересованных в этом государств и их союзов, отрывающих новые возможности для поддержания мира и стабильности на планете.

Практические наработки этой монографии могут найти своё непосредственное применение в деятельности Администрации Президента РФ, Совета Безопасности РФ, в профильных комитетах Государственной Думы и Совета Федерации РФ, Министерства иностранных дел, Министерства обороны и иных органов государственного управления России.

Часть I

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В МИРЕ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

1.1. Тенденции изменения военно-политической обстановки в мире и угрозы для обеспечения безопасности РФ

Тенденции развития военно-политической обстановки в мире

С точки зрения российских экспертов в начале XXI в. три критических узла — Сирия, Украина и Корейский полуостров, где столкнулись интересы многих государств, определяли военно-политическую обстановку в мире. На фоне этих «горячих» точек в несколько сторонне остался Афганистан, который находится в неравновесном состоянии и может «взорваться» в любой момент.

Таким образом, современная военно-политическая обстановка (ВПО) в мире характеризуется ростом нестабильности, обусловленной комплексом взаимосвязанных, преимущественно негативных, факторов глобального и регионального масштаба на фоне ужесточения конкуренции между существующими и новыми «центрами силы». В связи с чем ее развитие в ближайшей перспективе будет определяться продолжающимися процессами глобализации и связанным с ними стремлением США упрочить свое положение как единственной сверхдержавы в однополюсном мире и в противовес этому — попытками региональных центров силы уменьшить доминирующее влияние США на мировую политику¹.

Кроме того, нарастанию напряженности в регионах мира способствует расширение масштабов терроризма и радикального экстремизма, усиление кризисных явлений в мировой экономике, обострение борьбы за энергетические, водные, продовольственные и иные ресурсы. В мире сохраняются значительные запасы ядерных вооружений, химического и биологического оружия и наращиваются военные потенциалы ведущих стран. Эта тенденция усиливается в связи с продолжающимися в ряде стран мира работами по созданию новых, высокотехнологичных средств вооруженной борьбы, сопоставимых по своей эффективности с ядерным оружием и не подпадающих под контроль и ограничения. Одновременно формируются возможности для переноса военных действий в космическую сферу и киберпространство. Последние события в мире наглядно демонстрируют громадный потенциал использования современных информационных технологий в целях воздействия на массовое сознание и достижения желаемых преобразований в отдельных странах и регионах. А в условиях активизации антироссийской кампании сформировался и имеет тенденцию к постоянному наращиванию целый спектр угроз безопасности РФ в информационной сфере со стороны США, их союзников и партнеров.

Особую обеспокоенность с точки зрения обеспечения международной безопасности вызывает рост числа приверженцев экстремизма, сепаратизма и радикального ислама. Это во многом обусловлено применением странами Запада двойных стандартов в оценке ситуаций с соблюдением прав человека, проявлений неонацизма и расизма в различных регионах мира.

По-прежнему актуальной является значимость военной силы как инструмента реализации национальных интересов государств, а причиной вооруженных конфликтов все чаще становятся чисто экономические приоритеты заинтересованных сторон.

Одним из ключевых факторов, оказывающих негативное влияние на развитие ВПО в мире, является стремление США любой ценой сохранить лидирующую роль на международной арене. Решение данной задачи рассматривается Белым домом в качестве главного условия обеспечения национальной безопасности США, их экономического развития, а также «комфортного» уровня благосостояния американской нации. Такая политика приводит к попыткам американской стороны компенсировать неспособность к контролю ключевых международных процессов все более широким задействованием силовых инструментов, а также целенаправленным созданием «управляемых» кризисных ситуаций, последующее разрешение которых требовало бы непосредственного участия США².

Спровоцированный Вашингтоном и его партнерами кризис на Украине и попытки принизить роль РФ в разрешении конфликта в Сирии являются продуманными шагами по формированию в лице России образа «главного

врага Запада». Ключевое влияние на данный процесс оказывает руководство Пентагона, американского военно-промышленного комплекса и стоящих за ним лоббистских групп. При этом Соединенные Штаты рассматривают санкционное давление на Россию в качестве одного из основных инструментов оказания воздействия на нее. В эффективность такого подхода Вашингтон уверовал благодаря своим действиям против Тегерана.

При этом отмена законодательно введенных мер дискриминационного характера против России является в США гораздо более сложным и продолжительным процессом, чем их принятие. Целенаправленно раздуваемая «российская угроза» позволяет Белому дому обосновывать необходимость значительного увеличения объемов финансирования программ разработки новых средств вооруженной борьбы, наращивания масштабов присутствия ВС США за рубежом и добиваться от иностранных государств принятия выгодных Вашингтону решений в военной и военно-политической сфере.

В среднесрочной перспективе руководство США не будет воспринимать РФ как равного партнера, обладающего правом на отличные от американских подходы к решению глобальных и региональных проблем, а также на продвижение и защиту своих национальных интересов. Кроме того, для оказания влияния на военно-политические процессы в мире Вашингтон активно использует экономические факторы. В частности, в рамках существующей финансово-банковской системы предпринимаются шаги по сдерживанию экономического развития России, Китая, стран Евросоюза и АТР. При этом Соединенные Штаты стремятся нанести максимальный ущерб российским интересам «руками» своих союзников и партнеров, главным образом европейских, так как уровень сотрудничества и взаимная зависимость Европы и России, прежде всего в экономической сфере, в силу географической близости всегда были на порядок масштабнее, чем взаимодействие США с РФ. Вот почему навязанный Евросоюзу антироссийский курс наносит существенно более серьезный ущерб европейским странам, чем самим Соединенным Штатам. Что касается развития ВПО по границам России и в других регионах мира, то их тенденцию можно охарактеризовать следующим образом.

Обстановка на Севере России

Важное стратегическое значение для России имеет открытый выход через Баренцево море и в Атлантический океан. В интересах противодействия этому ряд приарктических государств во главе с США пытаются воспользоваться отсутствием законодательного закрепления арктических границ РФ в рамках ООН, где находятся огромные минеральные, лесные и водные ресурсы и сосредоточена значительная часть предприятий научно-промыш-

ленного комплекса РФ, в том числе связанных с разработкой и освоением нефтегазовых месторождений России.

На российском Севере добывают более 90 % газа, 75 % нефти, 90 % олова, большую часть золота, алмазов, меди, никеля, 15 % угля, вырабатывается 17 % электроэнергии и производится половина продукции лесной и деревообрабатывающей промышленности страны. В настоящее время здесь сложилась парадоксальная ситуация: при наличии огромных ресурсов там не хватает рабочей силы для их разработки, отсутствует вложение капитала. Кроме того, обострившаяся демографическая ситуация в северных районах страны и разобщенность транспортной инфраструктуры, диспропорция в экономическом развитии развитых областей страны с северо-западными районами способствует дезинтеграции России.

Одновременно в связи с потеплением климата в Арктике и разработкой новых технологий добычи там природных ресурсов значительно повысился интерес к этому региону многих государств мира, причем не только стран, находящихся в арктическом поясе. Так, к развитию Северного морского пути и добычи углеводородов в северных широтах помимо приарктических государств рассчитывают подключиться Китай, Корея, Индия и Сингапур.

Приарктические государства наращивают свое военное присутствие в полярных районах Севера. Так Россия восстанавливает военные базы на архипелаге Новая Земля, а страны НАТО ведут мониторинг обстановки в регионе и также наращивают свои военные возможности. Для развертывания СБР НАТО в Норвегии уже созданы склады оружия и военной техники альянса. Глава этой страны внес предложение на саммите НАТО в Польше о разработке новой стратегии альянса, которая разрешала бы постоянное присутствие ОВМС альянса в северных широтах.

В качестве реакции на эту стратегию ВС России проводят регулярные военные учения, воздушное патрулирование арктических регионов и полеты стратегической авиации. А руководство НАТО под предлогом «вынужденного реагирования» на активизацию деятельности России в Заполярье принимает меры по укреплению северного фланга блока. Особое значение придается организации патрулирования воздушного пространства Исландии и прилегающих к ней районов Северной Атлантики силами и средствами ОВВС НАТО, несения боевой службы в регионе американскими и британскими атомными подводными лодками, а также полетам самолетов стратегической авиации ВВС США. При этом альянс активно привлекает на регулярной основе к коалиционным мероприятиям боевой подготовки в северных широтах формирования ВС нейтральных стран — Финляндии и Швеции. Таким образом, политический мир в Арктике существует, но на фоне стремительного усиления военного присутствия заинтересованных в этом стран.

Ситуация на западных границах России

На этом направлении мало кто в России и странах НАТО верит в открытое военное столкновение между ними. Но анализ ВПО в этом регионе показывает, что политика стратегического сдерживания и ослабления экономического потенциала, проводимая в отношении России, является явной угрозой для нее безопасности. Вдоль всей западной российской границы усовершенствуется военная инфраструктура альянса, в прибалтийских странах развернуты батальонные тактические группы НАТО и создаются координационные центры по приему и развертыванию дополнительных сил, такие же центры созданы в Болгарии, Польше и Румынии, в которых развернуты ракеты-перехватчики на базах ПРО.

Администрация США Д. Трампа также намерена заставить страны альянса тратить положенные 2 % от бюджета страны на оборону, что значительно усилит количество вооружений, сосредоточенных вблизи границ России. При этом государства Восточной Европы и Балтии рассматриваются Белым домом, прежде всего, как основной антироссийский сегмент НАТО, которые безоговорочно поддерживают усилия Вашингтона по использованию различных форм давления на РФ. В связи с чем администрация США заявляет о готовности обеспечить их безопасность, положительно реагируя на просьбы о защите от военной угрозы со стороны РФ. Пентагон в рамках реализации «адаптивного подхода» по созданию европейского сегмента глобальной системы ПРО США уже практически завершил мероприятия по развертыванию и вводу в эксплуатацию противоракетного комплекса «Иджис Эшор» в Румынии. Это свидетельствует о том, что, несмотря на достигнутые договоренности по иранской ядерной программе, Вашингтон продолжает развертывание в Европе компонентов глобальной системы ПРО, антироссийская направленность которой очевидна.

Усиленное передовое военное присутствие НАТО реализуется с опорой на подготовленную инфраструктуру восточноевропейских стран. К настоящему времени там модернизировано значительное количество аэродромов, а также расширены возможности морских портов по базированию и обслуживанию кораблей и судов ВМС.

При этом НАТО наращивает активность по всему миру, уделяя особое внимание возможным столкновениям с Россией — в альянсе прямо называют эту задачу приоритетной, открыто заявляя о концепции военного сдерживания РФ. Особая активность военных группировок НАТО наблюдается на европейском континенте (рис. 1.1).

Общее число военных баз альянса в этой части света — 11. Только в 2018 г. их состав увеличился с 23 тыс. человек до 42 тыс. И речь идет не о полной численности войск альянса в Европе, а исключительно о «силах не-

Рис. 1.1. Военные объекты НАТО в Европе. *Источник:* URL: <https://twitter.com>

медленного реагирования». Особое внимание уделяется подготовке, оснащению и тренировкам именно этих групп повышенной мобильности. На них, в случае чрезвычайной необходимости, возлагается особая задача — нанесения первичного удара в плане «сдерживания России». Речь идет о концепции так называемой «неядерной войны», активно продвигаемой сейчас стратегами альянса.

В интересах демонстрации военной силы резко увеличено количество учений НАТО, которые проводятся на территории сопредельных с Россией государств и имеют явную антироссийскую направленность. В рамках трансформации альянса продолжается реализация политики «открытых дверей» с целью охвата блоком всего евроатлантического пространства. В качестве первоочередных претендентов на вступление в НАТО рассматриваются Черногория, уже получившая официальное приглашение, Македония, Босния и Герцеговина, а в последующем — и государства постсоветского пространства.

Серьезным вызовом военной безопасности в регионе является обострение ситуации на Украине, где запущен механизм, направленный на полную дезинтеграцию российско-украинских политических, социальных, торгово-экономических и иных связей с расчетом на вступление Украины в дальнейшем в НАТО. К настоящему моменту на юго-востоке этой страны сохраняется многотысячная группировка правительственных войск, предназначенная для «восстановления контроля» над «мятежным» регионом. В данном контексте можно ожидать проведение на линии соприкосновения провокаций с целью вынудить ополченцев на ответные силовые действия, чтобы в дальнейшем обвинить их и РФ в срыве Минских договоренностей. Свидетельством тому является военная провокация Украины в ноябре 2018 г., когда ее боевые катера вторглись в Керченский пролив, являющейся акваторией РФ, пытаясь скрытно подойти в керченскому мосту. Когда эти попытки были пресечены действиями ВМФ, Украина объявила Россию в военной агрессии против нее и призвала Запад оказать ей военную помощь. Такое положение выгодно Западу, который заинтересован в поддержании на рубежах РФ долговременного очага напряженности и становления Украины как враждебного России государства.

Сложная ситуация складывается вокруг Приднестровья, внешнеэкономическая деятельность которого ограничена скоординированными усилиями Молдавии, Украины и стран Запада. В условиях отказа ЕС от продления после 1 января 2016 г. льгот для приднестровских экспортеров она имеет тенденцию к обострению. Молдавская сторона препятствует обеспечению нормальной жизнедеятельности Оперативной группы российских войск в Приднестровской Молдавской Республике и предпринимает попытки скомпрометировать миротворческую операцию, проводимую российскими военнослужащими, с целью их замены на миссию ОБСЕ.

Кроме того, масштабный рост потока беженцев в Европу из зон нестабильности в Северной Африке и Ближнего Востока может спровоцировать обострение социально-политической ситуации в регионе и привести к активизации террористической деятельности на Европейском континенте.

Ситуация на юго-западе России

На юго-западе основным фактором, дестабилизирующим элементом ВПО в регионе, является увеличение количества стран, где ведется вооруженная борьба с международным терроризмом, — это Сирия, Ирак, Йемен, Ливия. Также нельзя назвать спокойной и обстановку в зоне нагорно-карабахского конфликта, где Армения и Азербайджан противостоят друг другу. При этом отмечается значительное увеличение числа взаимных военных провокаций со стороны его участников и случаев применения полевой артиллерии. Кроме того, Грузия стремится в НАТО и хочет восстановить свою

территориальную целостность. Позитивным моментом является то, что пришедшая к власти партия «Грузинская мечта — демократическая Грузия» объявила о потенциальной возможности мирного пути воссоединения Грузии с Абхазией и Южной Осетией.

Обстановка на южных границах России

С момента вывода советских войск из Афганистана угроза национальной безопасности РФ с этого направления только возросла. Несмотря на то, что непосредственной границы с ИРА Россия не имеет, возможное проникновение террористов в эту страну с сопредельных территорий и союзнические обязательства РФ в рамках ОДКБ обязывают внимательно следить за обстановкой на территории Афганистана. В последние годы там замечено увеличение количества террористических и религиозно-экстремистских бандформирований, проникших в страну с Ближневосточного региона. При этом треть боевиков являются выходцами из среднеазиатских республик, входящих в том числе в «Исламское движение Узбекистана», которое участвовало в подготовке террористических актов в России, «Союза исламского джихада» и др. В отличие от самой большой вооруженной силы движения «Талибан», ставящего своей целью создание Афганского халифата, эти организации хотят создать исламское государство в республиках ЦА. Таким образом, основным источником нестабильности в регионе является ситуация в Афганистане и деятельность бандформирований, большая часть которых перешла на сторону террористической организации ИГИЛ, а также активизация в местах компактного проживания представителей радикального ислама, включая возвратившихся из Сирии боевиков в среднеазиатские республики.

Ситуация на Ближнем Востоке

Обстановка в этом регионе характеризуется общим усилением политической нестабильности прежде всего из-за продолжающейся войны в Сирии. Начавшись как гражданский конфликт, затем перешедший в войну, она быстро переросла в борьбу «всех против всех», в которой участвуют десятки стран. Столкновение их многочисленных интересов влияет не только на обстановку в регионе, но и на всю современную военно-политическую обстановку в мире.

Правительственные войска Сирийской Республики при поддержке иранских сил и российских ВКС воюют с ИГИЛ и вооруженными отрядами оппозиции, которые в той или иной степени сотрудничают с различными экстремистскими группировками. На севере страны свою войсковую группировку ввела Турция, которая борется с курдами. А в октябре 2019 г. ее правительственные войска провели масштабную военную операцию против

военных формирований курдов, в ходе которой погибло много мирных жителей.

Правительству Сирии при содействии российского центра по примирению враждующих сторон удалось установить режим прекращения огня со многими вооруженными группировками оппозиции. Бои ведутся в основном против отрядов ИГИЛ, турецкие войска при поддержке отрядов сирийской оппозиции на севере также теснят боевиков. Межсирийские переговоры с оппозицией проходят в Женеве, где главным препятствием было требование немедленного ухода президента Сирии Башара Асада. Еще одна площадка для мирных переговоров — Конгресс национального диалога, организаторами которого выступают Россия, Турция и Иран, основные гаранты перемирия в Сирии. В интересах дискредитации курса Москвы в Сирии Вашингтон усилено пытается сформировать в мире негативное отношение к действиям ВКС РФ на территории страны путем пропагандистского «раскручивания» заведомо ложных фактов и необоснованных обвинений в адрес России в гибели мирного населения и уничтожении объектов гражданской инфраструктуры. Кроме того, несмотря на неоднократные публичные заявления о приверженности борьбе против терроризма Эр-Рияд и Доха на практике рассматривают ИГИЛ и ассоциированные с ней структуры в качестве главных инструментов отстранения от власти сирийского президента. В связи с этим действия Москвы по уничтожению их бандгрупп и инфраструктуры в Сирии вызвали ответную реакцию руководства вышеназванных государств, выразившуюся в увеличении объемов помощи экстремистским группировкам.

Тем не менее, подобная деятельность саудовцев и катарцев практически не дает каких-либо значимых результатов и не ведет к изменению соотношения сил в сирийском конфликте в пользу боевиков. Предпринимаемые по инициативе РФ военные и политические шаги по прекращению противоборства ставят под сомнение возможность завершения войны в САР по выгодному для противников Дамаска сценарию.

США и их союзники по военной группировке в САР также противопоставляют России, Ирану и Сирии, поддерживая оппозицию и периодически нанося ракетные удары по правительственным сирийским войскам, обвиняя Дамаск в применении химического оружия. Израиль тоже наносит ракетные удары по объектам на территории Сирии, мотивируя это своими национальными интересами. Эксперты обстановку в этой стране сравнивают с ситуацией во времена Карибского кризиса. Пока же прямого военного столкновения между российскими и американскими войсками удастся избежать.

Влияние событий, происходящих в настоящее время в Сирии, на национальную безопасность РФ представляется весьма значимым ввиду ее ак-

тивного участия в разрешении конфликта в САР, борьбе с ИГИЛ и другими террористическими группировками на территории этой страны. Обобщенные оценки экспертов из Российского института стратегических исследований, представителей МИД и Минобороны РФ, а также других министерств и ведомств по вопросу приоритетности целей России в Сирии позволяют сделать следующие выводы.

Наиболее значимыми целями РФ в САР являются «предупреждение усиления исламского радикализма и терроризма на территории РФ» и «ликвидация ИГИЛ как политической и военной силы». Данные цели представляются взаимосвязанными, поскольку ликвидация ИГИЛ в существенной степени обеспечит предупреждение усиления исламского радикализма в странах ЦА и терроризма в России.

Другая по значимости цель включает в себя: «становление России в качестве одного из ведущих игроков на Ближнем Востоке» и «создание условий для начала полноценного переговорного процесса по урегулированию ситуации в Сирии». Так, В. Путин 21 октября 2019 г. в Сочи договорился с Эрдоганом о приостановке турецкой операции «Источник мира» в отрезке между городами Рас-аль-Айн и Телль-Абьяд. Однако существующий статус-кво в районе глубиной до 32 км будет сохранён, где будет совместное российско-турецкое патрулирование на глубину до 10 км к западу и к востоку от зоны операции³. Следующей по приоритетности целью РФ, по мнению экспертов, является «закрепление эффективного военного присутствия России в Средиземноморье», что способствует обеспечению ее безопасности.

Таким образом, с точки зрения российского экспертного сообщества, военная операция в Сирии нацелена на уничтожение террористических группировок и, как следствие, — на предупреждение усиления исламского радикализма и терроризма на пространстве ОДКБ и ШОС, а также обеспечение мирного политического урегулирования сирийского конфликта. При этом ситуация в САР во многом зависит от возможности влияния на ее развитие значимых государственных и негосударственных игроков, действующих в регионе. Так, сформированная под руководством США международная коалиция, включавшая в себя более 50 стран, показала свою неэффективность в борьбе с ИГИЛ. Ряд государств, такие, как Венгрия, Люксембург, Чехия, Кипр, Словения, Молдавия и др., формально присоединившись к коалиции, фактически не оказывают никакого влияния на борьбу с террористическими группировками в Сирии. Другие страны ведут «двойную игру», оказывая в ряде случаев существенную поддержку боевикам ИГИЛ.

В связи с вышеизложенным интерес представляет оценка значимости ряда акторов по степени их влияния на развитие ситуации в САР. Исходя из

экспертных оценок, основные политические силы, влияющие на развитие ситуации в Сирии, можно условно разделить на четыре группы.

В первую группу входят наиболее значимые игроки. К ним эксперты относят Россию, США и официальную власть в Сирии. Вторую группу стран, также оказывающих существенное влияние на события в САР, составляют Турция и Иран. В третью группу включены акторы со «средней» значимостью. К ним относятся курды, Саудовская Аравия, умеренная сирийская оппозиция и Катар. К группе стран, оказывающих незначительное влияние на развитие ситуации в Сирии, эксперты причислили ЕС. Среди этих групп в настоящее время можно выделить три коалиции, преследующие различные цели относительно ИГИЛ и политического урегулирования в Сирии.

В первую, условно названную «пророссийской» группой, входят Россия, официальная власть в Сирии и Иран. Важнейшими целями данной коалиции является нейтрализация ИГИЛ и других террористических структур, действующих в САР, а также недопущение незаконного отстранения от власти Б. Асада.

Во вторую, «региональную» коалицию входят Турция, Саудовская Аравия и Катар. Каждая из этих стран стремится усилить свое влияние в регионе. При этом их общей целью является свержение законного президента Сирии Б. Асада. Кроме того, эти страны не преследуют цель абсолютного разгрома ИГИЛ и, более того, в ряде случаев обеспечивают поддержку террористическим организациям.

Третья, «прозападная» коалиция включает в себя США, ЕС и умеренную сирийскую оппозицию. Ее целями являются нейтрализация ИГИЛ и отстранение от власти Б. Асада. При этом курды стараются проводить в регионе самостоятельную политику, не примыкая ни к одной из перечисленных коалиций. Их кооперация представляется невозможной ввиду крайне обостренных отношений с Турцией. Что касается «пророссийской» и «прозападной» коалиций, то ограниченное взаимодействие с каждой из них возможно, но в целом курды будут действовать в Сирии достаточно независимо.

Полная или частичная конфликтность целей рассмотренных коалиций делает ситуацию в регионе весьма неопределенной. Даже в случае нейтрального поведения «прозападной» группы стран сопоставимость потенциалов «пророссийской» и «региональной» коалиций (интересы которых абсолютно противоречивы) не позволит обеспечить гарантированную нейтрализацию ИГИЛ.

Поэтому крайне важным представляется поиск путей урегулирования ситуации в Сирии. Однако разнонаправленность целей «прозападной» и «пророссийской» коалиций крайне затрудняет решение этой задачи и созда-

ние общей коалиции по борьбе с террористическими группировками в Сирии. Этот вывод подтверждают и результаты экспертного опроса, проведенного в 2018 г. РИСИ. Ответы экспертов на вопрос «Оцените вероятность создания эффективной международной коалиции по борьбе с ИГИЛ» оказались довольно скептическими. Ни один из опрошенных экспертов не оценил вероятность создания такой коалиции как «очень высокую» и лишь 10 % экспертов оценили эту вероятность как «высокую». 37 % опрошенных допускают возможность ее создания для борьбы с ИГИЛ. Однако 53 % оценивают вероятность создания коалиции как «низкую», причем 7 % опрошенных дали оценку «очень низкая». Таким образом, экспертное сообщество полагает, что единый эффективный «фронт» борьбы с ИГИЛ в краткосрочной перспективе сформирован не будет. Соответственно, России будет и в дальнейшем проводить во многом самостоятельную политику борьбы с этой террористической структурой.

В целом на основании экспертной оценки можно сделать следующие умозаключения:

Во-первых, экспертное сообщество России полагает, что основными целями РФ в Сирии являются «предупреждение усиления исламского радикализма и терроризма на территории РФ» и «ликвидация ИГИЛ как политической и военной силы». Такие цели, как «закрепление эффективного военного присутствия России в Средиземноморье», «ослабление влияния США и НАТО на постсоветском пространстве» и «комплексная проверка боеготовности и боеспособности ВС РФ», российским экспертам, в отличие от западных аналитиков, не представляются значимыми.

Во-вторых, ситуация в Сирии в ближайшем будущем видится довольно напряженной и неопределенной. Цели «прозападной», «пророссийской» и «региональной» коалиций представляются различными, а их потенциал — относительно сравнимым. Поэтому урегулирование ситуации в САР и результативная борьба с ИГИЛ и другими террористическими организациями возможна лишь в случае согласования интересов России и США. А эффективную международную коалицию по борьбе с ИГИЛ в настоящий момент создать весьма сложно. Поэтому перед Россией встает задача выработки оптимальной политики самостоятельного (без поддержки западных стран и ближневосточных монархий) противодействия исламскому терроризму.

Ситуация в регионах, примыкающих к Дальнему Востоку РФ

Для этих регионов характерно дальнейшее развитие тенденций нарастающей борьбы за лидерство между США, КНР и Японией. Администрация США в рамках реализации курса «стратегического разворота» в сторону АТР активизирует взаимодействие с государствами, чей потенциал может быть эффективно использован для решения задачи сдерживания в регионе

растущего влияния КНР. В экономической области Вашингтон концентрирует внимание на стимулировании интеграционных процессов путем формирования новых многосторонних механизмов кооперации, функционирование которых способствовало бы решению задачи по укреплению региональных позиций США. В условиях быстрого роста военно-экономической мощи Китая Вашингтон будет укреплять свои позиции в регионе путем демонстрации силы в ходе мероприятий оперативной подготовки, которые зачастую носят откровенно провокационный характер.

Белый дом также придает большое значение развитию отношений не только с традиционными региональными союзниками Вашингтона, но и с новыми партнерами, такими, как, например, Вьетнам. При этом Соединенные Штаты пытаются интернационализировать территориальные противоречия Китая с Японией, Вьетнамом и Филиппинами. Их основная задача — закрепиться в роли «третьей стороны» в данных спорах, чтобы иметь дополнительные рычаги давления на КНР и одновременно стимулировать союзников и партнеров к более тесному сотрудничеству с Вашингтоном в военной сфере.

Можно ожидать, что в интересах решения задачи сдерживания Китая США усилят свое военное присутствие не только в Южно-Китайском море, но и в районе российских Курильских островов. С учетом этого серьезным потенциальным источником военной опасности для РФ останутся традиционные территориальные притязания Японии к стране по поводу островов Итуруп, Кунашир и Малой Курильской гряды. Также правительство Японии уже приступило к реализации мер, направленных на повышение роли вооруженных сил как инструмента государственной политики. Законодательно закреплены и возможность их участия в действиях коалиционных группировок войск при отсутствии непосредственной угрозы национальной безопасности, и формы применения воинских формирований в операциях на территории иностранных государств, в том числе проводимых без санкции СБ ООН.

На Корейском полуострове под предлогом защиты от северокорейской ядерной угрозы США начали строительство базы противоракетной обороны THAD в Южной Корее, что было расценено КНР как угроза ее национальной безопасности. Поэтому Китай ввел санкции против Южной Кореи, вынудив ее обещать не разворачивать далее эту систему ПРО. Главным драйвером новостей в мире почти 2017—2019 гг. были контакты между президентами США и РК и лидером КНДР Ким Чен Ыном. В результате ситуация на Корейском полуострове изменилась в лучшую сторону после примирительного выступления лидера Северной Кореи. После чего стороны провели серию переговоров на высоком уровне. Этому способствовали и переговоры

между Ким Чен Ыном и Д. Трампом, что также способствовало снижению напряженности военно-политической обстановки в регионе.

Обстановка в Латинской Америке и Африке

Основные проблемы латиноамериканских стран лежат больше в политической и экономической плоскости: усиление конкуренции и борьбы за природные ресурсы и низкий контроль за некоторыми территориями. Очень остро стоят вопросы борьбы с незаконным оборотом наркотиков и преступными вооруженными группировками, которые порой контролируют целые районы стран. В регионе на политическую ситуацию влияют спорные территориальные вопросы, которые пытаются решить путем переговоров, при этом страны региона усиленно наращивают мощь вооруженных сил.

В Африке основной угрозой стабильности ВПО в регионе по-прежнему является Ливия, где продолжается вооруженный конфликт между сторонниками и противниками радикальной исламизации при участии местных племен. Во многих других частях континента действуют экстремистские группировки, которые занимаются контрабандой наркотиков и оружия, незаконной миграцией.

В целом, анализ нынешнего состояния ВПО в мире показывает, что в на развитие стратегической обстановки в его регионах будут влиять следующие факторы: расширение состава и зоны ответственности НАТО; разработка глобальной системы ПРО США; перспективы развития негативной ситуации на Ближнем Востоке и расширение «ядерного клуба». При этом необходимо отметить, что нынешняя ситуация на западных, южных и восточных границах РФ не имеет узкорегionalного характера. Она определяется целым узлом противоречивых проблем широкого международного плана, в том числе и в контексте стратегических отношений Россия—Запад. Результаты анализа современной ВПО позволяют сформулировать тенденции их развития на Западе, Юге и Востоке РФ и сделать следующие выводы.

Во-первых, анализ тенденций мирового развития свидетельствует о высокой динамичности ВПО в регионах мира. Происходящие международные процессы многогранны по своему характеру и являются всеохватывающими по своим масштабам. Продолжается эволюция ключевых мировых институтов и межгосударственных отношений в целом. В то же время сохраняет свою актуальность возможность применения рядом стран или их коалициями военной силы для реализации собственных интересов. В целом глобальная ситуация в мире и тенденции ее развития свидетельствуют, что угрозы безопасности РФ будут носить комплексный характер и могут возникнуть по всему периметру ее границ.

Во-вторых, в перспективе в регионах мира сохранится большое количество противоречий, обострение которых может привести к военным кон-

фликтам различного масштаба. При этом наиболее взрывоопасной является ситуация в Южно-Европейском регионе, где эскалация существующих военно-политических конфликтов потенциально может привести к вооруженному противостоянию РФ и ее союзников с НАТО и распространению военных действий в другие районы Европы и Азии. Военно-политическая и стратегическая обстановка там будет развиваться под воздействием периодически обостряющихся противоречий между отдельными государствами, а возможно, и группами стран в Центральной и Восточной Европе. При этом НАТО будет настойчиво стремиться играть ведущую роль в урегулировании кризисных ситуаций, используя для этого весь спектр мер, в том числе и военную силу.

В-третьих, на Юге России сохранятся неблагоприятные тенденции развития ВПО, что связано как с нестабильностью ситуации в центрально-азиатских государствах и дальнего зарубежья, так и с внутренними проблемами РФ. В развитии военно-политической обстановки в регионе будет доминировать тенденция к обострению как межгосударственных, так и внутригосударственных противоречий. При этом развитие ситуации будет происходить под пристальным вниманием западных государств, и прежде всего США, руководство которых стремится сохранить и усилить свой контроль за добычей и транспортировкой энергоносителей на мировые рынки.

В-четвертых, решающее влияние на развитие военно-политической и военно-стратегической обстановки на Востоке РФ будет оказывать стремление США и Японии оттеснить Россию от решения крупных региональных военно-политических проблем. Сохранятся и противоречия между отдельными странами АТР, возникшие на почве нерешенных социально-политических, экономических, территориальных, национально-этнических и других проблем и обуславливающие обострение существующих, а также возникновение новых межгосударственных и внутренних конфликтов.

В-пятых, ключевыми факторами, сдерживающими экономический рост РФ, в среднесрочной перспективе будут низкие цены на энергоносители, а также ограничение доступа к передовым западным технологиям и внешним кредитным ресурсам. Главной целью Запада останется обострение социально-политической ситуации в РФ в интересах формирования условий для слома существующей системы государственной власти в России.

Угрозы для безопасности РФ в среднесрочной перспективе

Как уже отмечалось, ВПО в мире меняется весьма стремительно, и не в лучшую сторону. Это вызывает естественное стремление всех членов мирового сообщества наиболее эффективным способом обеспечить свою

безопасность и гарантировать защиту национальных интересов. Также необходимо отметить возрастание в международных отношениях роли коалиционной политики и постепенный отход от политики нейтралитета и не-присоединения. Наиболее наглядно это проявляется в том небывалом по политической активности процессе, в котором уходят в прошлое однородные блоки и союзы, формируются новые центры силы, вокруг которых группируется большая часть стран мирового сообщества. Возрастает роль и негосударственных участников системы международных отношений в определении характера внешнеполитических приоритетов различных государств мира. НПО, международные движения и сообщества, межгосударственные и неформальные «клубы» оказывают широкое, порой противоречивое воздействие на политику отдельных стран. Кроме того, существенное влияние на состояние военной безопасности в регионах мира оказывают различные объединения экстремистского толка на фоне возрастающего разрыва в экономическом развитии между странами мирового сообщества, расширения межэтнических и религиозных противоречий.

Внешние угрозы и вызовы России постепенно утрачивают чисто военную направленность и все более приобретают комплексный характер за счет усиления негативного воздействия военно-технических, военно-экономических, информационных и других внешних вызовов. Их спектр формируется под воздействием конкретного развития ВПО в мире и в его регионах. Вместо существовавшей ранее открытой угрозы крупномасштабного (в том числе ядерного) столкновения появились множество угроз локального характера, который менее предсказуемы. В связи с этим наметилась тенденция расширения конфликтного пространства и распространения его на зоны жизненно важных интересов России. Изменившиеся источники угроз — как внутренние, так и внешние, могут стремительно трансформироваться в военные конфликты с возможностью их эскалации, особенно при неудачном исходе их разрешения на начальном этапе. Другая группа военных угроз безопасности России связана с наличием потенциальных и реальных очагов вооруженных конфликтов в непосредственной близости от ее границ.

К особой группе военных угроз РФ следует отнести деятельность международных террористических организаций, которая стала долговременным фактором современной политической жизни, превратившись в одну из самых серьезных проблем человечества. В случае ослабления противодействия террористам существует опасность их объединения с целью дальнейшей дестабилизации ситуации в кризисных регионах мира.

Всесторонний анализ данной проблемы и условий, в которых она развивается, позволяет сделать вывод о дальнейшем усилении агрессивности терроризма, увеличении его потенциала и роста профессионального уровня

Рис. 1.2. Уровень террористической активности в регионах мира.
Источник: URL: <http://900igr.net/up/datai/148895/0003-002-.png>

международного терроризма за счет приобретения опыта проведения крупномасштабных акций в регионах мира, совершенствования подготовки террористов за счет активного использования наемничества, тесного смыкания политических террористических структур с преступными сообществами, а также использования ими принципиально новых форм политического противоборства на современном этапе. При этом пропагандистским прикрытием подобных акций часто является широкое распространение лозунгов «национально-освободительной борьбы» (рис. 1.2).

В таких документах, как «Концепция национальной безопасности», преобразованная в 2015 г. в «Стратегию национальной безопасности до 2020 г.»⁴ и Военная доктрина РФ⁵ подробно излагаются угрозы и вызовы национальным интересам России в ближайшей и среднесрочной перспективе. Они детализируются в ведомственных документах государственных структур, ответственных за принятие мер по защите национальных интересов России, и определяются конкретные направления и меры противодействия этим угрозам и вызовам (они, как правило, носят закрытый характер). И в зависимости от складывающейся военно-стратегической обстановки в мире и в ее регионах они периодически уточняются.

Также следует отметить, что в XXI в. изменился и сам характер вооруженной борьбы (рис. 1.3).

Рис. 1.3. Изменение характера вооруженной борьбы в XXI в.

Источник: URL: http://bintel.com.ua/uploads/images/radkovets/gibrid-pol-8_min.jpg

Угрозы информационной безопасности Российской Федерации

Основной угрозой информационной безопасности для РФ являются планы ряда стран Запада, и прежде всего США, использовать свое превосходство над Россией, полученное в результате отрыва в организации и технологиях ведения информационной борьбы в едином глобальном информационном пространстве⁶.

В настоящее время в США активизировано проведение работ, направленных на реализацию национальной информационной стратегии. Ее цель — обеспечить подавляющее информационное превосходство путем навязывания информации, побуждающей высшее военно-политическое руководство других стран принимать выгодные для США решения. Ключевыми элементами в деле достижения целей национальной информационной стратегии является управление восприятием целевой аудитории и формирование «общественного мнения» путем манипулирования информацией. Основная форма достижения поставленных целей — ненасильственные действия и инициирование «цветных» революций. Эти цели США будут достигаться путем ведения стратегического информационного противоборства с использованием атакующего информационного оружия воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание граждан России. Также продолжается рост числа систем спутниковой связи и совершенствование их технических характеристик. За последние годы резко возросло

число операторов спутниковой связи. При этом ряд официальных документов США закрепляет приоритет этой страны в космосе. Россия пока не может в полном объеме восполнить орбитальную группировку спутников связи и глобального позиционирования, что существенно сказывается на оперативности доведения приказов и распоряжений, а низкий срок службы космических аппаратов на орбите делает российскую связь малоприспособленной для использования в чрезвычайных условиях.

За последние годы резко на Западе возросло количество средств специального программно-математического воздействия на ресурсы информационных систем, при этом эти средства с развитием глобальных сетей стали широко доступны, что ведет к росту числа хакерских атак на информационные системы Министерства обороны и федеральных органов власти РФ. Во много раз увеличилось количество компьютерных вирусов, а существующая антивирусная промышленность уже не в полной мере справляется с возросшей нагрузкой. Также продолжается неконтролируемый рост масштабов глобальных информационных сетей. Ситуация в глобальных информационных сетях уже во многом вышла из-под контроля ее создателей. Ежемесячно в Сети появляются сайты различных радикальных группировок и др.

В совокупности применение различных форм и способов ведения информационной войны США против России обуславливает рост угроз для ее информационной безопасности (рис. 1.4).

В целом, содержание угроз военной безопасности РФ на среднесрочную перспективу будет характеризоваться следующим образом.

Рис. 1.4. Источник: URL: <http://900igr.net/up/datas/182344/016.jpg>

Северо-Западное стратегическое направление (СЗСН)

До недавнего времени на этом направлении позитивным фактором выступал оборонительный характер военных доктрин северных соседей России — Норвегии, Швеции и Финляндии. Однако после ноябрьского саммита НАТО (2002 г.) эти страны заговорили об отходе от своих принципов и вероятном вступлении в ряды альянса. Особую озабоченность России вызывает военная активность США и НАТО на севере Норвегии и в омывающих ее морях, где периодически проводятся учения и маневры типа «Джойнт Винтер» и «Нордик Пис». Одновременно с этим усиливается военная активность на Шпицбергене — архипелаге, переданном в 1920 г. под суверенитет Норвегии «на особых условиях», одним из которых является его демилитаризованный статус. Повышенное внимание США к Арктическому бассейну не случайно, ибо это один из наиболее вероятных районов боевых операций ее подводных лодок в случае военного конфликта с Россией. В составе ВМС США около 30 субмарин, которые уже приспособлены к действиям подо льдами и ежегодно совершают арктические походы.

Усугубляющим фактором появления военных угроз для России на этом направлении являются проблемы прибалтийских стран с Россией. На почве нерешенных территориальных проблем и ущемления прав русскоязычного населения в Эстонии и Латвии может возникнуть военно-политическое противостояние России и стран НАТО с оказанием политического и силового давления на РФ, вплоть до блокирования ее военного и торгового флота в акваториях Баренцева и Балтийского морей. Так, вступление в НАТО Литвы способствовало изоляции группировки российских войск в Калининградской области силами альянса на суше и с моря, что существенно ухудшило стратегическое положение России в Балтийском бассейне. Это в свою очередь привело к качественному изменению военно-стратегической ситуации в регионе в целом.

Однако в ближайшей перспективе возникновение прямой военной агрессии против России на СЗСН является маловероятным.

Западное стратегическое направление (ЗСН)

Наибольшую опасность для России представляет Североатлантический союз и его вооруженные силы. Мероприятия военно-политического руководства блока будут по-прежнему направлены на превращение альянса в единственную организацию, способную диктовать свои военно-политические и экономические требования не только в Европе, но и за ее пределами. При этом наряду с повышением политической активности руководство блока значительное внимание будет уделять укреплению военной составляющей альянса⁷.

С присоединением к НАТО стран — кандидатов третьей очереди его боевой потенциал может возрасти еще в 1,5 раза. Поэтому дальнейшая реализация планов продвижения НАТО на Восток, при определенных условиях, будет означать для России значительное повышение уровня потенциальной военной опасности. При этом расширение НАТО имеет многовекторную направленность: включение новых стран в НАТО увеличивает возможности США и других ведущих держав альянса оказывать политическое и военное давление на Россию с южного, юго-западного, западного и северо-западного направлений; их давление на РФ может рассматриваться как попытка шантажа, осуществляемого без непосредственного применения военной силы в целях достижения интересов альянса.

Что касается постсоветского пространства этого направления, то одним из наиболее взрывоопасных регионов помимо Украины продолжает оставаться Приднестровье, с учетом того, что Молдавия все более ориентируется на Запад, а Россия в соответствии с взятыми на себя обязательствами вовлечена в процесс урегулирования этого конфликта. В этих целях Вашингтон готов рассмотреть комплекс мер против Тирасполя, вплоть до использования альянсом силы для ликвидации фактической независимости Приднестровья⁸. В настоящее время Евросоюз заявил о себе как о мощном политическом объединении государств, имеющих, с одной стороны, национальные вооруженные силы, а с другой — 60-тысячный корпус объединенных СБР. Их создание может рассматриваться в качестве первого шага, направленного на уменьшение в перспективе военно-политического присутствия США в Европе и ослабление роли НАТО. Свидетельством этого

- Возможные территориальные претензии к государствам Содружества (к Беларуси — со стороны Польши; к Украине — со стороны Польши, Словакии, Венгрии, Румынии);
- Возможные территориальные противоречия России с Финляндией (из-за части Карелии), Норвегией (из-за проблемы разграничения арктических вод в Баренцевом море);
- Возможные территориальные противоречия России с Эстонией (из-за территории Кенгисепского района Ленинградской области и Печорского района Псковской области), Латвией (из-за города Пыталово и прилегающего района Псковской области), Литвой (из-за местности в районе озера Выштитис, Куршской косы и города Советска).

Рис. 1.5. Угрозы безопасности России на ЗСН.

Источник: URL: <http://mypr.esentation.ru/documents/1524fa92503>

являются серьезные разногласия США с ведущими европейскими странами, в числе которых находятся пять стран-организаторов евроармии.

В перспективе к возможным угрозам РФ на ЗСН можно отнести: территориальные претензии к России и странам СНГ со стороны приграничных государств; и противоречия России с Норвегией и Финляндией и прибалтийскими странами (рис. 1.5).

Тем не менее, развязывание военных действий на этом направлении, как результат прямой конфронтации России со странами НАТО, является маловероятным.

Юго-Западное стратегическое направление (ЮЗСН)

На этом направлении военная опасность для РФ будет исходить, прежде всего, от нестабильности процессов разрешения территориальных, национально-этнических и конфессиональных споров в республиках Закавказья, перераспределения сфер влияния между традиционными и вновь образующимися центрами силы, участвующими в распределении нефти и газа Каспийского бассейна.

В Вашингтоне считают, что для бывших советских республик Анкара должна под вывеской «тюркской солидарности», ориентированной на учет азиатской специфики, стать проводником прозападного курса. Растущую озабоченность представляет проблема судоходства российских крупнотоннажных танкеров в Босфоре и Дарданеллах.

Разрастание проблем Анкары, связанных в первую очередь с США по поводу сближения с Россией, также может вызвать виток эскалации напряженности в регионе. Это, в свою очередь, отразится и на ряде стран Закавказья.

■ Очаги вооруженных конфликтов в Чечне, между Грузией и Абхазией, Южной Осетией, Арменией и Азербайджаном;
■ Возрастание экстремистских происламских настроений в Закавказье и среднеазиатских государствах СНГ;
■ Внутриафганские противоречия, ситуация вокруг Ирака, курдская проблема, спор между Индией и Пакистаном из-за Кашмира, арабо-израильское противостояние;
■ Появление ядерного оружия и средств его доставки у Пакистана и Индии.

Рис. 1.6. Угрозы безопасности России на ЮЗСН.

Источник: URL: <http://mypresentation.ru/documents/1524fa92503>

зья, занимающих в последнее время проамериканскую позицию. Их готовность стать членами НАТО и разместить на своей территории базы альянса можно рассматривать как стремление разрешить свои территориальные споры силовым путем. В случае вовлечения Грузии и Азербайджана в процесс расширения НАТО Россия может оказаться перед фактом формирования геостратегического коридора для прямого выхода стран НАТО в район Каспийского моря и Центральной Азии, что является непосредственной военной угрозой военной безопасности России (рис. 1.6).

Таким образом, наибольшую опасность на этом направлении для безопасности России могут представлять эскалация конфликтов в Закавказье, вступление Грузии в НАТО и силовое решение проблем присоединения Южной Осетии, Абхазии к Грузии и Нагорного Карабаха к Азербайджану. Поэтому нельзя исключать возможность втягивания России в эти конфликты для выполнения своих союзнических обязательств по оказанию помощи своим союзникам по ОДКБ⁹.

Центральноазиатское стратегическое направление (ЦАСН)

В настоящее время ВПО в Центральной Азии остается сложной. Именно отсюда исходят основные угрозы безопасности России, связанные с региональной нестабильностью, экспансией радикального ислама, международным терроризмом, распространением наркотиков и неконтролируемой миграцией. А активизация в последнее время деятельности исламских экстремистов в Афганистане свидетельствует о неспособности ВС США обеспечить необходимый уровень безопасности в этой стране. Одновременно усиливается влияние США на центральноазиатские республики. Они ищут надежного союзника рядом с Каспийским морем, в районе с большими запасами нефти и газа, что позволяет Вашингтону не только готовить операцию против Ирака с этого направления, но и контролировать ЦА.

Основной опасностью на ЦАСН остается активизация и распространение исламского экстремизма, особенно в южных районах РФ и прилегающем к ним постсоветском пространстве, где преобладает мусульманское население. Всплеск национального экстремизма наиболее показателен на примере Ферганской долины, расположенной на территории Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. В настоящий момент здесь во главе радикального движения стоит партия «Хизб ут-Тахрир», ставящая своей конечной целью создание на территории бывших советских среднеазиатских республик исламского халифата. Деятельность уйгурских исламских организаций также грозит стать источником вооруженного конфликта с вовлечением в него Китая и центральноазиатских республик. На сегодняшний день уйгурские сепаратисты действуют на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР с целью создания там независимого государства Уйгурстан.

Положение осложняется и тем, что на территории ЦА (главным образом, в Киргизии и Казахстане) живет около 400 тыс. уйгуров, многие из которых поддерживают «борьбу за свободу» своих соплеменников по ту сторону границы.

Таким образом, дальнейшее возрастание роли радикального ислама на ЦАСН способствует усилению противопоставления ислама другим конфессиям в районах, где преобладает мусульманское население, сепаратистских тенденций на национально-религиозной почве на этом пространстве. Тем не менее, втягивание России в этно-конфессиональные вооруженные конфликты на этом направлении является маловероятным.

Дальневосточное стратегическое направление (ДвСН) и Сибирское стратегическое направление (СибСН)

С геополитической, военной и экономической точек зрения самой уязвимой частью РФ является Дальневосточное стратегическое направление. Демографическая экспансия Китая (в Приморье, Забайкалье, Амурскую область и в др.), его динамичное превращение в мощную в военно-экономическом отношении мировую державу могут обусловить возникновение угрозы военной безопасности России в случае обострения отношений между Москвой и Пекином, что в настоящее время маловероятно.

Особое влияние на формирование ситуации в регионе оказывает и Япония, которая традиционно следует в фарватере внешней и военной политики США. Одновременно японское руководство всячески стремится повысить свой региональный и международный статус на фоне растущей мощи другого претендента на лидерство в АТР — Китая.

Несмотря на прогресс в развитии двусторонних отношений, Россия и Япония все еще далеки от заключения мирного договора, как это предлагал В. Путин на Дальневосточном форуме в 2018 г., и решения территориальной проблемы Курильских островов. Японская сторона будет по-прежнему стремиться использовать экономические возможности, чтобы добиться уступок в вопросе окончательного территориального разграничения. Однако передача островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, а также Малой Курильской гряды представляет угрозу территориальной целостности России, а в геополитическом плане превратит Охотское море в замкнутый водоем, поскольку ВМФ, базирующийся в портах Охотского моря, будет отрезан от Тихого океана.

Тем не менее, в настоящее время непосредственная угроза военной безопасности России со стороны Японии отсутствует, однако наличие комплекса неблагоприятных факторов для РФ обуславливает потенциальную возможность силового давления на Россию со стороны Японии. Этому способствует военно-политический союз с США, качественное наращивание

боевых возможностей японских вооруженных сил, что при определенных обстоятельствах может привести к трансформации территориальных и других противоречий в военную угрозу со стороны Японии.

Что касается Сибирского стратегического направления, то это часть российской территории от Сибири до Дальнего Востока, богатая практически всеми видами сырья и энергоресурсов и обладающая огромными массивами тайги. На Сибирь и Дальний Восток приходится 1/2 мировых запасов угля и почти 1/3 — нефти и газа. При этом большая часть Восточной Сибири представляет относительно слабое звено в геополитической и экономической структуре России, что в первую очередь связано со слабо развитой и нестабильной экономикой при мощной ресурсной базе, растянутостью транспортных коммуникаций, а также низкой плотностью трудоспособного населения региона.

Это способствует активизации миграции, в том числе и нелегальной, китайского населения на территорию РФ, и в первую очередь в Забайкалье и на Дальний Восток. При этом Монголия не стремится к расширению своей территории и проводит традиционную дружественную политику в отношении России.

Что касается Китая, то в перспективе сохранится и при определенных условиях может усилиться вероятность применения КНР ее вооруженных сил для утверждения китайского суверенитета над островными территориями в Южно-Китайском (Парасельские острова и Спрагли) и Восточно-Китайском (остров Сенкаку) морях. При этом в китайской политике в отношении России доминирующим является стремление к дальнейшему развитию политических, торгово-экономических и военных связей. Однако, несмотря на позитивное в целом развитие отношений, в них сохраняются некоторые негативные моменты, противоречащие национальным интересам РФ. Китайское руководство продолжает проводить в ее отношении сугубо прагматический курс, добываясь односторонних выгод и преимуществ в экономической и в военно-политической областях.

Корейский полуостров по-прежнему остается серьезным очагом напряженности в регионе. США и Япония фактически не заинтересованы в образовании единого сильного корейского государства, которое может стать для них серьезнейшим экономическим конкурентом, а в перспективе — и мощной военно-политической силой.

Таким образом, в перспективе к возможным угрозам РФ на этих направлениях можно отнести: претензии Японии, США и Китая на их доминирующее значение в регионе и хищническое разграбление морских ресурсов РФ; территориальные претензии Японии на принадлежащие России острова и Южный Сахалин; потенциальный военный конфликт на Корейском полуострове между Северной и Южной Кореей с столкновением там

<ul style="list-style-type: none"> ■ Претензии со стороны Японии, Китая и США на доминирующее значение в регионе, хищническое разграбление морских богатств;
<ul style="list-style-type: none"> ■ Территориальные претензии Японии на принадлежащие России острова Итуруп, Кунашир, Шикотан, Хабомаи и остальные Курильские острова и Южный Сахалин;
<ul style="list-style-type: none"> ■ Военный конфликт между Северной и Южной Кореей с возможным столкновением интересов США, Китая и России;
<ul style="list-style-type: none"> ■ Территориальные претензии Китая на часть Читинской и Амурской областей, Хабаровского и Приморского краев;

Рис. 1.7. Угрозы безопасности России на ДвСН и СибСН.

Источник: URL: <http://mypresentation.ru/documents/1524fa92503>

интересов Китая, США и России; территориальные претензии Китая на ряд областей Российской Федерации в Приморье, Забайкалье, Амурской области и в других районах Дальнего Востока (рис. 1.7).

В настоящее время основную опасность на этих направлениях представляет демографическая экспансия Китая и иных государств в приграничные районы России и в глубь Сибири вплоть до Урала. А низкая плотность населения, отсутствие рабочей силы и финансовых вливаний из Центра, «тихая» экспансия Китая в районы Дальнего Востока ведут к усилению экономического и политического дисбаланса между восточной и западной частями России, а также превращению этого региона в сырьевой придаток стран АТР. Вместе с тем участие России в каких-либо конфликтах на этих направлениях маловероятно, включая на Корейском полуострове.

В целом, комплексный анализ вероятности и содержания угроз для военной безопасности РФ на среднесрочную перспективу позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, в настоящее время мировое развитие характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных отношений. Происходит поэтапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения. Неурегулированными остаются многие региональные конфликты и сохраняются тенденции к их силовому разрешению, в том числе в регионах, граничащих с РФ. Существующая архитектура международной безопасности не обеспечивает равной безопас-

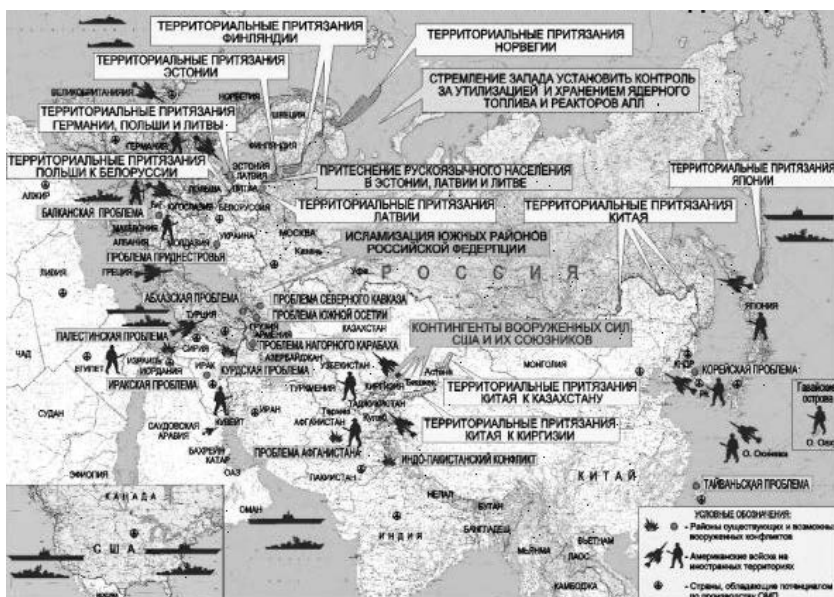

Рис. 1.8. Обобщенные угрозы военной безопасности России.

Источник: URL: http://mypresentation.ru/documents_5/bb18186205739009fd0f0/

ности всех государств. Наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу РФ. При этом, несмотря на снижение вероятности развязывания против России крупномасштабной войны, на ряде направлений военные опасности для России усиливаются. В обобщенном виде эти угрозы выглядят следующим образом (рис. 1.8).

Во-вторых, к основным внешним военным опасностям РФ относятся¹⁰:

наращивание силового потенциала НАТО и надделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение ее военной инфраструктуры к границам России, в том числе путем дальнейшего расширения блока;

дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах и подрыв глобальной и региональной стабильности, наращивание воинских контингентов иностранных государств на территориях стран, сопредельных с РФ и ее союзниками, а также в прилегающих акваториях, в том числе для политического и военного давления на Россию;

развертывание систем стратегической ПРО, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, намерение разместить оружие в космосе, а также развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

территориальные претензии к РФ и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела и нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области запрещения, ограничения и сокращения вооружений;

применение военной силы на территориях государств, сопредельных с Россией и ее союзниками, в нарушение Устава ООН и других норм международного права и растущая угроза глобального терроризма и экстремизма, их новых проявлений в условиях недостаточно эффективного международного сотрудничества, реальная угроза проведения терактов с применением радиоактивных и токсичных химических веществ, расширение масштабов транснациональной организованной преступности, прежде всего незаконного оборота оружия и наркотиков;

возникновение очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок, иностранных частных военных компаний в районах, прилегающих к государственной границе РФ и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и экстремизма в отдельных регионах мира;

использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности РФ и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности;

установление в государствах, сопредельных с Россией, режимов, в том числе в результате свержения легитимных органов государственной власти, политика которых угрожает интересам РФ, и подрывная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств и их коалиций против России.

В-третьих, в настоящее время НАТО не рассматривает возможность ядерной или обычной войны против России в качестве реалистического сценария. Такая угроза не может считаться реалистичной до тех пор, пока есть возможность использовать российское ядерное оружие в ответ на применение военной силы со стороны Североатлантического альянса. Поэтому угрозу безопасности России, вызванную расширением НАТО, не следует рассматривать буквально как подготовку войне. Тем не менее, это расшире-

ние представляет для РФ угрозу военно-стратегического характера. В результате дальнейшего расширения альянса происходит утрата Россией стратегического предполья, что коренным образом меняет подход к обороне страны. В этом же контексте необходимо рассматривать отработку НАТО документов, предусматривающих возможность использования силы в постсоветском пространстве.

1.2. Применение Соединенными Штатами форм и способов действий в рамках гибридной войны против России и Китая

Концепция ведения гибридной войны на международной арене

Главной целью своего президентства Д. Трамп избрал лозунг «Вернем Америке былое величие!», что в сфере геополитики по существу означает — сохранение доминирования Соединенных Штатов в мировых делах. Поэтому для усиления своего влияния на другие государства мира США будут продолжать широко использовать методы гибридной войны и иные действия с целью удержания их на своей орбите, чтобы сохранять однополярный мир под эгидой Вашингтона. Против тех стран, которые заявляют о необходимости создания многополярного мира и проводят независимую от Соединенных Штатов политику, Вашингтон будет продолжать использовать методы информационной войны с целью скомпрометировать эти государства в глазах мирового сообщества. А для смены политических режимов в «неудобных» для Соединённых Штатов государствах может быть использована стратегия непрямых действий. Реализуя ее, США демонстрируют готовность использовать военную силу, часто пренебрегая нормами международного права.

Для этого в США и НАТО активно ведутся исследования концепции ведения «гибридной войны» и «стратегии непрямых действий» против ряда государств, включая Россию и Китай, и в других странах регионов мира, которые находятся в так называемой «серой зоне» как стратегической среды, в которой международная система реформируется под правила нужного Вашингтону миропорядка¹¹.

Согласно версии бывшего советника НАТО, генерал-майора ван Каппена гибридная война — «это смешение классического ведения войны с использованием нерегулярных вооруженных формирований. Государство, которое ведет эту войну, совершает сделку с ее негосударственными исполнителями — боевиками, группами местного населения, организациями, связ

с которыми формально Вашингтоном полностью отрицается. Эти исполнители могут делать такие вещи, которые США делать не могут, так как они как государство обязаны следовать Женевской и Гаагской конвенциям о законах сухопутной войны и договоренностям с другими странами. Таким образом, всю грязную работу можно переложить на плечи негосударственных формирований»¹². Так, по мнению подполковника Корпуса морской пехоты США Б. Неметта, «гибридная война» — это современный вид партизанской войны, который объединяет современные технологии и современные методы мобилизации.

Иных формулировок гибридной войны также изобретено множество и на тему западными экспертами написаны десятки книг. Поэтому анализ практики многих конфликтов современности и некоторые научные разработки позволяют рассматривать «цветные революции» в качестве важной составной части «гибридных войны» США.

В целом в военно-политическом контексте это понятие может объединять широкий диапазон действий, осуществляемых государством-агрессором с использованием военных и иррегулярных формирований с одновременным привлечением гражданских компонентов. В работах западных экспертов встречается близкое к этому понятие «войны управляемого хаоса». Широкое распространение получило также понятие «гибридные угрозы», которые определяются как угрозы, создаваемые противником, способным адаптивно использовать традиционные и нетрадиционные средства для достижения собственных целей.

Таким образом, по мысли американских стратегов, гибридная война — это форма военных действий с вовлечением в конфликт разнородных по составу, средствам, уровню и характеру подготовки сил. Их суть сводится к усилению влияния на подготовку, ход и исход гибридной войны как военной, так и иррегулярной составляющих контингента с одновременным привлечением потенциала гражданских компонентов (рис. 1.9).

Из научных статей понятие «гибридных войн и угроз» «перекочевало» в некоторые официальные и рабочие документы США и НАТО. Например, в п. 13 Итоговой декларации саммита НАТО, состоявшегося в Шотландии, впервые на официальном уровне говорится о необходимости готовить альянс к участию в гибридных войнах/hybrid warfare. По мнению специалистов альянса, такие войны включают в себя проведение широкого спектра прямых боевых действий и тайных операций, осуществляемых по единому плану вооруженными силами, партизанскими и другими иррегулярными формированиями. При этом понятие «гибридные угрозы» объединяет широкий диапазон враждебных обстоятельств и намерений, таких, как кибервойна, сценарии асимметричных конфликтов низкой интенсивности, глобальный терроризм, пиратство, незаконная миграция, коррупция, этнические и ре-

Рис. 1.9. Гибридная война по взглядам стратегов США.
Источник: URL: <http://rubicon.org.ua/images/stati/gibrid.jpg>

лигиозные конфликты, безопасность ресурсов, демографические вызовы, транснациональная организованная преступность, проблемы глобализации и распространение ОМУ. В концепции НАТО, получившей название NATO's Bi-Strategic Command Capstone Concept (2010), гибридные угрозы определяются как угрозы, создаваемые противником, и используются одновременно и согласованно.

В интересах совершенствования способности союзников США противостоять гибридным угрозам в этом документе содержится требование наладить тесную координацию между министерствами внутренних дел, привлекать силы полиции и жандармерии для пресечения нетрадиционных угроз, связанных с пропагандистскими кампаниями, кибератаками и действиями местных сепаратистов. Проведение учений для отработки действий в гибридной войне считается одним из приоритетов альянса. В Латвии, в частности, для целей подготовки и координации таких учений создан специальный центр (Strategic Communications Centre of Excellence). Важным шагом альянса по подготовке к войнам нового типа является и решение о формировании в их составе Сил быстрого развертывания (СБР/Very High Readiness Joint Task Force), находящихся в 48-часовой готовности к действию. Наряду с подразделениями сухопутных войск СБР, в их составе планируется иметь

авиацию и силы флота. Их комплексный состав позволяет предположить, что это формирование может привлекаться для решения двух принципиально разных задач. Одна из них будет заключаться в предотвращении диверсионно-разведывательных действий противника в угрожаемый период и борьбе с иррегулярными формированиями на собственной территории. Другая задача состоит в организации подрывной работы на территории противника за счет создания иррегулярных сетевых структур с привлечением заранее созданных людских и материальных ресурсов.

Российские специалисты Ю.Н. Балувевский и М.М. Хамзатов¹³ еще в 2014 г. предупреждали, что эти действия изначально предполагают согласованные точечные воздействия по ключевым элементам системы национальной безопасности противника на всей его территории разнородными тактическими группировками, управляемыми из единого стратегического центра.

Театры действий гибридной войны

Американский военный теоретик Э. Люттвак отмечал парадоксальную логику стратегии гибридной войны, заключающейся в том, что стратегия воплощает сразу несколько, казалось бы, противоречивых истин. Так, гибридная война, как и традиционные войны, ведется на территории одного государства или региона, включающего несколько государств. В определенных случаях гибридная война может принять глобальный характер и охватывать театр войны.

В данном случае театр войны — территория какого-либо одного континента с прилегающими к нему океанским (морским), воздушным и космическим пространством, на котором могут быть развернуты или ведутся военные действия отдельными враждующими государствами или коалициями государств. Категории театра войны в мирное время используются при стратегическом планировании, а в военное время они выступают как военно-географическая реальность. При этом состав и границы театра войны устанавливаются военно-политическим руководством каждого государства — участника гибридной войны исходя из стратегических задач, вытекающих из общего плана войны и учета политического, экономического, географического и собственно военного факторов.

В границы театра военных действий (ТВД) входит территория государства-жертвы с прилегающими приграничными зонами. Эти зоны включают территории союзников и партнеров, которые используются государством-агрессором на различных этапах гибридной войны. В зависимости от конкретно сложившихся условий военно-политической обстановки масштаб, роль и значение театра действий гибридной войны может меняться.

Рис. 1.10. Основные составляющие гибридной войны по взглядам США.

Источник: URL: <https://cont.ws/uploads/pic/2016/9/Слайд2.JPG>

В случае ведения гибридной войны против отдельного государства или группы государств, то она будет проходить в «серой зоне», которую следует рассматривать как ТВД, на котором развивается гибридный военный конфликт, основные характеристики которого исследованы в отечественных и американских публикациях (рис. 1.10).

Важное значение для успешного проведения операций гибридной войны имеет подготовка ТВД, которая проводится по определенному плану еще в мирное время и совершенствуется в ходе войны. При этом содержание ее подготовки определяется спецификой гибридной войны как интегратора военных и невоенных форм, средств, методов и технологий борьбы, используемых в современных многомерных конфликтах для получения политических, экономических, военных, информационно-психологических преимуществ действий в период, который невозможно в чистом виде отнести ни к войне, ни к миру. Мероприятия, предусмотренные стратегиями и контрстратегиями гибридной войны, осуществляются на ТВД задолго до начала активной фазы действий.

Ярким примером продуманной заблаговременной подготовки серой зоны в рамках ТВД на юго-восточных рубежах России является целенаправленная деятельность США и НАТО на Украине. Работа по подготовке инфраструктуры гибридной войны и превращения этой страны в плацдарм агрессии против России развернулась с первых лет после провозглашения независимости и продолжается до сих пор как на уровне элит, так и «в поле». К опорным элементам этой инфраструктуры в информационно-коммуникационной сфере следует отнести: Центр информации и документации НАТО, Офис связи НАТО—Украина¹⁴, Институт евро-атлантического со-

трудничества, Межпарламентский совет Украина—НАТО¹⁵, Институт трансформации общества с собственным сетевым холдингом, Общественная лига «Украина—НАТО» и др.

На средства американского Национального фонда демократии также были учреждены 15 региональных центров евро-атлантической интеграции, преимущественно с охватом юго-востока и севера Украины. Такая тактика укладывается в общую канву информационной работы западных НПО на Украине, где особое внимание уделяется традиционно пророссийским регионам. Созданные сетевые структуры при прямой поддержке дипломатов ряда западных государств уже неоднократно активно вмешивались в события на Украине в 2004 г., а также в конце 2013—2014 гг. и по настоящее время с целью создания обстановки «управляемого хаоса» и фактического перевода страны под внешнее управление.

Одной из центральных задач этих мероприятий, проводящихся в некоторых других государствах постсоветского пространства, также является подрыв влияния России, ослабление ее экономических, культурных и военных связей, создание условий для создания подрывных «клиньев» гибридной войны внутрь российской территории.

При этом стратегия гибридной войны нацелена на изнурение страны-жертвы и предполагает широкий спектр действий, включающих использование воинских и иррегулярных формирований одновременно с проведением в рамках единого замысла и плана операций по хаотизации экономики, сферы военной безопасности и культурно-мировоззренческой сферы, а также применение кибератак. Государство-агрессор без формального объявления войны тайно атакует структуры государственного управления, экономику, информационную и культурно-мировоззренческую сферу, силы правопорядка и регулярную армию страны-мишени. Затем на определенном этапе разворачиваются военные действия с участием местных мятежников, наемников, частных военных компаний, поддерживаемых кадрами, оружием и финансами из-за рубежа и некоторыми внутренними структурами: олигархами, преступными, националистическими и псевдорелигиозными организациями.

Важная составляющая стратегии — целенаправленное воздействие на сферу военной безопасности государства, чтобы втянуть его в непомерные изнуряющие военные расходы путем провоцирования локальных конфликтов в приграничных районах и стратегически важных регионах, проведения у его границ масштабных военных учений по провокационным сценариям, развертывания дестабилизирующих систем оружия, использования возможностей «пятой колонны» и агентурных сетей. Временные рамки действия стратегии гибридной войны — многие годы.

Комплекс таких действий страны-агрессора формируется по заранее определенному стратегическому замыслу и воздействует на широкий спектр военных и гражданских целей противника, включая население страны-мишени. Конечная цель состоит в подрыве совокупной мощи государства, позиций и влияния правительства внутри страны и на международной арене.

Таким образом, в отличие от других видов угроз комплекс гибридных угроз ориентируется строго на выбранный объект воздействия и имеет четко определенный формат и заранее определенную конечную цель, что представляет собой ядро стратегического замысла операции. Его успешная реализация зависит от наличия источника, способного обеспечить необходимые силы и средства, а также возможности доступа к ним. Такой синергетический эффект применения гибридных средств борьбы обуславливает их особую опасность для всей системы обеспечения национальной безопасности страны — жертвы агрессии.

Он обладает рядом характеристик, обеспечивающих его эффективное применение на всех этапах гибридной войны. Ее комплекс обладает гораздо большей разрушительной силой, чем простая сумма входящих в него действий. «Кумулятивный эффект» от воздействия этого вида обеспечивается реализацией системы комплексных и взаимозависимых подготовительных и исполнительных мероприятий, связанных с координацией деятельности значительного количества участников, действующих на территории страны-мишени и за ее пределами. Успеху способствует и умелое использование факторов, обуславливающих высокую динамику развития обстановки и придания процессам необходимой направленности с использованием как невоенных, так и военных решений. А в основе стратегии гибридных войн лежит целенаправленная работа по прогнозированию и стратегическому планированию.

Западными стратегами разрабатываются и контрстратегии, предназначенные для противодействия и нейтрализации эффективности стратегий войны, избранных противником. При этом ведущая роль в подготовке ТВД отводится созданию условий для разрушительного информационно-психологического и экономического воздействия на противника. Применение не прямых асимметричных действий и способов ведения гибридной войны позволяет лишить противоборствующую сторону фактического суверенитета и навязать свою волю без захвата территории государства военной силой.

Используя невоенные ресурсы, такие, как экономическая мощь, высокий уровень развития технологий, науки и культуры, а также возможности навязывания миру своих политических идеалов и моральных стандартов, США и их партнеры по НАТО в состоянии оказать необходимое влияние на политиков и население страны-мишени без широкого применения традиционных приемов военного давления и принуждения. При этом военная

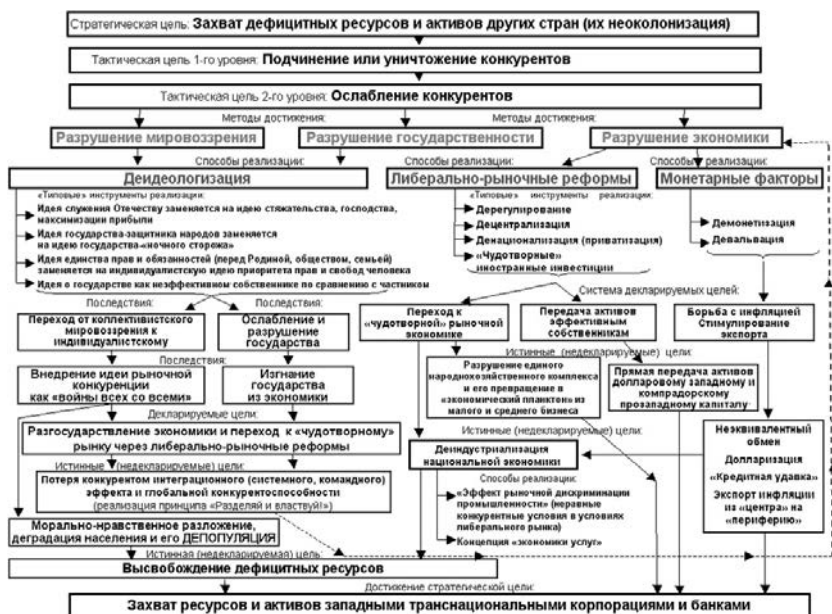

Рис. 1.11. Цели США в рамках борьбы за глобальное лидерство.

Источник: URL: http://img-fotki.yandex.ru/get/6211/163177035/0_7cfbe_19f509a6_XXL

сила, военный потенциал остаются в арсенале коллективного Запада, а угроза их возможного применения служит дополнительным стимулом для удержания многих других государств в русле, определенном Вашингтоном с решительным пресечением попыток идти путем собственных национальных интересов (рис. 1.11).

Не случайно этим целям было быстро найдено место в системе приоритетов национальной стратегии США 2017 г. для использования дипломатических, экономических, политических, военных, юридических и культурологических инструментов несилового воздействия на обстановку в иностранных государствах в целях оказания на нее влияния, отвечающего национальной безопасности США.

Фактор «цветных революций» в гибридной войне

Отдельное место в списке инновационных подрывных технологий в рамках гибридной войны занимают «цветные революции» в рамках технологии управляемого хаоса. Политическим реалиям современности вполне

соответствует формулировка, предложенная политологом А. Манойло: цветная революция — это «технология организации государственного переворота в условиях искусственно созданной политической нестабильности, когда давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а основной движущей силой таранного удара по власти выступает специально организованное протестное движение»¹⁶. Можно добавить, что от политического шантажа противоборствующие стороны переходят к силовым мерам воздействия, реализация которых может привести к развязыванию в стране гражданской войны, в ходе которой применяются технологии упомянутой выше гибридной войны.

Анализируя развитие военно-политической обстановки на Ближнем Востоке, следует заметить, что в этом регионе силами Запада довольно успешно реализуются способы «бескровной» смены власти в рамках «цветных революций» в тех странах, чья политика не устраивает США. Как правило, они включают следующий набор методов и средств их реализации, проводимых последовательно:

проведение по отношению к государству-объекту нападения «стратегии непрямых действий» (скрытая и всесторонняя поддержка антиправительственных движений, размывание единства народных масс за счет информационных провокаций; возвращение прозападных лидеров оппозиции к действующей власти и т. д.);

создание в стране экономических и социальных трудностей (за счет экономических и иных блокад), сеяние розни между партиями, нациями/народностями и конфессиями, искусственное усиление недовольства населения сложившимся положением в государстве;

спонсорство и управление очередной «цветной революцией» при помощи «твиттерных акций». Одновременно используется массированное информационно-психологическое воздействие на международное сообщество с «эффектом CNN» (с призывами — «защитить недовольного властью народа и завоевания демократии», вплоть до применения военной силы;

и, наконец — военное вмешательство в страну — объект агрессии. Особенностью такого вторжения является то, что оно проводится коалиционными силами (дабы «размыть» ответственность за свои деяния) и под прикрытием мандата международных организаций (в частности — ООН).

Как правило, в совокупности таких акций в государствах-объектах «мирной агрессии» к власти приходит режимы, удобные агрессору.

Вследствие «мирной агрессии» против ряда государств на Ближнем Востоке под угрозой стали находиться важные геополитические интересы России в этом регионе. В феврале 2012 г. Россия была на грани от того, чтобы потерять своего стратегического и экономического партнера — Сирию. До этого Москвою были утрачены позиции в Ираке и Ливии, где Запад ис-

пользовал указанные методы и средства, обусловившие политические перевороты в этих странах.

Первоначально в Ираке под предлогом разработки Багдадом ОМУ в ходе военной агрессии было свергнуто правительство С. Хусейна. Америка-но-британская группировка войск, словно на полигоне, наносила удары по военным и гражданским объектам и использовала способы информационно-психологического воздействия на иракскую армию и население. Для придания международной легитимности своим действиям западная коалиция получила мандат ООН (3 месяца спустя после военного вторжения в Ирак).

В результате вторжения было сформировано проамериканское правительство, ОМУ так и не нашли, а С. Хусейн — повешен. Из-за разразившейся междоусобицы между суннитами и шиитами страна оказалась в хаосе и на грани развала, а разработка ее нефтяных недр досталась нефтяным компаниям США и Великобритании. Российские и европейские нефтяные компании, правительства стран которых осуждали военное вторжение в Ирак — остались не удел.

Затем в Египте для смены действующей власти по полной программе был задействован Интернет-ресурс (Twitter, Facebook, Blackberry и Messenger). По электронной почте был распространен план свержения режима Х. Мубарака со спутниковыми фотографиями и схемами дорог, описанием стратегических объектов для штурма: президентский дворец, теле- и радиостанции. Правящий режим не смог удержать власть при беспрецедентном давлении социальных сетей и поднятой ими «улицы».

В Ливии также во всю мощь были задействованы информационные технологии. Twitter и Blackberry завели и активно использовали микроблоги на фарси, чтобы проводить информационно-психологическое воздействие на ливийцев. Вследствие этого, а также невмешательства России и Китая в грубое нарушение Западом резолюций СБ ООН по применению военной силы правящий режим Джамахирии был свергнут, а М. Каддафи — убит. В итоге Россия потеряла еще одного важного экономического партнера на Ближнем Востоке.

После этих событий Сирия заняла одну из ключевых позиций в регионе по ряду причин. Во-первых, это мощный военно-политический союзник Ирана, связанный с ним договорными обязательствами. Во-вторых, на сирийском побережье располагалась единственная в дальнем зарубежье база российского ВМФ, которая мешает Западу беспрепятственно действовать в Средиземном море. Дамаск также заключил долгосрочные контракты с Москвой на поставки вооружения. Смена власти в Сирии грозила лишить Россию и того, и другого, и другого, что стало бы заметным проигрышем РФ на геополитической арене Ближнего Востока. Однако этого не произошло благодаря

активной военной помощи Сирии со стороны ВС России, которая не только упрочила свои позиции на геополитической арене Ближнего Востока, но и дополнительно получила авиабазу в этой стране.

Расширяется и военный плацдарм для возможной военной агрессии против Ирана. США и Израиль намереваются любыми способами, вплоть до военного вмешательства, лишить союзника России в его лице. Поводом для этого служат обвинения Тегерана в несоблюдении прав человека и поддержке международного терроризма¹⁷.

«Серая зона» действий в стратегии «неопределенности»

Действия в рамках «гибридной войны» позволяют конкурировать с враждебными США государствами, находясь ниже порога обычной войны и ниже порога того, что может вызвать международную реакцию. Отсюда и появился термин «серая зона» как промежуточная среда между черным и белым, войной и миром.

Своеобразными «красными линиями», ограничивающими цели, размах, используемые в операции в «серой зоне», являются недопущение эскалации событий до уровня, на котором станет возможным вмешательство ООН на основе резолюции «Об агрессии» от 14 декабря 1974 г.¹⁸, введение в действие ст. 5 Договора о коллективной обороне НАТО, а также развитие конфликта, способное вызвать жесткие меры реагирования со стороны мирового сообщества.

В США планирование операций в «серой зоне» относят к сфере так называемых «стратегий неопределенности», которые предполагают создание таких условий в политической и военной сфере в отдельном государстве, регионе или на мировой арене, в которых затруднительно правильно оценить обстановку, эффективно использовать армию и совершать адекватные, соразмерные политические шаги.

При этом «серая зона» используется как в краткосрочном, так и в долгосрочном планировании, а конкуренция между субъектами направлена на формирование новой международной системы. По сложившейся на Западе традиции авторы концепции «серой зоны» ищут примеры ее современного использования вне рамок стратегий, применяемых в повседневной практике США и НАТО: это действия Китая в Южно-Китайском море; России на юго-востоке Украины, на Среднем Востоке; Ирана в Ираке, Сирии и Ливане.

Смысл таких действий, по мнению авторов, заключается в том, что упомянутые субъекты оспаривают лидерство США, союзы и партнерские связи в Восточной Европе, Восточной Азии и на Среднем Востоке с целью про-

движения собственного видения многополярного мира, в котором Америка будет более ограниченной и ее влияние размытым.

Важной характеристикой «серой зоны» является использование в ее пределах поэтапного подхода, задача которого заключается не в достижении отдельных оперативно-тактических целей, а в формировании нарастающей лавины относительно маломасштабных событий, совокупность которых служит катализатором при формировании полностью новой стратегической реальности. При этом поэтапный подход усложняет задачу сдерживания и соблюдения баланса, что требует проведения согласованных мер противодействия.

В «серой зоне» государствами-агрессорами используются нетрадиционные средства. Это тщательно проработанные и хорошо интегрированные невоенные средства, подобранные таким образом, чтобы в результате их использования избежать нарушения «красных линий» и не допустить эскалации конфликта за счет тщательно выбранного масштаба операций и распределения их во времени. При стратегическом планировании важно предвидеть, какие действия могут вызвать непропорционально сильную ответную реакцию противника.

В результате последовательного и осторожного применения совокупности действий в «серой зоне» их результирующая составляющая в каждый данный момент должна размещаться ниже порога традиционного конфликта. При этом конфликт в «серой зоне» преследует политические цели, которые достигаются посредством проведения интегрированных разнородных операций, в которых используются в основном, но не исключительно, невоенные инструменты. При этом каждая из отдельных операций не преследует масштабных целей, а успех всей кампании в целом достигается за счет синергетического воздействия совокупности относительно мелких целенаправленных операций.

«Серая зона» формирует широкое пространство для сосредоточения разнородных проблем, связанных с существующими способами защиты от них, с высокой динамикой гибридизации, а также с угрозами существующим соглашениям в военной сфере. Однако это не война, потому что методы, используемые в «серой зоне», представляют собой уникальные комбинации способов запугивания, принуждения и агрессии, которые пошагово используют для подавления сопротивления, завоевания локальных или региональных преимуществ и манипулирования рисками в свою пользу. Такое описание предполагает, что «серая зона» представляет собой новое пространство между традиционными концепциями войны и мира.

Хотя каждая операция в «серой зоне» уникальна в своем контексте, однако среди них можно выделить некоторые их общие характеристики:

операции в «серой зоне» представляют собой некую гибридную комбинацию военных и невоенных методов для получения стратегических результатов

за счет формирования сложной и противоречивой обстановки, что в конечном итоге снижает эффективность применяемых соперником контрстратегий;

применяемые методы и средства не соответствуют представлениям о линейной модели традиционных военных конфликтов, что создает трудности для использования отработанных оборонительных действий. Нелинейный характер развития конфликта в «серой зоне» является важнейшим фактором, способствующим получению стратегических преимуществ за счет относительно незначительных воздействий;

используемые в «серой зоне» методы и средства существенно осложняют задачу выбора между действием и бездействием. Каждый из возможных вариантов представляется одинаково ответственным и неприятным, что оказывает разрушительное воздействие на контрстратегии, разрабатываемые противостоящей стороной.

Один из ведущих сотрудников Института стратегических исследований США Н. Фрейер считает, что «серая зона» включает в себя агрессивные государственные стратегии с высокими ставками, в которых каждый из участников использует различные инструменты влияния и запугивания для достижения конечных целей войны с помощью скрытых или открытых средств и методов, провокаций и конфликтов. Каждый пытается не допустить собственного «разоблачения», избежать прямого военного конфликта с другими центрами силы и максимально использовать собственные преимущества.

Государства, ведущие гибридную войну в «серой зоне», рассматривают ее как менее дорогостоящую альтернативу традиционной войне. Особенности «серой зоны» позволяют использовать различные способы военного и невоенного насилия постепенно, скрытно и косвенно. При скрытом воздействии применяются нерегулярные военные формирования, ведется война «чужими руками», используются частные военные компании, что позволяет скрывать истинных инициаторов конфликта. Таким образом, «серая зона» становится податливым пространством между войной и преступностью на пересечении нетрадиционных средств, незаконных методов и международных норм, порядка и анархии.

Широкие возможности, которые предоставляют действия в «серой зоне» для решения комплекса стратегически важных для США задач, обуславливают растущее внимание к этому феномену со стороны американских исследовательских центров. В их числе — Консультативный совет по международной безопасности (КСМБ, International Security Advisory Board) Федерального консультативного комитета, созданный для предоставления Государственному департаменту США консультаций и предложений по аспектам научной, военной, дипломатической, политической и общественной дипломатии, контроля над вооружениями, разоружения, международной безопасности и нераспространения¹⁹.

КСМБ считает, что концепция «серой зоны» является особенно актуальной сегодня в связи с широким использованием гибридных стратегий в современных конфликтах и применяемых при этом различных форм, и способов действий.

В Итоговом докладе по проблемам «серой зоны» (2017 г.) КСМБ рекомендует правительству США:

сформулировать единый правительственный подход к противодействию попыткам использовать возможности «серой зоны» в ущерб интересам США, в том числе привлечь агентства, которые непосредственно не связаны с обеспечением международной безопасности;

создать организационную структуру, которая будет способствовать координации и управлению операциями в «серой зоне» с привлечением всех задействованных государственных учреждений США;

разработать новый подход к планированию действий по решению проблем в «серой зоне», включая оценку целей, задач и интересов США в разных странах и регионах мира;

продолжить усилия по устранению основных источников насилия и условий, которые делают стратегию «серой зоны» потенциально эффективной для противников США путем предоставления экономических льгот, проведения акций в защиту прав человека, помощи в организации качественного управления, повышения уровня общественного здравоохранения и обеспечения верховенства закона;

разработать и внедрить в Государственном департаменте и в правительстве США систему «после извлеченных уроков», а также дополнительных мер по отработке сценариев «серой зоны» в военных учениях с привлечением правительственных структур.

В целом проблемы «серой зоны» рассматриваются в военных кругах США как приоритетные и важные для обороны страны и для выработки решений ее руководством. Считается, что такому подходу способствуют следующие факторы:

во-первых, угрозы «серых зон» несут в себе новый импульс, способный придать ускорение реформам обороны США и разработкам новой военной стратегии;

во-вторых, успехи противников США в «серой зоне» будут последовательно подрывать позиции и влияние Вашингтона до тех пор, пока высшие руководители не примут инновационных решений, направленных на адаптацию государства и вооруженных сил к новым конфликтам и организацию противодействия противнику.

Таким образом, военное руководство США и НАТО рассматривает «серую зону» как важный фактор, определяющий стратегии современных кон-

фликтов, и прилагает систематические усилия по всестороннему исследованию указанного феномена.

Стратегия не прямых действий против стран, неугодных США

В настоящее время стратегия не прямых действий (СНД) является наиболее эффективным средством ведения геополитической борьбы между государствами, которые правящие круги НАТО наравне с США активно используют во второй половине XX — начале XXI в. в целях разгрома или ослабления своих реальных и потенциальных государств-противников на международной арене²⁰. Подобные способы захвата геополитических пространств используются руководством альянса, которое, придерживаясь принципа «скрывать свои возможности и намерения», не афиширует применение данной стратегии.

Анализ работ англо-американских²¹ и отечественных²² исследователей относительно концептуального содержания современных стратегий межгосударственного противоборства показывает, что стратегии не прямых действий — это особые технологии осуществления геополитической борьбы, ориентированные на завоевание господства над «вражеским» государством на основе установления всеохватывающего и при этом скрытого контроля над механизмом формирования и практической реализации внутренней и внешней политики страны, ее политико-управленческой, социально-экономической, оборонной, культурно-идеологической и другими ключевыми сферами, а также самими процессами ее дальнейшего развития путем использования для решения такого рода задач специально разработанных «не прямых» организационных воздействий и мероприятий «манипулирующего» и «подрывного» характера.

При этом давление агрессора на страну-жертву осуществляется как при отсутствии прямой конфронтации и сохранении официально «дружественного» характера отношений с нею, так и в условиях открытого конфликта, в том числе и вооруженного. В ходе геополитического противоборства основные усилия агрессора сосредотачиваются на установлении контроля над системой государственного управления страны-объекта воздействия за счёт создания «агентов влияния» среди правящей элиты данной страны и её силовых структур.

Технология сокрушения «враждебных» государств посредством применения стратегий не прямых действий и «мягкой силы» строится на основе следующих базовых идей и подходов²³:

использование как открытых, так скрытых форм и методов воздействия, избегая открытой конфронтации и прямого силового столкновения с противником, с целью внутреннего разрушения государства-противника;

достижение господства агрессора над атакуемой страной имеет целью лишение ее экономической и ресурсной самодостаточности и способности

к устойчивому развитию. Это достигается путем создания в рамках государственной системы страны-жертвы особого пространственно-организационного механизма «внешнего управления», позволяющего установить опосредованный и скрытый контроль над процессами жизнедеятельности атакуемой стороны, а также возможность трансформации общественно-политической системы государства-жертвы в соответствии с интересами и целями внешних акторов мировой политики. Это означает не только физическое разрушение самого института государственности страны-жертвы, что ведет к завоеванию ее территории и ресурсов, но и уничтожение самобытной цивилизации данной страны, т. е. изменение ее цивилизационной, конфессионально-культурной и национальной идентификации народа. При этом следует подчеркнуть, что такая победа в ходе геополитического противоборства, в отличие, например, от победы в войне, является необратимой, т. е. исторически неоспариваемой ввиду исчезновения оспаривающей стороны с исторической арены²⁴; воздействие государства-агрессора на государственную систему страны-жертвы осуществляется как по внешнеполитической линии, так и за счёт внутренней трансформации системы.

Следует отметить, что страны Запада не являются пионерами применения стратегий непрямых действий и «мягкой силы». Впервые принципы стратегии непрямых действий были сформулированы в Китае ещё в V в. до н. э. китайским полководцем и военным теоретиком Сунь-цзы, который изложил принципы стратегии достижения победы над врагами в трактате «Сунь-цзы бин фа», или «Правила ведения войны мудреца Суня». Концептуальная сущность данной стратегии заключается в «достижении победы над противником, не сражаясь с ним», что означает необходимость «побеждать замыслом».

При этом американская модель СНД ориентирована на быстрый развал государственной системы страны-жертвы за счёт формирования внутри враждебного государства кризисных явлений системного характера и создания в рамках её государственной системы болевых точек, способствующих углублению кризисных процессов. Это позволяет атакующему государству выждать ослабления своего противника до необходимого уровня и появления условий, при которых проведение силовых акций по захвату территории может не потребоваться. В данном случае роль вооруженных сил будет сведена к закреплению силовым путём существующей экономической и демографической ситуации в конкретном регионе.

Что касается западных технологий «цветных революций» на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке, то они, как правило, реализуются в следующей последовательности²⁵:

осуществляется дестабилизация социально-политической и экономической систем страны-жертвы путем создания масштабного системного

кризиса и погружения ее в состояние «управляемого хаоса», что делает политический режим данной страны уязвимым для внешнего давления. При этом главной целью дестабилизирующих действий государства-агрессора является создание в стране-жертве подконтрольного внешним силам «центра влияния» в лице оппозиционных сил, наращивающих противодействие правящему режиму вплоть до развязывания вооруженной борьбы. Для выполнения данной программной установки государство-агрессор находит в среде правящей элиты «враждебной» страны сторонников, которые становятся исполнителями трансформации политической системы страной-агрессором;

в условиях «управляемого хаоса» осуществляется формирование структуры-аттрактора в лице оппозиционного центра социально-политического влияния, задачей которого является взятие власти в стране при смене политического режима;

создание институтов государственного управления и силовых структур под эгидой международных организаций.

Ведение геополитической борьбы в рамках СНД обладает превосходством над стратегиями «прямыми действиями» по следующим параметрам:

позволяет агрессору минимизировать затраты на трансформацию политической системы страны-жертвы без применения силовых методов и при соблюдении оптимального баланса показателей «прибыль — риски»;

обеспечивает возможность регулирования масштабов нанесённого ущерба экономической системе враждебной страны, а также ограничивает потери её людских и экологических ресурсов в целях их дальнейшего использования.

Произошедшие на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке «цветные революции» являются следствием разработанной в Соединённых Штатах теории «управляемого хаоса» (или, как ещё её называют — теории «контролируемой нестабильности»), авторами которой являются Дж. Шарп, автор книги «От диктатуры к демократии») и Ст. Манн, автор книги «Теория хаоса и стратегическая мысль», на основе которых была разработана технология реализации стратегии «мягкой силы», базирующейся на следующих принципах²⁶:

объединение всех политических сил, выступающих против существующего законного правительства;

подрыв уверенности руководства страны в своих возможностях по стабилизации обстановки и в лояльности силовых структур;

дестабилизация обстановки в стране путём инициирования протестных настроений, культивируемых в различных слоях общества, с целью подрыва легитимности существующего политического режима;

инициирование смены власти путём оспаривания результатов выборов (зачастую ещё до их окончания) и организации актов гражданского неповиновения.

Практически во всех странах, вовлечённых в хаос массовых беспорядков, «стихийные» толпы были организованы посредством рассылки сообщений о намечающихся митингах и протестных акциях через социальные сети и электронную почту, а также на мобильные телефоны. Поэтому произошедшие в последние годы «цветные революции» на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке следует квалифицировать не как революции, а как «хаос и мятежи», замаскированные под стихийные выступления народа в целях смены неугодных внешним силам политических режимов.

Формируемые политтехнологами общественные структуры в социальных сетях создают опасно критическую массу людей на двух основных уровнях:

на информационном уровне оппозиционные силы акцентируют внимание людей на существующих проблемах с выработкой обострённой реакции на недостатки в общественной жизни с популистскими предложениями по их решению;

на ментальном уровне формируются убеждения, что «так дальше жить нельзя» и «жить стало невыносимо»;

на социальном уровне активизируется деятельность этнических, социальных, религиозных и региональных групп с целью их мобилизации на применение радикальных методов решения существующих в обществе проблем.

Подрывные действия США в отношении России и Китая

Следует отметить, что против современных технологий «мягкой силы» и «цветных революций» очень сложно защищаться стандартным набором средств. Осуществление государственного переворота в России с использованием протестного потенциала народных масс, обманутых «благими» идеями «справедливой революции» — наиболее приемлемый для Запада сценарий. Еще в период начала «холодной войны» США сформулировали свои цели в отношении России (на тот момент — СССР). В директиве СНБ 20/1 — была сформулирована конкретная задача: «Уменьшить мощь и влияние России до таких пределов, при которых она больше не будет представлять угрозу миру и стабильности международного сообщества».

Однако крушение Советского Союза и всего социалистического лагеря показалось Вашингтону недостаточным для окончательного «уменьшения мощи и влияния Москвы». Россия все еще оставалась крупнейшим государством мира с огромным потенциалом. Она тождественна самой Евразии, так как ее территория, демографический ресурс и индустриально-техноло-

гическое развитие способны стать прочной основой для континентальной евразийской интеграции. Обладая внушительными запасами природных ресурсов и занимая выгодное географическое положение, Россия имеет все шансы превратиться в стратегического партнера для тех, кто заинтересован в торгово-экономическом сотрудничестве. В то же время укрепление России — это угроза глобальной гегемонии западных стран, и прежде всего США.

Поэтому после развала СССР Вашингтону было необходимо установить контроль над политическими и экономическими процессами на постсоветском пространстве, а также внутри новой России. Американские «фабрики мысли» трудились над созданием стратегии постепенной фрагментации Российской Федерации и ее окончательного распада. При этом успешная реализация проекта «свободной конфедерации», направленная на децентрализацию политической системы, могла бы окончательно уничтожить российскую государственность. Создание «санитарных кордонов» из враждебных российскому государству режимов — это попытка ограничить влияние России и изолировать ее от участия в важных европейских и мировых событиях. Наличие подобной практики в современных подходах ряда государств раскрыл президент России В.В. Путин в 2014 г. в послании к Федеральному собранию. Он открыто заявил о том, что США и их союзники нашли бы любой повод с целью «сдержать растущие возможности России, повлиять на неё, а еще лучше — использовать в своих интересах»²⁷.

Аналогичная стратегия используется и в отношении Китая, который имеет с Россией стратегический уровень партнерства и в скором времени может стать мировым лидером не только в сфере экономики, но и в политике. Ибо на современном этапе международных отношений КНР стремительными темпами закрепляется в роли нового полюса силы. Согласно прогнозам экспертов, в ближайшие годы Китай имеет все шансы окончательно обогнать США по общим экономическим показателям. Это станет очередным импульсом для трансформации международной финансово-экономической системы и конца глобального доминирования Запада.

В 70-е годы прошлого века усилиями американской элиты Вашингтону удалось заручиться поддержкой Китая в противостоянии с Советским Союзом. Однако в настоящее время основные противоречия в российско-китайских отношениях разрешены. Москва и Пекин вышли на уровень стратегического партнерства, и их совместные торгово-экономические, энергетические и политические проекты динамично развиваются. Это вынуждает противников сближения России и Китая использовать все инструменты для сдерживания этих государств.

Так, события, связанные с организацией массовых протестов в Гонконге, известные как «революция зонтиков», свидетельствуют о применении

деструктивных политических технологий в отношении Китая. Попытка раскачать ситуацию через одно из наиболее уязвимых мест КНР (в тогдашнем Гонконге) — нанесение удара по правящей КПК с целью демонстрации отсутствия в китайском обществе солидарности с действиями государственного аппарата. Тем самым Соединенные Штаты демонстрировали свое недовольство проводимой Пекином политикой, одновременно указывая на наличие средств и возможностей для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в КНР. Однако эта попытка дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в КНР провалилась.

Другая попытка реализации в Китае сценария «цветной революции» предпринималась и в конце 80-х на площади Тяньаньмэнь, однако благодаря своевременным действиям китайского руководства удалось нейтрализовать массовые протесты и предотвратить дальнейшее применение деструктивных политических технологий в отношении своего государства.

В условиях современной системы международных отношений, которая характеризуется напряжением между Россией и Западом, сворачиванием многих сфер сотрудничества, США и их политические союзники будут по-прежнему стараться вбить клин в отношения Москвы и Пекина. Западные стратеги стараются ослабить возможности перспективной кооперации, направленной на развитие взаимовыгодного энергетического и торгово-экономического сотрудничества, потому что союз России и Китая может стать прочной основой для формирования многополярной или полицентричной системы международных отношений.

8 октября 2015 г. начальник ГРУ Генштаба ВС РФ И. Сергун заявил, что для США ключевыми задачами на долгосрочную перспективу являются «воспрепятствование политико-экономическим интеграционным процессам в Центрально-Азиатском регионе, а также окружение России и Китая как потенциальных противников сетью дружественных и лояльных Вашингтону режимов и очагов напряженности»²⁸. При этом в отношении РФ, равно как и по отношению к КНР, реализуется комплексная подрывная стратегия, где в качестве высокоэффективного орудия геополитики выступает корреляция технологий «цветных революций» и «гибридной войны». Среди инструментариев этих акций необходимо выделить следующие аспекты:

Финансово-экономический и технический аспекты: обвал рубля и юаня и стимулирование инфляции через наращивание нефтедобычи внутри США, давление на Саудовскую Аравию и ОПЕК с целью обрушения цен на нефть и сокращения доходов России, введение Западом ограничений на экспорт нефтедобывающей техники, которая нужна для извлечения трудноизвлекаемых природных ресурсов. Нелегитимные санкции, введенные Западом в отношении России, и торговая война, объявленная США Китаю, нацелены на

то, чтобы привести экономику РФ и КНР в состояние рецессии, понизить жизненный уровень их граждан, тем самым вызвав широкую волну социального недовольства и уже на этой ниве, путем заранее подготовленной политической агентуры на местах и сочувствующих лиц в элите попытаться осуществить государственный переворот.

Военно-политический: создание по периметру российских и китайских границ очагов нестабильности, дестабилизация ситуации посредством технологий «цветных революций» в странах — участницах интеграционных объединений на постсоветском пространстве и в АТР, попытки втянуть Россию и Китай в затяжной, изматывающий конфликт с Западом. Так, в 2014 г. Генсек ОДКБ Н.Н. Бордюжа констатировал, что «возникновение и развитие очагов конфликтов на пространстве ОДКБ и ШОС в большинстве случаев связано с активизирующимся внешним воздействием»²⁹.

Информационный аспект: целенаправленная информационная «обработка» населения РФ и КНР, углубляющая раскол между народом и государственной властью, постепенная подмена ценностей и культурных кодов, «раскручивание» софобий с параллельным возвеличиванием «западных идеалов», ревизия истории (на страницах школьных и вузовских учебников и в СМИ), уничтожение исторической памяти. Эффективным инструментом реализации геополитических целей является реформативное сознание. Слом духовно-интеллектуальных скреп действует намного эффективнее любого оружия, лишая общество государства-мишени культурного иммунитета.

Подобную стратегию применяли западные стратеги уже в отношении СССР. США в 80-е годы прошлого века использовали объективные трудности в советской экономике для реализации деструктивных политических технологий с целью еще большего ослабления и разрушения советской системы. И сегодня просматривается попытка сочетать подрывную деятельность, направленную на дестабилизацию ситуации внутри России, с одновременной целенаправленной работой по ее втягиванию в глобальную конфронтацию на почве военных конфликтов с участием ВС РФ. Инструментами такой стратегии могут служить ранее созданные американскими инструкторами террористические структуры по типу «Аль-Каиды» и движения «Талибан», а также террористические группировки ИГИЛ.

По замыслам западных политтехнологов, успешная реализация «цветной революции» в России позволит взять российские ресурсы под свой контроль и поставить «на баланс» англосаксонских корпораций. В дальнейшем используя РФ и ее потенциал как оружие, направленное против Китая. Реальными результатами «цветной революции» в России могут быть раскол государства, политический коллапс, глубочайший экономический и социальный кризис. При этом масштабы потенциальной катастрофы, исходя из

специфики российских реалий, могут в разы превзойти примеры украинского и североафриканских сценариев, затмив известные исторические аналогии.

Завершая рассмотрение вопросов, связанных с применением Соединенными Штатами стратегии не прямых и иных действий в рамках гибридной войны против России и Китая, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, против тех стран, которые заявляют о необходимости создания многополярного мира и проводят независимую от Соединенных Штатов политику, включая Россию и Китай, Вашингтон использует методы информационной войны с целью скомпрометировать эти государства в глазах мирового сообщества. И для усиления своего влияния на другие государства мира Вашингтон будет широко использовать методы гибридной войны и иные действия с целью удержания их на своей орбите и сохранять однополярный мир под эгидой Вашингтона. А для смены политических режимов в «неугодных» государствах — использовать стратегию не прямых действий, демонстрируя готовность использовать военную силу, пренебрегая нормами международного права. В случае ведения гибридной войны против отдельного государства или группы государств, то она будет проходить в так называемой «серой зоне».

Во-вторых, по периметру границ России и Китая постепенно создаются «серые зоны», рассчитанные на долгосрочную перспективу. Эти зоны в мире с различными «оттенками серого» уже охватили территорию России и протянулись от Арктики по беспокойной границе с НАТО на западе РФ и до Закавказья и Центральной Азии. Есть еще одна угроза на Дальнем Востоке России, где Япония претендует на «северные территории». Такие спорные территории уже созданы совместными усилиями США и НАТО на протяжении всей «дуги нестабильности» от западного побережья Африки до Центральной Азии. В перспективе следует ожидать формирование «серых зон» в Арктике и на дальневосточных рубежах с участием США и Японии.

В-третьих, для действий в «серой зоне» характерны следующие общие черты: противостояние в «серой зоне» развивается ниже международно признанного правового понимания войны; «серая зона» может быть описана как конкурентное пространство, где насилие не является исключительным, но часто принимает нестандартные формы; применяемые в «серой зоне» стратегии рассчитаны на введение противника в заблуждение и построены на постепенном движении к цели при сочетании нетрадиционных, военных и невоенных средств. Тем самым создается сложная обстановка неоднозначности, которая парализует действия субъектов, готовых вмешаться в конфликт (международных организаций или отдельных государств).

В-четвертых, значительное место в списке инновационных подрывных технологий в рамках гибридной войны США занимают «цветные револю-

ции» в рамках управляемого хаоса. При этом они являются технологиями организации государственного переворота, в условиях искусственно созданной политической нестабильности, когда давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а основной движущей силой удара по власти выступает специально организованное протестное движение. Анализ развития военно-политической обстановки на Ближнем Востоке свидетельствует, что в этом регионе силами США довольно успешно реализовались способы «бескровной» смены власти в рамках цветных революций в Ливии, Ираке, Египте и Сирии.

В-пятых, с учетом масштабов и реального характера угроз и подрывных действий Соединенных Штатов против РФ успешное решение комплекса задач по обеспечению ее безопасности и ее союзников может быть достигнуто за счет: консолидации общества России и укрепления национальной обороны; развития связей с Китаем и другими союзниками и партнерами, умелым использованием потенциала существующих организаций обеспечения международной безопасности и решительным противодействием попыткам деструктивного влияния в сфере международных отношений. Это также означает что органы власти России должны внимательно следить за тенденциями изменения военно-политической обстановки в мире и оценивать вероятные последствия функционирования «стратегического треугольника» для экономических интересов России.

1.3. Арктический регион и деятельность в нем акторов «треугольника»

Значение Арктики в условиях глобализации XXI в.

Характерной чертой XXI в. является усиление международной конкуренции за доступ к энергоресурсам, обеспеченность которыми определяет состояние современной экономики ведущих государств мира. В обозримом будущем такая зависимость сохранится, несмотря на интенсивные поиски альтернативных источников энергии. Между тем разведанные запасы разрабатываемых месторождений нефти близятся к истощению. По оценкам германских экспертов, её разведанных запасов при нынешнем уровне их извлечения хватит не более чем на 30—40 лет.

В этих условиях Арктика как кладовая значительных запасов углеводородов, а также область расположения удобных трансконтинентальных морских и воздушных маршрутов стала привлекать к себе внимание развитых государств мира и международных объединений. Уже сегодня добыча полез-

ных ископаемых в ряде ее районов становится все более рентабельной, а потому растет число акторов, намеренных активно осваивать арктический регион. Это влечет столкновения их интересов, что подтверждают как обострение споров по поводу границ экономических зон между приарктическими государствами, так и желание не относящихся к ним стран получить свои права на использование арктических недр.

Физическая география определяет Арктику как часть земного шара, которая расположена севернее Полярного круга. Её площадь составляет 21 млн кв. км и включает Северный Ледовитый океан с окраинными морями, расположенные там острова и прилегающие части материковой суши Европы, Азии и Северной Америки. В соответствии с географическим расположением к приарктическими государствами являются Россия, Канада, Соединенные Штаты Америки, Норвегия и Дания. На этот статус претендуют также Финляндия, Швеция и Исландия. Согласно Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.), этим странам в указанном регионе принадлежат исключительные экономические зоны (шириной до 200 миль) и континентальный шельф (до 350 миль), в пределах которых они обладают суверенным правом на разработку недр.

Однако, с правовой точки зрения, Арктика пока остается, по сути, «ничьей землей». На международном уровне до сих пор не решен вопрос о способах «дележа» Арктики, его юридических основах и о том, кто имеет право делить — лишь соседние с Арктикой страны или же она должна стать достоянием всего человечества. Поэтому для решения проблем разграничения арктического шельфа и для определения принадлежности участков шельфа, выходящих за эти пределы, в рамках Конвенции по морскому праву была создана Комиссия ООН по границам континентального шельфа.

Государство, сумевшее доказать Комиссии, что его континентальный шельф простирается за границу автоматически принадлежащей ему полосы прибрежных вод шириной в 200 морских миль, будет обладать правами на всю нефть, газ и минеральные ресурсы данного шельфа. Наиболее верный способ убедить Комиссию ООН в «своей» принадлежности шельфа Арктики — представить исследование, полученное экспериментальным путем. Для этого международные функционеры требуют представить результаты прямого наблюдения этих территорий с помощью эхолотов.

Вместе с тем ещё до основания ООН и создания Комиссии в 1909 г. Канада распространила свою юрисдикцию на сектор Арктики, ограниченный меридианами, начинающимися в точках выхода ее сухопутной границы к Северному Ледовитому океану и сходящимися на полюсе. Её поддержала Россия, приняв в 1916 г. аналогичный закон. И хотя другие приарктические государства подобного законодательного оформления своих владений в

Рис. 1.12. Границы секторов национальной юрисдикции Арктики.
 Источник: URL: <https://tass.ru/v-strane/4132845>

Арктике не предприняли, но и возражений Канаде и России не высказали. Поэтому принцип секторального деления этого региона является признанной реальностью, и только в последнее время зазвучали призывы к его пересмотру (рис. 1.12).

Причиной этого стало обнаружение в Арктике широкой номенклатуры полезных ископаемых, запасы ряда которых к тому же имеют достаточные для промышленного освоения объемы. Так, по оценкам Геологической службы США, в зоне Северного Ледовитого океана находится до 20 % мировых запасов углеводородов, причем потенциальные запасы нефти составляют 90 млрд баррелей, газа 47, 3 трлн куб. м, газового конденсата 44 млрд баррелей. Наиболее значительные газовые месторождения лежат у берегов Аляски и Сибири, которой принадлежит половина побережья Ледовитого океана, претендует на большую долю ресурсов региона. Около 80 % запасов нефти и 90 % запасов газа и угля. В связи с этим арктический шельф в перспективе может стать важным и даже основным источником углеводородного сырья. Кроме того, в северных широтах открыты значительные залежи различных руд, включая редкоземельные металлы. В Арктике также сконцентрированы крупнейшие биоресурсы, включающие более 150 видов только рыб РФ, некоторые из которых играют ведущую роль в мировом рыбном промысле.

Одно только Штокмановское месторождение, которое совместно с Россией разрабатывают транснациональные компании, содержит 3800 млрд куб. газа — эквивалент объема газопотребления Франции на протяжении 80 лет. И в ближайшей перспективе Москва намерена расширить свои северные владения еще на 1,2 млн кв. км (по территории это три Германии), подав соответствующую заявку в ООН.

Этот регион также играет особую роль в глобальных метеорологических и гидрологических процессах, которые определяют климат на Земле. Он влияет на перемещение воздушных масс в атмосфере и на циркуляцию воды в Мировом океане, определяющих погоду во всем северном полушарии.

Арктика имеет и важное военно-стратегическое значение. Здесь находятся удобные позиции для старта баллистических ракет по целям их применения, а также систем противоракетной обороны (ПРО) и другие элементы систем стратегического сдерживания, что важно для национальной безопасности. Благодаря тому, что в условиях глобального потепления площадь льдов продолжает неуклонно сокращаться, военно-морские силы получают возможность действовать в Арктике на протяжении значительной части года.

В условиях глобализации для транснациональных корпораций весьма важно и то, что через Арктику проходят кратчайшие морские и воздушные маршруты, соединяющие Северную Америку и Евразию. И по мере таяния

льдов морской путь через арктические широты позволит сократить на 40 % протяженность маршрутов между Европой и Дальним Востоком. Так, расстояние от Петербурга до Владивостока по Северному морскому пути — 14,8 тыс. км, а вокруг мыса Доброй Надежды — 29,4 тыс. км.

Правда, использование этих путей пока сдерживают серьезные сложности плавания и полетов в высоких широтах, а также слабая транспортная инфраструктура региона. Из-за таяния полярных льдов может возрасти опасность, которую представляют дрейфующие льдины, что потребует крупных инвестиций в безопасность судоходства. Не избежать и необходимого для плавания на севере дооборудования транспортных судов (укрепления корпусов в районе ватерлинии, установки защиты винторулевой группы от повреждений во льдах, монтажа систем обогрева служебных, жилых и грузовых помещений и т. п.). Все это значительно снижает скорость перехода судов (дооборудование судна снижает его скорость на 10—15 %, плавающие льды — в 2 раза, караванная проводка — в 3 раза), что сводит на «нет» выигрыш в расстоянии для данного маршрута в сравнении с альтернативными южными.

На широкое освоение природных ресурсов Арктики накладывают ограничения её экстремальные климатические условия, прежде всего низкий температурный фон, мощный постоянный и сезонный ледовый покров на акваториях, вечная мерзлота на суше, полярные ночи. Хозяйственная деятельность там связана с высокими энергозатратами и зависимостью от внешнего завоза топлива и оборудования и иных товаров первой необходимости, отчего такая деятельность носит очаговый характер, локализуясь в местах, важных для экономики промыслов и производств.

Другим ограничением является высокая уязвимость экосистемы Арктики, вызванная крайним дефицитом солнечного тепла. Прогнозируемое смягчение климата на планете также не так однозначно, о чем свидетельствует факт случившихся там несколько лет назад сильных и рано наступивших холодов, что тогда не позволило даже привычной к этому России выполнить в необходимом объеме план «северного завоза» в пункты Заполярья. Как считают ряд экспертов, если отмечаемое потепление климата, в основе которого лежат непознанные еще циклы развития планеты, выразится в заметном изменении его констант, то до этого пройдут многие десятилетия и сменится не одно поколение людей.

И все же, несмотря на указанные ограничения, стратегическое значение Арктики в условиях глобализации XXI в. неуклонно растет. Вследствие глобальных изменений мировой политики экономическая и военно-стратегическая роль Севера существенно повысилась. Арктика становится «лакомым пирогом» для ведущих государств мира и их союзов и полигоном территориальной, ресурсной и военно-политической игры. Попытки иници-

ровать вопрос о пересмотре принципов и действующих международных норм, определяющих порядок разграничения владений в нем между государствами, содержат серьезный конфликтный потенциал. За правообладанием арктической зоной обостряются политические и юридические споры, которые тесно сплетены с экономическими. И государству, которое в этом регионе будет сильнее в военной области, легче будет доказать свое «право на Арктику» и заниматься там добычей полезных ископаемых.

Стратегия США их союзов в Арктическом регионе

Интерес арктических и иных держав к разработке недр Арктики растет по мере интенсивности таяния полярных льдов. И каждый из этих акторов разрабатывает собственную программу освоения оттаивающих территорий, в которых военная составляющая занимает далеко не последнее место.

Так, в 2008 г. США обнародовали свой стратегический план развития Арктического региона. Его концептуальная основа была разработана Комиссией по арктическим исследованиям, занимающаяся разработкой вопросов геополитики. В поддержку деятельности Комиссии была учреждена межведомственная «Группа анализа и оценки обстановки в Арктике». В ее состав включены представители ВМС, береговой охраны, а также службы управления минеральными ресурсами, которые отвечает за запасы нефти, природного газа и других минералов на внешнем континентальном шельфе Америки.

«Группа» и Комиссия рассматривают курс приполярных стран на юридическое закрепление за собой территорий арктического шельфа как угрозу национальным интересам США и считают необходимым для сдерживания «территориальной экспансии» конкурентов в регионе интенсифицировать политику Соединенных Штатов в Арктике, в том числе путем включения в соответствующие международные институты и присоединения к международным договорам. Для решения этой задачи Комиссией был разработан перечень территориальных претензий США на арктический шельф.

Базируясь на этой основе, Вашингтон не принимает ни один из вариантов уточнения секторального деления границ арктического шельфа, которые предлагаются приполярными государствами, оставаясь страной, не ратифицировавшей Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. При этом ключевым направлением политики Белого дома в Арктике является участие США в освоении континентального шельфа арктической зоны. Вашингтон стремится дополнительно получить территорию, простирающуюся на 600 морских миль (965 км) от Аляски к Северному полюсу. Присоединение шельфовых территорий Арктики увеличит общую площадь территории страны сразу на 4,1 млн кв. км. В результате США по совокупной площади обойдут Россию, Китай, Канаду и станут самым крупным государством в

мире. Кроме того, они смогут осваивать природные ресурсы общей стоимостью 1,3 трлн долл., включая ресурсы нефти на 650 млрд только на шельфе Аляски³⁰.

США особое внимание уделяют формированию негативного отношения американского и международного сообщества к приполярным государствам, как к своим непосредственным конкурентам в регионе. Вашингтон проводит кампанию по дискредитации их действий в Арктике. Задействуются и рычаги влияния внутри этих стран: американские и транснациональные нефтяные и газовые компании, претендующие на работу в северных широтах, международные экологические организации и другие структуры. Также у Вашингтона свой подход к определению статуса арктических проливов, который отличается от точек зрения Оттавы и Москвы. Конкретные претензии в этом смысле предъявляются к Оттаве по задействованию Северо-Западного прохода (СЗП) близ берегов Аляски, который Канада еще в начале 70-х годов XX в. объявила частью своих внутренних вод. А США претендуют на прибрежную полосу в 200 миль в СЗП, ссылаясь на неподписанную ими (!) Конвенцию ООН по морскому праву, и оспаривает право Канады пользоваться проходом, как своими внутренними водами.

Американские эксперты выдвигают тезис о необходимости максимальной «интернационализации» прохода. Очевидно, США стремятся взять под контроль этот путь из Атлантического в Тихий океан через море Бофорта и море Баффина вдоль побережья Аляски, Канады и Гренландии, открывающийся по мере глобального потепления. Ибо в перспективе этот путь может сократить торговые пути на Восток на несколько тысяч километров. Аналогичные мотивы — необходимость максимальной «интернационализации», используются и в отношении к российскому Северному морскому пути (СМП).

К приоритетным областям, в которых действия зарубежных государств в Арктике оказываются под пристальным вниманием Белого дома, относится экология. Американские СМИ развернули настоящую информационную войну и периодически вбрасывают в глобальное информационное пространство различные сценарии нарушений приполярными странами стандартов использования окружающей среды. Пока это носит характер скрытой кампании, однако нельзя не отметить, что фоном к сюжетам о деятельности России в Арктике становятся её разнообразные экологические проблемы.

Преобладание негативных тезисов в сюжетах не только о «русской» и «канадской», но о «датской» Арктике, большое количество озвучиваемых на различных площадках претензий к ним позволяют предположить, что арктическая тема становится предметом жесткого экономического и политического торга США с Канадой, Данией и Россией.

Курс Москвы на юридическое закрепление за РФ территорий арктического шельфа рассматривается как угроза национальным интересам США. В связи с этим одной из задач американской стратегии становится получение Вашингтоном как минимум высокой степени влияния на экономическую, экологическую и военную деятельность России в регионе. И нефтяные компании США, допущенные к проектам на территории российской Арктики, становятся проводниками этой линии. А для торможения проектов, непосредственно не связанных с американскими промышленными кругами, задействуются международные и российские экологические организации, создающие общественный резонанс вокруг вреда, наносимого РФ окружающей среде. Наиболее яркое свидетельство тому — акция Гринпис в Баренцевом море (сентябрь 2013 г.), направленная против деятельности российской нефтедобывающей платформы Приразломная.

Другой задачей США становится установление контроля над российским Северным флотом. В Баренцевом море с разведывательной целью совершаются полеты ВВС, походы боевых кораблей и подводных лодок ВМС США. К ведению разведки привлекаются и научно-исследовательские суда. Присутствие американских экспертов отмечается и в горле Белого моря — там, где Россия проводит испытания атомных подводных лодок. Самому пристальному изучению подвергается деятельность РФ на полигоне на Новой земле.

Для нагнетания страстей по теме ядерной безопасности в этом районе используются СМИ, причем наиболее авторитетные и влиятельные в мире. В публикациях крайне сомнительного содержания в СМИ и заявлениях американских политиков массовой аудитории насаждается представление о том, что российская Арктика — это едва ли не полностью милитаризованный регион и вся деятельность там подчинена только военным целям. При отсутствии реальных доказательств противоправных действий России при испытаниях оружия в СМИ тиражируются обвинения неопределенного характера, позволяющие удерживать нужную для США тему «на плаву».

Если военные аспекты российского освоения Арктики в США зачастую искусственно преувеличиваются, то масштабы социально-экономической деятельности, наоборот, занижаются. Американские СМИ постоянно подчеркивают экономические и социальные проблемы в арктической зоне РФ. Формируется мнение, что только расширение иностранного экономического, гуманитарного, а в перспективе и политического, присутствия в российской Арктике может спасти регион «от деградации».

По сути, готовится почва для «гуманитарной интервенции» в будущем (такое информационное воздействие хорошо зарекомендовало себя на Балканах, когда США в рамках «гуманитарной интервенции» способствовали отделению Косово от Сербии, а также для смены режимов в Ираке, Ливии и

Египте). В её преддверии возможна активизация американских или контролируемых США гуманитарных организаций, «сориентированных на помощь в сохранении традиционного образа жизни коренных народов и реализацию экологических и образовательных программ».

Одновременно Вашингтон наращивает свои военные возможности в Арктике, где во всех смыслах «оголенной» в 90-х годах XX в. в военном отношении российской Чукотке противостоит постоянно расширяющийся аляскинский бастион³¹. На территории этого штата расположены морская, армейская и военно-воздушные базы и ещё 54 других военных объектов. Принято решение о строительстве 2 новых передовых баз береговой охраны в Барроу и в Номе.

Аляска также выполняет роль первого наземного «щита» Америки (база в Форт-Грили) в развертываемой глобальной системы ПРО. Наземный щит дополняет система ПРО передового морского базирования, первые элементы которой заработали на боевых кораблях в 2011 г. При этом зенитные управляемые ракеты (ЗУР) «Стандарт-SM3» могут запускаться с крейсеров (типа «Тикондерога») и с эсминцев (типа «Орли Берк»).

В условиях таяния арктических льдов Пентагон может постоянно держать в высоких широтах (т. е. на траекториях полета межконтинентальных баллистических ракет из России в США) оперативную группу в составе 3—4 крейсеров и 4—6 эсминцев (каждый крейсер может нести до 122 ЗУР, эсминец — до 90 ЗУР). Их суммарное вооружение (не менее 1000 ЗУР «Стандарт-SM3»), способное эффективно сбивать как МБР, так и их боевые части, что достаточно для того, чтобы гарантировать безопасность США от атак с севера.

Американские ВВС и подлодки, выполняющие боевое патрулирование в зоне Северного Ледовитого океана, также обладают высокоточным оружием, которым, в случае развязывания военного конфликта, смогут уничтожать российские МБР, подводные лодки и бомбардировщики. Освободившаяся ото льда Арктика может сильно помочь Пентагону в этом. Американские ВВС и многоцелевые подлодки получают возможность наносить удары крылатыми ракетами из акватории Северного Ледовитого океана по всей территории России при почти полном отсутствии систем ПВО РФ в этом районе.

К этому следует добавить, что пространственная организация «Национальной противоракетной обороны» (НПРО) показывает, что стратегическое направление военной политики США на север, в сторону России, полностью сохраняется. Дело не меняет тот факт, что на сегодняшний день основные военные усилия США сосредотачиваются в АТР и также нацелены на Северную Корею и Иран. Вместе с тем НПРО США не меняет свою северную ориентацию.

В целом арктическая стратегия США соответствует сложившейся практике американских действий в ключевых регионах мира. Обеспечивая свои экономические интересы, Вашингтон сначала проводит информационные кампании определенного содержания. Одновременно в регионе расширяется военное присутствие США, на базе которого формируется механизм силового реагирования на возникающие кризисы. Аналогично будет развиваться и арктическая стратегия Вашингтона в отношении конкурентов, в цели которой входит расширение экономического и военного присутствия США в районах Арктики, интернационализация СМП и СЗП и, в конечном итоге, вытеснение России и других конкурентов из региона.

От США в военной области не отстает и *Канада*. В 2009 г. она обнародовала правительственный доклад о своей северной стратегии. В нем говорится о создании армейского тренировочного центра (в районе Резолют Бей), расположенного в 595 км от Северного полюса, увеличении численности подразделений арктических рейнджеров, формирующихся из представителей коренных народов и индейцев — инуитов (в 2012 г. их численность в войсках была доведена до 5 тыс.). На острове Баффинова Земля планируется сооружение глубоководного порта, который будет построен возле стратегически важного СЗП. Объявлено и о строительстве ледокола «Дж. Дифенбейкер» для береговой охраны. Оттава также обнародовала планы о постройке 8 арктических патрульных кораблей помимо уже имеющихся в береговой охране 17 ледоколов. Параллельно принимаются поправки к закону «О предотвращении загрязнения арктических вод», согласно которым юрисдикция Канады распространится еще на 100 миль морской акватории архипелага для освоения его ресурсов.

Правительство *Дании* одобрило план создания до 2014 г. объединенного Арктического военного командования, развертывание военной базы на севере Гренландии, а также формирование Арктической группировки сил реагирования. По заявлениям датской стороны, возрастающая международная активность в Арктике «изменит геостратегическое значение региона и, таким образом, поставит новые задачи перед вооруженными силами страны».

Норвегия также все активнее включается в орбиту военных приготовлений на Севере. Военные проблемы стали значительно чаще обсуждаться в печати, в научных кругах, в структурах власти страны. В акватории Баренцева моря круглосуточно патрулируют подлодки Норвегии. Действуют 4 радиолокационных центра, крупнейшие из которых — в Вардё и Киркенесе — способны фиксировать происходящее в радиусе 2 тыс. км, что позволяет видеть весь Кольский полуостров и деятельность российского ВМФ.

Все вышеперечисленные страны входят в *НАТО*, которая никогда не скрывала свои интересы в Арктике, прежде всего — военные. Ныне на Северо-Западном европейском театре военных действий в зоне ОВС альянса на-

ходится акватория западной части Баренцева моря и архипелаг Шпицберген, а в зоне на Атлантике — атлантический сектор Арктики.

Планируемое дальнейшее расширение ответственности НАТО в направлении Северного полюса означает фактический отказ от границ операционных зон ОВС альянса, установленных документами 1949—1953 гг. По мнению экспертов НАТО, международное соперничество вокруг Арктики в ближайшем будущем обострится, и не только из-за секторов и энергоресурсов, но и биоресурсов, пресной воды, а также судоходных и воздушных путей. В совокупности это является глобальным вызовом безопасности евро-атлантического сообщества. Поэтому в документе, посвящённом путям реформирования НАТО, говорится о высокой вероятности возникновения конфликтов в Арктике в результате потепления.

Готовясь к ним, альянс непрерывно укрепляется в рамках межгосударственной интеграции: США строят океанский флот, Великобритания, Бельгия, Нидерланды — противолодочные корабли, остальные специализируются на кораблях для закрытых ТВД. О растущей мощи ОВМС НАТО можно судить и по размаху маневров в Северном и Баренцевом морях. Только в середине 90-х годов было проведено 13 учений, из них 9 крупномасштабных, в каждом из которых участвовало свыше 50 кораблей, 150 самолетов и вертолетов. Страны — члены НАТО также ведут постоянную работу по совершенствованию способности своих сухопутных подразделений действовать в северных широтах.

Стратегия Китая по освоению Арктического региона

Среди тех государств, которые по своему географическому положению не относятся к приарктическим государствам, наиболее активно в Арктике ведет себя Китай. Интересы КНР в Арктике тайной ни для кого не являются. Не случайно такое авторитетное в мире учреждение, как Стокгольмский Институт исследования проблем мира опубликовал целевое исследование «Китай готовится к Арктике, свободной ото льда».

Тем не менее, в северных широтах Пекину приходится действовать осторожно, поскольку мало кто заинтересован в том, чтобы одно из крупнейших государств мира получило доступ еще и к арктическим ресурсам. А для Китая принципиально важно показать, что он является великой державой и поэтому должен доказывать свой статус на деле, в том числе и в Арктике. В мае 2013 г. на 8-й сессии Арктического совета (АС) в шведском городе Кируна Китайская Народная Республика получила статус наблюдателя этой организации. Повышенный интерес руководства КНР к Арктике и стремление Пекина участвовать в деятельности АС объясняется стратегической важностью этого региона, которая, по мере глобального потепления, постоянно растет.

Пекин уже давно стремится стать постоянным участником деятельности в Заполярье. Так, в 80-е годы XX в. китайский инвестор пытался купить за 100 млн долл. участок в 300 кв. км (почти 1/4 площади Гонконга) на северо-востоке Исландии под предлогом создания экологического парка. Имея такую территорию за Полярным кругом, Китай получил бы основание не ограничиваться статусом наблюдателя в Арктическом совете, а добиваться постоянного членства АС. Однако в то время власти Исландии на такой шаг не пошли. Примечательно и то, что рупор КПК — газета «Жэньминь жибао» ещё до открытия 8-й сессии АС опубликовала сообщение, что якобы Россия, Канада, Норвегия и несколько других государств Арктического совета уже поддержали заявку Китая на право стать постоянным наблюдателем при АС с определёнными дальнейшими перспективами в этой международной организации, что не соответствовало действительности.

Современная стратегия Пекина по освоению Арктики включает несколько направлений, в том числе:

Проведение широкомасштабных научных исследований Арктики. Китай регулярно отправляет на Северный полюс научные экспедиции (китайские ученые уже побывали здесь в 1999-м, 2003-м, 2008-м и 2010-м годах и т. д.). С начала 80-х годов XX в. в норвежской зоне архипелага Шпицберген в Баренцевом море работает китайская научная станция «Хуанхэ». Здесь КНР демонстрировал свою новейшую технику, включая оборудование для особых глубоководных роботов. К 2008 г. китайцы провели 8 подводных и подводных исследований, в которых задействовали автоматического подводного робота «Арктика-ROV», оснащенного видеокамерой и гидролокатором и способного работать на глубине до 50 м. Основными направлениями китайских исследований служат изучение льдообразования, полярная океанография, исследования биоресурсов, изучение метеорологии, изменение окружающей среды на Северном полюсе и т. д. Эти исследования проводятся с целью учета глобальных изменений климата в интересах развития экономики КНР.

О серьезности намерений Китая в регионе говорит тот факт, что за проведение научных программ в Арктике отвечает специальное управление по Арктике и Антарктике (Chinese Arctic and Antarctic Administration), организационно подчиняющееся Государственному океанологическому управлению, а китайский полярный научно-исследовательский центр заметно увеличил штат своих сотрудников (до 230 человек).

Активное использование Северного морского пути. Интерес Китая к Севморпути понятен: это кратчайший водный маршрут между Европой и Дальним Востоком. Он почти на 4,5 тыс. км короче, чем путь через Суэцкий канал. Изменившиеся климатические условия позволяют проводить по нему суда с июля по конец ноября. Маршрут этот не только короче, но и безопас-

нее: здесь нет пиратов, которые подстерегают торговые суда у берегов Сомали и которые до недавнего времени хозяйничали в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а также в Малаккском проливе. Поэтому плавание вдоль северных берегов России привлекает зарубежные транспортные фирмы все сильнее. Если в 2010 г. по СМП прошли всего 4 судна, то в 2011 г. их было уже 34, а в 2012 г. — 46. В 2013 г. российские власти выдали разрешения на совершение 400 рейсов по СМП.

Разрешение на транзит по СМП имеет важное значение для Китая, ибо летняя проводка судов по канадским и российским путям в Северном Ледовитом океане становится все более рентабельной. В 2013 г. по Северному морскому пути из порта Тайцан до голландского Роттердама впервые прошёл китайский сухогруз Yong Sheng на две недели быстрее, чем продолжалось бы плавание по обычному маршруту через Индийский океан и Суэцкий канал. Разрешение на проход также получили китайские суда Da Cai Yun, Hong Xing. Есть разрешение на плавание по СМП судна Nordic Bothnia, ходящего под флагом Гонконга.

По оценке китайских экспертов, только на одном «северном» рейсе простого контейнеровоза или сухогруза можно сэкономить до 0,5 млн долл. Согласно ряду прогнозов китайских ученых, к 2030 г. весь Северный Ледовитый океан может очиститься от ледяного покрова. А это открывает горизонты для новых, более коротких, безопасных, дешевых маршрутов судоходства. Для Пекина этот вопрос крайне важен, с учетом того что экономика этой крупнейшей страны-экспортера на 46 % зависит от международного судоходства. Освобожденная ото льда Арктика способна не только увеличить китайский грузопоток по морю, но коренным образом изменить всю мировую торговлю.

В связи с этим обстоятельством нельзя исключать, что в будущем, по мере усиления КНР и продолжающейся стагнации экономики России, Пекин может потребовать предоставления Северному проходу статуса нейтральных вод. Неслучайно представитель Даляньского морского университета Ли Чжэнфу считает, что получивший «контроль над арктическим маршрутом будет контролировать новый путь мировой экономики». А профессор Го Пэйцин из Китайского университета океана называет споры арктических держав за шельф «вызовом» международному праву, в том числе и со стороны России.

Перспективу освоения Арктики в интересах своей страны китайские лидеры видят *в развитии собственного ледокольного флота*. Для этого Пекин собирается интенсифицировать работу по строительству мощных ледоколов, став самым крупным производителем морской техники, предназначенной для освоения северных широт. В высоких широтах уже ходит китайский ледокол «Сюелун» («Снежный дракон»), который КНР приобрела у Украи-

ны. В 2014 г. к нему присоединился более мощный ледокол водоизмещением 8 тыс. т, который сможет преодолевать льды толщиной более 1,5 м. В Шанхае перестраивается порт приписки ледокольного флота, возводятся корпуса для центра обработки данных, хранилища полярного льда и др. Также в Китае принята программа создания других ледоколов, которые, по мнению китайцев, будут сверхмощными.

Китай также начал *освоение арктических богатств на практике*. В частности, китайская корпорация по добыче шельфовой нефти CNOOC в партнерстве с исландской группой Eukon Energy приняла участие в тендере на получение лицензии на разведку и добычу углеводородов у северного побережья Исландии.

Китайская корпорация CNPC приобрела 20-процентную долю в проекте «Ямал СПГ». Этот проект предусматривает строительство завода, на котором природный газ Южно-Тамбейского месторождения будет сжигаться и закачиваться в крупнотоннажные СПГ-танкеры. Мощность завода — примерно 16,5 млн т сжиженного газа в год. Параллельно здесь будет создаваться морской порт, а в районе поселка Сабетта на Обской губе будет построен аэропорт. Капитальные затраты на реализацию проекта — более 20 млрд долл. Он финансируется консорциумом, в который в том числе вошли Банковская корпорация развития Китая, Промышленный и коммерческий банк Китая, Банк Китая и Китайский строительный банк.

Таким образом, не обладая значительными запасами полезных ископаемых, Китай стремится обеспечить себе с помощью своей значительной финансовой базы доступ к их разработке в Арктике. В связи с этим небезынтересен комментарий российского эксперта А. Инджиева, которой объясняет такое поведение Китая: «Они не хотят быть отрезанными от доступа к Арктике, активно продвигая мысль о том, что у России, контролирующей существенную часть региональных ресурсов, нет ни технологий, ни капитала для добычи этих богатств. Поэтому и грезят о создании совместных предприятий для добычи в российских водах с привлечением китайского капитала и западных технологий. На самом же деле Поднебесная, конечно же, печется только о своих интересах»³².

Китайские амбиции в Арктике стимулирует и то, что формально с международно-правовой точки зрения Арктика является «ничьей», чем и пользуются Китай, стремящейся доказать, что ни у кого нет исключительных прав на освоение этого региона. Как заявил ещё в 2010 г. китайский контр-адмирал Инь Чжо, «Арктика принадлежит всему миру, так что ни у одного народа нет над ней единоличной власти. При этом Китай как страна, где проживает пятая часть населения всего Земного шара, должен непременно принять участие в арктическом освоении»³³.

В реализации своей стратегии в Арктике Китай предпочитает блокироваться со странами АС, чьи позиции не так сильны перед лицом таких крупных держав региона, как США, Россия и Канада. Так, несмотря на свои противоречия с Норвегией³⁴, он заключал с ней договоры по освоению Арктической зоны. Если же говорить о стратегическом партнере КНР, то государство, которое выражает однозначную поддержку Китаю в плане освоения Арктики — это Исландия. Причина заключается в том, что с начала экономического кризиса Исландия стала существенным образом зависеть от китайских инвестиций. КНР выдаёт этой стране кредиты под шадящие проценты. Между Рейкьявиком и Пекином даже действует договор о свободной торговле.

Еще одной сторонницей присутствия Китая в Арктике является Дания. Одно из оснований является не только стремление Копенгагена получить поддержку Пекина в спорных вопросах с другими странами, но и желание также получить китайские инвестиции при разработке природных ресурсов Гренландии, в частности, месторождений нефти и газа на шельфе.

А для Китая эта автономная провинция Дании является идеальным местом для закрепления своего присутствия в регионе, который богат не только энергетическими ресурсами, но и 10 % мировых запасов пресной воды. Гренландия — оптимальная географическая точка входа для китайских предприятий, интересующихся арктическими ресурсами, потому что у правительства острова нет возможностей для самостоятельной добычи полезных ископаемых. Вполне вероятно, что по причине малонаселенности острова китайские фирмы будут завозить туда из КНР большое количество рабочих для строительства электростанций, предприятий по обогащению руды и прочих объектов гренландской инфраструктуры, в которую Китай инвестирует средства.

Таким образом, стратегия Китая в северных широтах не на словах, а на деле доказывает то, что он все увереннее становится глобальной державой, способной бросить вызов остальным странам мира, не исключая РФ и США. Борьба за ресурсы Арктики становится всё более интенсивной, и Китай будет играть в ней всё более значимую роль. Помогать сверхдержаве будут представители слабеющей Европы, стремящиеся хоть как-то удержаться на плаву и подыскивающие новых, пусть и несколько неожиданных, союзников.

В связи с активностью Китая в Арктике для Российской Федерации складывается двоякая ситуация. С одной стороны, Китай для РФ — стратегический партнёр, с которым по многим геополитическим вопросам просматриваются схожие позиции, но с другой стороны, для России это означает появление в арктических широтах еще одного конкурента в лице Китая, претендующего на освоение арктических богатств. КНР в качестве стра-

ны-наблюдателя АС уже получила юридические предпосылки для того, чтобы получить доступ к ресурсной базе богатейшего региона. И рассчитывать на то, что Китай остановится только на позиции наблюдателя в АС, не приходится.

Национальные интересы и стратегия России в Арктике

В связи с ростом значимости Арктического региона в России в 2008 г. была принята стратегия его освоения³⁵. Она определяет основные принципы государственной политики в Арктике до 2020 г. и призвана оптимизировать систему контроля за обстановкой в этом регионе, где Россия намерена сотрудничать с другими приарктическими державами в его освоении.

В этом документе *в качестве национальных интересов* названы: использование Арктической зоны РФ в качестве стратегической ресурсной базы государства, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны; сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества; сбережение уникальных экологических систем региона; использование Северного морского пути в качестве единой национальной транспортной коммуникации РФ.

Эти интересы определяют главные цели, а также *стратегические приоритеты* государственной политики РФ в Арктике, которые конкретизируются по ряду направлений, в том числе:

в области социально-экономического развития — расширение ресурсной базы Арктической зоны РФ, способной в значительной степени обеспечить потребности России в углеводородных ресурсах и других видах стратегического сырья;

в сфере военной безопасности — обеспечение благоприятного режима в Арктической зоне для России, включая поддержание необходимого боевого потенциала группировок войск (сил) Вооруженных Сил РФ;

в области экологической безопасности — сохранение и защита природной среды Арктики, ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата;

в сфере международного сотрудничества — обеспечение режима взаимовыгодного двустороннего и многостороннего сотрудничества России с другими государствами на основе международных договоров и соглашений, участницей которых она является.

Эти цели достигаются решением следующих *задач*.

В области социально-экономического развития — осуществлением геолого-геофизических, гидрографических и картографических работ по подготовке материалов для обоснования внешней границы Арктической зоны РФ; разработкой и внедрением новых видов техники для освоения морских

месторождений полезных ископаемых и водных биологических ресурсов в арктических условиях; реструктуризацией объемов грузоперевозок по Северному морскому пути и оптимизацией «северного завоза» за счет использования возобновляемых и альтернативных источников энергии, реконструкции и модернизации выработавших ресурс энергетических установок, внедрения энергосберегающих материалов и технологий.

В сфере военной безопасности — созданием группировки войск (сил) общего назначения ВС РФ, других войск и органов в Арктической зоне России, способных обеспечить военную безопасность государства в регионе; оптимизацией системы комплексного контроля обстановки в Арктике, включая контроль в пунктах пропуска через госграницу и на трассе Северного морского пути; созданием активно функционирующей системы береговой охраны в Арктической зоне России.

В области экологической безопасности — обеспечением сохранения биологического разнообразия арктической флоры и фауны путем расширения сети охраняемых природных территорий и акваторий в условиях расширения экономической деятельности и глобальных изменений климата; плановой утилизации судов с ядерными энергетическими установками, отслуживших установленные сроки эксплуатации.

Решение этих задач реализуется поэтапно. Так, втором этапе реализации стратегии (2011—2015 гг.) планировалось: международно-правовое оформление внешней границы Арктической зоны России и решение задач ее структурной оптимизации. Для этого Москва должна была представить такую заявку в ООН ещё в 2010 г., однако этот срок был перенесен на 2013 г. На третьем этапе (2016—2020 гг.) должно быть реализовано превращение Арктической зоны России в ведущую стратегическую ресурсную базу государства. Ряд задач уже выполнены или находятся в процессе реализации. Так, на Ямале растет добыча газа, в сфере военной безопасности России в арктической зоне воссоздается группировка войск в Арктике. Еще одним нововведением является создание системы береговой охраны ФСБ РФ. В связи с активизацией мореплавания по СМП было принято решение о реанимации военной базы на Новосибирских островах.

В целом о необходимости возвращения в Арктику в России говорили регулярно, но воплощение этих пожеланий стало возможно первоначально благодаря двум основным факторам: последовательное долговременное улучшение навигационных условий в Заполярье, позволившее значительно расширить сроки навигации в ряде ранее труднодоступных районов, и начавшееся практическое освоение арктических запасов углеводородов.

Этой активности не помешало даже снижение цен на углеводороды в конце 2000-х — 2010-х годов, хотя ряд планов был скорректирован. Тем не менее, начавшаяся эксплуатация платформы «Приразломная» в восточной

части Баренцева моря и строительство порта Сабетта, созданного в рамках крупного газового проекта «Ямал-СПГ», стали первыми ласточками новой волны экономического освоения русского Севера.

Рост доступности Севморпути, облегчающий эту задачу, повышает привлекательность Арктики и для других игроков: сокращение пути из Западной Европы в Восточную Азию на несколько тысяч миль даже по сравнению с маршрутом, проходящим через Суэцкий канал, делает этот маршрут крайне выгодным — особенно если в регионе будет создана соответствующая инфраструктура, обеспечивающая безопасность мореплавания.

Вместе с тем гражданское развитие региона невозможно отделить от военного, тем более учитывая, что географические особенности Арктики, делающие ее самым коротким «мостом» между Россией и США, никуда не делась. Поэтому 1 декабря 2014 г. в России было сформировано новое, пятое по счету, объединенное стратегическое командование (ОСК). ОСК «Север», созданное на основе сил Северного флота и переданных частей Западного, Центрального и Восточного военных округов, стало отвечать за оборону Заполярья и приполярных районов европейской части России, а также за военное присутствие на островах Северного Ледовитого океана. Несколько раньше, в 2012—2013 гг. началось исследование заброшенных арктических баз, первоначально под лозунгом очистки их от накопившегося в предыдущее время мусора, в том числе экологически опасного. В 2014—2015 гг. на континенте и ряде островов начались масштабные работы по восстановлению арктической военной инфраструктуры.

Восстановление присутствия на островах, которые в предшествующий период были оставлены практически все, кроме острова Южный Новоземельского архипелага, стало наиболее интересной частью проекта. Фактически, создав цепь островных баз от Земли Франца-Иосифа до острова Врангеля, Россия получает вынесенную в океан систему раннего обнаружения и обороны, прикрывающую континентальную Арктику. Необходимость создания этой системы обусловлена как экономическим потенциалом СМП и прилегающих территорий, так и новыми военными реалиями — охлаждение отношений между Москвой и НАТО, начавшееся задолго до украинских событий, требовало принятия соответствующих мер вне зависимости от экономической значимости региона.

Развертывание в Заполярье новых воинских частей, включая специально подготовленные к действиям в Арктике бригады, возвращение на север значимых сил ПВО и авиации, включая самолеты дальнего радиолокационного обнаружения А-50 и перехватчики МиГ-31, конечно, пока не позволяет говорить о возвращении противостояния к масштабам холодной войны, но особенности Арктики заключаются в том, что даже весьма малые силы

могут сыграть стратегическую роль, первыми заняв ту или иную важную точку.

В этих условиях критически важным становится обеспечение постоянной транспортной доступности ключевых узлов — за счет совершенствования аэродромной сети, строительства новых железных дорог в Арктике и приближенных к ней районов, а также возобновления серийной постройки атомных ледоколов. Строительство двух кораблей по проекту ЛК-60Я, а в перспективе, возможно, и сверхмощного ЛК-110, в сочетании с постройкой дизельных ледоколов позволяет говорить о сохранении возможностей России по обеспечению доступа в любой район Арктики в течение большей части года.

Большинство этих баз должны обеспечить работу развернутых на островах радаров, прикрытых теми или иными силами ПВО. Наиболее значимая группировка развернута на Новой Земле, где в числе прочего размещена зенитная ракетная система С-400 и обеспечено дежурство перехватчиков, что делает архипелаг центром всей арктической позиции.

Помимо названных причин, не стоит сбрасывать со счетов и интересы ядерного сдерживания. Возвращение к логике холодной войны, включая и рост активности разведывательной авиации и флотов сторон у побережья «вероятного противника», означает и выросшую угрозу атаки на развернутые в Заполярье российские морские стратегические ядерные силы — а на борту 7 стратегических ракетносцев, входящих в состав Северного флота, размещено около трети от общего числа российских боевых зарядов по правилам зачета договора СНВ-3³⁶.

С этим решением была связана и ледокольная проводка 10 боевых кораблей и судов обеспечения Северного флота летом 2013 г. Отряд во главе с тяжелым ракетным крейсером «Пётр Великий» вышел из Североморска и совершил переход по Баренцеву и Карскому морям, преодолев более 1,5 тыс. морских миль, в том числе 400 миль по районам со сложной ледовой обстановкой. Отряд сопровождали 4 атомных ледокола («Ямал», «Вайгач», «50 лет Победы» и «Таймыр»). Однако это только первые шаги в воссоздании необходимого боевого потенциала группировок войск (сил) ВС РФ в северных широтах. Особенно это касается разработки и внедрения новых видов техники для освоения морских месторождений полезных ископаемых и водных биологических ресурсов в арктических условиях, получения иностранных инвестиций для освоения северных территорий страны.

Развитие обстановки в регионе и вызовы национальным интересам РФ

Точно просчитать, как будет меняться будущая роль ведущих игроков в Арктике чрезвычайно сложно из-за необходимости учитывать множество независимых переменных. И то, что Россия сможет позволить себе в Аркти-

ке в будущем, во многом будет зависеть от эффективности мер, направленных на выход из стагнации страны, о чем говорил В. Путин на совещании правительства РФ в октябре 2018 г., взлетов и падений других держав и их коалиций, от изменения их веса по отношению к ней.

В целом центр глобальной динамики и далее будет перемещаться из Европы и Атлантического региона в страны Азии и Тихоокеанского бассейна, где продолжится динамичное развитие Китая и Индии. Глобализация будет и далее определять международную обстановку, и значение Арктического региона для развитых государств мирового сообщества будет неуклонно возрастать в связи с открывающимися возможностями региона.

Арктические исследования и военные приготовления западных стран будут идти по нарастающей, поскольку научные, экономические и технические возможности у них уже есть и год от года они будут увеличиваться. В перспективе возможностями, которые открываются для Китая в Арктике в связи с глобальным потеплением, могут воспользоваться и военные ведомства НОАК.

Западные государства — члены АС будут прагматично преследовать свои национальные интересы в Арктике, между ними вряд ли возникнут существенные идеологические расхождения, способные обострить международную конкуренцию. Очевидна и другая тенденция: эти страны во главе с США не только все больше будут сближаться в своих общих интересах против России, но и противодействовать закреплению Китая в Арктике, привлекая к этому другие государства.

В рамках информационных войн в западных СМИ будут периодически появляться публикации мнений «авторитетов» о необходимости приостановить наращивание деятельности Москвы и Пекина в Арктике и широкое обсуждение данного вопроса. Подобные призывы, не учитывающие исторически сложившиеся реалии и устремления России сотрудничать с другими державами в освоении Арктики, будут иметь цель — лишить РФ каких-либо возможностей для отстаивания ее национальных интересов на самом обширном участке прилегающих акваторий и шельфов.

Независимо от того, какое решение будет принято комиссией ООН по уточнению границ принадлежности арктического шельфа для приарктических государств, споры и конкуренция между ними будут нарастать. Усилится милитаризация региона, военная сила в Арктике будет играть существенную роль. ВМС США будут по-прежнему являться главным аргументом Вашингтона в решении основных проблем Арктики.

Россия будет окружена антироссийски настроенными странами и их союзами более динамичными, нежели она сама, в экономическом, военном и политическом отношении. И по мере глобального потепления они усилят давление на Москву в интересах интернационализации использования Сев-

морпути в качестве транспортной коммуникации мирового сообщества. К такому давлению может присоединиться и Пекин. Интернационализация этого вопроса будет одним из способов Китая, дабы получить более весомые козыри в споре за арктические богатства.

Пока в Арктике наблюдается относительная стабильность. Но нельзя исключить, что если в будущем начнется «силовой передел» этого региона, то в северных широтах *возможна реализация сценария межгосударственного вооруженного конфликта*.

Западное аналитическое издание Strategic Culture рассказало, что британцы, фактически не имея никаких прав на Арктику, готовятся к войне с Россией в этом стратегически важном для неё регионе. По словам аналитиков, интересы и планы на эту территорию могут иметь только 8 стран. Речь идёт о России, США, Швеции, Исландии, Канаде, Норвегии, Финляндии и Дании. Тем не менее, в последнее время в их число активно пытается «вписаться» ещё один крупный игрок в лице Великобритании, который убежден, что он тоже располагает правами на Арктику. Так, британский министр обороны Гэвин Уильямс заявил, что РФ должна покинуть арктический регион, потому что он «находится на заднем дворе Британии». Эксперты Strategic Culture не согласны с его заявлением. Ключевая претензия к Лондону со стороны прессы заключается в том, что он уже не может вторгнуться на эту территорию в силу исторической составляющей. Дело в том, что Арктику негласно «поделили» на зоны влияния, и Британия в этом списке не фигурирует. К тому же, подобные заявления со стороны официальных лиц Лондона, похожие на готовящийся «удар из ниоткуда», Россия может воспринять резко негативно. Более того, остальные государства также преследуют свои интересы в регионе. По всей вероятности, воинственные заявления Лондона — это прямая демонстрация того, что Запад заинтересован в возможной стычке с Россией в Арктике. Причём это делается руками страны, которая в принципе не имеет отношения к данному району на Северном полюсе. Очевидно, западные политические элиты не берут в расчёт тот факт, что регион имеет огромное стратегическое значение для России и поэтому она размещает там свой военный контингент, способный отразить потенциальный удар любого агрессора.

Кроме того, администрация США также предупредила мировое сообщество о возможности такого конфликта вокруг природных ресурсов и «земель» Арктики. Об этом говорится в американской Стратегии сотрудничества для морской мощи 21 века. Будущую ситуацию в Арктике ее авторы включили в список «вызовов новой эры», к которым необходимо быть готовыми. Для этого США планируют использовать свои ВМС, как для демонстрации военной мощи, так и для давления на государства, политика которых в Арктике не устраивает Вашингтон. В частности, в документе подтвер-

ждается, что «мощь крупнейшей в мире армады, насчитывающей 279 надводных и подводных кораблей, будет концентрироваться там, где высока напряженность или где США захотят продемонстрировать союзникам приверженность идеям безопасности региона».

В Арктике существуют и другие вызовы региональной стабильности, которые затрагивают национальные интересы России.

Первый из них — это *проблема разграничения полярных владений*. России предстоит вести борьбу в ООН с США, Канадой, Норвегией и Данией, отстаивая свое право на богатства в условном треугольнике Архангельск — Северный полюс — Чукотка. В этом треугольнике оппоненты России будут проводить единую и скоординированную политику недопущения РФ к богатствам шельфа. Для чего ими уже выдвигаются идеи, что к Арктике надо подходить как «к общему наследию человечества», имея в виду открытие этого региона для международных нефтегазодобывающих компаний. Многие в этих планах не совпадают с экономическими, геополитическими и оборонными интересами России и представляет системную угрозу ее национальной безопасности.

Другой вызов региональной стабильности — существующие *противоречия между приарктическими государствами*. В позициях каждого из них по вопросам деятельности в своих секторах существуют противоречия с другими странами региона. Так, Канада не желает, чтобы СЗП приобрел статус международного. При этом необходимо отметить двойственность политики Оттавы по этому вопросу. СЗП — «свой», а не путь вдоль берегов РФ, за интернационализацию которого Канада активно выступает.

Дания не может договориться с Канадой относительно границ юрисдикции на разделяющих их владения акваториях. Есть у неё разногласия по ряду проблем использования Арктики с Норвегией и Россией.

Предметом длительного спора России с Норвегией являлся «серый сектор» континентального шельфа в Баренцевом море площадью 170—180 тыс. кв. км. (больше, чем территория всей Прибалтики), где есть богатые нефтегазовые месторождения. Норвежцы чувствуют себя на спорных территориях хозяевами. Нефтедобычу они пока там не ведут, но российские рыболовные суда выпроваживают оттуда крайне решительно.

Этим обуславливается следующий вызов стабильности — *постоянный рост милитаризации региона*. Пять лет тому назад несколько комиссаров Евросоюза подготовили для стран-членов ЕС доклад, в котором предупредили об опасности возможных конфликтов в Арктике. Следуя в русле таких опасений, скандинавские страны объявили о создании собственного военного блока. В него вошли Дания, Исландия и Норвегия, являющиеся членами НАТО, а также придерживавшиеся до последнего времени политики неприсоединения к военно-политическим альянсам Финляндия и Швеция. При

этом они объявили, что их объединение преследует цели «обеспечения безопасности в Арктическом регионе»³⁷. Если для Дании и Норвегии, обладающими секторами в Арктике, как и для Исландии, примыкающей к ним, то не имеющей собственных ВС, подобные действия в целом оправданы, то не совсем ясен интерес к «Скандинавскому блоку» Швеции и Финляндии, которые не располагают прямым выходом в Арктику. Можно предположить как намерение Стокгольма и Хельсинки включиться в пересмотр существующего status quo в регионе, так и желание оказать давление на Москву, которая ужесточает свои позиции в вопросах продажи леса, за счет которого во многом функционирует скандинавская бумажная и деревообрабатывающая промышленность.

«Скандинавский блок» создает «военный кулак», который будет способным конкурировать и даже преобладать над силами общего назначения России в Арктике. Суммарные силы нового блока насчитывают около 600 боевых самолетов, 24 подводные лодки и свыше 30 боевых кораблей основных классов, а также до 220 более мелких кораблей и катеров. Арктическая направленность блока, как и его преимущественно антироссийская направленность — очевидны. Ибо давно известно, в основе всякого военного объединения лежит подготовка к проведению силовых акций, а значит, нужен и объект, консолидирующий необходимость такой подготовки. Если взглянуть на карту Севера планеты, то кроме России и выбрать в его качестве там некого. И если США и НАТО давно проводят военные приготовления в Арктике, то сейчас к ним присоединяется и «скандинавский блок», что добавляет тревожные «ноты» в полемику относительно возможных направлений дальнейшего развития событий в Арктике.

Проблемы трансарктических перевозок. Следует отметить, что с точки зрения международных правовых основ маршрут СМП проходит по акваториям с различным правовым статусом. Это — внутренние воды России, территориальное море и прилежащие воды, а также районы, отнесенные к исключительной экономической зоне РФ, и открытое море³⁸. Начиная с 1991 г. Москва открыла СМП для проводки иностранных судов, установив при этом некоторые ограничения, поскольку его маршрут в основном проходит по водам, находящимся под юрисдикцией РФ. По некоторым оценкам потенциального объема транзита по СМП, он может достичь 8—12 млн т в год. Правда, это значение пока не дотягивает и до 0,05 % того объема транзита, который сейчас осуществляется через проливную зону Юго-Восточной Азии, превысившего 2 млрд т в год. И, как считают российские эксперты, в обозримом будущем плавание в арктических водах будет возможно по-прежнему только в течение нескольких теплых и светлых летних месяцев. Причем и тогда на некоторых и довольно протяженных участках пути, например, между островами Врангеля и Новая Земля (свыше

3 тыс. км), не представится возможным совсем отказаться от ледовой проводки.

Несомненно, что широко рекламируемая в СМИ оценка западными специалистами данного маршрута как весьма перспективного для коммерческого судоходства между Америкой, Европой и Азией имеет иную цель. Это один из способов, с помощью которого транснациональные и крупные национальные компании развитых стран стремятся проникнуть в российское Заполярье, с задачей закрепиться там и развернуть хозяйственную деятельность для установления в последующем своего контроля над добычей ресурсов, прежде всего энергетических, в этом регионе планеты³⁹.

Тем не менее, Россия заинтересована в участии западных компаний в освоении ресурсов на своем шельфе и расширении транзита грузов по СМП как дополнительного источника валютных поступлений для развития инфраструктуры российского арктического региона. Ведь Заполярье приносит 21 % в национальный ВВП, а его экспортная продукция составляет 17 % всего экспорта РФ⁴⁰. Наряду с задачей привлечения иностранных инвестиций в модернизацию северных предприятий, у Москвы есть потребность шире привлекать к вывозу этой продукции зарубежных перевозчиков. С этой целью РФ уже открыла значительное число своих северных портов для захода судов, несущих флаги других государств. Аналогичные мотивы определяют заинтересованность Москвы в развитии кроссполярных воздушных маршрутов в Арктике, что нашло прямое отражение в документах, определяющих приоритеты российской политики в этом регионе.

На этом фоне деструктивными для российских интересов выглядит стремление «интернационализировать» СМП (или хотя бы некоторые его участки). Так, Евросоюз, подавляющее большинство стран-членов которого имеют весьма отдаленное отношение к Арктическому региону, настаивает на расширении круга акторов, которые бы участвовали в решении проблем региона и эксплуатировали там месторождения полезных ископаемых, а также подводит юридическую базу под идею интернационализации СМП, игнорируя существующую его нормативно-правовую основу.

Поэтому за предложениями типа создания «Международного транспортно-консорциума для управления СМП» видится желание третьих акторов оттеснить Россию от руководства этой важной артерией (в том числе от выработки эксплуатационной и тарифной политики, правил безопасности и контроля за их исполнением, и т. д.). Причем, в случае поступления аналогичных по сути предложений Москвы в отношении владений самих инициаторов этого предложения, они вряд ли даже стали бы их обсуждать.

Экологические вызовы. Как уже отмечалось, природа в Арктике в высшей степени чувствительна к антропогенному воздействию и очень медленно восстанавливается после грубого вмешательства. Хозяйственная деятель-

ность человека там особенно негативно влияет на окружающую среду, которая ранее считалась эталонно чистой. В нынешнее время зимой и весной в регион нередко попадают загрязненные воздушные массы из отдаленных районов Евразии. Так, в докладе Арктического совета сообщается, что в регион постоянно заносятся устойчивые к разложению вещества, которые обнаруживаются уже не только в почве, но и в организмах животных. При этом уровень их концентрации в большей части арктической зоны можно объяснить только переносом из районов более низких широт.

Также в Арктической зоне РФ экспертами выделено 27 районов, получивших название «импактных», где процессы загрязнения уже привели к сильной трансформации естественного геохимического фона, загрязнению атмосферы, деградации растительного покрова и почвы, повышенной заболеваемости местного населения. Крайне остро стоит проблема утилизации промышленных отходов, в большом количестве накапливающихся вокруг предприятий. Так российское объединение «Апатит» ежегодно складирует около 30 млн т отходов. За относительно короткий срок освоения Арктики пробурено десятки тысяч скважин, и на половине из них случаются аварийные утечки⁴¹.

Существует потенциальная опасность радиоактивного загрязнения региона. Ее причина — неудовлетворительное техническое состояние объектов хранения радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива. Только на атомных подводных лодках Северного флота РФ, находящихся в отстое, и на береговых хранилищах Кольского полуострова сосредоточено около 250 активных зон реакторов⁴².

Аналогичные примеры негативного воздействия на экологию Арктики можно привести и из деятельности других приарктических государств. Поэтому экологические проблемы Арктики нельзя рассматривать как сугубо национальные или региональные, поскольку они являются индикатором глобальных тенденций. К тому же следствия нарушения экологического равновесия рано или поздно выходят за границы отдельных стран. Реализовать такие важнейшие проекты, как обоснование «экологической емкости» территорий допустимых «антропогенных нагрузок», а также разработать нормативы природопользования для условий Арктики можно только усилиями всех приарктических государств.

Возможные шаги России по укреплению своих позиций в Арктике

Из вышеизложенного следует, что в свете стоящих перед страной задач по освоению Арктики основной целью России на ближайшее десятилетие должно стать укрепление статуса арктической державы по следующим направлениям.

Первое направление — в Арктическом совете — целесообразно выступать ведущим субъектом в освоении и эксплуатации ресурсов Арктики, развивая диалог и партнерство в этой сфере с недавно принятыми в АС странами-наблюдателями. Прагматичная политика РФ в этой организации, основанная на уважении чужих национальных интересов, может свести к минимуму число потенциальных недругов и установить благоприятный международный климат, при котором Россия могла бы направить свою энергию на развитие своих арктических владений.

Второе. Необходимо стать ключевым субъектом глобальной энергетики и лидером в разработке новых технологий в нефтегазовой сфере в условиях крайнего Севера. При этом продолжать оставаться ведущим поставщиком энергоносителей с севера России в страны Европы и в Китай, иницируя их инвестиции в российский Север.

Третье. Важно стать основным партнером для всех государств, заинтересованных в освоении Арктики, используя для этого свои преимущества — обладанием самым мощным ледокольным флотом в мире и контролем за Севморпутем. Это козырь для России: на самом трудном участке маршрута корабли могут проходить этот путь только в сопровождении российских ледоколов.

Четвертое. Союзником России в освоении ресурсов Арктического региона может стать Китай. Для этого у обоих государств есть объективная заинтересованность. КНР стремится выйти из-под американского контроля поставок энергоресурсов в страну из нефтедобывающих государств арабского мира. Зависимость от экспорта энергоресурсов, и особенно нефти, является «ахиллесовой пятой» промышленности КНР, главного соперника США. Альтернативой этому является развитие энергопоставок из России, включая в перспективе и из Арктики. РФ может оказать КНР помощь в проведении исследований в Арктике и в развитии флота, предназначенного для плавания в северных широтах. В свою очередь Россия заинтересована в финансовых инвестициях из Китая в развитие инфраструктуры северных территорий. В связи с этим в МИД РФ целесообразно проработать вопрос о перспективе тандема в ООН Москвы и Пекина при решении спорных вопросов в Арктическом регионе.

Пятое. Необходимо быть готовым к усилению информационного противоборства по проблемам Арктического региона, играя на опережение оппонентов в этой сфере и не повторяя прошлых ошибок (например, по освещению событий на Кавказе 2008 г.). Важной составляющей российского информационного противодействия интернационализации Севморпути должна стать непрерывная научно-аргументированная разъяснительная кампания в зарубежных СМИ. Примером положительного эффекта таких акций может послужить статья В. Путина о Сирии, опубликованная в американских СМИ в сентябре 2013 г.

Шестое. Одновременно целесообразно продолжать развивать систему военной безопасности на севере страны, укрепляя группировку войск (сил) общего назначения и других формирований в арктической зоне РФ, способных обеспечить защиту госграницы и экономической зоны РФ, а также осуществлять эффективный контроль Севморпути. Для этого целесообразно ускорить внедрение системы «Глонас» и системы контроля за военной обстановкой в регионе, которая включала бы радиотехнические, военно-морские, авиационные и армейские силы и средства.

Седьмое. Ближайшими задачами на нынешнем этапе реализации «Основ политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» могут стать:

международно-правовое оформление границ в регионе в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. и заявки России в ООН по расширению её границ принадлежности арктического шельфа;

организация транзитных полетов в Арктике и использование Севморпути на базе международного права и российского законодательства;

развитие партнерства с Китаем в освоении Арктики, основанного на совпадении национальных интересов в противостоянии западной гегемонии в регионе по главе с США.

В заключение следует отметить, что во всем мире растет осознание того, что в обозримом будущем Арктика станет основной ресурсной базой человечества. Арктический регион в целом, СЗП, СМП как неотъемлемые части данного региона становятся в XXI в. центрами притяжения мировой экономики и торговли. В стратегиях западных держав одно из центральных мест занимает признание растущего значения региона не только для их экономики, но и для военных целей. Динамизм происходящих в регионе процессов создает угрозу возникновения межгосударственных трений и противоречий, грозящих обернуться крупными столкновениями на международном уровне. Приарктические страны имеют территориальные и иные претензии друг к другу. Часть из них можно решить в ближайшие годы, решение же наиболее сложных, к сожалению, возможно в весьма отдаленном будущем.

Китайская Народная Республика становится все более заметным участником деятельности в арктических широтах. Торговое плавание по Северному морскому пути, научные высокоширотные экспедиции, а также получение статуса наблюдателя в Арктическом совете дополняются активным участием в реализации проектов разработки полезных ископаемых на шельфе северных морей. Стремительная эволюция международных отношений в Арктике обуславливает органы власти России по-новому взглянуть на ситуацию в регионе и уточнить приоритеты национальной стратегии с учетом существующих реалий.

1.4. Американская Индо-Тихоокеанская стратегия как вызов национальным интересам Китая и России в регионе

Первые шаги 45-го президента США в области политики в АТР

В 2017 г. администрация Трампа издала ряд документов, излагающих основы американской политики в современном мире. Среди них важным документом является «Стратегия национальной безопасности»⁴³. В нем немалое место уделено Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), который Д. Трамп посетил в ноябре 2017 г. Претворяя его визит в Индию, 18 октября госсекретарь Тиллерсон выступил с речью в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне, которая содержала ряд установочных заявлений о политике США в АТР⁴⁴. А в январе 2018 г. глава Пентагона объявил свое видение тенденций, происходящих в этом регионе. Согласно его заявлению — «американские дипломаты всегда будут выступать «с позиции силы» благодаря мощи вооруженных сил страны»⁴⁵.

На практике эти заявления подтверждены следующими акциями 45-го президента США: в 2017 г. Трамп ввел новую американскую стратегию в Афганистане; вывел США из «Транс-Тихоокеанского партнерства» (ТТП); поставил крест на «ТрансАтлантическом партнерстве» (ТАП); и заявил, что в регионе будет проводиться «Индо-Тихоокеанскую» стратегию (ИТР)⁴⁶. При этом следует заметить, что ТТП включает 11 стран-членов. Это соглашение было ратифицировано несколькими странами, и его вступление в силу ожидалось во второй половине 2018 г. после ратификации необходимым большинством государств. Такие государства, как РК, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Индонезия и Великобритания, выразили заинтересованность в присоединении к ТТП. В определённый момент к партнёрству мог бы примкнуть и Китай. Однако президент Трамп в первую неделю своего пребывания в этой должности заявил о выходе из ТТП.

Индо-Тихоокеанская концепция и стратегия США

Ещё до прихода Д. Трампа в Белый дом политики и специалисты по внешней политике США были обеспокоены тем, что усиление Китая чревато более серьёзными вызовами, чем ранее предполагалось. С тех пор, как Китай начал проводить политику реформ и открытых дверей в 1979 г., две основополагающие предпосылки, с которыми в большей или меньшей степени были согласны обе американские партии, легли в основу политики

США: по мере того, как Китай будет всё больше интегрироваться в мировую экономику и региональные институты, и после того, как в Китае сформируется значительный средний класс, эта страна станет приемлемым участником мирового порядка, основанного на правилах США, а во многом совпадающие интересы Америки и Китая будут способствовать сотрудничеству двух стран; за этим последует политическая реформа или даже установление «полноценной» демократии в Китае.

Однако на протяжении последнего десятилетия в США стали постепенно осознавать, что эти предпосылки оказались неверными. Глубокий пессимизм Вашингтона по этому поводу обобщён в признании, сделанном двумя бывшими официальными лицами в администрации Обамы: «Сегодня Вашингтон сталкивается с самым динамичным и грозным конкурентом в современной истории. Чтобы правильно осознать этот вызов, необходимо избавиться от пустых надежд, которые так долго были частью подхода США к Китаю»⁴⁷. Нынешняя торговая война между США и Китаем — проявление этого сдвига, попытка противодействовать китайскому наступлению на мировой арене.

При этом высокие темпы и размах экономического и стратегического подъёма Китая в мире стали некоторого рода шоком для стратегов из Вашингтона. Рекордный торговый дефицит США с КНР в размере 375 млрд долл. и размещение Китаем военных баз в Южно-Китайском море стали символическим толчком для активизации антикитайской политики США. В ответ на деятельность Пекина в АТР Вашингтон начал реализовывать свою концепцию в этом регионе. С одной стороны, Индо-Тихоокеанская концепция расширяет понятие АТР с тем, чтобы отразить повышение значимости Индии, которая становится важным экономическим и стратегическим актором на акватории двух океанов. С практической точки зрения это означает расширение присутствия США в регионе за счет усиления американской политики военными средствами при «повороте на Восток», провозглашённой администрацией Обамы и расширившей понятие АТР (рис. 1.13).

И как бы американские политики ни пытались объяснить свой подход к политике в регионе, Индо-Тихоокеанскую стратегию лучше всего рассматривать как попытку усилить порядок, основанный на правилах, и уравновесить усиливающийся Китай — не только как одну из ведущих мировых держав, но и как крупную морскую силу.

Это связано с тем, что Пекин усилил деятельность в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, разместив там свои военные базы на спорных территориях, которые находятся под его контролем⁴⁸. В целом Китай претендует на 90 % акватории Южно-Китайского моря. Однако эти претензии были дискредитированы Международным судом в Гааге в соответствии

Рис. 1.13. Военные базы США и КНР в Восточной Азии.

Источник: URL: http://dergachev.ru/images/301016_002.jpg

с Конвенцией ООН по морскому праву. Он отверг все притязания и позицию Китая в июле 2016 г.⁴⁹ Отказавшись признать это постановление суда, Пекин подтвердил «непререкаемый» китайский суверенитет над этими территориями. Поэтому в ближайшем будущем маловероятным представляется, что удастся распутать клубок противоречий между странами, претендующими на спорные территории в Восточно-Китайском море. Так, КНР оспаривает претензии Японии на острова Сенкаку, которые по-китайски называются Дяоюйдао.

Следует отметить, что администрация Трампа заимствовала «Индо-Тихоокеанскую стратегию» в качестве термина у японского премьер-министра Синдзо Абэ, который впервые сформулировал эту концепцию в речи 2007 г. в индийском парламенте во время своего первого срока пребывания на посту премьер-министра Японии: «Сегодня Тихий и Индийский океаны ока-

зывают взаимное влияние друг на друга, обеспечивая свободу и процветание. «Большая Азия», вышедшая из своих географических границ, начинает приобретать ясные очертания. У наших двух стран есть возможность позабиться о том, чтобы она расширилась ещё больше. Наша ответственность — пестовать и обогащать это пространство двух океанов, превращая его в пространство открытости»⁵⁰. При этом Трамп в мире проводит американскую протекционистскую политику, выражая неприятие к тому, что он называет «глобализмом», хотя в официальных заявлениях США повторяет постулат о важности «порядка, основанного на правилах».

Первое разъяснение по «свободной и открытой Индо-Пасифике» было дано министром обороны США Джеймсом Мэттисом на ежегодном Азиатском саммите по безопасности (Диалог Шангри-Ла). На нём Мэттис очертил четыре основные темы, в значительной степени совпадающие с японскими, австралийскими и индийскими:

«море — это всеобщее благо, а морские линии сообщения — это артерии экономической жизни, необходимые всем. США будут помогать партнёрам в деле создания морского потенциала и обеспечения соблюдения норм права с целью мониторинга и защиты существующего порядка на море, а также интересов;

мы будем добиваться большей интегрированности наших вооружённых сил с вооружёнными силами других государств;

и поддерживаем укрепление верховенства права, гражданского общества и открытости регулирования;

США будут совершенствовать финансовые институты и институты развития, признавая необходимость наращивания инвестиций, включая инфраструктурные»⁵¹.

Это находит отражение и в Стратегии национальной безопасности (СНБ), и в Стратегии национальной обороны США, где делается акцент на безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, где содержится первое явное определение Китая преимущественно как «стратегического конкурента», где сказано: «Китай стремится вытеснить США в Индо-Тихоокеанском регионе, распространить за границей свою экономическую модель с опорой на государство, а также изменить региональный порядок в свою пользу». В ближайшей перспективе США тревожит то обстоятельство, что Китай стремится установить свой контроль над первой островной цепью, примыкающей к его морским границам, и проводить политику ограничения доступа, чтобы затруднить военные действия США в регионе, сделать их более дорогостоящими.

Это отражено в Стратегии обороны, сформулированной Пентагоном: «Китай использует военную модернизацию, операции по усилению влияния и хищническую экономику, чтобы вынудить соседние страны изменить

порядок в ИТР таким образом, чтобы он больше соответствовал интересам Пекина. По мере усиления в военно-экономическом отношении... Китай продолжит осуществлять программу модернизации армии, нацеленную на достижение Индо-Тихоокеанской региональной гегемонии».

Поэтому сотрудничество в сфере безопасности в ИТР США с другими странами неуклонно нарастало в последнее десятилетие в качестве ответа на всё более активные действия Китая. Взаимодействие между США, Японией и Австралией в области обороны, а также ежегодные трёхсторонние встречи стали основой дипломатии США в Азии.

При этом США укрепляют свои оборонные связи с Индией, как на двусторонней основе, так и посредством проведения ежегодных военных учений США, Японии и Индии «Малабар». Кроме того, объявив в 2015 г. об Инициативе в области морской безопасности Юго-Восточной Азии стоимостью в 425 млн долл., США всё больше помогают ключевым государствам АСЕАН наращивать свои возможности на море. Речь идёт, в частности, о Вьетнаме, Филиппинах, Малайзии и Индонезии — в ответ на действия Китая в Южно-Китайском море. Эти усилия координируются с Японией и Австралией.

Параллельно вот уже более 10 лет в регионе развиваются различные механизмы сотрудничества между странами Азии: Японии с Вьетнамом и Филиппинами, взаимодействие стран АСЕАН на море, а также связи Японии с Индией и Сингапура с Тайванем. Помимо этого, Индия, стремясь расширить торговлю со странами Восточной Азии в экономической и оборонной отрасли, также наращивает сотрудничество в сфере обороны со странами АСЕАН, в частности с Вьетнамом. Дели стал активнее высказываться по поводу территориальных споров в Южно-Китайском море, а также углублять свои оборонные связи с Ханоем.

Однако стремление реализовать американскую стратегию в АТР уравнивания действий Китая и укрепления порядка наталкивается на множество противоречий. Прежде всего, в регионе продолжается тренд дальнейшего расхождения между процветающей экономикой и усугубляющимися проблемами в сфере безопасности. В экономическом отношении в АТР усиливается интеграция: более 53 % всей торговли осуществляется внутри региона, растут межрегиональные инвестиции, а экономика региона оценивается в 20 трлн долл. Вместе с тем в регионе наблюдаются проблемы в области безопасности: он изобилует территориальными спорами, атмосферой недоверия, усиливающимся национализмом. В связи с этим в начале XXI в. в регионе началась гонка вооружений, особенно на море. Хотя темпы роста военных расходов в мире замедляются, страны Азии тратят на оборону существенно больше, чем европейские государства.

Один из вопросов, которые возникают ввиду этих разнонаправленных тенденций, звучит так: как страны ИТР определяют свои интересы? Ведь от этого будет зависеть ограничения и возможности Индо-Тихоокеанской стратегии. Как и Китай, Индия исторически была автономным стратегическим игроком, с опаской рассматривающим различные альянсы, а в Дели по-прежнему сохраняются стойкие антиамериканские настроения неприсоединения. Так, в своём послании к Диалогу Шангри-Ла премьер-министр Индии, в частности, акцентировал внимание на том, что индийское видение Индо-Пасифики «инклюзивно и не включает в себя какую-либо группировку, нацеленную на доминирование. И что этот проект ни коим образом нельзя считать направленным против какой-либо страны»⁵².

Китай является крупнейшим торговым партнёром любой экономики в ИТР: Японии, РК, стран АСЕАН, Индии и Австралии. Экономические закономерности дают основания с гораздо большей вероятностью предположить появление всеобъемлющей экономической архитектуры в регионе, чем инклюзивной структуры в сфере безопасности. Помимо торгового компонента, китайская инициатива «Один пояс — один путь» обладает привлекательностью для региона и по другим причинам, тем более что Пекин активно развивает различные проекты от Южной Азии до стран АСЕАН. Хотя усиливающаяся деятельность Китая в регионе и тактика принуждения, к которой он время от времени прибегает, вызывают определённое недовольство, мало кто видит какую-либо иную альтернативу необходимости договариваться с Пекином.

Таким образом, в интерпретации Вашингтона, ИТР — это обширное пространство «от западных берегов Индии до западного побережья США»⁵³. Этот регион нужен США для того, чтобы сбалансировать усиление Китая в Восточной Азии, которая является естественной осью АТР. И тот, кто контролирует Восточную Азию — управляет АТР, и впоследствии — целым миром. Поэтому нарезка ИТР практически соответствует зоне ответственности Тихоокеанского командования США (рис. 1.14).

При этом сдвиг внешней политики США в отношении Китая, от сбалансированного сочетания элементов сотрудничества и конкуренции до взгляда на Пекин как преимущественно стратегического конкурента, что сформулировано в Стратегии национальной безопасности США, происходил постепенно.

Как считает эксперт Российского совета по международным делам И. Кравченко: «Для Трампа важно установить тесное взаимодействие с ведущими странами в регионе. Речь идет об оси, соединяющей США, Индию, Японию, Южную Корею, и Австралию с учетом их противоречий с Китаем, который строит новые острова в Южно-Китайском море для создания там военных баз. Пекин также активно спонсирует портовые проекты в Паки-

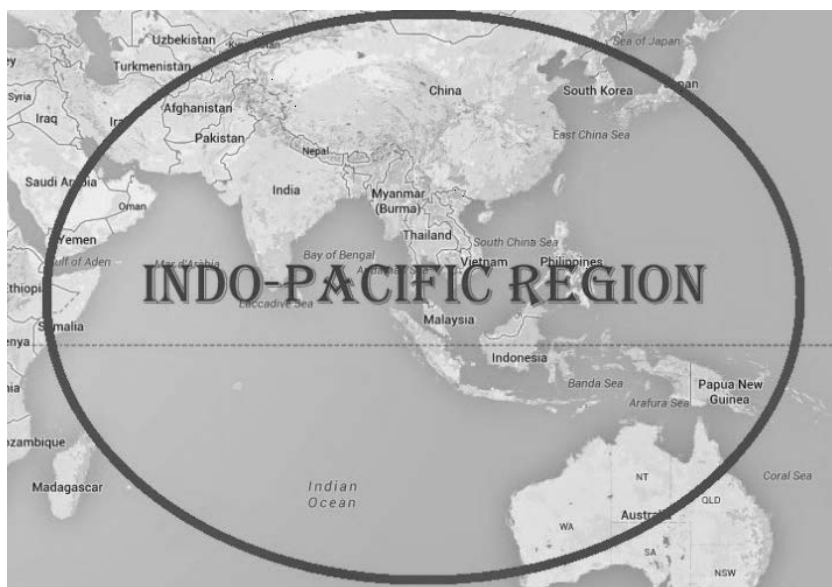

Рис. 1.14. Индо-Тихоокеанский регион: США на пространстве двух океанов.

Источник: URL: <http://politanalyse.com/wp-content/uploads/2018/07>

стане и на Шри-Ланке. Рост влияния Китая в АТР вызывает озабоченности у Индии и других стран региона, у которых есть нерешенные вопросы с КНР»⁵⁴.

Трамп видит АТР именно в качестве «Индо-Тихоокеанского» региона, а не «Азиатско-Тихоокеанского», что принципиально рознит его с подходами администрации Обамы⁵⁵. Поэтому он намерен укреплять стратегические отношения со странами ИТР в политической и в военной сфере. Для этого ему нужны новые военные контракты и диверсификация рынка ИТР и привлечение инвесторов этого региона в проекты США. Это связано с тем, что претензии Китая в качестве экономического гегемона, а в перспективе — и на мировое лидерство воспринимаются американскими стратегами как подрыв основ существующего мироустройства во главе США. Поэтому в своей военной политике Вашингтон оценивает Китай как государство, ведущее скрытную войну против Соединённых Штатов с целью замены их в качестве сверхдержавы. Ссылаясь на работы Председателя КНР Си Цзиньпина, участники форума по безопасности в Колорадо (2018 г.) характеризовали эту войну как отличающуюся от противостояния СССР и США вре-

мен холодной войны между ними по своим целям и использованию средств для подрыва позиций Америки, не скатываясь к открытому конфликту с ней. Согласно заявлениям директора ФБР К. Рея: «Китай в настоящее время во многих отношениях представляет собой самую масштабную, самую сложную и самую серьёзную угрозу, с которой сегодня сталкиваются США»⁵⁶.

Исходя из этого, лейтмотив многих официальных заявлений американских политиков таков: Китай как соперник Соединённых Штатов неизмеримо опаснее России, поскольку концентрирует усилия на превращении в самое влиятельное государство мира. Также высказываются опасения по поводу возможности новой холодной войны между США, с одной стороны, и альянсом РФ и Китая — с другой⁵⁷. Как считает политолог Г. Эллисон: «Риск возникновения такого конфликта повышается из-за цивилизационной несовместимости США и КНР, усугубляющей их конкуренцию и затрудняющей взаимодействие на региональном уровне, где важнейшим плацдармом в соперничестве США и Китая является Восточная Азия»⁵⁸. А наращивание Китаем военного присутствия в Южно-Китайском море (ЮКМ) расценивается США как его стремление расширить свое военное влияние, создав плацдарм для контроля над морскими коммуникациями в этом районе океана, позволяющий максимально удалить тихоокеанскую группировку ВМС США от КНР и тем самым поставить под вопрос их превосходство в западной части Тихого океана. Подтверждением тому является создание в 2017 г. зарубежной военной базы НОАК в районе Джибути, свидетельствующее о создании потенциала не только для регионального, но и глобального проецирования военной силы КНР⁵⁹.

Исходя из этого, в экспертном сообществе США существует консенсус в оценке роста военного потенциала Китая и его активной политики как долгосрочный стратегический вызов доминированию США в регионах мира. Если в начале этого века в США преобладало мнение о необходимости в отношениях с КНР следовать сбалансированной политике, сочетающей элементы ее сдерживания и достижения взаимоприемлемых соглашений по спорным вопросам, и Пекину предлагалось реализовать идею создания тандема «G-2» для формирования нового миропорядка, то во втором десятилетии XXI в. такой подход перестал служить интересам США. Отношения с Китаем стали рассматриваться Вашингтоном с точки зрения геополитического противоборства и военно-политического противостояния, где делается ставка на сдерживание внешнеполитической активности КНР.

Это сдерживание осуществляется по нескольким направлениям: усиление присутствия США в АТР; укрепление силового потенциала их союзников и партнёров в регионе для противовеса растущей мощи КНР; сужение пространства для геополитического маневрирования КНР путём включения

государств, расположенных по периметру китайских границ, в американские альянсы и зоны их влияния. Для этого администрация Д. Трампа акцентирует свое внимание на укрепление партнёрства «трех демократий во круг Китая» — Японии, Австралии и Индии. Геополитик Р. Каплан рекомендует администрации Белого дома стремиться к проецированию силы в «ближнем зарубежье» Китая в большей степени, чем это делал Б. Обама, чтобы создать благоприятный контекст для переговоров, избегая открытого конфликта с Китаем, отношение с которым находит выражение в беспрецедентной торговой войне с ним⁶⁰.

До недавнего времени также не было заметно каких-либо изменений во внешней политике США в отношении Тайваня, несмотря на то, что китайская сторона неизменно выступает против любой формы официальных контактов между США и тайваньскими властями. Такая позиция китайского руководства беспокоила США и Японию, которые были убеждены, что их интересам будет нанесен серьезный ущерб при усилении КНР в западной части Тихого океана и в ЮКМ⁶¹. В 2010 г. администрации Обамы одобрила продажу крупной партии оружия Тайваню (6,3 млрд долл.) и активизировала деятельность ВМС США в районе ЮКМ, которые также провели ряд совместных военно-морских учений с Южной Кореей в Жёлтом море, из-за чего Пекин разорвал связи с Вашингтоном по военной линии.

В последнее время ситуация в американо-китайских отношениях по проблемам Тайваня стала меняться в лучшую сторону. Пришедший после Б. Обамы к власти в Белом доме президент США Д. Трамп во время разговора с Си Цзиньпином в 2019 г. не только признал политику «одного Китая с двумя системами», но и пообещал, что будет согласовывать с Пекином последующие действия на тайваньском направлении. Поэтому роль Тайваньской проблемы, которая 20 лет назад была едва ли не ключевой в американо-китайских отношениях, сегодня сведена к минимуму.

Тем не менее, для сдерживания военных амбиций Пекина Пентагон осуществляет модернизацию своих СЯС, которые могут быть использованы против Китая. Речь идет о межконтинентальных баллистических ракетах на подводных лодках и о крылатых ракетах морского и воздушного базирования. В США также разрабатываются гиперзвуковые боевые летательные аппараты для «глобального удара», способные преодолевать систему ПВО КНР, которая прикрывает береговые ракетные установки, способные нанести удар по кораблям ВМС. Кроме того, по замыслам американских стратегов в АТР должны быть размещены 70—80 % РЛС глобальной ПРО и перехватчиков в дополнение к уже развернутым РЛС на 16 из 24 кораблей ВМС США с системами «Иджис». Сферой соперничества США и Китая становятся новейшие системы оружия, такие, как перспективные виды авиации и боевые лазеры, робототехника, кибероружие, и просматривается

перспектива соперничества США и Китая в космосе и в военно-морской сфере, где к концу 2035 г. Китай сможет создать серьёзные проблемы для США в случае их попыток ограничить сферу влияния КНР в прилегающих акваториях⁶².

В итоге — растет взаимное недоверие между Китаем и США, что создает условия для дальнейшего роста напряжённости и конфронтации между ними. При этом американскими экспертами высказываются опасения по поводу упрочения позиций Китая благодаря его партнёрству с Россией. Как полагает политолог Р. Мерри: «Китай является государством, которое обладает наибольшей силой, чтобы бросить вызов роли Америки в мире, выдвигая её из Азии назад к опорному плацдарму — Гавайям. Поэтому Соединённые Штаты должны стремиться увести Россию от «флирта» с Китаем, который наблюдался в последнее время»⁶³. В связи с этим эксперты Г. Эллисон и Д. Саймс дают администрации Трампа следующие рекомендации: «Если определяющим вызовом национальным интересам США в XXI в. оказался растущий Китай, то предотвращение появления китайско-российского союза должно стать ключевым приоритетом США. Чтобы убедить Россию сесть на американскую сторону качелей баланса сил, потребуется существенно пересмотреть свои стратегические цели в отношении с Москвой»⁶⁴. А историк Х. Брэндс рекомендует в отношении с Россией «достичь новой разрядки напряжённости и даже стратегического партнерства, чтобы ослабить более серьёзную и долговременную угрозу со стороны Пекина»⁶⁵.

Это связано с тем, что Китай в 2020 г. планирует завершить модернизацию НОАК. В 2016 г. была завершена перестройка всей системы военного управления КНР, продолжают изменения в структуре армии, направленные на сокращение сухопутных войск и перенос центра тяжести вооруженной борьбы на флот, а также создание мощного экспедиционного потенциала для действий в глобальном масштабе. Идет строительство надводных океанских сил флота, в том числе специализированных кораблей для обеспечения десантных операций на большом удалении от своей территории. В 2015 г. на вооружение ВМС НОАК поступила первая морская десантная платформа (вид кораблей, которые до этого существовали только в США). А для реализации концепции «обороны в ближних морях» в целях создания потенциала по сковыванию и воспреещению действий США в западной части Тихого океана и «защиты зарубежных интересов» в КНР наращиваются соответствующие возможности, в том числе и новые виды вооружений, которые обеспечат ей господство в Восточной Азии. Этому способствует «распыленность» военных сил и ресурсов США по всему миру при концентрации этих ресурсов у Китая в этом регионе. А для ограничения военных воз-

можностей США в АТР, Китай развивает потенциал по проведению кибератак на Пентагон для срыва переброски ВС США в АТР.

В этом регионе существуют еще две конфликтные зоны, по которым различаются американские и китайские подходы — военные приготовления и свобода мореплавания в Южно-Китайском море (ЮКМ). Вашингтон рассматривает это море сквозь призму формирования Индо-Тихоокеанского региона и видит основной инструмент своего военного влияния в «четырёхстороннем сотрудничестве» с Японией, Австралией и Индией. Помимо этого, между Пекином и Вашингтоном существует принципиальное различие в трактовке «свободы судоходства» в ЮКМ. Китай считает, что существует только одна интерпретация свободы судоходства — это торговое судоходство в рамках проекта «Морской Шелковый путь XXI века», а для США — это «военное судоходство» с правом беспрепятственного захода кораблей ВМС США и их союзников в любую точку этого моря.

Как отмечает в книге «Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность» О. Арин, важность ИТР для Вашингтона вызвана потребностью в военно-политическом сохранении господствующих позиций США на Тихом океане и в Восточной Азии. И, несмотря на истерику американских СМИ, связанную с якобы имевшим местом вмешательством России в американские выборы в 2017 г., Белый дом видит геополитическую угрозу не в ней, а в Китае. Это зафиксировано в Стратегии безопасности США. Их главным соперником этот документ первым называет именно Китай, а только потом — Россию. В перечне региональных приоритетов американской внешней политики стратегия ставит ИТР на первое место, где главным вызовом для неё опять является Китай. А общая тональность этого документа, в котором исходящий от Китая вызов изображается в более ярких красках, чем «российская угроза», не оставляет сомнений в приоритетах стратегического планирования США в АТР.

Как отмечает доцент МГИМО (У) А. Безруков: «Трамп в своей стратегии официально закрепил признание того, что конфликт с КНР — неизбежен»⁶⁶. Это уменьшает взаимозависимость двух экономик и усугубляет противоречия США и КНР по целому спектру проблем. При этом антикитайский поворот — это больше, чем обострение отношений. Америка занимает «новую линию обороны», продолжая быть лидером глобального англосаксонского мира, включающего не только США, Великобританию и Канаду, но и Австралию, Индию, Новую Зеландию, а в будущем — некоторые другие страны⁶⁷. Это позволяет Вашингтону использовать проамериканских акторов, которые будут «размывать» влияние Пекина. Такие надежды США возлагают в первую очередь на Индию. Именно она по своим показателям способна сбалансировать Китай. Так, к 2030 г. численность жителей Индии может превзойти Китай, причем они будут гораздо моложе стареющего на-

селения КНР, что скажется на темпах роста экономики. К 2050 г. индийская экономика может стать второй в мире по объему ВВП, уже сегодня её темпы роста превышают китайские⁶⁸.

Однако существенным вопросом остается — насколько сама Индия готова к миссии главного партнера США, поскольку эта роль неизбежно означает усиление противостояния Китаю. Нью-Дели пока ведет себя в отношении Пекина достаточно осторожно, и нет оснований говорить о том, что Индия отказалась от своей линии «стратегической автономии», которая подразумевает избегание тесных ВОЕННЫХ альянсов с великими державами. Показательно и то, что Нью-Дели не готов участвовать в совместном патрулировании с ВМС США в Южно-Китайском море для поддержания свободы мореплавания, чего очень бы хотели в Вашингтоне. Кроме того, в июне 2017 г. Индия стала полноправным членом ШОС наравне с Китаем и Россией.

Помимо Китая, фактором, существенно влияющим на стратегию Трампа в АТР, является Северная Корея, чья ракетно-ядерная программа представляет угрозу США, что отразилось на их отношениях с КНДР, Китаем и Японией. На пресс-конференции 6 ноября 2017 г. премьер-министр Японии и президент США заявили, что будут усиливать давление на КНДР, которая продолжает разрабатывать ядерное оружие. Они также объявили, что Япония и США будут осуществлять совместную стратегию в ИТР⁶⁹.

При этом ни США, ни Китай не заинтересованы в эскалации конфликта на Корейском полуострове из-за северокорейской ядерной программы, по которой Вашингтон опасаются непредсказуемых действий со стороны Пхеньяна. Особенно после того, как США осознали, что северные корейцы ни при каких обстоятельствах ядерное оружие не сдадут, несмотря на серию переговоров между США и КНДР по этому поводу. Это связано с тем, что Пхеньян рассматривает создание этого оружия как единственную гарантию своей безопасности и желает иметь «индийский» ядерный статус своего государства, который официально никто не признает, но де-факто он существует. И если такое произойдет, этим будет нанесен большой урон ДНЯО, что в корне противоречит интересам США в сфере нераспространения ядерного оружия и интересам России, которая выступает категорически против ядерного статуса КНДР.

Для Китая обострение обстановки на Корейском полуострове также может нести угрозу его безопасности. Будучи связанной с КНДР обязательствами по оказанию ей военной помощи в случае войны, КНР сама может оказаться на грани катастрофы. Помимо угрозы наводнения беженцами своей страны, Китай может столкнуться с ядерной угрозой, политическими и экономическими вызовами. А если Китай откажется от своих обязательств в отношении КНДР, то он потеряет свою сферу влияния не только в

Юго-Восточной Азии, но и во всем мире. Поэтому на международном уровне Пекин старается убедить всех в том, что может оказывать существенное влияние на Северную Корею, хотя об управляемости данного процесса пока говорить трудно.

Однако далеко не все в Вашингтоне верят в то, что Китай готов помогать США в будущем в решении северокорейской проблемы. Так, сенатор-республиканец Том Коттон, уверен, что Китай ведет «двойную игру». По его мнению, наличие ядерной Северной Кореи выгодно Пекину, это отвлекает внимание США от экономической экспансии и других действий, предпринимаемых Китаем в АТР⁷⁰. Ему вторит политик Пол Рон, который считает, что «в одиночку Китай и Россия очень уязвимы, но вместе они дополняют друг друга и сильны, что представляет прямую угрозу для США»⁷¹.

Это сказывается на направлениях противоборства с КНР и РФ, где первым направлением является наращивание экономического и военного потенциалов США за счет ускорения роста и модернизация экономики, укрепления вооруженных сил и создания «мобилизационного» резерва техники и вооружения, который будет необходим, если противостояние с РФ и КНР перейдет в «горячую фазу».

Вторым — перевод военно-стратегической конкуренции с Китаем и Россией в новые области, способные обеспечить доминирование США на следующие десятилетия, в первую очередь — в космосе и киберпространстве. Еще одним направлением будет попытка задействовать проамериканский альянс против своего главного конкурента — Китая, используя для этого Индию, Японию и иные государства. Однако их желание стать инструментом США в противостоянии с КНР, а тем более с Россией на стороне Китая — неочевидно⁷².

У Вашингтона есть еще одна опция для противостояния Китаю и России — развязать в АТР серию конфликтов. Такие дестабилизирующие региональную безопасность конфликты уже есть на Ближнем Востоке. Но в АТР они могут стать, в лучшем случае — «партизанскими», а в худшем — последней мировой войной для человечества. Учитывая растущую напряженность в регионе, набор сепаратистских и радикальных движений в южноазиатских странах, это реальная угроза, которая усугубляется ошибочным пониманием Вашингтоном ключевых процессов, происходящих в мире. Он ставит на то, что мир будет бороться с «диктаторскими режимами» на стороне США, не делая различия между Китаем, Северной Кореей и Россией. Однако КНР и РФ воспринимаются подавляющим большинством незападного мира как страны, выступающие против несправедливого статус-кво, где примером «справедливости» американское общество отнюдь не является⁷³.

Стратегия США в АТР — вызов для национальных интересов Китая в регионе

В совокупности реализация стратегии ИТР представляет вызов для китайских национальных интересов в АТР⁷⁴. Она подразумевает неприятие инициативы КНР «Экономического пояса Шёлкового пути» (ЭПШП), которая, по мнению Вашингтона — создает угрозу экономического доминирования Китая в Азии⁷⁵. Стратегия ИТР — это также свобода действовать ВМС и ВВС США на всех акваториях Тихого и Индийского океанов в соответствии с принципом «свободы мореплавания». А попытки Пекина установить суверенитет над Южно-Китайским морем, а также его территориальные споры в регионе рассматриваются Вашингтоном как посягательство на принцип «свободы и открытости». В стратегию ИТР укладываются и адресуемые КНР обвинения США в «подрыве суверенитета соседних стран» и превращении их в свои «сателлиты»⁷⁶.

Что касается России, то смещение геополитического и военного акцентов Вашингтона на запад от Малаккского пролива ослабит её влияние в АТР. В настоящее время в Тихом океане позиции РФ, кроме военных, не особенно сильны, а в Индийском они отсутствуют. Однако они присутствуют в регионах Азии, намеренно исключенной Трампом из нарезки ИТР, где соперничество между Москвой и Вашингтоном нарастает. Это касается предложений Москвы по ядерной программе Пхеньяна. Вступая на пресс-конференции, посвященной итогам своего турне в 2017 г., Трамп подчеркнул, что США не примут российский план «двойного замораживания» по КНДР, который предполагает остановку любых ядерных испытаний Пхеньяном, с одной стороны, и крупномасштабные военные учения США и Южной Кореи — с другой.

Это касается важнейшего субрегиона АТР — Северо-Восточной Азии (СВА), которая превращается в мощный плацдарм роста и является перекрестком геополитических интересов РФ, КНР и США. В процессах, происходящих в СВА, все большее значение имеют транснациональные политические и экономические организации (БРИКС, ЕАЭС и ШОС), где Россия и Китай играют значимую роль, что не по нраву Вашингтону. В стратегическом плане Россия в этом субрегионе является балансом сил с США, «северным тылом Китая» и альтернативой для поставок энергоресурсов в КНР в случае их блокады ВМС США в Персидском заливе и в акваториях Африки⁷⁷.

Анализируя подходы к стратегии США в другом важном субрегионе АТР — Центральной Азии (ЦА), необходимо выделить два момента, обуславливающие наличие вызовов для России. Первый — политика Вашингтона нацелена на формирование «Большого Ближнего Востока», а также на

вовлечение стран региона в сферу своего влияния. В его рамках администрация США рассматривает ЦА как объект расширения зоны ответственности, которая охватывает «дугу нестабильности» (Афганистан, Иран, Пакистан) и ряд других государств региона. И второй — решения, принимаемые Д. Трампом на этом направлении, остаются в русле стратегии его предшественника и починены решению афгано-пакистанской проблемы. В настоящее время в Афганистане идет процесс активизации деятельности террористических формирований, которые после их поражения в Сирии при попустительстве США перетекают в ИРА, которая становится источником повышенных угроз для государств ШОС, что устраивает Вашингтон⁷⁸. США увеличивают военную помощь Афганистану и вовлекают афганские силы в совместные действия. При этом взаимодействие с военно-политическими и экономическими организациями с участием РФ и КНР (ОДКБ и ШОС) — не предусмотрено.

Оценивая стратегию России на Ближнем Востоке и ЦА, следует отметить, что к началу 2019 г. она провела ряд успешных акций в этих регионах, давших ей политическую и военную выгоду и превратившую Москву в важного актора в урегулировании там конфликтов. Среди них — военная кампания в Сирии, поддержка главы Ливийской национальной армии, а также налаживание отношений с Египтом, который дал согласие на использование российскими ВКС своих авиабаз.

Действия России в ЦА являются продолжением этой стратегии. По аналогу с сирийской стратегией Москва стремится укрепить свои позиции в качестве влиятельного игрока в Афганистане и закрепить за собой роль участника в урегулировании кризисов в этой стране и в регионе. Для этого она заключает временные союзы с группировками, которые являются наиболее влиятельными в Афганистане. Такая политика позволила Москве работать с умеренной частью «Талибана», чтобы совместно с Пекином заставить их сесть за стол переговоров с властями ИРА. Москва считает, что эта часть «Талибана» стремится получить контроль над территориями внутри страны и поэтому является угрозой для властей в Кабуле, не представляя угрозы за ее пределами. Она сильно отличается от сил ИГИЛ, действующих в Афганистане и Пакистане, и которую РФ и КНР считают транснациональной группировкой, представляющей угрозу для обеих стран⁷⁹. Их совместной борьбе против ИГИЛ способствует то обстоятельство, что 1 марта 2020 г. для прекращения войны в Афганистане было подписано соглашение между США и силами движения «Талибан», согласно которому из ИРА будут выведены американские войска. Поэтому России и Китаю — как главным акторам ШОС в ближайшей перспективе необходимо согласовать вопросы взаимодействия с США по маршрутам вывода американской группировки войск из страны, а также по перспективам их взаимодействия по другим проблемам

региональной безопасности, опираясь на совпадение их интересов в сфере региональной безопасности.

Эволюция взаимоотношений России с США

Если оценивать нынешние российско-американские отношения, то их можно охарактеризовать как «холодная война-2». Это связано с событиями на Украине, в Сирии, в Афганистане и антироссийскими санкциями. Еще одна проблема российско-американских отношений связана с «вмешательством» РФ в американский избирательный процесс. Вашингтон настаивает на том, что Москва вмешивалась в эти выборы в 2016 г. с помощью киберопераций. Поэтому в доктрине национальной обороны Пентагон поставил эту деятельность в число главных угроз США. Как замечает французский эксперт Лор Мандевиль: «В ней угроза со стороны «ревизионистских» держав России и Китая называется перед террористической»⁸⁰. Трамп также обвиняет Москву в подрыве нефтяного эмбарго, которое он хочет ввести против Пхеньяна, а Россия вставляет ему «палки в колеса». Сильна напряженность и вокруг Ирана, где Вашингтон активно поддерживает протестные движения, а Москва видит в этом устремления США к смене режима в стране посредством проведения там «цветной революции».

Эти разногласия создают атмосферу сильнейшего недоверия между Москвой и Вашингтоном. Так, в 2018 г. администрация Трампа и Конгресс почти единогласно проголосовали за новые санкции против России. Свидетельство тому — очередная порция антироссийских санкций в виде опубликованного 31 января «черного списка», куда вошли политики и бизнесмены, поддерживающие президента В. Путина. Очевидная цель санкционного списка — разубедить крупный бизнес и российскую политическую элиту сотрудничать с нынешней властью в Кремле. В ответ на эти санкции В. Путин лишь заметил, что американцам нужно помнить пословицу «Собаки лают, а караван идет», и сказал, что контрмер не будет. И это притом, что Вашингтон пытался повлиять на ход предвыборного процесса в России и посадить в кресло президента РФ человека, который проведет бы нужную США политику. Этот аргумент В.В. Путин мог бы использовать в предвыборной кампании и набрать баллы в глазах избирателей, которые не желают, чтобы Россия превращалась в западную марионетку.

А то, что США продолжают настаивать на санкциях против РФ является проявлением их недовольства тем, что на внешнеполитической арене Россия «обошла» их в Сирии. Но подлинные причины таковы — в марте 2018 г. на выборах президента страны вновь победил В.В. Путин, что стало очередным американским поражением⁸¹. Предвидя это, Вашингтон усилил информационное и санкционное давление на Россию, масштабы которого превосходят самые мрачные периоды «холодной войны» против СССР. По-

этому в перспективе ожидаем рост прессинга США в отношении России, попытки размывания легитимности ее политической системы в глазах международного сообщества.

Также следует понимать, что за возможное налаживание отношений Д. Трамп, если он будет переизбран на второй срок президентства в ноябре 2020 г. как бизнесмен-прагматик, может потребовать от России «отдаления» от Китая.

Что касается перспектив развития российско-американских отношений по Афганистану, то в начале XXI в. Россия и США преследовали там во многом одинаковые цели: стремились предотвратить хаос и превращение страны в безопасное убежище для террористов. Поэтому, когда США вошли на территорию Афганистана, интересы США и РФ по большей части совпали. Их сотрудничество достигло своего пика, когда США и НАТО было позволено транспортировать оружие и оборудование через российскую территорию в ИРА⁸². Москва мирилась с операциями США в Афганистане в надежде на то, что они могут вернуть стабильность в ИРА⁸³.

Но со временем Россия начала постепенно терять веру в то, что США способны вернуть эту стабильность. Ухудшение российско-американских отношений после присоединения Крыма и введения санкций еще больше уменьшило желание Москвы поддерживать Вашингтон. Новая стратегия США в Афганистане ее тоже не впечатлила. Глава МИД РФ С. Лавров называл сосредоточенность США на применении силы в Афганистане «тупиком», поскольку стратегия Трампа почти ничем не отличается от стратегии Обамы, которая не смогла улучшить ситуацию с безопасностью в стране. Россия все чаще настаивает на том, что подход США в борьбе с терроризмом не работает и что политическая воля в Вашингтоне, необходимая для продолжения кампании в Афганистане, в скором времени иссякнет. Для Москвы это серьезная проблема, однако она предоставляет ей возможность стать влиятельным игроком в Афганистане.

После президентских выборов в РФ в 2018 г. В.В. Путин как опытный политик и дипломат заявил, что у него есть надежда на улучшение российско-американских отношений. «Надежда есть всегда, пока нас не понесут в белых тапках на кладбище», — так своеобразно выразился Путин в интервью американскому режиссеру О. Стоуну⁸⁴.

Несколько иной позиции придерживался посол РФ в США А. Антонов. 10 января 2018 г. он заявил, что отношения с Вашингтоном могут стать еще хуже. По его словам, самая главная проблема — это непредсказуемость американской стороны. «Не знаешь, что будет завтра, не знаешь, как они себя поведут», — отметил Антонов. «С одной стороны, очевидно, что без России невозможно решить никакие глобальные проблемы, американцы это понимают, а с другой — делают всё возможное для того, чтобы сделать сложнее

российско-американские отношения при решении этих проблем, от которых сами американцы страдают», — заметил посол⁸⁵.

Его позицию разделяют многие российские эксперты. Они считают, что в ближайшей перспективе ухудшение отношений Москвы с Вашингтоном будет главным препятствием для создания стабильной среды в мире. США останутся наиболее влиятельным актором в давлении на Россию. Этому способствует внутривнутриполитический фактор в Конгрессе, военно-политическое сдерживание России и антироссийские санкции, которые будут нарастать. По отношению к Москве Вашингтон будет стремиться проводить консолидированную политику с его союзниками. Однако отношения Запада с Россией в ближайшей перспективе вряд ли выльются в открытый конфликт. Но на фоне антироссийской направленности во внешней политике США кандидатов на выборах президента США в 2020 г., Москва в ближайшей и в более отдаленной перспективе может лишиться надежд на развитие конструктивного сотрудничества с Вашингтоном.

Приоритеты политики России в АТР и перспективы отношений с Китаем

Оценивая приоритеты российской политики в АТР, то их можно суммировать следующим образом. Во-первых, повышение качества российско-китайского сотрудничества. Прежде всего — в экономической, научно-технической и гуманитарной областях. Во-вторых, максимальная «диверсификация» экономических и политических и иных связей России в АТР, включая его субрегионы. Тесное сотрудничество с КНР не исключает для России возможности стратегического партнерства с Индией, сотрудничества с Японией и странами Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. В-третьих, преодоление наметившихся сложностей в Азии и в акватории Тихого и Индийского океанов. В-четвертых, недопущение военного конфликта на Корейском полуострове с сохранением долгосрочной цели превращения полуострова в безъядерную зону. В-пятых, активизация участия России в режимах обеспечения безопасности в АТР.

Что касается перспектив развития российско-китайских отношений, то в этой области сохранится тренд на укрепление позитивных отношений. Однако качественных прорывов здесь ожидать вряд ли стоит, так как постепенно будет нарастать асимметрия их сотрудничества в торгово-экономической сфере: китайские инвестиции в большем объеме поступают в Россию, а не наоборот. Тем не менее, такая модель сотрудничества важна для России с учетом западных санкций против неё⁸⁶.

При этом политическая повестка будет превалировать над торгово-экономической, где надо решить проблемы разбалансированности уровней сотрудничества, создания финансовой системы, которая страховала бы КНР и

РФ от использования Вашингтоном их финансовой зависимости от США. В рамках ШОС возможно дальнейшее продвижение в сторону сопряжения российской инициативы ЕАЭС и китайской инициативы ЭПШП, которые обеспечат выход Организации на глобальный уровень развития за счет реализации крупных инфраструктурных и транспортных проектов в Евразии.

В военно-политической области РФ и КНР будут выражать общие взгляды на будущее мирового порядка и сохранят солидарность по ключевым глобальным и региональным проблемам. Однако их углубление в сторону военно-политического союза будет идти медленно. Москва и Пекин будут играть важную роль в урегулировании северокорейской ядерной проблемы и содействовать сохранению статус-кво в области нераспространения ядерного оружия в регионе. Позиции России и Китая по этим вопросам усиливаются их постоянным членством в СБ ООН. Это касается ДНЯО, судьба которого будет решаться с 27 апреля по 22 мая 2020 г. на саммите в ООН. В связи с чем в американских СМИ 13 марта 2020 г. была опубликована обнадеживающая новость. По информации Центра по вопросам политики нераспространения (США) Китай решил присоединиться к постоянным членам Совбеза ООН, чтобы участвовать в переговорах по ДНЯО. Теперь целью этих переговоров будет являться не заключение двустороннего соглашения, а трехстороннего — между Китаем, Россией и США об ограничении ядерного оружия⁸⁷. В связи с чем существует вероятность того, что они смогут убедить Пхеньян хотя бы временно отказаться от испытательной деятельности в обмен на частичное сокращение военной активности США, Южной Кореи и Японии. Однако уступки противостоящих сторон будут носить символический характер, а обмены жесткими заявлениями и демонстрация силы возможны в любой момент. США и их военные союзники не пойдут на значительное сокращение планов учений и мероприятий оборонного плана в АТР.

Что касается российской поддержки китайской позиции в решении региональных проблем, то между странами существует договор от 2001 г., который отражает основные направления двустороннего взаимодействия России и Китая. Он заключен на 20 лет с автоматическим продлением на последующие пятилетние периоды. В дополнении к этому договору Москва и Пекин подписали «дорожную карту» военного сотрудничества до 2020 г., которая подразумевает интенсификацию совместных учений и военных обменов между РФ и КНР.

Директор Департамента стран Восточной Европы и Центральной Азии МИД КНР Гуй Цунюнь отмечает: «Москва и Пекин координируют свою внешнюю политику по всем направлениям. И как бы ни изменилась международная ситуация — наш курс на углубление всестороннего партнерства и стратегического взаимодействия не изменится».

И, как заявил глава КНР Си Цзиньпин после размещения американской системы ПРО ТНААД в Южной Корее — действия американцев нарушили стратегический баланс в регионе и нанесут серьезный ущерб Китаю и России, которым придется принимать адекватные меры для защиты безопасности обеих стран. Связи с чем Россия помогает Китаю создать собственную систему предупреждения о ракетном нападении (СПРН), о чем заявил президент РФ В. Путин в 2019 г. Только один контракт на участие России в разработке этой системы оценивается в 60 млрд долл., который будет реализовываться российскими специалистами на предприятиях концерна «Алмаз-Антей». Вслед за разработкой программного обеспечения Россия будет выполнять и другие заказы Китая в сфере создания СПРН, прежде всего — в области технологий, которые еще не в состоянии разрабатывать китайские специалисты. Развитие этой системы имеет для КНР стратегическое значение, поскольку в настоящее время такими системами обладают лишь США и Россия, поэтому Китай также стремится к созданию такой системы, обеспечивающей своевременное предупреждение о ракетных ударах со стороны вероятного противника. Тем более, что Вашингтон своими действиями ясно дал понять Пекину — между ними начинается гонка вооружений⁸⁸.

И если военно-политическая обстановка в мире будет меняться в худшую сторону и угрожать национальным интересам и Китаю, и России, то они могут пойти на создание общей СПРН, которая станет мощнейшей в мире, охватив большую часть территории Евразии. При этом Китай сможет использовать преимущества России в арктическом направлении, которое является одним из наиболее вероятных для ракетно-космического удара по Китаю со стороны США. ВС РФ, контролирующие это направление своими системами ПВО и ПРО, может минимизировать этот риск в том случае, если СПРН двух государств будут функционировать как единая система.

Вместе с тем ни общая система СПРН, ни военно-политический союз России и Китая на сегодняшний день не созданы. Ведь это не только единые технологии СПРН, но и общее командование, общая структура и т. д., и на это пока не готовы пойти ни в Пекине, ни в Москве. Хотя еще в 2009 г. эксперты из Института Дальнего Востока РАН всесторонне обосновали целесообразность создания такого союза⁸⁹. Об этом говорит и один из ведущих китайских политологов Янь Сюэтуан, который предлагает противопоставить американской глобальной стратегии наращивание стратегического сотрудничества Китая с Россией вплоть до создания военно-политического союза, отвечающего интересам обеих стран⁹⁰.

Но пока говорить о заключении военного союза между Россией и КНР преждевременно. Власть обеих государств выбрали позицию выжидания, наблюдая за международной обстановкой. Тем более что у Пекина и Моск-

вы при всем кажущемся благополучии в сотрудничестве есть и весьма болезненные точки в отношениях, одна из которых — развитие регионов Сибири и Дальнего Востока в контексте продолжающейся китайской экономической экспансии в эти регионы. И, как считают ряд российских экспертов, в ближайшей перспективе реальным союзником России Китай не станет. Он не согласен связывать себя узами альянсов, полагая, что любые союзные обязательства, тем более в оборонной области, сопряжены с частичной утратой суверенитета. Даже не союз, а просто единый российско-китайский полюс в мире представить непросто, поскольку у обеих стран неизбежно возникнет проблема «ведущего и ведомого», что может обострить существующие разногласия между ними. Так, Пекин занимает «особую позицию» по Крыму и склонен к солидарности с США по поводу интернационализации Северного морского пути, который предполагается включить в проект ОПОП и выполняет все финансово-экономические санкции в отношении РФ⁹¹.

А пока военное сотрудничество между РФ и КНР, помимо ВТС, развивается по многим другим направлениям, включая подготовку китайских военных специалистов в российских вузах и военнослужащих НОАК в учебных центрах ВС РФ. Свидетельством укрепляющихся связей по военной линии также являются проводимые на регулярной основе совместные учения: «Морское взаимодействие» и «Мирная миссия»; кроме того, ВМФ России и ВМС Китая тесно взаимодействовали в обеспечении безопасности российских конвоев, которые вывозили из Сирии химическое оружие; а также ежегодные проведения учений сухопутных войск двух стран осуществляются в рамках подготовки к совместным действиям в случае обострения ситуации в Центральном-Азиатском регионе.

Свидетельством тому также является привлечение подразделений НОАК к участию в стратегических учениях «Восток» в 2018 г. В 2019 г. крупные российские военные учения «Центр-2019» тоже проходили с участием китайской армии, которая была представлена 3,5 тыс. военнослужащих, 30 самолетами, 900 единицами тяжелой техники и вооружения. Самолеты бомбардировочной авиации ВВС РФ и НОАК отрабатывали бомбовые удары, сбросив более 150 бомб на места скопления техники условного противника. В июле 2019 г. ВВС Китая и ВКС России впервые после 1950-х годов участвовали в совместном воздушном патрулировании над акваториями Восточно-Китайского и Японского морей. Эти действия двух стран привели к крайне негативной реакции со стороны Японии и Южной Кореи, увидевших в подобных действиях серьезную угрозу их национальной безопасности. К такой реакции их подталкивает Вашингтон, весьма обеспокоенный не только наращиванием Россией и Китаем своего военного потенциала, но и развивающимся военно-техническим сотрудничеством двух государств.

При этом, по оценке главы КНР Си Цзиньпина, что у них с президентом РФ «сложились тесные рабочие связи и добрые личные отношения. Они встречаются примерно пять раз в год, что придает импульс развитию китайско-российских отношений»⁹². В свою очередь В. Путин в приветственном слове участникам церемонии открытия «Годов российско-китайского межрегионального сотрудничества» отметил масштабность этого проекта, который позволит реализовать перспективные инициативы. Эти годы, заявил президент, призваны укрепить взаимовыгодные связи между российскими регионами и провинциями Китая. В рамках проекта в 2020 г. были намечены сотни мероприятий, в том числе контакты в ходе Петербургского международного экономического форума, Восточного экономического форума и Российско-Китайской ЭКСПО⁹³. Однако эти мероприятия могут быть сорваны или перенесены из-за эпидемии коронавируса, охватившей планету.

Сценарии будущего Азиатско-Тихоокеанского региона

Основным опасением государств АТР является необходимость выбирать между США и Китаем. Одно дело перестраховываться от неопределенности вокруг долгосрочности присутствия США в регионе и усиливающейся роли Китая. И совсем другое дело — делать выбор, на чью сторону встать в случае кризиса или военного конфликта в ключевых очагах напряженности, например, в Южно-Китайском море, в китайско-индийском конфликте, в ситуации вокруг Тайваня или на Корейском полуострове. Один только географический аспект этого вопроса вызывает опасение государств АТР, так как Китай граничит с 14 странами на азиатском континенте, а США имеют свои форпосты на удаленных островах, таких, как Гуам.

В любом случае государства АСЕАН действуют на основе консенсуса и соблюдают нейтралитет до такой степени, что она оказывается политически парализованной в споре в Южно-Китайском море, при том что 4 её члена имеют территориальные споры с Китаем. С аналогичными дилеммами сталкивается и Австралия, торговля которой с Китаем была драйвером её экономического роста, а также Республика Корея, надежды которой на решение северокорейской проблемы и воссоединение с Севером потребуют сотрудничества с крупнейшим торговым партнёром — Китаем.

Даже для США наклеивание ярлыков на Пекин типа «стратегический конкурент» выглядит чрезмерным упрощением с учётом их сложных и разноплановых отношений с Китаем, с которым ежегодный торговый оборот составляет 600 млрд долл., а объём инвестиций в китайскую экономику достигает почти 100 млрд долл., а также имеется необходимость в сотрудничестве по Северной Корее, Афганистану и другим международным вопросам с пересекающимися интересами.

В свете изложенных выше факторов, влияющих на Индо-Тихоокеанскую стратегию США, необходимо рассмотреть альтернативные сценарии до 2025 г. (без оценки вероятностей), что позволит лучше понять динамику развития региона — от наиболее оптимального к менее желаемому:

Первый сценарий — отчасти кооперативный, отчасти конкурентный. Этот сценарий включает консенсус на основе экономических реформ в Китае: открытия китайского рынка для большего объема прямых иностранных инвестиций в отраслях, где пока существуют ограничения; снижения субсидий для государственных предприятий; заключения двусторонних инвестиционных договоров с США и ЕС с гарантией взаимных инвестиций; подержки цифровой торговли ВТО и других технологических соглашений.

В области безопасности этот сценарий включает разрешение ядерной проблемы Северной Кореи за счёт сотрудничества и возобновления шестисторонних переговоров, достижение договорённости между США, Китаем, РК и КНДР о сокращении вооружений и превращение перемирия в мирный договор. Будет развиваться сотрудничество между США и Китаем в Афганистане вместе с поэтапным выводом войск США и непрерывное сотрудничество с приграничными государствами (Китай, Россия, Индия, Иран, Пакистан) по борьбе с терроризмом и наркоторговлей — под эгидой ШОС, а также происходит выработка условий для создания правительства в Кабуле с доминированием «Талибана» при условии уничтожения убежищ террористов. Согласно этому сценарию, Индо-Тихоокеанский формат существует в качестве консультационного механизма и дискуссионной площадки.

Второй — стагнация и застой. При нем происходит постоянный дрейф в сторону конфронтации и роста напряжённости в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, в отношениях между Китаем и Индией. Наблюдается ограниченное сотрудничество по Северной Корее при достижении промежуточного решения о сворачивании ядерной программы и программы создания межконтинентальной баллистической ракеты, которые будут частично демонтированы и частично заморожены. Усиливается постоянное экономическое соперничество в вопросах торговли и передачи технологий. США и их партнёры-единомышленники продолжают своё непрерывное давление на Китай, чтобы подтолкнуть его к более «нормативному» поведению в торговле и инвестициях. Индо-Тихоокеанские партнёры углубляют консультации, сосредоточиваясь на наращивании возможностей для сотрудничества в сфере безопасности с целью нейтрализации Китая, если ситуация зайдёт в тупик.

Третий — усиление напряжённости и конфронтации. В ходе реализации этого сценария торговая война между США и Китаем усугубится, причём обе стороны будут считать, что могут одержать в ней верх. Их торговые споры негативно отразятся на ситуации на фондовых рынках и замедлят эконо-

мический рост в регионе. После продолжительного периода конфронтации будут предприниматься умеренные шаги для частичного разрешения торгового конфликта. Одновременно будет расти военно-политическая напряжённость между Пакистаном и Индией по поводу спорных границ в Гималаях. А союзник Пакистана — Индия окажется окружённой китайскими портами, строящимися в Гвадаре, Шри-Ланке, на Мальдивах, в Бангладеш. Китай, избегая прямого столкновения с Вашингтоном, будет расширять свои возможности в АТР, выстраивая военную инфраструктуру на Парасельских островах и островах Спратли, предназначенную не столько для военных целей, сколько для мониторинга ситуации в этом море, и будет стремиться «подтолкнуть» страны АСЕАН к легитимации де-факто существующего положения вещей, расширяя стимулы этих стран к сотрудничеству с Пекином. С свою очередь, Вашингтон будет активно использовать недовольство государств, граничащих с Китаем, освоением им спорных территорий, что будет способствовать перерастанию этого недовольства в конфликт между ними. Его цель — через мобилизацию геополитических соперников Китая девальвировать значение создаваемой китайской военной инфраструктуры в ЮКМ, заставив его тратить ресурсы в соперничестве со странами Юго-Восточной Азии. При этом Индо-Тихоокеанский формат станет более активным форумом стратегического планирования США с целью противодействия политике Китая, блокирующего доступ во внутренние моря, и оказания нажима на других региональных акторов, чтобы настроить их против Китая.

Таким образом, анализ точек зрения политологов, касающихся стратегий главных действующих субъектов в АТР, позволяет прийти к следующим выводам и определить ряд областей взаимодействия России и Китая в интересах купирования совместными усилиями угроз, которые несет им реализация «Индо-Тихоокеанской» стратегии США.

Во-первых, в АТР продолжается высокая динамика развития ситуации в сфере безопасности. Об этом свидетельствуют: активные попытки Трампа реализовать свою стратегию ИТР в регионе и выход США из ТПП и ТАП; обострение ракетно-ядерного кризиса на Корейском полуострове, угроза военного решения северокорейской проблемы и рост международной потребности в Китае в качестве посредника в решении этих проблем; вступление в ШОС Индии и Пакистана и внешнеполитический курс России, направленный на углубление отношений с Китаем в регионе.

Во-вторых, Д. Трамп определил три принципа стратегии США в мире. Во-первых, он воспринимает международные отношения «как арену сотрудничества и соперничества разных сил в своих интересах». Во-вторых, Трамп намерен усилить оборонный сектор США, повышая военные расходы. В-третьих, он отказался от принципа свободной торговли в регионе.

Его политика в АТР характеризуется как элементами преемственности политики Б. Обамы, так и отличиями. Преемственность — идентификация Китая как главного геополитического вызова для Америки и ставка на Индию как потенциального балансира Китая. Отличие — ядерная программа КНДР, которая внесла заметные коррективы в стратегию США. Из-за необходимости заручиться поддержкой КНР в давлении на Северную Корею Трамп временно сменил «гнев на милость» в отношениях с Китаем. Вместе с тем большим вопросом остается — как будут развиваться их отношения в случае, если действия Китая по Северной Корее не приведут к желаемому Вашингтоном результату, и тот начнет подозревать Пекин в двойной игре и нежелании решить северокорейскую ядерную проблему. Тогда нельзя исключить ухудшение отношений между США и Китаем.

В-третьих, союзнические отношения США с другими государствами мира в рамках военно-политических союзов — один из важнейших инструментов сохранения американского доминирования в ключевых регионах мира под девизом Трампа «Америка превыше всего». В Европе — это НАТО, в АТР самым развитым является индийско-австрало-американско-японский «четырёхугольник». Эти военно-политические объединения направлены на долгосрочное сдерживание Китая и России. Главным актором в этих альянсах остаются США, которые направляют политику их союзников в нужном для Вашингтона направлении.

В-четвертых, в сфере торгово-экономических отношений в АТР Белый дом делает ставку не на «свободную», а на «справедливую» торговлю. Для этого Трамп вывел США из ТПП и отдает приоритет двусторонним торгово-экономическим соглашениям, поскольку такой формат дает Вашингтону гораздо больше рычагов. Отказавшись от ТПП, администрация Трампа предпочла краткосрочные торговые преимущества этого партнерства более долгосрочной перспективе формирования в АТР экономической модели, основанной на либерально-постиндустриальном капитализме, которая является основой внешнеэкономической деятельности США. Поэтому есть вероятность усиления торгово-экономического противоборства между США и КНР на фоне развития торгово-инвестиционной экспансии Пекина в мире, что не соответствует американским интересам.

В-пятых, к ключевым угрозам России и Китаю и вызовам региональной безопасности в АТР в ближайшей перспективе относятся: закрепление в официальных документах США роли Китая и России в качестве соперников интересам США в мире; нарастание российско-американских и американско-китайских противоречий; формирование Вашингтоном «Большого Ближнего Востока» и вовлечение его стран в сферу своего влияния; расширение зоны ответственности США в «дуге нестабильности», включающей Афганистан, Пакистан, Индию и Иран; использование Соединен-

ными Штатами военной силы, политических и экономических, информационных и иных акций против неугодных государств для замены существующей власти на проамериканские режимы при помощи «цветных революций»; обострение споров вокруг Южно-Китайского моря и растущая военная активность США в акваториях Тихого и Индийского океанов; стагнация российско-индийских и китайско-индийских отношений, отсутствие диалога США с ШОС по вопросам безопасности; угроза распространения ядерного оружия в регионе и его непреднамеренного использования.

В-шестых, вполне очевидно, что с этими угрозами и вызовами для национальных интересов России и Китая Москве и Пекину не справиться в одиночку. Поэтому важно обеспечить совместными усилиями эффективность деятельности ШОС и БРИКС, создать общую систему безопасности в АТР и не дать Индии превратиться во врага Китая. В связи с этим заслуживают внимания предложения экспертов, знакомых с проблемами безопасности и деятельностью тех организаций, в которых Китай и Россия играют значимую роль, среди которых на первом месте стоит ШОС. Мировой характер этой организации проявляется в том, что в ней сопрягаются российский проект ЕАЭС и китайский проект ЭПШП. А когда Индия и Пакистан стали членами этой организации, численность населения государств ШОС составила 63,4 % жителей на планете, суммарный ВВП участников ЭПШП — более 40 % мирового показателя. Как считает сотрудник Центра изучения мировых проблем агентства Синьхуа Шэн Шилян, ШОС, следуя примеру АСЕАН, целесообразно образовывать новые форматы сотрудничества типа «ШОС — плюс»: «ШОС + АСЕАН», «ШОС + ЕС», «ШОС + США» и т. д. для решения проблем региональной безопасности и других проблем на равноправной основе. Это может стать фундаментом оздоровления международных отношений на планете⁹⁴.

В-седьмых, по мнению зампреда социальнo-демократической партии Казахстана «Азат» П. Своика, «в перспективе многополярное мироустройство будет напоминать русскую «матрешку», где ШОС будет играть роль «внешней» оболочки. Но как в ней будут соотноситься интересы Китая и России, и как распределятся другие члены Организации — пока под вопросом». По мнению директора армянского филиала Института стран СНГ А. Маркарова, выходом из сложившейся ситуации является реализация на практике сопряжение идеи евразийской интеграции и инициативы ЭПШП, которые обеспечат ШОС выход на глобальный уровень экономического развития за счет реализации крупных инфраструктурных и транспортных проектов ЕАЭС и Китая.

В-восьмых, как отмечает сотрудник Центра изучения мировых проблем агентства Синьхуа Шэн Шилян: «Ни США, ни Европа не воспринимают

ШОС как «уютную» для них организацию и будут в дальнейшем привлекать её членов на свою сторону». Существуют риски возобновления военных столкновений Пакистана и Индии, отношения которой с Россией и Китаем становятся тоже не безоблачными». Поэтому в рамках ШОС необходимо блокировать двусторонние противоречия между её членами в двустороннем формате и углубить сотрудничество со странами-наблюдателями и странами-партнёрами диалога. Для этого необходима активизация диалога Индии, Пакистана и Китая на площадке ШОС для снижения их конфликтного потенциала в субрегионах АТР. Главная цель диалога — предотвращение возобновления вооруженного насилия между Индией и Пакистаном и ликвидация «дуги напряженности» в АТР⁹⁵.

В-девятых, по мнению профессора Китайского исследовательского центра современного мира Юй Суйя: «Одной из крупнейших угроз для ШОС остаются «три силы зла»: терроризм, сепаратизм и экстремизм. Особенно международный терроризм, росту которого способствует ИГИЛ. Как говорят в Китае — «Сороконожка, даже умерев, не коченеет». А ИГИЛ не только не «окоченело», но и не «умерло», пытаясь возродиться в Афганистане после поражения в Сирии». Поэтому для замирения Афганистана Китай и Россия могли бы предложить Афганистану использовать в стране таджикскую модель урегулирования конфликта — путем диалога и переговоров, которая является уникальной в мировой практике и была успешно применена в Таджикистане, когда атмосфера вражды поставила это государство на грань исчезновения. Эта модель предусматривает подходы, принципы и механизмы урегулирования конфликтной ситуации с участием международных организаций в установлении мира и стабильности в зоне конфликта. А странам, заинтересованным в борьбе с международным терроризмом, целесообразно учитывать предложение сенатора США Грэма, о том, что эту проблему «лучше всего победить путем обмена разведанными». Это предложение он озвучил 16 февраля 2018 г. в Мюнхене на 54-й конференции по безопасности⁹⁶.

В-десятых, как отмечает эксперт Института США и Канады РАН П. Золотарев, наиболее действенные меры для снижения рисков непреднамеренного применения ядерного оружия между государствами были учтены в Меморандуме между Россией и США о создании совместного Центра обмена данными о пусках ракет в глобальном масштабе, который предусматривал совместное дежурство российских и американских операторов в Центре с использованием национальных систем предупреждения о ракетном нападении. Меморандум также предусматривал возможность подключения к работе Центра других заинтересованных государств. Однако по ряду причин этот Меморандум не был реализован (срок его действия истек в 2010 г.). Поэтому возобновление российско-американского диалога о пер-

спективах создания такого центра создаст предпосылки для формирования многостороннего режима снижения рисков применения ядерного оружия на планете. Можно ожидать, что ряд государств, учитывая ядерные проблемы в АТР, будут заинтересованы принять участие в его работе. Например, с учетом проблем с ядерной программой КНДР, желание принять участие в его работе ожидаемо со стороны Китая, Южной Кореи, Японии и ряда других стран.

В заключение следует отметить, что Россия и Китай в целом одинаково оценивают существующие вызовы и угрозы для их интересов в мире — начиная от оценки американской стратегии в АТР, сирийского и афганского конфликтов и заканчивая северокорейским, где стороны придерживаются идентичной позиции. Поэтому им необходимо совместными усилиями реагировать на эти угрозы и принимать адекватные меры для защиты безопасности обеих стран, развивая двустороннее и многостороннее сотрудничество в структурах ООН, ШОС, АСЕАН и БРИКС.

1.5. «Мягкая сила» актров треугольника и использование США «умной и жёсткой силы» на международной арене

Стратегия «мягкой силы» как одна из основ внешней политики государства

В последние годы термин «мягкая сила» /«soft power» достаточно часто появляется в новостных сводках, а также в высказываниях различных специалистов в области политологии и общественных отношений. Это выражение впервые появилось в книге американского политолога Джозефа Ная в 90-х годах прошлого века. Он утверждает, что политика «мягкой силы» является одним из ключевых аспектов современной внешней политики ведущих мировых держав, которая является достаточно тонкой линией поведения государства при реализации своих национальных интересов (рис. 1.15).

А известное всем выражение «Вода камень точит» — в данном случае означает, что, несмотря на свою очевидную «слабость» перед камнем, спустя время, постоянно и незаметно воздействуя, вода берет над ним верх. Как говорил древний китайский философ Лао-цзы, который был одним из первых, кто использовал философию «мягкой силы» применительно к государству и власти: «Лучшие вожди те, кого народ не замечает»⁹⁷. Это не значит, что вождь не должен ничего делать. «Когда хороший вождь закончит свое дело, деланное руками народа, то он будет считать, что они все делали по

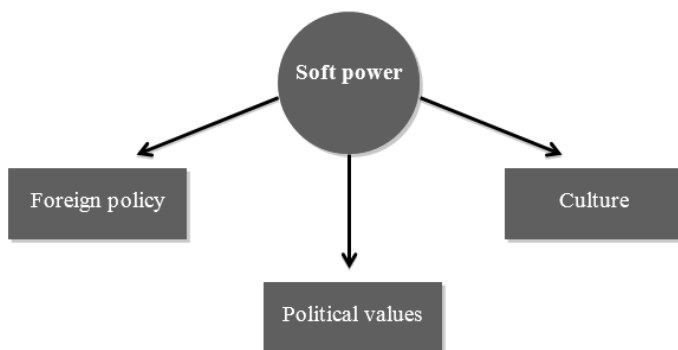

Рис. 1.15. Составляющие «мягкой силы» государства.

Источник: URL: <https://azvision.az/photos/sekilll%20sekilll%201.png>

своему желанию и плану». Тогда, по мнению философа, народ будет наилучшим образом подчинен, так как не будет чувствовать какого-то гнета власти, и будет уверен в том, что все действия исходят от народа.

Позднее к этому пришел и Антонио Грамши, который, будучи итальянским теоретиком марксизма, выдвинул понятие «позиционной революционной борьбы»⁹⁸. Далее концептуальные основы применения стратегии «мягкой силы» нашли свое отражение в работе Джозефа Ная, который разработал теорию комплексной взаимозависимости политических факторов и принимал участие в проекте по реформе национальной безопасности США. В своей книге «Обреченные лидировать: меняющаяся природа американской власти» Най высказывался, что США победили в холодной войне именно «мягкой силой», а не экономической мощью и армией⁹⁹. И действительно, это сыграло немаловажную роль в дестабилизации и последующем развале СССР, особенно в период «гласности» 80-х годов и в 90-е годы XX в., когда Россия переживала времена глубочайшего кризиса. Вследствие этого российское общество и культура были значительно деформированы под влиянием западной культуры в новых для нее капиталистических реалиях.

Но не только культура и искусство являются инструментами «мягкой силы». Как отмечал Грамши, наука и технологический прогресс так же являются очень важным аспектом. Но технологическое развитие даже крупнейших государств мира не так однородно, однако при этом их автомобили, электроника, исследование космоса, вооружение и фундаментальные науки — всё это оказывает как политическое влияние, так и поднимает престиж одной страны в глазах населения другой.

Поэтому в своей книге «Soft power. The means to success in world politics»¹⁰⁰ Най приводит следующие данные опроса, который проводился в 2000 г.: примерно 80 % респондентов из 43 стран мира восхищаются достижениями США в технологиях и науке, около 60 % выражают любовь к американской музыке, кино и телевидению. А более половины опрошенных выразили симпатию к американской политике и отметили огромный финансовый вклад в «мягкую силу» США. В 2000-х годах Соединенные Штаты вкладывали в «мягкую силу» примерно в 10 раз больше средств, чем в военную силу, и это при условии, что США были и есть абсолютные лидеры в военном бюджете.

В настоящее время наиболее эффективной стратегией США является «публичная дипломатия». В рамках этой стратегии американское руководство освящает свои внешнеполитические акции, фокусируется на наиболее важных для США политических темах, а также ведет постоянный и плотный контакт с иностранными интеллектуальными элитами. В частности, в программах обмена студентами, научных стипендий и премий, которые не только повышают уровень доверия к США, но и позволяют их участникам напрямую знакомиться с «американскими ценностями». Так, к 2000 г. через международную образовательную систему США прошло около 200 человек, ставших впоследствии главами государств различных стран. Часть из них заняли активную проамериканскую позицию — к ним относятся М. Тэтчер, М. Саакашвили, В. Ющенко и П. Порошенко и ряд других лидеров стран мира.

Концепция и стратегия «мягкой и жесткой силы» США

На текущий момент среди концепций и стратегий, используемых США на международной арене, применение «мягкой и жесткой» силы в интересах сохранения однополярного мироустройства считается классической схемой. Именно американские политологи разработали ее в том виде, в котором она используется сейчас практически во всех странах, вовлеченных в этот процесс. Она является ведущей во внешней политике США, при этом американская концепция «мягкой силы» стоит на нескольких основных «столпах» (рис. 1.16).

Первый столп — это привлекательность американской культуры и образа жизни, так называемая «американская мечта». Вторым столбом можно считать стратегию международного образования, формирующую положительный образ США в глазах международного сообщества и создающую центр притяжения для различных лидеров и мнений в других государствах. Иностранцы выпускники американской образовательной программы, становясь политическими и культурными лидерами, формируют среди населения своих стран положительное отношение к США. Не меньший вклад вно-

Рис. 1.16. Стратегия «мягкой силы», используемая США.

Источник: URL: <https://pptcloud3.ams3.digitaloceanspaces.com/slides/pics/003/608/262>

сит и распространение «американских ценностей» через СМИ, кино и шоу-бизнес. А против тех государств, которые ставят под сомнение правомерность американской модели развития мирового сообщества, Вашингтон применяет «жесткую силу» и иные методы воздействия, включая методы информационной войны.

«Умная сила» во внешнеполитическом курсе 44-го президента США

Б. Обама, ставший 44-м американским президентом, выступал за дипломатические методы внешнеполитического курса США. Он считал, что «перебор» с применением силы формирует в сознании международного сообщества имидж США как «милитаристского государства» и вбивает клинья между США и теми, кто преследует те же цели, что и Америка¹⁰¹. И если Дж. Буш-мл. вводил войска в Афганистан и Ирак, то Обама поэтапно вывел их из этих стран, оставив там незначительные силы¹⁰².

В начале своего президентства он был одним из самых популярных людей на Земле, апофеозом тому стало вручение ему Нобелевской премии мира. Первый чернокожий президент был символом обновления США, реальности американской мечты. На фоне Буша-мл., втянувшего Америку в две тяжелые и, главное, ненужные войны и «великую рецессию», Б. Обама казался олицетворением «Америки с человеческим лицом»¹⁰³.

В области внешней политики Обама попытался преодолеть ущерб, нанесенный авторитету и международным позициям США действиями Буша

при помощи «умной силы»/*smart power*. Он рассчитывал укрепить американскую гегемонию и трансформировать мир в соответствии с интересами и ценностями США. Его приход во власть улучшил отношения Соединенных Штатов с большинством союзников в Европе и Азии. Предложив стратегическое взаимодействие Китаю и «перезагрузку» России (что вполне укладывалось в логику подхода «умной силы» — выстраивание конструктивного диалога даже с внешнеполитическими противниками), он попытался создать сеть стратегических партнерств с ключевыми международными игроками. Провозгласив в Праге заведомо невыполнимую, но красивую идею о движении к миру без ядерного оружия («Global Zero»), он повысил авторитет Америки как ответственного лидера, производителя «глобальных общественных благ».

В стремлении примирить Запад с исламским миром, устранить угрозу распространения ядерного оружия, перезагрузить отношения с Россией и странами Латинской Америки, помешать опасному для США возвышению Китая он попытался реализовать программу, которая не укладывается полностью ни в одну из существовавших в США внешнеполитических традиций. Это была амбициозная доктрина, подразумевавшая трансформацию самого характера американского лидерства на основе использования «умной силы» с особым акцентом на инновационно-технологическое превосходство США, с помощью которой они должны были разделить ответственность за судьбы мира со своими партнерами.

Обама также отказался от «экспорта демократии» путем военных вторжений и начал проводить более реалистичский внешнеполитический курс: уменьшил критику России по вопросам демократии и прав человека, заморозил вопрос о вступлении Украины и Грузии в НАТО и признал в 2010 г. более влиятельную роль России на постсоветском пространстве (что и обеспечило успех «перезагрузки» в том же году). Да и сама «перезагрузка» тогда имела логику: Москва и Вашингтон использовали сотрудничество для реализации своих важных интересов в точках соприкосновения.

Однако во внешней политике Б. Обама, как правило, не хватало решительности, последовательности и твердости в тех случаях, когда это было необходимо. Он проводил «красные линии», а потом сам же их нарушал. Он потратил много сил на урегулирование долговременного израильско-палестинского конфликта, упустив неконтролируемый, лавинообразный процесс формирования «Исламского государства». Обама называл РФ региональной державой с «порванной в клочья экономикой» и одновременно обвинял В. Путина и Россию во вмешательстве в президентские выборы в США.

От предыдущей администрации Б. Обама унаследовал три войны: в Ираке, Афганистане и против международного терроризма. Войну в Ираке

он завершил в декабре 2011 г. Войну в Афганистане в 2014 г. ему не дали завершить, американский военный контингент в этих странах остался для противодействия ИГИЛ, боевикам «Талибана» и «Аль-Каиды». Но с этой задачей он не смог справиться. В третьей войне Б. Обама одержал бесспорную информационную победу, уничтожив Усаму бен Ладена.

В рамках реализации плана по сокращению ядерных вооружений Б. Обама заключил договор СНВ-3 с Россией в 2010 г., а также способствовал подписанию шестистороннего соглашения по иранской ядерной программе в 2015 г. Однако в первом случае сотрудничество приостановилось из-за кризиса в российско-американских отношениях, а во втором — из-за ухудшения отношений с Израилем, традиционным союзником США.

Последним пунктом программы Б. Обамы по снижению угрозы ядерной войны можно считать его визит в Хиросиму в мае 2016 г. Он стал первым из действующих президентов США, отважившихся на подобный шаг после атомных бомбардировок японских городов в 1945 г. Создание национального памятника на месте лагеря для интернированных японцев близ Перл-Харбора и передача земли, занимаемой военной базой США на острове Окинава, диктовались стремлением Б. Обамы внести собственный вклад в международную политику «памяти». Некоторые эксперты считают, что эти акции и соглашение по иранской ядерной программе, и восстановление дипломатических отношений с Кубой, и интеграционные проекты Атлантического и Тихоокеанского партнерства стали реализацией личных амбиций Обамы, который хотел оставить свой след в истории и подтвердить авансом полученную Нобелевскую премию.

С другой стороны, эти шаги были последовательной реализацией его внешнеполитической концепции и выполнением данных им обещаний американскому обществу. Однако многие внешнеполитические проекты Обамы, начиная с глобальных интеграционных объединений и заканчивая его вкладом в подписание Парижского соглашения по изменению климата, были нацелены на перспективу, а не на получение мгновенного результата. В начале 2010-х годов в политике «умной силы» США имели место как универсальные, так и специфические моменты. И во всех случаях внешнеполитическая деятельность США имела свои особенности¹⁰⁴.

Так, самым распространенным среди стран присутствия и универсальным направлением политики этой силы США в 2011—2013 гг. можно назвать образовательные и научные программы, в том числе программы обменов. В частности, к таким программам можно отнести, среди прочих, курсы Fulbright Program, которые для иностранных граждан предоставляют возможность пройти обучение или проводить научные исследования в США в течение 1 года или более. Также существует курсы для преподавателей английского языка, которые предоставляют возможность молодым преподава-

телям со всего мира усовершенствовать методы обучения, повысить уровень владения английским языком и расширить свои знания о США, пройдя 9-месячный курс обучения. Всего, по данным американских дипломатических представительств, образовательное и научное направление было сильнее представлено в странах бывшего СССР (за исключением Казахстана и Армении), а также во Вьетнаме, с которым США особенно активно развивали студенческие обмены и программы получения высшего образования в университетах США.

Другое направление политики «умной силы» — поддержка и развитие демократии, получившее наибольшее распространение на пространстве бывшего СССР. В частности, в этих странах работает программа малых грантов и финансирования местных НПО, не связанных с политическими партиями. Эти программы ориентированы на деятельность в таких сферах, как развитие гражданского общества, образование, открытость правительства, разрешение конфликтов, борьба с торговлей людьми, этическое и гендерное равноправие. По данным государственного портала США по внешней поддержке, на Украине затраты на это направление в общем объеме затрат в 2009—2013 гг. составили 37 %, в Узбекистане — 33 %, в Армении — 17 %¹⁰⁵. В связи с этим следует особенно выделить Украину и Киргизию, где за последнее десятилетие произошло несколько политических трансформаций. В это же время направление «демократизации» было менее развито американской внешней политикой, например, в Казахстане и Азербайджане, где политические системы и режимы достаточно устойчивы, а также во Вьетнаме и Бразилии, где в политических системах отсутствуют транзитивные тренды.

Аналогичные тенденции наблюдались и в проектах поддержки развития малого и среднего предпринимательства. В контексте данного направления политики США следует выделить Киргизию, которой было предоставлено в 2008 г. 20 млн долл. на развитие частного сектора, а также Монголию, которой США предоставили 7,5 и 6,2 млн долл. в 2009 г. и 2011 г. соответственно, а также кредиты монгольскому малому и среднему бизнесу в 2010 г. на сумму 25 млн долл.

Важным направлением политики США для некоторых стран стало предоставление им экономической и гуманитарной помощи «от американского правительства и народа США», а также некоторые программы развития (на безвозмездной основе). В 2010—2013 гг. такие программы активно практиковались в Казахстане, Киргизии, Вьетнаме, Монголии и Таджикистане, несколько меньше — в Армении. В ряду стран-реципиентов выделяется Киргизия, которой была оказана значительная финансовая поддержка и реализованы программы развития в таких сферах, как здравоохранение и образование. В Азербайджане на проекты экономического развития было

предоставлено в 2013 г. 43,3 % общего финансирования, в Бразилии — 53,3 %, в Казахстане — 45,5 %, в Монголии — 35,2 %, в Таджикистане — 38,9 %. Во Вьетнаме главной статьей расходов «мягкой силы» стали программы здравоохранения, они стоили 62,8 % общего бюджета мероприятий США в этой стране¹⁰⁶.

Тем не менее, политика продвижения американских ценностей и взглядов, как при Обаме, так и при прошлых администрациях, создавала зоны конфликта. «Арабская весна», в ходе которой США поддерживали оппозиционные силы, привела к дестабилизации Ближнего Востока, что в итоге способствовало росту влияния ИГИЛ.

А украинский кризис стал камнем преткновения в российско-американских отношениях. При администрации Б. Обамы они прошли полный цикл — от «перезагрузки» до кризиса, сравнимого с худшими эпизодами времен «холодной войны»¹⁰⁷. Искусственно раздув украинский кризис и создав самый острый конфликт в Европе с начала 1980-х, администрация Б. Обамы поставила крест на вопросе интеграции России в западное сообщество. Между тем, введя против России жесткие санкции, причем одновременно с усилением политики экономического и военного сдерживания КНР, США поспособствовали консолидации незападного мира. Стали усиливаться альтернативные институты глобального управления (БРИКС, ШОС). И Запад вдруг обнаружил раскол «единства» мирового сообщества и подъем правого популизма, где не-Запад выглядит весьма уверенно и сплоченно. А Россия при Обаме из региональной державы и периферии Европы стала одним из лидеров не-Запада и вторым центром Большой Евразии. При этом ни санкции, ни ожесточенная критика России не смогли изменить политику Москвы в отношении Украины и других раздражающих Вашингтон вопросов¹⁰⁸.

И на остальных направлениях внешней политики США ее итоги оказались не лучше. «Большая двойка» с Китаем не состоялась, «перезагрузка» отношений с Россией провалилась, и вместо ориентированной на Америку сети партнерств с другими центрами силы Б. Обама получил конфронтационные или весьма напряженные (в случае с КНР) отношения с ключевыми западными державами.

Усилив одновременное сдерживание и России, и Китая, администрация Обамы обесценила то, чего американские реалисты добивались со времен Р. Никсона: чтобы отношения Вашингтона с Москвой и Пекином были лучше, чем между Россией и КНР. Не без участия Вашингтона произошло беспрецедентное сближение двух евразийских держав, запустившее процесс формирования «Большой Евразии» как единого геополитического пространства, в котором Америке нет места.

Вместе с тем у администрации Обамы были неоспоримые внешнеполитические успехи. Это и сделка по ядерной программе Ирана, и восстановление отношений с Кубой, и сближение с Индией, и консолидация вокруг США ключевых союзников в Европе и Азии, и подписание соглашения о Транстихоокеанском партнерстве. Однако, как и в случае с внутривнутриполитическими достижениями Б. Обамы, не было никаких гарантий, что новая администрация не сведет на нет и эту часть его наследия. И Д. Трамп именно это делает в настоящее время.

Ибо 45-й президент США — полная противоположность своего предшественника. Если Б. Обама выходец из традиционного истеблишмента и олицетворение глобализма, то Д. Трамп всячески подчеркивает, что никак не связан с политической элитой, и апеллирует к среднему классу, считающему, что от глобализации они только теряют. Это означает конец прежнего мирового порядка, основанного на идеях универсальности американских ценностей, незаменимости американского «глобального лидерства» и благотворности либеральной глобализации — системы, которую Б. Обама пытался защитить. Но реальность оказалось гораздо более сложной и многообразной. Обама и его окружение верили, что стоит только Америке исправить «перекося» и «перегибы» прежней администрации, начать вести себя более благожелательно и мягко, чтобы «поманить» такие страны, как Китай и Россия, в ориентированный на США миропорядок. И тогда мир начнет «рукоплескаться» возвращению американского «просвещенного лидерства» и все будет, как в благословенные для Америки 1990-е годы. Однако этого не случилось: уже изменились время и среда, возникли новые центры сил, новые идеи, взгляды и подходы на глобальное мироустройство, и эти взгляды уже не совпадают с американским видением.

Таким образом, можно констатировать, что стратегия «умной силы», стартовавшая при администрации Б. Обамы с 2009 г., проходила внешнеполитический период своего становления как интеллектуальный инструмент геополитики США, предназначенный для глобального преобразования международной среды в XXI в. и в интересах сохранения однополярного мироустройства. Эта стратегия была адаптирована под национальные интересы США и сравнима с невоенным доминированием над странами путем вовлечения с помощью ряда мер в сферу американских ценностей и интересов. Однако реализация эта практика США столкнулась с трудностями. Это связано с приходом к власти администрации Трампа, которая оказалась вовлечена в ожесточенное внутривнутриполитическое противостояние со всем миром, и с личностью 45-го президента США, его особенностями импульсивного подхода к выработке американского внешнеполитического курса, а также с тем, что свои идеи и взгляды на глобальное мироустройство есть у других влиятельных стран, и они не совпадают с американским видением.

Политика администрации Д. Трампа в сфере применения «мягкосилового арсенала»

Не следует ожидать, что при президенте Д. Трампе Вашингтон станет меньше вмешиваться в дела других стран. Политику и стратегию, которые проводились предыдущими администрациями Белого дома на мировой арене, нельзя изменить в одночасье. Поэтому можно сделать некоторые умозаключения об использовании инструментария «мягкосилового арсенала» США в области глобальной стратегии:

- в период своего президентского срока Трамп не изменит внешнеполитический курс США. Сосредоточение его деятельности нацелено на решение внутренних проблем. В мировых делах он отказался от ненужных глобальных военных затрат и поддержки правительств тех государств, которые не несут Америке должной выгоды. Это прагматичный подход, направленный на усиление геэкономических, а не геополитических позиций США в мире. В этом, очевидно, и будет состоять дальнейший геополитический курс США при администрации Д. Трампа;

- при 45-м президенте США на мировой арене будет происходить дальнейшая поляризация сил. Одни будут защищать сложившийся односторонний миропорядок с доминирующей ролью США, другие — укреплять формирующийся многополярный мир, добиваясь конкретных результатов. Свидетельством этому является развитие структур ШОС, БРИКС и ЕАЭС. Союзные США государства и их структуры, недовольные успехами государств ШОС, также могут использовать свой «мягкосиловой арсенал» для организации «цветных революций» и переворотов в странах-членах этой Организации. Совместно с США им уже удалось столкнуть в хаос Ливию, Сирию, провести «цветную революцию» в Грузии и попытаться её провести в Киргизии, разжечь гражданскую войну на Украине. Следует также ожидать, что политическая и иная пропаганда будут использоваться Вашингтоном и его союзниками для «промывки мозгов» международному сообществу с целью поддержания тезиса о приоритете американских ценностей над остальными. Для этого западные власти будут активно применять широкий набор инструментов, таких, как аналитические центры и специальные фонды, теле- и радиостанции, вещающие на разных языках, мультимедийные службы, а также социальные сеть Интернета для того, чтобы удерживать мировое сообщество в рамках однополярного мира под эгидой США;

- что касается использования других средств из «мягкосилового арсенала» США, то на подход администрации Д. Трампа в этой области влияет целый ряд факторов, а именно: национальные интересы Соединенных Штатов в изменяющемся мире; действия других государств на мировой арене; совпадение или же различия во взглядах США и других стран по пробле-

мам безопасности и связанная с этим необходимостью усиления сдерживания со стороны Соединенных Штатов в условиях модернизации их стратегических ядерных сил; бюджетная и экономическая ситуация в США; мнения Сената и Конгресса США, а также экспертов по поводу использования американского «мягкосилового арсенала». При этом администрация Белого дома будет продолжать активно использовать как «умную силу», так и стратегию непрямых действий для продвижения своих национальных интересов в зарубежных странах;

- Пентагон для этих целей будет продолжать активно использовать миротворческий потенциал США, позволяющий при помощи миротворчества устанавливать мир в «горячих точках» планеты в выгодном для Вашингтона ракурсе. Миротворчество также является специфичным способом обеспечения военного присутствия в регионах мира. Именно под его флагом, а после 11 сентября 2001 г. под лозунгом борьбы с терроризмом США создали военные базы на Балканах и в Афганистане, расширяют военное присутствие в Африке. Очевидно и то, что практика решения военных конфликтов силами региональных организаций (НАТО и др.), где США играют одну из «первых скрипок в оркестре» продолжится. При этом неравенство партнеров США в сфере миротворчества, в средствах воздействия на обстановку в районе кризиса, а также в политических и экономических возможностях приводит к фактическому подчинению политики региональных организаций целям и задачам политики Вашингтона. А когда в момент прекращения конфликта с использованием механизмов миротворчества начинает рушиться «старая» государственная машина страны — участницы конфликта начинают налаживаться новые схемы взаимоотношений, у Вашингтона появляется шанс упрочить свои позиции «в новой системе координат». Десятки американских НПО, тянущиеся за миротворческими миссиями, проникают во все поры местного общества, делая его зависимым от США. В последующем американский бизнес, как правило, выигрывает тендеры на послевоенное восстановление экономики этой страны и разработку там полезных ископаемых. Так было на Балканах, на Африканском континенте, где американские компании безоговорочно одерживали победу над конкурентами;

- что касается российско-американских отношений, то при 45-м президенте США информационная война против РФ продолжится. При этом стоит заметить, что информационная война против России дает обратный эффект. В мире растет популярность президента В.В. Путина. Так, вывод части российских войск из Сирии был расценен в мировых СМИ как победа Путина над Трампом. И несмотря на позитивные результаты встреч Д. Трампа и В.В. Путина в Финляндии в 2018 г., большая часть санкций США против России в ближайшей перспективе снята не будет. Этому препятствуют действующие ныне антироссийски настроенные Конгресс и Се-

нат США, которые ввели эти санкции «до тех пор, пока Крым не вернется в Украину», на что Россия не пойдет ни при каких обстоятельствах;

- в случае усиления администрацией Трампа «торговой войны» с Китаем, Россия столкнется с рядом проблем: из-за резкого падения производства Китаю не будет нужно много российских энергоресурсов; КНР начнет сбывать свои товары повсюду, особенно в Центральной Азии, где Китай укрепляет свои позиции, ослабляя российское присутствие; безработица в КНР подтолкнет к массовой миграции в РФ, которая начнет вводить ограничительные меры. Поэтому следует ожидать, что по этим проблемам в рамках ШОС начнутся переговоры и выработка компромиссов. Следует полагать, что эти проблемы будут успешно разрешены. Ибо Китай и Россия тесно сотрудничают и поддерживают друг друга по вопросам, затрагивающим их ключевые интересы. Так, Россия неоднократно подтверждала, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая¹⁰⁹. Помимо этого РФ и КНР выступают за укрепление ведущей роли ООН в международных делах, призывая все стороны мирным путем урегулировать ситуацию в Сирии, ядерную проблему Корейского полуострова и другие мировые и региональные проблемы. Стороны также считают, что споры вокруг Южно-Китайского моря должны решаться через прямой диалог непосредственно заинтересованных стран политическими и дипломатическими методами, и никто из внешних игроков не должен вмешиваться в их решение.

Глобальное и региональное измерение «мягкой силы» Китая

Основы теории применения «мягкой силы» в Китае были заложены еще в древности такими философами как Лао-цзы, Сунь-цзы и Конфуцием. Эта теория имеет под собой более 2 тыс. лет истории и практики в Китайской империи, и, претерпев некоторые изменения, дошла до современности.

Современный китайский принцип «мягкой силы» строится на трех элементах: принуждение, вознаграждение и привлекательность. В свое время председатель КНР Ху Цзиньтао в 2005 г. на конференции в Джакарте высказался о том, что ведущим странам необходимо прилагать совместные усилия для построения гармоничного мира.

С начала 2000-х годов важнейшим направлением внешней политики Китая стало углубление сотрудничества со своими соседями, странами АТР, а также с другими странами мира. В настоящее время Китай имеет известность как «мировая фабрика», но для правительства КНР такая репутация не является приемлемой, и они стараются укрепить свое культурное влияние в мире в различных областях. Но на данный момент эта политика не выглядит успешной по сравнению с США, в плане культурно-политической привлекательности Пекин серьезно проигрывает Вашингтону.

В китайской политологии «мягкая сила» предстает как триада следующих элементов: культурный диалог со странами-партнерами; несилевое лидерство, обусловленное экономическими успехами в мире и оказание гуманитарной и технологической помощи государствам «третьего мира»; проведение на мировой арене политики сотрудничества со всеми странами. Культурный компонент Китая в мире также реализуется с помощью китайских эмигрантов (хуацяо), «народной дипломатии», распространения китайского языка в мире, в том числе и через Институты Конфуция и СМИ. «Простое» гуманитарное сотрудничество и «народная дипломатия», а также усилия по созданию позитивного образа страны за рубежом — это «три кита», на которых зиждется «мягкая сила» Китая (рис. 1.17).

Рис. 1.17. Области применения «мягкой силы» Китая.

Источник: URL: <https://pptcloud3.ams3.digitaloceanspaces.com/slides/pics/003/608/262>

Однако успехи Пекина по созданию о себе положительного образа в мире зачастую аннулируется другими его действиями, направленными против своих граждан. В частности, грандиозный успех всемирной выставки ЭКСПО в Шанхае, которую посетили около 70 млн человек и на которой было представлено 195 стран, был омрачен арестом лауреата Нобелевской премии мира Лу Сяобо. Аналогичная ситуация была и с Пекинской Олимпиадой 2008 г., после которой последовали массовые аресты китайских правозащитников. Несмотря на это, КНР активно развивает стратегию «мягкой силы», делая акцент на международной образовательной программе и ориентируясь, в первую очередь, на страны АТР и Юго-Восточную Африку. Так, в 2007 г. в Китае обучалось более 190 тыс. студентов из 188 стран мира, и в дальнейшем это число только росло.

Кроме того, Китай в 2004 г. начал создание по всему миру институтов Конфуция, целью которых является распространение среди иностранных граждан китайского языка и культуры. Хотя этот проект, по своей сути, аналогичен более ранним испанскому (Институт Сервантеса, 1991 г.) и немецкому (Институт Гёте, 1951 г.) институтам, китайский вариант добился заметно больших успехов. По оценкам Пекина, Институт Конфуция насчитывал по состоянию на 2010 г. 322 института и 369 классов Конфуция в 96 странах мира в сравнении со 140 отделениями у испанского аналога и 149 у германского.

Как и США, Китай старается представить миру свою массовую культурную продукцию. В основном это кинофильмы, так или иначе рассказывающие о китайской истории в своеобразном эпическом и даже фантастическом стиле. Для этого Китай не скупится на внешнеполитическую пропаганду. Он тратит на соответствующие цели до 10 млрд долл. в год. Из них порядка 7 млрд долл. — на зарубежное вещание, вплоть до использования электронных рекламных щитов. Миллионы долларов направляются на образовательные проекты, обмен студентами и преподавателями. Кроме того, в некоторых вузах КНР «народная дипломатия» преподается как учебный предмет в целях подготовки молодого поколения экспертов по соответствующей проблематике¹¹⁰.

Китайская мировая «образовательная экспансия» как механизм «народной дипломатии» развивается достаточно успешно: по данным ЮНЕСКО, число китайских студентов за рубежом составляет 14 % от общемирового показателя, превращая Китай в крупнейшего «поставщика» студентов-иностранцев. В США наибольшее количество обладателей степени PhD неамериканского происхождения приходится на выходцев из КНР¹¹¹. Тем не менее, в Китай возвращается только треть обучившихся¹¹², но это не особенно беспокоит Пекин, потому, что оставшиеся специалисты представляют собой ресурс и резерв «мягкой силы» КНР за рубежом.

Сейчас китайская «мягкая сила» более эффективна не на западном направлении, а в «третьем мире», где Центральная Азия — это тот островок мировой развивающейся зоны, где «мягкосиловое» влияние РФ превосходит соответствующее влияние Китая¹¹³. Пекин это прекрасно понимает, вынужден считаться с этим фактом и поэтому интенсифицирует создание специальных гуманитарных программ для государств Шанхайского форума: в частности, по подготовке специалистов по ШОС, обучению их китайскому языку, увеличению числа стипендий для студентов из центральноазиатских стран.

Вместе с тем у «мягкой силы» Китая есть трудности в продвижении своей гуманитарной продукции за рубеж в силу специфики китайского менталитета и образа жизни, особой сложности языка, в ряде случаев — в отсутст-

вии общей культурно-исторической базы со странами-реципиентами. А в области киноэкспорта у КНР нет достаточного опыта. Так, в 2011 г. китайская киноиндустрия выпустила 791 фильм, но только 52 из них оказались пригодны для продажи за рубеж: 50 картин было снято в совместном формате, поэтому истинно китайской «культурным продуктом» оказались только 2 фильма. Кроме того, в Китае было снято 15 тыс. серий телесериалов (самый высокий показатель в мире в 2011 г.), но выручка от экспорта этого вида кинопродукции оказалась вдвое меньше, чем заработала Южная Корея, изучившая запросы массового иностранного телезрителя¹¹⁴.

Что касается значения гуманитарного сотрудничества для России и Китая, то его можно проиллюстрировать мнением российского ученого В. Ларина. Он считает вопрос о состоянии российско-китайских гуманитарных связей гораздо более важным, нежели совершенство экономических отношений двух стран, поскольку пока «самым слабым звеном нынешней конструкции» российско-китайского стратегического партнерства ему видится отсутствие в ней массовой общественно-политической опоры. Российский эксперт полагает, что и китайские, и российские школьные программы и учебники дают примитивные знания о стране-соседе, из которых в дальнейшем складывается неверное или негативное восприятие друг друга. В связи с этим В. Ларин подчеркивает значение подготовки истинных профессионалов — специалистов-синологов и в Китае — русистов, которых пока катастрофически не хватает.

Важно отметить и уникальную особенность китайской культурной экспансии — «хуацяо», китайские эмигранты, которых в мире, по разным данным, насчитывается около 40 млн. Несмотря на то, что КНР не признает двойного гражданства, китайские традиции говорят о том, что текущая страна проживания человека важна куда меньше, чем родина его предков. Поэтому, любой выходец из Китая, неважно в каком поколении живущий вдали от родины, считается в первую очередь китайцем. С этим связан феномен чайнатаунов, компактных поселений этнических китайцев со своей архитектурой, культурой, а иногда и законами.

Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на древнюю историю стратегии «мягкой силы», на данный момент Китай проходит стадию ее реформации и адаптации к современным реалиям. Это можно сказать и обо всей китайской культуре. Правительство КНР поощряет любое заимствование технологий и материальных достижений у западной цивилизации, но серьезно следит за проникновением чужеродной культуры, оставляя исконные китайские ценности на некоем сакральном уровне. Эту политику можно характеризовать следующим образом: искать общее, оставаясь различными. Также следует отметить, что в настоящее время Китай официально не претендует на статус сверхдержавы, хотя китайские экономические показа-

тели в мире свидетельствуют об обратном, и даже на роль гегемона своего региона. При этом Китай пока остается одним из самых бесконфликтных и «спокойных» игроков глобальной политики. Но эксперты разных стран все-речь сомневаются в истинных намерениях Пекина и считают, что избранная Китаем позиция «мягкой силы» является стратегическим выжиданием. Сейчас из уст экспертов все чаще можно слышать слова: «XXI век — век Великого Китая».

Сильные и слабые стороны российской «мягкой силы»

Основная характеристика для «мягкой силы» России конца XX — начало XXI в., как и ряда других аспектов деятельности государства, является кризис. Еще во времена СССР, да и в начале 90-х годов прошлого века Россия имела значительное влияние на обширные пространства стран Варшавского договора, а также на страны на других континентах, с которыми СССР вел тесное сотрудничество. Но в начале 2000-х годов, в отличие от Китая, российские власти решили, что стратегия «мягкой силы» является пережитком коммунистического прошлого, и что это нечто манипулятивное и недостойное. Поэтому к началу 2000 г. практически все программы «мягкой силы» и распространения русской культуры за рубежом были приостановлены или находились в упадническом состоянии. Принципиально сменилась и парадигма внешнеполитических отношений с соседними странами — с привлечения на свою сторону, так или иначе свойственного советскому режиму, на достаточно жесткую политику «кнута и пряника».

В частности, это проявлялось в «энергетических войнах» с европейскими странами, полем «боя» которых стала Украина, а также в постоянных дипломатических конфликтах с балтийскими странами. Военные столкновения на Кавказе лишь усугубляли ситуацию. Как итог этого, к началу 2000-х годов Россия практически лишилась всего потенциала «мягкой силы» не только в мире, но даже в зоне своего прямого влияния. К примеру, количество русских школ в СНГ к этому времени сократилось почти вдвое.

Москва также избрала тактику невмешательства во внутренние дела Украины. Киеву разъяснялись экономические последствия, к которым привело бы заключение соглашения об ассоциации Украины с ЕС в версии, предлагавшейся к подписанию на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе. Единственное, что позволила себе Москва — это восстановить историческую справедливость, присоединив к РФ Крым после проведения там референдума по соответствующему вопросу.

Данный шаг вызвал глубокий кризис в отношениях Москвы и Киева на фоне активной поддержки Вашингтоном и Брюсселем прозападного выбора Украины. Россия была обвинена во всех проблемах украинского общества и в глазах мировой общественности вновь стала «агрессором». Перманентные

изменения в составе политической элиты Украины, никак не ориентированной на мнение рядовых граждан страны и происходящие под влиянием внешнего фактора (частично — европейского, очень редко — российского и всегда — американского), также сыграли деструктивную роль.

Казалось бы, по сравнению с США, у России в диалоге с Украиной есть более весомые «козыри» не только в экономической, но и в гуманитарной сфере: общие история и культура, многочисленные диаспоры и трансграничные родственные узы и многое другое, что неразрывно связывает россиян и украинцев. Для сохранения и укрепления этих связей Москве было необходимо не только задействовать потенциал МИД РФ, но и активно противостоять антироссийской пропаганде и практике хотя бы путем работы по развитию культурного присутствия РФ через скоординированную реализацию гуманитарных, образовательных и лингвистических проектов. Увы, если что и было сделано Москвой в этом направлении, то по сравнению с усилиями Запада этого оказалось явно недостаточным.

Несмотря на это, Россия по-прежнему сохраняет значительный потенциал «мягкой силы» на мировой арене. По данным ЮНЕСКО, на 2010 г. Россия занимала 7-е место в мире по количеству иностранных студентов. Также стоит отметить, что СССР в 1960 г. создал и воплотил в жизнь фактически первый и уникальный пример стратегии «мягкой силы» нового поколения — Университет дружбы народов им. П. Лумумбы, целью которого являлось формирование образованной просоветской элиты в странах бывшего соцлагеря и симпатизирующих.

В настоящее время в сфере культурно-гуманитарного взаимодействия со странами ЦАР Россия больше сориентирована на государства — члены СНГ, поскольку там ее лидерские возможности наиболее заметны. А в рамках ШОС РФ нацелена на развитие тех сфер сотрудничества, которые способствуют консолидации ее позиций в Организации, но с учетом влияния другой «стержнеобразующей» страны ШОС — Китая.

Большой пласт населения центральноазиатских стран-членов ШОС продолжает считать русский язык и культуру частью своей национальной истории, а их изучение — «ступенькой» для карьерного роста и выхода в мир. В этих государствах проживает значительное количество этнических русских, составляющих до 20 % их населения. Тесные культурные связи РФ со странами ЦА позитивно влияют на российский имидж в регионе. Как показал опрос, доля населения, доброжелательно относящегося к России, в государствах ЦАР является более высокой, чем в других постсоветских странах. Так, в Казахстане она составляет 84 %, Узбекистане — 85 %, Кыргызстане — 84 %, в Таджикистане — 90 %. Такие показатели были достигнуты в том числе благодаря работе в регионе Россотрудничества, Фонда «Русский мир», Кыргызско-российского и Таджикско-российского университетов,

филиалов российских вузов, а также других российских гуманитарных структур.

В 2006 г. В. Путин на встрече с творческой интеллигенцией в Доме Державина в Санкт-Петербурге много говорил о том, что необходимо укреплять и усиливать влияние русской культуры. В 2007 г. он в своем указе отмечал следующее: «В этом году, объявленном Годом русского языка, есть повод еще раз вспомнить, что русский — это язык исторического братства народов и язык действительно международного общения. Он является не просто хранителем целого пласта поистине мировых достижений, но живым пространством многомиллионного Русского мира, который, конечно, значительно шире, чем сама Россия». После этого в российских и, все чаще, западных СМИ стали говорить о целенаправленной политике культурного влияния России в мире. В том же году был основан фонд «Русский мир», целью которого стала популяризация и изучение русского языка и культуры по всему миру. Он, в свою очередь, является аналогом различных «Институтов», фигурирующих в политике других государств.

Концептуальным основанием нынешнего взаимодействия с государствами ЦА в области применения «мягкой силы» является тезис, сформулированный президентом РФ В.В. Путиным в 2012 г. — о необходимости расширять образовательное и культурное присутствие России в мире, и особенно в странах, где часть населения говорит на русском языке или понимает его. Для этого за последние годы были заключены межправительственные соглашения об открытии российских центров науки и культуры с 18 государствами, в частности, со странами ЦАР — Киргизией и Таджикистаном, а также с некоторыми сопредельными государствами, в числе которых находится и Китай. К 2013 г. в 41 стране мира было открыто 90 центров «Русского мира».

В 2014 г. была принята комплексная «Стратегия расширения гуманитарного влияния России в мире». Она сформулировала подходы и задачи РФ в сфере «мягкой силы». Документ является беспрецедентным для России. В некоторых вопросах его разработчики вынуждены, по сути, «вспахивать целину». «Списать и подсмотреть» не у кого, многое приходится творить собственными силами, сверяясь с позициями руководства страны и заинтересованных ведомств. Но одной Стратегии недостаточно. Нужны практические решения, в том числе ресурсные, кадровые и прочие, с которыми пока не все успешно складывается. Сложность процесса усугубляется рядом проблем, затрудняющих продвижение позитивного имиджа России в ЦА и обоснование притягательности сотрудничества с РФ.

В 2015 г. были учреждены культурные представительства в Уральске (Казахстан), Оше (Киргизия) и в Худжанде (Таджикистан). При этом организация подобных центров — не самоцель. Главная сфера приложения уси-

лий — это люди, местные аудитории, уже обретенные и потенциальные друзья России, соотечественники и их организации, студенты и школьники, лица, изучающие русский язык, литературу и искусство. Для них работают библиотеки в российских центрах культуры, проводятся концерты и иные массовые мероприятия, действуют курсы русского языка.

В 2016 г., по данным Лондонского PR-агентства Portland, Россия заняла 27-е место в рейтинге самых влиятельных стран мира по критерию «мягкой силы». При этом Китай находился на 28-м месте. Однако Сэм Грин, директор Института России при Лондонском королевском колледже, в интервью русской службе ВВС высказывал сомнения в этом рейтинге, имея в виду несопоставимость совместного культурного влияния Китая и России на Европу в сравнении с Венгрией и Чехией.

Одним из препятствий является *сокращение масштабов изучения русского языка и влияния системы российского образования*. Во многих странах ЦА был закрыт целый ряд русских школ, что вызвало перезагруженность оставшихся. Проблема нехватки русских школ усугубляется недостаточностью числа учителей и уровня их подготовки. При поступлении в российские вузы выпускники школ из государств ЦА не могут конкурировать с российскими абитуриентами: они просто не изучали многое из того и в том объеме, что требуется для зачисления в высшие учебные заведения РФ. Практика учета результатов ЕГЭ также является «камнем преткновения» для центральноазиатских абитуриентов. И хотя количество студентов из государств ЦА, обучающихся в российских вузах, за последних 15 лет не снизилось, однако существенно увеличивается число абитуриентов, выезжающих на учебу в другие страны. Так, среди обладателей стипендии «Болашак» вузы ЕС выбрали 46,6 %, США — 29 %, а РФ — только 9,5 % молодых людей. При этом на центральноазиатский рынок образовательных услуг вышли государства, ранее на нем практически не представленные — Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Иран, Япония. Например, в исламских странах учится 2,3 тыс. таджиков, что гораздо больше студентов из Таджикистана в России. Многие третьи страны предоставляют студентам из ЦА возможность бесплатного обучения.

Тенденция свертывания обучения на русском языке, сопровождающаяся желанием центральноазиатской молодежи получить высшее образование в западных и восточных вузах, диктует необходимость дополнительной поддержки изучению русского языка. Однако ряд инициатив РФ в этой области наталкивается на проблемы с местным законодательством, а также восприятием в определенных кругах стран ЦА политики России как «возвращения к традициям Советского Союза».

Анализ опыта работы филиалов российских вузов в государствах ЦА показывает растущую потребность расширения в регионе сети образова-

тельных школ с российской учебной программой. Например, путем спонсирования дополнительных русских классов в школах. Параллельно представляется возможным более активно использовать механизмы дистанционного получения среднего образования на русском языке и применять иные формы включения школьников из стран ЦА в российское образовательное пространство.

Все это видится важным для привлечения наиболее перспективной молодежи к получению образования в России. При этом средства, выделяемые на обучение студентов, остаются в РФ, так как они вкладываются в российские вузы. Привлекая студентов из ЦА, высшие учебные заведения РФ повышают свой международный рейтинг, учитывающий количество студентов из зарубежных стран. Для того чтобы обучить русскому языку и поддержать эти знания среди населения ЦАР, должны активизироваться и курсы русского языка. Необходимо также распространять методики и пособия для его самостоятельного изучения. В каждой центральноазиатской столице желательно открыть центры переподготовки и повышения квалификации учителей русскоязычных школ.

Следует также констатировать, что в России очень мало *Фондов поддержки гуманитарного сотрудничества со странами ЦА*. Хотя и существуют Росзарубежцентр и Фонд «Русский мир», однако этого явно недостаточно. Нет в России и НПО, которые работали бы исключительно в регионе. А ведь там уже активно функционируют фонды К. Аденаура, Ф. Эберга, Маркартуров, Карнеги, Сороса и другие западные НПО, затраты которых в ЦА увеличиваются год от года. Это способствует росту влияния в регионе стран ЕС и НАТО. Государства ЦАР, выступая получателями финансовой и иной помощи, вынуждены следовать в русле интересов западных доноров.

А проблемы *поддержки соотечественников*, проживающих в ЦА, заключаются, прежде всего, в том, что статус этих людей во многом не отрегулирован двусторонними и многосторонними юридически обязывающими документами. До сих пор на прострaнстве ШОС не решена проблема двойного гражданства, и только с Таджикистаном у России есть соответствующее соглашение. А соотечественники из других центральноазиатских стран в РФ приравнены к иностранцам. Вместе с тем ожидаемое достижение соглашений о двойном гражданстве — это весомый вклад в дело включения соотечественников из ЦА в российское правовое пространство. Кроме того, двойное гражданство станет гарантией для них на случай возникновения экстремальных ситуаций, подобных украинской.

Другая проблема — слабость организационной базы, препятствующая представительному участию соотечественников в региональных мероприятиях. Поэтому важным является создание Координационных советов, объединяющих все или большинство организаций соотечественников в каждой

стране региона с целью согласования их усилий для лучшего решения существующих проблем. При этом Советы должны иметь информационное обеспечение: интернет-сайт либо печатный орган, что требует поддержки со стороны российских госструктур или фондов. Положительным примером здесь может послужить Кыргызстан, где 63 местным организациям соотечественников удалось создать единый Координационный совет.

Одна из важнейших проблем в гуманитарной сфере является *сложное положение в России мигрантов из стран Азии*. Для развития экономики РФ необходима квалифицированная рабочая сила, однако таковая из государств ЦА поступает редко: в основном это люди без специальной подготовки и образования. Они не знают, в каком регионе РФ есть для них работа и какие специальности им нужны (информация в основном исходит от друзей и родственников, уже побывавших в России). Это подстегивает незаконную миграцию выходцев из ЦА и обуславливает их правовую незащищенность перед работодателем. Мигранты берутся за незнакомую прежде работу, создавая тем самым проблему качества труда. Они часто пополняют ряды криминальных элементов, провоцирующих коррупцию, допускают и другие нарушения российского законодательства.

Правовое и уважительное обращение с мигрантами — это вклад в гармонизацию отношений России со странами ЦА. Поэтому весьма важно формирование благоприятных условий для легальной трудовой миграции в РФ. Полезным видится создание в странах ЦА центров не только для сдачи экзаменов по русскому языку, но и по правовому просвещению, необходимому для пребывания на территории РФ. Зная язык и законы России, мигранты смогут получать юридическую защиту. Также представляется целесообразным открытие единой центральноазиатской биржи труда, обеспечивающей информацией о востребованных в РФ специальностях.

Как позитивную, так и негативную сторону для России имеет *сотрудничество стран Центральной Азии с внерегиональными силами*. Сравнительно взвешенную и «смягченную» политику в ЦА проводят государства ЕС, которые осуществляют в регионе порядка 15 программ научно-технической помощи. При этом Евросоюз при разработке стратегии в отношении ЦА в определенной мере учитывает позиции России. Брюссель понимает традиционно высокую роль нашей страны в регионе и выстраивает политику таким образом, чтобы она открыто не задевала интересы РФ. США же, в отличие от ЕС, стремятся нейтрализовать влияние России в ЦА, а также растущую там роль КНР, в лице которой США видят своего основного стратегического соперника. Вашингтон открыто нацелен на расширение отношений со странами региона, в том числе в рамках программы «Партнерство ради мира». Ее целью является наращивание военно-технического и образовательного сотрудничества с вооруженными силами центральноазиатских стран.

Роль Турции в гуманитарном диалоге со странами ЦА носит двойственный характер. С одной стороны, Анкара стремится наглядно продемонстрировать свою лояльность и посредническую роль в регионе, а с другой — продвигает на пространстве ЦА собственные интересы. Историческая, культурная и языковая близость к тюркоязычному населению центральноазиатских государств; «прозападный» имидж светской мусульманской страны способствуют расширению турецкого влияния в регионе.

Иран обозначил свое присутствие в ЦА, прежде всего, в экономической области, что в принципе отвечает интересам государств региона. Однако имидж ИРИ как страны «воинствующего ислама», претензии Тегерана на лидерство в мусульманском мире, чрезмерная идеологизация его внешней политики не способствуют популярности Ирана в ЦА. Начиная с 1991 г. на гуманитарном пространстве региона проявилась Япония. Она стала проводить в ЦА дни своей культуры, а с 1999 г. — предоставлять студентам из Азии стипендии для обучения в японских университетах. Правительство Японии учредило в Алматы «Центр развития человеческих ресурсов», который проводит различные культурные мероприятия, организует курсы по изучению японского языка и подготовке менеджеров и т. д. Токио также начал выдавать гранты на цели развития культурно-образовательных и спортивных учреждений в ЦАР.

Говоря о влиянии «мягкой силы» России на пространстве ЦАР, можно сделать вывод о том, что интересы РФ окажутся под угрозой в том случае, если внешние игроки, недружественные России, продолжат наращивать гуманитарную помощь региону в противоречащих интересам РФ целях. Чтобы сбалансировать этот процесс, России крайне важно расширять собственное присутствие в ЦА, в том числе в гуманитарной сфере. Это способно принести реальные плоды, ибо почти все страны региона предрасположены к сотрудничеству с РФ больше, чем, например, с Ираном, Турцией или США.

Несмотря на это, проблема негативного имиджа России является на данный момент одной из основных внешнеполитических проблем. Сейчас вопросами укрепления имиджа России и формирования активов «мягкой силы» призваны заниматься два ведомства. Федеральное агентство по делам СНГ (Россотрудничество) занято не только вопросами влияния на страны СНГ, но и международного гуманитарного сотрудничества и имеет представительства в 76 странах мира. Подобную работу ведет и «Российский центр науки и культуры» (РЦНК), с акцентом на совместные научные изыскания, обмен техническим опытом культурным достоянием. РЦНК проводит различные выставки и концерты, направленные на привлечение внимания к современной русской науке и искусству. Нельзя оставить без внимания и активное инновационное российское СМИ — так с 2005 г. телека-

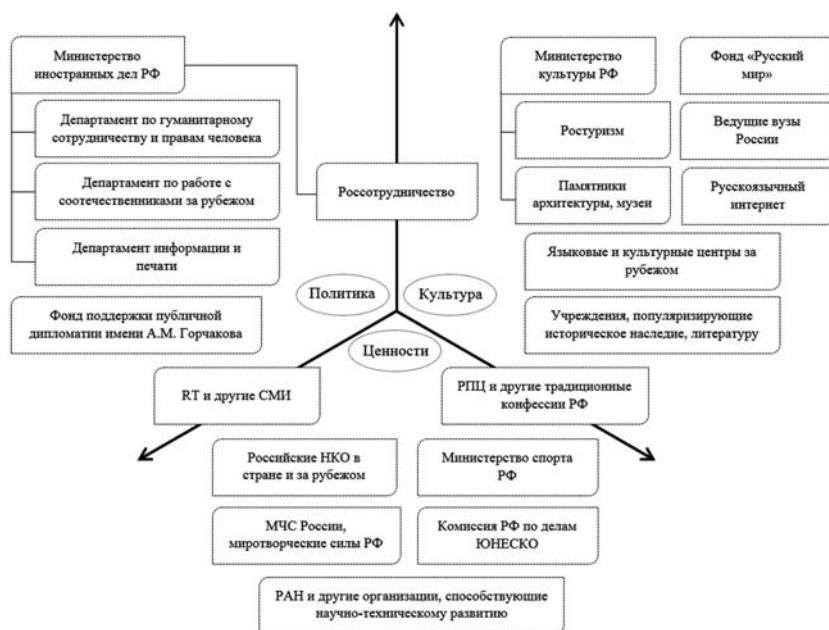

Рис. 1.18. Институциональный фундамент реализации «мягкой силы» России.

Источник: URL: <https://pptcloud3.ams3.digitaloceanspaces.com/slides/pics/003/608/262>

нал Russia Today круглосуточно вещает на английском, арабском и испанском языках, и его суммарная аудитория насчитывает порядка 700 млн человек (рис. 1.18).

В настоящее время перед российским правительством стоит трудная задача — необходимо не просто укрепить положительный имидж, но, в некотором роде, создать его заново. Приоритетным направлением тут является сохранение влияния русского языка и культуры в приграничных территориях, сохранение его межнациональной роли. Кроме того, необходимо наращивание престижа российской науки и искусства в западных странах, а для этого, в первую очередь, нужно активное внутреннее развитие этих отраслей, которое, к сожалению, не так велико. И не стоит забывать и о том, что распространение русской культуры на Западе может протекать достаточно успешно ввиду огромного исторического наследия нашей страны, однако заикливаться на этом ни в коем случае нельзя, ибо подобная стратегия без привнесения чего-то нового приведет к стагнации и угасанию.

Информационная война США против России

Следует заметить, что данный метод уже используется на протяжении многих веков, и в отличие от войны с использованием вооруженных сил, информационная война, в виде «словесных баталий» не утихала никогда. Основной целью данного метода является доказательство жителям иного государства, что их правительство и их страна хуже и что единственно правильный путь развития должен происходить на примере западного сообщества.

Первое определение термина «информационная война» было дано в докладе корпорации RAND «Strategic Information Warfare a New Face of War» (1996 г.). Согласно нему: «Информационная война — это война в информационном пространстве». К трем военным пространствам (сухопутном, мор-

Рис. 1.19. Концепция информационной войны США.

Источник: URL: <http://ok-t.ru/studopedia/baza14/454477405857.files/image019.png>

ском и воздушном) был добавлен новый — информационный¹¹⁵. Впоследствии в документе «Joint Doctrine for Information Operations» (1998 г.) было дано определение «информационной войны», но уже как «информационных операций — конфликт, в котором критически важным и стратегически важным ресурсом является информация, которая подлежит освоению или уничтожению»¹¹⁶ (рис. 1.19).

Особенно это касается стран, несогласных с американской моделью глобального миропорядка, прежде всего таких государств, как Россия и Китай, которые создают альтернативы американскому пути развития, одним из которых является ШОС, которая после вступления в нее Индии и Пакистана представляет больше половины человечества и глобального материального производства. Поэтому понятно, почему США вместе со своими союзниками ведут против РФ информационную войну. Россия выступает против однополярного мира с доминирующей ролью США и продвигает идею многополярного мира. При этом в Вашингтоне продолжают опасаться Россию, рассматривая ее как геополитического конкурента, не забывая о и том, что это единственное государство, которое может гарантированно уничтожить Соединенные Штаты. Ее активное неприятие незаконных односторонних действий США в мире также раздражает Вашингтон. Поэтому предпринимаются меры по дискредитации РФ на международной арене и отрыва от нее партнеров по ШОС, препятствованию действиям других пророссийских центров силы — ОДКБ, Евразийскому экономическому союзу и БРИКС. Для этого Вашингтон активно использует целую серию способов, приемов и методов¹¹⁷ (рис. 1.20):

- *нарушение договоренностей.* После распада СССР Москва, доверяя договоренностям с лидерами западных стран о том, что образовавшийся после «холодной войны» «статус-кво» нарушаться не будет и что Запад не станет расширять НАТО и вторгаться в сферу интересов, РФ на постсоветском пространстве не уделяла достаточного внимания развитию гуманитарного сотрудничества с бывшими республиками СССР. Она финансировала эти акции по остаточному принципу, в расчете на то, что эти государства экономически и исторически и так прочно связаны с Россией¹¹⁸. Запад же во главе с США в нарушение договоренностей — явно или тайно действовал. Путем масштабного финансирования и при помощи НПО он не только создавал на территории этих стран «пятые колонны», но и «перекраивал» в соответствии со своими интересами общественное сознание, культуру и мировоззрение. В силу этого ряд государств Европейского региона стали переориентироваться в сторону США и ЕС. Сначала эта переориентация была осуществлена странами Восточной Европы и Балтии, а затем Грузией и Украиной. И когда Москва осознала истинную подоплеку этого процесса,

Рис. 1.20. Способы, приемы и методы информационной борьбы.

Источник: URL: <http://geum.ru/next/images/16485-nomer-4e79a8eb.gif>

продвигать свой имидж и пропагандировать притягательность сотрудничества с Россией оказалось уже поздно;

- *навязывание стереотипов.* Типичным примером использования этого метода является использование специальных словосочетаний, которые могут меняться в зависимости от стоящих задач. Так, когда Россия в 2008 г. оказала помощь Южной Осетии, защитив ее население и своих граждан от очевидного агрессора, она в итоге оказалась в изоляции, а в западных СМИ была представлена в качестве стороны, инспирировавшей конфликт. В англоязычных СМИ также активно используются другие ложные клише — Россия — «империя зла», которая стремится к воссозданию времен СССР, «диктаторский режим Путина» и т. д. Если ранее в этих СМИ говорилось о «поддерживаемых Россией сепаратистах на Украине», то теперь все чаще встречается другое определение — «совместные российско-сепаратистские войска». В целом Вашингтон потратил более 5 млрд долл. на помощь Киеву для формирования прозападного курса страны и реализации русофобского проекта по отрыву Украины от России по аналогии с реализованными ранее планами в Восточной Европе и Балтии;

- *подбор выгодных фактов*, когда аудитории предлагается якобы самой сделать вывод из материалов СМИ. Однако в западных СМИ часто дается ложный выбор, когда часть невыгодных фактов умалчивается. Например, когда был совершен государственный переворот на Украине, западными политологами отбиралась только информация, дискредитирующая президента Украины В. Януковича и силы правопорядка, одновременно умалчивалось о преступных действиях «Майдана», о попытках физически уничтожить главу государства;

- *подмена понятий и ключевых слов* через обозначение своих неправомерных действий словами, имеющими в сознании людей нейтральную или положительную окраску. Яркий тому пример — объявление «санкций» против России после воссоединения с Крымом, да и не только против нее. Дело в том, что санкции имеет право объявлять только СБ ООН после соответствующей резолюции. А слово «санкции» было вброшено Вашингтоном в мировые СМИ для обоснования легитимизации действий США в сознании мировой общественности;

- *провокации и использование психотравмирующих событий*. Авиакатастрофа «Боинга» «Малайзийских авиалиний» на Украине в июле 2014 г. также стала предлогом для создания западного «санкционного» фронта против России, которую сразу обвинили в поддержке ополченцев, которые якобы сбили самолет. При этом не было представлено никаких доказательств, были лишь пространные заявления официальных лиц США и приведены домыслы псевдоэкспертов. Российская версия, озвученная Генштабом ВС РФ, опровергнута не была;

- *искажение исторических событий*. Разрушительная мощь этого воздействия на все слои общества настолько велика, что она может поставить под сомнение не только историю государства, но и сам факт правомерности его существования. Это касается не только текущих событий в мире, но и истории человечества, фальсификаторы которой пытаются представить Россию-правопреемницу СССР мало что сделавшую для освобождения человечества от фашизма¹¹⁹. Для этого проводится коренной пересмотр итогов Второй мировой войны. Так, американский историк Х. Болдуин считает, что исход этой войны решили 11 битв («великих кампаний»). В частности — операция «Маркет Гарден» в Голландии, высадка англо-американских войск в Нормандии, битва за атолл Мидуэй. Из битв, выигранных Красной Армией, он упоминает лишь Сталинградскую битву¹²⁰. Кроме того, в западноевропейских и американских учебниках истории уже давно пишут о том, что решающую роль в победе над нацистской Германией и милитаристской Японией сыграли победы англо-американских войск. А такие события, как битва на Курской дуге, победа в которой дала стратегическое превосходство на всех фронтах, последующее освобождение Европы от нацизма советски-

ми войсками — все это описывается как бои местного значения, не являющиеся переломными в ходе мировой войны. «Промывка мозгов» в области истории коснулась не только западного сообщества, но и граждан России. В 1990-х годах в Россию хлынули различные западные фонды, предлагая всевозможные услуги. Так, американский фонд Open Society Fund, возглавляемый Дж. Соросом, предложил свои услуги Минобразования РФ и стал безвозмездно финансировать выпуск учебников по истории для средних и старших классов. В них Вторая мировая война описана как абсолютный триумф англосаксов, а важнейшие события на советско-германском фронте перечисляются через запятую. Так называемую образовательную помощь Open Society Fund продолжает оказывать странам Прибалтики, Грузии и Украине. А для Японии история войны была полностью переписана. После знакомства с этим «новоделом» большинство японцев стали считать, что атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки — дело рук... Советского Союза (!).

Антироссийская пропаганда также ведется в сетях Интернета. Объектами воздействия являются журналисты, политические и общественные деятели, а также граждане стран ШОС, ОДКБ и СНГ (рис. 1.21).

Цель одна: заполнить головы этих людей самыми изощренными вымыслами. Помимо Интернета не менее важными по значимости сферами

Рис. 1.21. Средства информационной агрессии и ее объекты воздействия.

Источник: URL: <http://1.bp.blogspot.com/>

приложения усилий являются телевидение, кинематограф и радио. На просторах этого информационного пространства последовательно, не прекращаясь ни на минуту, также идет идеологическая война против России. А в связи с событиями на Украине, а также в Сирии администрация США резко усилила информационную войну против неё, масштабы которой превосходят самые мрачные периоды «холодной войны» против СССР.

Одной из антироссийских программ, касающейся событий в мире является проект, запущенный после военных действий в Южной Осетии, когда стратеги из Пентагона обнаружили, что «отсталая и небоеспособная российская армия» оказывается способна быстро разгромить «мобильную и высокоэффективную армию будущего», подготовленную американскими инструкторами по стандартам НАТО. Поэтому для пресечения разброда среди американских союзников в 2009 г. на саммите НАТО в Страсбурге было предложено создать «Службу стратегических коммуникаций». При вашигтонском Центре по анализу европейской политики было создано подразделение Information Warfare Initiative/Инициатива в области информационной войны. Его главная задача — тотальное блокирование любой информации, которую Россия попытается распространять в странах мира. Одновременно британское правительство объявило о создании «Бригады 77», сотрудники которой должны сражаться с «русской пропагандой» на просторах Интернета. В 2016 г. в Евросоюзе была создана оперативная группа по стратегическим коммуникациям — для запрета распространения российской информации по всем каналам, от публичной дипломатии до онлайн-пространства. Подоплека её создания — резолюция Европейского парламента от 23 ноября 2016 г. «Стратегические коммуникации ЕС как противодействие пропаганде третьих сторон». Автор этого документа А. Фотыга — предложила приравнять российские газеты и телевидение к террористическим организациям «Аль-Каида» и ИГИЛ, которые «ведут активные пропагандистские кампании с целью скомпрометировать европейские ценности и интересы». Поэтому Фотыга призвала Европарламент бороться с «пропагандой Кремля» путем более активного ее разоблачения¹²¹.

«Мягкая» и «жесткая» стратегия США в отношении Китая

В связи с ростом могущества Китая всё чаще стали возникать моменты, когда Соединенные Штаты вынуждены учитывать интересы КНР. В этом плане уместно отметить американскую концепцию «G2». В ней США признавали определенную зависимость от Китая, а также демонстрировали готовность к сотрудничеству с ним в глобальных делах. Однако Пекин отклонил идею разделить бремя ответственности с Вашингтоном за судьбы мира. Поэтому в США уже не отрицают тот факт, что американо-китайское сотрудничество постепенно сходит на «нет» из-за существования ряда серьез-

ных проблем: «торговая война», Тайвань, Тибет, Северная Корея, права человека, рост военной мощи КНР и т. д. В связи с этим Китай не фигурировал в американском проекте — Трансатлантическом союзе. Администрация Обамы также не допустила Пекин к участию в «Соглашении о Транстихоокеанском партнерстве» в АТР¹²².

В свою очередь, увеличение военной мощи Южной Кореи, наличие в РК и Японии военных баз США и процесс их милитаризации вызывают озабоченности китайских стратегов. Если же КНР попытается решить территориальные проблемы в Южно-Китайском море и присоединить Тайвань силовым путем, это усилит угрозу для соседних стран и США. В связи с этим их отношения с Китаем в среднесрочной перспективе будут развиваться по формуле: сосуществование, сотрудничество, соперничество и регулируемая конфронтация¹²³.

Поэтому администрация США в отношениях с КНР активно применяла «мягкую» дипломатию, играя на самолюбии китайцев, стараясь использовать все доступные средства для привлечения их на свою сторону. Однако, несмотря на тесную взаимосвязь двух ведущих экономик мира, Америка ревностно защищает от Китая свои передовые технологии. Это выражается, в частности, в установлении торговых барьеров и ограничений на экспорт высокотехнологичной продукции в КНР. Противостояние с Вашингтоном по ключевым для Пекина вопросам также не способствует сближению внешнеполитических позиций двух государств.

Так, в свое время Б. Обама рассчитывал заручиться поддержкой КНР в украинском вопросе. Однако Си Цзиньпин лишь подтвердил неизменность позиции Китая по Украине, которая заключается в «отстаивании необходимости политического решения кризиса», и воздержался во время голосования в СБ ООН. Проект резолюции по ситуации в Алеппо (Сирия) на заседании СБ ООН 5 декабря 2016 г. также был заблокирован Китаем. КНР, как и РФ, считала, что во время предлагаемой в проекте гуманитарной паузы боевики могут восстановить силы и перегруппироваться, что затягивало решение существующих в Сирии проблем.

С приходом к власти в Белом доме администрации Трампа ситуация в американско-китайских отношениях изменилась в худшую сторону. Как обещал Д. Трамп во время предвыборной кампании, он начал экономическую войну с Китаем и попытается его потеснить на мировой арене. Именно эта держава сейчас представляет для США наибольшую опасность — экономика КНР развивается более стремительнее и её военное могущество крепнет. Посему Трамп стремится развивать промышленное производство в США, так как осознает, что рано или поздно финансовая пирамида, созданная ФРС, рухнет, далее случатся дефолт и финансовый кризис. В связи с этим он озабочен возвращением производств обратно в США. Но как заставить

транснациональные корпорации вернуть их из Китая? Только если сделать Поднебесную открытым врагом США. И этим процессом Трамп уже занялся. Так, ведущие западные СМИ при поддержке крупнейших рейтинговых агентств США Standard & Poor's и Moody's развязали против КНР информационные атаки, прежде всего, против её финансового сектора, понизив кредитный рейтинг Китая. Трамп также добивается объявления Китая «валютным манипулятором», после чего в отношении его товаров в США были введены повышенные пошлины, тарифы и прочие сдерживающие китайский товаропоток санкции¹²⁴.

Речь также идет об усилении поддержки Соединенными Штатами Тайваня. Однако у Китая есть ответное невоенное оружие — триллион долларов в казначейских обязательствах ФРС. Их сброс может начаться в случае «холодной» войны США с КНР. Кроме того, в Китае создано рейтинговое агентство Dagong, которое не замешано в коррупционных скандалах, где очевидна деструктивная роль Standard & Poor's и Moody's, приведшая к большим финансовым потерям международных инвесторов¹²⁵.

Таким образом, рассмотрев стратегии США, КНР и РФ в сфере применения «мягкой и жёсткой силы» на международной арене, можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, их всех объединяет стремление показать свою культуру с интересной и привлекательной стороны. Китай для этого использует свою древнюю историю и богатейший объем работ конфуцианских и даосистских философов, самобытный мистический мир, присущий китайской мифологии, а также эстетическую красоту. Продукты развлекательной культуры (кино, компьютерные игры), выпускаемые в Китае, это ярко показывают — эпические масштабы в сочетании с яркой, фантастической красотой и огромным количеством деталей. При этом последнее время в китайском кинематографе начинают появляться европейские герои, что может быть некой попыткой сближения китайской культуры с остальным миром. Американская деятельность на культурном поле может быть характеризована как «актуальная», в виду того, что они не часто заглядывают в прошлое. Большинство продуктов американского кино и других видов массовой культуры рассказывают о настоящем времени либо же вообще не несут особой смысловой нагрузки и являются исключительно развлекательным продуктом, направленным на максимально широкую аудиторию. Но даже этот вид кино не перестает нести идею об «американской мечте», «всеобщей демократии и толерантности» и прочих американских ценностях. Хотя подобная практика также порой вызывает критику, в частности в том, что происходит некоторый подмен понятий и персонажи ведут себя «по-американски», фактически являясь при этом представителями совершенно иных культур, времени и даже цивилизаций. Россия, так же как и Китай, апеллирует к богатой ис-

тории и прошлым достижениям, как царской России, так и в меньшей степени советской. Попытки России конкурировать с западными развлекательными медиа имеют низкую эффективность. Причин тому много, но одна из основных проблем тут даже не значительно более низкие бюджеты, но отсутствие маркетингового опыта для подобных проектов, а также низкая заинтересованность целевой аудитории.

Во-вторых, в сфере гуманитарного сотрудничества с государствами мира явно виден интерес США, КНР и РФ к расширению влияния своего языка (США — английского, России и Китая — своих языков). Это благотворно сказывается как на экономическом сотрудничестве, так и на научном, культурном и всех прочих. Кроме того, распространенность языка — есть показатель его статуса и значимости в мировом сообществе, а значит, и страны-источника языка. При этом США не является исторической родиной английского языка, поэтому в данном случае они с Британией как бы «играют за одну команду». Отчасти поэтому некоторые люди в мире путают британских актеров, музыкантов и литературу с американскими.

В-третьих, общей чертой всех стратегий является продвижение образования и науки. Образовательные программы занимают ключевое место в стратегии «мягкой силы». Через образовательные программы можно не только распространять свою культуру и язык, кроме этого они могут показать уровень технических достижений страны, что, безусловно, положительно отразится на ее имидже.

В-четвертых, анализ общих черт стратегий «мягкой силы» США, КНР и РФ показывает, что они различаются в общих направлениях. В первую очередь они различаются глобальными целями. США стараются удерживать за собой титул мирового лидера во всем. Кроме того, США активно комбинируют «мягкую силу» с иными формами воздействия, как прямыми (применение силы к другим государствам), так и непрямыми (экономические, дипломатические). Китай старается защитить свою культуру и проводит протекционистскую политику, при этом развивая бизнес и экономическое партнерство с другими государствами, в том числе налаживая рынки сбыта своей продукции. Россия же, старается вернуть себе влияние на региональном и мировом уровне. Кроме того, США, КНР и РФ имеют разную ресурсную базу, как финансовую, так и культурно-техническую. Следовательно, в совокупности с разными целями, их методология используемых процессов различна.

В-пятых, подводя итог обзора стратегий «мягкой силы» США, Китая и России, следует отметить, что вопрос об их конкретной эффективности до сих пор остается открытым. США имеют значительное культурное и дипломатическое влияние в мире. Китай за последние годы также очень сильно преуспел в этом плане. Россия же пока не может похвалиться какими-то

особыми успехами, особенно в свете событий, последовавших за Евромайданом в Украине. Но какая бы была ситуация, если бы эти страны не имели внушительного экономического и военного потенциала? Поэтому «мягкую силу» нельзя рассматривать отдельно от современных экономических и военных концепций этих стран. В современном обществе с его уровнем информационного обмена специалистам уже не видится возможным использование лишь одной линии влияния, например военной силы, именно поэтому развитие концепции «умной силы», различных «мягких» стратегий будет только усиливаться.

1.6. Существующие проблемы стратегической стабильности

Глобальные проблемы безопасности

Ключевой проблемой глобальной безопасности в XXI в. остается *сохранение стратегической стабильности*. В конце 80-х годов XX в. в США возник ряд экспертных оценок, в которых констатировалось, что холодная война закончилась, однако не блестяще: советский военный потенциал не был демонтирован по образцу Германии и Японии после Второй мировой войны. Поэтому снижение российского военного потенциала рассматривалось этими экспертами как приоритетная задача политики национальной безопасности США.

При этом в США стратегическая стабильность традиционно связана с определением параметров развития стратегических ядерных сил, основы которых были сформулированы в 1977 г. Так, в меморандуме для Министерства обороны США отмечалось, что создание СССР нового класса межконтинентальных баллистических ракет (МБР) с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) подрывает стабильность в стратегической сфере. Для ее сохранения Пентагону рекомендовалось, во-первых, уделить на переговорах с Москвой особое внимание МБР и, во-вторых, исключить из переговоров крылатые ракеты как средство компенсации советского превосходства в МБР. С учетом этих обстоятельств в 1981 г. администрация Р. Рейгана предложила СССР свою концепцию стратегической стабильности в качестве основы для российско-американских переговоров по стратегической стабильности.

В противовес американской точке зрения, в российской трактовке «стратегическая стабильность» выступала набором условий, снижающих риск начала ядерной войны, и до середины 1980-х годов советское руководство критиковало стратегическую стабильность как «буржуазную теорию».

В Кремле опасались, что посредством сокращения тяжелых МБР с РГЧ ИН США хотят добиться односторонних преимуществ. Поэтому СССР со своей стороны не стремился радикально сокращать свой стратегический потенциал. Москва рассматривала его как гарантию от возможных враждебных действий Вашингтона. Но в конце 1980-х гг. ситуация изменилась, руководство СССР во главе с М.С. Горбачевым стремилось удержать Вашингтон в режиме стратегического диалога. На встрече в Вайоминге в 1989 г. министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе и госсекретарь США Дж. Бейкер выработали четыре принципа переговоров по контролю над вооружениями. Для их реализации планировалось¹²⁶:

- разделить переговоры по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям;
- уделить повышенное внимание проблеме сокращения тяжелых МБР как «дестабилизирующего» вида стратегических наступательных вооружений (СНВ);
- допустить наличие «возвратного потенциала» и сокращение боеголовок посредством их складирования, а не уничтожения;
- исключить крылатые ракеты из переговорного процесса.

Эта логика компромисса легла в основу российско-американских договоров по СНВ. В 2009 г. ситуация вновь изменилась, причем дважды — в Хельсинки (20 апреля 2009 г.) и Амстердаме (20 июня 2009 г.), когда президент РФ Д.А. Медведев заявил, что Россия будет вести переговоры по СНВ только при условии пересмотра предыдущего компромисса. Подписанный в 2010 г. в Праге Договор СНВ-3¹²⁷ не только предусматривал снижение потолков СЯС до 1550 блоков у каждой из сторон, но и фиксировал новые правила стратегического диалога, среди которых основными являлись:

- сохранение права России и США на наличие «возвратного потенциала»;
- учет проблемы ПРО в структуре стратегического баланса на планете;
- исключение из переговорного процесса неядерного высокоточного оружия;
- отсутствие у обеих сторон лимитов на РГЧ ИН;
- отказ от приоритетности переговоров по сокращению тяжелых МБР и ослабление системы взаимных инспекций.

При этом условия «пражского компромисса» оставались весьма хрупкими, стороны по-разному трактовали преамбулу Договора СНВ-3 о взаимосвязи стратегических оборонительных и наступательных вооружений.

МИД России рассматривал ее как обязательство США вводить ограничения на количество развертываемых систем ПРО, а Госдепартамент США видел в ней не более чем параметры будущих переговоров по ограничению вооружений. В связи с чем в ноябре 2011 г. президент РФ Д.А. Медведев

заявил о возможности выхода России из СНВ-3 в случае резкого наращивания потенциала американской системы ПРО.

Конфликтной сферой российско-американских отношений также остается *проблема нераспространения ядерного оружия*, хотя формально Москва и Вашингтон совместно выступают за укрепление Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Тем не менее, фактически между Россией и США сложился комплекс противоречий, связанный с различной политикой в отношении государств-аутсайдеров международной системы нераспространения. Поэтому в ближайшей перспективе общая среда российско-американских отношений в этой области будет оставаться конфликтной.

При этом за минувшие 20 лет в США уже сформировалась стратегия контрраспространения нераспространения ядерного оружия. Она предполагает превентивное изъятие ОМП у «опасных» с точки зрения Вашингтона режимов в других странах и предотвращение его попадания в руки транснациональных криминально-террористических сетей. Для этого американская политика контрраспространения включает в себя пять вариантов действия:

- «выкуп» ядерной программы у потенциально-опасного государства;
- установление контроля над атомными объектами «проблемных» стран;
- частичное признание ядерного статуса нарушителя в обмен на соблюдение им ряда международных соглашений;
- силовые угрозы и, в крайнем случае, нанесение разоружающих ударов по ядерным и протоядерным объектам «опасных режимов»;
- ужесточение международного контроля над замкнутым ядерным топливным циклом (ЗЯТЦ).

В соответствии с этими постулатами эта стратегия требует частичной ревизии условий Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, хотя согласно ему любое неядерное государство имеет право на мирное использование атомной энергии. В связи с чем в 2004 г. президент Дж. Буш-мл. предложил проект реформы ДНЯО, который включал следующие поправки Договора¹²⁸:

- ввести запрет на поставки технологий ЗЯТЦ странам, не овладевшим им до 1 января 2004 г.;
- обязать страны, выходящие из ДНЯО, вернуть МАГАТЭ технологии ЗЯТЦ;
- принять международный кодекс поведения в сфере мирного использования атомной энергии;
- и повысить статус Всемирной ядерной ассоциации как возможного контролера за рынком расщепляющихся материалов.

С 2009 г. эти предложения отстаивала и администрация Б. Обамы в рамках проекта «безъядерного мира», или «глобального нуля». Они созвучны «Плану Баруха» (1946 г.), согласно которому предполагалось передать все компоненты ЗЯТЦ, включая добычу урановой руды, под контроль Комиссии ООН по атомной энергии. Всего за минувшие 15 лет администрации США утвердили и провели несколько конкретных акций по реализации стратегии контрраспространения по отношению к ряду стран:

- по Ираку — проведение военной операции под предлогом изъятия ОМП у «потенциально опасного» режима и введение санкций против этого государства;
- по Ирану — требование свернуть программу обогащения урана;
- по КНДР — требование ликвидировать ядерные объекты под контролем МАГАТЭ и / или комиссии «пяти держав»;
- по Пакистану — требование допустить американских представителей к управлению ядерным потенциалом этой страны;
- по Индии — частичное признание ее ядерного статуса в обмен на открытие Дели своих гражданских ядерных объектов для МАГАТЭ.

Россия, напротив, относится к политике контрраспространения настоятельно. Российская общественность не понимает, почему США, позволяя Франции и Германии проводить самостоятельную коммерческую политику в отношении «проблемных» стран, отказывают в этом праве России. Она также подозревает, что под прикрытием риторики о необходимости усиления ДНЯО Соединенные Штаты «выдавливают» конкурентов с перспективных ядерных рынков. В Москве сильны опасения, что перечисленные выше прецеденты — задел для применения стратегии контрраспространения к России и КНР. Поэтому на глобальном уровне сохраняется угроза конфликта, связанного со стремлением Москвы повысить свою роль в международной системе нераспространения, с одной стороны, и неготовностью Вашингтона согласиться с ревизией сложившегося порядка — с другой.

Кроме того, *проблема реформы международного права* также продолжает оставаться одной из наиболее конфликтных сфер российско-американских отношений.

Данное обстоятельство связано с тем, что на протяжении последних лет в политике США оформилась тенденция к реформе системы международного права. Предшествующая система, сложившаяся по итогам Второй мировой войны, учитывала преобладание пяти великих держав (США, СССР, Великобритания, Франция, КНР) и двух сверхдержав с примерно равными военными потенциалами (США, СССР).

Окончание холодной войны и распад СССР в 1991 г. не привели к серьезным сдвигам на международно-правовом уровне. Современный мировой порядок по-прежнему действует на основе институтов Ялтинско-Потсдам-

ской системы. Поэтому по мнению Вашингтона поддержание американского лидерства на глобальном уровне требует от США проводить политику реформирования структуры мирового порядка. Для этого Соединенные Штаты проводят политику по нескольким направлениями:

- инициирование на международном уровне обсуждения проблемы неэффективности деятельности ООН, особенно ее Совета Безопасности;
- создание серии прецедентов действия других организаций, институтов или «клубов», прежде всего — НАТО и «Группы семи», без санкции СБ ООН;
- отказ от введения международно-правовых ограничений деятельности США как лидера мирового порядка;
- поощрение организации судебных процессов по делу лидеров суверенных государств;
- организация акций, призванных пересмотреть ряд норм международного гуманитарного права XX в., включая, нераспространение действия Женевской конвенции о нормах обращения с военнопленными 1929 г. (в данном случае по отношению к талибам).

Для этого Соединенные Штаты используют ряд механизмов, которые затрагивают российские интересы и других международных акторов. Первый — стремление снизить роль СБ ООН как ключевого института, ответственного за поддержание международного мира и безопасности. Второй — спекуляции на международном уровне тематикой сталинизма и итогов Второй мировой войны. Третий — политизация тематики коррупции. Так, большинство данных о коррупции элит других стран, регулярно вбрасываемых американскими и британскими СМИ, не нашли документального подтверждения, зато они создают политико-психологический фон, в котором лидеры суверенных государств чувствуют себя неуверенно. Поэтому проблема реформы международного права будет продолжать оставаться одной из наиболее конфликтных сфер российско-американских отношений.

Потенциально конфликтной сферой российско-американских отношений остаются *вопросы энергетической безопасности*. В 1970-х годах первенство на энергетическом рынке принадлежало американо-британским компаниям. Дополнительным источником напряженности служил «британский фактор». До середины 1980-х годов Великобритания была ведущей энергетической державой Европы. Но начавшееся с 1986 г. падение объемов добычи углеводородов в Северном море усилило роль энергетических поставок из СССР/России. Одновременно ведущая роль стала переходить к Германии как ключевому транзитному узлу поставок российских углеводородов. Такая тенденция вызывала противодействие Лондона. Британская дипломатия пыталась использовать фактор стран Центральной и Восточной Европы

для ослабления российско-германского энергетического взаимодействия. И эта политика пользовалась всемерной поддержкой Вашингтона. Это связано с тем, что в 2000-х годах американско-британские компании уступили первенство государственным корпорациям России, КНР, стран Персидского залива, Индии, Индонезии и Бразилии. Отсюда — стремление американского бизнеса играть на разукрупнение этих конкурентов. У России и США также отсутствовал позитивный опыт взаимодействия в энергетической сфере. В результате совместные проекты «Сахалин-1», «Сахалин-2», «Северный мост» оказались несостоятельными, так как у российского и американского энергетического бизнеса в тот период не было желания достижения компромиссов.

Следует также отметить, что после первого «нефтяного шока» 1973 г. в США была разработана концепция «энергетической безопасности». Она предусматривала диверсификацию источников энергоносителей, развитие альтернативных отраслей энергетики, прежде всего — атомной энергетики, обеспечение свободного доступа к источникам энергоносителей и допустимость использования силы для защиты энергетических интересов США. В 1975 г. такое понимание энергетической безопасности стало программой «Группы семи».

Договор к Энергетической Хартии 1994 г. был призван «повязать» экспортеров энергоносителей, и прежде всего — Россию, комплексом соглашений. Вместе с тем интеграция России в «G-7» изменила ситуацию, в связи с чем Москва поставила вопрос о реформе понимания энергетической безопасности за счет большего учета интересов экспортеров. На саммите «Группы восьми» в Санкт-Петербурге в 2006 г. России удалось добиться включения в документы саммита нового понимания энергетической безопасности как обеспечения безопасности всего цикла добычи, транспортировки и распределения энергоносителей¹²⁹. С этого времени в Вашингтоне стали разрабатываться и апробироваться на практике различные варианты противодействия российскому «энергетическому оружию»: от поддержки Украины в энергетическом конфликте с Россией до поощрения политики Туркменистана по созданию системы экспорта углеводородов в обход РФ.

Проблемы безопасности и стабильности регионального уровня

Потенциально конфликтной остается ситуация на региональном уровне. У России и США по-прежнему сильны разногласия, многие из которых унаследованы от периода холодной войны. Наибольшие противоречия у России и США сохраняются в *Европе*, где ведущей организацией остается блок НАТО, основанный на системе американского присутствия в Европе и предоставлении американских гарантий безопасности европейским союзникам. Между Россией и НАТО возникла «дуга нестабильности» — спорное

пространство от Мурманска до Нагорного Карабаха с замороженными или латентными этнополитическими конфликтами.

При этом на протяжении последних лет XX в. в Евroatлантике соперничали два подхода к обеспечению безопасности. Атлантический подход фокусировал внимание на важности сохранения американских гарантий безопасности союзникам по НАТО, которые признавали американское лидерство в Европе, но стремились ограничить свободу действий Вашингтона через подписание взаимообязывающих соглашений.

После окончания холодной войны Советский Союз начал делать ставку на сотрудничество с евроатлантизмом. Эту тенденцию хотела бы продолжать и Россия. Ключевыми российскими инициативами рубежа 2000-х и 2010-х годов стали проекты Договора о европейской безопасности и Евroatлантической инициативы в области безопасности как механизма диалога¹³⁰. Формально этот механизм не имеет официального статуса. Ведущую роль в ней играют Корпорация Карнеги (США), Фонд Роберта Боша (Германия) и ИМЭМО РАН (Россия). Накануне Таллинского саммита НАТО (в 2010 г.) МИД России приветствовал эту инициативу с учетом того, что эксперты диалога готовят доклады о приоритетных проблемах европейской безопасности и презентуют их на ежегодных конференциях в Мюнхене по этим проблемам.

Одновременно Москва стремилась ограничить Вашингтон комплексом соглашений, призванных снизить свободу США в вопросах применения силы, и создать механизм совместного обсуждения Россией и НАТО проблем европейской безопасности, а также зафиксировать систему обязательств России и НАТО на случай конфликта с третьими странами. Но в Вашингтоне опасались, что посредством подобных соглашений Москва попытается подорвать гарантии Соединенных Штатов перед странами Западной Европы и, в конечном счете, подорвать весь механизм взаимодействия США — НАТО.

Также следует заметить, что к началу 2010-х годов в Европе наметился кризис евроатлантизма.

Во-первых, Франция отказалась от концепции голлизма как основы внешней политики. Возвращение Франции в военную организацию НАТО (2009 г.), подписание франко-британской союзной декларации (2010 г.), Ливийская война (2011 г.) и совместные франко-британские военные акции в Сирии (2012 г.) доказали, что Парижу отводится роль «младшего» партнера Вашингтона и Лондона. В 2011 г. после ливийской войны ведущая роль в ЕС перешла от франко-германского к франко-британскому тандему, который более связан с Вашингтоном.

Во-вторых, ослаб запущенный в 1996 г. проект «европейской оборонной идентичности». Его планировалось заменить Общеeвропейской поли-

тикой безопасности и обороны. Но страны ЕС так и не сумели согласовать параметры европейских миротворческих сил, и реальной военной основой ЕС остались франко-британские соглашения 2010 г.

В-третьих, президент Франции Н. Саркози выдвинул предложение странам ЕС создать общие вооруженные силы, действующие на регулярной основе¹³¹. Задачами этого формирования будет противостояние террористическим угрозам, формирование и реализация совместных оборонных программ, осуществление идеи создания европейской ПРО на театре военных действий, что не должно настораживать Россию, и создание общего разведывательного сообщества. При этом Франция конкретизировала свои предложения на основе вступившего в силу в начале 2009 г. «Лиссабонского договора»¹³², который определяет принципы функционирования ЕС и предусматривает возможность «постоянного структурированного сотрудничества» стран ЕС, в том числе в военной сфере.

А создание общеевропейских вооруженных сил начало обсуждаться в Германии и Франции сразу по окончании войны против Югославии в 1999 г., где вопреки своему законодательству Бундесвер принял участие в боевых действиях вне национальной территории. Однако сбор и анализ разведанных, оперативное планирование и боевое управление осуществлялись американцами, с символическим участием других стран, которые работали на уровне исполнителей. Такое положение вещей европейцев никак не удовлетворяло, и уже на саммите европейских государств в Хельсинки в 1999 г. было заявлено о создании общеевропейского вооруженного формирования, получившего название «Еврокорпус», в 2000 г. ЕС принял решение о создании «общих» сил быстрого реагирования. После этого планы их применения неоднократно уточнялись в ходе различных совместных мероприятий в рамках Евросоюза, однако всегда с оговоркой в сторону Вашингтона: ни о какой альтернативе НАТО речь не шла.

Затем поводом для разногласий между США и ведущими европейскими странами стали операции против Афганистана и Ирака. В них американцы, обосновывая свою «командирскую» роль и приписывая победу всецело себе, поясняли партнерам по коалиции, что Европа ничего самостоятельно сделать не сможет, ее военный потенциал крайне низок.

Говоря об операции в Афганистане, Вашингтон констатировал: от Европы было нереально добиться послать туда дополнительные подразделения. Трансатлантическое партнерство также серьезно пострадало в ходе войны в Ираке, когда Франция выступила с наиболее острой критикой односторонних действий США. Все более жесткое противостояние Запада с арабским миром и Ираном затрагивало жизненные интересы Франции на Ближнем Востоке и из Африки, прежде всего из прежних французских заморских владений, шел поток нелегальной иммиграции, вызывающий серь-

езные социально-политические последствия в стране. Поэтому во Франции считали, что преодоление кризиса ЕС призвано укрепить ее позиции в диалоге как с США, так и с арабо-мусульманским миром и Африкой. Парижу это дает надежду вернуть утраченную за последние годы дипломатическую инициативу¹³³.

Также следует заметить, что Европе со времен югославской кампании и операций в Афганистане и Ираке изменилось многое — ЕС в настоящее время сосредоточен на проблемах, связанных с его расширением и выходом Великобритании из союза, страны Евросоюза — члены НАТО по-прежнему выделяют на оборону недостаточные средства, что вызывает критику со стороны администрации Д. Трампа.

В 2018 г. лидеры Франции и Германии вновь совместно высказались за создание единой армии Европы. Сначала об этом объявил президент Франции Э. Макрон, добавив, что она нужна для защиты от Китая, России и от США. Его поддержала канцлер ФРГ А. Меркель. Связи с чем президент РФ В. Путин заметил, что этот шаг вполне естественен: «Думаю, это положительный процесс с точки зрения укрепления многополярности мира»¹³⁴. К этому следует добавить, что в Париже и Берлине понимают, что со стороны России им никаких угроз нет, ибо строится «Северный поток-2» при уже имеющемся первом. Но после избрания Трампа ситуация в НАТО резко изменилась. Структура альянса перестала финансироваться из Вашингтона в прежних объемах, и дополнительные расходы легли на бюджеты европейских стран, при этом НАТО обслуживает в первую очередь интересы Вашингтона. И если Евросоюзу удастся создать свою армию, то он сможет вернуть себе часть суверенитета от США.

К этому следует добавить, что новый расклад сил в Европе усиливает конфликтный потенциал в российско-американских отношениях. К конфликтным факторам можно отнести:

- стремление США участвовать в урегулировании военно-политических конфликтов на постсоветском пространстве;
- продолжение политики расширения сферы ответственности НАТО и развертывание США систем ПРО в Европе;
- отсутствие механизмов диалога России и НАТО о сокращении тактического ядерного оружия;
- отсутствие адекватной замены ДОВСЕ;
- включенность британского ядерного потенциала в американскую систему ядерного планирования;
- нежелание Британии и Франции при поощрении США присоединиться к советско-американскому Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г.;

- сохранение конфликтного потенциала в отношениях России со странами Центральной и Восточной Европы, вызванного в том числе историческим наследием.

Поэтому очевидно, в ближайшей перспективе напряженность между Россией и США в Европе будет возрастать под воздействием трех обстоятельств.

Во-первых, после отказа Франции от политики голлизма российская сторона лишилась влиятельного посредника в российско-американских отношениях, каким традиционно выступал Париж. Во-вторых, в России усилилось разочарование в ОБСЕ как площадке переговорного процесса. В-третьих, США не отказались от проектов расширения НАТО на постсоветское пространство. А провал переговоров по российскому проекту Договора о европейской безопасности доказал, что России и США не удалось выработать новые правила взаимодействия в Европе.

Что касается *Центральной Азии*, то здесь российско-американские отношения строились на основе пересечения двух на первый взгляд противоположных тенденций.

Россия поддерживала антитеррористическую операцию НАТО в Афганистане и оказывала ей материально-техническую поддержку. Одновременно Москва опасалась, что Вашингтон пытается выстроить самостоятельную систему отношений со среднеазиатскими республиками и подорвет механизмы ШОС и ОДКБ. Ситуация осложняется отсутствием взаимного признания между НАТО и ОДКБ, что приводит к фактическому соперничеству в регионе двух военно-политических блоков.

Взгляд Вашингтона на роль Центральной Азии был закреплен в Стратегии национальной безопасности США 2002 г.¹³⁵ В документе постулировались основы центральноазиатской политики США. В нем отмечалось: Вашингтон на обозримую перспективу был намерен сохранить свое присутствие в Центральной Азии; наличие военной инфраструктуры в Центральной Азии позволяет США решать комплекс военно-политических задач — от борьбы с транснациональным терроризмом до ограничения ресурсов России и сдерживания КНР. США пытались провести «ускоренную демократизацию» стран Центральной Азии, однако эти попытки оказались неудачными.

Б. Обама учел ошибки администрации Дж. Буша-мл. На Лиссабонском саммите НАТО в 2010 г. было принято решение о выводе военного контингента альянса из Афганистана¹³⁶. Позиции США в регионе также косвенно ослабило подписанное в 2010 г. Соглашение между КНР и РФ о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В Ташкенте, Душанбе и Ашхабаде оно было воспринято как усиление позиций России и КНР в регионе. Возник объективный запрос на поиск контрбалансера Рос-

сии и КНР в лице США. Для этого в 2011 г. Вашингтон стал осуществлять политику в регионе по следующим направлениям:

- переговоры со странами Центральной Азии о партнерстве в вопросах предстоящего вывода войск НАТО из Афганистана и консультации со странами Центральной Азии о возможности сохранения американского присутствия в регионе после 2014 г.;
- поддержка энергетической политики Туркменистана по созданию новых газопроводных систем в южном и восточном направлении и вовлечение Узбекистана в переговорный процесс по Афганистану отдельно от партнеров по ШОС;
- предоставление США статуса партнера по диалогу ШОС;
- содействие расширению количества участников ШОС, за счет присоединения к организации Турции или Индии.

Соединенные Штаты вновь пытались выстроить комплекс самостоятельных военно-политических, а в идеале и энергетических, связей с центральноазиатскими государствами. Такая политика была призвана размыть особый характер ШОС как первой организации обеспечения региональной безопасности без участия США.

В связи с чем наибольшие опасения России в Центральной Азии вызывала опасность повторения «сценария 2002 г.». Это связано с тем, что в том году администрация Дж. Буша-мл. стала зондировать возможность вступления или предоставления США статуса ассоциированного члена ШОС, и Узбекистан поддерживал эти предложения, а Россия и Китай выступили против подключения Вашингтона к ШОС, так как администрация Буша делала ставку на образование кризиса внутри ШОС и смену центральноазиатских элит. Это порождало недоверие к американской политике в Центральной Азии, и последующая администрация Б. Обамы стала действовать более осторожно. США претендовали на роль «критического балансира» растущему влиянию России и КНР в регионе. Лозунг «смены режимов» Вашингтон снял или отложил «до лучших времен». Очевидно, в перспективе наиболее опасным для России был бы «британский сценарий» 1940-х годов: выстраивание Соединенными Штатами самостоятельных отношений с центральноазиатскими государствами при минимальном участии России в этом процессе.

В ближайшей перспективе всевозрастающую роль в российско-американском взаимодействии будет играть *Азиатско-Тихоокеанский регион* и международные отношения на Тихом океане, где стержнем этого региона выступает американо-китайское противостояние. В связи с чем Соединенные Штаты с середины 2010 г. перешли к обновленной политике «сдерживания Китая». Она включает в себя: выстраивание системы присутствия США в Индокитае, прежде всего за счет военного партнерства с Вьетнамом и уси-

ления американского контроля за Малаккским проливом; расширение военного партнерства США с Индией.

Основой российской политики в АТР является стратегическое партнерство с КНР в формате «большого договора» 2001 г., визит премьер-министра В. В. Путина в Пекин в 2011 г. подтвердил намерение обеих сторон расширять его формат. Одновременно Москва стремится уравновесить диспропорциональное влияние китайского бизнеса на российском Дальнем Востоке. С этой целью Россия периодически инициирует переговоры о расширении экономических связей с Японией, Южной Кореей и странами АСЕАН. При этом администрация Б. Обамы пыталась вести игру на ослабление российско-китайского стратегического партнерства, для чего Соединенные Штаты предлагали КНР концепцию «группы двух» как привилегированного американо-китайского партнерства. В этих целях Институт Брукинга разработал концепцию «Северной альтернативы АСЕАН» — гипотетической организации с участием США, Канады, Южной Кореи и, возможно, Японии.

Кроме того, на официальном уровне Вашингтон не ставит вопрос о прямых контактах США с дальневосточными регионами РФ. Однако американские эксперты обсуждают возможность участия дальневосточных регионов России в АТЭС отдельно от остальной России, имея в виду, что членами АТЭС выступают не государства, а их экономики. Подобные проекты предлагаются американскими аналитиками в отношении возможности самостоятельного участия российского Дальнего Востока в «Северной альтернативе АСЕАН» (где сложился комплекс российско-американских противоречий), задачи которого предусматривали создание к 2020 г. «зоны свободной торговли в Тихом океане» и проведение либерализации к 2010 г. системы внешней торговли, наиболее развитых член АТЭС. Однако эти задачи не были выполнены.

Что касается *постсоветского пространства*, то здесь отношения России с Соединенными Штатами отличаются высокой степенью прогнозируемости. С конца 1993 г. Белый дом независимо от партийной принадлежности администрации стремился:

- поддерживать «геополитический плюрализм» в Евразии;
- развивать самостоятельный диалог с республиками бывшего Советского Союза независимо от позиции Москвы;
- поощрять проекты экспорта углеводородов по независимым от России маршрутам;
- препятствовать реализации интеграционных проектов, в центре которых находится Россия и Китай.

Очевидно, что в ближайшей перспективе ключевыми инструментами на постсоветском пространстве будут выступать поддержка Вашингтоном политиков, нацеленных на дистанцирование от России, и расширение взаи-

модействия НАТО и ЕС при прямой или косвенной поддержке США военно-политического взаимодействия республик постсоветского пространства с их структурами.

В *Арктическом регионе* российско-американские отношения также будут оставаться конфликтными. Между сторонами существует объективное противоречие. Россия выступает за сложившуюся в 1920-х гг. секторальную систему раздела Арктики, а Соединенные Штаты выступают за интернационализацию Северного Ледовитого океана и отказ от секторального деления. Россия стремится закрепить за собой арктический сектор через признание части подводных хребтов Ломоносова и Менделеева, которые являются продолжением Сибирской континентальной платформы, а Вашингтон, как следует из текста «Региональной политики США в Арктике» (2009 г.), будет противодействовать этому процессу.

Эта ситуация осложняется тремя обстоятельствами. Дискуссия о разделе Арктики происходит между пятью арктическими державами, четыре из которых — члены блока НАТО, где Норвегия, Дания и Канада являются союзниками США по Вашингтонскому договору 1949 г. Соединенные Штаты могут иметь с ними территориальные противоречия, однако они в отличие от противоречий с Россией не имеют военно-политической подоплеки. Глобальные экологические концепции в Арктике рассматриваются в Вашингтоне как инструмент интернационализации Северного Ледовитого океана и, следовательно, сокращения акватории действия Северного флота ВМФ России. При этом США, Норвегия и Швеция никогда не признавали эксклюзивных прав России на Северный морской путь. Арктические споры также связаны и с дискуссиями о перспективах развития российских и американских стратегических ядерных сил (СЯС), прежде всего — баллистических ракет на подводных лодках. США стремятся девальвировать мощь Северного флота ВМФ России, который выступает основой морской компоненты российских СЯС, и союзники США поддерживают Вашингтон в этом устремлении.

К стабилизирующим факторам российско-американских отношений в Арктике можно отнести, во-первых, предельную сложность климатических условий Северного Ледовитого океана и, во-вторых, наличие у США территориальных противоречий с Данией и Канадой.

Эти проблемы глобальной и региональной стабильности и безопасности возникли в результате эволюции российско-американских отношений.

Этапы эволюции российско-американских отношений

Первая попытка российско-американского сближения охватывала период 1991—1993 гг. После распада Советского Союза российское руководство во главе с Б. Н. Ельциным (1991—1999) хотело добиться: признания России в

границах РСФСР 1991 г.; вывоза ядерного оружия с территорий республик бывшего СССР и получения международного признания в борьбе с Верховным Советом¹³⁷.

В рамках Кэмп-Дэвидской декларации (1993 г.) президенты Б. Ельцин и Дж. Буш-старший заявили о намерении построить «союз новых партнеров». В Вашингтонской хартии было фиксировано намерение сторон построить «общую систему безопасности от Ванкувера до Владивостока».

Но США были готовы поддержать Б.Н. Ельцина только при условии глубокого сокращения военного, прежде всего ядерного, потенциала России. Поэтому после решения трех ситуативных задач в двусторонних отношениях начал накапливаться конфликтный потенциал. Поэтому конфронтация России и США конца 1990-х годов стала закономерным результатом взаимного разочарования сторон друг в друге. Соединенные Штаты поддерживали Б.Н. Ельцина в его противостоянии с Верховным Советом (1993) и КПРФ (1996 г.), и отказ Б.Н. Ельцина от продолжения сокращения вооружений был воспринят в Вашингтоне как нарушение негласных условий «сделки» начала 1990-х годов. В свою очередь за действиями США Москва видела попытку произвести революцию в системе мирового управления: снизить роль ООН за счет возвышения тандема «Большая семерка—НАТО». Под воздействием этих факторов российские стратегические ядерные силы стали рассматриваться как гарантия безопасности России от потенциально враждебных действий со стороны Соединенных Штатов.

Вторая попытка сближения охватывала период 2001—2003 гг. В его основе лежала необходимость предотвратить коллапс системы контроля над вооружениями. Такая угроза стала реальностью после отказа России ратифицировать Договор СНВ-2 и объявления администрацией У. Клинтона о намерении выйти из Договора по ПРО, несмотря на то, что этот договор содержал в себе ряд диспропорций в пользу США: принцип «возвратного потенциала» и приоритет сокращения МБР с РГЧ ИН.

Конгресс США ратифицировал Договор СНВ-2 в 1996 г. Россия настаивала на подписании в 1997 г. Нью-Йоркских протоколов к СНВ-2, которые вводили разграничения тактических и стратегических перехватчиков ПРО и подтверждали действие Договора по ПРО 1972 г. В 2000 г. Россия ратифицировала СНВ-2 в пакете с Нью-Йоркскими протоколами, а Конгресс США отказался ратифицировать Нью-Йоркские протоколы, опасаясь, что с их помощью Россия пытается свернуть работу над созданием систем ПРО «заатмосферного перехвата». Поэтому Договор СНВ-2 в действие не вступил. Положительным фоном для дальнейших переговоров стало взаимодействие сторон в рамках антитеррористической операции в Афганистане на рубеже 2001—2002 гг.

Москва согласилась с выходом США из Договора по ПРО и запустила совместные с НАТО программы по развитию систем ПВО и ПРО ТВД. Администрация Дж. Буша-мл. со своей стороны подписала с Россией Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (2002 г.) и Московскую декларацию о стратегическом партнерстве, в соответствии с которой США обязались консультироваться Москвой по всем вопросам развертывания систем ПРО.

Но провозглашенная администрацией Дж. Буша-мл. стратегия «односторонних действий» вызывала опасения в Москве. В российско-американских отношениях стала нарастать конфронтация. В Мюнхенской речи 10 февраля 2007 г. президент В.В. Путин заявил, что в случае развертывания «третьего позиционного района ПРО» и продолжения расширения НАТО на Восток Москва может принять ответные меры военного характера. Последующие 1,5 года между сторонами шла «встречная эскалация по проблемам ПРО и ДОВСЕ. А «пятидневная война» вокруг Южной Осетии в 2008 г. с вовлеченностью в нее России и США стала закономерным этапом новой конфронтации в российско-американских отношениях.

Третья попытка сближения охватывает так называемый период «перезагрузки» 2009—2011 гг. В ее основе лежали объективные причины: опасность коллапса режима контроля над вооружениями, необходимость снижения угрозы военного столкновения России и США и стремление администрации Б. Обамы выяснить, на каких условиях Москва готова к крупному сокращению стратегического потенциала.

На протяжении первых полутора лет политика «перезагрузки» была относительно успешной. России и США удалось заключить Договор СНВ-3 и ввести в действие «Соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии». Стороны расширили сотрудничество по Афганистану — вплоть до создания в Ульяновске транспортно-логистического центра для транзита натовских грузов.

США приостановили процесс расширения НАТО на постсоветское пространство и развертывание «третьего позиционного района» ПРО на территории Польши и Чехии. Москва стала взаимодействовать с США по вопросам ядерной программы Ирана, а Вашингтон снизил степень американского вмешательства во внутривнутриполитические процессы в странах СНГ, прежде всего на Украине.

Но к середине 2010 г. в этой политике наметились проблемы. У сторон возникли разногласия по трактовке преамбулы Договора СНВ-3, которая фиксировала взаимосвязь переговоров по ПРО/СНВ. Кремль разработал проект дополнительного протокола к СНВ-3, касающийся ПРО. Белый дом предложил подписать декларацию о сотрудничестве в сфере ПРО.

При этом следует отметить, что Россия и США подписали как минимум пять подобных деклараций, которые не были выполнены. На Вашингтонском саммите 2010 г. соглашения по ПРО достигнуто не было. Президенты Б. Обама и Д.А. Медведев ограничились совместным заявлением о намерении сотрудничать в области наблюдения за пусками баллистических ракет. В последующие полтора года разрешить эту проблему стороны так и не смогли. На Лиссабонском саммите НАТО 2010 г. Россия и страны альянса договорились искать компромисс в рамках проекта ЕвроПРО, но 9 января 2011 г. НАТО принял решение, что система ЕвроПРО альянса будет развертываться отдельно от России. Переговоры Совета Россия—НАТО в Сочи (2011 г.) не завершились успехом, а провал переговоров по ПРО накануне Чикагского саммита НАТО (2012 г.) означал, что поиск компромисса отложен на неопределенный срок.

Параллельно на протяжении 2011—2012 гг. в российско-американских отношениях назревал комплекс противоречий, вызванный:

- отказом России начать переговоры по сокращению тактического ядерного оружия (ТЯО) в Европе;
- недовольством российской стороны операцией НАТО в Ливии;
- расхождением позиций Москвы и Вашингтона по Сирии;
- активизацией с осени 2011 г. политики США в Центральной Азии;
- обострением гуманитарных проблем в российско-американских отношениях.

При этом на официальном уровне Кремль и Белый дом продолжали отрицать факт наличия кризиса в российско-американских отношениях. Но после демонстративно негативного отношения администрации Б. Обамы к итогам парламентских и президентских выборов в России игнорировать взаимное непонимание стало невозможно.

Таким образом, высокий уровень конфликтности в российско-американском взаимодействии обусловлен не столько наследием холодной войны, сколько наличием системных противоречий. Наиболее серьезные проблемы сосредоточены в области стратегической стабильности и связанной с ней проблематикой нераспространения ядерного оружия. Менее значимыми, но не менее конфликтными, являются международно-правовые и энергетические проблемы. Ситуация осложняется тем, что у России и США нет комплекса стабилизирующих экономических связей, как, например, в американо-китайских отношениях. Единственным стабилизирующим фактором российско-американских отношений остается система военно-стратегического паритета. Его поддержание потребовала от российских властей модернизации российского ракетно-ядерного потенциала, что создало новые конфликтные узлы во взаимоотношениях Москвы и Вашингтона.

Возможные варианты развития российско-американских отношений

В целом, развитие общих тенденций российско-американских отношений по глобальным и региональным проблемам безопасности позволяет сделать вывод о прекращении существования модели «навязанного консенсуса» как основы двусторонних отношений.

Эта модель, сложившаяся в первой половине 1990-х гг., предполагала развитие российско-американского взаимодействия на основе повестки дня, выработанной при определяющей роли США, однако в 2007—2008 гг. эта модель исчерпала себя. Двусторонние отношения России и США вошли в стадию определения будущего формата отношений, где возможны три варианта.

Первый вариант — модель «малой конфронтации» предполагает возвращение к конфронтационной риторике, модернизацию ракетно-ядерных потенциалов России и США и высокий уровень региональной конфликтности. Вероятность подобного развития событий весьма высока. К такой модели могут привести следующие факторы:

- отсутствие договоренностей между Россией и США по ПРО;
- неудача переговорного процесса 2009—2011 гг. по реформе системы европейской безопасности;
- нарастание российско-американского соперничества в Центральной Азии;
- психологический негатив в двусторонних отношениях, вызванный критичной позицией Белого дома к итогам парламентских и президентских выборов в России.

Сложившаяся ситуация напоминает события 2007—2008 гг. Тогда в ответ на Мюнхенскую речь В.В. Путина американская сторона создала управляемый кризис вокруг Грузии с целью выяснить степень готовности Кремля реализовать на практике «мюнхенские предупреждения». Подобный кризис для проверки степени прочности позиций В.В. Путина и его готовности идти на применение силы может быть организован администрацией Д. Трампа под нажимом Пентагона. Наиболее вероятными точками для его организации является Украина, попытки смены власти в странах ОДКБ, противоречия в Арктике и «размораживание» конфликтов в Приднестровье и Нагорном Карабахе.

Потенциал российско-американской конфликтности в стратегической сфере остается также высоким. В определенной степени он даже выше, чем был в советско-американских отношениях в период холодной войны.

Во-первых, Россия и США подошли к критическим потолкам сокращения СЯС — до 1550 оперативного-развернутых боезарядов у каждой из сторон, а дальнейшее снижение потолков (ниже 1000 боезарядов) может сде-

лать возможным нанесение разоружающего удара по стратегическим силам одной из сторон.

Во-вторых, сужаются возможности для достижения компромисса по ПРО. Вашингтон выделяет крупные средства на реализацию этого проекта, где американский бизнес получает крупные военные заказы. Американцы не видят, на какую крупную уступку со стороны Москвы они могли бы заменять возможное соглашение по ПРО.

В-третьих, США, мотивируя угрозой наращивания потенциала российских СЯС, в 2019 г. вышли из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. Итогом может стать воссоздание системы 1980-х годов: противостояние в Европе на базе ракет средней и меньшей дальности. Для такой системы будет характерно предельно малое подлетное время к целям на территории России и стран ЕС и высокая вероятность возникновения регионального конфликта с использованием ядерного оружия. А сценарий «малой конфронтации» сведет российско-американские отношения до уровня контактов о снижении военной напряженности и возобновлении диалога по военно-политическим проблемам, где приоритетными задачами будут сохранение Договора СНВ-3 и выработка мер предотвращения конфликтов.

Второй вариант — «стагнационный сценарий» двусторонних отношений основан на замораживании современных тенденций двусторонних отношений. Его основными чертами можно считать:

- сохранение системы взаимного ядерного сдерживания и ракетно-ядерного паритета как основы российско-американских отношений;
- ведение вялотекущих переговоров по противоракетной обороне без достижения ощутимых результатов;
- ускорение попыток США играть на подрыв российско-китайского стратегического партнерства или (в случае неудачи) реформирование политики Индии на конфронтацию с Москвой и Пекином;
- опосредованное соперничество в Центральной Азии при демонстративной риторике о наличии общих интересов в Афганистане;
- высокий уровень соперничества на постсоветской территории и в Европе;
- сведение повестки двусторонних отношений до контроля над вооружениями.

Немалую роль будет играть способность стран ЕС добиться реальной военно-политической автономии от США. Участие России в переговорах по проблемам европейской безопасности снизит у российской элиты ощущение опасности, а игнорирование России при решении европейских проблем ужесточит политику Москвы.

Наиболее серьезным узлом противоречий станет, по-видимому, Центральная Азия. Вашингтон с высокой степенью вероятности будет пытаться размыть роль ШОС и ОДКБ. Достижение этой проблемы возможно двумя путями. Первая — широкая поддержка оппозиции в странах Центральной Азии. Второй — возможная интеграция США в структуры ШОС, что маловероятно. Тем не менее, в обоих случаях речь может идти о росте неустойчивости в этом регионе.

Серьезным испытаниям этот сценарий подвергнется в 2020 г. Договор СНВ-3, который не предусматривает промежуточных сроков сокращения СЯС. Администрация Д. Трампа в 2018 г. уже заявила о своем намерении выйти из Договора, что приведет к новому витку гонки вооружений в мире в случае коллапса СНВ-3.

В настоящее время «стагнационный сценарий» выступает наиболее реалистичным вариантом развития двусторонних отношений, где ракетно-ядерный паритет служит стабилизирующей основой российско-американских отношений. При этом Москва и Вашингтон будут наблюдать за способностью друг друга развернуть систему ПРО и провести модернизацию своих СЯС. Как заявил Президент РФ В. Путин, «Мы живём в мире, в основе безопасности которого лежит ядерный потенциал. Россия — одна из крупнейших ядерных держав. При этом в нашей концепции ядерного оружия нет превентивного удара. Мы готовы и будем применять ядерное оружие только тогда, когда удостоверимся в том, что потенциальный агрессор наносит удар по нашей территории. И как ответ на строительство ПРО США мы совершенствуем свои ударные комплексы». В дополнение к словам президента РФ председатель совета ПИР-Центра Е. Бужинский заметил, что у американцев есть иллюзия, что в случае конфликта с РФ они смогут одолеть нас обычным вооружением в Европе и Азии, а до территории США возможный конфликт даже не дойдёт. Но помимо обычных вооружений есть и ядерное оружие, коим мы обладаем в достаточном количестве. Он также предостерег американцев от выхода из системообразующих договоров по вооружениям¹³⁸. Кроме того, как считает эксперт Валдайского клуба, замдиректора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ Д. Сулов, вероятность снятия американских ограничений в течение ближайших 5—10 лет ничтожно мала.

Во-первых, США сделали выбор в пользу долгосрочной конфронтации с Россией.

Во-вторых, сегодня ужесточение санкционной политики в отношении нашей страны — это единственный вопрос, в котором американские элиты согласны друг с другом. Поэтому санкции будут не только не отменены, но и усилены.

В-третьих, значительная часть санкций оформлена в виде законов. Как показывает история, они не отменяются, даже когда причины их введения исчезают. Например, поправка Джексона — Вэника, вводившая санкции против СССР в годы холодной войны, была отменена только в 2012 г. Санкции американцы снимают, только когда политика другого государства их полностью устраивает или они нуждаются в нём.

Подобная ситуация в обозримом будущем не сложится. Зато частичная отмена европейских санкций, даже в среднесрочной перспективе, возможна. Нетронутыми останутся лишь ограничения за присоединение Крыма. А вот санкции за войну в Донбассе, «дело Скрипалей» могут быть пересмотрены, особенно с учётом ухудшающихся отношений ЕС и США и прихода к власти в Европе политиков, которые выступают за нормализацию отношений с РФ¹³⁹.

Третий вариант — позитивный сценарий в настоящее время наименее реализуем. Российско-американские отношения на 80 % связаны с проблемами контроля над вооружениями и без соглашения по ПРО российская сторона не пойдет на подписание новых соглашений по СНВ. И выйти на реальные сокращения тактического ядерного оружия (ТЯО) сторонам вряд ли удастся. Прежде всего, речь идет о невозможности уточнения VII статьи ДНЯО о правовых условиях присутствия ТЯО на территории третьих стран, на что Вашингтон не согласится.

Однако России может инициировать переговоры о создании «безъядерной зоны» в Центральной и Восточной Европе. Эти переговоры были предусмотрены Основополагающим актом Россия—НАТО (1997 г.)¹⁴⁰, но в настоящее время он находится в «замороженном» состоянии. Тем не менее, основой для возможных переговоров может послужить Московский договор 1990 г., который снял с Германии со стороны России оккупационный статус, но он сохранил запреты на проведение референдумов по военно-политическим проблемам в Германии, на требование вывода иностранных войск, на развитие ряда компонентов Бундесвера и на принятие внешнеполитических решений без консультации с державами-победительницами¹⁴¹.

России, основываясь на этих постулатах Договора, может начать диалог с США по проблеме американских систем ПРО в Европе. Москве также важно получить гарантии неразвертывания подобных систем в морских акваториях Черного и Балтийского морей.

Таким образом, гипотетической основой позитивного сценария может стать выработка «кодекса поведения» по четырем направлениям: обязательства России и США на случай конфликта с третьими странами; возобновление переговоров по контролю над вооружениями в Европе; определение сфер и норм диалога между НАТО и ОДКБ и совместное обсуждение проблем безопасности в Центральной Азии.

Однако реализация позитивного сценария не означает, что Россия и США откажутся от конфликтной модели взаимного ядерного сдерживания. Но параллельно Москва и Вашингтон могут попытаться развивать стабилизирующие экономические связи.

Примечания

¹ Гагарин В. Тенденции развития современной стратегической обстановки // Обозреватель. 2005. № 9 (188).

² Молчанов Г. Развитие военно-политической обстановки в мире и угрозы национальной безопасности России // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 1. С. 3—12.

³ Сочи, Путин, Эрдоган и Сирия: война «отменяется»? URL: <https://regnum.ru/news/polit/2757360.html>

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

⁵ «Военная доктрина Российской Федерации». Утверждена Указом Президентом РФ от 25.12.2014 г. URL: <http://legalacts.ru/doc/voennaja-doktrina-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom-rf/>

⁶ Россия в глобальном информационном обществе: угрозы, риски и возможные пути их нейтрализации. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/445/>

⁷ Макаренко И.К., Морозов В.С. Военная безопасность государства: сущность, структура и пути обеспечения на современном этапе. URL: <http://www.vrazvedka.ru/main/editor/makarenko.html>.

⁸ Основные угрозы военной безопасности РФ. URL: http://voenservice.ru/boevaya_podgotovka/takticheskaya_

⁹ Существующие и прогнозируемые угрозы военной безопасности Российской Федерации. URL: https://vuzlit.ru/911896/suschestvuyushchie_prognoziруемые_ugrozy_voennoy_bezopasnosti_rossiyskoj_federatsii

¹⁰ Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/doc/voennaja-doktrina-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom-rf/>

¹¹ Бартош А.А. Как США и НАТО переводят гибридную войну на научную основу. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2018-08-24/4_1010_science.html

¹² Гибридные войны в стратегии США и НАТО. URL: <http://rusila.su/2014/10/12/gibridnye-vojny-v-strategii-ssha-i-nato/>

¹³ Балуевский Ю.Н., Хамзатов М.М. Глобализация и военное дело // HBO. 2014. № 27.

¹⁴ Офис связи НАТО в Украине. URL: <http://vsenato.ru/ofis-svyazi-nato-v-ukraine/>

¹⁵ Украина и НАТО создают Межпарламентский совет. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/72126-ukraina-i-nato-sozdayut-mezhparlamentskij-sovet>

¹⁶ *Манойло А.* Как готовятся «цветные революции». URL: <http://www.rosinform.ru/mir/644474-andrey-manoilo-kak-gotovyuatsya-tsvetnye-revolyuitsii/>

¹⁷ *Морозов Ю.В.* Мирная агрессия на Ближнем Востоке и ее влияние на национальные интересы государств ШОС // Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество. М., 2014. С. 372—394

¹⁸ Резолюция ООН «Об агрессии», от 14 декабря 1974 г. URL: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/>

¹⁹ Консультативный совет по вопросам безопасности за рубежом. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/business-ru/overseas-security-advisory-council-ru/>

²⁰ *Карякин В.* Стратегия «непрямых действий» и «мягкой силы» в политике США. URL: <http://catu.su/analytics/415-strategija-nepriamyh-dejstvii-i-mjagkoj-sily-v-politike-usa>

²¹ *Швейцер П.* Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. М., 1995; *Richard N. Haas.* Think tanks and U.S. Foreign Policy: A Policy — Maker's Perspective. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/it...e/pj73ha ass.htm>

²² Стратегическая информационная война. М.: 1996, 79 с.; *Цымбал Л.А.* Синергетика информационных процессов. М., 1995. 119 с.; *Бухарин С.Н., Цыганов В.В.* Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект, 2007. 382 с.

²³ *Шамин И.В.* Современная геополитика: технологии «прямых» и «непрямых» действий. Монография. Н. Новгород-Саров: СГТ, 2010.

²⁴ *Панарин И.Н.* Информационная война: теория и практика // Кадровая политика. 2002. № 2; *Зенгер Х.* Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые стратегемы за три тысячелетия. В 2-х т. М., 2005.

²⁵ *Шамин И.В.* «Цветная (бархатная) революция» как технология осуществления геополитического противоборства в условиях постбиполярного мира // Материалы межрегиональной научной конференции. Н. Новгород: ННГУ, 2008.

²⁶ *Mann S.R.* Chaos Theory in Strategic Thought // Parameters. Vol. XXII. Autumn 1992. P. 54—68; *Шашков С.* Джин на верёвочке или проверка практикой теории «управляемого хаоса». Фонд стратегической культуры. 28.02.2011. URL: www.imperya.by; *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. Институт им. А. Эйнштейна. URL: http://www.aeinstein.org/organizati...DTD_Russian.pdf; *Шарп Дж.* Роль силы в ненасильственной борьбе // Вопросы философии. 1992. № 8.

²⁷ *Данюк Н.* Подрывная стратегия США в отношении России и Китая. URL: <https://newsland.com/user/4297693453/>

²⁸ Подрывная стратегия США в отношении России и Китая. URL: <http://www.iarex.ru/articles/52341>.

²⁹ ОДКБ объявила об отказе от диалога с НАТО и ориентировании на ШОС, Иран, Латинскую Америку и Карибы. URL: <https://www.newsru.com/world/06nov2014/odkb.html>

³⁰ *Morozov Y.* Arctic region: the Next «Hot Point» in Sphere of the International Relations or an Area for the Regional Cooperation? Peace Review: a journal of social justice # 5/2011, Volume 27. P. 25—41

³¹ После Ирака Америка взялась за Арктику. URL: <http://www.yoki.ru/social/08-12-2005/13294-arg-0>

³² *Инджиев А.* Битва за Арктику. М., 2011.

³³ Битва за Арктику: Азия рвётся в бой. URL: <https://regnum.ru/news/2284997.html>

³⁴ В 2013 г. несколько норвежских газет призвали руководство своей страны не голосовать за получение Китаем статуса постоянного наблюдателя при АС, увязав это с тем, что Китай «плохо отреагировал на вручение Нобелевской премии мира Лю Сяобао» — участнику событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь.

³⁵ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и на дальнейшую перспективу, утверждены президентом РФ 17 декабря 2008 г.

³⁶ Что означает рост российской военной активности в Арктике? URL: <http://chvk.info/arctic/chto-oznachaet-rost-rossijskoj-voennoj-aktivnosti-/>

³⁷ Скандинавские страны создают «арктический кулак». URL: <http://news.mail.ru/politics/2364882/>

³⁸ Материалы заседания Экспертного совета СФ России «Государственная политика Российской Федерации в Арктике: парламентское измерение» 24 апреля 2009 г.

³⁹ Тезисы выступления академика Н.А. Симония на круглом столе в МИД РФ «Арктика в политических ориентирах» 19 мая 2009 г.

⁴⁰ *Svend Aage Cristensen.* Are the northern sea routs really shortens? URL: www.diis.dk/sac

⁴¹ *Моргунов Б.А.* Методология учета экологического фактора в процессе выработки стратегии устойчивого развития арктической зоны России. СПб., 2006.

⁴² Загрязнение радионуклидами арктических морей России // Арктика сегодня. URL: <http://www/arctictoday.ru>

⁴³ Сайт Белого дома — «President Donald J. Trump Announces a National Security Strategy to Advance America's Interests «National Security & Defense». December 18, 2017.

⁴⁴ Remarks on “Defining Our Relationship with India for the Next Century”. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/10/274913.htm>

⁴⁵ «Стратегическая оборона» Трампа или... американское двоемыслие? URL: <http://maxpark.com/community/13/content/6186518>

⁴⁶ *Гордиенко Д.* Изменение уровня экономической безопасности США в рамках экономической кооперации государств — участников Транстихоокеанского партнерства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 6. С. 1176—1188.

⁴⁷ *Campbell K.M., Ratner E.* The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations // Foreign Policy. 2018. March/ April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning>

⁴⁸ *Swaine M.D.* China's Assertive Behavior Part One: On “Core Interests” // China Leadership Monitor. No. 34. URL: http://carnegieendowment.org/files/clm34ms_final.pdf

⁴⁹ *Santos M.* Philippines wins arbitration case vs. China over South China Sea // Global Nation Inquirer. 2016. July 12. URL: <http://globalnation.inquirer.net/140358/philippines-arbitration-decision-maritime-dispute-south.china-sea-arbitral-tribunal-unclos-itlos>

⁶⁸ Indian Independence Day; Secretary of State Rex W. Tillerson; Washington, DC. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/10/274913.htm>

⁶⁹ Азиатский голф неуверенного Трампа // ИноСМИ от 10 ноября 2017г. URL: <http://geo-politica.info/aziatskiy->

⁷⁰ *Ratner Ely*. How to Stop China's Maritime Advance. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2017>.

⁷¹ *Ron Paul*. Russia gate is not about Trump, and It Isn't Even Ultimately about Russia. The Institute for Peace and Prosperity. 2017. P. 7.

⁷² Внешняя политика России: взгляд в 2018 год. URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia2018>

⁷³ *Аш-Шарбаджи Манар*. Американская стратегия для Индо-Тихоокеанского региона. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171110/240731399.html>

⁷⁴ *Гордиенко Д.В., Празднов Г.С.* Обеспечение экономической безопасности Китайской Народной Республики при реализации стратегии «Экономического пояса Шелкового пути» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. Вып. 2. С. 377—392.

⁷⁵ Am Proud of Our Diplomacy; Secretary of State Rex W. Tillerson. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/12/276570.htm>

⁷⁶ Remarks on “Defining Our Relationship With India for the Next Century”; Secretary of State Rex W. Tillerson; Center for Strategic & International Studies; Washington, DC. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/10/18/17>.

⁷⁷ *Морозов Ю.В.* Интеграционные проекты для Евразии: подходы Китая, России и США // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 32—41.

⁷⁸ *Морозов Ю.В.* Проблемы и перспективы взаимодействия в Афганистане заинтересованных в этом государств и их союзов // Национальные интересы: приоритеты безопасности. 2018. № 3. С. 17—31.

⁷⁹ *Клименко А.Ф.* Россия и вопросы обеспечения безопасности в Центральной Азии. Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 271—280.

⁸⁰ *Лор Мандевиль*. Куда движутся отношения России и США? // Le Figaro. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180207/241390692.html>

⁸¹ Америка внушает российской элите, что без Путина будет лучше. URL: <http://putin24.info/amerika-vnushaet-rossiyskoy-elite-chto-bez-putina-budet-luchshe.html>

⁸² *Батюк В.А., Морозов Ю.В., Аничкина Т.Б. и др.* Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века: монография. М.: Институт США и Канады РАН, 2017. 328 с.

⁸³ *Гурганус Д.* Стратегия России в Афганистане. URL: <http://inosmi.ru/politic/20180111/241162649>.

⁸⁴ Владимир Путин верит в восстановление отношений между Россией и США. URL: <http://www.forbes.ru/biznes/354315-vladimir-putin-verit-v-vosstanovlenie-otnosheniy-mezhdu-rossiyei-i-ssha>

⁸⁵ Отношения с США могут стать еще хуже. URL: <https://oko-planet.su/politik/newsday/414410>

⁸⁶ Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. URL: <http://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-v-tsentralnoy-az/>

⁸⁷ *Michael Mazza & Henry Sokolski*. China's Nuclear Arms Are a Riddle Wrapped in a Mystery. USA Nonproliferation Policy Education Center, March 13, 2020.

⁸⁸ *Шишкина Н.И.* Сближение России и Китая на фоне украинского кризиса. URL: <http://rusrand.ru/analytiks/sblizhenie-rossii-i-kitaja-na-fone-ukrainskogo-krizisa>

⁸⁹ *Клименко А.Ф.* Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М.: Институт Дальнего Востока, 2009. 348 с.

⁹⁰ *Каменнов П., Клименко А.* О военной политике и военной доктрине Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5.

⁹¹ *Давыдов А.С.* Россия—Китай—США про альянсы и соперничество // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С 3—14.

⁹² *Молчанов А.* Россия и Китай пойдут единым фронтом против США. URL: <https://pravdoryb.info/rossiya-i-kitay-poydut-edinym-frontom-protiv-ssha-122444.html>

⁹³ *В. Путин:* годы перекрестного сотрудничества РФ и КНР помогут в реализации перспективных инициатив. URL: <https://rueconomics.ru/305328-putin-gody-perekrestnogo-sotrudnichestva-rf-i-knr-pomogut>

⁹⁴ Материалы экспертного опроса, проведенного Институтом стран СНГ. Available at: URL: <http://www.materik.ru/institute/about/>

⁹⁵ Российская программа нейтрализации «афганской угрозы». URL: <https://pravdoryb.info/rossijskaya-programma-neytralizatsii-afganskoy-ugrozy-113686.html>

⁹⁶ Мюнхенская конференция по безопасности — 2018. URL: <http://tass.ru/mezh-dunarodnaya-panorama/4965656>

⁹⁷ *Лао-цзы.* Трактат «Дао Дэ Цзин». URL: <https://ru.wikipedia>

⁹⁸ *Антонио Грамши.* «Тюремные тетради». URL: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul12.htm>

⁹⁹ *Nye, J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. 1990. New York: Basic Books.

¹⁰⁰ *Joseph S., Jr. Nye* «Soft Power: The Means to Success in World Politics». 2005, Public Affairs. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000970433>

¹⁰¹ *Robert Gates:* «Soft power» needed. Available at: URL: http://cjonline.com/stories/112707/kan_220730199.shtml#.WfKPGSI_zHA

¹⁰² *Clinton H.* The art of smart power//New Statesman. Available at: URL: <http://www.newstatesman.com/politics/politics/2012/07/hillary-clinton-art-smart-power>

¹⁰³ Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2.

¹⁰⁴ *Братерский М.В., Скриба А.С.* Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-myagkoy-sily-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-csha>

- ¹⁰⁵ USAID, 2003.
- ¹⁰⁶ Budget Request — Summary and Highlights // U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/redirect.cfm?id=25197&idt>.
- ¹⁰⁷ Журавлева В. Pro et contra: каким запомнят Барака Обаму Америка и мир. Available at: URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/20/01/2017/588204979a79474a747db383>
- ¹⁰⁸ Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2016. 376 с.
- ¹⁰⁹ Ли Хуэй. Углубление китайско-российских отношений на благо народов обеих стран. URL: <http://viperson.ru/articles/uglublenie-kitaysko-rossiyskih-otnosheniy-na-bлаго-narodov-obeih-stran>
- ¹¹⁰ Seib Ph. China: The First Soft Power Superpower. URL: http://www.huffingtonpost.com/philip-seib/china-the-first-soft-power-superpower_b_1552545.html.
- ¹¹¹ Lee A. Civic ties help shape China's soft power // China Daily. 02.10.2012. P. 7. URL: http://www.chinadaily.com.cn/kindle/2012-02/10/content_14578454.htm
- ¹¹² Китай занял первое место в мире по числу отправляющихся ежегодно на учебу за границу граждан. URL: <http://russian.people.com.cn/31517/7951840.html>
- ¹¹³ Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами в рамках ШОС // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 32. С. 35—49.
- ¹¹⁴ Peng Kan. How to hard sell China's soft power // China Daily. 26.10.2012. URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2012-10/26/content_15848154.htm
- ¹¹⁵ Roger C. Molander, Andrew S. Riddile, Peter A. Wilson. Strategic information warfare: a new face of war. URL: rand.org
- ¹¹⁶ Joint Publication 3-13/Information Operations/27 November 1998 Incorporating Change 120. November 2014. URL: dtic.mil
- ¹¹⁷ Давыдов Е. Информационная война против России: «момент истины». URL: <https://cont.ws/@eugene-davidov/98702>
- ¹¹⁸ Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 32. С. 35—49.
- ¹¹⁹ Морозов Ю.В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25.
- ¹²⁰ Baldwin H. Battles Lost and Won. Great Campaigns of World War II. New York, 1966.
- ¹²¹ Тихомиров В. «Миссис лицемерие» и просто «царь». Кто управляет американским президентом? URL: https://life.ru/t/сша/950853/missis_litsiemierie_i_prosto_tsar_kto_upravliaiet_amierikanskim_
- ¹²² Морозов Ю.В. Перспективы стратегии России в Северо-Восточной Азии в XXI веке // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 21. С. 34—45.

- ¹²³ Морозов Ю.В. Стратегические проекты Китая, России и Соединенных Штатов для Евразии // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 1.
- ¹²⁴ Кризисные войны: Рейтинговые агентства против ШОС. URL: <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/22-04-2016/1299227-shos-0>
- ¹²⁵ Путин и Трамп: курс к новому мировому порядку. Прогноз на 2017—2021. URL: <http://kolokolrussia.ru/vzglyad-redaktora/putin-i-tramp-kurs-k-novomu-mirovomu-poryadku-prognoz-na-20172021#hcq=nBIa8q><http://kolokolrussia.ru/>
- ¹²⁶ Внешняя политика СССР в 1970—1980-х гг. URL: <https://studfiles.net/preview/3003023/page:14/>
- ¹²⁷ Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%9D%D0%92-%D0%93>
- ¹²⁸ Для продления СНВ-3 Москва поставит Вашингтону свои условия. URL: <https://vz.ru/politics/2016/7/11/820826.html>
- ¹²⁹ Выполнение обязательств «Группы восьми», принятых на саммите 2006 г. в Санкт-Петербурге. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/11/1267067444/vypolnobjaz.pdf>
- ¹³⁰ Евроатлантическая инициатива в области безопасности. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=545
- ¹³¹ Вооруженные силы ЕС: Европа против НАТО? URL: <https://ava.md/2008/03/10/vooruzhennye-sily-es-evropa-protiv->
- ¹³² Лиссабонский договор, или Договор о реформе. URL: <https://ria.ru/spravka/20080617/110820397.html>
- ¹³³ Николай Саркози: прагматизм и преемственность. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_9216
- ¹³⁴ Европе нужна своя армия не для войны с Россией, а ради избавления от НАТО. URL: <http://rusonline.org/evrope-nuzhna-svoya-armiya-ne-dlya-voyny-s-rossiey-radi-izbavleniya-ot-nato>
- ¹³⁵ Стратегия национальной безопасности США в первом десятилетии XXI века: к вопросу «самодостаточной» безопасности. URL: <https://articlekz.com/article/7878>
- ¹³⁶ Основные итоги Лиссабонского саммита НАТО 2010 года. URL: http://factmil.com/publ/strana/nato/osnovnye_itogi_lissabonskogo_sammita_nato
- ¹³⁷ Перспективы развития российско-американских отношений. URL: <http://www.mirprognozov.ru/>
- ¹³⁸ Крым наш, санкции не отменяют // *АиФ*. 2018. № 43.
- ¹³⁹ Когда с России снимут санкции? // *АиФ*. 2018. № 47.
- ¹⁴⁰ основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm
- ¹⁴¹ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. URL: <https://ru.wikipedia.org>

Часть II

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

2.1. Развитие теории и практики многополярного мира в рамках международных структур и на национальном уровне

Развитие теории и практики многополярного мира

Нестабильность современных международных отношений вкупе с несовершенством теории многополярности обуславливают периодическое уточнение ее трактовок, находящих свое отражение как на национальном уровне, так и в совместных документах стран международных организаций.

Точкой отсчета в процессе выработки единой концепции многополярности можно считать встречу министров иностранных дел стран БРИК 16 мая 2008 г. в Екатеринбурге, по результатам которой было издано совместное коммюнике. В п. 3 этого документа указывалось, что «современное мироустройство должно основываться на верховенстве международного права и укреплении многосторонних начал при центральной роли ООН». Сам термин «многополярность» («multipolarity») на тот момент не использовался, а характеристика миропорядка ограничивалась двумя пунктами преамбулы, что обуславливалось тематикой встречи, предполагавшей обсуждение проблем международных финансовых институтов и продовольственной безопасности, подрываемой экономическим кризисом¹. В этом документе, помимо прочего, акцентировался вопрос о поддержке Россией и Китаем стремления «Индии и Бразилии играть более видную роль в ООН», что впоследствии будет регулярно повторяться во всех совместных документах БРИК-БРИКС, как указание на необходимость реформирования Совета Безопасности ООН, посредством введения этих стран, а затем и ЮАР в его постоянные члены².

Первый саммит государств БРИК в Екатеринбурге (2009 г.), по итогам которого было принято Совместное заявление лидеров стран БРИК, положительно отразился на формировании общей для «четверки» концепции многополярного мироустройства.

Лидеры России, Китая, Индии и Бразилии, собравшиеся обсудить итоги мирового кризиса, отчасти изменившего баланс сил в их пользу, смогли оформить свою позицию более отчетливо. В п. 12 Совместного заявления указывалось: «Мы подчеркиваем нашу позицию в пользу более демократического и справедливого многополярного миропорядка, основанного на верховенстве международного права, равноправии, взаимном уважении, сотрудничестве, скоординированных действиях и коллективном принятии решений всеми государствами».

Важно отметить, что в данном пункте многополярный мир («multi-polar world») трактуется как возможность принятия решений всеми государствами, противореча более реалистическому определению многополярности — миропорядку, где глобальная политика определяется несколькими центрами экономического, политического и цивилизационного влияния. Таким образом, в терминологии государств БРИК, многополярность фактически приравнивалась к многосторонности, что, тем не менее, отнюдь не означало принятия подобной трактовки ее странами — участницами Организации³.

Дальнейшее развитие идеологии БРИК отразилось в Совместном заявлении глав государств и правительств стран — участниц Второго саммита БРИК в Бразилии (2010 г.). Преамбула, сформулированная на Екатеринбургском саммите, практически не претерпела никаких изменений, однако в основной части нового документа был сделан акцент на особую роль G-20, притом не только в борьбе с последствиями финансового кризиса, но и в формулировке «целостной стратегии на посткризисный период». Впоследствии в документах саммитов эта «двадцатка», объединяющая и традиционно развитые, и развивающиеся «полюсы» формирующегося многополярного мироустройства, регулярно возникала в этом качестве в совместных документах «четверки»⁴.

Третья встреча в китайском городе Санья (2011 г.) привела к целому ряду существенных изменений как в структуре форума, к которому присоединилась Южно-Африканская Республика, так и в его идеологии (рис. 2.1).

В Декларации, принятой по итогам этой встречи, вновь появляется термин «многополярность», однако уже в качестве не абстрактной цели, а объективно существующей посткризисной тенденции. Так, в п. 7 Декларации указывается: «Мы едины во мнении, что мир претерпевает далеко идущие, сложные и глубокие изменения, характеризующиеся усилением многополярности, экономической глобализации и нарастанием взаимозависимости». Традиционно была озвучена позиция стран БРИКС о необходимости

Рис. 2.1. Страны — члены БРИКС. Источник: URL: <http://vestifinance.ru>

интенсифицировать участие Индии, Бразилии, а также присоединившейся ЮАР в структурах ООН и была подтверждена ведущая роль G-20⁵.

Саммит в Дели (2012 г.) перед саммитом «Большой двадцатки» в Мексике не принес практически ничего нового. В п.3 итогов этого саммита содержалась частично перефразированная позиция относительно сложившегося миропорядка: «БРИКС — это платформа для диалога и сотрудничества между странами в условиях многополярного, взаимосвязанного и все более сложного глобализирующегося мира». И, несмотря на исключительно формальную роль геополитической преамбулы, теория многополярности была раскрыта в контексте перераспределения влияния в международных финансовых структурах. В тексте Декларации преобладали требования по скорейшему реформированию Бреттон-Вудской финансовой архитектуры, обосновывающиеся возросшей ролью полюсов глобального Юга и их стремлением расширить свое влияние в МВФ и Валютном фонде⁶.

Пятый саммит стран БРИКС, прошедший в Дурбане (2013 г.), оказался наиболее неожиданным с точки зрения поиска общей концепции многополярности. Основной задачей встречи стала интенсификация финансово-экономического взаимодействия в рамках «пятерки», связанная с перспективами создания единого банка БРИКС и выражающаяся в ряде согла-

шений о сотрудничестве между государственными корпорациями и госбанками стран — участниц этой организации. При этом понятие многополярности не возникло ни в тексте декларации по итогам саммита, ни в заявлениях лидеров перед прессой. Однако в п. 22 декларации появилась формулировка «гармоничное мироустройство», непосредственно заимствованная из внешнеполитической доктрины Китая. Кроме того, в изданном к саммиту докладе по итогам форума 2012 г. в Нью-Дели содержалось упоминание о стремлении БРИКС к построению «многоцентричного» мира, что не укладывалось в логику ранее принятых объединением деклараций стран БРИКС.

В целом, организация БРИКС к настоящему времени по-прежнему остается сложным и неоднозначно оцениваемым феноменом международных отношений. Политический потенциал и перспективы развития стран-участниц этой структуры рассматриваются с двух диаметрально противоположных позиций, которые условно можно обозначить как «оптимистическую» и «пессимистическую».

Первой из них придерживаются преимущественно российские политики, предполагающие дальнейшее укрепление двусторонних отношений внутри БРИКС и утверждение некоего миропорядка, инициированного странами-участницами. Так, директор ИДВ РАН С. Лузянин, указывает на активную антизападную политику стран БРИКС, среди которых особенно выделяется Китай. «БРИКС — это «золотой кирпич», который Поднебесная, похоже, хотела бы заложить в фундамент нового мирового порядка как в плане финансовой, так и международно-политической архитектуры», — утверждает Лузянин, обращая внимание на китайскую политику «выхода из тени»⁷.

С другой стороны, доля скептических отзывов по поводу идеологического потенциала БРИКС и перспектив его дальнейшего развития по-прежнему весьма существенна. Среди критиков стоит отметить историка Н.А. Косолапова, выявившего зависимый характер идеологического становления политического пространства БРИКС, проходящего в рамках уже сложившейся глобальной миропорядка, и наличия там таких центров силы, как США, G-20 и G-7 (рис. 2.2)⁸.

Обобщив позиции «скептиков», можно выделить ряд основных проблем, приписываемых международному форуму БРИКС, среди которых, наряду с экономической и политической дезинтегрированностью, следует отметить — отсутствие полноценной идеологической платформы, способной выступить в качестве привлекательной альтернативы существующему «коллективно-однополярному» миропорядку во главе с США. Учитывая, что в ближайшем будущем БРИКС сохранит формат дискуссионной площадки, основной функцией которой является согласование интересов ее

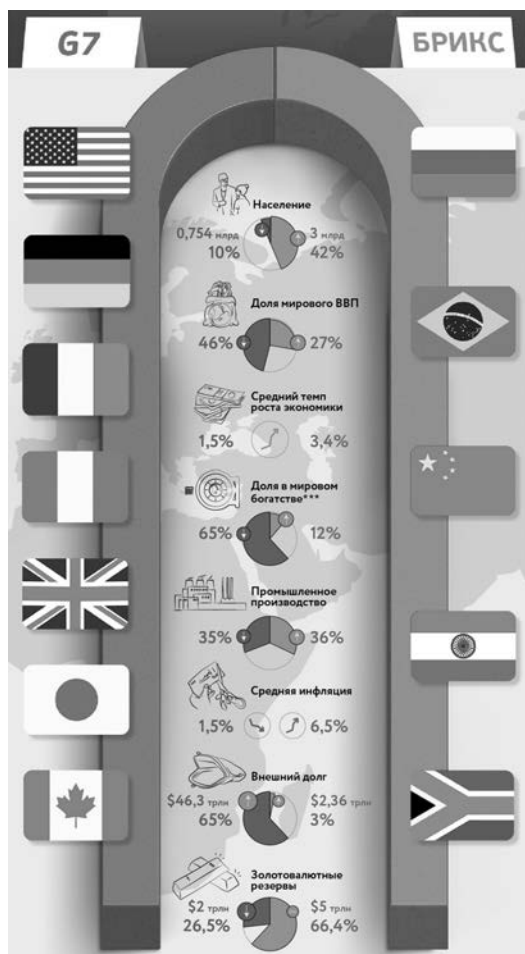

Рис. 2.2. Потенциалы государств G-7 и БРИКС. Источник: URL: <https://vz.ru>

стран-участниц, идеологическое направление развития БРИКС следует признать наиболее актуальным. Однако, вопреки многочисленным попыткам по структуризации и оформлению, предпринятым за последние десятилетия, современную теорию многополярности пока нельзя считать ни полноценной, ни всесторонне разработанной.

Особенности трактовки многополярности на национальном уровне

Рассматривая теорию и практику трактовки многополярности на национальном уровне, можно выделить две основные позиции, первая из которых представляет собой классическую многоцентричность, построенную на останках идеологии «холодной войны», а вторая — многосторонность, более адаптированную под реалии современного глобализирующегося мира.

Наиболее ярким представителем первой концепции является Россия, традиционно воспринимающая себя в качестве одного из ключевых международных центров силы, являющегося также «выразителем интересов всего незападного мира». История российской многоцентрично-многополярной теории началась в начале 1996 г., когда Е.М. Примаков, занявший пост министра иностранных дел, впервые использовал ее, заменив малоуспешную политику «демократической солидарности». На тот момент схожих взглядов придерживался и «выходящий из тени» Китай, активно стремящийся занять достойное место в узком кругу мировых лидеров.

В июле 1995 г. генеральный секретарь КПК Цзян Цзэминь заявил, что «современный мир идет к многополярной структуре, и эпоха, когда одна-две державы или группировки великих держав заправляли мировыми делами и определяли судьбы других государств, больше никогда не вернется». В апреле 1997 г. он обратил внимание на «ускоренное развитие тенденции многополярности как на глобальном, так и на региональном уровнях»⁹.

Сближение позиций позволило России и Китаю подписать совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка, где были провозглашены такие основополагающие принципы теории многополярности, как: невмешательство во внутренние дела третьих стран; уважение суверенитета; неприемлемость блоковой дисциплины и переход политики на региональный уровень (1997 г.)¹⁰. Косовский конфликт 1999 г. и связанная с ним антиамериканская направленность российско-китайской внешней политики начала 2000-х способствовали переходу от намеченного многополярного пути к более реалистической многоцентричной теории, использовавшейся как альтернатива американскому гегемонизму.

В Концепции национальной безопасности РФ (2000 г.) впервые было указано на противостояние российско-китайской теории и однополярной концепции, лежащей в основе внешнеполитических доктрин стран Запада: «после окончания эры биполярной конфронтации возобладали две взаимоисключающие тенденции. Первая тенденция проявляется в укреплении экономических и политических позиций значительного числа государств и их интеграционных объединений. Вторая тенденция проявляется через попытки создания структуры международных отношений, основанной на до-

минировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США». Поэтому в Концепции было отмечено, что: «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере проявляются в попытках других государств противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире»¹¹.

Подобная позиция была расценена западными экспертами как «комплекс травмированной сверхдержавы», хотя на сегодняшний день она прошла существенную трансформацию и по-прежнему влияет на позиционирование России в мире. Примером может служить казус из «Политического атласа современности», подготовленного специалистами МГИМО, где Россия, заняв 7-е место в рейтинге, была все равно, вместе с Китаем и США, причислена к «ядру клуба мирового влияния»¹².

В этом китайская позиция по теории многополярности несколько не отличается от российской. Несмотря на формальное следование доктрине «гармоничного мира», провозглашенной Ху Цзиньтао в сентябре 2005 г. в речи по поводу 60-й годовщины со дня образования ООН, а затем повторенной в октябре 2007 г. на XVIII съезде КПК, китайская элита по-прежнему представляет будущее страны исключительно в свете многоцентричной теории¹³.

Наиболее красноречиво это отражено в высказываниях представителей военных кругов и независимых аналитиков Китая. Первые, среди которых находятся представители Национального университета обороны НОАК и Академии военных наук КНР, подвергают резкой критике пассивность китайской внешней политики, опирающейся на теорию «гармоничного мира», предполагая в качестве альтернативы более жесткую конфронтацию с традиционными западными странами-лидерами. В качестве типичного примера многоцентричной риторики можно привести высказывания старшего полковника ВВС Дай Сюя, призвавшего в январе 2012 г. к созданию военно-политического союза между Пекином и Москвой, направленного на сдерживание США, а также генерал-майора Ло Юаня, заявившего, что Китаю следует отвечать на враждебные действия США «так же жестко, как Россия».

Другие китайские эксперты рассматривают сложившийся миропорядок через призму теории многоцентричности. Например, директор Центра стратегических исследований Института международных отношений Пекинского университета профессор Е Цзычэн уделил особое внимание процессу структуризации площадки G-2, как одному из показателей становления многополярного мира, но выделил лишь четыре ключевых полюса (без учета самого Китая) — Россию, Европу, Индию и США.

С другой стороны, главный редактор журнала «Contemporary International Relations» Лю Липин в духе многосторонности разделил все существующие государства на четыре типа: сверхдержава (США), сильные (Анг-

лия, Франция, Германия, Япония, Китай, Россия, Индия, Бразилия и др.), средние и слабые страны. По его мнению, сильные страны и сверхдержава образуют «Большую двадцатку» — полюсы многостороннего мира. При этом каждый полюс принимает участие в глобальных делах, но основные усилия направляются на собственные регионы¹⁴.

Резкий всплеск многоцентричной риторики произошел в период кризиса 2008—2012 гг., существенно ослабившего страны Запада. Важным для понимания характера русской многополярности стало заявление президента РФ Д.А. Медведева, сделанное в сентябре 2008 г.: «Мир должен быть многополярен. Однополярность неприемлема, — подчеркнул он, — мы не можем принять такое мироустройство, в котором все решения принимаются одной страной, даже такой серьезной и авторитетной, как Соединенные Штаты Америки»¹⁵.

Кроме того, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. возникло понятие «ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений», к которым Россия причислила себя¹⁶. В Концепции внешней политики России, принятой в 2013 г., напрямую указывалось на то, что «продолжают сокращаться возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в АТР. Глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение и выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики», что, с одной стороны, указывало на переход к более либеральной трактовке многополярности, а с другой — на возвращение идеологического противостояния с западными геополитическими теориями¹⁷.

В свою очередь, теория многосторонности представлена внешнеполитическими концепциями «развивающихся демократий» — Бразилии и ЮАР, первая из которых, тем не менее, обладает определенными «мессианскими комплексами», отчасти роднящими ее с российско-китайской концепцией. При этом исторические мечты о «Большой Бразилии» стали реализовываться уже к середине 1980-х годов, когда Бразилия выступила с инициативой по созданию регионального блока МЕРКОСУР, вплоть до сегодняшнего дня являющегося одним из наиболее влиятельных южноамериканских объединений. Однако попытки превратиться Бразилии в региональную доминанту встретили упорное сопротивление со стороны Соединенных Штатов, поддержавших ее конкурентов — Аргентину и Мексику. Поэтому в начале 1990-х годов внешнеполитическая доктрина Бразилии, направленная на сотрудничество с США, была пересмотрена, и именно тогда во внешнюю политику страны проникла теория многополярного мира.

Особенность бразильской трактовки заключалась в том, что за целью построения многополярного миропорядка скрывалось желание доминировать в собственном регионе, а не оспаривать мировое лидерство у глобальных центров силы. Де-факто, многосторонность по-бразильски была выражена в «теории гомициклов», последовательно ставящей перед страной три внешнеполитические задачи: во-первых, — наладить сотрудничество со странами Южноамериканского региона; во-вторых, — заручиться поддержкой глобальных полюсов Юга (страны РИК); в-третьих, — выступить в качестве выразителя интересов «третьего мира», приобретая тем самым необходимое для полноценного полюса политическое влияние¹⁸.

На схожих позициях находится и ЮАР, освободившаяся от политики апартеида в 1994 г. и активно включившаяся в борьбу за лидерство в Южноафриканском регионе, на которое также претендовала Нигерия. Этому противостоянию активно способствовала официально пропагандируемая политика изжития апартеида, позволившая ЮАР выступать от имени всей африканской цивилизации. На конференции Африканского Национального конгресса в 1997 г. были поставлена масштабная задача создание «африканской нации на Африканском континенте», что выходило далеко за пределы границ ЮАР. В 1998 г. президентом республики стал Мбеки, провозгласивший политику «Африканского ренессанса». Фактически, речь шла о выходе ЮАР на мировую арену в качестве полноценного полюса, обладающего сферой влияния от мыса Доброй Надежды до Южной Сахары.

Важным этапом интеграции африканских государств в сфере влияния ЮАР стало превращение Организации африканского единства в Африканский союз, произошедшее в июле 2002 г. Помимо этого, республика последовательно выступает за отмену экономических барьеров, создание новой инфраструктуры и демократизацию на континенте, выделяя себя в качестве основного агента грядущей панафриканской интеграции. Таким образом, к началу 2000-х гг. основные цели ЮАР были окончательно сформированы и начали реализовываться. В этом плане показательна попытка президента Зумы выступить в качестве посредника в Ливийском конфликте, закончившаяся неудачно, но, тем не менее, показавшая ту ключевую роль в регионе, которой удалось добиться стране за это время¹⁹.

Однако теория многополярного мира не играет в южноафриканской дипломатии столь важную роль, как в китайской или российской, но многосторонность в таких проявлениях, как стремление к абсолютному суверенитету региональных полюсов, их право на цивилизационную самобытность и наличие сфер влияния, защищенных от более крупных центров силы, находит свое отражение в доктрине «убунту» («справедливость» и «соборность»), являющейся стержневой политической концепцией ЮАР²⁰. В посткризисный период многополярная теория сумела укрепить свое влияние, чему во

многим способствовало принятие ЮАР в клуб БРИКС, однако, несмотря на декларируемое стремление выйти в мировые лидеры, политика республики сумела сохранить свой прагматичный характер.

Неоднозначной выглядит позиция Индии по теории многополярности, находящейся на стыке многоцентричности и многосторонности. С одной стороны, стремление Индии играть более существенную роль в формирующемся миропорядке не вызывает сомнений, при том, что экономический потенциал и политический авторитет этой страны превращает ее в непревзойденного лидера Южноазиатского региона. В пользу гегемонистских устремлений Индии говорят и ее отношения с Непалом, вмешательство в конфликт на Шри-Ланке (1987—1990 гг.), а также индийско-пакистанский конфликт, длящийся с 1947 г. В 1998 г. Индия, так же, как и ее партнеры по РИК, оказалась в конфронтации с Западом вследствие проведения испытаний ядерного оружия, воспринятых как непосредственная угроза глобальной безопасности.

Исходя из этого, можно предположить о развитии в Индии многоцентричной теории, аналогичной российско-китайской. Однако, с другой стороны, индийская внешнеполитическая позиция является более замкнутой, а сфера ее геополитических интересов практически ограничивается ее собственным регионом. Кроме того, неоднозначным во внешней политике Индии остается и вопрос отношений с Западом, весьма существенный для формирования любых внешнеполитических концепций.

Так, бывший посол Индии в России Канвал Сибал отмечал: «Сформировавшаяся модель отношений Индия—США будет отличаться от отношений Америки с Британией, Японией или Францией. Это будет уникальная модель, в которой Индия останется самостоятельной сущностью, тогда как Соединенные Штаты сохраняют веру в свою исключительность»²¹. Стоит также отметить, что, проводя сдержанную политику по отношению к США, Индия с 2003 г. активно участвует в деятельности «форума развивающихся демократий» IBSA, являясь, таким образом, единственной страной БРИКС, имеющей членство в обеих «тройках».

Таким образом, несмотря на подчеркнутый экономический характер международного клуба БРИКС, геополитическая теория многополярности играет весьма существенную роль в формируемой им позиции. Элементы теории многополярности, среди которых абсолютный суверенитет всех полюсов, равное представительство в международных организациях, главенствующая роль ООН, отказ от блоковой дисциплины и т. д., активно вовлекаются в структуру совместных декларативных документов стран БРИКС, не только отражаясь в преамбулах, но и определяя содержание политико-экономических рекомендаций «пятерки».

Фактически, многополярная теория задает координаты для деятельности объединения, формулируя его цель, приоритеты и принципы деятельности. Кроме того, коллективное признание теории многополярности всеми странами-участницами БРИКС демонстрирует общность их взглядов на существующий миропорядок, а также подчеркивает их статус как государств, уже обладающих полным суверенитетом и рассматривающих себя в качестве перспективных региональных лидеров. Де-факто, разнящиеся в экономическом, политическом и историко-культурном планах страны «пятерки» оказываются объединенными именно по принципу восприятия своей роли на мировой арене.

Не менее существенны и трудности, порождаемые включением теории многополярности в совместную позицию «пятерки». Налицо отсутствие полноценной теоретической базы и даже общепринятой терминологии, способной формализовать многочисленные национальные концепции («гармоничный мир» КНР, «дипломатия убунту» ЮАР, «демократический мир» Индии и т. д.), схожие по содержанию с многополярной теорией. Что гораздо более важно — страны-участницы не имеют общего видения картины существующего миропорядка в рамках теории многополярного мира, самостоятельно выделяя полюсы и расставляя приоритеты, не согласующиеся друг с другом. Результатами подобных несоответствий становятся трудности при интеграции внутри объединения. Например, одним из факторов неразвитости полноценных российско-бразильских отношений является тот факт, что доля России во внешнеторговом обороте Бразилии составляет всего 1,27 %, при том, что доля Китая, признаваемого бразильской элитой в качестве потенциальной сверхдержавы, была за последние несколько лет увеличена до 17 % в ущерб традиционным партнерам, в первую очередь США.

Перспективы дальнейшего развития теории многополярности раскрываются в двух наиболее вероятных вариантах:

либо противоречия, имеющие место на сегодняшний день, окончательно разделят «пятерку» на «демократическую тройку» и российско-китайский тандем, сохраняющий верность классическо-реалистическому восприятию, что обусловит переход инициативы к новым международным клубам развивающихся стран, опирающихся в своей деятельности на иные теоретические концепции, например, к более «либеральный» ШОС;

либо посредством интенсивного взаимодействия экспертных центров в рамках регулярно проводимых форумов в течение нескольких лет объединение БРИКС получит столь необходимую ему теоретическую базу, определяющее место в которой будет занимать обновленная теория многополярности, отражающая нетипичный характер возникающих полюсов (информационных, цивилизационных и т. д.) и их право на участие в глобальном управлении.

Реализация второго, оптимистического сценария, дающего теории многополярного мира шанс на дальнейшее существование и развитие, требует не только грандиозной координационной работы по согласованию внешнеполитических доктрин стран, различных по своей историко-культурной традиции, но и политической воли правительств стран-участниц, а также возникновения относительной блоковой дисциплины, характеризующей, например, успешно оформившееся объединение G-7. К сожалению, исходя из результатов проведенного исследования, приходится констатировать, что вероятность подобного развития событий остается крайне малой.

Обобщая все вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам относительно теории многополярности.

Во-первых, несмотря на регулярные упоминания о многополярности в официальных международных документах, единая и общепризнанная трактовка данного понятия так и не сформировалась.

Во-вторых, неопределенными остаются основные характеристики многополярного мироустройства, пути его построения и т. д., что, тем не менее, не позволяет отрицать теорию многополярности как таковую. Будучи логическим продолжением развития теории полярности, прошедшей через стадии «классической многополярности» начала XX в., биполярного противостояния «холодной войны» и однополярного мироустройства начала 1990-х годов, современная теория многополярности находится в процессе своего становления, исход которого важен как с практической, так и с теоретической точек зрения.

В-третьих, вне зависимости от трактовок, отличительными чертами любой многополярной теории стран незападного мира являются абсолютный суверенитет полюсов, наличие у них сфер влияния и руководящая роль международных организаций, позволяющих всем полюсам принимать решения коллегиально. Важным критерием выделения полюса многополярного мира также является его способность оказывать влияние на функционирование мировой политической системы: будучи не только экономической доминантой, но и цивилизационным центром глобального масштаба, полюс может своим исчезновением повлечь коренную трансформацию всей системы международных отношений.

В-пятых, многополярное мироустройство воспринимается членами «пятерки» в рамках различных парадигм международных отношений, что обуславливает несогласованность их оценок роли «традиционных» международных институтов Ялтинско-Потсдамской системы (Совет Безопасности ООН, МВФ) и «неформатных» дискуссионных площадок (G-20, G-8, БРИКС).

В-шестых, единой оказывается позиция «пятерки» относительно абсолютизированного характера государственного суверенитета. Это связано с

тем, что все страны — участницы БРИКС относятся к государствам, способным проводить независимую внешнюю политику, и объединены во многом именно по данному принципу.

В-седьмых, многополярность связывается с пересмотром «несправедливой» финансовой архитектуры и расширением представительства глобального Юга в Совете Безопасности ООН. При этом следует отметить активное противодействие Китая по отношению к стремлению Индии закрепиться в Совбезе в качестве постоянного члена, что, тем не менее, не отражается в официальных документах БРИКС. Восприятие многополярности как миропорядка, «выравнивающего» закрепившееся неравенства по линии Север—Юг, в первую очередь объясняется догоняющим характером развития всех стран «пятерки».

В-восьмых, характерной чертой многополярного миропорядка, с точки зрения стран БРИКС, является его стабильность, обеспечиваемая главенствующей ролью международных организаций и формальным равенством «полюсов». Несмотря на то, что большинство критиков многополярности опираются именно на ее неустойчивость и непредсказуемость, именно с достижением многополярного мироустройства связываются надежды основных лидеров БРИКС — Китая и России — на геополитический статус-кво, столь необходимый для сохранения устойчивого экономического роста.

Подходы России к формированию многополярного мира

России многие эксперты приписывают первые шаги по выработке стратегии многополярности для международных отношений. И это имеет основания²². Еще 23 апреля 1997 г. в Москве Россией и Китаем была подписана декларация по многополярному миру и установлению нового международного порядка, а 15 мая этого года декларация была зарегистрирована в ООН²³.

В ней указано, что РФ и КНР будут прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка. Отмечалось, что в конце XX в. в международных отношениях произошли глубокие перемены. Утверждается многообразие политического, экономического и культурного развития всех стран, растет роль сил, выступающих за мир и широкое международное сотрудничество. Все большее число стран приходит к общему пониманию того, что необходимы взаимное уважение, равенство и взаимная выгода, а не силовая политика, диалог и сотрудничество, а не конфронтация и конфликты. Построение мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка становится настоятельным требованием эпохи и императивом исторического развития.

Декларация также гласила, о том, что каждое государство имеет право, исходя из своих конкретных условий, независимо и самостоятельно выбирать путь развития без вмешательства со стороны других государств. Различия в социальном строе, идеологиях, системах ценностей не должны становиться препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений. При этом в Декларации акцентировалось, что Китай и Россия переходят к новой форме взаимоотношений, и она не направлена против третьих стран. Были надежды, что важную роль в установлении нового международного порядка сыграет ООН, а также силы, способствующие формированию многополярного мира, среди которых назывались развивающиеся страны мира и Движение неприсоединения.

Далее позиции Москвы и Пекина в области формирования многополярного мира еще больше сблизились. Их совместная декларация о международном порядке в XXI веке, подписанная в Москве 1 июля 2005 г. Президентом РФ В. Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао, логически продолжала эту линию. К этому времени США уже вторглись в Ирак, и декларация являлась реакцией на этот вызов, призванной укрепить усилия по организации нового международного порядка. Также в этой декларации говорилось, что *«многообразие культур и цивилизаций в мире должно стать основой для их взаимообогащения, а не для конфликтов. Не «столкновение цивилизаций», но необходимость глобального сотрудничества — вот определяющее требование мира в современных условиях»*²⁴.

При этом, формирующийся многополярный мир существенно отличается от других моделей многополярности, главным образом за счет противостояния России и стран Запада во главе с США. В основном это связано с тем, что: прямые иностранные инвестиции в Россию в связи с продолжающимися санкциями стран Запада и США резко сократились, в рамках ВТО наблюдается стремление США проводить дискриминацию России в торговой-экономической области. Но, не смотря на западные санкции, российские компании все активнее занимают финансовые средства на мировых рынках капиталов. Роль России как поставщика энергии на главные международные рынки постоянно растет и будет расти.

Географическое положение РФ также способствует развитию различных экономических и политических взаимодействий между Россией и странами регионов мира. Среди них можно назвать транспортные и информационные коммуникации, научный и технологический прогресс.

Россия считает, что следует уважать и оберегать многообразие мировых цивилизаций и моделей развития. Различия в историческом наследии всех стран, их культурных традициях, общественно-политическом устройстве, системах ценностей и путях развития не должны становиться предлогом для вмешательства во внутренние дела государства. Необходимо на основе вза-

имного уважения и терпимости вести межцивилизационный диалог и обмен опытом, взаимно обогащать и дополнять друг друга»²⁵.

Создание ШОС (рис. 2.3), а также активизация взаимодействия среди стран БРИКС рассматриваются как попытки установить свои правила игры, по крайней мере, в зоне своих стратегических интересов каждой страны, что отмечают и Китай, и Россия. Россия в сфере своих стратегических интересов, о чем было объявлено президентом РФ Д. Медведевым после нападения Грузии на Южную Осетию в августе 2008 г., использует как экономический интеграционный инструмент — ЕврАзЭС, так и военное сотрудничество в рамках ОДКБ²⁶.

Рис. 2.3. Страны — участницы ШОС. Источник: URL: <https://content.choiz.me>

В Концепции внешней политики Российской Федерации (2000 г.) было зафиксировано положение о том, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов»²⁷.

Необходимо также отметить, что понимание российскими политиками, дипломатами и учеными необходимости разработки теории многополярности возникло из кризисной ситуации в конце XX в. Вначале произошел распад Советского Союза, сопровождавшийся этническими конфликтами. Подобный коллапс произошел и в Югославии, что привело к нескольким внешним интервенциям и изменением политической карты региона. Бомбардировка НАТО и самопровозглашение албанцами Косово были чувствительным ударом не только по суверенитету Союзной Республики Югославия, на тот момент состоявшей из Сербии и Черногории, но и по европейскому геополитическому устройству в целом. Кроме того, крах

марксистской доктрины и негативный опыт реформ МВФ и Всемирного банка в России привел к пониманию необходимости выработки самобытной внешней и внутренней политики. Хотя инерция эпохи Советского Союза еще чувствовалась, в российском экспертном сообществе наблюдались попытки переосмысления места и роли России в мировой политической системе.

События 11 сентября 2001 г. также повлияли на восприятие мировой системы в новом качестве. Не случайно, в публикации от сентября 2003 г. один из отечественных апологетов многополярности Е. Примаков отмечал, что *«вслед за событиями 11 сентября отчетливее, чем когда бы то ни было, проявилось противостояние двух тенденций. С одной стороны, сохранение при определенной модернизации миропорядка, основывающегося на таком механизме многосторонних действий, как Организация Объединенных Наций. С другой — ставка на то, что жизненно важные для человечества решения могут приниматься одной страной — Соединенными Штатами — на основе субъективного восприятия Вашингтоном международной действительности»*²⁸.

Он указывал, что ЕС превращается в центр силы, сопоставимый по своим возможностям с США. Китай, Россия, Индия и Япония также не собираются следовать в хвосте событий, определяемых в Вашингтоне. Им была отмечена необходимость роли ООН в становлении многополярности. Ранее Примаков замечал, что *«неравномерность развития государств будет проявляться преимущественно в антагонистических формах, даже доминирующая держава исторически не сможет образовать однополярное мироустройство»*²⁹. Важно отметить, что он уже тогда отрицал лидерство США, указывая на стремительно растущие возможности других стран и альянсов. *«Падение американского противовеса — СССР не дает основания считать, что США — безусловный победитель, и, следовательно, мир должен быть однополярным, с единственным центром в Вашингтоне. Этому противоречит и сам ход мирового развития»*.

Это подтверждается следующими данными — ВВП Китая и Индии больше ВВП США. Лидерство США в научно-техническом прогрессе как одно из условий однополярного мира тоже сегодня активно оспаривается³⁰. Это подтверждается статистикой — к 2011 г. сложились четыре главных центра научного прогресса — США (31 % мировых расходов на НИ-ОКР по паритету покупательной способности), Европейский союз (24 %), Китай (14 %) и Япония (11 %)»³¹.

Примаков полемизировал с либералами и глобалистами, указывая, что «переход к многополярной системе — это процесс, а не одноразовое изменение, имеющее законченный характер. Поэтому большое значение приобретают различные тенденции, подчас противоречивые, проявляющиеся по мере этого перехода. Некоторые из них имеют своим источником неравно-

мерность развития государств, успехи или неудачи интеграционных объединений. Непосредственно сказывается и подвижное соотношение между, условно говоря, курсом на перезагрузку отношений и унаследованной у холодной войны инерционной линией поведения государств, укоренившейся во время периода откровенной конфронтации. Это соотношение двух тенденций проявляется и в политической, и в военной, и в экономической областях. Поэтому вывод, что многополярное мировое устройство само по себе в условиях глобализации не ведет к конфликтным ситуациям, военным столкновениям, не исключает весьма сложной обстановки, в которой осуществляется процесс перехода к такой системе»³².

В целом, Е.М. Примаков, будучи сторонником создания треугольника Россия-Индия—Китай, который мог бы сбалансировать агрессивное поведение США и другие вызовы, заслуженно считается одним из первых ответственных практиков многополярности.

Концепция «неоевразийства» другого российского политолога А.Г. Дугина также является одной из идеологических и интеллектуальных платформ для разработки многополярности. В материалах его идеологии говорится, что *«евразийство на уровне планетарного тренда — это глобальный революционный цивилизационный концепт, который, постепенно уточняясь, призван стать новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широкого конгломерата различных сил, государств, народов, культур и конфессий, отказывающихся от атлантической глобализации. Евразийство есть совокупность всех естественных и искусственных, объективных и субъективных препятствий на пути однополярной глобализации, причем возведенных от простого отрицания к позитивному проекту, к созидательной альтернативе»*. Хотя классическое евразийство было связано исключительно с судьбой России, которая характеризовалась как Евразия из-за своей уникальности, огромной территории и непосредственного расположения между «классической» Европой и Азией, концепция Дугина дополнила эту идеологию новыми методологиями и научными концептами. Таким образом, она получила глобальное измерение, вышла за пределы евразийского континента. В понимании Дугина «евразийство — это философия многополярной глобализации, призванная объединить все общества и народы земли в строительстве самобытного и оригинального мира, каждая составляющая которого органично проистекала бы из исторических традиций и местных культур»³³.

Довольно близким к данной формуле является мнение другого российского ученого Б. Мартынова, который отмечал, что новая, нарождающаяся многополярность не может быть никакой иной, кроме как цивилизационной. Он подчеркивает, что «...межцивилизационное общение — это реальность современного мира, в котором помимо государств и наряду с ними в

постоянные многопрофильные и многоуровневые международные контакты различного рода все больше вступают различные экономические и финансовые институты, негосударственные структуры, религиозные, предпринимательские, общественные объединения и, наконец, отдельные люди как представители своих цивилизационных архетипов. Кроме того, преимущество системы многополюсного мироустройства перед однополярной и биполярной в том, что для своего функционирования она должна основываться на праве. Верность этого наблюдения очевидна на примере однополюсного мира, существующего «по понятиям» главного игрока глобальной системы. Применимо оно и к биполярности, где каждый из двух «равноответственных» субъектов стремится к обеспечению «свободы рук» в своей зоне влияния, невзирая ни на какое международное право. Однако для взаимодействия нескольких крупных игроков, обладающих примерно сопоставимой мощью и влиянием, право необходимо для того, чтобы обеспечивать между ними разумный *modus vivendi*. Это тем более применимо к такой сложной системе, как цивилизационная многополярность»³⁴.

Тем не менее, далеко не все российские ученые и дипломаты указывали на положительный характер формирующейся многополярности. Например, директор Института США и Канады РАН С. Рогов заявлял, что «в новой полицентричной системе отсутствуют общие «правила игры», нормы и институты, которые могли бы эффективно регулировать взаимодействие центров силы — как сотрудничество, так и соперничество», поэтому тенденция к многополярности создает «неустойчивость и непредсказуемость эволюции современной системы международных отношений, создает угрозу выхода ситуации из-под контроля»³⁵.

Как «суверенная страна Россия способна самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути», — заявил Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ в 2018 г. Разумеется, что результаты и перспективы необратимого продвижения российского общества по избранному пути развития не могут быть осмыслены вне рамок тех перемен исторического масштаба, которые произошли в мире на рубеже 20-го и 21-го столетий, когда мировое сообщество вступило в сложный этап формирования новой системы международных отношений.

Исходную позитивную роль для запуска этого процесса, который обещает быть достаточно длительным, с сильным элементом неопределенности и непредсказуемости, сыграло прекращение изнурительного, жесткого противостояния между обладателями крупнейших ракетно-ядерных потенциалов и их союзниками, что не раз ставило человечество на грань катастрофы. После того как мировому сообществу удалось освободиться от пресса идеологической и политической конфронтации времен «холодной войны», в мире утвердились демократические, рыночные модели развития.

Широкое поле совпадающих интересов государств мира позволило преобразовать алгоритм международных отношений, открывая перспективные решения общечеловеческих проблем без сдерживающего влияния блоковой дисциплины и идеологических шор, хотя в сфере стратегической стабильности и контроля над вооружениями элементы двухполярной системы по-прежнему сохраняются.

Очерченные радикальные сдвиги не случайно совпали с набирающей обороты глобализацией. Она существенно сблизила различные мировые культуры благодаря новой динамике торгово-экономических связей, бурному совершенствованию средств информации и коммуникаций. Резко усилилась взаимозависимость государств: их безопасность и процветание стали неделимы.

В то же время процессы глобализации усугубили неравномерность мирового развития. Расширились региональные зоны напряженности — как открытой, так и тлеющей. На смену традиционным вызовам пришли иные угрозы безопасности и устойчивому развитию — международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, организованная преступность, наркотрафик, нелегальный оборот обычных вооружений, экологическая деградация, массовые эпидемии, техногенные катастрофы. Вызовы и угрозы нового поколения приобрели планетарный размах, а мировое сообщество далеко не сразу осознало эту опасность. Поначалу преобладающее хождение получили рассуждения о том, что утверждение принципов демократии и рыночной экономики само по себе явится регулирующим стержнем международных отношений. Такие надежды, однако, оказались иллюзорными, а стереотипы «холодной войны» — весьма живучими. Не обошлось также без пагубного воздействия дефицита доверия среди международных акторов, стремления приспособить окружающий мир под их односторонние интересы.

Как следствие, международные отношения стали утрачивать системообразующее начало. Переходный период в них принял противоречивый и затяжной характер, а сама попытка дать сколько-нибудь четкое определение новой системе международных отношений явилась серьезным вызовом. В результате сложилась ситуация, отличающаяся перманентной нестабильностью: приобретая все большую взаимозависимость, мир становится все менее безопасным. Лавина беспрецедентных террористических актов, обрушившаяся на многие страны в начале XXI в., наглядно продемонстрировала безотлагательную необходимость согласованного ответа на новые вызовы и придания глобальным процессам управляемого характера. При этом обозначились две методики реагирования на новые угрозы.

Первый — путь односторонних, в том числе превентивных, силовых действий, предпринимаемых в обход ООН и в нарушение международного

права. Подобная линия, несмотря на провозглашаемые «благие намерения», в конечном итоге провоцирует неоправданное соперничество, культивирует пренебрежение международными законами и многосторонними институтами. Возрастает опасность расшатывания несущей конструкции международного правопорядка, утраты предсказуемости мировой политики, расползания гонки вооружений.

Другой путь — коллективный поиск адекватных решений для устранения нарастающих политических, экономических, криминально-террористических рисков и — в долгосрочном плане — разработка стратегии управления глобализацией, что позволило бы всем нациям (а не только так называемому «золотому миллиарду») пользоваться ее плодами. Внедрению нового духа в международные отношения способствует сплоченность мирового сообщества, а не чьи-либо односторонние акции.

Российская Федерация — последовательный сторонник второго пути. По ее мнению, оптимальной моделью для всех стран — вне зависимости от размера территории, численности населения или потенциала в той или иной сфере — является демократическая многополярная система. Система, которая в полной мере учитывала бы законные интересы всех государств и в то же время предоставляла бы каждому из них надежную защиту с помощью международного права. Поэтому Россия выдвинула программу создания Глобальной системы противодействия новым угрозам и вызовам, которая получила признание и поддержку всех государств — членов ООН.

Приоритетная задача в ней — выработка такого мироустройства, которое гарантировало бы стабильность и безопасность на всех уровнях, содействуя нейтрализации нынешних вызовов и угроз и не допуская появления новых. Есть все объективные предпосылки для выстраивания демократического миропорядка, при котором каждое государство несло бы свою долю ответственности за будущее человечества, а мировое сообщество оберегало бы международное право и законные интересы каждого из его членов. Базисный принцип этой программы: безопасность и процветание через международное взаимодействие при сохранении национальной самобытности.

В этом смысл российской идеи многополюсности. Многополярный мир в ее понимании — это не столкновение полюсов и соперничество между ними, а утверждение в международной жизни коллективных начал, тесное взаимодействие основных мировых центров на основе равноправия и партнерства. Российский подход лишен элементов конфронтации и соперничества. Москва искренне заинтересована в сотрудничестве со всеми своими партнерами и уверена в том, что эффективное взаимодействие не должно строиться на религиозно-цивилизационном родстве или готовности признать все ценности и разделить взгляды тех, кто организует антитеррористи-

ческую деятельность. При всей важности прямого антитеррористического аспекта в международной деятельности им ограничиваться нельзя.

Требуется постоянный широкоформатный анализ причин, которые подпитывают международный терроризм. При этом прочный антитеррористический фронт не создать, если одни члены мирового сообщества для обеспечения собственной и коллективной безопасности будут использовать методы, противоречащие законным интересам других. Примером тому является — неурегулированность региональных или внутрисударственных этнических и/или конфессиональных конфликтов. Яркое подтверждение тому — ближневосточный конфликт, где палестино-израильское урегулирование перестало быть отдельной региональной проблемой: этот вопрос напрямую затрагивает отношения Запада с исламским миром.

Не менее важна перестройка отношений «Север—Юг». Из них нужно искоренить все, что порождало или сопровождало развитие терроризма на мировой арене, а именно — поднять уровень жизни той большей части населения планеты, которая находится за пределами «золотого миллиарда», хотя сводить корни возрастания международного терроризма исключительно к бедности Юга, и, что не менее существенно, устранить асимметрию в правах и возможностях «золотого миллиарда» и остального мира. Объективно назрела необходимость последовательных действий в различных направлениях, начиная от закладки правовых условий, благоприятствующих доступу населения Юга к мировым достижениям научно-технического прогресса, современного массового образования, и кончая прекращением всех видов дискриминации. Естественно, что становление справедливого миропорядка невозможно без обязательств и со стороны Юга — прежде всего соблюдения прав человека, демократизации общества, но не всегда и не во всем по «северному» образцу, без учета историко-культурных традиций.

Свежего осмысления также требуют отношения Запада и Востока. Государства, входящие в эти понятия, никогда не определялись по географическому принципу, а относились к этим полюсам по политическим мотивам. И нельзя не учитывать их специфику, когда речь идет о двоецентрии в стратегической ядерной области и насущной необходимости достижения договоренностей по трем взаимосвязанным чувствительным проблемам обеспечения международной безопасности — недопущению милитаризации космоса, противоракетным системам и нераспространению ОМУ.

Таким образом, Россия продолжает активно работать над формированием демократической многополярной модели миропорядка. В ее основу заложены следующие основные принципы.

Во-первых, новое мироустройство призвано отражать существование в мире различных центров влияния. Это потребует немалых усилий по гармоничной стыковке их интересов и разработке общей стратегии урегулирова-

ния международных конфликтов и других проблем общепланетарного характера.

Во-вторых, это мироустройство призвано опираться на результативное многостороннее сотрудничество, что предполагает надлежащую координацию деятельности ведущих международных структур. Схематически это можно представить в форме пирамиды, вершину которой образуют ООН и ее Совет Безопасности. Уровнем ниже расположены многочисленные региональные организации, взаимодействующие с ООН и соединенные между собой горизонтальными связями. Далее — плотная ткань двусторонних отношений. И, наконец, фундамент и своего рода цементирующий материал всей конструкции — международное право.

В-третьих, Россия полностью отдает себе отчет в неизбежных трудностях на избранном пути, но не считает такую модель утопической. Более того, РФ полагает, что ее неуклонное воплощение в жизнь — по силам мировому сообществу посредством конструктивного, убеждающего диалога между всеми заинтересованными сторонами, а не навязывания кому-либо субъективных воззрений. В своем подходе к формированию нового мироустройства Россия не одинока. Ее позицию разделяет широкий круг государств, которые считают, что многостороннему сотрудничеству и укреплению международного правопорядка при центральной координирующей роли ООН в современном мире нет альтернативы.

В-четвертых, Россия и впредь будет намерена и далее играть самую активную роль в построении новой модели мироустройства — создание внешних условия, надежно гарантирующих безопасность и процветание граждан РФ, и достичь которые можно в случае, если мировое сообщество сможет выработать необходимые базовые принципы для межгосударственных отношений на современном этапе развития человечества.

Важную роль при этом будет играть повышение активности России в борьбе с глобальными и региональными вызовами и угрозами.

2.2. Повышение роли России в борьбе с глобальными и региональными угрозами

Предпринимаемые шаги России в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом в рамках ООН

В обострившихся международных условиях РФ продолжает энергичное и инициативное участие в международном антитеррористическом сотрудничестве, прежде всего на площадках ООН, ряда других авторитетных многосторонних организаций, а также в двустороннем формате. При этом Рос-

сия разделяет серьезные опасения мирового сообщества по поводу глобальной террористической угрозы, которая приобрела в последние несколько лет качественно новое и тревожное измерение, связанное с выходом в лидеры «террористического интернационала» группировки ИГИЛ, поднявшей террористическое насилие на невиданный уровень жестокости и претендующей — впервые в истории — на создание собственного террористического «псевдогосударства»³⁶.

Важно не забывать и о «генезисе» такого опаснейшего развития событий, прежде всего на пространстве Ближнего Востока и Северной Африки. Для российских властей стало очевидно, что в свое время ряд ведущих мировых игроков приняли за безответственную «геополитическую инженерию» в этом регионе, предусматривавшую в основе своей целенаправленное и системное вмешательство во внутренние дела независимых стран, дестабилизацию и свержение «неудобных» режимов. Именно такая самоуверенная политика во многом привела к разрушению традиционных механизмов государственного управления и обеспечения безопасности в регионах Ближнего Востока и Северной Африки, бесконтрольному расползанию в них оружия, спровоцировала небывалый всплеск «радикализации» местного населения и, в итоге, привела к разгулу боевой активности террористических и экстремистских структур, прежде всего ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусра», и не только их.

Крайнюю озабоченность у России вызывают такие общемировые, «политические» тренды нынешнего международного терроризма, как эффективное использование террористами острых протестных настроений в обществе, умелое «вплетение» терроризма и его носителей в ткань региональных и внутренних конфликтов, проникновение террористических групп и лидеров в глубь оппозиционных движений, перехват ими инициативы и последующее вытеснение оттуда ответственных и конструктивных политических сил.

Поэтому РФ твердо исходит из того, что с глобальной террористической угрозой надо бороться сообща, на подлинно коллективной основе, при центральной координирующей роли ООН и соблюдении норм международного права, без «двойных стандартов». Принципиальная позиция России состоит и в том, что основу подлинно эффективной стратегии по решающему и окончательному пресечению угроз, исходящих от крупнейших террористических группировок во главе с ИГИЛ, должна в итоге составить международная коалиция, действующая на полностью легитимной основе решений ООН, твердо приверженная в своих действиях нормам международного права.

Шагом в этом направлении могут стать ныне предпринимаемые усилия по обеспечению должной и эффективной координации действий противо-

стоящих ИГИЛ государств в регионах мира в меру их возможностей и с согласия государств, на территории которых такая борьба ведется. При этом Россия вносит весомый вклад в укрепление международной системы противодействия терроризму, придавая в этом плане первостепенное значение задачам выполнения Глобальной контртеррористической стратегии ООН, антитеррористических резолюций СБ и Генеральной Ассамблеи ООН, эффективной имплементации и расширению числа участников универсальных антитеррористических конвенций.

Российская сторона принимает активное участие в необходимом совершенствовании нормативных рамок международного контртерроризма, в частности, она сыграла определяющую роль в разработке важнейших для актуальных задач антитеррористического сотрудничества резолюций Совета Безопасности ООН 2170 и 2178 (2014 г.)³⁷, нацеленных на пресечение деятельности ИГИЛ и на борьбу с феноменом «иностранных террористов-боевиков». Принимая во внимание существенное финансовое укрепление ряда террористических организаций в Сирии и Ираке за счет нелегальной торговли нефтью, принципиально важной задачей эффективной имплементации соответствующих резолюций СБ ООН 2199³⁸, Россия энергично поддерживает усилия Контртеррористического комитета СБ ООН и его Контртеррористического исполнительного директората по мониторингу выполнения государствами базовой антитеррористической резолюции СБ 1373 (2001 г.), предметного диалога со странами по резолюциям 1624 (2005 г.)³⁹ и 2178 (2014 г.)⁴⁰.

В условиях роста угроз со стороны ИГИЛ, «Аль-Каиды» и связанных с ней группировок Россия рассматривает в качестве весьма актуальной задачу повышения эффективности имеющегося «антиалькаидовского» санкционного режима СБ ООН. Наряду с введением более прозрачных процедур деятельности Комитета ООН важным является обеспечение неукоснительного выполнения государствами своих обязательств по применению санкционных мер в отношении фигурантов соответствующего списка.

По мнению России применительно к антиталибскому Комитету СБ ООН необходимо делать акцент на недопущении размывания его антитеррористической направленности, на противодействии попыткам конъюнктурного использования этого инструмента в целях некоей политической «легитимизации» талибов в рамках процесса национального примирения в Афганистане. Россия активно участвует в деятельности Центра ООН по вопросам борьбы с терроризмом и выступает за согласование проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, которая содержала бы общепризнанное определение терроризма. Она исходит из необходимости найти такое решение, которое было бы приемлемым для всех государств-членов ООН. Только тогда данная конвенция сможет реально стать

всеобъемлющей и послужит эффективным инструментом мирового сообщества в борьбе с терроризмом.

В увязке с задачами предупреждения терроризма, в том числе в плане борьбы с подстрекательством к террористическим преступлениям и с учетом важности антитеррористического партнерства с институтами гражданского общества, Россия рассматривает привлекающие все большее международное внимание вопросы противодействия «насильственному экстремизму». Все более акцентированный и конкретный интерес мирового сообщества к данной проблематике, тем более что многонациональная и многоконфессиональная Россия в этой сфере имеет уникальный исторический опыт обеспечения взаимного уважения и взаимного понимания наций и религий, РФ поддерживает это направление в борьбе с экстремизмом. Своим опытом Россия готова инициативно и открыто делиться с зарубежными партнерами.

При этом, в активно продвигаемых международных инициативах борьбы с насильственным экстремизмом, включая инициативу «вашингтонского саммита 2015 г.», российскую сторону беспокоит явная неготовность их авторов четко и однозначно признать важность опоры всякого антиэкстремистского сотрудничества на международное право и Устав ООН, обязательность неукоснительного соблюдения таких принципов, как суверенитет и равноправие государств, невмешательство в их внутренние дела.

Для России попытки в рамках подобных инициатив продвигать цели борьбы с экстремизмом, минуя законные правительства независимых государств, в поддержку «независимого», или, «международного гражданского общества», будут только потворствовать экстремизму, что в итоге может привести к дестабилизации ситуации в отдельных странах и усугублению угроз террористического характера. При этом РФ удовлетворена адекватным отражением в принятой 1 июля 2016 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по обзору Глобальной контртеррористической стратегии вопросов реализации «Плана действий Генерального секретаря ООН по предупреждению насильственного экстремизма», в частности, призывом учитывать различный опыт и национальные приоритеты государств в антиэкстремистской деятельности.

Россия исходит из того, что эффективная борьба с терроризмом невозможна без надежного перекрытия источников его финансирования, как того требуют профильные резолюции СБ ООН и международные стандарты Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег. В связи с этим РФ уделяется повышенное внимание наращиванию международного сотрудничества в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. При этом важное значение имеет укрепление многостороннего сотрудничества, усиление роли международного института в проти-

водействию финансированию терроризма. РФ последовательно выступает за то, чтобы деятельность Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег носила неполитизированный, сугубо технический характер.

Так, в рамках российского председательства в этой структуре был реализован масштабный проект, направленный на выявление незаконных финансовых потоков от производства и оборота афганских наркотиков. В ходе проведенного исследования было установлено наличие взаимосвязи между доходами от афганского наркотрафика и финансированием терроризма, а также выявлены финансовые центры по отмыванию афганских наркодолов. Важно и впредь, чтобы данные юрисдикции оставались на контроле этой Группы в ходе очередных раундов ее заседаний и анализировались предпринимавшие меры по недопущению легализации афганских наркодолов.

На сегодняшний день наиболее актуальными также представляются усилия по борьбе с финансовой подпиткой ИГИЛ. На октябрьском и чрезвычайном декабрьском пленумах Группы в 2015 г. Россия ставила вопрос о том, чтобы ее стандарты, в частности, Рекомендация 5 (тематика противодействия финансированию терроризма), учитывали необходимость всеобъемлющего выполнения государствами разработанных резолюций СБ ООН 2199 и 2253⁴¹, вводящих запрет на торговлю с ИГИЛ сирийской и иракской нефтью. Россия предложила задействовать в этих целях существующие механизмы СБ ООН для оказания давления на государства, не выполняющие юридически обязывающие решения Совета Безопасности по лишению ИГИЛ финансовой подпитки.

Важным является и принятое по инициативе России в декабре 2015 г. решение о том, что усилия Группы на ближайшую перспективу будут сфокусированы преимущественно на вопросах противодействия финансированию терроризма. Этой теме с акцентом на финансовые потоки, связанные с ИГИЛ, было посвящено прошедшее 13—19 февраля 2016 г. в Париже пленарное заседание ФАТФ, на котором Россия продолжала продвигать принципиальную линию, направленную на повышение эффективности и практической отдачи от совместных с партнерами по Группе действий.

РФ приняла активное участие в исследованиях по выявлению каналов финансовой подпитки ИГИЛ, а также новых, «нетрадиционных» источников финансирования терроризма. Сейчас задача видится в скорейшем переходе к практической фазе по идентификации конкретных государств, физических и юридических лиц, вовлеченных в экономические отношения с ИГИЛ. При этом РФ привержена развитию двусторонних связей по тематике противодействия финансированию терроризма, в том числе оказывает международным партнерам необходимую экспертную помощь. В этих целях российская сторона приглашает зарубежных специалистов на обучение по

профильным программам в Международном учебно-методическом центре финансового мониторинга. Россия заинтересована в наращивании взаимодействия между региональными группами в целях укрепления глобальной системы противодействия подпитки терроризма. Россия также привержена развитию и укреплению многостороннего диалога по этой проблематике между подразделениями финансовой разведки по каналам Группы подразделений финансовой разведки «Эгмонт». При этом Россия традиционно играет одну из ключевых ролей в решении мировой проблемы наркотиков, и является стороной трех профильных международных конвенций в сфере контроля над наркотиками — Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г.⁴², Конвенции о психотропных веществах 1971 г.⁴³ и Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.⁴⁴, она также является членом Комиссии ООН по наркотическим средствам.

Основной целью внешнеполитических усилий России на антинаркотическом направлении является значительное сокращение производства и потребления опиатов, кокаина, каннабиса, а также синтетических наркотиков и новых психоактивных веществ с долгосрочной перспективой по созданию общества, свободного от наркотиков.

Решение этих задач должно основываться на принципах общей и совместной ответственности всех государств за решение мировой проблемы наркотиков, комплексного и сбалансированного подхода к стратегиям и мерам по сокращению спроса и предложения на наркотики, включая недопустимость легализации употребления наркотиков в немедицинских целях. В условиях ухудшения ситуации с незаконным производством наркотиков в Афганистане и их контрабандой, в том числе в Россию, приоритетом РФ является активизация комплексных международных усилий, направленных на борьбу с афганской наркоугрозой, которая квалифицирована в ряде документов ООН в качестве угрозы международному миру и стабильности.

При этом РФ — член Комитета экспертов Совета Европы по оценке мер противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма с момента основания Комитета в 1997 г., инициатор создания в 2004 г. Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма, наблюдатель в Азиатско-Тихоокеанской группе по противодействию отмыванию денег с 2010 г. Функции этих групп в России выполняет Федеральная служба по финансовому мониторингу.

Россия совместно с Францией стали инициаторами инициативы Парижского пакта — международного механизма с участием более 50 государств и международных организаций, нацеленного на борьбу с опиатами афганского происхождения. Одновременно РФ придает важное значение

реализации Итогового документа состоявшейся в Нью-Йорке 19—21 апреля 2016 г. Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по мировой проблеме наркотиков в контексте достижения целей и задач, сформулированных в Политической декларации 2009 г. и Плана действий до 2019 г. Для этого правительство России ежегодно выделяет 2 млн долл. в качестве добровольного взноса в Фонд Управления ООН по наркотикам и преступности, которые идут на поддержку антинаркотических и антикриминальных проектов Управления.

Важную роль в антитеррористической деятельности играет сотрудничество России с государствами СНГ.

Антитеррористическое сотрудничество в рамках СНГ

Сотрудничество в борьбе с террористической угрозой на пространстве СНГ осуществляется в рамках Антитеррористического центра государств-участников СНГ (АТЦ СНГ) и в двустороннем формате. Решение о создании Центра принято на саммите СНГ в июне 2000 г. Положение о нем утверждено Советом глав государств СНГ в декабре 2000 г. Штаб-квартира АТЦ расположена в г. Москве. Центр также имеет отделение в г. Бишкеке (Киргизия) (рис. 2.4).

АТЦ СНГ является самостоятельным постоянно действующим отраслевым органом Содружества, призванным обеспечить координацию взаимодействия спецслужб и правоохранительных органов государств-участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. В его компетенцию входит содействие профильным органам стран Содружества в проведении оперативных мероприятий и комплексных операций по борьбе с международным терроризмом, в осуществлении межгосударственного розыска преступников, а также в организации подготовки специалистов антитеррористических подразделений.

Отдельной задачей является обеспечение информационного обмена со спецслужбами и правоохранительными структурами, органами отраслевого сотрудничества, сбор и анализ информации о состоянии и тенденции развития террористической обстановки. В рамках Центра функционирует банк данных, содержащий сведения о лицах, объявленных в межгосударственный розыск по обвинению в совершении преступлений террористического характера, и вероятных местах их укрытия. Сотрудники АТЦ участвуют в подготовке нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы деятельности Центра, а также разработке и правовом сопровождении проектов документов, направленных на совершенствование международно-правовой базы борьбы с терроризмом и экстремизмом.

В своей деятельности Центр руководствуется трехлетними Программами сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и

Рис. 2.4. Структура антитеррористического центра участников СНГ.

Источник: URL: https://yandex.ru/images/search?pos=0&img_

иными насильственными проявлениями экстремизма. 16 сентября 2016 г. на заседании СГГ СНГ в Бишкеке утверждена Программа на 2017—2019 гг. При этом АТЦ взаимодействует с профильными структурами в рамках Содружества — Советом руководителей органов безопасности и специальных служб, Советом командующих Пограничными войсками, Советом министров обороны, Советом министров внутренних дел, Советом руководителей таможенных служб, Координационным советом генеральных прокуроров, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и другими видами преступлений на территории СНГ и др.

Центр на основе двусторонних меморандумов и протоколов строит отношения с рядом международных организаций и структур: Исполнитель-

ным директором Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН, Управлением ООН по наркотикам и преступности, Региональной антитеррористической структурой Шанхайской организации сотрудничества, Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности, Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма и др.

Проблематика новых вызовов и угроз в формате ОДКБ является неотъемлемым элементом обеспечения региональной безопасности на постсоветском пространстве. С целью повышения эффективности в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами осуществляется работа по реализации поставленной Советом коллективной безопасности в 2006 г. задачи по трансформации Организации в многофункциональную структуру противодействия всему спектру вызовов и угроз безопасности государств-членов.

В октябре 2016 г. в ОДКБ была утверждена Стратегия коллективной безопасности до 2025 г., а также принято Совместное заявление государств-членов Организации о противодействии международному терроризму⁴⁵. При Совете министров иностранных дел ОДКБ с 2006 г. действует Рабочая группа по Афганистану. Среди основных направлений ее работы — мониторинг ситуации в Афганистане, оказание помощи Таджикистану в укреплении таджикско-афганской границы, а также подготовка кадров для антинаркотических, правоохранительных и пограничных структур Афганистана и стран Центральной Азии в высших учебных заведениях государств — членов ОДКБ.

При Комитете секретарей советов безопасности ОДКБ функционируют рабочие группы по вопросам борьбы с терроризмом, противодействию незаконной миграции, информационной политике и безопасности. В декабре 2014 г. была одобрена Антинаркотическая стратегия государств-членов⁴⁶, создан Консультационный координационный центр ОДКБ по вопросам реагирования на компьютерные инциденты. А в октябре 2016 г. был создан Центр кризисного реагирования, на который возложены функции по информационно-аналитическому и организационно-техническому сопровождению процесса выработки решений уставными органами Организации.

Кроме того, в феврале 2009 г. были сформированы Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ, и ежегодно регулярно проводятся их совместные комплексные учения с участием континентов и оперативных групп государств-членов ОДКБ

С 2004 г. на регулярной основе проводятся учения Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона, в том числе с разработкой антитеррористических задач. В 2016 г. в апреле в Таджикистане состоялась первое совместное учение сил и средств разведки вооруженных сил государств — членов ОДКБ «Поиск-2016», в мае на территории Армении

были проведены тактико-специальные совместные учения «Кобальт-2016» подразделений органов внутренних дел (полиции), в июле на территории Киргизии — совместное командно-штабное учение «Рубеж-2016», в августе в Белоруссии и в России состоялись учения «Нерушимое братство-2016» и «Взаимодействие — 2016». В ходе маневров отрабатывались тренировочные операции по отражению вторжения на территорию государства — члена ОДКБ незаконных вооруженных формирований, деятельность подразделений по защите от хакерских и информационно-психологических атак (рис. 2.5).

ОДКБ поддерживает контакты со структурами ООН, включая Контр-террористический комитет СБ ООН, Управление ООН по наркотикам и преступности. В сентябре 2016 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и Исполнительным секретариатом СБ ООН. Действуют аналогичные документы между Секретариатом ОДКБ и Секретариатом ШОС, а также Исполнительным комитетом СНГ. В октябре 2016 г. был разработан механизм формирования и утвержден Единый список организаций, признанных террористическими в формате ОДКБ.

В целях борьбы с преступлениями в информационной среде в ОДКБ осуществляется операция постоянного действия «ПРОКСИ» / «Противо-

Рис. 2.5. Структура ОДКБ.

Источник: URL: https://yandex.ru/images/search?pos=3&img_

действие криминалу в сфере информации». В качестве перспективного направления сотрудничества в рамках ОДКБ рассматривается обеспечение безопасности спортивных и других крупных международных мероприятий, в том числе с учетом опыта состоявшихся в России Всемирной летней универсиады, Зимних Олимпийских и Паралимпийских игр, Чемпионата мира по футболу 2018 г. и Всемирной зимней универсиады в Красноярске 2019 г.

Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС) была учреждена в соответствии с Соглашением между государствами — членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре от 7 июня 2002 г. Она является постоянно действующим органом ШОС и предназначена для содействия координации и

Рис. 2.6. Шанхайская организация сотрудничества.

Источник: URL: https://yandex.ru/images/search?pos=3&img_

взаимодействия компетентных органов государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Основными задачами и функциями РАТС ШОС являются разработка предложений и рекомендаций о развитии сотрудничества для соответствующих структур ШОС; содействие компетентным органам государств-членов ШОС; сбор и анализ информации, поступающей в РАТС от государств — членов ШОС; участие в подготовке международно-правовых документов; содействие в подготовке специалистов и инструкторов для антитеррористических подразделений; установление и поддержание рабочих контактов с международными организациями, занимающимися вопросами борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (рис. 2.6).

При РАТС ШОС учрежден институт постоянных представителей государств-членов ШОС. В июне 2012 г. президент РФ В.В. Путин выступил с инициативой о реформировании РАТС ШОС и последующем создании на ее базе универсального Центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности, главной задачей которого должно стать комплексное противодействие международному терроризму и экстремизму, незаконному обороту наркотиков, транснациональной организованной преступности. В рамках реализации предложения В.В. Путина в июле 2014 г. МИД России выступил с предложением сформировать на первом этапе Рабочую группу по противодействию финансированию терроризма наркобизнесом. Советом глав государств — членов ШОС была утверждена Программа сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2016—2018 гг. По инициативе российской межведомственной делегации 8 апреля 2016 г. Советом РАТС ШОС утвержден Алгоритм совместных действий компетентных органов государств — членов ШОС по противодействию вызовам и угрозам, исходящим от ИГИЛ.

Международная информационная безопасность

В 3-м тысячелетии информационно-коммуникационные технологии превратились в один из основных вызовов глобального развития. Виртуальное пространство все чаще используется в военно-политических, криминальных и террористических целях. Мишенью компьютерных атак становятся государства и частные компании, а зачастую и рядовые граждане. Интернет активно «осваивают» террористы и преступники. Не отстают от них отдельные страны, которые наращивают военный потенциал в цифровой сфере, создают системы массовой электронной слежки.

Россия традиционно рассматривает данную проблематику как единую «триаду» угроз военно-политического, террористического и криминального характера. И исходит из того, что в сложившихся условиях необходимо сосредоточить международные усилия на предотвращении конфликтов в ин-

формационном пространстве, не допустить противоправного применения этих технологий и гарантировать соблюдение прав человека в цифровой сфере.

Очевидно, наиболее эффективной формой международного сотрудничества в области противодействия всему комплексу угроз в этой сфере станет принятие универсальных правил ответственного поведения государств в информационном пространстве. Такие правила должны закрепить в цифровой сфере принципы неприменения силы, уважения государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела других государств, уважения основных прав и свобод человека, а также равные права для всех государств на участие в управлении сетью Интернет.

Россия совместно с государствами — членами ШОС, партнерами по БРИКС и СНГ активно продвигает на международной арене соответствующие миротворческие инициативы. Именно страны ШОС инициировали предметное обсуждение правил поведения государств в информационном пространстве. В 2012 г. ими был подготовлен и распространен в ООН проект «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности»⁴⁷. В ходе 70-й сессии Генассамблеи ООН в 2016 г. консенсусом принят российский проект резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Резолюция получила рекордное число соавторов — 84 государства.

Данный документ предполагает создание Группы правительственных экспертов ООН, мандат которой включает в себя исследование того, как международное право применяется к использованию информационно-коммуникационных технологий государствами, а также норм и правил ответственного поведения государств, мер укрепления доверия и наращивания потенциала, которые являются важным условием предотвращения потенциально конфликтных ситуаций. Большая работа в этом направлении проделана в рамках ОБСЕ. В декабре 2013 г. Постоянный совет ОБСЕ утвердил «Первоначальный перечень мер укрепления доверия в рамках ОБСЕ с целью снижения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационно-коммуникационных технологий», что впервые создало региональный механизм взаимодействия государств в целях противодействия угрозам в этой сфере и дало старт формированию «страховочной сетки» в информационной сфере на пространстве от Ванкувера до Владивостока.

Нет сомнения в том, что потребности развивающихся стран в информационно-коммуникационной сфере должны быть учтены, однако практическое наполнение данной тематики требует конкретизации. В связи с этим важно гарантировать, чтобы программы «наращивания потенциала» не использовались в качестве прикрытия для вмешательства во внутренние дела государств-получателей, а переданные технологии не применялись впослед-

ствии в целях, не совместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности.

При этом борьба с преступностью в глобальном информационном пространстве осложняется отсутствием полноценной международно-правовой базы сотрудничества государств. В связи с этим РФ последовательно выступает с инициативой разработки под эгидой ООН универсальной конвенции по противодействию информационной преступности. В вопросах использования Интернета Россия исходит из стратегической задачи интернационализации управления данной сетью и повышения в этом контексте роли Международного союза электросвязи. Необходимо обеспечить равные права для всех государств на участие в управлении сетью Интернет и суверенное право государств на регулирование и обеспечение безопасности ее национального сегмента.

Проблематика новых вызовов и угроз в рамках партнерства Россия—АСЕАН

С июля 1996 г. Россия является полноправным партнером по диалогу с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Министр иностранных дел России ежегодно участвует в Постминистерских конференциях Ассоциации с диалоговыми партнерами в формате «АСЕАН+1». 19—20 мая 2016 г. состоялся юбилейный саммит Россия—АСЕАН в Сочи, приуроченный к 20-летию установления отношений Диалогового партнерства. В ходе мероприятия лидеры подтвердили важность дальнейшего укрепления сотрудничества в интересах эффективного противодействия терроризму, другим вызовам и угрозам безопасности. Первоочередные задачи на этом направлении закреплены в принятой 20 мая Сочинской декларации, а также в Комплексном плане действий, включающем расширенный раздел по борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью и раздел по сотрудничеству в сфере информационно-коммуникационных технологий. Ежегодно в рамках Диалогового партнерства Россия—АСЕАН проходят Сообщание старших должностных лиц по транснациональной преступности и заседание Совместной рабочей группы по борьбе с терроризмом. Оба мероприятия проводятся в межведомственном формате (с российской стороны — МИД, ФСБ, МВД и Росфинмониторинг) при координирующей роли России.

В рамках межведомственного формата осуществляется сотрудничество по следующим направлениям: борьба с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, транснациональной организованной преступностью и пиратством, ОМУ-терроризмом, противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма, защита критически важной инфраструктуры, обеспечение кибербезопасности.

При координирующей роли МИД РФ были проведены обучающие курсы для представителей правоохранительных органов и специальных служб стран АСЕАН по проблематике борьбы с терроризмом и экстремизмом, включая аспекты противодействия финансированию терроризма. С тех пор подобные мероприятия по повышению квалификации проходят на ежегодной основе. Аналогичные курсы по линии ФСБ и МВД получили высокую оценку партнеров.

Проблематика новых вызовов и угроз в рамках Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), созданного в 1994 г., является ведущим механизмом общерегионального политического диалога по всему спектру вопросов обеспечения мира и стабильности в АТР.

АРФ объединяет 27 участников: 10 стран АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппины), 10 диалоговых партнеров Ассоциации (Австралию, Индию, Канаду, Китай, Новую Зеландию, Республику Корея, Россию, США, Японию и Евросоюз), а также Бангладеш, Восточный Тимор, КНДР, Монголию, Пакистан, Папуа-Новую Гвинею и Шри-Ланку. Заявки на участие подали Казахстан, Киргизия и Афганистан.

Укрепление многопланового сотрудничества с государствами — участниками АРФ по противодействию терроризму является одним из российских приоритетов. Эта проблематика регулярно обсуждается в рамках межсессионных встреч по противодействию терроризму и транснациональной преступности. Основное внимание этих встреч сосредоточено на вопросах консолидации усилий стран-участниц по ликвидации любых форм материальной и финансовой подпитки ИГИЛ. В сфере антитеррора согласованные обязательства участников зафиксированы в «Рамочных договоренностях о сотрудничестве между участниками АРФ в области противодействия терроризму и транснациональной преступности», утвержденных в 2007 г.

Основные направления взаимодействия Межсессионной группы поддержки по мерам доверия и превентивной дипломатии на контртеррористическом треке в формате АРФ определены Рабочим планом по борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью, который регулярно актуализируется в целях консолидации усилий государств-участников АРФ на ключевых вопросах повестки дня профильных межсессионных встреч Форума.

Действующим в настоящее время Рабочим планом в 2015—2017 гг. были закреплены такие приоритетные для России направления, как обеспечение безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий, борьба с незаконным оборотом наркотиков, ОМУ-терроризмом, торговлей людьми, радикализацией общественных настроений. По предложению России в документ включена также проблематика противодействия

отмыванию денег и финансированию терроризма. Рабочая группа АТЭС по борьбе с терроризмом Форум «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» является приоритетной для России региональной площадкой, позволяющей максимально эффективно осуществлять и продвигать конкретные инициативы, направленные на борьбу с терроризмом. Так, в 2011 г. при активном участии российской стороны была разработана и одобрена лидерами Форума Консолидированная антитеррористическая стратегия АТЭС. Эта стратегия является действенным многосторонним механизмом обмена информацией о террористических угрозах в АТР, основой для обсуждения таких актуальных вопросов, как обеспечение транспортной, продовольственной, пограничной и кибербезопасности, противодействие финансированию терроризма и пресечение трансграничных перемещений иностранных террористов-боевиков, обеспечение безопасности проведения крупных международных мероприятий и критически важной инфраструктуры, привлечение возможностей деловых кругов в борьбе с новыми вызовами и угрозами на пространстве АТЭС.

Кроме того, важную роль в борьбе с глобальными и региональными вызовами и угрозами играет политическое взаимодействие России с другими государствами мира.

2.3. Совершенствование политического взаимодействия России с государствами мира

Участие России в формировании нового мироустройства

Многообразие и сложность международных проблем и кризисных ситуаций на планете предполагают своевременную оценку приоритетности каждой из них во внешнеполитической деятельности РФ. При этом использование политико-дипломатических, правовых, военных, экономических, финансовых и иных инструментов при решении внешнеполитических задач России должно быть соразмерно их реальному значению для обеспечения ее внешнеполитических интересов и осуществляться с должной скоординированностью действий всех ветвей власти и соответствующих ведомств⁴⁸ (рис. 2.7).

При этом Россия заинтересована в стабильной системе международных отношений, основанной на принципах равноправия, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества государств и опирающейся на международное право. Такая система призвана обеспечить надежную и равную безопасность каждого члена мирового сообщества в политической, военной,

Рис. 2.7. Система политических отношений в государстве.

Источник: URL: http://images.myshared.ru/10/962130/slide_23.jpg

экономической, информационной, гуманитарной и иных областях. Ее главный инструмент — многосторонняя дипломатия.

Центром регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI в. должна оставаться ООН, которая доказала свою безальтернативность и наделена уникальной легитимностью. Россия поддерживает усилия по укреплению ее центральной и координирующей роли. Это предполагает:

неуклонное соблюдение целей и принципов, зафиксированных в Уставе ООН;

рациональное реформирование ООН в целях ее планомерной адаптации к меняющимся политическим и экономическим реалиям в мире;

дальнейшее повышение эффективности деятельности Совета Безопасности ООН, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, придание этому органу в процессе реформирования большей обеспеченности оперативности в его работе. Любые решения по созданию дополнительных мест в СБ ООН должны приниматься на основе самого широкого согласия государств — членов ООН, при этом статус пяти постоянных членов его Совета Безопасности должен быть сохранен.

Россия придает большое значение повышению управляемости мирового развития, созданию саморегулируемой международной системы, что требует коллективного лидерства ведущих государств мира, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношении и осуществляться при полном уважении центральной и координирующей роли ООН. В этих целях Россия будет наращивать взаимодействие и диалог с ее традиционными партнерами — с государствами РИК, БРИК, БРИКС,

а также с использованием других неформальных структур и диалоговых площадок.

РФ также последовательно выступает за укрепление правовых основ в международных отношениях, добросовестно соблюдает международно-правовые обязательства. Верховенство права призвано обеспечить мирное и плодотворное сотрудничество государств при соблюдении баланса их зачастую не совпадающих интересов, а также при обеспечении интересов мирового сообщества в целом. Соблюдение международного права важно для обеспечения интересов России, ее граждан и юридических лиц. Для этого она намерена:

добиваться соблюдения участниками международных отношений международных обязательств как перед Россией, так и перед международным сообществом в целом;

бороться с нарушениями международного права со стороны государств, международных организаций, негосударственных образований и отдельных лиц. В условиях глобализации вызовов и угроз безопасности и устойчивому развитию еще более важной становится роль СБ ООН как универсального механизма обеспечения международной законности;

противодействовать попыткам отдельных государств или групп государств подвергнуть ревизии общепризнанные нормы международного права, отраженные в универсальных документах — Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 г.⁴⁹, а также в Заключительном акте СБСЕ 1975 г.⁵⁰. Для международного мира и правопорядка особенно опасны осуществляемое в угоду политической конъюнктуры и интересам отдельных государств произвольное толкование таких важнейших международно-правовых норм и принципов, как неприменение силы и угрозы силой, мирное разрешение международных споров, уважение суверенитета государств и их территориальной целостности, право народов на самоопределение, а также попытки выдать нарушение международного права за его «творческое» применение. Такие действия размывают содержание международного права и наносят его авторитету непоправимый урон;

содействовать кодификации и прогрессивному развитию международного права, прежде всего, осуществляемому под эгидой ООН, достижению универсального участия в международных договорах ООН, их единообразному толкованию и применению, в целом — бережному отношению к этим правовым инструментам и созданным ими режимам;

работать в направлении укрепления международно-правовых основ сотрудничества в рамках СНГ, в других региональных и субрегиональных форматах, постановки на твердую и современную правовую основу наших

стратегических отношений с Европейским союзом, построения подлинно общеевропейского правового пространства под эгидой Совета Европы;

вести дело к завершению международно-правового оформления государственной границы РФ, а также границ морских пространств, в отношении которых она осуществляет суверенные права и юрисдикцию.

В сфере международной безопасности Россия последовательно выступает за снижение роли фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности. В этих целях она:

неукоснительно соблюдает свои международные обязательства по международным договорам в сфере нераспространения ОМП, контроля над вооружениями и разоружения, а также принимает меры по укреплению доверия в военной сфере и участвует в разработке новых договоренностей в этих областях, отвечающих ее национальным интересам, на основе принципов равноправия и неделимости безопасности;

подтверждает неизменность своего курса на развитие многосторонних основ нераспространения ядерного оружия, других видов ОМП и средств их доставки;

выступает за соблюдение Договора о нераспространении ядерного оружия⁵¹, Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, а также Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении;

активно участвует в международных усилиях в сфере контроля за оборотом материалов и технологий двойного назначения; содействует скорейшему вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и выступает за создание глобального режима ракетного нераспространения на основе юридически обязывающей договоренности. Готова вести переговоры со всеми ядерными державами в целях сокращения стратегических наступательных вооружений до минимального уровня, достаточного для поддержания стратегической стабильности;

выступает за недопущение вывода оружия в космос, за создание системы коллективного реагирования на возможные ракетные угрозы на равноправной основе и против односторонних действий в области стратегической противоракетной обороны, дестабилизирующих международную обстановку;

считает, что фундаментальные тенденции современного развития, включая нарождающуюся многополярность, и диверсификация рисков и угроз подводят к выводу о том, что решение проблем стратегической стабильности не может более оставаться только сферой взаимоотношений между РФ и США. Объективно приходит время открыть эти рамки для веду-

щих государств, прежде всего ядерных, заинтересованных в совместных действиях, направленных на обеспечение общей безопасности. В этом — смысл стратегической открытости, лежащей в основе российских инициатив, в частности по коллективному противодействию возможным ракетным угрозам Европе и по приданию глобального характера режиму Договора между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г.⁵²;

последовательно выступает за недопущение гонки вооружений, противодействует попыткам создания и развертывания дестабилизирующих, в том числе новых, видов вооружений: ядерных зарядов малой мощности, межконтинентальных баллистических ракет с неядерными боеголовками, систем стратегической противоракетной обороны;

уделяет особое внимание обеспечению международной информационной безопасности в качестве важного элемента укрепления стратегической стабильности;

поддерживает международные усилия по противодействию незаконному обороту легкого и стрелкового оружия;

считает международное миротворчество действенным инструментом урегулирования вооруженных конфликтов и решения задач государственного строительства на посткризисной стадии и намерена наращивать свое участие в международной миротворческой деятельности под эгидой ООН и в рамках взаимодействия с региональными и международными организациями; будет вносить активный вклад в совершенствование превентивного антикризисного потенциала ООН;

твердо исходит из того, что санкционировать применение силы в целях принуждения к миру правомочен только СБ ООН;

рассматривает ст. 51 Устава ООН как адекватную и не подлежащую ревизии правовую основу для применения силы в порядке самообороны, в том числе в условиях существования таких угроз миру и безопасности, как международный терроризм и распространение ОМП;

рассматривает как важнейшую национальную и внешнеполитическую задачу борьбу с международным терроризмом, исходя из необходимости системного и комплексного использования политико-правовых, информационно-пропагандистских, социально-экономических и специальных мер с упором на превентивную составляющую такого противодействия;

выступает за разработку дальнейших мер по сплочению глобальной антитеррористической коалиции под эгидой ООН с участием региональных организаций, без двойных стандартов и на основе универсальных антитеррористических конвенций и решений СБ ООН;

в соответствии с международным правом и своим законодательством Россия будет применять все необходимые меры по отражению и предотвра-

щению террористических нападений на нее и ее граждан, по их защите от террористических актов, по недопущению на своей территории деятельности, имеющей целью организацию подобных актов против граждан и интересов других стран, по непредоставлению убежища и трибуны террористам и подстрекателям к террору;

будет добиваться политико-дипломатического урегулирования региональных конфликтов на основе коллективных действий международного сообщества, исходя из того, что современные конфликты не имеют силовых решений, их решение следует искать через вовлечение всех сторон в диалог и переговоры, а не через изоляцию какой-то из них;

целенаправленно противодействует незаконному обороту наркотиков и организованной преступности, сотрудничая с другими государствами в многостороннем формате, прежде всего в рамках специализированных международных органов, и на двусторонней основе;

поддерживает создание под эгидой ООН и других международных и региональных организаций эффективных структур взаимодействия по реагированию на стихийные бедствия и крупные техногенные катастрофы, другие чрезвычайные ситуации, включая наращивание возможностей по преодолению их последствий и укрепление систем раннего предупреждения и прогнозирования;

участвует в международном сотрудничестве по регулированию процессов миграции, обеспечению прав трудящихся-мигрантов;

как многонациональное и многоконфессиональное государство способствует диалогу и партнерству между культурами, религиями и цивилизациями, последовательно проводит эту линию в рамках ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ, Совета Европы и других международных и региональных организаций, в контексте сотрудничества с Организацией Исламская конференция;

поддерживает соответствующие инициативы гражданского общества, активно взаимодействует с Русской православной церковью и другими основными конфессиями страны.

Главным приоритетом политики РФ в сфере международных экономических отношений является содействие развитию национальной экономики в условиях глобализации посредством обеспечения равноправных позиций страны и российского бизнеса в системе мирохозяйственных связей (рис. 2.8).

Для достижения этой цели Российская Федерация:

добивается максимальных выгод и сведения к минимуму рисков при дальнейшей интеграции России в мировую экономику с учетом необходимости обеспечения экономической, энергетической и продовольственной безопасности страны;

Для России принципиальное значение имеет создание необходимых механизмов для интеграции в мировую экономику, справедливого доступа к мировым финансовым ресурсам и рынкам. Прорыв в этой области уже наметился. Заключено соглашение с Европейским союзом (ЕС) о партнерстве и сотрудничестве, благодаря чему решены основные проблемы выхода страны на европейские рынки.

ЕС — главный торгово-экономический партнер России. На его долю приходится более 40% российского внешнеторгового оборота.

Россия тесно сотрудничает с разными странами в рамках международных организаций отраслевого и регионального профиля, таких, например, как Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), Международная организация гражданской авиации, Международная морская организация, Совет государств Балтийского моря, Черноморское экономическое сотрудничество.

Включение России в мировые экономические связи и структуры в перспективе должно быть дополнено соглашением со Всемирной торговой организацией (ВТО). Для нашей страны существенно важно, что сфера деятельности этой организации расширяется. Кроме традиционной торговли товарами, она будет охватывать и сферу услуг: банковские, страховые, транспортные и другие операции.

Для обеспечения деятельности Экономического союза используются существующие и организуются новые совместные исполнительные и координационные институты.

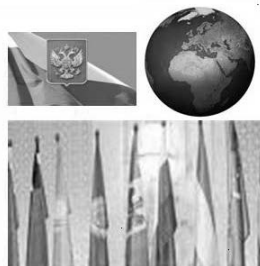

Рис. 2.8. Перспективы развития внешнеэкономических связей РФ.

Источник: URL: <http://900igr.net/up/datas/181084/010.jpg>

создает благоприятные политические условия для диверсификации российского присутствия на мировых рынках за счет расширения номенклатуры экспорта и географии внешнеэкономических и инвестиционных связей России;

принимает меры торговой политики для защиты ее интересов в соответствии с международными правилами и противодействует торгово-политическим мерам иностранных государств, ущемляющим права РФ и российских предприятий;

оказывает государственное содействие российским предприятиям и компаниям в освоении новых и развитии традиционных рынков, противодействует дискриминации отечественных инвесторов и экспортеров, особенно на рынках наукоемкой продукции и товаров с высокой степенью обработки;

содействует привлечению иностранных инвестиций в наукоемкие и другие приоритетные сферы российской экономики;

продолжает наращивание потенциала и модернизацию топливно-энергетического комплекса, подтверждая репутацию ответственного партнера на

рынках энергоресурсов, обеспечивая устойчивое развитие своей экономики и способствуя сбалансированности мировых энергорынков;

укрепляет стратегическое партнерство с ведущими производителями энергетических ресурсов, активно развивает диалог со странами-потребителями и странами транзита, основываясь на принципах обеспечения энергобезопасности;

активно использует возможности региональных экономических и финансовых организаций для отстаивания интересов РФ в соответствующих регионах, уделяя особое внимание деятельности организаций и структур, способствующих укреплению интеграционных процессов на постсоветском пространстве;

в соответствии с нормами международного права использует все имеющиеся в ее распоряжении экономические рычаги и ресурсы, а также конкурентные преимущества для защиты своих национальных интересов.

В условиях возрастающего как с экономической точки зрения, так и в плане укрепления безопасности значения морских пространств актуальной задачей становится их эффективное использование. В этих целях Россия будет добиваться обеспечения отвечающих национальным интересам режимов безопасного судоходства, ответственного рыболовства и научно-исследовательской деятельности в Мировом океане в сочетании с мерами по защите морской среды, борьбе с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения. Россия намерена установить в соответствии с международным правом внешние границы своего континентального шельфа, расширяя тем самым возможности для разведки и разработки его минеральных ресурсов.

Важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации является доведение до широких кругов мировой общественности полной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, о внешнеполитических инициативах и действиях Российской Федерации, о процессах и планах ее внутреннего социально-экономического развития, о достижениях российской культуры и науки.

В рамках публичной дипломатии Россия будет добиваться своего эффективного восприятия в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую государственную поддержку, активно участвовать в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимать необходимые меры по отражению информационных угроз ее суверенитету и безопасности.

При этом внешняя политика России — это один из важнейших инструментов поступательного развития страны, обеспечения ее конкурентоспо-

способности в глобализирующемся мире. Современный внешнеполитический курс РФ, определенный в ее Концепции внешней политики, нацелен на превращение России в одного из ведущих глобальных игроков формирующегося нового мирового порядка в XXI в.⁵³ Поэтому, исходя из поставленных задач в Концепции, внешнеполитический курс России на современном этапе можно подразделить на ряд составляющих⁵⁴.

Одним из важнейших элементов внешнеполитического курса РФ является интеграционная составляющая. Постсоветское пространство является жизненно важным для России регионом, где со времен СССР между ее бывшими республиками сохранились достаточно прочные экономические связи. Кроме того, сохранение этих стран в зоне влияния РФ во многом решает проблемы обеспечения безопасности страны.

Первые попытки реинтеграции республик бывшего СССР имели место еще в 90-е годы: первоначально на роль такой интеграционной структуры претендовал СНГ, затем были попытки создания Таможенного союза, Союзного государства России и Белоруссии, которое де-юре действует до сих пор.

Тем не менее, решающая стадия формирования интеграционного блока имела место во второй половине 2000 г., когда на базе ЕвразЭС было принято решения сформировать Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана. В дальнейшем интеграция прошла этап Единого экономического пространства и в 2015 г. начал действовать Евразийский экономический союз, к которому в последующем присоединились Армения и Киргизия.

Для РФ данный проект имеет исключительно важное значение, так как это, по сути дела, последняя попытка реально удержать постсоветские страны в орбите российского влияния. И если данный интеграционный проект провалится, то постсоветские республики в ЦА войдут в зону влияния Китая и ряда других стран, которые активно экономически проникают в данные государства. В Восточной Европе идет конкуренция интеграций между ЕЭС и ЕС, где ряд постсоветских стран (Молдавия, Белоруссия, Украина) присоединились к проекту Восточное партнерство, а Молдавия и Украина — вошли в ассоциацию с ЕС. В странах Закавказья растет влияние Турции и Ирана.

Другим важным направлением внешней политики РФ является активное участие в развитии таких организаций, как ШОС и БРИКС. Кооперация в рамках ШОС позволяет предпринять практические шаги по противодействию трем основным угрозам: терроризму, экстремизму и сепаратизму⁵⁵, а также наркоторговле, преимущественно в регионе Центральной Азии, укрепляет взаимоотношения между РФ и Китаем, кроме того, создает реальную альтернативу НАТО в регионе. А взаимодействие со странами БРИКС создает серьезную альтернативу влиянию Запада на мировую поли-

тику и снижает влияние ведущих западных институтов (Всемирного банка и МВФ) в контексте создания странами БРИКС Банка развития. Координация в формате БРИКС позволяет ведущим незападным странам формулировать единую позицию и обмениваться мнениями по основным вопросам международной повестки дня без участия и давления со стороны США и других ведущих стран Запада.

Еще одной важной составной частью внешнеполитического курса РФ на современном этапе является ее политика в отношении ООН. Россия, которая как продолжатель СССР унаследовала кресло постоянного члена СБ ООН, проводит политику, направленную на поддержание и укрепление авторитета ООН. РФ полагает, что ООН на сегодняшний день является единственным надежным регулятором международных отношений. МИД РФ неоднократно подчеркивал опасность для международной стабильности, которую несут «попытки регулировать кризисы путем применения вне рамок СБ ООН одностороннего санкционного давления и иных мер силового воздействия, включая вооруженную агрессию». В связи с этим РФ рассматривает как угрозу применение силы в обход решений СБ ООН, которую демонстрируют США и другие страны Запада, в контексте вторжения в Ирак, бомбардировки Ливии и т. д.

На сегодняшний день не теряет актуальности вектор внешней политики РФ, связанный с отношениями с США и ЕС. В свете продолжающегося украинского кризиса, западных санкций РФ заинтересована в выстраивании конструктивных отношений с западными партнерами. Несмотря на существенное давление, оказываемое Западом на Россию, в данный момент не в интересах РФ идти на жесткую конфронтацию, так как Запад, прежде всего ЕС, продолжает являться основным экономическим партнером современной России. В связи с этим ключевыми являются усилия российской дипломатии по налаживанию и укреплению отношений с теми странами-членами ЕС, которые заинтересованы в партнерстве с Россией.

Принципиально новым в российском внешнеполитическом курсе стала начавшаяся осенью 2015 г. военно-воздушная операция российских ВКС на территории Сирии. Действия России на Ближнем Востоке демонстрируют новую тенденцию по превращению России в более активного военно-политического игрока на мировой арене. Стоит отметить, что подобные акции укладываются в общий смысл российской внешнеполитической доктрины, ключевыми направлениями которой в мировом масштабе являются идеи противодействия распаду института суверенного национального государства, противостояния анархии и революционным преобразованиям режимов различных стран, начиная от Ливии и заканчивая Украиной. В этом смысле Россия выступает в качестве лидера консервативного направления в миро-

вой политике, нацеленного на постепенные осторожные преобразования и не рассматривающего, в отличие от атлантистов, демократизацию как гарант устойчивого развития⁵⁶.

Таким образом, современный внешнеполитический курс РФ характеризуется многовекторностью и необходимостью отвечать на различные вызовы и угрозы безопасности и в то же время эффективно продвигать интересы России как в региональном, так и в мировом масштабе.

Внешнеполитическая ситуация в мире в среднесрочной перспективе

Стоит отметить, что в условиях современного мира, где обстановка может измениться кардинально за считанные дни, весьма сложно говорить о прогнозах на отдаленную перспективу. Иллюстрацией данного тезиса является украинский кризис и воссоединение Крыма с Россией, о возможности которого еще за полгода до событий в Киеве не могли подумать даже самые смелые политические аналитики. Рассуждая о развитии внешнеполитической ситуации вокруг РФ, имеет смысл говорить лишь о вероятностях развития того или иного из множества возможных сценариев.

В краткосрочной перспективе в отношениях России с ЕС и с США детерминирующим фактором будет развитие событий на востоке Украины⁵⁷. Опыт предшествующих попыток мирного урегулирования показал, что между сторонами конфликта имеются кардинальные различия в видении будущего развития украинского государства, и таким образом скорое прекращение вооруженного противостояния маловероятно⁵⁸. Тем не менее, вопрос о том, как будет развиваться украинский конфликт, остается открытым. В настоящее время среди возможных сценариев развития ситуации наиболее вероятными выглядят сценарий эскалации напряженности и сценарий замороженного конфликта.

Первый вариант исходит из того, что внутривнутриполитическая обстановка на Украине остается крайне сложной. С учетом нарастающего экономического кризиса, роста безработицы, увеличения миграционных потоков, как внутренних, так и внешних, вероятность усиления влияния радикалов на политику центральной власти существенно возрастает, кроме того, правительство в Киеве само осознанно может пойти на эскалацию конфликта в целях отвлечения внимания населения от экономических проблем.

Кроме этого, любые вспышки насилия на Донбассе автоматически становятся аргументом Украины в переговорах с Западом по выделению новых кредитов по линии МВФ, оказанию иной помощи, в том числе направленной на перевооружения украинской армии. Подобная эскалация напряженности может привести как к военной победе Киева и установлению полного контроля над территорией республик, так и, наоборот, к полному поражению

нию и дезорганизации украинской армии и, как следствие, всего украинского государства.

Тем не менее, такой вариант представляется нежелательным для России на данном этапе, так как, безусловно, повлечёт за собой новый виток напряженности в отношениях с Западом. Помимо этого, даже в случае победы ДНР и ЛНР на Россию ляжет груз по восстановлению инфраструктуры и экономики республик, приемы дополнительного потока беженцев и другие расходы, которые, учитывая современное положение дел в российской экономике, могут повлечь весьма негативные последствия.

Второй вариант — замораживание конфликта является одним из наиболее вероятных и в то же время наиболее приемлемых для России. Возможность этого сценария обусловлена тем, что сегодня ни одна из сторон конфликта не может гарантировать себе безусловной победы в случае возобновления полномасштабных боевых действий, а издержки от неудачи, напротив, чрезмерно высоки. Также идущий с переменным успехом Минский переговорный процесс позволяет сторонам за счет различной трактовки достигнутых соглашений говорить о своем успехе, не переводя конфликт в горячую фазу. При реализации данного варианта развития ситуации не стоит ожидать каких-либо кардинальных изменений в отношениях РФ и Запада в ближайшее время: вопрос о Крыме и снятии санкций навряд ли будет урегулирован до тех пор, пока украинская тематика будет актуальна для западных стран, прежде всего США⁵⁹. Замораживание конфликта имеет долгосрочную перспективу, и в этом плане решающую роль будет играть социально-экономическое положение как на Украине, так и в ДНР и ЛНР⁶⁰.

На южном направлении ситуация продолжит оставаться стабильно напряженной. Борьба против ИГИЛ, как и любая война на Ближнем Востоке, не имеет быстрого окончания⁶¹. Боевики ИГ имеют широкую поддержку среди суннитского населения Ирака, которое не стремится вернуться под контроль шиитского правительства в Багдаде. С учетом того, что борьба с ИГ неразрывно связана с гражданской войной в Сирии и курдским вопросом, в среднесрочной перспективе не будет найдено пути к полноценному урегулированию. Это значит, что нестабильность с Ближнего Востока будет распространяться на сопредельные регионы: в Закавказье, Северный Кавказ, Пакистан, Афганистан. Таким образом, перед РФ встает задача укрепления как безопасности границ страны, так и борьбы с терроризмом, торговлей наркотиками и организованной преступностью. В Закавказье данную политику эффективно можно реализовать через сотрудничество с Арменией в рамках ОДКБ.

В Центральной Азии в краткосрочной перспективе обстановка не прерпит значительных изменений. Однако в ближайшей перспективе следует

ожидать смену режимов в Узбекистане, Таджикистане, где лидеры стран находятся у власти еще с 90-х годов. В связи с этим России необходимо быть готовой к резкому ухудшению ситуации в регионе, появлению новых очагов нестабильности, росту влияния исламизма. В перспективе будут также нарастать трения, связанные с вопросами о водных ресурсах, с учетом агрессивной риторики Узбекистана и приостановки членства страны в ОДКБ, возможно ожидать перехода некоторых среднеазиатских конфликтов в «горячую» фазу. Здесь РФ нужно приложить максимум усилий, выступая в роли посредника и миротворца, чтобы не допустить эскалации напряженности.

Роль БРИКС и ШОС в краткосрочной перспективе не окажет существенного влияния на внешнеполитическую обстановку вокруг России. Стоит отметить, что, несмотря на вербальную поддержку, в реальности ни страны БРИКС и ШОС, ни основные союзники РФ в СНГ (Белоруссия, Казахстан) не признали воссоединение Крыма с Россией и по возможности стараются дистанцироваться от украинской повестки.

В то же время в перспективе РФ может извлечь значительные преимущества из кооперации в рамках БРИКС, прежде всего за счет создания альтернативных мировых финансовых институтов (Банк развития) и формирования единого мнения ведущих незападных стран, альтернативное к позициям США и ЕС. В то же время с учетом возможной дестабилизации в Центральной Азии взаимодействие с Китаем в рамках ШОС может оказать существенное положительное влияние на обстановку в регионе.

Немаловажным направлением российской политики в ближайшие годы станет активное продвижение идеи сопряжения российского проекта ЕАЭС и китайского «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП). В российском экспертном сообществе сформировалось мнение о том, что «главная цель России — сделать этот проект инструментом укрепления и совершенствования ЕАЭС, не допустить их конкуренции, а в дальнейшем — положить ресурсы ЭПШП в основу формирования экономико-политического Сообщества Большой Евразии»⁶². Подобное сообщество, с одной стороны, способно создать противовес атлантическим державам по главе с США, с другой стороны, минимизирует риски экономического поглощения Китаем стран ЦА.

В контексте резкого ухудшения отношений с Западом в краткосрочной и среднесрочной перспективе возможна активизация взаимоотношений России и Турции. Турция, которая так и не добилась членства в ЕС, в настоящее время активно позиционирует себя как государство-лидер на Ближнем Востоке и Балканах, в связи с этим РФ как один из крупнейших экономических партнеров Турции может оказать ей существенную поддержку. В качестве примера активизации двустороннего сотрудничества мо-

жет служить новый газовый проект «Турецкий поток», который на данный момент рассматривается руководством РФ как основная альтернатива блокированному ЕС проекту «Южный поток». Тем не менее, усиление сотрудничества между Турцией и Россией объективно может помешать российской военной операции в Сирии, так как ИГ объективно ослабляет позиции непримиримого противника Анкары — курдов.

Региональные приоритеты России в XXI в.

В современных условиях основным приоритетным направлением внешней политики России является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками СНГ и другими странами мира.

При этом Россия выстраивает дружественные отношения с каждым из государств — участников СНГ на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга. С государствами, которые проявляют готовность к этому, развиваются отношения стратегического партнерства и союзничества. Она активно способствует развитию взаимодействия государств — участников СНГ в гуманитарной сфере на базе сохранения и приумножения общего культурно-цивилизационного наследия, которое в условиях глобализации является важным ресурсом СНГ в целом и каждого государства-участника в отдельности. Особое внимание уделяется поддержке соотечественников, проживающих в государствах постсоветского пространства, согласованию на основе взаимности договоренностей о защите их образовательных, языковых, социальных, трудовых, гуманитарных и иных прав и свобод.

Россия также будет наращивать сотрудничество с государствами — участниками ОДКБ в сфере обеспечения взаимной безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам, прежде всего международному терроризму, экстремизму, наркотрафику, транснациональной преступности, незаконной миграции. Первостепенными задачами являются нейтрализация террористической угрозы и наркоугрозы, исходящих с территории Афганистана, недопущение дестабилизации обстановки в Центральной Азии и Закавказье.

В этих целях Россия будет:

работать над дальнейшей реализацией потенциала СНГ как региональной организации, форума для многостороннего политического диалога и механизма многопланового сотрудничества с приоритетами в сферах экономики, гуманитарного взаимодействия, борьбы с традиционными и новыми вызовами и угрозами;

принимать меры по дальнейшему укреплению ЕАЭС как ядра экономической интеграции, механизма содействия реализации крупных водно-

энергетических, инфраструктурных, промышленных и иных совместных проектов;

всемерно развивать ОДКБ в качестве ключевого инструмента поддержания стабильности и обеспечения безопасности на постсоветском пространстве, делая акцент на адаптации ОДКБ как многофункциональной интеграционной структуры к меняющейся обстановке и эффективным совместным действиям в случае кризисов, на превращении ОДКБ в стержневой институт обеспечения безопасности в зоне ее ответственности.

Отношение России к субрегиональным образованиям и иным структурам без российского участия на пространстве СНГ определяется исходя из оценки их реального вклада в обеспечение добрососедства и стабильности, их готовности на деле учитывать законные российские интересы и уважать уже существующие механизмы сотрудничества, такие, как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, а также ШОС.

В этом русле будут выстраиваться подходы России к развитию всестороннего практического взаимодействия в Черноморском и Каспийском регионах на основе сохранения индивидуальности Организации черноморского экономического сотрудничества и укрепления механизма сотрудничества прикаспийских государств.

При этом Россия выступает за укрепление роли Совета Европы в качестве самостоятельной универсальной общеевропейской организации, определяющей уровень правовых стандартов во всех государствах — членах Совета Европы без дискриминации и привилегий для кого бы то ни было, важного инструмента устранения разделительных линий на континенте. Россия заинтересована и в том, чтобы ОБСЕ добросовестно выполняла возложенную на нее функцию — форума для равноправного диалога государств — участников ОБСЕ и коллективной выработки консенсусных решений на основе всеобъемлющего и основывающегося на балансе интересов подхода к безопасности в ее военно-политическом, экономическом и гуманитарном аспектах. Полноценная реализация этой функции возможна через перевод всей работы ОБСЕ на прочную нормативную базу, обеспечивающую верховенство прерогатив коллективных межправительственных органов.

В военно-политической сфере Россия будет добиваться исправления дисбалансов, сложившихся в области ограничения обычных вооружений и вооруженных сил в Европе, и принятия новых мер доверия.

РФ будет развивать отношения с Европейским союзом как с одним из основных торгово-экономических и внешнеполитических партнеров, выступать за всемерное укрепление механизмов взаимодействия, включая последовательное формирование общих пространств в сферах экономики, внешней и внутренней безопасности, образования, науки, культуры. Долго-

временным интересам России отвечает согласование с Европейским союзом Договора о стратегическом партнерстве, устанавливающего особые, максимально продвинутое формы равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с Европейским союзом во всех областях.

Развитие взаимовыгодных двусторонних связей с Германией, Францией, Италией, Испанией, Финляндией, Грецией, Нидерландами, Норвегией и некоторыми другими государствами Западной Европы является важным ресурсом продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах, содействия переводу российской экономики на инновационный путь развития.

Россия развивает поступательное практическое взаимодействие со странами Северной Европы, включая реализацию в рамках многосторонних структур совместных проектов по сотрудничеству в Баренцевом/Евроарктическом регионе и Арктике в целом, учитывая при этом интересы коренных народов.

Россия открыта для дальнейшего расширения прагматичного, уважительного сотрудничества с государствами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с учетом реальной готовности к этому каждого из них.

РФ настроена на взаимодействие с Латвией, Литвой и Эстонией в духе добрососедства, на основе обоюдного учета интересов. Принципиальное значение для России сохраняют вопросы соблюдения прав русскоязычного населения в соответствии с принципами и нормами общеевропейского и международного права.

Россия будет выстраивать отношения с НАТО с учетом степени готовности альянса к равноправному партнерству, неукоснительному соблюдению принципов и норм международного права, выполнению всеми его членами взятого на себя в рамках Совета Россия — НАТО обязательства не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности Российской Федерации, а также обязательств по военной сдержанности.

Россия сохраняет отрицательное отношение к расширению НАТО, в частности к планам приема в члены альянса Украины и Грузии, а также к приближению военной инфраструктуры НАТО к российским границам в целом, что нарушает принцип равной безопасности, ведет к появлению новых разьединительных линий в Европе и противоречит задачам повышения эффективности совместной работы по поиску ответов на реальные вызовы современности.

Россия хотела бы выстраивать отношения с США с учетом не только их огромного потенциала для взаимовыгодного двустороннего торгово-экономического, научно-технического и иного сотрудничества, но и их ключевого влияния на состояние глобальной стратегической стабильности и между-

народной обстановки в целом. Россия заинтересована в эффективном использовании существующей инфраструктуры взаимодействия, включая постоянный диалог по проблемам внешней политики, безопасности и стратегической стабильности, который позволяет находить взаимоприемлемые решения на основе совпадающих интересов. Для этого необходимо перевести российско-американские отношения в состояние партнерства, перешагнуть барьеры стратегических принципов прошлого и сосредоточиться на реальных угрозах, а там, где между Россией и США сохраняются разногласия, работать над их урегулированием в духе взаимоуважения.

Россия заинтересована в том, чтобы действия США на мировой арене строились в соответствии с принципами и нормами международного права, прежде всего Устава ООН. Долгосрочные приоритеты российской политики на американском направлении — подведение под отношения с США солидного экономического фундамента, обеспечение совместной выработки культуры управления разногласиями на основе прагматизма и соблюдения баланса интересов, что позволит обеспечить большую стабильность и предсказуемость российско-американских отношений.

Важным элементом сбалансированной политики России на североамериканском направлении являются отношения с Канадой, которые традиционно носят стабильный характер, однако они подвержены воздействию политической конъюнктуры. Россия заинтересована в дальнейшем наращивании динамики двусторонних торгово-экономических связей и инвестиционного сотрудничества, во взаимодействии в Арктике.

В контексте многовекторной внешней политики РФ важное и все возрастающее значение имеет АТР, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся району мира, заинтересованностью в использовании его возможностей при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, необходимостью укрепления регионального сотрудничества в сфере противодействия терроризму, обеспечения безопасности и налаживания диалога между цивилизациями. Продолжится активное участие России в основных интеграционных структурах региона: с АСЕАН — форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество»; и в механизмах партнерства с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, включая региональный форум АСЕАН.

Особое место отводится дальнейшему укреплению ШОС, продвижению ее инициативы по созданию сети партнерских связей между всеми интеграционными объединениями в АТР.

Важнейшим направлением российской внешней политики в Азии является развитие дружественных отношений с Китаем и Индией. Россия будет наращивать российско-китайское стратегическое партнерство во всех областях на основе совпадения принципиальных подходов к ключевым во-

просам мировой политики в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. Главной задачей в области двусторонних связей является приведение объема и качества экономического взаимодействия в соответствие с высоким уровнем политических отношений. Углубляя стратегическое партнерство с Индией, Россия проводит принципиальную линию на упрочение взаимодействия по актуальным международным проблемам и всемерное укрепление взаимовыгодных двусторонних связей по всем направлениям, особенно на обеспечение существенного подъема в торгово-экономической сфере.

Россия разделяет заинтересованность Китая и Индии в налаживании эффективного внешнеполитического и экономического взаимодействия в формате РИК.

РФ выступает за отношения добрососедства и созидательного партнерства с Японией в интересах народов обеих стран. Унаследованные от прошлого проблемы, над общеприемлемым решением которых работа будет продолжена, не должны становиться препятствием на этом пути.

Россия настроена и далее развивать отношения с Турцией, Египтом, Алжиром, Ираном, Саудовской Аравией, Сирией, Ливией, Пакистаном и другими ведущими региональными государствами в двустороннем и многостороннем форматах.

Российская внешняя политика направлена на наращивание позитивной динамики отношений с государствами Юго-Восточной Азии, прежде всего на развитие стратегического партнерства с Вьетнамом, а также многопланового сотрудничества с Индонезией, Малайзией, Таиландом, Филиппинами, Сингапуром и другими странами региона.

Принципиальное значение для России имеет общее оздоровление ситуации в Азии, где сохраняются источники напряженности и конфликтов, увеличивается опасность распространения оружия массового уничтожения. Усилия будут сосредоточиваться на деятельном участии России в поисках политического решения ядерной проблемы Корейского полуострова, на поддержании конструктивных отношений с КНДР и РК, на поощрении диалога между Пхеньяном и Сеулом, на укреплении безопасности в Северо-Восточной Азии.

Россия будет всемерно способствовать политико-дипломатическому урегулированию ситуации вокруг ядерной программы Ирана на основе признания права всех государств — членов Договора о нераспространении ядерного оружия на использование ядерной энергии в мирных целях и обеспечения неукоснительного соблюдения требований режима нераспространения ядерного оружия.

Сохраняющейся кризис в Афганистане создает угрозу безопасности южных рубежей СНГ. Россия во взаимодействии с другими заинтересован-

ными странами, ООН, ОДКБ, ШОС и иными многосторонними институтами будет прилагать последовательные усилия в целях недопущения экспорта терроризма и наркотиков из Афганистана, достижения прочного и справедливого политического урегулирования проблем этой страны при уважении прав и интересов всех населяющих ее этнических групп, постконфликтного восстановления ИРА в качестве миролюбивого государства.

Россия будет вносить весомый вклад в стабилизацию обстановки на Ближнем Востоке, используя свой статус постоянного члена СБ ООН и участника квартета международных посредников. Главная цель состоит в мобилизации коллективных усилий для достижения на международно-признанной основе всеобъемлющего и долгосрочного урегулирования арабо-израильского и сирийского конфликтов во всех их аспектах. В целях дальнейшего расширения взаимодействия с государствами мусульманского мира Россия будет использовать возможности своего участия в качестве наблюдателя в Организации Исламская конференция и Лиге арабских государств. Приоритетное внимание будет уделено развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества, в том числе в энергетике, с государствами этого стратегически важного для российских национальных интересов района мира.

Россия будет расширять разноплановое взаимодействие с африканскими государствами на двусторонней и многосторонней основе, включая диалог и сотрудничество в рамках «Группы восьми», содействовать скорейшему урегулированию региональных конфликтов и кризисных ситуаций в Африке. Будет развиваться политический диалог с Африканским союзом и субрегиональными организациями, будут использоваться их возможности для подключения России к экономическим проектам на континенте. Для этого Россия будет стремиться к налаживанию стратегического партнерства с Бразилией, наращивать политическое и экономическое сотрудничество с Аргентиной, Мексикой, Кубой, Венесуэлой и другими странами Латинской Америки и Карибского бассейна и их объединениями, опираясь на серьезный прогресс, достигнутый в отношениях с государствами этого региона за последние годы, поощрять экспорт в латиноамериканские страны российской наукоемкой промышленной продукции, осуществлять совместные проекты в сфере энергетики, инфраструктуры, высоких технологий, в том числе в рамках планов, разрабатываемых в региональных интеграционных объединениях.

При этом важным компонентом в отстаивании национальных интересов России на международной арене является усовершенствование ее военного потенциала.

2.4. Усовершенствование военного компонента РФ для защиты национальных интересов

Военная организация России как основа обеспечения ее безопасности

Переходный характер современной мировой системы требует от России и других стран мира активной, но и в то же время взвешенной и последовательной линии поведения в международных делах, направленной на подлинно равноправное сотрудничество в деле нейтрализации и блокирования тенденций, которые в будущем могут поставить их в неблагоприятное положение. Эту задачу решает политика, в том числе — военная. Поэтому при проведении военно-политического курса России в XXI в. будут учитываться отношения со странами Запада во главе с США, поскольку с ними в последние годы имеется ряд серьезных противоречий, в том числе и в военно-политической области. В связи с чем внешнеполитические шаги РФ и ее военная политика в ближайшей перспективе будут направлены на обеспечение военной безопасности страны как на глобальном, так и региональном уровне, где всё более возрастает необходимость защиты ее национальных интересов и обеспечения безопасности государства.

Анализ современного внешне- и внутривнутриполитического положения России и ее национальных интересов в различных регионах мира позволяет определять задачи ВС РФ по обеспечению национальной безопасности. Они сформулированы в Концепции национальной безопасности (КНБ)⁶³, в Стратегии национальной безопасности (СНБ) РФ до 2020 г., утверждённой Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683⁶⁴ и в ее Военной доктрине.

Для этого в КНБ были определены характер и направленность военного строительства государства, основные требования к группировкам войск (сил) по решению оперативного-стратегических задач в будущей войне, направления их реорганизации, а также основные принципы обеспечения безопасности страны в оборонной сфере. Это позволяет сформулировать исходные данные для разработки, как Военной доктрины России, так и различных концепций развития сил и средств обеспечения безопасности РФ. А в Концепции отмечается, что обеспечение национальной безопасности в оборонной сфере является важнейшим направлением деятельности страны, где главной целью практической деятельности государства и общества в этой сфере является совершенствование военной организации России для обеспечения адекватного реагирования на угрозы, которые могут возникать в XXI в., при рациональных затратах на национальную оборону. Характер этих угроз требует уточнения задач ее ВС, оптимизации их структуры и со-

става, расширения профессионального ядра Армии и Флота, совершенствования правовых основ и механизма планирования военного строительства, а также разработки современных подходов к его экономическому и финансовому обеспечению с учетом необходимости формирования системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ.

При этом Россия не стремится поддерживать паритет в вооружениях и вооруженных силах с ведущими государствами мира и ориентируется на реализацию принципа реалистического сдерживания, в основе которого лежит решимость адекватно использовать имеющуюся военную мощь для предотвращения агрессии. Для предотвращения войны и вооруженных конфликтов Россия отдает предпочтение политическим, экономическим и другим невоенным средствам. Однако пока неприменение силы не стало нормой международных отношений, национальные интересы РФ требуют наличия достаточной для ее обороны военной мощи.

Как зафиксировано в СНБ, ВС РФ — основа военной организации государства. Они играют главную роль в обеспечении ее безопасности силовыми методами. Их важнейшей задачей является обеспечение ядерного сдерживания в интересах предотвращения как ядерной, так и обычной крупномасштабной или региональной войны, а также осуществления союзнических обязательств. Для выполнения этой задачи Россия должна обладать потенциалом ядерных сил, способных гарантировать нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору либо коалиции государств. Ее Вооруженные силы боевым составом мирного времени должны быть способны обеспечить надежную защиту страны от воздушно-космического нападения и решение задач по отражению агрессии в локальной войне, а также развертывание группировки войск (сил) для решения задач в региональной войне.

СНБ исходит из того, что интересы обеспечения безопасности России и эволюция геополитической обстановки в мире предопределяют, при соответствующих обстоятельствах, необходимость военного присутствия России в некоторых стратегически важных регионах мира. Размещение в государствах этих регионов на договорной основе и на принципах партнерства воинских континентов (военных баз), во-первых, должно продемонстрировать готовность России выполнить свои союзнические обязательства и, во-вторых, содействовать формированию устойчивого военно-стратегического баланса сил в регионах, в-третьих, обеспечивать РФ возможность реагировать на кризисную ситуацию еще в начальной стадии ее зарождения.

Деятельность ВС РФ осуществляется на основании Конституции РФ, Федерального закона «Об обороне»⁶⁵ и других законов России, ее нормативных и правовых актов в военной области. При этом современные Воору-

женные Силы состоят из центральных органов военного управления, объединений (военных округов, флотов, армий, флотилий, корпусов), соединений (дивизий, бригад), воинских частей и организаций, которые входят в виды и рода войск, и в Тыл ВС. В военную организацию страны также входят и другие войска, воинские формирования и органы — пограничные войска, национальная гвардия, железнодорожные войска, войска ФАПСИ при президенте РФ, войска гражданской обороны, военные формирования министерств и ведомств, органы безопасности и внешней разведки⁶⁶.

Личный состав Вооруженных Сил включает в себя военнослужащих и лиц гражданского персонала. Их комплектование личным составом осуществляется: военнослужащими — путем призыва граждан на военную службу и их добровольного поступления на военную службу по контракту, а также гражданским персоналом.

Руководство Вооруженными Силами осуществляет Президент РФ, который в соответствии с Конституцией является Верховным Главнокомандующим. Ему предоставлено право в случае агрессии или при непосредственной ее угрозе вводить на территории страны военное положение. В пределах своих полномочий может издавать приказы и директивы, обязательные для исполнения ВС РФ, другими войсками, воинскими формированиями и органами. Управление ими осуществляет министр обороны через Министерство обороны и Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации (рис. 2.9).

При этом военная организация РФ включает в себя следующие компоненты⁶⁷:

- органы государственного и военного управления, обеспечивающие военную безопасность государства;
- Вооруженные Силы, составляющие ядро военной организации и основу обеспечения военной безопасности страны, другие войска, воинские формирования и органы, предназначенные для выполнения задач военной безопасности военными методами;
- часть промышленного и научного комплексов страны, предназначенная для обеспечения задач военной безопасности.

Главной целью развития военной организации страны является обеспечение гарантированной защиты ее национальных интересов и военной безопасности и союзников России. Основными принципами строительства и подготовки военной организации являются:

- адекватный учет выводов, сделанных из анализа состояния и перспектив развития военно-политической обстановки;
- централизация руководства и единоначалие на правовой основе;
- соответствие задачам обеспечения военной безопасности страны уровня боевой и мобилизационной готовности, а также подготовки органов

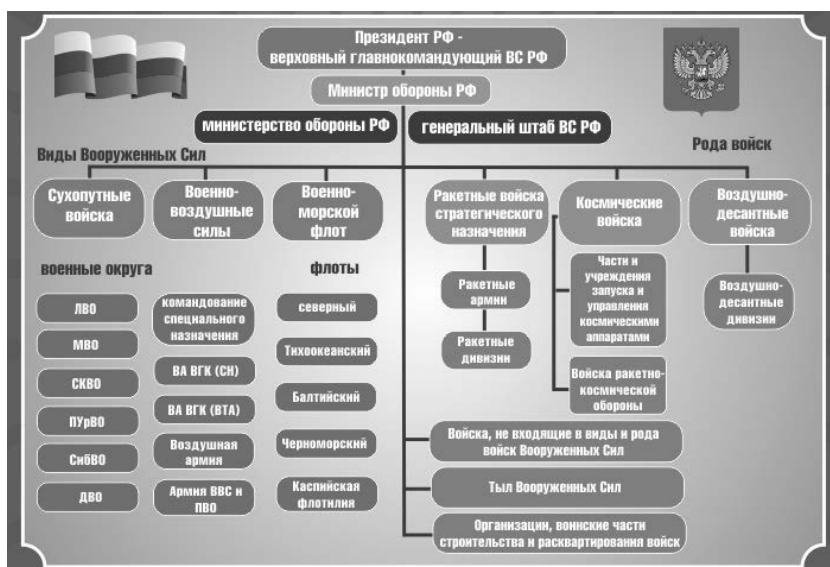

Рис. 2.9. Подчиненность видов и родов войск ВС РФ. Источник: URL: <https://foxdesign.nethouse.ru/static/img/0000/0003/8324/38324940.twhwb5rsvv>

военного управления и войск (сил), их структур, боевого состава и численности резерва, запасов материальных средств и ресурсов;

- единство обучения и воспитания;
- реализация прав и свобод военнослужащих, обеспечение их социальной защищенности, достаточного статуса и уровня жизни.

При этом основными направлениями развития военной организации, ориентированными на повышение ее эффективности, упрочение морально-психологического состояния, улучшение материально-технического и социального обеспечения, являются:

- приведение структуры, состава и численности компонентов военной организации государства в соответствие с задачами обеспечения военной безопасности с учетом экономических возможностей страны;
- повышение качественного уровня эффективности функционирования технологической основы системы государственного и военного управления;
- совершенствование системы комплектования и эффективности системы эксплуатации и ремонта ВВТ;

- повышение информационного обеспечения ВС и других войск;
- укрепление организованности, правопорядка и воинской дисциплины;
- реализация государственной политики по укреплению престижа военной службы, подготовки к ней граждан РФ;
- развитие международного военного и военно-технического сотрудничества;
- совершенствование нормативной правовой базы строительства, развития и применения военной организации государства, а также системы ее отношений с обществом.

Развитие всех компонентов военной организации РФ осуществляется в рамках единой идеологии военного строительства по взаимовыясненным согласованным планам, основанным на оперативно-стратегических и технико-экономических расчетах, направленных на создание оптимальной и сбалансированной структуры организации. При этом строительство ВС осуществляется с учетом следующих основных принципов:

- интенсификация форм развития, предполагающая повышение огневых, маневренных и иных возможностей войск (сил);
- повышение военной мощи государства путем осуществления научно-технических прорывов в различных областях военного дела, реализация их в форме новых средств вооруженной борьбы;
- мобильная оборона с опорой на ядерное сдерживание, которая предполагает наличие стратегических ядерных сил и региональных группировок войск общего назначения и резервов для наращивания усилий с целью отражения агрессии;
- экономия сил и средств с одновременным приоритетным развитием тех видов ВС (родов войск), которые обеспечивают сдерживание агрессии и оперативное разрешение военных конфликтов;
- руководство строительством ВС со стороны государства, которое отражается в планах и мероприятиях по обеспечению военной безопасности;
- контроль за деятельностью ВС со стороны высших органов власти, которые влияют на разработку и реализацию военной политики, правовое обеспечение всех мероприятий по реформированию Вооруженных Сил, неукоснительному соблюдению международных и конституционных прав и свобод личности военнослужащих, контроль за комплектованием Армии и Флота;
- централизация руководства и единоначалия на правовой основе в условиях ограниченного состава сил и средств и времени на принятие решений;
- соответствие структуры, состава и численности войск (сил) возлагаемым на них задачам, законодательствам, международным обязательствам, экономическим возможностям и стратегическому положению государства;

- заблаговременное создание запасов, накопление мобилизационных ресурсов, что обуславливается сокращением возможностей экономики в военное время восполнять стратегические запасы и сужением рамок мобилизационного развертывания.

А часть промышленного и научного комплексов государства, предназначена для поддержания на необходимом уровне обороны страны промышленного и научного потенциала. Это обеспечивается:

- технологическим развитием оборонного промышленного потенциала на основе достижений науки и техники и использованием технологий двойного назначения;
- государственной поддержкой предприятий и научных организаций, определяющих военно-техническую и технологическую устойчивость функционирования и развития ВПК;
- ведением научно-технических исследований и разработок вооружений и военной техники, развитием экспериментальной, испытательной и промышленной базы;
- высоким уровнем мобилизационной готовности промышленного комплекса и устойчивостью его функционирования в различных условиях ВПО.

Изменившаяся внешнеполитическая ситуация последних лет, новые приоритеты в сфере национальной безопасности поставили перед ВС РФ новые задачи, которые могут быть структурированы по ряду основных направлений: сдерживание угроз безопасности или посягательств на интересы РФ и защита ее экономических и политических интересов; особенности развития ВПО в мире обуславливают возможность перерастания одной задачи в другую, поскольку наиболее проблемные военно-политические ситуации носят комплексный и многоплановый характер⁶⁸. При этом силовые операции ВС РФ в мирное время возможны в следующих случаях:

- выполнение Россией союзнических обязательств в соответствии с международными договорами или иными межгосударственными соглашениями;
- борьба с международным терроризмом, политическим экстремизмом и сепаратизмом, а также предотвращение диверсий и террористических актов;
- частичное или полное стратегическое развертывание, поддержание готовности к применению и применение потенциала ядерного сдерживания;
- проведение миротворческих операций в составе коалиций, созданных в рамках международных организаций, где Россия состоит или в которые вступила на временной основе;

- обеспечение режима военного (чрезвычайного) положения в одном или нескольких субъектах РФ в соответствии с решениями органов государственной власти;
- защита государственной границы страны в воздушном пространстве и в подводной среде;
- силовое обеспечение режима международных санкций, введенных на основании решения СБ ООН, предупреждение экологических катастроф и других чрезвычайных ситуаций, а также ликвидация их последствий.

При этом военная сила будет применяться напрямую для обеспечения безопасности страны в следующих случаях: вооруженный конфликт; локальная война; региональная война; крупномасштабная война.

В мирное время и при чрезвычайных ситуациях ВС РФ совместно с другими войсками должны быть готовы к отражению нападения и нанесению поражения агрессору, ведению как оборонительных, так и наступательных активных действий при любом варианте развязывания и ведения войн и вооруженных конфликтов.

В случае обострения военно-политической и военно-стратегической обстановки ВС РФ должны обеспечить стратегическое развертывание войск и сдерживать обострение обстановки за счет сил стратегического сдерживания и сил постоянной готовности.

Основные задачи ВС и других войск в период непосредственной угрозы агрессии являются: осуществление комплекса дополнительных мероприятий, направленных на снижение уровня угрозы агрессии и повышение уровня боевой и мобилизационной готовности ВС и других войск в целях проведения мобилизационного и стратегического развертывания; поддержание потенциала ядерного сдерживания в установленной степени готовности; участие в обеспечении режима военного положения; осуществление мероприятий по территориальной обороне, а также выполнение в установленном порядке мероприятий гражданской обороны и выполнение международных обязательств РФ по коллективной обороне, отражение или предотвращение в соответствии с нормами международного права вооруженного нападения на другое государство, обратившееся к РФ с соответствующей просьбой.

Задачи ВС в военное время — наличными силами отразить воздушно-космическое нападение противника, а после полномасштабного стратегического развертывания решать задачи одновременно в двух локальных войнах.

Как указано в СНБ, Россия обеспечивает имеющимися средствами постоянную готовность ее ВС и других войск к сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, к вооруженной защите страны и ее союзников в соответствии с нормами международного права и международными

договорами⁶⁹. При этом недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта — важнейшая задача РФ. Исходя из этого, основными задачами РФ по предотвращению военных конфликтов являются:

оценка и прогнозирование развития ВПО на глобальном и региональном уровне, а также состояния межгосударственных отношений в военно-политической сфере с использованием современных технических средств и информационных технологий;

нейтрализация возможных военных опасностей и военных угроз политическими, дипломатическими и иными невоенными средствами;

поддержание стратегической стабильности и потенциала ядерного сдерживания страны на достаточном уровне;

поддержание состава ВС в заданной степени готовности к боевому применению;

укрепление системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ и наращивание ее потенциала, усиление взаимодействия в области международной безопасности в рамках СНГ и ШОС, развитие отношений в этой сфере с другими межгосударственными организациями;

расширение круга государств-партнеров и развитие сотрудничества с ними на основе общих интересов в сфере укрепления международной безопасности в соответствии с положениями Устава ООН и другими нормами международного права;

соблюдение международных договоров в области ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений;

реализация соглашений в области контроля над обычными вооружениями, а также осуществление мер по укреплению взаимного доверия;

создание механизмов регулирования двустороннего и многостороннего сотрудничества в области противоракетной обороны;

заключение международного договора о предотвращении размещения в космическом пространстве любых видов оружия;

участие в международной миротворческой деятельности, в том числе под эгидой ООН и в рамках взаимодействия с международными (региональными) организациями;

участие в борьбе с международным терроризмом.

Россия считает правомерным применение ВС и других войск для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению СБ ООН, других структур коллективной безопасности, а также для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами РФ, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ.

Выполнение стоящих перед ВС РФ и другими войсками задач организуется и осуществляется в соответствии с Планом применения ВС РФ⁷⁰, Мобилизационным планом ВС РФ, указами Президента РФ, приказами и директивами Верховного Главнокомандующего, другими нормативными правовыми актами РФ и документами стратегического планирования по вопросам обороны.

В рамках выполнения мероприятий стратегического сдерживания силового характера предусматривается применение высокоточного оружия. Россия оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против РФ с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства. Решение о применении ядерного оружия принимается Президентом РФ.

Россия также выделяет воинские контингенты в состав миротворческих сил для участия в операциях по поддержанию мира по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ или СБ ООН. Для этого Россия выделяет свои воинские контингенты в состав КСОР в целях реагирования на военные угрозы государствам — членам ОДКБ и решения иных задач в порядке, предусмотренном Соглашением о порядке оперативного развертывания, применения и всестороннего обеспечения КСОР. В целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности формирования ВС РФ могут оперативно использоваться за пределами РФ в соответствии с принципами и нормами международного права, международными договорами РФ и федеральным законодательством.

Развитие новых технологий информационной борьбы повышает значимость национальных интересов России в информационной сфере⁷¹. Это обуславливает необходимость сосредоточения усилий общества и государства на решении таких задач, как защита духовных ценностей, пропаганда национального культурного наследия, норм морали и общественной нравственности, обеспечение права граждан на получение достоверной информации. Применительно к военной сфере, реализация этих установок предусматривает разработку комплекса мер по защите войск (сил) от негативного информационного воздействия и утечки важной военной информации. Информационное обеспечение военной политики также имеет важное значение для успешного разрешения кризисных ситуаций и военной безопасности страны. Правомерность этого вывода можно подкрепить неудачами военных действий советских войск в Афганистане и российских войск в Чечне в начале операции по ликвидации бандитских формирований, которые были напрямую связаны с плохим информационным обеспечением.

В целом, информационное обеспечение в военной области предусматривает сбор, обработку и передачу информации о ВПО, тенденция ее развития, об изменениях стратегической обстановки в регионах мира, истинных национально-государственных интересах реальных и потенциальных противников, военных потенциалах стран, составе, состоянии и характере действий вооруженных сил противоборствующей стороны и другие данные. При этом должны обеспечиваться оперативность, полнота и надежность поступления и передачи информации для органов управления военной организации России.

Военная реформа Российской Федерации

Следует отметить, что на пороге XXI в. Россия встала перед объективной необходимостью проведения военной реформы, ибо после распада Советского Союза и Варшавского договора ВС СССР уже не соответствовали военным реалиям наступающего века. Ее начало было положено замыслом преобразований, разработанным ведущими учеными и специалистами МО, Генерального штаба, командования и штабов видов ВС, родов войск, военных округов и флотов.

Правовым фундаментом военной реформы стал Указ Президента РФ от 16 июля 1997 г. «О первоочередных мерах по реформированию Вооруженных Сил Российской Федерации и совершенствованию их структуры»⁷². Эти положения определили *основную цель реформы* — создание высокооснащенных, обладающих необходимым военным потенциалом сдерживания Вооруженных Сил. При планировании реформы руководством страны и МО России учитывались сложная социально-экономическая обстановка в стране и возможности выделения средств на национальную оборону. С учетом этих факторов проведение мероприятий военной реформы было проведено в три этапа.

Первоначально на *первом этапе* (1997—2000 гг.) реформирования ВС РФ было предусмотрено перейти от пяти их видов к четырехвидовой структуре. Была проведена работа по объединению ВВС и Войск ПВО и завершено реформирование Сухопутных войск. В их составе было создано определенное количество соединений и частей, полностью укомплектованных людьми и оснащенных современной техникой. Осуществлена оптимизация структуры и боевого состава ВМФ во всех стратегически важных океанских районах.

На *втором этапе* реформы (2001—2005 гг.) предусматривался переход ВС РФ на их трехвидовую структуру путем объединения войск по сферам их применения: суша, воздух—космос, море. Материальной основой реформирования стали многофункциональные системы оружия стратегического, оперативного и тактического назначения. Военно-космические силы Рос-

сии (ВКС) в 2001 г. были преобразованы в самостоятельный род войск. Также были определены следующие приоритетные направления военно-технического обеспечения безопасности России:

поддержание комплекса стратегических вооружений на уровне, обеспечивающем безопасность страны, на основе группировки межконтинентальных баллистических ракет им стал ракетный комплекс «Тополь М»;

развитие высокоэффективных систем управления войсками и оружием, а также связи, разведки, радиоэлектронной борьбы и создание нового поколения высокоточных мобильных безъядерных средств поражения и систем их информационного обеспечения;

повышение индивидуальной оснащенности военнослужащих средствами поражения, защиты, связи и экипировки.

В результате второго этапа реформы возросли возможности ВС по выполнению задач стратегического сдерживания, предупреждению и отражению агрессии против России и ее союзников, локализации и нейтрализации локальных конфликтов и войн, а также по реализации международных обязательств России.

В рамках *третьего этапа* реформы необходимыми стали меры по дальнейшему преобразованию военной организации государства, приведению ее к новому облику в соответствии с характером и особенностями ВПО, современным технологическими требованиями и экономическими возможностями страны⁷³. Армия и Флот в новом облике стала компактными, высококомобильными и частично укомплектованными профессиональными кадрами. Они должны быть способны вести как классические войны, так и применять инновационные формы и способы ведения военных действий в локальных войнах, в том числе в борьбе с международным терроризмом и пиратством.

В рамках формирования нового облика Вооруженных Сил были решены пять основных задач:

перевод всех формирований ВС в категорию постоянной готовности со 100%-ной штатной укомплектованностью;

их переоснащение современным вооружением, военной и специальной техникой;

подготовка высокопрофессиональных офицеров и сержантов, разработка новых программ их обучения, создание современной сети военно-учебных заведений;

переработка уставных документов для организации обучения, подготовки войск, их повседневной жизнедеятельности и ведения боевых действий;

обеспечение социальной защищенности военнослужащих, в том числе достойным денежным содержанием, жильем.

В целях приведения военной организации государства в соответствие с потребностями ее обороны и безопасности, а также экономическими возможностями страны были проведены мероприятия по радикальной оптимизации органов управления, в том числе центрального аппарата, по сокращению штатной численности военнослужащих. Был сформирован современный боевой состав Вооруженных Сил: в военных округах и на флотах завершён перевод всех соединений и воинских частей в категорию постоянной боевой готовности. Они были полностью укомплектованы личным составом, вооружением и военной техникой (рис. 2.10).

Основной задачей *дальнейших этапов* реформирования Вооруженных Сил является повышение боевых возможностей группировок войск на стратегических направлениях.

Для этого планируется завершить формирование новых соединений и воинских частей, осуществить комплекс мер по совершенствованию боевой готовности частей к выполнению боевых задач, продолжить переоснащение войск вооружением и техникой, строительство военных городков в местах

Рис. 2.10. Результаты реформы Вооруженных Сил России. Источник: URL: https://arhivurokov.ru/multiurok/html/2016/12/28/s_5863f8473b6f2/img24.jpg

базирования войск, создать фонд служебного жилья, совершенствовать систему социального обеспечения военнослужащих и членов их семей. В настоящее время идет процесс совершенствования обеспечивающих структур, предприятий организаций и объектов. Некоторые из них реорганизируются и акционируются, что позволит сократить число военнослужащих и гражданского персонала и одновременно получать дополнительные средства для пополнения оборонного бюджета и обеспечения социальной защиты военных.

Важнейшим условием успешного приведения ВС к новому облику также является поддержание в воинских коллективах патриотических чувств, здорового морально-психологического климата. Важно добиваться осознания каждым военнослужащим государственной значимости преобразований в Армии и на Флоте, их ответственности за поддержание высокой бдительности и боевой готовности.

Таким образом, в результате глубоких преобразований ВС РФ в новом облике будут соответствовать всем параметрам армии XXI в., которые смогут выполнять весь комплекс возложенных на них задач по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, а также готовых к непосредственной вооруженной защите России и ее союзников.

Современный облик Вооруженных Сил России

Для решения этих задач ВС России в своем составе имеют: *силы ядерного сдерживания*—для удержания ядерных держав от развертывания ядерной войны, а также государств и их коалиций, обладающих превосходством в обычных вооружениях, от широкомасштабной неядерной войны; *силы неядерного сдерживания* — для удержания возможного агрессора от развязывания и эскалации (расширения) региональных конфликтов, а также для реагирования на возникающие угрозы с целью локализации и ликвидации конфликтов малой интенсивности; *мобильные силы*, обеспечивающие наращивание противодействия при ликвидации военных конфликтов; *средства информационного противодействия* вероятному противнику в информационной войне (рис. 2.11).

При этом *Ракетные войска стратегического назначения* призваны обеспечить решение задач по установлению факта ракетно-ядерного нападения, его отражения, а также проведения эффективных ответных действий. В состав РВСН входят: ракетные армии; военно-учебные заведения и научно-исследовательские учреждения, воинские части специальных войск и учреждения тыла и охраны (рис. 2.12).

В настоящее время этот вид Вооруженных Сил и другие ядерные компоненты ВС РФ являются надежным гарантом от любой агрессии по отношению к России и ее союзникам. Они оснащены как стационарными, так и подвижными ракетными комплексами, находящимися в постоянной боевой

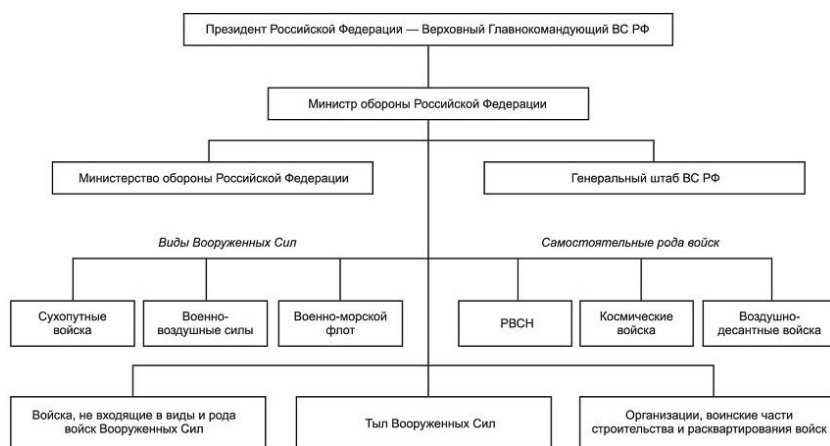

Рис. 2.11. Современная структура Вооруженных Сил России. *Источник:* URL: <https://foxdesign.nethouse.ru/static/img/0000/0003/8324/38324940.twhwb5rsvv>

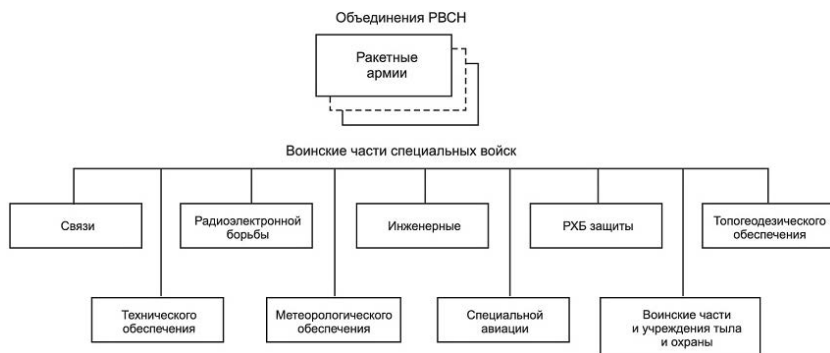

Рис. 2.12. Структура и состав Ракетных войск стратегического назначения. *Источник:* URL: http://present5.com/presentation/3/93613509_142766896.pdf-img/93613509

готовности к нанесению ударов по агрессору. И если войска НАТО, которые десятикратно превосходят российские по боевому и численному составу, все же рискнут вторгнуться на территорию России, то она обязательно применит ядерное оружие.

Сухопутные войска в настоящее время распределены по трем военным округам — Западном, Центральном и Восточном. В военное время они пре-

образуются во фронты, подчиненные стратегическим командованиям, имея в своем составе необходимое количество органов управления и боеготовых соединений, полностью оснащенных вооружением и военной техникой. Они предназначены к выполнению задач в условиях военных конфликтов локального масштаба и совместно с другими видами ВС предотвращать их перерастание в крупномасштабную войну.

В составе группировок СВ мирного времени предусматривается также наличие частей и соединений сокращенного состава. Их предназначение — быстрое развертывание для наращивания группировок войск при отражении агрессии против нашей страны и ее союзников. В состав СВ входят: мотострелковые, танковые, воздушно-десантные войска, ракетные войска и артиллерия, войска противовоздушной обороны, а также специальные войска (разведывательные, инженерные, радиационной, химической и бактериологической защиты и гидрометеорологические) и тыл (рис. 2.13).

Следует заметить, что в период наивысшей военной мощи государства, в 1983 г. функционировало 16 округов и 4 группировки войск в Восточной Европе. В рамках реорганизации вооруженных сил в 2010 г. количество административных округов было сведено до четырех. На основе территориальных общевойсковых соединений были сформированы новые оперативно-стратегические субъекты командования⁷⁴. В 2014 г. для организации обороны арктических участков из состава трех округов началось создание северной группировки (рис. 2.14).

В соответствии с Указом Президента РФ, с 15 декабря 2014 г. Северный флот был выведен из состава Западного военного округа и расширена гра-

Рис. 2.13. Структура и состав Сухопутных войск.

Источник: URL: <https://ds04.infourok.ru/uploads/ex/0bf7/0006af2e-de06bd4/img38.jpg>

Рис. 2.14. Военные округа Российской Федерации. Источник: URL: https://yandex.ru/images/search?pos=1&img_url=https%3A%2F%2F

ница его ответственности. Управление СФ реформировано в объединенное стратегическое командование. Объединённое стратегическое командование «Север» предназначено для комплексного обеспечения безопасности Арктического региона России и единого управления военными силами и средствами в зоне от Мурманска до Анадыря.

Кроме того, известно о планах по разукрупнению других военных округов РФ — реорганизации могут быть подвергнуты три из четырёх военно-административных формирований⁷⁵.

Так, *Центральный военный округ*, штаб которого находится в Екатеринбурге, будет разделён. Планируется, что в течение 2019 г. из него выведут территорию от Омска до Иркутска, составляющую одновременно и часть Восточного военного округа. Новый округ за Уральским хребтом будет располагаться в границах бывшего Сибирского военного округа. Естественным образом будут сокращены Восточный военный округ и Центральный военный округ, который является крупнейшим из четырех. Его площадь составляет 7 млн кв. км — это 40 % площади государства и 39 % населения. Военские подразделения, включая 2 общевойсковые армии и десантно-штурмовую бригаду, дислоцируются в Поволжье, Западной Сибири и на Урале — в 29 регионах 3 федеральных округов.

В европейской части России также планируется разукрупнить *Западный военный округ*, который будет разделён по «советскому принципу» на условные «Московский» и «Ленинградский» в соответствующих им границах

времен СССР или приближенных к ним. Планы по реорганизации округов будут воплощены в 2020 г.

Неизменным окажется самый компактный *Южный военный округ* — его трансформировать военные власти не собираются.

Территориально-административное деление приведёт к созданию новых или передислокации имеющихся войсковых частей, или соединений. Делается это для того, чтобы в составе каждого из округов были представлены все рода и виды войск, необходимые для выполнения стратегических задач. Кроме группировок ВС, расположенных на территории России, военное командование РФ разместило за границей еще несколько военных баз и пунктов базирования сил флота.

Принципиально новым в структуре военных округов является то, что на них в границах ответственности возлагаются функции оперативного руководства всеми воинскими формированиями, независимо от их вхождения в различные федеральные ведомства. Это значит, что пограничные, внутренние войска, части гражданской обороны и другие воинские формирова-

Рис. 2.15. Схема единой системы ПВО России и Белоруссии.

Источник: POSREDI.RU. URL: <http://posredi.ru/sootnoshenie-sil-rossiya-nato.html>

ния в оперативном плане подчиняются оперативно-стратегическому командованию.

При этом особой головной болью натовских стратегов является Калининградская область, оказавшаяся после распада СССР в тылу у натовской восточноевропейской группировки. Ее зенитные комплексы С-400 и противокорабельные комплексы «Бастион», размещённые там, в сочетании с ударным комплексом «Искандер» способны создавать для натовских войск обширные «зоны запрещенного доступа», покрывающие огромные морские и сухопутные территории (рис. 2.15).

Военно-Воздушные Силы сочетают в себе оборонительные и ударные функции, они предназначены для эффективного действия при отражении воздушно-космического нападения, завоевания господства в воздухе, а также для решения задач авиационной поддержки Сухопутных войск, ведения воздушной разведки, транспортных перевозок и специальных задач (рис. 2.16).

Военно-Морской Флот предназначен для создания надежной обороны государства, обеспечения национальных интересов России в Мировом океане и в прилегающих к России акваториях, поддержания военно-политической стабильности на морских и океанских пространствах. В его состав

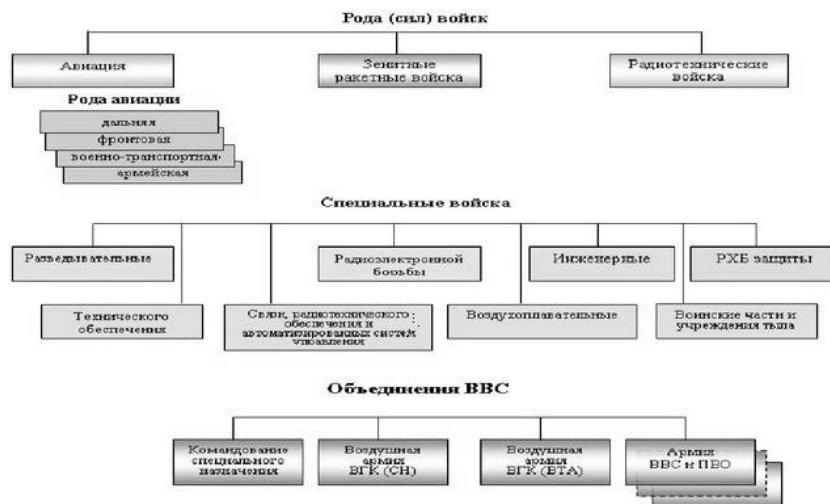

Рис. 2.16. Структура и состав Военно-Воздушных Сил. Источник: URL: <https://ds03.infourok.ru/uploads/ex/08fc/00017c13-ee27a89c/640/img30.jpg>

Рис. 2.17. Структура и состав Военно-Морского Флота. *Источник:* URL: <http://www.grandars.ru/images/1/review/id/3801/234d691eb4.jpg>

входят четыре флота — Северный, Тихоокеанский, Балтийский, Черноморский и Каспийская флотилия, органы военного управления и родов сил: подводные и надводные силы, морская авиация, береговые войска, подразделения обеспечения и обслуживания (рис. 2.17).

Северный флот — обеспечивает защиту границ России со стороны Северно-Ледовитого океана, база которого расположена в Североморске. Данный флот является самым молодым, его флагман — атомный ударный крейсер «Петр Великий». **Балтийский флот** — стоит на защите государственных границ с западного фланга. Его флагман — эсминец «Настойчивый». **Черноморский флот** — располагается на побережье Черного моря с базой в Севастополе, расположенной в Крыму. Флагман флота — крейсер «Москва». **Тихоокеанский флот** — выполняет необходимые боевые задачи на востоке страны. Его база находится во Владивостоке. Флагман флота — крейсер «Варяг». Каспийская флотилия — базируется в основном в Астрахани, ее флагманом выступает ракетный корабль «Дагестан».

Техническое переоснащение войск и сил военных округов России

Для соответствия параметрам армии XXI в., она регулярно переоснащается на новые образцы вооружения и военной техники. Так, в танковую армию *Западного военного округа* поступили на вооружение новейшие средства спутниковой связи «СНАРК» и «Ладья», а соединения и воинские части армии также существенно обновили свою технику. Ракетную бригаду округа

перевооружили на ОТРК «Искандер-М». В 2018 г. в объединение поступило более 200 единиц техники. Это бронетранспортеры БТР-82А, бронированные командно-штабные машины Р-149АКШ, боевые машины пехоты БМП-2М, ремонтно-эвакуационные машины РЭМ-КЛ, автомобили повышенной проходимости «Мустанг», подвижные цифровые радиорелейные станции Р-419Л1, буксируемые гаубицы 2А65 «Мста-Б», пикапы. На вооружении округа стоит более 3,7 тыс. единиц бронетанковой техники.

Центральный военный округ получил на вооружение многоцелевые истребители Су-34. Они базируются на военном аэродроме Шагол в Челябинской области. Округ также получил на вооружение 10 бомбардировщиков Су-34. Всего в 2018 г. в войска ЦВО было поставлено свыше 400 единиц современных образцов техники, при этом миротворческую бригаду России оснастили новыми бронетранспортерами БТР-82АМ. С учетом сирийского опыта в округе появились новые инженерные, минометные, легкие и тяжелые мотострелковые подразделения. Всего за последние 5 лет в соединения и воинские части ЦВО поступило более 1000 цифровых средств связи 6-го поколения. Парк военной техники 2-й гвардейской общевойсковой армии ЦВО в Поволжье обновился на 49 % за последние 8 лет, только в 2018 г. в армию по гособоронзаказу поступило более 200 единиц техники.

В 2018 г. новые унифицированные командно-штабные машины Р-149МА1, предназначенные для управления войсками в полевых условиях, поступили на вооружение соединения управления 58-й общевойсковой армии *Южного военного округа*, дислоцированного в Северной Осетии. В войска ЮВО также поступило более 50 единиц новейших образцов техники связи, созданных с применением современных и перспективных технологий. Этой техникой оснастили воинские части и подразделения связи округа, дислоцированные в Чечне, Ставропольском и Краснодарском краях, а также в Астраханской и Ростовской областях. Поступившие в войска округа образцы техники связи, в том числе командно-штабные машины на базе броневедомола «Тигр» П-230Т, на базе автомобиля Камаз Р-149АКШ-1, станции спутниковой связи Р-441-ЛМ и аппаратные Р-438Н, заменяют телефонные и телеграфные аппаратные, а также станции радиорелейной связи. По скорости передачи данных они превосходят технику связи предыдущего поколения в десятки раз и взаимодействуют со всеми системами обмена, данными предыдущих поколений.

Всего в 2018 г. в сухопутные войска поступило 148 современных образцов малогабаритных станций спутниковой связи и автоматизированных систем управления, таких, как Р-444-ПТН, Р-438М, Р-187-П-1 «Азарт», которые используются в разведывательных подразделениях и подразделениях специального назначения. А военные связисты получили системы, которые позволяют в 2—3 раза оперативнее управлять войсками. Также принято ре-

шение о поставке в соединения Сухопутных войск по государственной программе вооружения и государственному оборонному заказу современных командно-штабных машин, комплексных аппаратных связи, комплексов средств связи и автоматизации и средств поражения, оснащенных современными программно-техническими комплексами, которые позволяют выстраивать систему управления, функционирующую в едином информационном пространстве. Современные образцы дают возможность создавать узлы связи полевых подвижных пунктов управления и сети цифровой полевой системы связи. Благодаря новейшим цифровым технологиям, техника связи может оказывать полный спектр инфокоммуникационных услуг, а также создавать общую транспортную среду, интегрированную в единую систему управления в масштабе Вооруженных Сил РФ. Защиту информации, проходящей через средства связи, обеспечивает цифровая автоматизированная система безопасности связи.

В 2018 г. объединения ВВС и ПВО *Восточного военного округа*, дислоцированные в Хабаровском крае, завершили перевооружение на зенитную ракетную систему нового поколения С-400. Зенитчики освоили новую технику на одном из полигонов в западной части России, где изучили тактико-технические характеристики и материальную часть этой системы, а также выполнили учебные и практические пуски ракет. На сегодняшний день в Восточном военном округе несколько зенитных ракетных воинских частей перевооружены на ЗРС С-400.

ВКС России в этом году получили 3 зенитные ракетные системы С-400 «Триумф» для поставки в подразделения ПВО военных округов. При этом доля современного вооружения и военной техники в зенитных ракетных войсках ВКС составила около 70 %. Дальнобойная зенитная управляемая ракета 40Н6 системы С-400 «Триумф» были приняты на вооружение ВС РФ. Всего в рамках госпрограммы вооружения до 2027 г. планируется закупить более тысячи 40Н6 для оснащения ими формируемых и перевооружения существующих полков С-400.

Итоги военных действий ВКС РФ в Сирии и их результаты

При реформе военной организации государства также учитывается опыт боевых действий ВКС в Сирии. Как заявил министр обороны РФ С. Шойгу, выступая на совещании министров обороны АСЕАН и партнеров по диалогу в октябре 2018 г.: «За 3 года участия российской группировки в боевых действиях в этой стране при её поддержке полностью разгромлены бандформирования ИГИЛ»⁷⁶. Всего за время операции было уничтожено свыше 87 500 боевиков, освобождено 1411 населённых пунктов и более 95 % территории Сирии», — доложил он. Также министр обороны РФ сообщил, что в ходе боевых действий поражено порядка 122 000 объектов террори-

стов. А российские сапёры за время операции в Сирии разминировали 6500 га территории республики, 1500 км дорог, свыше 19 000 зданий и сооружений. Общая площадь освобожденной территории равна 10 тыс. кв. км (около 5 % от площади всей Сирии)⁷⁷. Террористы были вытеснены из Латакии, восстановлено сообщение с Алеппо, и Пальмира была вновь освобождена от незаконных вооруженных формирований.

Также была очищена большая часть провинций Хама и Хомс, деблокирована авиабаза Квайрес, которая была заблокирована 3 лет, и установлен контроль над нефтегазовыми полями вблизи Пальмиры.

Всего пилоты российских ВКС в Сирии к началу 2019 г. выполнили более 9 тыс. вылетов. Нанесены удары высокоточным оружием на дальность свыше 1,5 тыс. км. На территории Сирии уничтожено более 2 тыс. бандитов — выходцев из России, в том числе 17 полевых командиров (рис. 2.18).

Рис. 2.18. Итоги операции ВКС РФ в Сирии. *Источник:* URL: http://rnews.ru/system/files/styles/body_main_img_570_only_width/private

Ударная авиация ВКС РФ уничтожила большую часть объектов нефтяной промышленности, находящейся под контролем боевиков, тем самым существенно сократив источники финансирования террористических группировок.

В результате ударов удалось остановить, а в отдельных местах и полностью прекратить ресурсное обеспечение террористов за счет пресечения торговли углеводородами. ВКС России уничтожили в Сирии 209 объектов нефтедобычи и перекачки топлива. При этом операция в Сирии финанси-

ровалась из бюджета Минобороны. Сумма, затраченная на боевую подготовку, составила 33 млрд руб. Соответственно, 1 ч работы авиационной группировки в Сирии стоил 8,2 млн руб. Таким образом, Россия показала всему миру, что ее современная армия сильна.

Для примера, по сравнению с ней Соединенные Штаты для борьбы с Хусейном собирали свои войска на Аравийском полуострове 3 месяца, а Россия за считанные дни перебросила свою группировку ВКС в Сирию, которая совершала ежедневно по 70—80 вылетов и уничтожала по 250 целей. Для сравнения — американцы совершали около 20 вылетов, при том у них было 180 самолетов, а у ВКС только 50. Поэтому Вашингтон был вынужден признать, что российская армия является второй по мощи в мире. Работа ВКС РФ в Сирии не прошла зря — достигнут результат, который ощутим, особенно если сравнить с той катастрофической ситуацией, которая складывалась до начала Россией военной операции.

Тем не менее, одними только действиями авиации в войне с террористами с их полупартизанскими силами и методами ведения боевых действий не справиться. Помимо помощи, оказанной сирийским правительственным войскам, успехи которых в конечном итоге и привели к установлению перемирия и началу мирных переговоров, было организовано четкое взаимодействие военной операции ВКС с политическими действиями российских дипломатов, политических деятелей других государств, динамикой, логикой проведения мероприятий по урегулированию. Также был налажен контакт с американскими военными быстрее, чем с политическими деятелями США. Россия предложила и подписала меморандум о недопущении происшествий в небе над Сирией, и вскоре американские военные пришли к выводу, что этот меморандум эффективен.

Сказалось и умение российских военных контактировать с местным населением, обеспечить четкое взаимодействие и учет особенностей боевых действий в климатических условиях Сирии, найти контакт с вооруженными группировками, которые хотели бы сложить оружие или же участвовать в конфликте на стороне сирийских ВС.

В итоге Россия получила в Сирии две военные базы (военно-воздушная база в Хмеймиме и пункт обслуживания ВМФ в Тартусе), с помощью которых она может контролировать весь Ближний Восток и восточную часть Средиземного моря, где находятся корабли НАТО. По заявлениям официальных лиц России, системы ПВО С-400 и часть боевых самолётов, самолеты воздушной разведки в Сирии останутся, так же как и корабельная группировка у ее берегов. На базах РФ будет находиться около 1 тыс. человек в составе 2 батальонов по 800 человек каждый⁷⁸. Останутся и военные специалисты, которые обучают сирийскую армию. А в случае непредвиденных

обстоятельств российское военное присутствие в Сирии может быть вновь усилено через эти базы.

В целом анализ опыта сирийской войны состоит в следующем. Международное право может быть нарушено в любой момент, если ведущие государства Запада сочтут для себя целесообразным пойти на этот шаг. В международной политике стали правилом двойные стандарты, когда сильные державы готовы применить свою силу, для чего они ищут оправдания для агрессии. При этом США и НАТО присвоили себе монопольное право — санкционировать насилие, и если другие государства и политические силы захотят нападать друг на друга, то только с разрешения «мирового жандарма» США. Кроме того, ход войны в Сирии и событий вокруг нее позволяет сделать ряд умозаключений.

Первое — события на Ближнем Востоке еще раз показали, что основным принципом ряда западных стран в международных отношениях при реализации своих политических и стратегических интересов остается принцип «опоры на военную силу». Поэтому Россия должна продолжать совершенствовать военную организацию государства. Тем не менее, западное общество уже не может полагаться исключительно на лидерство США. Хотя США продолжают во многом оставаться «незаменимым лидером», каким они были последние 60 лет, у них все меньше возможностей продолжать успешно играть эту роль.

Второе — мировая общественность становится значительным фактором международных отношений, не совпадающим с политическим руководством стран и государств и проявляющим чувствительность к проблеме применения силы, в особенности военной силы, будь то в Сирии, Ираке, Афганистане, в Африке и т. д., рассматривая эту меру с позиций ее адекватности.

Третье — война в Сирии стала вооруженным конфликтом нового типа, характерным для новейшего времени. Она сочетает применение широкого арсенала средств борьбы, включая политические, психологические, информационные и др. В ней действовали незначительные силы на сравнительно небольшом ТВД. Масштабы и сроки их действий определялись в основном двумя факторами: стремлением избежать больших потерь и ожиданием итогов политических переговоров, которые шли на разных уровнях. При этом успешное применение основными противниками режима Б. Асада информационно-психологических кампаний и других мер информационной войны, как на стратегическом, так и на оперативно-тактическом уровнях, показывает, что их роль в будущем не менее важна, чем ведение воздушных и специальных операций.

Четвертое — Россия получила возможность продемонстрировать в реальных боевых условиях свои современные средства военной борьбы — не

только самолеты, но и спутниковую связь, навигационную систему ГЛОНАСС с ее высокой точностью и надежностью. Эта демонстрация направлена на потенциальных клиентов на рынке вооружений. Это также подтверждает способность России сохранить свой суверенитет в случае войны. А военные действия в Сирии показали высокую степень надежности и пригодности российского оружия в целом, так как срийская армия в течение этих лет вела борьбу против хорошо вооружаемых и снабжаемых Западом антиправительственных сил, располагая оружием почти исключительно российского и советского производства, причем по преимуществу далеко не новых образцов.

Пятое — в ходе войны в Сирии в качественном аспекте были использованы почти все неядерные возможности ВКС России. Там применялись самые разные модели боевых самолетов: многоцелевые истребители Су-35С и Су-30СМ, фронтовые бомбардировщики Су-34 и Су-24М, штурмовики Су-25СМ, впервые в истории удар по противнику нанесли стратегические бомбардировщики Ту-95МС и Ту-160. Достаточно широко применялось высокоточное оружие — бомбы со спутниковым наведением КАБ-500С, ракеты с лазерным наведением (Х-25 и Х-29), а установка на бомбардировщики Су-24М новых прицельных комплексов «Гефест» позволила точно нанести удары и неуправляемыми бомбами (ФАБ-250, ФАБ-500 и т. п.).

Основные уроки Сирии для военной безопасности России на глобальном и региональном уровне

Подводя промежуточные итоги военной операции в Сирии, можно сделать ряд выводов относительно военной безопасности России в будущем.

Первый. Операция в Сирии дала ВС РФ, и прежде всего командованию и личному составу ВКС, существенный боевой опыт и возможность продемонстрировать в действии российское оружие, спутниковую связь и навигационную систему ГЛОНАСС. Это является мощным стимулом для продажи российского вооружения на региональном и глобальном уровнях. При этом опыт войны в Сирии и другие современные конфликты локального уровня должны побудить российское государственное и военное руководство страны заняться решением одной из главных задач — разработкой стратегии и уточнением теории использования ее ВС, с учетом особенностей противопартизанской войны, как наиболее востребованного в ближайшие десятилетия способа ведения боевых действий.

Участие ВКС России в войне в Сирии также показало, что аутсорсинг, который применяется в настоящее время в ВС РФ, может существовать только в мирное время, в боевых условиях он оказывается не только ненужным, но и вредным. Поэтому необходимо учитывать советский опыт орга-

низации технического обеспечения ВВТ, их ремонта, обслуживания и материального снабжения.

Второй. В XXI в. уже невозможно воевать успешно, если основные параметры систем связи Сухопутных войск, ВВС и ПВО, ВМФ, РВСН, ВКС не совпадают. Руководству ВС РФ и конструкторским бюро военных ведомств необходимо завершить решение проблемы сопрягаемости морских, сухопутных и воздушных средства связи и управления, привести их к основным параметрам, позволяющим использование стратегических, оперативных и тактических АСУВ. Также нельзя откладывать принятие решения о состыковке топографических основ морских и общевойсковых карт прибрежной зоны морей и океанов.

Среди других приоритетных задач — разработка кодекса требований к боевой технике и вооружению XXI века, в том числе боевым машинам с собственным интеллектом. Следует учитывать и мнение западных экспертов, что комбинированное применение воздушной операции и ограниченного числа спецназовцев станет основой военных действий, на ближайшие 10 лет. В Генеральном штабе, в оперативных стратегических командованиях ВС России «Юг», «Запад», «Центр», «Восток» необходимо создать условия к ведению боевых действий на отдельных направлениях и совершенствовать подготовку кадров в академиях для ведения информационно-психологических операций на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях. Очевидно, руководству России следует начать работу по созданию нового рода войск — информационных. В связи с этим появилась потребность в выработке российской военной наукой требований к этому роду войск, так как война в Сирии в очередной раз показала, что выигранные на поле боя итоги могут быть полностью затушеваны и стерты в виртуальном пространстве⁷⁹. Также требует пересмотра теория использования современных авиации, флота и специальных сил, с учетом растущего значения информационно-психологических и киберопераций в будущих военных конфликтах.

Третий. Применением США и НАТО широкомасштабных информационно-психологических операций и других мероприятий информационной борьбы против Сирии не только на стратегическом, но и на оперативном и тактическом уровнях не менее важно, чем ведение воздушных, наземных, морских и специальных операции. Поэтому на государственном уровне необходимо выдвинуть требование перед телеканалами России, перед ее информационными агентствами, чтобы их общее направление деятельности соответствовало внешнеполитическим установкам российского руководства. И если Россия находится в противостоянии с США на мировой арене — в СБ ООН по Сирии, в МАГАТЭ — по иранской тематике, то почему эти области в СМИ остаются абсолютно свободными для западного толко-

вания? Специалисты из Института США и Канады, Институты Дальнего Востока и востоковедения, Института мировой экономики и международных отношений обязаны по своему служебному положению отражать и излагать официальную линию России, а не противостоять ей.

«Зеркальный» ответ РФ на выход США из договора по ДРСМД

В Послании Федеральному собранию от 20 февраля 2019 г. президент РФ отметил, что самым острым и обсуждаемым на сегодняшний день вопросом российско-американских отношений остается односторонний выход США из Договора по ДРСМД. И если их ракеты будут поставлены на европейский континент, а США такие планы имеют, то это создаст для России серьезные угрозы, и поэтому она предусматривает зеркальные и асимметричные действия. РФ будет вынуждена создать и развернуть виды вооружений, которые могут быть использованы не только в отношении тех территорий, с которых для нее будет исходить прямая угроза, но и в отношении тех территорий, где находятся центры принятия решений о применении ракетных комплексов. По своим данным, в том числе по подлетному времени до этих центров управления в Европе, эти вооружения будут соответствовать тем угрозам, которые направлены против России. В целом, ликвидация договора предоставила Москве карт-бланш на запуск производства ранее запрещённых оперативно-тактических ракетных комплексов (ОТРК) и новых видов ударного оружия. РФ будет вкладывать средства в достаточно широкий спектр вооружений, позволяющих наносить высокоточный удар на дальности свыше 500 км. Речь идёт не только о наземных платформах, дополнительные средства могут получить производители морских и авиационных ракет. Для этого в РФ постоянно ведется работа по перспективным образцам и системам вооружений (рис. 2.19).

Началось серийное производство комплекса «Авангард». В 2019 г. им был оснащен первый полк РВСН. Проводится цикл испытаний межконтинентальной ракеты «Сармат». Лазерные установки «Пересвет» и авиационные комплексы с гиперзвуковыми ракетами «Кинжал» в режиме опытно-боевого дежурства подтвердили свои уникальные характеристики, а личный состав получил опыт их эксплуатации. В декабре 2019 г. все поставленные в ВС РФ «Пересветы» заступили на боевое дежурство. Продолжилась и работа по расширению инфраструктуры базирования самолетов МиГ-31, оснащенных ракетами «Кинжал». Успешно проходят испытания крылатая ракета неограниченной дальности с ядерной двигательной установкой «Буревестник», а также подводный неограниченной дальности беспилотный аппарат «Посейдон», весной 2019 г. была спущена на воду первая атомная подводная лодка — носитель этого комплекса. Идет работа по созданию гиперзвуковой ракеты «Циркон» со скоростью полета около 9 махов,

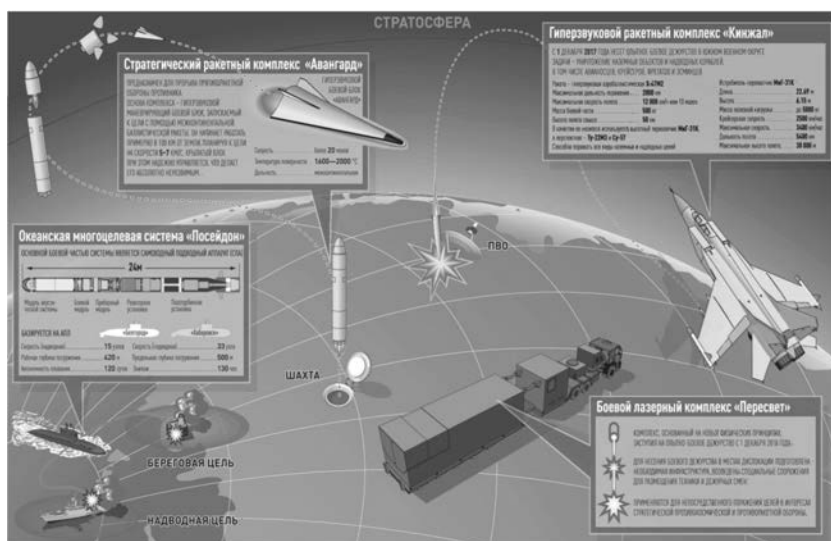

Рис. 2.19. Перспективные системы вооружения ВС России. Источник: URL: http://rnews.ru/system/files/styles/body_main_img_570_only_width/private/news/img-

дальностью более 1 тыс. км. способной поражать как морские, так и наземные цели. Ее применение предусмотрено с серийных подводных кораблей и подводных лодок, в том числе уже произведенных и строящихся под ракетные комплексы высокоточного оружия «Калибр». Оно будет передано на 7 новых подводных лодок на 2 года ранее установленных сроков, в ближайшее время будет заложено 5 надводных кораблей дальней морской зоны, еще 16 кораблей такого класса будут введены в состав ВМФ до 2027 г. Россия может вернуться к проекту создания лёгкой межконтинентальной баллистической ракеты «Курьер». И в связи с угрозой размещения в Европе американских ракет с минимальным временем подлёта, «Курьеры» предполагается развернуть в Арктике. Они смогут достигать территории США за короткое время — в пределах 10 мин.

По мнению зам. академии геополитических проблем К. Сивкова, Россия вовсе не обязана отвечать американцам зеркальными мерами и активизировать производство указанных в Договоре типов ракет, как это планируют делать в Пентагоне. РФ должна ответить на угрозу предельно эффективно. Таким ответом станет разработка и производство оружия сверхбольшой дальности на базе ракет X-101. Недорогие и относительно небольшие ракеты

с дальностью полёта до 12 тыс. км. в количестве до 500 единиц создадут наиболее адекватную угрозу США. В Соединённых Штатах сейчас нет средств ПВО, достаточно эффективных для нейтрализации такого оружия, и не предвидится в обозримом будущем. Кроме того, получат развитие артиллерийские системы, которые смогут наносить удары на дальности от 300 до 500 км. Возможно появление новых боеприпасов, бьющих на 800 км, считает основатель портала Military Russia Д. Корнев. В дальнейшем эти комплексы оснастят гиперзвуковыми управляемыми боеголовками и ракетами дальностью свыше 1,7 тыс. км. На вооружении появятся дальнобойные ракеты для ОТРК семейства «Искандер» и различные сухопутные версии «Калибров». Не стоит забывать и о других средствах сдерживания, таких, как гиперзвуковое оружие, перехват которого практически невозможен. Как заявил начальник ракетных войск и артиллерии ВС РФ генерал-лейтенант М. Матвеевский, ракета 9М729 для «Искандера» имеет боевую часть повышенной мощности и обеспечивает высокую точность поражения. Россия по состоянию на февраль 2019 г. уже располагает 4 дивизионами крылатых ракет 9М729.

Однако важнейшую сдерживающую роль в предотвращении военных действий на различных ТВД будут играть стратегические ядерные силы. В связи с этим у Москвы нет необходимости вкладывать деньги в масштабное производство ОТРК. Гораздо эффективнее вкладывать средства в совершенствование ядерной триады РФ, тем более что она обладает возможностью поражать цели по всему миру. Появление нового оружия стратегического назначения будет самым адекватным и менее затратным ответом на размещение ракет средней и меньшей дальности вблизи границ РФ. Как заявил военный эксперт Ю. Кнутов, у России достаточно инструментов ядерного и неядерного сдерживания США. Достигнутый за последнее время прогресс в сфере гиперзвука, в ракетных технологиях и в создании оружия на «иных физических принципах» позволит России адекватно реагировать на военные угрозы. Появились гиперзвуковые ракеты, боевые блоки и другие новейшие системы, способные гарантированно нанести неприемлемый ущерб военным объектам на море и на территории всех стран. Достижения в области компьютерной электроники и технических средств наведения привели к созданию крылатых ракет, оснащенных неядерной боевой частью, которыми можно управлять, меняя их траектории и цели во время полета и продлевая время их нахождения в воздухе для нанесения удара в запрограммированное время. При наличии таких характеристик их можно запускать сразу из нескольких мест и одновременно взрывать, нанося удары по многочисленным целям.

Кроме того, обладая самыми большими в мире запасами газа и нефти, Россия смогла продемонстрировать свою силу в противостоянии Европей-

скому союзу и США. В настоящее время Россия поставляет на мировой рынок 22 % природного газа и четверть от 40 % газового импорта в Европу. Нефтяные поставки этой страны составляют 12 % от мирового объёма, в то время как в Европе доля «чёрного золота» из России составляет 22 %. Кроме того, Россия контролирует поставки нефти и газа из Туркмении и Казахстана. Таким образом, её нефтяная дипломатия, в первую очередь, завязана на европейских странах, потому как экономически они сильно зависят от российской нефти. Европа осознаёт, что это является её слабым местом, и поэтому ищет альтернативные поставки энергоресурсов либо соглашается на условия Москвы, как это сделали Германия и ряд балканских стран.

В целом, решение США о выходе из договора о РСМД не поставит нерешаемых вопросов перед страной, считает член Совета Федерации РФ по обороне и безопасности Ф. Клишчевич. В США рассчитывают на то, что поддержание военного паритета негативно скажется на российской экономике и приведет к тому, что страна будет вынуждена пересмотреть свою политику в силу колоссального масштаба подобных расходов. В то же время данный подход американцев сделан с откровенным опозданием, поскольку игнорирует текущее состояние России и подходы Москвы к вопросу обеспечения безопасности, резюмирует он.

Влияние прекращения договора о РСМД на международную безопасность

По мнению российских парламентариев, разрыв соглашения по ДРСМД послужит стимулом для развития гонки вооружений. Глава комитета Госдумы по международным делам Л. Слуцкий полагает, что ликвидация ДРСМД может привести к серьёзному кризису в сфере контроля над ядерными арсеналами, так как ракеты средней и меньшей дальности относятся к классу нестратегического (тактического) ядерного оружия.

В настоящее время США делают стратегическую ставку на эскалацию общей напряженности в мире. Эти действия создают опасность прямого вооруженного конфликта на территории Европы, поскольку данная политика ведет к перегреву на границах России, что не выгодно не только Москве, но и всем близлежащим к ней странам. Первыми новую ситуацию почувствуют на себе европейцы, поскольку системы средней и меньшей дальности порождают новые риски в первую очередь именно на Европейском континенте. Поэтому заявление Трампа по ДРСМД оказалось для европейских партнеров США неприятной неожиданностью. Одним из первых на это заявление резко отреагировал Берлин устами министра иностранных дел ФРГ Мааса. Последствия почувствует на себе и Китай, так как США выражают все больше озабоченности развитием ядерного арсенала Китая. Критика ДРСМД, звучащая из уст Болтона, Мэттиса и других членов ко-

манды Трампа, связана и с тем, что Договор никак не ограничивает развитие ядерных сил КНР. Поэтому отказываясь от Договора, США развязывают себе руки не только на Европейском, но и на Азиатском ТВД. Пентагон начал расширять арсенал средств сдерживания Китая, закрепляя за собой позиции «эскалационного доминирования», однако среди азиатских союзников США вряд ли найдутся желающие увидеть их ракеты на своей территории.

Проиграет и глобальная безопасность, так как в условиях отказа от ДРСМД очень проблематичным представляется будущее режима нераспространения ядерного оружия, которое должно стать предметом обсуждения на Обзорной конференции 2020 г. Не исключена возможность того, что эта конференция окажется последней, логично дополнив процесс распада системы контроля над стратегическими вооружениями. Зам. председателя Госдумы по международным делам А. Чепя заявил, что Россия может пересмотреть свою военную доктрину, которая сейчас основана на оборонительной системе, перейдя к действиям превентивного характера в случае выявления признаков агрессии против России. При этом Россия готова к переговорам по разоруженческой тематике, но «стучаться в закрытую дверь» больше не будет и подождёт, пока США осознают необходимость равноправного диалога по этой теме.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы

Во-первых, с выходом США из Договора о РСМД в мире наступает новая эпоха. Он становится менее предсказуемым и, потенциально, — более опасным, чем мир XX в. Выход США из ДРСМД не просто дал России добавить еще один пункт к и без того длинному списку претензий Москвы в адрес Вашингтона, но и активизировал поиски новых моделей снижения военных рисков и укрепления стратегической стабильности на глобальном и региональном уровнях. Для этого у России есть все необходимые предпосылки — наличие уникального опыта в разработке и использовании перспективных систем вооружения. Кроме того, Россия по-прежнему остается одной из ведущих ядерных сверхдержав. При этом военная программа, которая реализуется в РФ, решает все необходимые вопросы, поэтому России не нужно тратить здесь дополнительные средства.

Во-вторых, в связи с выходом из Договора РСМД и революцией в военном деле термин «контроль над вооружениями» потребует пересмотра. На место двустороннего, юридически обязывающего, преимущественно количественного «контроля над вооружениями» целесообразно прийти к многостороннему, преимущественно качественному «управлению стратегическими вооружениями». В этой новой системе координат большую роль будут играть наличие многочисленных линий коммуникаций не только на высшем, но и на других уровнях, оперативный обмен военной ин-

формацией, сравнение военных доктрин, представлений об угрозах и планах развития стратегических сил, совместное противодействие распространению ядерного оружия, ядерному терроризму и прочее. Будущие соглашения едва ли станут оформляться в виде традиционных, юридически обязывающих и подлежащих ратификации договоров. Ратифицировать какие бы то ни было международные договоренности сегодня оказывается делом крайне сложным, а во многих случаях — попросту невозможным. Как показывает опыт ДРСМД, равно как и Договора по ПРО, такие гарантии не дают и юридически обязывающие соглашения — из любого такого соглашения можно оперативно выйти, выполнив несложные формальные процедуры. России также так или иначе придется принимать во внимание растущие возможности официальных и неофициальных членов «ядерного клуба», помимо США. Соответственно, двусторонний российско-американский формат должен быть тем или иным образом преобразован в формат многосторонний.

В-третьих, в центре будущего контроля над стратегическими вооружениями вряд ли будут находиться количественные параметры ядерных арсеналов договаривающихся сторон. Нет никаких оснований полагать, что количественная гонка вооружений — по типу той, которая велась Советским Союзом и Соединенными Штатами во второй половине прошлого века, повторится в нынешнем столетии. Главной проблемой переговоровщиков будут не количественные, а качественные характеристики стратегических арсеналов — таких, как, например, растущее использование в этой области элементов искусственного интеллекта. Допустимо предположить, что из опыта прошлого в будущем более востребованными окажутся не традиционные двусторонние модели ДРСМД или СНВ-III, а более гибкий многосторонний формат соглашения по иранскому ядерному досье 2015 г. Хотя и этот формат не дает полноценных гарантий выполнения договоренностей, оставаясь заложником внутривосточных сдвигов в одной из ведущих ядерных держав.

Подводя итог, можно прогнозировать, что Соединённые Штаты продолжат попытки сохранить нынешнее положение и собственную роль лидера и экспансиониста в мире, в ответ Россия предпринимает усилия по изменению существующих условий и установлению многополярной структуры в международных делах, бросая при этом вызов США, что свидетельствует о серьёзном соперничестве между ними. Основная часть международных проблем, в которых проявляется конкуренция между Москвой и Вашингтоном, касается стратегического паритета, проекта установления систем ПРО, региональных кризисов в Афганистане, Северной Корее и Сирии, геополитического соперничества в плане расширения НАТО, нынешней дестабилизации ситуации на Украине, а также ряда других вопросов.

2.5. Направления нейтрализации угроз России в информационной сфере

Объективная необходимость уточнения информационной политики России

Россия и Запад имеют большое количество пересекающихся интересов в мире, чтобы сохранять даже видимость нейтралитета по отношению друг к другу. При проводимой ныне политике, России, по мнению западных экспертов, по-прежнему отводится место вассала Запада, и, следовательно, этим ограничивается ее собственные интересы в мире. Однако подобное обстоятельство не может существовать, так как противоречит не только статусу России как мировой державы, но и способностям западного мира держать под контролем ситуацию в РФ⁸⁰.

Для этого Россия должна проявить усилия по отстаиванию жизненно важных интересов в регионах мира, иметь четко выработанную концепцию противодействия вызовам и угрозам в политической, экономической, военной, а также в информационной сферах, для того чтобы защитить собственную безопасность и интересы в мире⁸¹.

В этих целях в РФ в 2002 г. была уточнена Доктрина информационной безопасности РФ⁸². Ее анализ показал, что она пока реализуется слабо и в своем содержании нуждается в уточнении с учетом современной и будущей геополитической ситуации в мире. В уточнении также нуждается и государственная информационная политика страны, направленная на более ее полную реализацию в соответствии с современными и будущими реалиями, обеспечивающая информационную безопасность РФ во всех направлениях ее жизнедеятельности. При этом особое внимание следует обратить на то, что российское общество заинтересовано в создании государственных защитных механизмов, которые способствовали бы формированию за рубежом объективного взгляда на российскую действительность.

Как показывает практика, деятельность российских СМИ по разъяснению зарубежной аудитории целей и основных направлений государственной политики России, ее мнения по социально значимым событиям российской и международной жизни нуждается в улучшении. Это одно из наиболее важных объектов обеспечения информационной безопасности страны. Для этого Россия располагает необходимыми ресурсами для обеспечения своей информационной безопасности, которые должны быть использованы в следующих направлениях:

разработка основных направлений государственной политики в области совершенствования информационного обеспечения внешнеполитического курса РФ;

создание российским представительствам и организациям за рубежом условий для работы по нейтрализации распространяемой там дезинформации о внешней политике РФ;

совершенствование информационного обеспечения работы по противодействию нарушениям прав и свобод российских граждан и юридических лиц за рубежом.

При этом укрепление своего информационного влияния в мире необходимо рассматривать важнейшим составляющим информационной политики России, а для успешного отпора внешним и внутренним информационным угрозам необходимы стабильность и единство общества. Однако в настоящее время действительность российского общества характеризуется наличием раскола общества на небольшую часть богатого населения и на большинство ее бедных слоев. Такое состояние общества ослабляет противостояние информационным угрозам. Это требует от России усилить свое влияние в информационной сфере, с целью защиты интересов государства, его целостности и суверенитета.

Следует также отметить, что в информационной сфере с целью нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности в России постоянно совершенствуются механизмы реализации прав граждан на получение, хранение, пользование и распоряжение информацией, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, где государство гарантирует обеспечение установленного законодательством порядка доступа к государственным информационным ресурсам. А в новых условиях, когда монополизм государства в области информации оказался частично разрушен, нерешенными продолжают оставаться многие проблемы охраны и защиты конфиденциальной информации, интеллектуальной собственности и коммерческой тайны, без чего невозможно эффективное управление, предотвращение негативного внешнего воздействия, решение всего комплекса проблем информационной безопасности.

Стратегия создания информационного поля России

Значимым этапом решения комплекса проблем информационной безопасности станет разработка и реализация стратегии всеобъемлющей информатизации страны, ориентированной на развитие электронной системы осуществления административных процедур, оказываемых гражданам и бизнесу государственными органами и иными организациями, и переход государственного аппарата на работу по принципу информационного взаимодействия. Ускоренными темпами должна развиваться индустрия информационных и телекоммуникационных технологий, где особое внимание следует уделить последовательному повышению качества, объема и конкурентоспособности национального контента, который призван занимать до-

минирующее положение внутри страны, и его продвижению во внешнее информационное пространство.

Приоритетным направлением является совершенствование нормативной правовой базы обеспечения информационной безопасности и завершение формирования комплексной государственной системы обеспечения информационной безопасности, в том числе путем оптимизации механизмов государственного регулирования деятельности в этой сфере. Важное значение должно отводиться наращиванию деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений против информационной безопасности, а также надежному обеспечению безопасности информации, охраняемой в соответствии с законодательством. Необходимо активно продолжать разработку и внедрение современных методов и средств защиты информации в системах, используемых в информационной инфраструктуре, являющейся жизненно важной для страны, отказ или разрушение которой может оказать существенное отрицательное воздействие на национальную безопасность.

Нейтрализации ряда внутренних источников угроз национальной безопасности будет способствовать информационное обеспечение государственной политики, которое заключается в доведении до граждан России и внешней аудитории объективной информации о государственном курсе во всех сферах жизнедеятельности общества, официальной позиции по общественно значимым событиям внутри страны и за рубежом, о деятельности государственных органов. Важной задачей при этом является расширение каналов и повышение качества информирования зарубежной общественности. Составной частью информационного обеспечения государственной политики выступает информационное противоборство, представляющее собой комплексное использование информационных, технических и иных методов, способов и средств для воздействия на информационную сферу с целью достижения политических, экономических и иных задач либо защиты собственного информационного пространства⁸³.

Целесообразно определить, что в деле информационной безопасности менее всего нужно ориентироваться на партнерские отношения передовых индустриально развитых государств, уже вошедших в стадию информационных обществ. В каждом конкретном случае у администрации этих государств имеется своя иерархия приоритетов, связанных с собственной концепцией национальных интересов, в соответствии с которой выбираются и тактические приемы «партнерских» отношений. Не случайно в период развала СССР наличие общих целевых установок и определенного выбора способов их реализации заставило США и их западноевропейских союзников по НАТО вычлениить «конфликтную информационную политику» как самостоятельное направление внешнеполитического курса по отношению к

СССР. Поэтому высокий уровень теоретической и практической разработки вопросов, связанных с поисками оптимальных моделей поведения политического руководства РФ в условиях кризисных и конфликтных ситуаций, должен позволить создать новые прикладные концепции уже в ближайшее время. Иными словами, на повестку дня с особой остротой встает вопрос не столько об информационном партнерстве с США, западноевропейскими и даже восточноевропейскими странами, сколько об информационной защите от такого партнерства⁸⁴.

Также необходимо выявить дестабилизирующие факторы информационной безопасности, где источниками дестабилизирующих факторов в различных ситуациях могут быть как отдельные личности, так и организации, объединения. Но наиболее сильными из них являются скрыто или открыто враждебные государства, или коалиции — в них для формирования информационных угроз создаются и функционируют специальные органы и службы. Особую группу составляют современные информационные системы и средства, поскольку они одновременно являются орудием приведения в действие информационных угроз, каналом проникновения их в сознание личности или общественное сознание и генератором спонтанных угроз, возникающих вследствие технических неисправностей и других причин. Именно последнее обстоятельство позволяет рассматривать их в качестве самостоятельного источника дестабилизирующих факторов. При этом следует учитывать, что каждому источнику свойственны определенные виды дестабилизирующих факторов. В межгосударственных отношениях это, как правило, конфликты различных масштабов и сфер жизнедеятельности страны (экономика, политика, идеология, дипломатия и т. д.)⁸⁵. К основным видам наиболее важных для нас внутригосударственных дестабилизирующих факторов России следует отнести: правовой вакуум населения страны в большинстве вопросов обеспечения информационной безопасности; преднамеренное или непреднамеренное нарушение имеющегося законодательства по вопросам информационной безопасности; существующие политические и военные конфликты различного масштаба; злоумышленные действия преступных элементов и групп в отношении информационных источников; отказы, сбои, технические ошибки информационных систем или средств; природные явления и процессы, затрудняющие получение, передачу, прием и хранение информации или разрушающие информационные системы и т. д.

Эти источники вместе с присущими им видами дестабилизирующих факторов формируют целый спектр информационных угроз, воздействующих на состояние информированности политического руководства страны. К ним относятся: похищение, уничтожение, потеря, сокрытие, разглашение, фальсификация, компрометация истинной информации, а также фаб-

рикация, распространение и внедрение заведомо ложной информации. В результате снижается информированность субъектов государственного управления, у них создается искаженное представление о протекающих в обществе и мире социальных процессах.

Публикуемая в настоящее время информация российских исследовательских организаций отличается от прежних документов более высоким уровнем обобщения и аналитичности, достижение которого возможно только при наличии обширной базы фактологических и социологических данных. Эта особенность позволяет сделать вывод, что, помимо собственных возможностей и отработанных методик социально-экономических и политических процессов, в подготовке докладов руководству страны все чаще должны использоваться экспертные и аналитические работы отечественных исследователей. При этом осуществляется переход от самостоятельной аналитической обработки первичных материалов (взглядов отдельных политиков, программных документов партий, общественных движений и т. п.) к исследованию аналитико-синтетических документов и материалов альтернативных исследовательских структур. Также можно говорить и о формировании качественно нового по своим параметрам информационного канала для зарубежных СМИ, в которых циркулирует информация, подготовленная квалифицированными специалистами России, хорошо знающими социально-политическую и экономическую ситуацию в стране.

А в условиях отсутствия общественных регуляторов использования такой информации неконтролируемость и юридическая неопределенность функционирования последней могут нанести значительный ущерб безопасности в самых различных областях. Качество информации и ее ценность для политических кругов Запада, куда в конечном итоге она попадает, определяются следующими факторами:

- профессиональной специализацией новых информационных структур, в которых по каждому направлению информационной деятельности задействованы ведущие специалисты-аналитики по данному кругу проблем;
- переходом от принципа информационной избыточности к принципу информационной достаточности, который реализуется с помощью поисковых экспертных систем и позволяет фиксировать лишь значимую для данного круга вопросов информацию, многократно снижать так называемые «информационные помехи»;
- задействованием региональных сетей, которые позволяют оперативно проводить необходимые социологические опросы и исследования постепенным переходом к формированию региональных и межрегиональных систем социально-политического и военного мониторинга;
- созданием специализированных прогностических экспертных систем, позволяющих осуществлять всерное альтернативное моделирование

поведения «политического субъекта» и давать количественные оценки вероятности действий;

- активным использованием компьютерных систем анализа и обработки информации на новейшей базе.

В итоге в отличие от традиционных информационных источников уровень и качество нового информационного канала могут оказать решающее воздействие на выработку активной политики западных государств в отношении России. Изменение социально-экономического и политического развития России обуславливает необходимость постоянного совершенствования системы защиты информации. Наличие нерешенных вопросов обеспечения безопасности информации в условиях закономерного роста открытости общества создает предпосылки несанкционированного доступа к информационным ресурсам. Поскольку Россия становится все более активным субъектом мировой политики и экономики, это влечет за собой необходимость обеспечения безопасности значительных объемов конфиденциальных сведений. Переход развитых стран мира в информационную стадию развития с такими неизбежными последствиями, как информационные преступления, информационный терроризм и даже возможность проведения информационных войн, ставит на повестку дня вопрос о возрастающем значении проблем защиты информации каждого государства. При этом для России основная задача состоит в том, чтобы обеспечить такой уровень безопасности информации, который гарантировал бы сохранение и упрочение российской демократической государственности, политической и социальной стабильности общества, защиту прав и свобод граждан в информационной сфере, равноправное вхождение страны в мировое информационное пространство, в том числе при включении ее информационных ресурсов в глобальные информационно-телекоммуникационные сети.

В современных условиях для России важным является формирование негативного глобального общественного мнения о недружественных притязаниях, открытых и тайных акциях США и НАТО. Поэтому здесь нет необходимости заниматься фальсификацией или искажением фактов действительности: объективно внешняя политика США и НАТО направлена на реализацию национальных интересов США в мире и достижение глобальных интересов НАТО на международной арене, установление одного центра силы в общей системе международных отношений. В связи с этим насущная необходимость вести эту работу в России систематически, а не эпизодически, например — в период кризисных ситуаций, связанных с провокациями, военными конфликтами, локальными войнами и т. п., с привлечением всех политических средств государства, особый упор делая на дипломатию и средства массовой информации и коммуникации. Отдельные попытки такой работы были предприняты руководством МИД РФ в период югослав-

ского кризиса, когда особая позиция России в вопросе использования военной силы НАТО против боснийских сербов реально раскрыла несоответствие между «миротворческими» устремлениями США и их союзников и их действиями против мирного населения Боснии.

Политическая борьба в глобальном масштабе не терпит слагательного наклонения: используя компромиссы, она остается бескомпромиссной по своей сути. Сегодня в ней трудно переоценить роль информационного противоборства, направленного на разобщение усилий как отдельных государств, так и их коалиций. Для этого необходимо грамотно и умело использовать противоречия как внутри отдельных государств, так и их коалиций. К примеру, единое атлантическое пространство, сформированное под эгидой США, выполняет важные оборонно-стратегические функции, но цена гарантий для европейских государств при этом невелика: континентальной Европе угрожает растворение в англо-американской системе с утратой национального многообразия и самобытности западноевропейских государств, поскольку американизация Европы — это не только геополитическая зависимость, но и культурный униформизм, растворение в обезличенной духовной индустрии, скроенной по меркам примитивного массового общества. Двуосность Европы (континентальная — океаническая, романская — германская, католическая — протестантская) уже имеет тенденцию превратиться в американизированную одномерность.

Таким образом, можно с известной долей вероятности предположить, что информационная безопасность личности, общества и государства в условиях глобализации выдвигается в число приоритетных проблем современности.

Состояние инвестиционной и информационной безопасности России

Ежегодный доклад ООН за 2018 г. о состоянии глобальной инвестиционной активности (World Investment Report)⁸⁶ был посвящен глобализации научно-исследовательских разработок. Данные этого доклада свидетельствуют о том, что заметным ограничителем инвестиций в РФ оказывается именно их «нетехнологический» характер. Так, Россия в настоящее время выделяет на обеспечение технологического развития почти в 1,5 раза меньше, чем один концерн Daimler-Chrysler. Но по привлекательности для размещения технологических подразделений своих компаний западные инвесторы поставили РФ на шестую строку — после Китая, США, Индии, Японии и Англии.

При этом Россия тратит на НИОКР в 1,6 раза меньше, чем 9-миллионная Швеция. А по числу регистрируемых в США патентов Россия занимает 7-е место после Тайваня, Южной Кореи, Гонконга, Китая, Сингапура и Индии. Но в общем числе российских заявителей частные лица составляют

менее трети, а институты и организации РФ — 68 %. Для сравнения: на Тайване и в Южной Корее, представители которых ежегодно регистрируют в США соответственно в 21,3 и в 12,7 раза больше патентов, чем россияне, а на долю организаций приходится лишь 4 % от общего числа заявителей.

По объему накопленных иностранных инвестиций Россию принято сравнивать с Китаем (98,4 млрд долл. и 702 млрд долл.); его в пересчете на душу населения РФ опережает более чем на четверть. Но Дания, идущая следом за Россией в списке реципиентов тратит 98,2 млрд долл. на 5,4 млн человек. То есть на каждого датчанина приходится не 540 долл. инвестиций, как в Китае, и не 663 долл., как в России, а 18,2 тыс. долл. И это не рекорд: в Швейцарии — 25,1 тыс. долл., в Голландии — 26,8 тыс. долл.⁸⁷

К этому следует добавить, что, по данным Росстата, в январе—марте 2018 г. прирост инвестиций в основной капитал российских компаний с учетом неформальной деятельности составил 3,6 % относительно того же периода прошлого года (после падения на 0,2 % в 2016 г. и роста на 4,4 % в 2017 г., в том числе в четвертом квартале — на 6,4 %).

Эти оценки поквартальной инвестиционной динамики говорят о замедлении роста инвестиционной активности в 2018 г. Характерно, что наибольшие инвестиции пришлось на страны ЕС, обеспечившие 38 % всех капиталовложений за рубеж. Они освоили инвестиций больше, чем Азия и Латинская Америка вместе взятые, и вдвое больше, чем США и Канада. В то же время особенно быстро иностранные инвестиции поступали в страны Азии, что составило 23 % от общего их объема (2-е место после Европы)⁸⁸. Именно поэтому нынешнее геополитическое положение диктует необходимость разработки и реализации стратегического курса России по обеспечению инвестиционной и информационной безопасности государства в ходе глобального информационного противоборства между ведущими странами мира.

Необходимо также отработать варианты возможной трансформации существующих подходов к ведению информационной войны с целью вывести процессы их управлением на один из высших уровней стратегического планирования и выработать единое понимание проблемы защиты государства от информационного оружия и кибер-тероризма.

К сожалению, нынешние раздробленные усилия различных ведомств РФ пока не дают реальных результатов. Поэтому для решения проблемы необходимо уточнение общей концепции на основе доктрины информационной безопасности, которая позволяла бы государству координировать деятельность всех участников создания и обеспечения национальной информационной безопасности. Задачи по информационной безопасности России должны решаться на основе постоянного совершенствования структуры органов системы обеспечения информационной безопасности. Необходимы

координация их взаимодействия, совершенствование приемов и способов активного противодействия информационно-пропагандистским и психологическим операциям противника, исходя из поставленных целей и задач, и активизировать работы по созданию единых теоретических основ модели информационной безопасности (рис. 2.20).

Рис. 2.20. Модель безопасности информации.

Источник: URL: <http://textarchive.ru/images/931/1860588/e8d515c1.gif>

Необходимо и принятие дополнений в законодательство РФ по СМИ, которые запрещали бы публиковать материалы или давать комментарии к происходящим событиям, не отвечающим национальным интересам России. Ряд подобных мер в последнее время был принят в США, и с пониманием был воспринят большинством населения страны. Стратегия развития информационного общества в России, как и любая стратегия, должна включать в себя следующие положения: ясное определение цели; четкое представление об окружающей среде; отчетливое представление об имеющихся ресурсах; и возможные приемы и способы достижения поставленной цели в заданных условиях окружающей среды при наличии определенных ресурсов.

Важнейшая задача — определение национальных интересов России в информационной сфере, прежде всего с учетом цикла «потребность — интерес — цели реализации интереса — ресурсы — эффективный способ достижения цели»⁸⁹.

Формулируя походы к уточнению национальной информационной стратегии, следует учитывать следующие фундаментальные принципы.

- Государство есть надстройка над обществом, поэтому государство не в состоянии формировать новое общество, оно может лишь не мешать и

пытаться трансформироваться соответственно изменениям в обществе (например, по типу «электронного правительства»).

- Современное, постиндустриальное общество сохранило традиционную основу общественных отношений — иерархию, а новое общество базируется на принципиально новой, сетевой модели. Это влечет за собой изменения в экономике, политике, самой структуре власти, обеспечении безопасности и др. Также это влечет за собой и изменение алгоритма выработки и принятия управленческих решений.

К примеру, в США в 90-х годах прошлого века информационное общество практически было построено, но существенных результатов это не дало, что привело к краху высокотехнологичных биржевых индексов. Ибо сама по себе информационная индустрия ничего не дает, это «локомотив», к которому необходимо «цеплять вагоны», которые дают реальную продукцию, повышающую качество жизни. На Западе такими «вагонами» сегодня считают биотехнологии, нанотехнологии и энергетические технологии. Все они не могут существовать без информационных технологий, но способны выдавать вполне конкретный продукт.

Оценивая региональную политику государств мира, следует учитывать особенности их регионального развития в условиях глобализации. В них главным образом развиваются глобальные мегаполисы типа Франкфурт, Нью-Йорк, Шанхай, Москва, Санкт-Петербург и др., в которых сосредотачивается капитал, трудовые ресурсы, власть и др., но не вся территория стран равномерно.

Также следует учитывать, что трансформации современного общества, вызванные глубоким проникновением в повседневную жизнь информационных технологий, во многом есть объективный процесс, не зависящий от проводимой государством политики. Происходящие процессы трансформации столь фундаментальны, что они несут угрозу всем, кто не воспринял новых условий. Причем темпы преобразований столь высоки, что, не учитывая изменений сегодня, завтра догнать уже не будет времени и сил.

Поэтому России необходимо уточнить собственную стратегию развития информационного общества, в котором целесообразно обусловить условия и основные принципы его формирования, а также принципы вхождения России в глобальное информационное общество.

Стратегия информационного развития российского общества

В качестве уточнения базовой цели стратегии видится необходимым сохранение целостности и государственного суверенитета, а также обеспечение условий развития РФ как субъекта международного права в условиях глобализирующегося мира и формирования планетарного информационного общества. К сожалению, говорить сегодня о возможности завоевания

Россией лидирующих позиций в новом миропорядке не приходится. Западные политики и эксперты по-прежнему считают, что в ближайшие 10—20 лет от России будут исходить наиболее серьезные угрозы безопасности планеты. Они полагают, что экономическое, политическое и социальное развитие России, так же как ее интеграция в мировое информационное пространство, будет зависеть от степени ее участия в информационной революции. По их мнению, сегодня российское руководство стремится продвигать разработку информационных технологий в России, но оно серьезно ограничено в ресурсах.

Кроме того, существует значительное противодействие внедрению информационных технологий, обусловленное политическими целями и опасением за безопасность национального информационного пространства. Несмотря на то, что в России была принята специальная федеральная программа «Электронная Россия»⁹⁰, темпы ее реализации пока не позволяют говорить о том, что разрыв, отделяющий Россию от всего остального мира, будет преодолен в ближайшее десятилетие. Сегодня Россия находится далеко позади не только ведущих стран Запада, но и многих стран Азии. Так, во многих исследованиях РЭНД Россия даже не была идентифицирована как значимый актор на рынке разработки высокотехнологичных продуктов и услуг. Более того, еще в 2001 г., по ряду экспертных оценок, Россия была помещена на 42-ю позицию из 60 стран по их оценке готовности к развитию электронной коммерции — позади Перу и Египта.

Долгосрочные возможности развития и внедрения информационных технологий в России, по оценкам многих экспертов, также являются весьма проблематичными. За последние годы в России резко сократилось число высококвалифицированных специалистов в области информационных технологий. Большое количество специалистов уехали на Запад. В связи с этим в России остро встала проблема «утечки мозгов». Начиная с середины 80-х годов XX в. по-прежнему хронически недофинансируются фундаментальные исследования. Сегодня РФ практически не имеет существенного задела для развития высокотехнологичной промышленности и вынуждена полностью ориентироваться на импорт информационных технологий.

Такие оценки предполагают, что Россия рискует оказаться на дне «цифровой пропасти» вместе с большинством африканских стран и стран Латинской Америки. Подобное положение России вызывает серьезную озабоченность западных экспертов. По их мнению, столь большая страна, какой является Россия, обладающая ядерным оружием, находясь на дне «цифровой пропасти», может представлять одну из серьезных угроз стабильности в мире в ближайшие 10—20 лет.

Однако в последнее время существует возможность использовать виток технологической революции с целью выхода России из сложившегося поло-

жения. Рядом зарубежных аналитических центров были проведены исследования по изучению динамики развития инновационных отраслей мировой экономики с целью прогнозирования и выявления тех направлений развития, которые в ближайшем будущем способны привести к взрывному росту мировой экономики.

В связи с этим уместно отметить, что эксперты, занимавшиеся подготовкой аналитических материалов к Всемирному экономическому форуму в Давосе в 2018 г., отмечали⁹¹, что последние годы характеризуются глубокими застойными явлениями в области инноваций. Большие надежды связывались многими с развитием и повсеместным внедрением информационных технологий, однако крах высокотехнологичного сектора экономики в США в конце 90-х годов во многом опроверг эти ожидания.

Они также отмечали, что информационные технологии столь стремительно были интегрированы в современную экономику, что говорить о маркетинговых преимуществах от их использования сегодня не имеет смысла. Область информационных технологий продолжит свое развитие, их основные усилия будут сосредоточены в узкоспециализированных областях: повышение защищенности и безопасности информационных систем, борьба с несанкционированными почтовыми рассылками спама, развитие средств и методов хранения информации и др. Однако качественно новых достижений, эквивалентных появлению Интернет или персональных компьютеров, в этой области уже не ожидается.

Говоря о присутствии России на форуме в Давосе, следует отметить, что там российскую делегацию возглавил вице-премьер А. Дворкович. В неё вошли глава Минэкономразвития, министры энергетики и связи, глава Росийского фонда прямых инвестиций, главы ВЭБа, ВТБ, Сбербанка, Алросы, Русала, Северстали, ТМК, НЛМК, Яндекса, Лаборатории Касперского и другие бизнесмены. В сессии «Россия: стратегический взгляд» принял участие А. Кудрин, возглавляющий Центр стратегических разработок.

В своем выступлении на этой сессии министр энергетики РФ отметил, что западные санкции «немного напрягают» РФ, но они дали толчок для развития промышленности России, сельского хозяйства и ряда других областей жизнедеятельности государства, включая оборонную сферу. Однако с точки зрения инвестиционного климата, есть определённые минусы общепланетарного масштаба, так как эти санкции не дают возможности решать глобальные экономические проблемы. Что касается России, то благодаря западным санкциям РФ получила дополнительный импульс для развития национальной промышленности и для того, чтобы перенаправить инвестиционные потоки на загрузку своих предприятий. А глава ВТБ предупредил о растущей угрозе военного конфликта в Европе и сравнил воз-

можное введение США новых экономических санкций против России с объявлением войны.

По мнению российских экспертов, участвующих в форуме в Давосе, среди множества инновационных направлений сегодня наиболее перспективными являются: биотехнологии, массовые распределенные сетевые вычисления, нанотехнологии и энергетические технологии. Каждая из этих отраслей науки, по их мнению, сегодня достигла такого уровня развития и накопления знаний, что качественный скачок в их развитии и получение принципиально новых результатов прогнозируется уже в ближайшие годы. При этом во всех перечисленных перспективных отраслях Россия имеет сегодня значительный потенциал, который может быть использован для достижения поставленных целей экономического развития страны.

Направления развития информационной стратегии России

Что касается уточнения информационной стратегии России, то, по мнению экспертов, ее целесообразно определить в 15—20 лет. Такая длительность позволяет учитывать динамику социальных, культурных, технологических и финансово-экономических процессов в российском обществе и мире. При этом, рассматриваемый период ситуация в России и в мире буде характеризоваться следующими изменениями.

В политической сфере:

продолжится перенос общественно-политической деятельности в глобальную Сеть. Появятся новые сетевые политические образования и даже партии. Возможно появление транснациональных политических объединений на основе Сети, которые будут оказывать влияние на деятельность сразу нескольких государственных структур. Основной политической силой становится не иерархическая партия, а негосударственное сетевое общественное объединение;

атомизация межличностных отношений, продолжающийся рост и развитие горизонтальных связей в еще большей степени возвысят потенциал «общественного мнения» как мерила эффективности деятельности госаппарата;

продолжится рост и развитие электронных СМИ. Политические кампании будут приобретать все больше виртуальности, побеждать на выборах станет не личность, а виртуальный образ политика, сформированного СМИ, и оппозиционная деятельность правительству сосредоточится на использовании Интернета;

возможно продлится углубление кризиса государственного и финансово-экономического управления страной, базирующегося на принципах и подходах индустриальной эпохи и не воспринимающего нововведения эпохи информационной и сохранение, а в отдельных случаях и углубление, «цифрового неравенства» среди регионов страны.

В социальной сфере:

сохранится социальное неравенство в обществе, при этом оно претерпит глубокую трансформацию: исчезнут некоторые прежние профессии и появятся новые, — соответственно, новые профессиональные союзы и классы. Наиболее массовым по численности будет кластер наемных рабочих и корпоративных служащих — среда, наиболее восприимчивая к изменениям в обществе;

продолжится снижение инновационного потенциала населения страны вследствие изменения демографической карты населения России, вызванного общим старением населения, снижением рождаемости, повышением продолжительности жизни и ее низким уровнем в большинстве дотационных регионов страны, неконтролируемыми миграционными потоками из стран Средней Азии и Китая.

В финансово-экономической сфере:

продолжится трансформация экономики под влиянием новых маркетинговых концепций «сетевой торговли». При этом ключевую роль займут электронные средства платежей — как на уровне юридических, так и физических лиц;

усилится давление на Россию на международной арене со стороны международных финансово-экономических структур и транснациональных корпораций;

Произойдет закрепление, а в отдельных сегментах установится и доминирование иностранного капитала в российской ИТ-отрасли.

В промышленной сфере:

сохранится ориентация на развитие сборочного производства на территории России на заводах зарубежных компаний. А ключевые для становления информационного общества отрасли высокотехнологичной промышленности в России в будущем кардинально восстановлены не будут. Сохранится зависимость от поставок зарубежного оборудования и технологий;

сохранится и общий невысокий уровень развития информационной инфраструктуры в стране, и ее неравномерное развитие по регионам.

В сфере науки и образования:

ожидается утрата возможного контроля над процессами развития инфокоммуникаций и отсутствие собственных значимых конкурентоспособных отраслей ИТ-промышленности, невозможность их воссоздания на отечественной базе в ближайшем будущем, чему способствовал 15-летний провал в области фундаментального знания в области информационных технологий и ориентация на зарубежные нормативные документы и стандарты в области ИТ;

будет усиливаться ориентация системы высшего и среднего образования на удовлетворение наиболее значимых потребностей общества в подго-

товке среднего и низшего звена специалистов. Высшее звено руководителей промышленных и финансовых компаний по-прежнему будет предпочитать проходить подготовку за рубежом.

В сфере безопасности государства:

продолжится сращивание национальной и зарубежной преступности в транснациональные преступные синдикаты. В сферу интересов преступности попадет «цифровая» экономика. Увеличится число противоправных действий с использованием информационных технологий и против объектов информационной инфраструктуры;

экстремистские действия приобретут характер кибер-террористических. Произойдет слияние преступных хакерских сообществ с террористическими организациями. Возможно появление высококонспирированного преступного сетевого сообщества, аналога «Аль-Каиды», но ориентированного на экстремистскую деятельность в глобальной сети.

Таким образом, предстоящее десятилетие будет нести в себе ряд принципиальных новаций в социальном устройстве общества, которые кардинально повлияют на характер как межличностных, так и государственных отношений. С учетом текущего состояния и возможностей России важнейшей будет являться не столько задача достижения лидирующих позиций в новом обществе, сколько сохранение «статус-кво» в принципиально новых условиях.

Тем не менее, следует признать, что из-за неблагоприятной экономической ситуации на мировом рынке для России, она на сегодняшний день не в полной мере располагает ресурсами, требуемыми для достижения поставленной цели. Прежде всего — в России отсутствует серьезная философская проработка вопросов, связанных с учетом происходящих изменений в сфере государственного управления. А имеющиеся финансовые ресурсы отчасти позволят лишь сократить отставание в инфраструктуре информационного общества, но не дадут быстрого результата в понимании происходящих изменений в экономических преобразованиях России. В частности, для предотвращения угроз в такой важной для России сфере, как контроль за социально-значимыми предприятиями страны.

Также целесообразно реализовать следующие мероприятия с целью доведения их до граждан РФ: законодательное обеспечение национального контроля национальных компаний в стратегически важных сферах деятельности России; совершенствование методов сбора и анализа информации о готовящихся преступлениях относительно стратегических объектов страны; проведение мероприятий по профилактике и предотвращению преступлений в отношении важных объектов, характеризующихся повышенной опасностью (АЭС, ГЭС, плотины и т. д.); контроль за финансово-экономическим состоянием предприятий ТЭК государства (рис. 2.21).

Рис. 2.21. Направления предотвращения угроз на стратегически важных объектах РФ.
 Источник: URL: <http://900igr.net/up/datas/217910/020.jpg>

Приоритетные направления информационной безопасности РФ

Кроме того, первостепенной задачей государства становится создание работоспособного механизма внешнеполитической информации, обеспечивающего наиболее полное и своевременное доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике России, ее официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни. Возникает необходимость уточнения алгоритма информационного обеспечения российских внешнеполитических инициатив, осуществляемого в настоящее время зачастую декларативно, урывками и в ограниченном геополитическом пространстве, на разработку, планирование и проведение целевых информационных кампаний в широких масштабах, носящих систематический и интенсивный характер и концентрируемых вокруг каждого значимого конкретного события или ситуации, что придаст им наибольшую силу воздействия⁹².

Именно такой подход оправдал себя во время острого информационно-противоборства по вопросу самоопределения Республики Крым и её возвращения в состав РФ. Ставшие на этот период ежедневными тематические ток-шоу с привлечением отечественных и зарубежных политиков, общественных деятелей, экспертов, ученых, аналитические программы ведущих российских тележурналистов, телемосты, целевые сессии в блогосфере соз-

дали массивное и эффективное информационное обеспечение позиций России в этой неординарной и достаточно кризисной ситуации. Эффективность такого подхода признает влиятельная американская *Washington Post*, отмечая, что «в будущем весь мир будет следовать тактике Путина, и это та реальность, которую необходимо признать»⁹³.

Важным фактором успешности противодействия внешнему информационному влиянию представляется создание российским представительствам и организациям за рубежом возможностей для работы по нейтрализации распространяемой дезинформации о внешней политике РФ. А МИД РФ, его Департамент информации и печати функционально пока не приспособлены для конвейерного обеспечения зарубежных СМИ профессионально подготовленными материалами, которые масштабно и оперативно обслуживали бы внешнеполитические интересы России.

Здесь важная роль должна быть отведена тесному взаимодействию профессионального журналистского и экспертного сообщества в формате сети информационно-аналитических групп, состоящих из дипломатов, политологов, политтехнологов, публицистов, репортеров, переводчиков, психологов, сотрудников систем связи и коммуникации, веб-дизайнеров, способных не только прогнозировать возможные внешнеполитические риски и информационные атаки, но и оперативно, доходчиво разъяснять мировому сообществу суть внешнеполитических инициатив и позиций России, поставляя в мировое информационное пространство оценки и комментарии соответствующего контента.

Важным шагом в данном направлении стало реформирование информагентства РИА Новости, телеканала *Russia Today* и радио «Голос России» в медиахолдинг «Россия сегодня» для решения главной задачи — поставки на телеканалы и в информационные агентства нужной России информации, продвигаемой в мировое информационное пространство. При этом возрастает востребованность обоснованных рекомендаций ученых и специалистов, учитывающих специфику общественного мнения в каждой стране, необходимые для отладки потока адресной объективной информации о России — информация должна достигать определенной целевой группы и давать соответствующий эффект.

Ключевым фактором успешности внешнеполитического направления обеспечения информационной безопасности страны представляется государственная поддержка деятельности российских информационных агентств по продвижению их продукции на зарубежный информационный рынок. Такая поддержка могла бы осуществляться через выделение грантов российским СМИ за рубежом, инвестирование в совместные российско-зарубежные проекты (прокладка новых информационных магистралей и т.д.), приобретение активов зарубежных медиа-компаний и информагентств,

привлечение российского бизнеса к инвестированию в разработку актуальных направлений в области новейших информационно-коммуникационных технологий.

Представляется, что необходимо и дальше расширять и совершенствовать эту деятельность, развивая российскую сеть инноваций, постепенно наращивая количество ее узлов за рубежом. Об эффективности этого направления свидетельствует деятельность телеканала Russia Today. По данным информагентства Inter Press Service, уже к январю 2010 г. RT стал 2-м по популярности после ВВС иностранным каналом в США, в 6,5 раз обогнав «Аль-Джазиру», занявшую 3-е место. Кроме того, RT в 2018 г. подтвердил статус крупнейшего поставщика новостного контента на международном видеохостинге, став первым в мире новостным телеканалом, который преодолел отметку в 1 млрд просмотров на YouTube. Вместе с тем такая деятельность не должна стать инструментом прямой пропаганды, односторонне освещающей те или иные события, иначе мировое доверие к ней может быть подорвано.

Необходимым представляется также создание под патронажем Совета Безопасности РФ межведомственного аналитического «Центра по разработке новейших информационно-психологических технологий», методик продвижения внешнеполитической информации. Решением здесь может стать создание сетевых интеллектуальных клубов с привлечением в том числе блоггеров, ученых, интеллектуалов, патриотически настроенных журналистов и деятелей культуры, противодействующих в глобальной сети внешнему информационному влиянию и манипулированию сознанием населения, оперативно реагирующих на информационные атаки извне (рис. 2.22).

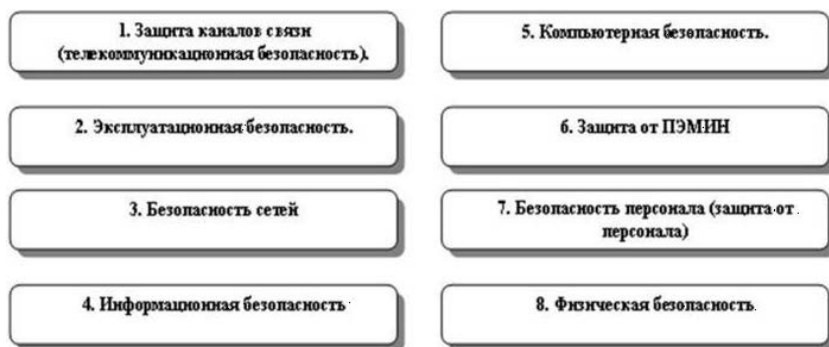

Рис. 2.22. Направления защиты информационной безопасности.
Источник: URL: http://images.myshared.ru/18/1250652/slide_4.jpg

Важным элементом системы противодействия внешней информационной экспансии должна стать эффективная контрпропаганда, представляющая собой ответную информационную акцию, направленную на нейтрализацию воздействия конкретного враждебного выпада. В то же время контрпропагандистская деятельность не должна представлять собой серию лишь оборонительных мероприятий, пассивный арифметический баланс тезисов, противопоставляемых с запозданием в ответ на тезисы противной стороны, но систему акций, позволяющих упреждая информационные атаки перехватывать инициативу в информационном противоборстве.

Основные задачи РФ по парированию угроз информационной безопасности

Основными задачами России и ее общества по предотвращению, парированию и нейтрализации внешних и внутренних угроз информационной безопасности являются⁹⁴:

создание законодательной базы обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства, формирующей правовую основу для противодействия информационным угрозам. Такая база имеется сейчас во многих странах мира. Формируется она и в России. Так, например, в РФ приняты законы «О государственной тайне»⁹⁵, «Об информации, информатизации и защите информации»⁹⁶, «Об участии в международном информационном обмене»⁹⁷ и некоторые другие. Ведется работа по созданию механизмов практической реализации этих законов, подготавливаются другие законопроекты, регулирующие общественные отношения в информационной сфере;

проведение специальных мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности в органах государственной власти страны и местного самоуправления. В настоящее время в стране активно ведутся работы по созданию защищенной информационно-телекоммуникационной системы органов государственной власти, способной противостоять внешним и внутренним информационным угрозам;

создание и внедрение отечественных высокоэффективных средств, методов и систем защиты информации в общегосударственных информационных и телекоммуникационных системах, а также методов обеспечения надежного и бесперебойного функционирования этих систем в экономической, финансовой и общественно-политической сферах;

создание и практическое внедрение эффективных средств, методов и систем защиты национальных информационных ресурсов страны от разрушений и несанкционированного доступа, повышение надежности и безопасности их хранения. В России уже ведутся научно-исследовательские работы не только по инструментальным средствам защиты информационных

ресурсов, но и по их классификации по категориям информационной безопасности. При этом учитывается как их национальная специфика, так и международный опыт, в частности принятые в 1991 г. группой европейских стран рекомендации «Критерии оценки безопасности информационной технологии»⁹⁸. Можно надеяться, что выполнение этих исследований позволит сделать защиту национальных информационных ресурсов России более надежной и эффективной;

развитие отечественной промышленности для производства в необходимых объемах современных средств информационной техники, используемых для создания и развития национальной информационной инфраструктуры, обеспечения деятельности оборонного комплекса, органов государственного управления и наиболее важных предприятий финансовой и деловой сферы. Решение этой проблемы помимо экономических усилий потребует также соответствующей ориентации системы образования, науки и общественного мнения в стране с тем, чтобы сделать работу в этой области престижной и социально привлекательной. Только таким образом можно будет обеспечить приток в эту сферу людских ресурсов;

разработка и проведение в жизнь специальных организационно-правовых и воспитательных мероприятий, направленных на предотвращение и нейтрализацию информационных угроз в духовной сфере жизни общества, формирование общественного сознания населения страны в направлении активного противодействия этим угрозам.

В число этих мероприятий должны входить:

открытое провозглашение и активная пропаганда государственной идеологии общества, которая была бы понятной и приемлемой для большинства населения и учитывала культурные и исторические традиции развития многонациональной страны;

разработка и осуществление цивилизованных форм воздействия на средства массовой информации с целью их ориентации на распространение в обществе духовных ценностей, отвечающих национальным целям страны, воспитанию патриотизма и гражданского долга по защите ее интересов.

Таким образом, меры по обеспечению информационной безопасности страны должны быть комплексными и содержать в себе не столько мероприятия идеологического и воспитательного характера, направленные на соответствующую ориентацию общественного сознания. Также важно широко использовать «мягкую силу» России для реализации ее национальных интересов и взаимодействовать с Китаем в рамках ШОС.

При этом в условиях глобализации необходима скорейшая реформа системы обеспечения национальной безопасности РФ, которая должна быть способной адекватно отвечать на угрозы нового времени. В основу обеспечения национальной безопасности России должна быть положена информа-

ционная политика, определяющая национальные интересы и приоритеты в информационной сфере. Достижение и удержание информационного превосходства, позволяющего доминировать в ситуации, должно стать основой международной деятельности всех государственных структур РФ.

Также в современных условиях важным является совершенствование стратегического взаимодействия России с Китаем в XXI в.

Примечания

¹ Совместное коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел Китая, России, Индии и Бразилии. URL: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2008-05/17/content_634270.htm

² Теория многополярности и образ многополярного мира во внешнеполитических доктринах стран БРИКС. URL: <http://lawinrussia.ru/content/teoriya-mnogopolyarnosti-i-obraz-mnogopolyarnogo-mira-vo-vneshnepoliticheskikh-doktrinah>

³ Joint Statement of the BRIC Countries' Leaders. Yekaterinburg, Russia, June 16, 2009. URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/090616-leaders.html>

⁴ Совместное заявление глав государств и правительств стран — участниц Второго саммита БРИК «Россия в БРИКС». URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/8B8AE397B54634E7C325780900468661>

⁵ Декларация по итогам саммита БРИКС «Россия в БРИКС». URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/9AF718AA83D590FAC32578720022EB1A>.

⁶ Делийская декларация (принята по итогам IV саммита БРИКС «Россия в БРИКС»). URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/1DB82FF3745BA8FE442579D5004778E6>

⁷ Лузянин С.Г. Россия в БРИКС. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/>

⁸ Immanuel Wallerstein, *Precipitate Decline: The Advent of Multipolarity*. URL: <http://www.iwallerstein.com/precipitate-decline-the-advent-of-multipolarity>

⁹ Портяков В.Я. Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/vector/videniye_mnogopolarnosti_v_rossii_i_kitaje_i_mezhdunarodnyje_vyzovy_2013-08-31.htm.

¹⁰ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. URL: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/10168>.

¹¹ Концепция национальной безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html>.

¹² Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности. URL: http://www.mgimo.ru/files2/y04_2011/

¹³ Текст доклада Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023973.html>.

¹⁴ *Грачиков Е.Н.* Взгляд Китая на современное мироустройство и многополярность. URL: <http://www.geopolitica.ru/Articles/1474/>

¹⁵ Пять принципов внешней политики Российской Федерации. URL: <http://primamedia.ru/news/politics/01.09.2008/79645/pyat-printsipov-vneshney-politiki-rossiyskoy-federatsii.html>.

¹⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/424

¹⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/bpr_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

¹⁸ *Шевырев И.* Внешняя политика Китая: контуры китайского миропорядка. URL: <http://www.dipcomment.com/news.php?Ids=94>

¹⁹ Делегация Африканского союза во главе с президентом ЮАР отправится в Ливию для установления мира. URL: http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2011/04/09/n_1785749.shtml

²⁰ White paper on South African foreign policy — building a better world. URL: <http://www.safpi.org/publications/white-paper-south-african-foreign-policy-building-better-world-diplomacy->

²¹ *Володин А. Г.* Заметки о внешней политике Индии. URL: <http://www.fondsk.ru/pview/2012/07/21/sui-generis-zametki-o-vneshnej-politike-indii-15626.html>

²² *Савин Л.* Россия и многополярность. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/rossiya-i-mnogopolynarnost>

²³ Russian-Chinese Joint Declaration on a Multipolar World and the Establishment of a New International Order, adopted in Moscow on 23 April 1997. Letter dated 15 May 1997 from the Permanent Representatives of China and the Russian Federation to the United Nations addressed to the Secretary-General, Distr. GENERAL A/52/153, S/1997/384, 20 May 1997.

²⁴ *Примаков Е.М.* Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М., 2014.

²⁵ Концепция внешней политики РФ до 2000 г. Системная история международных отношений, в 4-х т. 1918—2003. Т. 4. Документы. М., 2004. С. 538—539.

²⁶ Основные тенденции развития международных отношений и пути формирования новой системы мироустройства. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/position_word_order

²⁷ *Примаков Е.* Мир без сверхдержав, 2 сентября 2003. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_1560

²⁸ Там же.

²⁹ *Примаков Е.М.* Мир после 11 сентября. М., 2002. С. 155.

³⁰ *Бондарь А., Примаков Е.* Мир будет многополярным. URL: <http://www.stoletie.ru/ekskliuziv/primakov>

³¹ *Никонов Я.И.* Компаративный анализ подходов к организации финансирования стратегии инновационного развития национальных экономик за рубежом // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 145.

³² *Примаков Е. М.* Мысли вслух // Российская газета. 2011. 11 июля. С. 159—160.

³³ *Дугин А. Г.* Евразийская миссия. Международное евразийское движение. М., 2005. С. 11.

³⁴ *Мартынов Б.* Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы. Т. 7. № 3 (21). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-first.htm>

³⁵ *Рогов С.М.* Россия и США: Уроки истории и выводы на будущее // Россия и Америка в XXI веке. 2006. № 1.

³⁶ Роль России в мобилизации отпора вызову международного терроризма и экстремизма, в противодействии другим новым вызовам и угрозам. URL: <http://www.mid.ru/>

³⁷ Резолюции Совета Безопасности ООН 2014 года. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2014>

³⁸ Резолюции Совета Безопасности ООН 2015 года. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2014>

³⁹ Резолюция 1624 (2005), принятая Советом Безопасности на его 5261-м заседании. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902047973>

⁴⁰ Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7272-м заседании 24 сентября 2014 года. URL: <http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/36809/2178.pdf>

⁴¹ Резолюции Совета Безопасности ООН 2015 года. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2015>

⁴² Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900371>

⁴³ Конвенция о психотропных веществах. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121091/

⁴⁴ Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121092/

⁴⁵ Совместное заявление государств — членов Организации договора о коллективной безопасности на 72-й сессии ГА ООН «О противодействии международному терроризму». URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/

⁴⁶ Решение Совета коллективной безопасности Организации договора о коллективной безопасности. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=75098

⁴⁷ Продвижение российских инициатив в области обеспечения международной информации. URL: https://studme.org/78414/pravo/prodvizhenie_rossijskih_initsiativ_oblasti_obespecheniya_mezhdunarodnoy

⁴⁸ *Баранов Н. А.* Внешнеполитические приоритеты Российской Федерации в условиях глобализирующегося мира. URL: <http://nicbar.ru/politology/study/kurs-vneshne-politicheskie-svyazi-rossii/209-tema-2-vneshnepoliticheskie-prioritety-rossijskoj-federatsii-v-usloviyakh-globaliziruyushchegosya-mira>

⁴⁹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. URL: <http://www.un.org/ru/documents/>

⁵⁰ Хельсинский Заключительный акт. URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505>

⁵¹ Договор о нераспространении ядерного оружия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁵² Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД, РСМД). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁵³ Концепция внешней политики РФ 2013 г. URL: 2013. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/

⁵⁴ Внешняя политика России: вызовы, стратегия, прогноз. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/vneshnyaya-politika-rossi-vyzovy-strategiya-prognoz-6429>

⁵⁵ Концепция внешней политики РФ 2013 г. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/

⁵⁶ Тимофеев И. Новая предсказуемость России. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6754#top-content

⁵⁷ Гуцин А. Украинский вызов для России. Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2015. 48 с.

⁵⁸ Соловьев О. Дата начала наступления на Донбасс уже определена. URL: <http://free-news.su/politika/4083>

⁵⁹ Иноземцев В.Л. Осторожно, двери закрываются. Следующая санкция... // Бизнес-журнал. 2014. № 12(225).

⁶⁰ Гуцин А. Указ. соч.

⁶¹ Небольсина М. ИГИЛ — угроза государствам постсоветского пространства. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5667#top-content

⁶² Бордачев Т.В. Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. № 5.

⁶³ Концепция национальной безопасности РФ. URL: <https://utmagazine.ru/posts/9921-koncepciya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf>

⁶⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности РФ».

⁶⁵ Федеральный закон № 61-ФЗ Об обороне. URL: <https://docplan.ru/Data2/1/4293764/4293764560.htm>

⁶⁶ Вооружённые силы Российской Федерации. URL: <https://ru.wikipedia.org>

⁶⁷ Волошко В.С. Военная политика и проблемы обеспечения военной безопасности Российской Федерации. URL: <https://flot.com/publications/books/shelf/safety/9.htm>

⁶⁸ Задачи Вооруженных Сил Российской Федерации. URL: <https://structure.mil.ru/mission/tasks.htm>

⁶⁹ Деятельность РФ по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов. URL: http://ohrana-bgd.ru/bgdpravo/bgdpravo1_76.html

⁷⁰ План обороны Российской Федерации. URL: <https://army-news.ru/2012/06/plan-oborony-rossijskoj-federacii/>

⁷¹ Национальная безопасность и национальные интересы России. URL: <http://www.refbzd.ru/viewreferat-2777->

⁷² Указ Президента РФ от 16.07.1997 № 725с «О первоочередных мерах по реформированию Вооруженных Сил Российской Федерации и совершенствованию их структуры». URL: <http://legalacts.ru/doc/ukaz>

⁷³ URL: <http://mognovse.ru/sdp-reforma-voorujennih-sil-rf.html>

⁷⁴ Тезисы доклада А.Ф. Клименко на круглом столе в ИДВ РАН 26 апреля 2019 г.

⁷⁵ Аргументы и факты. 18:14 04/02/2019. Озвучены планы по реформе армии — Центральный военный округ поделят. URL: http://www.ural.aif.ru/society/situation/ozvucheny_plany_po_reforme_armii_centralnyy_voennyj_okrug_podelyat?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

⁷⁶ Военное обозрение с 15 по 21 октября 2018 года. URL: <http://csef.ru/ru/oboro-na-i-bezopasnost/340>

⁷⁷ Общие выводы и конкретные уроки сирийской кампании. URL: eurasian-defence.ru/?q=node/37423

⁷⁸ Российская группировка свернула спецоперацию в Сирии. URL: <http://nvo.ng.ru/nvo/2016-03->

⁷⁹ В первый раз: война в Чечне; второй — война группировки во главе с США в Ираке; третий — победа, одержанная Армией обороны Израиля во 2-й Ливанской войне; четвертый — грузино-осетинская война; пятый — израильская война в секторе Газа; шестой — интервенция США и НАТО в Ливии; седьмой — гражданская война на Украине.

⁸⁰ Бубнов А. В. Информационная безопасность России в условиях глобализации. URL: <http://www.dissercat.com/content/informatsionnaya-bezopasnost-rossii-v-usloviyah-globalizatsii>

⁸¹ Панарин И., Панарина Л. Информационная война и мир. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 384 с.

⁸² Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/#ixzz5V6u8xl4v>

⁸³ Брандман Э. М. Цивилизационные императивы и приоритеты информационной безопасности общества // Философия и общество. 2006. Вып. № 3(44).

⁸⁴ Швеиц, Д. Ю. Информационная безопасность России и современные международные отношения. М.: Мир безопасности, 2001. 176 с.

⁸⁵ Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 36.

⁸⁶ World Investment Report 2018. URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2130>

⁸⁷ Россия в глобальном информационном обществе: угрозы, риски и возможные пути их нейтрализации. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/445/rossiya-v-globalnom-informacionnom-obshhestve-ugrozy-riski-i-vozmozhnye-puti-ih-nejtralizacii-588>

⁸⁸ Замедление инвестиционной активности в начале 2018 года: надолго ли? URL: https://dcenter.hse.ru/data/2018/07/05/1152994342/rs_18-08.pdf

⁸⁹ Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: РАГС, 2002. 320 с.

2.5. Направления нейтрализации угроз России в информационной сфере 289

⁹⁰ «Электронная Россия (2002—2010 годы)», утверждена постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65. URL: <https://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/6/>

⁹¹ Всемирный экономический форум в Давосе 2018. URL: <http://www.economine.ws.ru/mirovaja-jekonomika/535>

⁹² *Дроботенко О. Н.* Информационная безопасность России в условиях глобализации: внешнеполитический аспект. URL: <http://www.dslib.net/glob-razvitie/informacionnaja-bezopasnost-rossii-v-uslovijah-globaliza>

⁹³ Путин выдвинул новые методы ведения войны XXI века. URL: <http://korrespondent.net/world/worldabus/3318152-putyn-vydvynul-novye-metody-vedenija-voiny-XXI-veka-The-Washington-Post>

⁹⁴ Основные задачи обеспечения информационной безопасности. URL: <https://studwood.ru/637720/>

⁹⁵ Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 29.07.2018) «О государственной тайне». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/

⁹⁶ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями на 19 июля 2018 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901990051>

⁹⁷ Федеральный закон «Об участии в международном информационном обмене». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10929/

⁹⁸ Общие критерии оценки безопасности информационных технологий. URL: <https://studfiles.net/preview/4171370/page:19/>

Часть III

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА С США ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ОБЩИМ УГРОЗАМ И ВЫЗОВАМ

3.1. Стратегия развития российско-китайских отношений в XXI веке

Современное состояние стратегического партнерства РФ и КНР

В условиях XXI в. взаимодействие между государствами зачастую приобретает долгосрочную основу, ориентированную на десятилетия вперед. Это обусловлено не только относительной нестабильностью современной системы международных отношений, но и тем, что геополитическая картина мира приобретает новые очертания, диктуя «свой» порядок. В последние годы стратегическое партнерство России и Китая характеризуется небывалым подъемом, который наблюдается на всех уровнях двусторонних взаимодействий. Отношения этих ядерных держав, постоянных членов СБ ООН и ведущих государств АТР являются объектом пристального наблюдения, что позволяет говорить об огромной их значимости в современном мире. Более того, в условиях последних событий на мировой арене («цветные революции», ситуация на Корейском полуострове, украинский кризис и введение санкций против России) именно сотрудничество с Китаем предоставляет широкие возможности альтернативного развития для России в рамках двустороннего сотрудничества БРИКС и ШОС.

Стратегическое партнерство России и Китая рассчитано на долговременный исторический срок, чем подчеркивается перспективность россий-

ско-китайских отношений и серьезность намерений лидеров обеих стран, отраженные в двусторонних и многосторонних договорах и соглашениях. Но, тем не менее, новое время диктует все новые условия, заставляющие государства думать, прежде всего, о национальной безопасности, суверенности их границ и собственных интересах. Именно поэтому представляется достаточно сложным спрогнозировать, как будут относиться друг к другу РФ и КНР через 15—20 лет¹.

С одной стороны, формулировка, применённая к российско-китайским отношениям, позволяет с полной уверенностью заявить о том, что стратегическое партнерство России и Китая будет укрепляться, а взаимозависимость стран будет продолжать расти, что, так или иначе, приведет к тому, что вес двустороннего альянса на международной арене увеличится в силу значимости данных отношений в региональном и общепланетарном развитии, учитывая территориальное и численное превосходство стран над остальными.

Однако в настоящее время у Китая нет откровенных союзников среди других стран мира, что является редкостью для влиятельных и крупных государств, и, вполне вероятно, что он в них пока и не нуждается. В виду этого, стратегическое партнерство с Россией в перспективе может зайти в тупик, а при самом худшем развитии событий — привести к ряду серьезных противоречий. Ситуация, когда отношения должны развиваться и стороны должны двигаться в направлении ещё большего сближения друг с другом, логически вытекающая из современного уровня взаимодействий двух стран, может привести к тому, что под воздействием внешних сил и обстоятельств руководство КНР изменит свой внешнеполитический курс и переориентируется на Запад.

Хотя эксперты считают, что данное развитие событий маловероятно и нелогично для социалистического Китая. Особенно учитывая события в Гонконге, схожие по почерку внешних акторов с «евромайданом», что заставляет китайских лидеров с большим вниманием подойти к вопросу укрепления политического, экономического и культурного сотрудничества с Россией. И не стоит забывать, что большинство геополитических концепций американских ученых сводятся к недопущению сближения КНР и РФ, а, следовательно, для Запада будет принципиально важным создать все условия, препятствующие реализации данного сценария. Поэтому основания для развития более тесного экономического сотрудничества, включая переход на оплату национальными валютами, строительство совместных объектов, создание зон свободной торговли и, следовательно, более плотного политического взаимодействия, обусловленного схожестью взглядов руководителей двух стран относительно путей развития мирового сообщества, выглядят более чем убедительно.

Вполне логичной кажется точка зрения о том, что отношения между Китаем и Россией носят гармоничный характер, их ключевые проблемы связаны с другими странами и регионами мира. Одновременно исследователи полагают, что Китай в наибольшей степени обеспокоен возможностью столкновения интересов с США в АТР, а также западным вмешательством во внутренние проблемы КНР (Тайвань, Тибет, и т. д.). В то же время Россия воспринимает нестабильность на Украине сквозь призму своих интересов и степень участия Евросоюза и США в Евразии. Таким образом, следуя логике данного подхода, сотрудничество России и Китая будет продолжаться до тех пор, пока между ними не возникнет каких-либо серьезных разногласий, затрагивающих их национальные интересы, либо до устранения ключевых проблем с другими государствами, что представляется менее вероятным.

Хотя проблемы в российско-китайских отношениях есть, и сводить анализ этих отношений к хвалебным эпитетам руководства обеих стран не стоит. Но, тем не менее, все недопонимания, которые существуют между сторонами на данный момент времени, не носят глобального характера. Особого внимания заслуживает миф о так называемой «китайской угрозе»², распространившейся в просторах сети Интернет, предрекающей столкновение двух держав в грядущем столетии. Эти опасения, прежде всего, связаны с возможной экспансией китайцами Дальнего Востока РФ. На самом деле, оценивая масштабы легальной и нелегальной миграции жителей Поднебесной на территорию России, можно утверждать, что процент китайцев в РФ уступает их количеству в других странах мира.

Анализируя современные российско-китайские отношения, можно прийти к выводу, что пока руководители обеих стран настроены дружелюбно по отношению друг к другу и пока они трезво оценивают стратегическую значимость взаимодействия своих стран, следуя подписанным соглашениям, эти отношения будут углубляться, независимо от провокаций третьих стран, которые значительно усилились в последнее время. Мнение это обосновано рядом причин: и Россия, и Китай усвоили уроки в области взаимодействия с США; обе стороны выступают за многополярный мир и пропагандируют политику невмешательства во внутренние дела других стран, чем становятся ближе друг к другу и концептуально дальше по отношению к странам Запада и их союзникам; руководители КНР и РФ понимают, что в двустороннем взаимодействии способны нивелировать слабые стороны своих государств путем активного сотрудничества друг с другом.

Помимо этого, за последние несколько лет отмечается, что значительная часть населения Китая с большой теплотой относится к России. Это связано, прежде всего, с внешней политикой США, где РФ выступает в качестве антипода западным ценностям и сторонником идей, разделяемых

КНР. В данном контексте, необходимо отметить, что «стратегическое партнерство», которое зачастую путают с союзническими отношениями или альянсом, не предусматривает полного тождества позиций и мнений, наоборот, по некоторым вопросам они могут быть диаметрально противоположны.

При этом смысл «партнерства» заключается в согласовании взглядов и поиске альтернативных решений, устраивающих обе стороны, при возникающих разногласиях. Поэтому Россия и Китай — страны с разными политическими системами и идеологиями — зачастую имеют различные позиции, но умело согласовывают их, избегая возможных противоречий друг с другом.

Рассматривая возможные сценарии развития российско-китайских отношений в XXI в., эксперты видят не только вероятность укрепления стратегического партнерства России и Китая, но даже, в некоторых вариантах, неизбежность его перерастания в союзнические отношения.

На первый взгляд данная позиция кажется утопичной, но, тем не менее, она имеет право на существование. К тому же Китай является редким на сегодняшний день крупным государством-одиночкой, что дает России широкие возможности в случае, если именно Россия окажется первым союзным государством и подставит Китаю свое «плечо поддержки». Ведь условия и события XXI в. говорят о необходимости иметь надежных партнеров и союзников в международных отношениях. Более того, именно в альянсе РФ и КНР были бы способны изменить текущий ход вещей на мировой арене при минимальном столкновении интересов между собой. Хотя процесс этот вряд ли будет столь гладким, поскольку он коренным образом способен изменить сложившуюся систему международных отношений на глобальном уровне.

И Россия, и Китай рассматривают ООН как эффективный механизм поддержания международной безопасности, выступающий за разоружение и нераспространение оружия массового поражения, против терроризма, сепаратизма, экстремизма, организованной преступности. Именно здесь стороны согласуют свои позиции по международным проблемам и способны, так или иначе, влиять на их решения. Ввиду этого, становится очевидным, что руководства обеих стран заинтересованы друг в друге, поскольку лишь в тандеме представляется возможным выступить в противовес странам Запада.

А трудность в прогнозировании диаметрально противоположных сценариев возникают вследствие ряда причин, среди которых — сложность партнерских отношений на современном этапе. Но эта сложность не в смысле «проблемность», а в смысле — сложная структура и характер взаимодействия, затрагивающего различные сферы жизни общества, а также ряд общих проектов, которые, с одной стороны, способны надолго сблизить

Россию и Китай, а с другой — возможно появление противоречий на почве реализации данных проектов, вызванная неравномерным характером взаимодействий в различных направлениях, а также международная обстановка и т. д.

Таким образом, в современных условиях РФ и КНР всеми силами действуют развитию двусторонних отношений, придерживаясь следующих основных принципов: взаимное уважение, равенство, невмешательство во внутренние дела друг друга, взаимная поддержка и всемерное продвижение политического взаимодоверия; взаимодополняемость, взаимовыгода и взаимное благоприятствование, учет долгосрочной перспективы, стремление к совместному развитию. Главы государств полны решимости углубить взаимодействие и всеми силами способствуют преодолению существующих разногласий и трудностей, предрекая положительную тенденцию в двустороннем сотрудничестве и стратегическом партнерстве РФ и КНР в будущем.

Конкретные проекты развития российско-китайских отношений

Так, на фоне западных санкций, объявленных России, Москва и Пекин в ближайшем будущем планируют объединить свои усилия по разработке ракетных двигателей и электронной компонентной базы, в сфере спутниковой навигации, исследования и освоения Луны, изучения дальнего космоса. Москва и Пекин продолжают взаимодействовать в сфере гражданского авиастроения, в частности речь идет о создании широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета и тяжелого вертолета.

Также стоит упомянуть о заключении межправительственного соглашения о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, которое предполагает в том числе обмен данными о потенциальных рисках и угрозах. Как считают в российском МИД, «по существу, речь идет о создании правовых рамок для диалога заинтересованных ведомств наших стран по всему спектру вопросов»³. В связи с этим вице-премьер Д. Рогозин заявил, что санкции против российской радиоэлектронной промышленности потеряли смысл после начала сотрудничества России и Китая в этой сфере.

Говоря о других проектах, он сообщил, что Китай заинтересован в поставках российских космических двигателей, что позволит КНР осуществлять программы по освоению ближнего и дальнего космоса. Выделяя взаимодействие в атомной промышленности, Рогозин отметил, что Россия готова в ближайшее время продемонстрировать китайским партнерам работу по созданию в Санкт-Петербурге плавучего энергоблока, который уже готов на 70 %. При этом Москва заинтересована в сотрудничестве в строительстве плавучих тепловых электростанций для нужд Китая, в серийном исполнении — не менее шести энергоблоков.

В ближайшее время Россия также может поставить в Китай до 100 самолетов «Сухой Суперджет 100», соответствующее соглашение было подписано в рамках российско-китайских переговоров. Это даст возможность обеспечить необходимую серийность производства этого самолета и сделать его рентабельным. Речь идет и о продолжении работы по активизации использования национальных валют при расчетах в двусторонней торговле.

Всего по итогам первого полугодия 2018 г. товарооборот между РФ и КНР увеличился на 35 %. По словам российского вице-премьера Д. Рогозина, в сравнении с другими партнерами Китая — это лучший результат⁴. В связи с этим зам. директора Института Дальнего Востока РАН А. Островский считает, что в результате заключенных соглашений выигрывают обе стороны. Китай получает новые рынки сбыта, а Россия добивается дальнейшего развития торгово-экономических отношений с КНР. По его словам, если взять за отметку 2001 г., когда был подписан договор о мире и дружбе, то сейчас «в политике мы дошли почти до самой верхней точки, отношения развиваются прекрасно»⁵.

Следует отметить, что строительная отрасль в ряде регионов РФ пока еще не очень развита, в них отсутствует зрелая рабочая сила и ощущается дефицит комплектующих строительных материалов. Поэтому для строительных предприятий других стран этот рынок имеет большую привлекательность. Также следует заметить, что Россия в строительной отрасли имеет свою специфику, что проявляется, в первую очередь, в законодательстве, режиме ввоза трудовых ресурсов, финансово-налоговой политике и в других областях. С другой стороны, глобальный финансовый кризис, произошедший в 2008 г., оказал на строительный рынок России сильное влияние, из-за чего возникла безработица среди строительных рабочих и началось замораживание строящихся объектов на Дальнем Востоке и в Сибири.

В этой ситуации ООО «Китайстрой», компания, входящая во Всекитайскую инженерно-строительную корпорацию (ВИСК), которая занимает 80-е место в списке 500 ведущих крупнейших компаний мира, исходя из своих возможностей, взяла подряд на постройку высококачественных объектов, в том числе самого высокого здания в Европе — башни «Федерация» в Москве, здания многофункционального торгового центра «Стокманн Невский центр» в Санкт-Петербурге.

Более того, эта компания принимала участие в декоративно-отделочных работах почти всех китайских предприятий и учреждений в России, включая филиал Китайского банка, Китайский культурный центр в Москве, филиал китайского строительного банка и др.

В целом, ВИСК постоянно уделяет внимание российскому рынку, в освоение которого вложила немало своих людских и материальных средств. В дальнейшем ее филиал — «Китайстрой» намерен укреплять строительство

корпоративной команды компании, реализовать научное управление и усилить локализацию на российском рынке. Одновременно с наращиванием своих преимуществ, имеющих в настоящее время подряд на соответствующих объектах китайских предприятий в России, ВИСК, в полной мере используя инвестиционную и финансовую политику России, намерен более активно бороться за заказы на строительство местных крупных общественных и частных объектов, добиться стабильного развития «Китайстроя» в России и в соседних странах и регионах, чтобы эта компания стала одним из ведущих предприятий на российском строительном рынке⁶.

Также следует отметить, что председатель правления ОАО «НК «Роснефть» И. Сечин и президент Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) Чжоу Ципин подписали долгосрочные соглашения по поставке в Китай 46 млн т нефти. Общая стоимость контракта — 270 млрд долл., и он рассчитан на 25 лет. Помимо поставок сырой нефти, «Роснефть» и CNPC осуществляют совместные проекты по строительству нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) в Тяньцзине и развитию сотрудничества в области нефтедобычи⁷.

А директор Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К. Дмитриев сообщил, что российско-китайский инвестиционный фонд (РКИФ), созданный с ограниченной ответственностью, достиг договоренности о вхождении в акционерный капитал дальневосточной компании Russia Forest Products (RFP) — второй по величине лесозаготовительной компании России. Данная сделка обеспечивает высокую доходность, а также продвижение двустороннего экономического сотрудничества между Россией и Китаем. В результате этой сделки РКИФ может инвестировать в RFP более 200 млн долл. и стать крупнейшим акционером компании. Данная инвестиция позволит создать новые рабочие места на российском Дальнем Востоке и внедрить современные технологии в российское лесоводство.

Также китайские города и российское Приамурье вместе занялись развитием приграничного туризма. В административном центре про. Хэйлунцзян была создана китайско-российская трансграничная региональная ассоциация туризма «3+1», которая охватывает три города в провинции — Харбин, Ичунь и Хэйхэ и один регион в России — Амурскую область. Эта ассоциация одновременно является международной и региональной организацией туристического сотрудничества.

В сфере военного сотрудничества президент РФ В. Путин дал согласие на продажу зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф» Китаю, активно интересующемуся возможностью их приобретения с 2011 г. Помимо покупки этих зенитно-ракетных комплексов китайская сторона настаивает на получении полных сведений о тактико-технических характеристиках С-400. В настоящее время Москва и Пекин ведут переговоры относительно коли-

чества и стоимости зенитных ракетных комплексов. Однако в Москве обоснованно считают, что в первую очередь должны быть удовлетворены потребности Министерства обороны России. В частности, речь идет о продаже от 2 до 4 дивизионов С-400, в состав каждого из которых входят 8 пусковых установок с ракетами-перехватчиками, хотя при реализации этой сделки есть ряд опасений со стороны Москвы.

Так она опасается копирования этой техники Китаем, так как Пекин запросил подробную информацию о характеристиках «Триумфа». Похожая ситуация наблюдалась во время переговоров между Москвой и Пекином относительно продажи новых истребителей Су-35С. Изначально китайская сторона объявила о намерении приобрести 48 боевых самолетов, которых было бы достаточно для комплектации 2—3 полноценных эскадрилий. Позднее Китай решил ограничиться лишь приобретением 4 истребителей. В Москве посчитали продажу столь малого количества Су-35С экономически невыгодной, и переговоры на некоторое время прервались. В настоящее время они проводятся в замедленном режиме, причем Россия настояла на расширении возможного контракта до 24 истребителей. Параллельно Китаю могут быть проданы и турбореактивные двухконтурные двигатели с форсажными камерами АЛ-41Ф1С.

В 2015 г. М. Дмитриев, тогда занимавший пост директора Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству, рассказал, что с Китаем было подписано специальное соглашение по линии Министерства юстиции, которое, впрочем, не разрешило вопроса с нелегальным копированием советской и российской техники.

Кроме того, еще одна тонкость китайского копирования заключается в том, что Китай, копируя российскую продукцию военного назначения, вносит в нее собственные изменения. Поэтому России с осторожностью относиться к продаже вооружений и военной техники Китаю 4-го поколения, поскольку эта страна начинает играть все более значительную роль на мировом рынке, предлагая покупателям более дешевые копии российского оружия и собственные разработки этой техники.

Всего, по данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), за 5 лет, с 2009 по 2013 г., доля российской продукции военного назначения в общем объеме китайского оборонного импорта составила 64 %.

Еще одним крупным российско-китайским проектом может стать продажа 100 самолетов Sukhoi Superjet. ЗАО «Гражданские самолеты Сухого» подписало меморандум с пулом китайских инвесторов — Henan Oberoi Aircraft Company, Shanghai Yuan Fei Aviation Technology Company, а также China Tianli Aviation Technology Co. Согласно этому меморандуму, эти компании построят предприятие для сборки SSJ100 в городе Чжэнчжоу

пров. Хэнань. Сейчас Sukhoi Superjet 100 является чуть ли не единственным российским проектом гражданского самолета, дошедшим до стадии коммерческой эксплуатации. При этом некоторые детали лайнера, включая двигатели, разрабатывались и закупались у иностранных производителей авиатехники. В итоге доля импортных комплектующих в сборке составила более 53 %.

Тем не менее, обе страны еще не вышли на необходимый им уровень в сфере экономики. Объем их внешней торговли небольшой — всего 95 млрд долл. Для Китая Россия является девятым партнером, а Китай для России является первым.

И по объему инвестиций наблюдается перекося. Так из Китая в Россию в 2017 г. пришел 1 млрд долл. прямых инвестиций, в то время как из России в Китай — 240—250 млн долл. Это совсем мало, считает А. Островский. Подписанные соглашения, уверен он, позволят резко увеличить инвестиционную составляющую, создать базу для развития инфраструктуры, прежде всего по проекту создания «Нового Шелкового пути» и строительства скоростной железной дороги Москва—Казань. Кроме этого, есть проекты Морского пути и развития Арктики. С их помощью и созданного Азиатского банка инфраструктурных инвестиций Россия сможет развивать свою инфраструктуру на Дальнем Востоке, что для особенно важно в условиях западных санкций. Однако А. Островский не исключает попытки помешать развитию российско-китайских отношений со стороны западных держав⁸.

Инвестиционная политика в российско-китайских отношениях

Главной целью развития российско-китайского сотрудничества в области инвестиций является наращивание финансовых активов, ибо в случае отсутствия финансовой выгоды ни один инвестор не захочет размещать свои активы, какими бы не были цели предприятия. Ведь у инвестора имеются финансовые средства, и он ищет привлекательные проекты для их вложения с целью получения прибыли, и инвестиционный рынок не ограничивается российской экономикой. В случае если российский рынок покажется китайским инвесторам недостаточно привлекательным, они в любом случае смогут найти более выгодные способы вложения средств — в странах с благоприятным инвестиционным климатом, низким уровнем коррупции, а также более квалифицированными трудовыми ресурсами⁹.

За последние десятилетия КНР успешно проявила себя в эффективном использовании имеющихся экономических ресурсов. На данный момент экономика Китая хоть и замедляет темпы своего роста, но все равно остается одной из самых быстрорастущих экономик мира, а также лидером в це-

лых производственных отраслях. Такой динамичный рост все время толкает государство и представителей бизнеса на поиски новых экономических ресурсов для дальнейшего развития. В данном случае инвестиции весьма подходят для этой цели. При этом Китай отдает предпочтение прямым инвестициям, а не другим видам вложений. То есть КНР по большей части инвестирует в материальное производство, оставляя за собой право в управлении проектом с последующим контролем за прибылью и разделением доходов. Такой вид вложений обеспечивает Китай контрольным пакетом акций предприятия и является выигрышным способом экономического сотрудничества для Китая.

А деятельность России на мировой арене в плане развития инвестиционных программ с недавнего времени становится все менее активной, Китай же, обладая огромными экономическими ресурсами и постоянно рассматривая возможные области для инвестирования, находит Россию приемлемой целью для финансирования.

При этом следует отметить, что в условиях небольшого выбора предложений в области инвестирования российские предприятия рассматривают данную возможность исключительно с положительной стороны, не уделяя пристального внимания дальнейшим вопросам управления проектом. В настоящее время КНР вкладывает достаточное количество ресурсов практически во все важные направления российской экономики, от совместных проектов в области энергетики и добычи ископаемых до сферы обслуживания и торговли. Особое внимание Китай уделяет предприятиям, деятельность которых каким-либо образом связана с дальневосточной частью России. Примерами совместных проектов в области энергетики является сотрудничество РФ и КНР в области развития Тяньваньской АЭС, которое включает в себя строительство двух блоков АЭС, работы по поставке радиоизотопных термоэлектрических генераторов, взаимодействие с китайскими партнерами в доработке быстрого реактора, а также решение вопросов о выделении площадки для размещения новых блоков АЭС¹⁰.

В качестве другого примера российско-китайской кооперации, но теперь в сфере нефтедобычи, можно привести соглашение ПАО «Роснефть» и China National Petroleum Corporation о наращивании объема транзитного потока углеводородов через Казахстан и его пролонгации вплоть до 2023 г. Согласно этому контракту, количество транспортируемой нефти увеличится до 91 млн т и позволит планомерно наращивать продажи в азиатском направлении¹¹. Также следует отметить сотрудничество российской компании «Востсибуголь» и одной из крупнейшей компании Китая в сфере добычи угля — Shenhu, в виде ООО «Разрез Уголь», в котором активы распределены между российской и китайской сторонами в равных долях.

В процессе данной кооперации планируется развитие совместной добычи каменного угля в Зашуланском месторождении в Забайкалье¹². Одним из самых крупных вложений в российскую экономику за последнее время можно считать приватизация «Роснефти», объем вложений составил порядка 9 млрд долл. Одним из последующих шагов «Роснефти» может стать привлечение китайского партнера для разработки месторождений в Ямало-Ненецком автономном округе. Также необходимо отметить, что по состоянию к началу 2018 г. Китай, Япония и Индия нарастили объем вложений в российские предприятия на 25 % в общей сумме до 32,4 млрд долл., при этом вложения со стороны китайского партнера составляют 8 млрд долл.

Главным образом увеличение потока инвестиций коснулось проектов топливно-энергетического комплекса. В дальнейшем китайские инвесторы рассматривают возможность вложения средств в обрабатывающую промышленность и горнодобывающую отрасль. Несмотря на увеличение потока инвестиций в российские предприятия со стороны азиатских партнеров, в том числе и Китая, следует отметить, что практически все инвестиции приходится на добывающую промышленность и нефтегазовую отрасль, а участие в развитии обрабатывающей промышленности и транспортной отрасли происходит крайне низкими темпами. Также не стоит забывать тот факт, что российская экономика для иностранных инвесторов является лишь одним из объектов вложений наряду с другими странами.

Например, главенствующие позиции в части привлечения капитала китайских инвесторов в настоящее время занимает Казахстан, который на протяжении долгого времени укрепляет свои экономические отношения с Китаем. В последнее время китайские инвесторы продолжают сотрудничество и с белорусскими предприятиями, где объем вложений в машиностроительную отрасль увеличился до 0,6 млрд долл. В связи с этим не следует впадать в крайность и считать, что только азиатские партнеры — единственно верный путь развития российских предприятий. Необходимо учитывать, что Россия входит в первую десятку стран в Европе по количеству проектов с привлечением прямых инвестиций. Например, только Германия в настоящее время принимает участие в 43 российских проектах.

Таким образом, согласно прогнозам, азиатские инвесторы будут продолжать наращивание объемов инвестиций, а объем вложений со стороны стран Европы в Россию останется на стабильном уровне. Эта диверсификация позволит российской экономике снизить геополитические риски. Самое главное в данном случае — продолжать запускать проекты с привлечением иностранных активов, как со стороны азиатских партнеров, так и со стороны Европы, с целью повышения интереса для размещения зарубежного капитала в Россию.

Перспективы развития экономического сотрудничества

Следует отметить, что когда речь идет о современной торговле между Китаем с его основными торговыми партнерами, объем торговли между Китаем и Россией кажется небольшим. Так, в 2017 г. товарооборот между Китаем и Россией достиг уровня в 84,4 млрд долл., а объем торговли между Китаем и США составил 637,9 млрд, между Китаем и Японией — 297,2 млрд, между Китаем и Южной Кореей — 239,9 млрд, между Китаем и Германией — 180,5 млрд долл. Россия занимает 10-е место среди крупнейших торговых партнёров Китая, рядом с Сингапуром, Вьетнамом и Индией¹³. Данные за 2018 г. о внешнеторговом обороте РФ с основными торговыми зарубежными партнерами приведены в табл. 3.1.

Таблица 3.1. Внешнеторговый оборот Российской Федерации с основными торговыми партнерами

	Январь—май 2018 г.			Январь—май 2017 г.		
	млн долл.	%		млн долл.	%	
		к январю— маю 2017 г.	итого		к январю— маю 2016 г.	итого
Внешнеторговый оборот	271 387	123,3	100	220 078	129,6	100
в том числе						
<i>страны дальнего зарубежья</i>	239 113	124,0	88,1	192 768	129,5	87,6
из них страны Евросоюза:	119 772	122,1	44,1	98 111	131,5	44,6
Бельгия	5214	125,1	1,9	4170	125,6	1,9
Германия	24 348	125,0	9,0	19 473	128,5	8,8
Испания	2406	111,5	0,9	2159	140,6	1,0
Италия	10 338	111,4	3,8	9279	125,2	4,2
Латвия	2005	74,2	0,7	2702	115,6	1,2
Нидерланды	19 531	115,4	7,2	16 925	133,0	7,7
Польша	8362	130,7	3,1	6398	141,4	2,9
Словакия	2281	111,3	0,8	2048	133,6	0,9
Великобритания	5849	125,1	2,2	4675	120,6	2,1

Окончание табл. 3.1

	Январь—май 2018 г.			Январь—май 2017 г.		
	млн долл.	%		млн долл.	%	
		к январю— маю 2017 г.	итого		к январю— маю 2016 г.	итого
Финляндия	6238	129,2	2,3	4827	150,7	2,2
Франция	7084	119,2	2,6	5944	123,6	2,7
Чехия	3348	120,5	1,2	2777	146,6	1,3
<i>страны АТЭС:</i>	79 713	123,1	29,4	64 737	132,7	29,4
Китай	40 831	131,4	15,0	31 066	136,8	14,1
Республика Корея	8623	111,1	3,2	7758	147,3	3,5
США	9289	110,5	3,4	8407	120,1	3,8
Япония	8427	127,5	3,1	6610	107,8	3,0
Индия	4269	126,2	1,6	3383	120,6	1,5
Турция	11 387	146,2	4,2	7791	128,0	3,5
Швейцария	2407	128,0	0,9	1881	118,6	0,9
государства — участники СНГ	32 273	118,2	11,9	27 311	129,9	12,4
Азербайджан	957	108,6	0,4	882	155,4	0,4
Армения	783	127,9	0,3	612	125,4	0,3
Беларусь	13 836	118,0	5,1	11 721	128,9	5,3
Казахстан	7453	109,2	2,7	6822	144,4	3,1
Киргизия	654	110,8	0,2	590	130,6	0,3
Молдова	607	136,6	0,2	444	97,0	0,2
Таджикистан	402	127,9	0,1	315	134,3	0,1
Туркмения	124	74,9	0,0	166	30,8	0,1
Узбекистан	1620	132,3	0,6	1225	120,5	0,6
Украина	5838	128,7	2,2	4535	132,9	2,1

Источник: URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/140.htm

Однако если сравнить торговлю России с её основными экономическими партнёрами, объём торговли между Китаем и Россией кажется большим, ибо за последние 8 лет Китай стал главным торговым партнёром России. Как отмечалось выше, в 2017 г. китайско-российская торговля достигла 84,4 млрд долл., намного опередив Германию и Голландию, 2-го и 3-го по величине торговых партнёров России, товарооборот с которыми составил соответственно 50 млрд и 39,5 млрд долл. Доля Китая составляет 15 % во внешней торговле России, а доля Германии и Голландии — 9 и 7 % соответственно.

Наконец, с точки зрения структуры внешней торговли России, китайско-российские торгово-экономические отношения выходят не только на нормальный уровень, но выглядят даже лучше, чем связи России с другими торговыми партнёрами. За исключением Австралии 5 важнейших торговых партнёров Китая являются крупными внешнеторговыми гигантами с объёмом внешней торговли более 100 млрд долл., в том числе общая внешняя торговля США составляет 3956,2 млрд долл., Германии — 2615,3 млрд, Японии — 1370,1 млрд, Голландии — 1226,2 млрд, Южной Кореи — 1052,2 млрд долл.

В том же 2017 г. весь объём внешней торговли России составил 590,9 млрд долл. Очевидно, что с точки зрения внешней торговли Россия не большая, а средняя страна. В значительной степени общая торговля одной страны определяет масштабы её торговли с отдельными партнёрами. Таким образом, не следует ожидать, что китайско-российская торговля достигнет такого же уровня, как между Китаем с США или Японией, так как общий объём внешней торговли России намного меньше, чем у этих двух государств.

Следует отметить, что структура китайско-российской торговли часто подвергается критике за чрезмерную концентрацию на энергоносителях. Конечно, энергия является основной статьёй экспорта России в Китай. Однако это характеризует не только китайско-российскую торговлю, а всю внешнюю торговлю России в целом. В 2016 г. энергетика и нефтепродукты в стоимостном выражении составили 59 % российского экспорта. На этом фоне структура китайско-российской торговли не лучше и не хуже, чем вся российская внешняя торговля, хотя это не означает, что Китай и Россия могут удовлетвориться этим и нет шансов для оптимизации структуры двусторонней торговли.

Их оптимизация необходима, но правильный путь лежит через увеличение производственных и технологических секторов, а не посредством сокращения сотрудничества в области энергетики. Энергетическое сотрудничество имеет огромное значение как для Китая, так и для России. В настоящее время Россия является крупнейшим поставщиком нефти для Китая. А в

перспективе она может стать и крупнейшим поставщиком природного газа, если газовая сделка будет полностью реализована. Тем не менее, в качестве крупного производителя и экспортёра газа Россия может столкнуться с растущим давлением со стороны США как на европейском, так и на азиатском рынках. В связи с этим Китай как один из крупнейших потребителей газа стратегически важен для России.

Выгоды двустороннего стратегического взаимодействия РФ и КНР

Часто на обывательском уровне возникает вопрос: почему китайско-российские экономические отношения отстают от политических? При этом зачастую простые граждане не понимают, почему Китай и Россия как стратегические партнёры не могут поднять уровень экономических отношений до политического. Сущность ответа на этот вопрос состоит в том, что хорошие политические отношения служат очень важным стимулом для развития экономического сотрудничества, но не обязательно спонтанно ведут к процветанию двусторонней торговли, потому что политика и экономика следуют различным законам и логике. И в условиях отличных политических отношений именно в экономике следует искать ключ к взлёту китайско-российских торгово-экономических связей, развивая перспективные направления сотрудничества, которое в последние годы развивается очень динамично и охватывает все области практического сотрудничества и контакты на всех уровнях и по различным каналам.

Китай уделяет повышенное внимание российскому направлению в своей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, подчеркивая высокий уровень и особый характер российско-китайских отношений. При этом лидеры двух стран дают высокие оценки текущему состоянию и общему ходу развития российско-китайских отношений. Существенно вырос товарооборот, активизировалось практическое сотрудничество во многих областях, в том числе в реализации крупных совместных проектов, совершенствуется договорно-правовая база по всему спектру двустороннего взаимодействия. Особое внимание уделяется повышению доверия и укреплению взаимопонимания между простыми гражданами, что, помимо гуманитарной составляющей, стимулирует увеличение числа коммерческих сделок и взаимных инвестиций и дает реальный экономический результат¹⁴.

При этом российско-китайские отношения не носят конъюнктурного характера, они не зависят от ситуации в мире или регионе и от действий какой-либо третьей страны. Их партнерство, основанное на политическом доверии, позволяет более эффективно отстаивать общие интересы на международной арене, координировать действия в рамках СБ ООН, различных международных организаций и форумов, противостоять распространению международного терроризма, прилагать действенные усилия по поддержа-

нию мира, стабильности и безопасности на региональном и глобальном уровнях.

Высокий уровень отношений, географическое соседство, сходные процессы модернизации экономик Китая и России, исторически широкие связи во многих отраслях создают весьма благоприятные условия для качественного расширения экономических связей. Динамическое развитие двусторонней торговли в последние годы также показывает, что существуют значительные объективные потребности наращивания экономического взаимодействия. К примеру, товарооборот с 2005 г. увеличился в 3 раза, а в 2016 г. его объем приблизился к 90 млрд долл. При этом Китай удерживает 1-е место в списке внешнеторговых партнеров РФ, которая занимает 9-е место в списке основных торговых партнеров КНР¹⁵.

Россияне покупают все больше китайских товаров, а Россия поставляет в Китай ряд видов ключевой для китайской экономики продукции. Речь идет не только об энергоносителях, хотя они стратегически важны для экономической безопасности КНР.

Одновременно Россия, обладая передовыми технологиями в ряде важнейших отраслей, способствует модернизации китайской экономики. Например, благодаря российско-китайскому сотрудничеству в области мирного атома китайская атомно-энергетическая отрасль смогла значительно повысить уровень применяемых технологий. А первая очередь Тяньваньской АЭС с реакторами российского дизайна была призвана самой безопасной из действующих в КНР. Экспериментальный реактор на быстрых нейтронах, спроектированный и построенный вблизи Пекина при помощи российских специалистов, позволил Китаю наряду с Россией и Японией войти в тройку государств мира, где действуют реакторы 4-го поколения. В Китае при содействии России также построены современные газодиффузионные заводы по обогащению урана, которые вырабатывают высококачественное топливо для АЭС. Есть еще проекты в авиастроении, мирном космосе и других сферах.

Однако при этом инвестиционное сотрудничество между странами пока развито слабо. Китайские инвестиции в Россию сейчас составляют порядка 0,5 % от общего объема инвестиций КНР за рубежом. Тем не менее, в последнее время наметились положительные тенденции. В 2017 г. китайские инвестиции в Россию увеличились почти на 116 % — до 654 млн долл., а всего с 2004 по 2012 г. объем реализованных китайских прямых инвестиций в нашу страну составил 4,4 млрд долл.¹⁶

Одновременно в России постоянно совершенствуется инвестиционное законодательство, создана сеть специальных экономических зон, в которых организованы благоприятные условия для деятельности иностранных предпринимателей, в том числе в сфере налоговых льгот и инфраструктуры. Ряд китайских компаний создают производства в СЭЗ в Калужской и Липецкой

области. В 2012 г. был создан Российско-китайский инвестиционный фонд, образованный Российским фондом прямых инвестиций и Китайской инвестиционной корпорацией для активизации инвестиционного сотрудничества. В России установился курс на ускорение развития регионов Сибири и Дальнего Востока, и в этом плане открывается много новых возможностей для китайских инвесторов. Перспективным является расширение кооперации в сфере сельского хозяйства и агропромышленного комплекса, прежде всего, за счет создания на российской территории перерабатывающих производств. Имеются и другие проекты, например — по развитию туристической инфраструктуры, объектов торгово-развлекательной индустрии.

Энергетическое сотрудничество выступает важной сферой углубления двустороннего прагматичного сотрудничества. Это взаимодействие в сфере энергетики носит всеобъемлющий характер и распространяется не только на торговлю нефтью и природным газом, но и охватывает такие направления, как ядерная энергетика, уголь, электричество и новые виды энергоносителей. Главная цель продвижения энергетического сотрудничества — это реализация двусторонней выгоды и совместного выигрыша.

Во время посещения России председателем КНР Си Цзиньпином главы двух стран достигли единства мнений по вопросам упрочнения китайско-российского стратегического сотрудничества и подписали Совместную декларацию КНР и РФ о взаимовыгодном взаимодействии и углублении всесторонних партнерских отношений стратегического сотрудничества. Эта декларация стала «дорожной картой» развития российско-китайских отношений на долгосрочный период. Она утвердила направления дальнейшего развития двусторонних отношений и основные сферы сотрудничества. Это обусловлено следующими направлениями развития двусторонних отношений.

Во-первых, китайско-российские отношения вышли на новый этап развития. В настоящее время обе страны переживают ключевой период национального возрождения, и двусторонние отношения вступили в новый этап, на котором Китай и Россия предоставляют друг другу важные возможности развития и являются друг для друга главными приоритетными партнерами сотрудничества.

Во-вторых, в процессе развития китайско-российских отношений разрывание прагматичного сотрудничества стало главной стратегической задачей обеих стран. Председатель КНР Си Цзиньпин и президент РФ В. Путин пришли к единогласному решению: необходимо сделать так, чтобы преимущества тесных политических связей, характеризующихся высочайшим уровнем, превратились в реальные результаты в каждой из сфер прагматичного сотрудничества. Китайские руководители понимают, что достижение возрождения китайской нации является главной мечтой китай-

ского народа на протяжении последних десятилетий. Одновременно с этим, РФ также ускоряет свои шаги на пути к созданию сильного процветающего государства. Российские руководители выдвинули цель: к 2020 г. достичь или хотя бы приблизиться к уровню развитых стран по показателю среднего ВВП на душу населения.

В-третьих, стороны прикладывают усилия к тому, чтобы достичь в китайско-российском экономическом сотрудничестве баланса количества и качества. При этом китайско-российские торгово-экономические отношения демонстрируют темпы развития, исчисляющиеся двузначными показателями, правда, за исключением периода, когда негативное влияние международного финансового кризиса оказалось слишком сильно¹⁷.

Так, согласно статистическим данным, двусторонний торговый оборот между Китаем и Россией за последние 20 лет вырос в 14 раз. Торгово-экономический обмен также выступает важным звеном китайско-российских связей. Он заложил материальную основу для продолжительного и стабильного развития отношений между странами. Прежде количественный рост показателей торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией в основном осуществлялся за счет обычной традиционной торговли. В сферах торговли услугами, взаимного инвестирования и в научно-технических областях по-прежнему существует огромный потенциал, который сторонам еще предстоит раскрыть.

В-четвертых, молодежный обмен становится приоритетным направлением гуманитарного сотрудничества. Как подчеркнули руководители Китая и России в Совместной декларации, страны должны эффективно претворить в жизнь план действий в области гуманитарного сотрудничества и успешно провести все мероприятия в рамках Года китайского туризма в России. Кроме того, представляется чрезвычайно важным расширить обмен между китайской и российской молодежью, создав соответствующие механизмы на долгосрочной основе. Ведомства культуры и просвещения Китая и России должны создать площадку для проведения молодежного обмена и поощрять такой обмен во всех формах и проявлениях, включая организацию студенческих диалогов, молодежных лагерей и т. д.

В-пятых, Китай и Россия, независимо от их политических систем, находятся в процессе трансформации от плановой экономики к рыночной, от высшей степени централизованной политической системы к более демократической. Общие исторический этап и задачи заложили основу для политического сотрудничества между двумя странами. Политические отношения между Китаем и Россией, базирующиеся на фундаменте достижения единства мнений в вопросах о тенденциях будущего поступательного движения, будут сохранять благоприятную перспективу развития. А экономическое развитие Китая в значительной степени зависит от научно-технической ин-

новации, и в этой области Россия по-прежнему остается достаточно авторитетной страной с большим научно-техническим потенциалом.

Тем не менее, потенциал развития китайско-российского торгово-экономического сотрудничества еще далеко не исчерпан. Для его улучшения было бы целесообразно:

расширять масштаб двусторонней торговли, развивая рыночную открытость, ускорять строительство современной логистической и торговой платформы и повышать уровень удобства торговли;

усилить взаимное сотрудничество в области инвестиций и содействовать проведению китайско-российских инвестиционных форумов, совершенствовать положения законодательства об инвестициях, устранять административные барьеры в процессе инвестирования, прибегая к более гибким методам при продвижении крупных инвестиционных проектов;

углублять сотрудничество в научно-технической и инновационной областях, реализовав ряд важных научно-технических проектов по таким направлениям, как строительство тяжелой вертолетной техники, обогащение урана, применение реакторов на быстрых нейтронах, и наметить будущее сотрудничество в сфере нанотехнологий, биоинженерии, новых источников энергии и новых материалов;

расширять экономическое сотрудничество в приграничных регионах и ускорить трансграничный обмен и строительство базовых объектов таможенной инфраструктуры, упорядочить процесс прохождение грузов через границу, совместно бороться с «серой растаможкой», создавая благоприятную среду для двустороннего сотрудничества.

В заключении можно сделать вывод, что Китай и Россия являются крупными соседними странами, их планы государственного развития характеризуются наличием множества общих черт и совпадений. Китайско-российские отношения являются самыми главными двусторонними отношениями в мире и лучшими отношениями между державами мира. Отношения между Китаем и Россией, характеризующиеся высоким уровнем и прочностью, отвечают интересам обеих стран и служат важным обеспечением мира и стабильности на планете, а также охраняют баланс международных стратегических сил.

При этом можно выделить несколько основных преимуществ китайско-российского торгово-экономического партнёрства в XXI в.

Во-первых, это продолжительные и результативные политические отношения и налаженный механизм партнёрства. Во время периодических встреч представителей власти было создано 11 подкомиссий по главным отраслям обеих стран и для улучшения китайско-российского сотрудничества. Кроме того, было подписано множество договоров и создано огромное количество нормативно-правовых актов, которые, безусловно, только закреп-

ляля взаимовыгодное сотрудничество России и Китая. Также обе страны предоставляют бесплатные консультации по различным направлениям, например, вложение инвестиций, управление торговлей, разрешение торговых споров. Консультации позволяют разъяснить предпринимателям возможность выгодного и эффективного сотрудничества со сторонами.

Во-вторых, есть взаимодополняемость в индустриальных отраслях. Россия имеет огромные преимущества в энергетике, тяжелой промышленности и высоких технологиях. Китай достиг значительных результатов в отрасли машиностроения, изготовлении текстиля, бытовой техники и телекоммуникаций. Благодаря тесным взаимоотношениям страны дополняют друг друга, что способствует достижению высоких конкурентных позиций на международных и межрегиональных рынках.

В-третьих, у России и Китая большая емкость рынка, такая особенность позволяет увеличить оборот товаров, природных ресурсов, технологий и денежных средств. Главным преимуществом китайско-российского партнерства является созданная эффективная законодательная база стран. Исторически сложилось множество благоприятных факторов, которые помогли полноценно развиваться китайско-российскому экономическому партнерству. Экономические отношения России и Китая имеют многоярусную структуру. На верхнем ярусе можно наблюдать крупные контракты, которые были подписаны для строительства технически сложных проектов и длительной оптовой поставки важных товаров. На среднем ярусе наблюдается пассивная роль российских предпринимателей. На нижнем ярусе, как правило, осуществляется приграничная торговля.

В-четвертых, основными сферами сотрудничества двух государств является энергетика, транспорт, сельское и лесное хозяйство. Эти сферы имеют не только коммерческий интерес, но и план длительного сотрудничества России и Китая, они требуют постоянных комплексных нововведений, в частности совместных. На сегодняшний день важным вопросом китайско-российского сотрудничества является развитие трубопроводных поставок газа и нефти. Уже было принято множество выгодных нормативных актов по этому поводу, что вызвало резкий рост иностранных инвестиций. Кроме сотрудничества в энергетической области, Россия и Китай активно развивают агро-производственный комплекс. Подписана программа строительства жилья в сельскохозяйственной местности и развития инфраструктуры в небольших административно-территориальных единицах, производства стройматериалов и расширения туристического бизнеса.

В-пятых, Китай и Россия договорились и дальше расширять инвестиционное и энергетическое сотрудничество для продвижения двусторонних связей. Об этом РФ и КНР договорились на 4-м заседании Комитета китайско-российского инвестиционного сотрудничества под председательством

вице-премьера Китая Чжан Гаоли и первого вице-премьера РФ И. Шувалова¹⁸. Главная задача заседания комитета — проводить углубленные обсуждения новых мер по увеличению масштаба и повышению уровня инвестиционного сотрудничества между двумя странами, превращая преимущества высокого уровня политических отношений в реальные результаты сотрудничества. При этом Китай готов принимать активное участие в развитии российского Дальнего Востока, стратегии импортозамещения России и процесса приватизации и совместно создать более значимый проект инвестиционного сотрудничества. Россия также придает большое значение инициативе «Одного пояса и одного пути» и связывает эту инициативу с Евразийским экономическим союзом. По данным статистики России, в январе 2017 г. Россия стала крупнейшим экспортером нефти в Китай, обойдя Саудовскую Аравию. А согласно данным китайской таможенной статистики, поставки топлива из России выросли на четверть в 2016 г. по сравнению с 2015 г., до 1,05 млн баррелей в день.

В-шестых, у России с Китаем уже согласованы проекты по строительству автотранспортного маршрута Европа—Западный Китай, евразийской высокоскоростной магистрали Москва—Пекин и газотранспортной системы «Сила Сибири», которая уже строится. Развивается и сотрудничество с Китаем в космосе, авиации и в военно-технической сфере. Есть идея большого азиатского энергокольца для поставок российской электроэнергии. Китайские компании стали соинвесторами проекта «Ямал СПГ».

И последний, *седьмой*, аргумент в пользу развития китайско-российского сотрудничества. Общие геополитические угрозы для РФ и КНР, неприкрытая враждебность со стороны США в отношении России и скрытая, но еще более серьезная, в отношении Китая создают условия для развития российско-китайского сотрудничества. Соединенные Штаты своей агрессивной политикой на мировой арене во многом цементируют стратегические отношения Китая и России.

С одной стороны, они активно подталкивают Пекин к более тесному взаимодействию с Москвою своей политикой в Южно-Китайском море, на Корейском полуострове и на тайваньском направлении с угрозами ограничить китайский экспорт. Так, свидетельством роста напряженности в американо-китайских отношениях стало сделанное МИД КНР заявление с осуждением решения США поставить Тайваню, который в Пекине считают своей провинцией, вооружений на сумму 1,4 млрд долл. Речь идет о первой такого рода сделке с Тайванем со стороны администрации Д. Трампа, который и раньше всячески демонстрировал нежелание признавать на деле «принцип одного Китая», хотя на словах американцы его нехотя признают. Вашингтон разозлил Китай еще и тем, что одновременно с объявлением об этой сделке включил в санкционный список несколько китайских компа-

ний, обвинив их в связях с КНДР, а сенатский комитет разрешил американским военным кораблям заходить в тайваньские порты, хотя Пентагон воздерживался ранее от подобных шагов.

С другой стороны, раскручивая конфронтацию с Россией в политической, военной и экономической сферах, подрывая взаимодействие России с европейскими странами и отказываясь учитывать ее законные национальные интересы, американцы вынуждают Москву разворачиваться на Восток. В Вашингтоне по-прежнему не понимают, что если Россия и Китай, взаимодополняющие друг друга по многим параметрам и реально нуждающиеся друг в друге, будут действовать единым блоком, от американской гегемонии в мире быстро ничего не останется. Для этого Москва и Пекин должны более активно развивать сферы стратегического сотрудничества, как на глобальном, так и на региональном уровнях.

3.2. Сферы укрепления сотрудничества между РФ и КНР

Возрастающая роль Китая в современном мире

Как уже отмечалось, в XXI в. КНР постепенно становится всё более мощным геополитическим игроком в мире, принимающим активное участие в мировых делах. Ее участие в ООН, АТЭС, ШОС, БРИКС позволяет реализовывать свои национальные интересы на глобальном и региональном уровне. Являясь мировой державой и опираясь на свой потенциал и усилившуюся роль на мировой арене, Китай формирует свою внешнюю политику, которая оказывает возрастающее влияние на политические и хозяйственные процессы, непосредственно затрагивающие не только ближайших соседей, но и другие страны регионов планеты. Этому способствует то обстоятельство, что в современных условиях КНР — одна из держав, крупнейшее по численности населения государство мира (свыше 1,3 млрд человек), занимает 3-е место в мире по территории, уступая лишь России и Канаде. Китай — 2-я экономика в мире, его ВВП уже в 2013 г. составлял 7,318 трлн долл., а в 2014 г. по паритету покупательской способности Китай вышел на 1-е место, обогнав США. Китай обладает самыми большими в мире трудовыми ресурсами — 803 млн 300 тыс. человек, опережая по этому показателю Индию, Евросоюз, США и Россию. Золотовалютный резерв КНР в 2012 г. превышал резервы всех других стран — 2,45 трлн долл. В 2010 г. Китай был 4-м в мире импортером (1204 млрд долл.) и 2-м крупнейшим экспортером в мире, его доходы от экспорта составили 1581 млрд долл.¹⁹

Китаю, вышедшему из «экономической тени» США, присуще стремление играть ведущую роль не только в мировой экономике, но и в политике. Для этого КНР проводит внешнюю политику, способствующую укреплению ее роли на мировой арене, пока придерживаясь сравнительно нейтральной позиции. Китай стремится к политическому лидерству, но не с целью навязать миру административно-распределительную общественную модель. Его глобальная задача состоит в том, чтобы стать государством, играющим ключевую роль в создании нового миропорядка, и продемонстрировать свою готовность нести ответственность за планетарное развитие. Основная задача, которая была поставлена перед внешнеполитическими ведомствами Китая, заключается в том, чтобы уже в ближайшей перспективе существенно повысить роль КНР в мировых и региональных процессах и превратить ее в равного с США мирового актора.

В связи с этим администрация Белого дома предпринимает различного рода акции, направленные на сдерживание Китая, нацеленные на принижение его роли в мировых делах. Существенным моментом в ухудшающихся американо-китайских отношениях стала поддержка США так называемой «революции зонтиков» в Гонконге, которая началась 28 сентября 2014 г. и продолжалась 79 дней²⁰. Тогда министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что ситуация является внутренним делом КНР, и предостерег Вашингтон от попыток вмешательства в нее. В 2017 г. поводом для давления США на Китай стала «нейтральная», а по сути его поддержка в СБ ООН позиции РФ по ситуации вокруг Сирии, а 2018 г. Д. Трамп объявил о начале торговой войны Китаю.

Также, несмотря на рост экономического сотрудничества между Китаем и Японией, в краткосрочной перспективе не стоит ожидать реального политического сближения Пекина и со стратегическим союзником Вашингтона — Токио. Сдерживающий эффект на динамику двусторонних отношений продолжают оказывать нерешенные исторические и территориальные споры, негативное восприятие китайцами и японцами друг друга, соревнование Пекина и Токио за лидерские позиции в Восточной Азии, а также отрицательное отношение Пекина к повышению статуса Японии в СБ ООН и ее военная активность.

В настоящее время главными целями внешнеполитической деятельности КНР являются:

налаживание отношений и сотрудничества с ведущими странами мира — Россией, США, Японией и странами Евросоюза;

увеличение влияния на страны с развивающейся экономикой — Венесуэлой, Бразилией, Саудовской Аравией, Казахстаном и Египтом и другими развивающимися государствами;

становление КНР как сверхдержавы и усиление ее влияние в мировом сообществе и расширение этого влияния в Юго-Восточной Азии и АТР, вытеснение из этих регионов Соединенных Штатов;

нахождение компромисса с США, под контролем которых находится остров Тайвань и ряд прилегающих островов. По Конституции КНР данные территории находятся под китайской юрисдикцией, и они должны быть возвращены Китаю.

Таким образом, можно констатировать, что КНР будет и дальше способствовать расширению своего влияния в мире посредством усиления её роли в ведущих международных организациях и в глобальной экономике. Поэтому в условиях трансформации системы международных отношений для реализации национальных интересов России необходимо укреплять многосторонние отношения с Китаем²¹. При этом Россия должна исходить из своих национальных интересов, сформулированных в Стратегии национальной безопасности РФ. Они заключаются, в частности, в упрочении позиции России как державы — одного из влиятельных центров многополярного мира, в развитии взаимовыгодных отношений с КНР и равноправных отношений с другими странами и их интеграционными объединениями.

Направления российско-китайского сотрудничества

На современном этапе российско-китайские взаимоотношения характеризуются широким спектром областей сотрудничества, включающих интенсивные контакты на высшем уровне, торгово-экономические и гуманитарные связи, сотрудничество на международной арене, в том числе в СБ ООН, совместное участие в международных и региональных организациях, таких, как ШОС, АТЭС РИК и БРИКС.

Подтверждением улучшающихся отношений между РФ и КНР стали частые визиты глав государств и внешнеполитических ведомств друг к другу. Так, на празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне в Россию приезжал Си Цзиньпин²². Согласно существующим договоренностям, основными направлениями сотрудничества между РФ и КНР на глобальном уровне являются:

- усиление торгово-экономических связей. Между государствами активно развивается сотрудничество в сфере обмена ресурсами. Так, уже в 2004 г. объем российско-китайской торговли впервые превзошел рубеж 20 млрд долл. В 2014 г. российско-китайский товарооборот увеличился до 70 777,7 млн долл., в том числе экспорт России в КНР — 31 381,4 млн долл. (+2,9 %), а импорт из КНР — 39 396,3 млн долл. (+10,5 %). Всего темпы прироста товарооборота в сравнении с 2013 г. увеличились на 7 раз;

- Россия и КНР активно участвуют в формировании и продвижении концепции «Экономического пояса Шелкового пути» в Евразии, которая предполагает создание транспортно-логистического коридора из Азии в Европу;

- в научной сфере более 30 институтов РАН сотрудничают с исследовательскими центрами Китая. Были созданы Объединенный российско-китайский центр по космической погоде и Российско-китайский исследовательский центр по изучению природных ресурсов, экологии и охране окружающей среды²³. Китайская и российская стороны развивают взаимодействие в области наукоемких технологий. Одним из направлений сотрудничества является производство институтами РАН научного оборудования по заказу китайских организаций. Они поставляют в КНР ускорители и приборы для физики высоких энергий, оборудование для холодного газодинамического напыления порошковых материалов, уникальное высоковольтное оборудование, установки для упрочнения поверхностей металлов и оборудование для тепловых электростанций. Российские и китайские ученые используют различные формы сотрудничества в области производства приборов и оборудования по очистке жидкостей и регенерации масел, экологически чистой переработке сельхозпродукции, освоению электродиализных опреснительных установок, низкотемпературных плазменных технологий, тепловизионной аппаратуры и лазерной техники, производству фотохимикатов, лазерных принтеров, множительной техники. Это взаимодействие осуществляется на основе подписанного 18 декабря 1992 г. соглашения между правительствами РФ и КНР о научно-техническом сотрудничестве;

- Китай также заинтересован в получении доступа к результатам фундаментальных российских прикладных исследований. При осуществлении научно-технического сотрудничества с китайскими партнерами российская сторона проводит линию на активное освоение китайского рынка наукоемкой продукции посредством перехода от отдельных научно-исследовательских разработок к организации современных производств в областях, представляющих взаимных интерес;

- развивается сотрудничество в сфере энергоносителей, разработке новых газовых и нефтяных месторождений и прокладке новых газовых и нефтяных трубопроводов на территории РФ и КНР, в том числе «Алтай» — газопровод между месторождениями Западной Сибири и Синьцзян-Уйгурским автономным районом на западе Китая, и «Сила Сибири». В марте 2006 г. было подписано несколько меморандумов в области поставок российских энергоресурсов, которые позволяют Китаю повысить свою энергетическую безопасность и получать независимость от внешней политики США и стран Западной Европы. С российской стороны право экспорта энергоносителей было закреплено за госкомпаниями — «Газпромом», «Роснефтью» и РАО ЕЭС. В 2014 г. «Газпром» и китайская CNPC подписали

контракт на поставки в КНР 38 млрд куб. м газа ежегодно в течение 30 лет. Общая стоимость поставок газа в Китай составила 400 млрд долл., и это крупнейший для «Газпрома» контракт²⁴;

- наблюдается усиление интеграции России и Китая на восточноевразийском пространстве в рамках ШОС, включая выработку комплекса совместных мер по противодействию угрозам, таким, как — терроризм, сепаратизм, наркоторговля, бандитизм и экстремизм;

- Россия и Китай обязались на долгосрочной основе развивать равноправное партнерство и стратегическое взаимодействие в военной сфере. Регулярно проводятся совместные военные учения, такие, как «Морское взаимодействие» и «Мирная миссия». Военнослужащие обеих стран участвуют в совместных военно-спортивных играх, таких, как: танковый биатлон, стрельбы и так далее. Увеличились совместные командировки военнослужащих обеих стран. А в случае возникновения угрозы миру или угрозы внешней агрессии против одной из сторон Москва и Пекин незамедлительно вступят в контакт и проведут консультации в целях устранения возникшей угрозы. Также российско-китайское взаимодействие предусматривает совместные усилия сторон по поддержанию глобального стратегического баланса и координацию действий на международной арене в предотвращении и урегулировании конфликтов;

- продолжается сотрудничество РФ и Китая в области авиастроения. В последние годы Россией было поставлено Китаю большое количество боевых самолетов и вооружения, в том числе более 100 самолетов различных типов: истребители СУ-27 и СУ-30МКК. Российские специалисты участвовали в создании китайских истребителей J-10, JF-17 и L-15. Проведены переговоры по созданию ближне-среднемагистрального самолета МС-21. Российская корпорация «Сухой», получила возможность укрепить военное сотрудничество в сфере разработки истребителей нового поколения. Для этого было заключено соглашение, по которому «Сухой» предоставляет доступ китайским компаниям в качестве экспертов-наблюдателей: при проведении совместных фундаментальных исследований в авиастроении и аэродинамике; при производстве бортовых интегрированных комплексов РЭО, гражданских пассажирских и учебно-тренировочных самолетов и вертолетов, а также авиационных двигателей нового поколения.

Исходя из перечисленного, можно сделать вывод, что сотрудничество РФ и КНР приносит большую пользу обоим государствам. Этому способствует созданные условия для эффективного двустороннего сотрудничества: в результате подписания ряда межправительственных соглашений были заложены политико-правовые и финансово-экономические основы отношений; укрепляется реальное антитеррористическое и военное сотрудничество, включая проведение совместных учений; сформированы механизмы двусто-

ронного диалога, в том числе по наиболее чувствительным проблемам — терроризм, сепаратизм, наркоторговля, бандитизм и экстремизм, экология, миграция и структура взаимной торговли.

Политическое сотрудничество между Россией и КНР

В начале XXI в. российско-китайское взаимодействие в политической сфере получило мощный импульс к дальнейшему развитию, ибо с приходом к власти в РФ в 2000 г. В. Путина российская внешняя политика приобрела более прагматичный характер. При нем Россия стала придавать еще большее значение сближению с Китаем, рассматривая это как одно из главных условий усиления своих внешнеполитических позиций. Китай, в свою очередь, также стал рассматривать сближение с Россией как одно из условий усиления своих региональных и глобальных позиций.

Важную роль в интенсификации российско-китайского политического взаимодействия сыграла военная операция НАТО в Югославии 1999 г., проведенная без санкции ООН, а также политика США и их союзников на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Это в значительной степени обусловило необходимость к еще большей координации усилий РФ и КНР по формированию некоего альтернативного Западу центра силы²⁵.

Наиболее ярким свидетельством заинтересованности России и Китая в дальнейшем расширении взаимодействия стало подписание в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, который заложил правовой фундамент партнерства и стратегического взаимодействия между двумя странами. Этот Договор базируется на общности/близости или совпадения коренных национальных интересов РФ и КНР в области развития, безопасности, сохранения суверенитета и территориальной целостности наших стран, в деле строительства многополярного мира и справедливого, демократического международного порядка, исключающего диктатуру и гегемонизм. Согласно ему Россия и Китай выступают за решение всех спорных вопросов политическим путем, за повышение роли ООН в обеспечении международной безопасности. Они солидарны в борьбе против терроризма и распространения наркотиков, стоят на позициях уважения суверенитета и национальных интересов всех стран²⁶.

Позиции двух государств по принципиальным вопросам устройства миропорядка и по основным международным проблемам совпадают или близки. Обе страны выступают за многополярность, укрепление центральной роли СБ ООН в международных делах, активно содействуют международному процессу разоружения. Двусторонние отношения не направлены против третьих стран. Одним из результатов сопряжения интересов РФ и КНР является постоянное укрепление ШОС, обе страны также активно развивают сотрудничество в рамках БРИКС, РИК, АТЭС, АСЕАН и других организаций.

При этом КНР рассматривает РФ в качестве своего «стратегического тыла», необходимого Китаю для решения внутренних и международных проблем, а также как источник стабильных поставок энергетических ресурсов и рынок для сбыта китайских товаров. Для России стратегическое партнерство с КНР является одной из фундаментальных основ обеспечения собственной безопасности. Китай является крупнейшим соседом РФ и является важнейшим партнером на Дальнем Востоке, экономическое развитие которого в течение последних лет тесно связано с китайской экономикой, и в ближайшие десятилетия оно будет продолжать зависеть от темпов торгово-экономического взаимодействия двух государств.

За последние годы в истории двусторонних отношений произошло немало событий, имеющих решающее значение для их дальнейшего развития. Окончательно решен пограничный вопрос — завершено юридическое оформление участков российско-китайской границы на ее восточном участке. Это является примером того, как два государства смогли найти взаимоприемлемые решения доставшихся в наследство от истории сложнейших и деликатных проблем, в первую очередь пограничной, и выработать модель мирного и добрососедского сосуществования.

Также были заключены крупные соглашения в энергетической области — о поставках в Китай российского природного газа и нефти. В 2009 г. страны подписали соглашение о взаимном информировании о пусках баллистических ракет, что свидетельствует об углублении взаимного доверия в военной сфере.

Российско-китайское партнерство — это стратегический курс, лишенный конъюнктурных соображений. Оно имеет всеобъемлющий и равноправный характер и приносит реальные выгоды. Существенный вклад в более тесное общение народов двух стран и углубление взаимопонимания вносят набирающие обороты связи в области культуры и искусства, образования, туризма и спорта.

Россия и Китай — две державы, постоянные члены СБ ООН, без авторитетного голоса которых не может быть решена ни одна из насущных проблем современности. Возникновение за последние годы на глобальном и региональном уровнях новых острейших международных проблем, вызовов и угроз предопределили появление у России и Китая множества новых точек соприкосновения и сфер реального сотрудничества. При этом недавний опрос, проведенный недавно в России, показал, что Китай воспринимается как один из самых надежных друзей России, а опрос в Китае продемонстрировал, что одним из популярных политиков является В. Путин.

И хотя между Китаем и Россией еще существуют некоторые предрассудки и недопонимание, но у них есть общие интересы и устремления²⁷. Особенно значима для этих отношений является поддержка политического

курса обеих стран, которую демонстрируют молодые люди в России и Китае. Эти патриоты заложили прочную основу для непрерывных инноваций и развития политического строя в своих странах. Их идеи искренни и прагматичны, и они идут в ногу со временем и способны к изменениям.

Плодотворное двустороннее партнерство в международных делах также базируется на сходстве национальных интересов РФ и КНР, совпадении подходов Москвы и Пекина к узловым глобальным проблемам — будущему мироустройству, стратегической стабильности, главенствующей роли ООН и т. д. А в условиях попыток использовать процессы глобализации для получения односторонних экономических и геополитических преимуществ особое значение приобретает отстаивание Россией и Китаем принципов многосторонности в международных делах, уважения суверенитета государств, права народов на самостоятельный выбор пути развития. Две страны обладают и таким ценным в современном мире качеством, как цивилизационная и политико-идеологическая толерантность²⁸.

При этом одним из важнейших аспектов внешнеполитической деятельности России является задача сохранения и диверсификации политики партнерства с КНР. В ее основе лежит такая важная сфера, как налаживание полноценных торгово-экономических отношений между государствами, что в свою очередь отвечает задаче теснейшим образом увязать внешнеполитическую деятельность с потребностями социально-экономического роста России, всесторонней модернизацией экономики, ее перевода на инновационные рельсы.

Хотя на политическом уровне наблюдается полное сближение и взаимопонимание, в экономической сфере пока существует множество разногласий и нерешенных проблем. Пока остается неясным, являются ли Россия и Китай естественными торговыми партнерами, экономическая взаимодополняемость которых дает возможность каждому извлекать устойчивую выгоду для себя, или же конкурентами, соперничающими в сфере международной торговли и инвестиций. Поэтому к обеим странам Запад часто лепит ярлыки «авторитаризма» и «популизма», а западные политологи трактуют ряд современных и исторических явлений в российско-китайских отношениях как негативные.

Для решения этих проблем Китаю и России необходимо предпринять ряд совместных практических шагов. Например, они должны углублять обмена и сотрудничество в информационной области, как на региональном, так и глобальном уровне. Российская сторона считает необходимым обратиться к некоторым спорным вопросам и найти новые решения, что позволит сформировать позитивное общественное мнение. Так, соотношение между западной культурой и российской культурой увеличивает влияние западных тенденций в области образования и культуры. Для решения этих

актуальных проблем необходимо вносить политические коррективы во внешнеполитическую и внутреннюю деятельность РФ и КНР.

Органы власти Китая и России также должны расширить сферу двусторонних обменов, что соответствует интересам каждой из сторон. Например, антикоррупционные, законодательные и социальные институты должны уделять больше внимания проектам сотрудничества. На основе укрепления взаимоотношений между Китаем и Россией можно расширить сотрудничество со странами БРИКС и государствами с формирующимися рынками. Китайско-российское взаимодействие также должно распространяться на важнейшие сферы их жизнедеятельности. Дружеским отношениям между Китаем и Россией пока не нужны военные союзы или альянсы. Им необходимы отношения, основанные на принципе «гармонии и многообразии».

В целом, расширение и углубление политического взаимодействия России и Китая является результатом все более отчетливого осознания правящими элитами двух стран необходимости усиления сотрудничества для достижения главной общей цели — построения многополярного мирового порядка, где одной из основных движущих сил российско-китайского сближения является ответная реакция на устремления США и НАТО на глобальном и региональном уровне, нежели объективная потребность в развитии многостороннего политического диалога.

Рамки китайско-российского взаимодействия

Как отмечалось, стратегические интересы КНР и РФ совпадают как на глобальном, так и на региональном уровне. Китай и Россия вместе выступают за создание многополярного мира и против монополии одной силы. Оба государства также за культурное разнообразие и не приемлют насильственное навязывание так называемой «демократии» западного образца. В региональных делах Пекин и Москва прилагают усилия для создания системы сотрудничества и безопасности, противостоят факторам, подрывающим региональную стабильность.

Что касается двусторонних отношений, каждая из сторон уважает выбор другой стороной собственного пути социального развития. При этом двусторонние политические связи и гуманитарные контакты стали моделью дружественного взаимодействия стран с разными системами, где экономики двух стран во многом дополняют друг друга. Так, КНР ежегодно импортирует из России свыше 200 млн т нефти.

Однако в российских СМИ часто распространяются неверные суждения о том, что РФ, экспортируя нефть и другие ресурсы, может превратиться в сырьевой придаток Китая. В действительности же никто не сможет сделать Россию своим сырьевым придатком, поскольку она обладает не только богатейшими ресурсами и мощным научно-техническим потенциалом, рас-

полагая обширными человеческими ресурсами. Руководство РФ также придаёт огромное значение трансформации экономической структуры страны и развитию инновационной экономики. При этом китайско-российское энергетическое сотрудничество расширяется не только в абсолютных показателях, но и совершенствуются формы их взаимодействия. Поэтому близкое соседство Китая как крупнейшего потребителя энергии и России как крупнейшего экспортёра энергоносителей выгодно обеим сторонам. Китайско-российское энергетическое сотрудничество не ограничивается взаимодействием в области нефти и газа. Есть совместные проекты в ядерной энергетике, а также в поисках альтернативных источников энергии. И по мере совместного развития Сибири и Дальнего Востока появляются новые возможности для осуществления совместных региональных проектов.

Особое внимание уделяется китайско-российскому гуманитарному сотрудничеству — культурным, художественным и научным обменам. После распада СССР двусторонние гуманитарные контакты переживали трудный период. В тот период в России произошли коренные перемены, что привело к возникновению ряда преград в общении между народами двух стран: ими была утрачена единая система ценностей. Проблемой стал и язык общения, поскольку уровень распространения русского языка в Китае и китайского в России резко упал по сравнению со временами СССР. Сегодня же расширяются двусторонние связи в этих сферах, успешно продвигается гуманитарное сотрудничество и постоянно углубляется взаимопонимание между народами двух стран.

Следует также отметить, что для развития экономики КНР необходима мирная внешняя обстановка и для процветания РФ тоже нужны благоприятные внешние условия. Поэтому установление и развитие китайско-российских отношений в рамках всестороннего стратегического взаимодействия и партнёрства создают международную среду, необходимую для развития обеих стран, что соответствует долгосрочным стратегическим целям развития как Китая, так и России.

Направления глобального российско-китайского партнёрства

Очевидно, при определении основных направлений улучшения глобального партнёрства России и Китая в современных условиях следует проводить с учетом необходимости реализации их общей *концепции соразвития*. Таковыми направлениями могут стать:

- дальнейшее развитие и укрепление двустороннего и многостороннего сотрудничества России и Китая по линии ООН и укрепление этой структуры в качестве гаранта международной стабильности;
- активизация взаимодействия РФ и КНР по вопросам глобальной безопасности, экономического сотрудничества в рамках таких международ-

ных организаций, как БРИКС и РИК, которые выступают важным механизмом согласования подходов к решению актуальных проблем мирового развития, институтом сотрудничества по направлениям, представляющим общий интерес мировых держав;

- развитие архитектуры международных институтов по предотвращению распространения ядерного оружия и созданию глобальных/региональных систем ПРО, направленных против России и Китая;

- инициативное сотрудничество России и Китая в рамках АТЭС, форума АСЕАН и других международных структур. Политическая интеграция и регионализация России и Китая и партнёрские отношения со странами-участницами АСЕАН будут содействовать укреплению мира и безопасности, стабильности и процветания в АТР;

- активизация сотрудничества под эгидой ООН в Евразии при активном участии ШОС, направленного на противодействие терроризму, незаконному обороту наркотиков и трансграничной организованной преступности. Для этого необходимо углубление сотрудничества в рамках РАТС ШОС и придание нового импульса укреплению ее договорно-правовой базы, насыщение антитеррористического взаимодействия практическим содержанием, что обеспечивает успешное решение Россией и Китаем вопросов военной безопасности и снижает риск возникновения региональных конфликтов на рубежах стран. Активное участие РФ и КНР в выработке механизмов урегулирования национальных, конфессиональных, этнополитических конфликтов и содействие развитию совместных механизмов превентивной дипломатии, двусторонних контактов на разных уровнях. Международный вес и авторитет двух стран могут оказать положительное влияние на формирование дуги стабильности на жизненно важных для них территориях, на выявление, минимизацию и устранение угроз региональной безопасности.

Региональное сотрудничество Китая и России в различных сферах

На региональном уровне площадками для взаимодействия Китая и России являются такие международные структуры, как ШОС, РИК и БРИКС.

В связи с этим стоит особо отметить проблемы безопасности в Центральной и Северо-Восточной Азии, где сплелись воедино разные факторы, способствующие региональной нестабильности: терроризм, сепаратизм, религиозный экстремизм, помноженные на трудности государственного строительства в странах регионов. Поэтому от ситуации в них напрямую зависят безопасность и экономическое развитие Западного Китая, а также стабильность на южных границах России и на всем постсоветском пространстве. Исходя из этого гарантия безопасности и стабильности в Центральной и Северо-Восточной Азии — общая задача для Китая и России.

Важную роль в обеспечении стабильности в Центральной Азии играет ШОС, которая выступает гарантом региональной безопасности, играет большую роль в продвижении экономического взаимодействия и углублении гуманитарных связей между странами-членами Организации. Страны ШОС придерживаются «шанхайского духа», основанного на «взаимодово-рии, выгоде, равенстве, консультациях, уважении многообразия культур и стремлении к совместному развитию», придерживаются принципов непри-соединения к блокам, ненаправленности против третьих стран.

Они предпринимают меры по стратегическому сотрудничеству в обла-сти безопасности. Каждый год проводятся антитеррористические учения, так как в последние 10 лет в регионе произошли события, которые не спо-собствовали политической стабильности. Среди них следует отметить «ан-диганские события» мая 2005 г. в Узбекистане и политические потрясения в Киргизии в том же году. В контексте событий в Киргизии ШОС показала пример того, как при соблюдении принципов взаимного уважения сувере-нитета, независимости, территориальной целостности, нерушимости госу-дарственных границ, ненападения и невмешательства во внутренние дела можно предоставить государству-члену ШОС условия для самостоятельно-го решения собственных политических вопросов.

Стратегическое взаимодействие Китая и России в Северо-Восточной Азии и АТР также важно для поддержания глобального мира. В этих регио-нах в последнее время возникло большое число угроз безопасности, связан-ных, например, с неопределённостью ситуации на Корейском полуострове. А «стратегический разворот» США в сторону Азии и АТР поставил на пове-стку дня вопрос о совершенствовании механизмов безопасности в этих ре-гионах. Сейчас структура безопасности для всех государств Северо-Восто-чной Азии несбалансированна: ее осложняют японо-американский договор о безопасности, стратегический союз РК и США, активные военные учения в регионе. Кроме того, в «подвешенном» состоянии находится будущее ядер-ной программы КНДР.

В связи с этим председатель КНР Си Цзиньпин и президент РФ В. Пу-тин подписали «Совместное заявление о сотрудничестве, углублении отно-шений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства». Ли-дер КНР и президент РФ выступили за строительство открытой, транспа-рентной, равноправной и всеобъемлющей структуры безопасности в АТР на основе соблюдения базовых принципов международного права.

Однако в мире не всем по нраву неуклонное улучшение двусторонних связей и эффективные результаты сотрудничества. Некоторые западные силы все еще надеются на возникновение конфликтов между КНР и РФ, а другие и не скрывают своих намерений, умышленно создавая проблемы между Пекином и Москвой, так называемая американская теория «китайской

угрозы» преследует именно эту цель. Западные эксперты также считают, что энергетическое сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии, в частности совместные нефтегазовые проекты КНР с Казахстаном и Туркменией, подорвали монопольное положение России в регионе и нанесли ущерб ее интересам.

Однако следует отметить, что центральноазиатские государства придерживаются принципа диверсификации экспорта своих ресурсов, и ни одна страна не может монополизировать их производство и транспортировку из Центральной Азии. В таких условиях многостороннее сотрудничество идёт на пользу всем странам. Достижение соглашения по вопросам энергетического сотрудничества между крупнейшим энергетическим производителем и экспортером — Россией и самым большим потребителем энергии — Китаем имеет важное значение для государств — членов ШОС, где китайско-центральноазиатское сотрудничество в экономике и в энергетике являются выигрышными.

Стратегические связи между Китаем и Россией в рамках ШОС имеют приоритет, а их конкуренция, основанная на правилах рынка, соответствует как базовым принципам рыночной экономики, так и коренным интересам обеих стран. Стороны постоянно отмечают важность китайско-российского энергетического сотрудничества, а также подчеркивают, что двустороннее взаимодействие не ограничится нефтегазовой отраслью — обе страны развивают совместные проекты в области ядерной, солнечной энергетики, а также других новых источников энергии. Так, инициатива России о создании энергетического клуба в рамках ШОС получила активную поддержку со стороны Китая. Есть все основания полагать, что КНР и РФ смогут вместе решать возникающие экономические проблемы с учётом интересов друг друга, равно как и стран Центральной Азии, и совместными усилиями будут способствовать развитию ШОС в целях поддержания стабильности в регионе.

Борьба с международным терроризмом это одно из главных направлений активного взаимодействия КНР и РФ, которое успешно развивается как в двустороннем формате, так и в рамках ООН и в ШОС. Столь же решительно и бескомпромиссно РФ и КНР совместно борются против незаконного оборота наркотиков и оружия, организованной преступности, распространения ОМП и других угроз глобальной и региональной безопасности. Российско-китайское партнерство, включая взаимодействие в ООН и других многосторонних форумах, также вносит значительный вклад в укрепление международного мира. Они вместе выступают за предотвращение размещения в космическом пространстве оружия любого вида и призывают другие страны поддерживать их инициативу по выработке соответствующей международно-правовой договоренности, которая стала бы крупным шагом

на пути дальнейшего укрепления стратегической стабильности и региональной безопасности.

В настоящее время в Центральной Азии усиливается соперничество других геополитических сил, которое осуществляется на нескольких уровнях, где каждая из стран или группа государств преследует разные стратегические цели. В общих чертах суть этой конкуренции сводится к следующему.

США и Западная Европа пытаются подчинить Центральную Азию своему влиянию, где их политической целью является предотвращение подъема России. В частности, они не желают, чтобы Россия стала такой же могущественной, каким был в свое время Советский Союз. Страны Запада также надеются установить контроль над богатыми природными ресурсами региона, а РФ рассматривает этот регион, как и все постсоветское пространство, в качестве своей «сферы влияния». Для этого Москва осуществляет интеграционные проекты в этом регионе, особенно в области разработки и транспортировки энергоресурсов. А в сфере безопасности в рамках ОДКБ, где участвуют центральноазиатские государства и РФ, Центральная Азия является защитным барьером на юге страны.

Китай со своей стороны рассматривает страны Центральной Азии в качестве равноправных партнеров. Он уважает суверенитет и территориальную целостность каждого государства и строго соблюдает пять принципов мирного сосуществования. В области безопасности КНР в рамках ШОС совместно с Россией борются с влиянием «трех сил зла» (терроризм, сепаратизм, экстремизм). В сфере экономики КНР развернула всестороннее сотрудничество со странами региона в торговле, энергетике, а также в сфере развития инфраструктуры Центральной Азии, рассчитывая, что она станет важным фактором в процессе освоения Западного Китая.

Таким образом, в своей основе подходы Китая и России едины — и в политике, и в сфере безопасности долгосрочные стратегические интересы КНР и РФ совпадают. Стороны выступают за политическую и социальную стабильность в центральноазиатских странах, устранение угроз их безопасности. Также вырос до 56,8 млрд долл. взаимной торговли. Кроме того, между Москвой и Пекином был подписан о поставках на долгосрочной основе больших объемов сырой нефти по строящемуся ответвлению нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан. Также ведутся переговоры относительно масштабных проектов сотрудничества в области газа, угля, электроэнергетики²⁹.

Однако эти проекты пока существенно уступает уровню и характеру торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Китая с его основными партнерами — США, Евросоюзом и Японией, политические отношения с которыми не «дотягивают» до российско-китайских. Это говорит

о необходимости постоянного внимания к этим сферам двустороннего сотрудничества, важности получения бизнес-сообществом двух стран ориентирующихся в правильном направлении сигналов со стороны правительства и экономических ведомств обоих государств. В этом плане стоит отметить ведущуюся активную разработку конкретных мероприятий по сопряжению планов развития сибирских и дальневосточных регионов России и северо-восточных провинций Китая.

Принятие и реализация соответствующей программы сотрудничества означает не только взаимное ознакомление с планами социального развития сопредельных территорий партнера, но и появление возможностей рационального соразвития этого огромного по территории и богатого ресурсами региона в интересах народов России и Китая.

В целом отношения с Китаем стали важным компонентом российской политики, существенно укрепили потенциал и расширили диапазон действий России в глобальном измерении³⁰. Также высоко оценивается значение партнерства с Россией и в Китае. Такие разные и непохожие друг на друга крупные государства мира, как РФ и КНР, вопреки распространенным теориям конфликта цивилизаций, дают пример мирного и взаимовыгодного сотрудничества. Это совместный весомый вклад в обеспечение мира и стабильности в регионе.

Важным шагом на пути укрепления российско-китайских региональных экономических отношений стало объединение усилий двух стран. Они подписали торговые соглашения на общую сумму в 7 млрд долл. Россия и КНР подписали 27 торговых соглашений на 15 млрд долл.³¹ Эти соглашения помогают поощрять связи в секторах, которые представляют стратегический интерес для Китая и России. Помимо этого, стороны подписали совместный «Меморандум об экономической модернизации», который проложил путь к развитию тесного сотрудничества в области строительства обычной и цифровой инфраструктур.

Перспективы экономического сотрудничества между Россией и Китаем связаны и с соединением российских полезных ископаемых и китайских трудовых ресурсов³². При этом в планах Пекина явно просматриваются направления стратегических действий в России. А для РФ недопустимо дальнейшее промедление с выработкой и реализацией долговременной стратегии развития РФ, нацеленной по подъем Восточной Сибири и Дальнего Востока. Одновременно крупнейшей стройкой в КНР является Тяньваньская атомная электростанция, создаваемая российскими специалистами. Также в Китае был создан Центр российской науки и техники, чтобы при его содействии внедрять высокие технологии в области авиации и космоса, биоинженерии, лазерной техники³³.

Как для России, так и для Китая принципиально важны оценки своих сильных и слабых сторон и разработка мер по развитию первых и минимизации влияния вторых, равно как последовательная реализация национальных стратегий развития, непрерывно корректируемых в зависимости от изменения глобальных и региональных процессов³⁴. Сегодня тематика диалога с Китаем охватывает практически все вопросы современной международной повестки дня, в него вовлечены все основные подразделения внешнеполитических ведомств России и КНР.

Существующие проблемы при реализации проекта «Один пояс — один путь»

Существующие американские концепции в Евразии создают для Китая препятствия на пути осуществления его интеграционных проектов. Базовым в данном случае является китайско-американское «соперничество-партнерство». Так, из-за политики, проводимой Вашингтоном в Афганистане и Сирии, обозначилась реальная угроза того, что террористы и сепаратисты будут проникать из этих стран в КНР, что негативно повлияет на безопасность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где планируется прокладка маршрутов при реализации проекта «Один пояс — один путь» (ЭПШП). При этом в США уже не отрицают тот факт, что американо-китайское сотрудничество постепенно сходит на «нет» из-за существования ряда других серьезных проблем: Тайвань, Тибет, Северная Корея, права человека, рост военной мощи КНР и т. д.

Китай в свою очередь озабочен созданием США системы ПРО в Тихом океане, эмбарго на поставки «чувствительных» технологий и громадным дисбалансом в торговле³⁵. Кроме того, по Персидскому заливу, находящемуся под контролем ВМС США, идет основной экспорт нефтересурсов в Китай. И в случае блокады этого маршрута и установления контроля США за поставками нефти из Ближнего Востока на китайский рынок — это может поставить Пекин в зависимость от Вашингтона в принятии им решений по реализации проекта ЭПШП.

При этом США и Китай, конкурируя между собой за лидерство в азиатской части Тихого океана, генерируют очаги напряженности в регионе. Увеличение военной мощи Южной Кореи, наличие военной базы США в Японии и процесс милитаризации этой страны вызывают озабоченности китайских стратегов. В свою очередь, если КНР попытается решить территориальные проблемы в Южно-Китайском море и присоединить Тайвань силовым путем, это усилит опасения соседних стран и США. Поэтому отношения с Китаем будут развиваться по формуле: сосуществование, сотрудничество, соперничество и, в крайнем случае, регулируемая конфронтация.

тация³⁶. Все это сказывается на прокладке маршрутов из портов Китая в южную акваторию Тихого океана.

Помимо этого для Китая существует ряд других проблем. Так, реализацию проекта «Шелкового пути», очевидно, не стоит ожидать в ближайшее время, во-первых — этот проект пока финансово затратный, а, во-вторых — связан со многими организационными и техническими сложностями. Они присутствуют и в концепции ЭПШП, где еще нет системности и четкости в наиболее значимых вопросах, которые затрагивают реализацию этого проекта. Поэтому существует потребность дальнейшей проработки концепции со стороны Китая и других стран параметров состыковки стратегий существующих евразийских форматов экономического взаимодействия, создание правовой основы для сотрудничества между ними.

Однако по сравнению с Китаем наибольшие проблемы, связанные с реализацией проекта «Один пояс и один путь» в Евразии присутствуют у России. Они также связаны с ухудшением российско-американских отношений. Предметами этих противоречий между РФ и США являются: расширение НАТО на Восток; Договор об обычных вооруженных силах в Европе; создание системы ПРО в Европе и т. д. Явные признаки нарастания охлаждения отношений между Россией и Соединенными Штатами проявились весной 2011 г., когда во время визита в Москву вице-президент США Дж. Байден заявил о неприемлемости для американского политического истеблишмента кандидатуры В. Путина на пост президента России³⁷. А на конференции ОБСЕ в 2012 г. госсекретарь Хилари Клинтон, комментируя российские предложения о развитии Таможенного союза и создании Евразийского союза, назвала этот план «новой попыткой советизации региона», заявив, что Соединенные Штаты работают над мерами предотвращения этого враждебного интересам Запада проекта. Поэтому Вашингтон сфокусировался на недопущении каких-либо интеграционных притязаний Москвы в Евразию³⁸.

В 2014 г. Россия своими действиями в Крыму открыто бросила вызов способности США как мирового лидера поддерживать сложившейся после развала СССР миропорядок³⁹. Такое поведение в американском восприятии было наказуемо при любых обстоятельствах. В противном случае позиции Вашингтона могли пошатнуться не только в Европе, но и в глобальном масштабе. Поэтому поворот к политике сдерживания России был неизбежен. И он носит долговременный характер.

Помимо проблем с западным сообществом Евросоюз есть ряд государств постсоветского пространства, которые становятся странами, с которыми у России больше всего экономических разногласий. Так, Москва хотела бы, чтобы большая часть «Шелкового пути» проходила по территории России. Однако Пекин анализирует и маршруты выхода в Европу, в том

числе в обход России — через Казахстан, Турцию, Азербайджан и Грузию. Это совпадает с планами Евросоюза, который также рассматривает возможности выхода в ЦА не через Россию, а через Турцию и Кавказ для реализации там своих экономических целей, хотя некоторый политический элемент в этих планах присутствует (рис. 3.1).

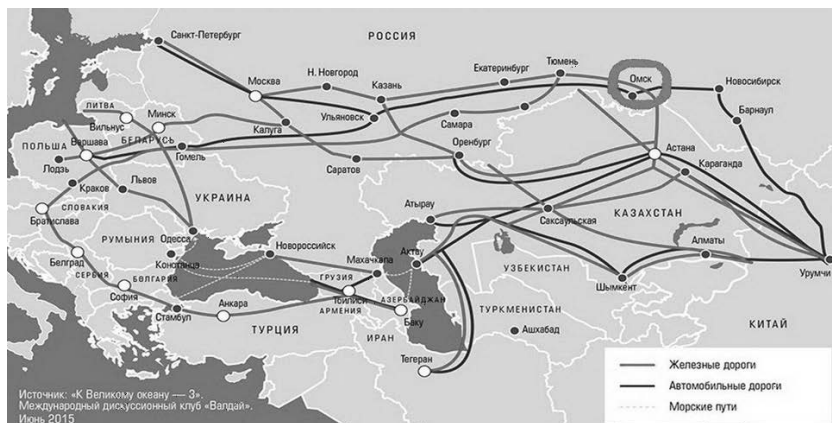

Рис. 3.1. Основные перспективные направления «Экономического пояса Шелкового пути» в Евразии. Источники: URL: <https://yandex.ru/images/search?>

Прибалтийские страны соревнуются между собой и с Россией за возможность стать для Китая логистическим центром, имеющим выход к Балтийскому морю⁴⁰. Они рассчитывают заместить российские порты своими гаванями для грузов ЭПШП. В таких условиях российские порты, конкурирующие за грузы с прибалтийскими гаванями, рискуют остаться на периферии ЭПШП. Однако транзит грузов в Европу через прибалтийские государства, обладающие «суррогатной суверенностью», несёт высокие риски для Китая. По словам эксперта А. Карпова, «если им скажут перекрыть транзит — они его перекроют. Поэтому российские шансы на эти грузы больше»⁴¹. Вследствие этого Москве необходимо продвигать идею «северного» ответвления «шелкового» маршрута на российские порты Финского залива.

Белоруссия тоже претендует на роль хаба на пути грузов из КНР в Европу. Для этого она активно укрепляет сотрудничество с Литвой и Латвией. Хотя ещё в 2012 г. президент Белоруссии А. Лукашенко заявил о намерении белорусской стороны перенаправить грузопотоки с Прибалтики на порты

Ленинградской области и Калининграда, но это был всего лишь политический ход. На деле Минск расширяет связи с прибалтийскими портами. Так, доля белорусского грузопотока в общей структуре перевалки через Клайпедский порт составляет около 35 %. Белорусское госпредприятие «Беларуськалий» отгружает на экспорт около 90 % своей продукции через Клайпеду. Такой подход белорусскому бизнесу диктует прагматизм и нынешняя тарифная политика РЖД: везти груз из Белоруссии до Прибалтики ближе, чем до российских морских гаваней, а, следовательно — дешевле. Наконец, Беларусь отказала России в размещении авиабазы. Все это прямо противоречит выполнению положений Договора о Союзном государстве России и Белоруссии, где в ст. 2 и 17 сказано, что «целями Союзного государства являются проведение согласованной внешней политики и единой торговой и таможенной политики в отношении третьих стран, совместное использование военной инфраструктуры»⁴².

Для России сохраняются и другие межгосударственные проблемы, препятствующие реализации проекта «Шелкового пути» в Евразии. Самые опасные и затратные — с Украиной, которая желает участвовать в реализации ЭПШП и чьи основные транспортные коридоры обращены к Европе. Киев намерен участвовать в строительстве «Шелкового пути», планируя произвести стык украинской транспортной инфраструктуры с ЭПШП в обход России. Однако финансовый дефолт Украины не позволяет реализовать эту идею в ближайшем будущем. Плюс к этому Россия осуществила строительство железнодорожных путей в обход территории Украины⁴³.

Затяжной конфликт у России с Болгарией — по поводу ее отказа от строительства по дну Черного моря российского газопровода «Южный поток». С Румынией — из-за вступления этой страны в НАТО. С Молдавией — по поводу Приднестровья. Фактически заморожены отношения со странами Балтии, Польшей и Великобританией. Вялотекущими, но представляющими реальную опасность для интеграционных проектов Москвы являются торговые отношения с партнерами по ЕАЭС — Казахстаном и Белоруссией. Обе страны не готовы поддерживать российское эмбарго против Украины, вступившей в зону свободной торговли с Евросоюзом. А Киргизия старается выиграть время на обдумывание своих дальнейших действий и ищет способы «мягко» дистанцироваться от Москвы, не конфликтуя с ней и рассчитывая на дальнейшую безвозмездную помощь из России.

И ещё одна проблема — реализацию проекта ЭПШП по территории РФ предлагается осуществлять за счет внутренних ресурсов России. Однако понижение цен на энергоносители, санкции и общая экономическая конфронтация внесли изменения в инвестиционную политику РФ и привели к обесцениванию рубля. Экономические показатели страны за 2015 г. снизились в среднем на 4 %, доходы населения вдвое сильнее — на 8—10 %. При

этом экономическая политика РФ по-прежнему плотно привязывает рубль к цене на нефть, которая постоянно падает. Одновременно растет инфляция, в 2018 г. она утроилась по сравнению с 2012 г., достигнув 15,5 %. И отвязать рубль от нефти в ближайшем будущем — задача не выполнимая ещё со времен Советского Союза⁴⁴.

И на этом фоне РФ регулярно реструктурирует свои зарубежные кредиты. Всего за годы своей государственности Россия простила должникам около 140 млрд долл. — сумму, которая 3—4 раза покрыла бы дефицит бюджета страны в 2015—2016 гг. и превышает все трансферты российским регионам с 2000 по 2015 г.⁴⁵ Часто такое списание долгов случается не к месту. Так, РФ простила долг вполне обеспеченному Вьетнаму (9,5 млрд долл.), где пришлось расстаться с военной базой в Камрани, Ливии (4,6 млрд долл.) с ее внушительными запасами нефти — незадолго до убийства М. Каддафи; богатому нефтью Ираку (12 млрд долл.) — после того, как пророссийский режим сменился прозападным.

Между тем денег, прощенных этим странам, с лихвой бы хватило на все российские проекты евразийской интеграции. При таком подходе к кредитам РФ зарубежным странам возникает закономерное опасение, что планы Москвы по интеграции в Евразию и состыковки ЕАЭС с ЭПШП могут быть не реализованными.

Тем не менее, выход есть. Для решения существующих проблем с центральноазиатскими партнерами по проекту ЭПШП площадкой могла бы стать ШОС⁴⁶. Специфика измерения ШОС заключается в том, что эти государства в отношениях с Россией и Китаем одновременно выступают как субъектами политики в сферах экономики, безопасности, так и объектами российско-китайских инициатив. Подобный объектно-субъектный характер отношений обусловлен, с одной стороны, независимым статусом государств ЦА, имеющих право на независимую политику, с другой — разностью экономического и политического потенциала этих государств по сравнению с Россией и Китаем.

Развивая это сотрудничество в рамках ЭПШП, российско-китайские отношения в Евразии получают новый импульс, а совмещение механизмов взаимодействия ЕАЭС и ЭПШП и даст возможность использования китайских ресурсов (инвестиционных, транспортных, технологических) для развития государств ЦА и России. В связи с этим представляется, что программа создания «Экономического пояса Шелкового пути» могла бы стать катализатором многостороннего экономического сотрудничества государств ШОС и проводиться под эгидой этой Организации, при координации со схожими программами других международных институтов, таких, как ПРООН и ЮНЕСКО.

Помимо этого, союзником России в освоении ресурсов Арктического региона может стать Китай. Для этого у обоих государств есть объективная заинтересованность. КНР стремится выйти из-под американского контроля поставок энергоресурсов в страну из нефтедобывающих государств арабского мира. Зависимость от экспорта энергоресурсов, и особенно нефти — «ахиллесова пята» промышленности КНР, главного соперника США.

Альтернативой этому является развитие энергопоставок из России, включая в перспективе и из Арктики. РФ может оказать КНР помощь в проведении исследований в Арктике и в развитии флота, предназначенного для плавания в северных широтах. В свою очередь Россия заинтересована в финансовых инвестициях из Китая в развитие инфраструктуры северных территорий. В связи с этим в МИД РФ целесообразно проработать вопрос о перспективе тандема в ООН Москвы и Пекина при решении спорных вопросов в Арктическом регионе. Также Китая проявляет интерес к российскому Северному морскому пути (СМП): это кратчайший водный маршрут между Европой и Дальним Востоком. Он почти на 4,5 тыс. км короче, чем путь через Суэцкий канал (рис. 3.2).

А изменившиеся климатические условия позволяют проводить по нему суда с июля по конец ноября. Это соответствует ряду прогнозов китайских

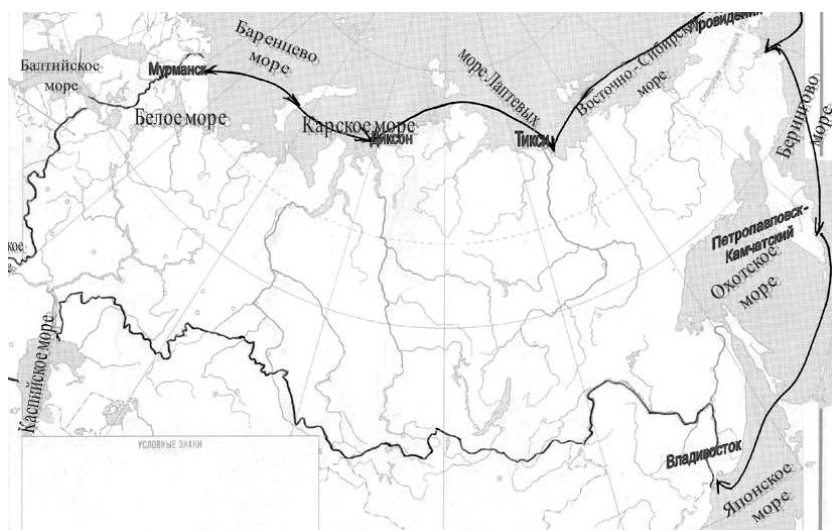

Рис. 3.2. Северный морской путь.

Источник: URL: <https://yandex.ru/images/search?>

ученых, согласно которым к 2030 г. весь Северный Ледовитый океан может очиститься от ледяного покрова. Этот маршрут не только короче, но и безопаснее: здесь нет пиратов, которые подстерегают торговые суда у берегов Сомали и которые до недавнего времени хозяйничали в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а также в Малаккском проливе.

По оценке китайских экспертов, только на одном «северном» рейсе простого контейнеровоза или сухогруза можно сэкономить до 0,5 млн долл., что открывает горизонты для новых, более коротких, безопасных, дешевых маршрутов судоходства. Для Пекина этот вопрос крайне важен, с учетом того, что экономика этой крупнейшей страны-экспортера на 46 % зависит от международного судоходства. И освобожденная ото льда Арктика способна не только увеличить китайский грузопоток по морю, но коренным образом изменить всю мировую торговлю. Поэтому для России важно стать основным партнером для Китая, заинтересованного в освоении Арктики, используя для этого свои преимущества — обладанием самым мощным ледокольным флотом в мире и контролем за Севморпутем. Это козырь для России: на самом трудном участке маршрута корабли могут проходить этот путь только в сопровождении российских ледоколов.

Как показывает анализ складывающейся ситуации в настоящее время в Евразии, у России, по существу, нет надежных стратегических партнеров. В такой ситуации она оказывалась неоднократно, но каждый раз с достоинством выходила из этого положения. Опыт последнего времени, помноженный на исторический опыт, доказывает, что только сильные и боеспособные Армия и Военно-Морской Флот России способны обеспечить мирное развитие России и избавить от внешнего вмешательства в ее интеграционные планы в Евразии. Ибо в мире по-прежнему считаются только с сильным в военном и экономическом отношении государством.

В связи с этим Стратегия национальной безопасности РФ определяет главные стратегические риски для национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу. В части внешней политики — сохранение экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики, снижение конкурентоспособности и высокая зависимость ее важнейших сфер от внешнеэкономической конъюнктуры, потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики. Поскольку экономическая безопасность является составляющей национальной безопасности, то обеспечением национальной безопасности являются цели, реализуемые в Стратегии экономической безопасности. В части внешней торговли — это расширение номенклатуры и объема экспорта несырьевой продукции, географии внешнеэкономических и инвестиционных связей, отвечающих интересам РФ.

Сотрудничество Китая и России в рамках ШОС по противодействию общим угрозам и вызовам

В Московском совместном заявлении глав государств РФ и КНР, подписанном 16 июля 2001 г., одновременно с Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве констатировалось: «Между Россией и Китаем существует взаимопонимание по вопросу обеспечения безопасности и стабильности в регионах, сопредельных их территориям. Россия и Китай будут на двусторонней и многосторонней основе участвовать в обеспечении стабильности и безопасности, укреплении доверительного сотрудничества в АТР»⁴⁷.

Двусторонний формат российско-китайского взаимодействия в сфере обеспечения глобальной и региональной безопасности успешно развивается и углубляется вплоть до настоящего времени. Так, в одном лишь 2015 г. Россию посетили министр обороны КНР Чан Ванцюань, заместители председателя Центрального военного совета Фань Чанлун и Сюй Цзян. С ответным визитом в Китае побывал министр обороны РФ С. Шойгу. Состоялось 20-е заседание совместной российско-китайской комиссии по военно-техническому сотрудничеству. В мае в Средиземном, а в августе в Японском морях были проведены совместные военно-морские маневры. В Совместном заявлении РФ и КНР об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества, подписанном 8 мая 2015 г. по итогам визита председателя КНР Си Цзиньпина в Россию, нашла отражение решимость Москвы и Пекина «последовательно отстаивать принцип неделимости безопасности в международных отношениях», «предпринять меры по предотвращению гонки вооружений в космосе», «осуществлять тесное сотрудничество в вопросах нераспространения оружия массового уничтожения»⁴⁸.

Наряду с глобальными проблемами обеспечения безопасности, это заявление отразило и подход России и Китая к проблемам безопасности в региональной повестке дня. Отмечена важная роль «Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии» в качестве «элемента формирующейся в регионе архитектуры безопасности и сотрудничества»⁴⁹. По мнению многих экспертов, данный многосторонний формат в составе 26 членов в условиях китайского председательствa, которое продлено на новый двухлетний срок, играет важную роль в укреплении региональной безопасности. Была выражена приверженность Москвы и Пекина становлению Афганистана в качестве мирного, стабильного государства, свободного от терроризма и наркотиков; подтверждена готовность продолжать оказывать Афганистану содействие в повышении эффективности национальных сил безопасности.

Особо отмечено, что ШОС стала важным фактором обеспечения мира, безопасности, стабильности и развития в глобальном и региональном мас-

штабах. Можно констатировать, что насчитывающий уже почти четверть века процесс вызревания «шанхайского духа» и становления на этой основе ШОС явился одновременно и процессом зарождения и развития многостороннего сотрудничества государств Центральной Азии, России и Китая в обеспечении безопасности в регионе.

Начало этому процессу было положено переговорами о линии прохождения бывшего западного участка советско-китайской границы, которые продолжились в постсоветский период между КНР, с одной стороны, и Россией, Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном — с другой. Хотя завершение пограничного размежевания здесь растянулось на десятилетие, параллельно с ним набрал ход взаимосвязанный процесс, имевший в то же время важное самостоятельное значение. Речь идет о переговорах по укреплению доверия в военной области и взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Соответствующие соглашения пяти стран (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан), подписанные 26 апреля 1996 г. и 3 апреля 1997 г., получили высокую оценку в упомянутом выше Московском совместно заявлении лидеров РФ и КНР 2001 г. как способствующие «миру, спокойствию и стабильности в районе границы, развитию добрососедских отношений между всеми государствами-участниками».

Именно эти соглашения, эффективно «работающие» по сей день, стали политической базой формирования сначала «Шанхайской пятерки», а затем и создания в 2001 г. ШОС в составе пяти вышеназванных республик и Узбекистана. Одним из первых документов, обнародованных от имени ШОС, стала Конвенция о борьбе с международным терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Противодействие «трем силам зла» явилось приоритетным направлением практической деятельности ШОС на протяжении всех 15 лет её существования. Важная роль в ней принадлежит Региональной антитеррористической структуре ШОС со штаб-квартирой в Ташкенте, учрежденной в 2004 г.

Согласно данным, приведенным в выступлении генерального секретаря ШОС Р. Алимова на конференции по российско-китайским отношениям в Российском совете по международным делам 31 мая 2016 г., по линии РАТС ликвидировано 150 и задержано более 1 тыс. членов международных террористических организаций, привлечено к уголовной ответственности около 200 человек, выявлено незаконное хранение свыше 2000 единиц оружия и взрывчатых устройств и 160 тыс. боеприпасов. Кроме того, дополнительно были внесены в международный реестр 12 террористических организаций и более 200 человек; таблица учета лиц, участвовавших в вооруженных конфликтах за пределами ШОС, была пополнена 1246 участниками.

В последние годы активизировалась и работа по предотвращению пропаганды террористической деятельности в киберпространстве. Было выяв-

лено 130 сайтов и более 4500 фотографий подобного содержания. Эффективным механизмом отработки противодействия стран — членов ШОС силам терроризма, религиозного экстремизма и сепаратизма явилась 4-я серия антитеррористических учений, большинство которых носило наименование «Мирная миссия». К их проведению привлекались армейские и специальные подразделения государств ШОС численностью до 10 тыс. человек.

Особое место во взаимодействии республик Центральной Азии, России и Китая заняла нейтрализация угроз, исходивших из соседнего Афганистана, в том числе пресечение наркотрафика, предотвращение проникновения в регион террористических групп, враждебных законным властям государств региона, а в последние год-два — и сторонников ИГИЛ. Проблемы содействия переходу Афганистана на рельсы мирного развития неоднократно обсуждались в формате ШОС и на специальных конференциях, проводившихся под эгидой Организации. В последние годы активизировалось участие Китая в решении проблем, связанных с Афганистаном, в рамках «Стамбульского процесса»⁵⁰. Новый формат сотрудничества «Китай—Афганистан — Таджикистан» также нацелен на борьбу с терроризмом и трансграничной преступностью. Идут переговоры и о привлечении к нему Пакистана. Следует отметить и озвученные в 2016 г. министром обороны РФ С. Шойгу предложения оказать помощь Туркменистану в укреплении его обороноспособности на границе с Афганистаном.

Однако в российском экспертном сообществе весьма распространено мнение, что военно-силовое взаимодействие в рамках ШОС нуждается в существенном наращивании и углублении. Одним из наиболее естественных направлений здесь могло бы стать налаживание сотрудничества ШОС с ОДКБ. В настоящее время ОДКБ выступает главным форматом практического взаимодействия России с государствами Центральной Азии в обеспечении стратегической стабильности и безопасности региона. Она была создана на базе Договора о коллективной 5 безопасности 1992 г., срок действия которого истек в 1999 г., и в 2002 г. обрела статус международной региональной организации.

В ОДКБ входят Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения и Белоруссия. В 2006—2012 гг. в ОДКБ состоял и Узбекистан. Туркменистан, имеющий с 1995 г. статус нейтрального государства, официальных контактов с ОДКБ не поддерживает. Хотя зона ответственности ОДКБ выходит за рамки центральноазиатского ареала, это направление является принципиально важным для реализации таких приоритетных функций Организации, как борьба с терроризмом, трансграничной преступностью, наркотрафиком.

Одним из наиболее существенных достижений в деятельности ОДКБ стало создание в 2009 г. Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). Они были сформированы из воинских континентов и сил специ-

ального назначения, выделенных государствами-членами ОДКБ для совместного обеспечения коллективной безопасности. На КСОР возложены задачи оперативного реагирования на вызовы и угрозы безопасности стран-членов. В практической деятельности ОДКБ значительное место заняла борьба с незаконным оборотом наркотиков и прекурсоров для их производства.

Это продиктовано, во-первых, тесной взаимосвязью между транснациональными наркогруппировками, террористическими организациями и организованными преступными группировками, что серьезно влияет на безопасность и стабильность государств региона. И, во-вторых, географическим соседством постсоветской Центральной Азии и России с Афганистаном, выступающим основным поставщиком наркотиков в зону ответственности ОДКБ (по имеющимся оценкам, от 70 % и более). В формате ОДКБ с 2003 г. регулярно проводится операция «Канал», которой в 2008 г. был придан статус региональной антитеррористической операции постоянного действия.

Многие локальные этапы операции «Канал» проведены на территории республик Центральной Азии. В их числе операция «Канал—Юг» в 2010 г. и «Канал—Южный капкан» в 2014 г. в Таджикистане. Операция «Канал—Восток», проведенная в июне 2012 г., была направлена на установление практического взаимодействия по линии ОДКБ—ШОС в перекрытии каналов распространения синтетических наркотиков. Всего за период 2003—2013 гг. во время проведения этих операций было изъято из незаконного оборота около 280 т наркотических и психотропных веществ, в том числе 14 т героина. Результаты данных операций позитивно оцениваются в Международном комитете по контролю за оборотом наркотиков.

Кроме того, проводятся оперативно-тактические учения спецподразделений антинаркотических органов государств-членов ОДКБ, получившие название «Гром». Так, в августе-сентябре 2013 г. такие учения с участием подразделений России, Киргизии и Таджикистана были проведены в Ошской области Киргизии. Различные аспекты проведения совместных операций силами и средствами системы коллективной безопасности ОДКБ отрабатываются в ходе ежегодных совместных комплексных учений серии «Рубеж». В рамках «Основных направлений развития военного сотрудничества государств-членов ОДКБ» на период до 2020 г. предусматривается поэтапное создание Войск ОДКБ, Объединенной системы противовоздушной и противоракетной обороны.

Сохраняют свою действенность двусторонние соглашения России с рядом государств Центральной Азии о сотрудничестве в сферах обороны и обеспечения безопасности. В последние годы активизируется двустороннее военное сотрудничество Китая с государствами региона. Некоторые аспекты центральноазиатской повестки безопасности имеют важное глобальное значение. Это в полной мере относится к Договору о создании в Централь-

ной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, который был подписан в сентябре 2006 г. в Семипалатинске всеми пятью государствами региона. Эта зона с самого начала получила поддержку России и Китая. Появление на мировой арене нового субъекта международного терроризма — ИГИЛ, сложные социально-политические процессы и непростая экономическая ситуация в государствах региона, приближающееся расширение зоны ответственности ШОС делают императивным дальнейшее углубление и совершенствование сотрудничества России, Китая и центральноазиатских республик в обеспечении безопасности в регионе.

При всей важности содействия со стороны внерегиональных сил именно сотрудничество в формате Россия—Китай—Центральная Азия представляется ключевым для решения проблем региона. Как констатируется в Ташкентской декларации 15-летия ШОС от 24 июня 2016 г., государства-члены подтверждают, что противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, незаконному производству и обороту наркотиков, нелегальной торговле оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами, распространению оружия массового уничтожения и средств его доставки будет оставаться одной из приоритетных задач взаимодействия в рамках Организации⁵¹.

Следует также отметить, что ШОС в настоящее время готова взаимодействовать с США и с другими государствами, а также с международными организациями по проигнодействию традиционным и новым вызовам и угрозам глобальной и региональной безопасности. Об этом говорится в совместном заявлении, принятом участниками конференции высокого уровня «Безопасность и стабильность в регионе ШОС», состоявшейся в Москве. «Мы рассматриваем ШОС в качестве одной из ключевых и эффективных многосторонних площадок для ведения широкого диалога и готовы к конструктивному взаимодействию со всеми заинтересованными государствами и международными организациями в контексте наращивания усилий по противодействию традиционным и новым вызовам и угрозам безопасности», — отмечается в документе, одобренном высокими представителями государств-членов, наблюдателей и партнеров ШОС по диалогу — России, Казахстана, Китая, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Афганистана, Индии, Ирана, Монголии, Пакистана, Белоруссии и Шри-Ланки⁵².

Участники форума подтвердили, что видят главной задачей обеспечение безопасности и процветания народов своих стран. Они подчеркнули, что определяющей тенденцией современного этапа развития международных отношений является формирование многополярного мироустройства, основанного на принципах общей неделимой безопасности и взаимовыгодного равноправного сотрудничества. И процесс перестройки существующего геополитического порядка, указывается в совместном заявлении, ослож-

няется ростом нестабильности как в глобальном, так и в региональном масштабе, разрастанием очагов конфликтов. В связи с этим представители стран-членов, наблюдателей и партнеров ШОС по диалогу выразили «глубокую озабоченность в связи с усилением угроз терроризма и экстремизма, незаконного оборота наркотиков и других видов транснациональной организованной преступности» и призвали к наращиванию международных усилий в борьбе с этими глобальными вызовами и угрозами.

Реализации этих направлений также будет способствовать использование «мягкой силы» России и Китая в интересах реализации их национальных интересов.

3.3. Экономические проекты России и Китая в Евразии

Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» с участием России

За последние 30 лет Китай превратился в одну из наиболее влиятельных мировых держав, создав собственную модель развития. Ему удалось сделать то, чего не смог сделать СССР — построить модель эффективной и привлекательной экономики, не базирующейся на западной концепции. В результате он стал не только центром мирового влияния, но и одной из структурных опор приобретающего все более реальные очертания многополярного мира. Для России, также выступающей за многополярный мир и стремящейся создать собственный независимый центр влияния, бурное развитие КНР создает как новые возможности, так и вызовы. В этом плане не случаен значительный интерес в России к выдвинутому в 2013 г. китайским руководством плану создания «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) не только в Евразии, но и в других регионах мира. При этом развитие технологий и глобализация экономических отношений превращают огромное евразийское пространство в привлекательную площадку для международных инфраструктурных проектов. Самый масштабный из них — инициированный Китаем проект ЭПШП, который соединит его с Европой, а в будущем — со Средней Азией и Африкой (рис. 3.3).

Соглашения о сотрудничестве по реализации этого проекта уже подписали свыше 40 государств. РФ и КНР также договорились о сотрудничестве по сопряжению ЭПШП и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Как заявил президент РФ В. Путин на майском саммите в Китае, в случае их сопряжения Россия получит преимущества не только для транзита китайских товаров и по территории других стран ЕАЭС, но и содействие процессу интеграции Евразии, который станет всеобъемлющим проектом и позволит

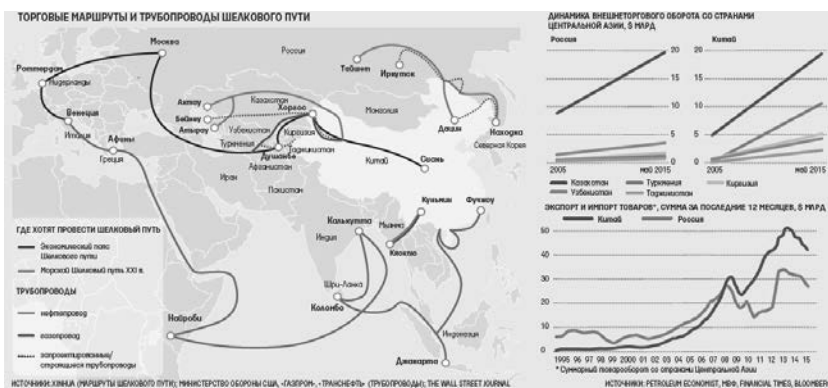

Рис. 3.3. Проект «Экономического пояса Шелкового пути» Китая.

Источник: URL: <http://eurasian-studies.org/archives/10861>

реализовать уникальный шанс создать единое пространство сотрудничества от Атлантики до Тихого океана. А председатель КНР Си Цзиньпин отметил следующие достижения в продвижении по этому пути⁵³:

проект является евразийским континентальным мостом, состоящий из инфраструктурной сети из дорог, портов и трубопроводов. Среди них уже получили развитие инфраструктурные проекты: высокоскоростная железная дорога в Индонезии, железные дороги Китай — Лаос, Аддис-Абеба — Джибути, Будапешт — Берг. Формируются экономические коридоры Китай — Пакистан и Китай — Монголия — Россия. Между РФ и КНР подписан договор о разработке документации строительства высокоскоростной магистрали Москва — Казань;

с 2014 по 2016 г. объем торговли Китая со странами «вдоль пути» превысил 3 трлн долл., а инвестиции Китая в эти страны превысили 50 млрд долл.;

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций предоставил кредит для 9 проектов на сумму 1,7 млрд долл., инвестиции Фонда Шелкового пути достигли 4 млрд долл. В ближайшей перспективе в него будет внесено еще 14,5 млрд долл. и 8,7 млрд долл. будет выделено в качестве помощи странам, участвующим в проекте;

в дополнение к проекту ведется строительство китайско-российского газопровода «Сила Сибири», предусматривающего ежегодные поставки 38 млрд куб. м газа в Китай. Продвигается проект «Ямал СПГ» и продолжается строительство второй очереди из двух энергоблоков Тяньваньского АЭС.

При этом Китай реализует стратегию ЭПШП достаточно давно. В частности, в 2004 г. было завершено строительство первой транскитайской автомагистрали от порта на Желтом море Ляньюньгань до пропускного пункта на границе с Казахстаном Хоргос, после строились скоростные автомобильные дороги из Синьцзян-Уйгурского округа до границ с Таджикистаном, Казахстаном и Киргизией, заключены соглашения о строительстве автодорог и железнодорожных путей в этих странах за счет китайских инвестиций. Также китайская компания получила право на строительство высокоскоростной магистрали Москва—Казань с условием, что она станет частью дороги Пекин—Минск. Официальное название эта инициатива получила после заключения Китаем ряда контрактов с властями Центральной Азии на сумму более 60 млрд долл., в основном связанных с добычей природных ресурсов и их транспортировкой (рис. 3.4)

Россия подтвердила свое намерение участвовать в ЭПШП в 2015 г., когда были подписаны «Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути» и более 30 других соглашений. В заявлении по этому поводу было указано, что Россия «поддерживает строительство Экономического пояса Шелкового пути и готова к тесному взаимодействию с Китайской Стороной в продвижении этой инициативы». Ранее уже выдвигались идеи соединения Шелкового пути с Транссибом и БАМом⁵⁴.

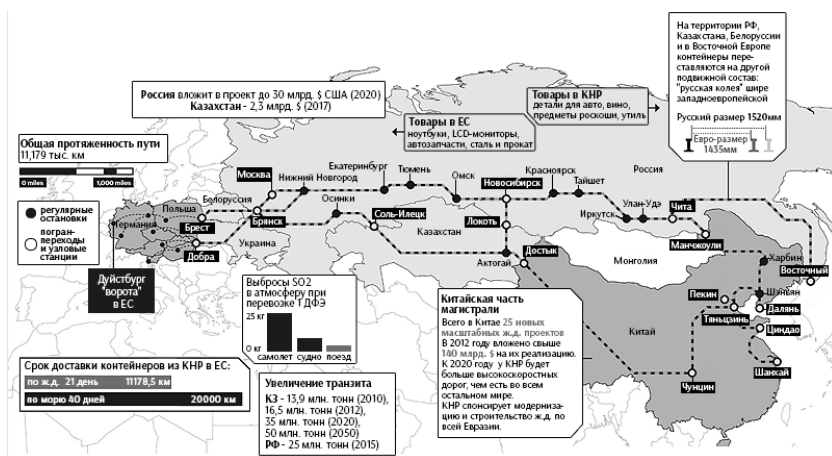

Рис. 3.4. Экономические выгоды реализации маршрутов из Китая в Европу.

Источник: URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/>

Реакция государств мира на китайский проект

Реакция на ЭПШП в различных странах мира была неоднозначна. Так, по мнению американских экспертов, развитие Китая представляет серьезную угрозу для США и их союзников, так как этот проект заставляет народы и правительства многих государств мира усомниться в фундаментальном постулате Запада — «эффективная экономика и сопутствующая ей зажиточность возможны только при условии признания правильности западного пути и присоединения к нему». Более того, китайская экономика стала настолько взаимозависимой с экономиками США и государств ЕС, что в случае осложнений принять против Пекина аналогичные меры, которые были приняты против России, будет крайне сложно. Сегодня Запад зависит от Китая экономически не меньше, чем Китай от Запада. Возможно, в случае открытой конфронтации объединенному Западу и удастся, в конце концов, одолеть Китай, но это будет стоить для мировой экономике слишком дорого⁵⁵.

В связи с этим в отношении ЭПШП на Западе проявляют осторожность. В западных СМИ широко представлен различный спектр мнений, от оценок ЭПШП как очередной пропагандистской конструкции до описания ее как некоего китайского «плана Маршалла» — попытки включить соседние страны в зону политического влияния с использованием мощных экономических ресурсов и финансовой помощи КНР.

Первоначально в России и в ряде других стран выдвинутая идея «Пояса» воспринималась на тот момент с некоторой настороженностью. Отдельные российские эксперты даже говорили о том, что китайский проект — это реакция КНР на неповоротливость и медленное развитие ШОС, и что «Шелковый путь» — вариант более эффективного развития Центральной Азии и соседних регионов. Впоследствии выяснилось, что ситуация не столь критична, наоборот, для России проект в отдельных компонентах (инфраструктурных и инвестиционных) выгоден, и он рассчитан на длительную перспективу, отражая темпы и характер геополитического возвышения Китая как растущей сверхдержавы. Но при этом он не направлен против двух других важных региональных проектов — ЕАЭС и ШОС, в которой КНР и РФ остаются ключевыми игроками в рамках этого объединения.

В последнее время бурно развивающийся Китай существенно активизировал свою внешнюю политику. Суть первого этапа этой активизации сводилась к стремлению убедить соседей и весь мир в том, что усиление КНР не угрожает их интересам. В этом смысл концепции «мирного подъема», которая затем, в связи с опасениями относительно термина «подъем», была заменена теориями «мирного развития» и строительства «гармоничного мира». В ходе второго этапа (при Си Цзиньпине) Пекин перешел от защиты к наступлению. Одно из свидетельств этого — часто раздающиеся в Китае при-

звымы пересмотреть принцип «таогуан янхуэй» (держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя), который был сформулирован Дэн Сяопином в начале 90-х годов XX в. и, как считалось, должен был определять внешнеполитический курс страны в период реформ и открытости. Хотя принцип ограничения стратегического планирования, прежде всего вопросами, затрагивающими «ключевые интересы», в период Си Цзиньпина остался неизменным, сама сфера ключевых интересов КНР постоянно расширяется.

Если в период Дэн Сяопина к ним относились лишь проблемы Тайваня и контроля над Тибетом и Синьцзяном, то сегодня — это уже и защита китайской позиции в территориальных спорах с Японией вокруг островов Дяоюй (Сенкаку), и в Южно-Китайском море. Некоторые эксперты относят к ключевым интересам и необходимость обеспечения Китаю возможности занять достойное место в мире в целом. Главным препятствием на этом пути, по широко распространенному в Китае мнению, являются США. Как мировая держава, теряющая свое влияние, но всеми силами стремящаяся сохранить его, США стараются сдерживать Китай, видя в нем своего основного конкурента. Для этих целей США при помощи союзников пытаются окружить Китай в военном и стратегическом отношении, настраивают против него соседей, раздувая теорию «китайской угрозы». В одной из книг, написанной видным российским аналитиком, утверждается, например, что окружение уже удалось почти со всех сторон, за исключением России и Центральной Азии⁵⁶. В связи с этим некоторые китайские эксперты и политики предлагают более активные меры по прорыву этого окружения, например, используя строительство военно-морских баз за рубежом или поручив армии всеми средствами защищать зарубежные капиталовложения китайских предпринимателей, однако официальная позиция Пекина пока гораздо мягче.

Характерно в этом плане отношение китайских аналитиков к идее «глобального управления». Считая нынешнюю теорию и практику глобального управления западной конструкцией, призванной обеспечить доминирование США и Европы в мире, в Китае не предлагают подорвать или ликвидировать эту систему, но выступают за ее реформирование так, чтобы Китай и другие незападные государства получили в ней достойное представительство. Таким образом, Китай не заинтересован в конфронтации с кем бы то ни было или в революционном изменении механизма функционирования мировой системы. Однако он намерен настойчиво и последовательно содействовать ее эволюции в более выгодную для себя сторону.

Выдвижение планов по созданию ЭПШП, а также «Морского шелкового пути» — еще один шаг в активизации китайской внешней и внешнеэкономической политики. В Китае оба проекта часто объединяют одним названием «Один пояс и один путь» (ОПОП). В то время как экономическое со-

держание обоих проектов пока не вполне ясно, понятен их политический смысл: Китай выдвигает собственные, альтернативные западным, концепции развития, по крайней мере, целого ряда азиатских регионов (первый план в большей степени касается Центральной Азии, Среднего Востока и частично России, второй — Юго-Восточной и Южной Азии и Океании). Они должны создать общие рамки для экономического, а возможно, и политического будущего этих регионов. При этом Пекин советует странам регионов концепцию соразвития, подкрепленную значительными материальными ресурсами. Он предлагает: подключайтесь не к ареалу «демократизма», а к зоне ОПОП. История присоединения, несмотря на возражения Вашингтона, ряда союзников США к предложенному Пекином Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций показывает, что китайские проекты обладают серьезной привлекательностью.

Перспективы создания ЭПШП и «Морского Шелкового пути»

Следует отметить, что географические рамки проекта ЭПШП обозначены предельно широко и размыто, поскольку сказано, что он охватывает Азию, Европу и Африку. При этом в документе перечислены три основных маршрута «Экономического пояса Шелкового пути»: из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы до Балтийского моря; из Китая через Центральную Азию, Западную Азию к Персидскому заливу и Средиземному морю; из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану, где понятие маршрутов является скорее некой условностью, отсылающей к «бренду» Великого шелкового пути, и в полном смысле эти маршруты не являются транспортно-логистическими путями, как и сам проект не сводится только к инфраструктурной или транспортной составляющей.

Аналогичным образом следует понимать и два основных направления «Морского шелкового пути 21-го века»: из прибрежных портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы; из портов Китая через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана. Несмотря на то, что каждый маршрут отличает своя специфика, они объединены единой программной задачей, пусть и сформулированной в очень общем виде — строительство всесторонней, многослойной, комплексной сети взаимодействия. Таким образом, инициативу ЭПШП можно рассматривать как проект создания сети партнерств в Евразии, при этом используемый инструментарий формирования партнерской сети чрезвычайно широк — от политико-дипломатической координации до финансовых механизмов, от торгово-экономических инструментов до расширения гуманитарного сотрудничества.

В целом концептуальный документ ОПОП конкретизирует положения, высказанные в речи Си Цзиньпина в Астане осенью 2013 г. Неизменными

остались «пять связующих элементов», или приоритетов сотрудничества — политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами. Хотя политическая координация занимает в списке первое место и названа «важной гарантией» реализации ОПОП, это направление оказалось наименее проработанным и наполненным конкретикой. В самом общем плане отмечена необходимость усиления межправительственного сотрудничества и создания механизмов координации макроэкономической политики. И если расположить «пять связующих элементов» по степени конкретизации в документе, то картина будет выглядеть следующим образом: бесперебойная торговля; укрепление близости между народами; взаимосвязь инфраструктуры; свободное передвижение капитала и политическая координация. Что касается инфраструктурной составляющей, то документ «Перспективы и действия» отводит этому направлению приоритетную роль в строительстве «Одного пояса и одного пути».

Из текста документа ОПОП ясно, что эта часть инициативы носит не только стратегический, но и долговременный характер, связанный со сложным процессом согласования интересов различных государств. В документе специально подчеркивается, что работа в этой сфере должна вестись на основе «уважения суверенитета соответствующих государств и озабоченности в связи с безопасностью». Масштабность этой задачи связана с тем, что повышение инфраструктурной взаимосвязанности возможно лишь на основе стыковки планов различных стран и национальных технологических стандартов в этой области.

Общая же стратегическая задача состоит в том, чтобы «постепенно формировать базовую инфраструктурную сеть между субрегионами Азии, а также соединяющую Азию, Европу и Африку»⁵⁷. Условно направления реализации проекта ЭПШП можно разделить на преимущественно двусторонние (торговля, инвестиции и гуманитарные контакты) и многосторонние (инфраструктурная и финансовая взаимосвязанность).

Разная степень проработанности этих групп предопределена тем, что Китай раньше традиционно предпочитал действовать с использованием больше двусторонних, чем многосторонних механизмов. Являясь новацией в китайской внешнеполитической стратегии, инициатива ЭПШП в то же время весьма осторожно формулирует суть участия Китая в развитии Евразийского региона на многосторонней основе. Определенную роль в столь сдержанных формулировках сыграло и то, что с помощью публикации первого концептуального документа Пекин намеревался собрать отклики представителей официальных и экспертных кругов стран, расположенных по основному маршрутам ЭПШП, чтобы затем скорректировать планы и эффек-

тивно управлять возможными рисками. В результате можно добиться более успешной реализации поставленных задач.

Хотя ЭПШП является воплощением нового стиля китайской дипломатии и внешнеэкономической политики Китая, заметно стремление сохранять осторожность и постепенность во всех звеньях реализации проекта, прежде всего в формулировании стратегических приоритетов. Поэтапное движение от общего к частному, создание сначала общих идеологических рамок проекта и лишь потом наполнение его конкретным содержанием, гибкое реагирование на сигналы внешней среды — все это характерно для процесса реализации ОПОП. Стремление не нарушать существующий баланс в отношениях с соседними государствами определяет акцент на согласованность всех действий. Не случайно в самом названии первого открытого политического документа ОПОП фигурируют слова «совместное строительство». Тезис о необходимости тщательной координации, согласования интересов всех стран, расположенных вдоль маршрутов ЭПШП, повторяется в документе «Перспективы и действия» многократно. В этом документе поставлены отдельные задачи перед следующими четырьмя крупными региональными группами исходя из их промышленного и транспортного потенциала и географических преимуществ — северо-западные и северо-восточные регионы; юго-западные регионы; прибрежные районы, а также районы Сянган, Аомэнь и Тайвань; внутриконтинентальные регионы.

Например, перед юго-западными районами поставлена задача развития сотрудничества преимущественно со странами АСЕАН, а СУАР должен использовать уникальные географические преимущества для углубления взаимодействия со странами Центральной Азии, Южной Азии и Западной Азии. СУАР, согласно документу, должен превратиться в транспортный узел, центр логистики и центр культуры, науки и образования, а также ключевой район ЭПШП. Связи с Россией являются одним из приоритетов для северо-западных и северо-восточных регионов Китая. В документе отмечается необходимость использовать региональные преимущества Автономного района Внутренняя Монголия как территории, примыкающей к России и Монголии. Ставится задача совершенствовать железнодорожный доступ и региональную железнодорожную сеть, позволяющую связывать пров. Хэйлунцзян и Россию, необходимость развивать сотрудничество в области комбинированной сухопутной и морской транспортировки между провинциями Хэйлунцзян, Цилинь, Ляонин и дальневосточными регионами РФ. Среди задач данной региональной группы называется также содействие строительству Евразийского высокоскоростного транзитного коридора между Москвой и Пекином. Современные отношения между этими столицами вышли на исторически беспрецедентный уровень доверия и взаимопонимания, с чем соглашаются как российские, так и китайские эксперты.

Тем не менее, это не означает, что все сложности в двусторонних отношениях исчезли. Напротив, усложнение и диверсификация контактов между Россией и Китаем порождают все больше дискуссий как о привычных проблемах в двусторонних отношениях («китайской угрозе», особенностях торгового сотрудничества и др.), так и о новых вызовах. Эти процессы происходят на фоне роста интереса к потенциалу Евразии: за последние несколько лет на этой территории возникло несколько новых проектов. С учетом усилий России по развитию взаимодействия на евразийском пространстве, в том числе в рамках ЕАЭС, становится ясно, что ЭПШП как флагманский китайский проект в Евразии находится в центре внимания российских экспертов. Кроме того, реализации масштабных планов — как Китая, так и России мешает ряд факторов:

концепция «ЭПШП» — это пока только глобальное политическое видение, а не практичный инвестиционный план;

многие страны, участвующие в проекте региона ЭПШП, имеют слабую инфраструктуру, и ее модернизация требует масштабных вложений. Около половины из этих стран китайские инвесторы считают высокорисковыми;

существует закрытость экономики Китая для импорта европейских товаров, а торговые барьеры между Россией и ЕС, США и ряда других стран ограничивают возможности европейских компаний использовать сухопутные коридоры ЭПШП, проходящие через Россию. Для стран ЕС пока все более привлекательным выглядит Южный железнодорожный коридор — через Каспийское море в Азербайджан, Грузию и Турцию. Морской маршрут доставки товаров из Китая в Европу по-прежнему в среднем в 1,5 раза дешевле сухопутного.

Военно-политические аспекты проекта ЭПШП

Современное возвышение Китая в целом отвечает интересам России. Именно на глобальном и военно-политическом уровне у РФ с КНР образовалось больше точек совпадения и общих интересов, чем на менее развитом торгово-экономическом пространстве. При этом чтобы полностью нейтрализовать потенциальные вызовы и угрозы международного терроризма, одних китайских ресурсов явно недостаточно, особенно с учетом проникновения боевиков ИГИЛ в Афганистан и потенциальные зоны прохождения ЭПШП⁵⁸. Аспект безопасности в транспортной сфере в Евразии является самым непроработанным, и здесь возможны наибольшие риски. Они связаны не только с неопределенностью вокруг будущего Афганистана, активностью в регионе экстремистских сил, наркотрафиком и трансграничной преступностью, но и со сложными отношениями между самими государствами, лежащими вдоль ЭПШП, а также с политической нестабильностью в ряде этих стран. Данный набор узких мест, похоже, рядом экспертов не прини-

мается во внимание, хотя одного взгляда на линии маршрута транспортных коридоров, пересекающих почти весь евразийский материк, включая Центральную Азию и Ближний Восток, достаточно, чтобы стало ясно, что авторы проекта должны были в первую очередь подумать о существующих и перспективных рисках. Долгосрочность действующих и осуществление перспективных проектов ЭПШП находится в прямой зависимости от обеспечения их безопасности. Однако полного и убедительного ответа на то, как ее гарантировать, ни в России, ни в самом Китае, по большому счету, нет⁵⁹.

Большинство российских экспертов считает, что в сегодняшней сложной обстановке, когда менее чем за 2 года экстремистская ИГИЛ стала главной террористической угрозой, организацией, противопоставившей себя традиционному миропорядку последних десятилетий, происходит своеобразное «окружение» ЭПШП террористическими силами⁶⁰. Особенно в регионах Центральной Азии и Афганистана, Пакистана, районах Ближнего и Среднего Востока. Успешная операция российских ВКС в Сирии против ИГИЛ и его союзников стала показательной в плане упреждения ударов боевиков по регионам Центральной Азии. Возможно, что именно это косвенно повлияло и на эволюцию китайской позиции в плане перехода к более активным/упреждающим мерам против боевиков, причем не только в КНР, но и за ее пределами. Кроме того, с учетом сирийских событий и терактов в Казахстане и Киргизии Китай заметно больше стал уделять внимания вопросам безопасности в регионе. В этом смысле повышается роль российско-китайского взаимодействия по этому вопросу.

Во-первых, у России заметно больше опыта в вопросах борьбы с терроризмом, к тому же у сторон уже есть успешный опыт взаимодействия в рамках ШОС; во-вторых, Китай явно не желает столкнуться с этими проблемами без поддержки других региональных акторов; в-третьих, Китай настроен максимально нивелировать риски финансовых потерь из-за потенциальной угрозы террористических атак на территориях, где он реализует проекты ЭПШП; в-четвертых, стабильная ситуация в Центральной Азии определенно положительно повлияет на террористическую обстановку внутри страны. Еще одним признаком повышенного внимания Китая к данной проблеме является то, что он не только расширяет сотрудничество с внешними партнерами в области борьбы с терроризмом, но и активно развивает эту тему самостоятельно.

Так, например, в КНР издан ряд законов о борьбе с внешними террористическими угрозами, по которым китайские специальные вооруженные силы будут иметь право действовать за пределами своих границ. Россию и Китай также беспокоят скрытые конфликты в отношениях ряда государств ЦА и вопросы территориального размежевания⁶¹. В конце 2015 г. в Китае был принят Закон о борьбе с терроризмом в КНР, в котором закреплено,

что в соответствии с принципом верховенства закона следует неотвратимость наказания за совершенные преступления. При этом решимость Китая в борьбе с терроризмом остается непоколебимой, он будет не только продолжать придерживаться курса противостояния и искоренения терроризма, представляющего угрозу национальной безопасности, но и активно участвовать в международной борьбе с терроризмом, исходя из общих интересов международного сообщества⁶².

Для большинства российских экспертов ключевым дестабилизирующим фактором проекта ЭПШП является рост религиозного экстремизма, фундаментализма и международного терроризма в зонах его потенциального прохождения. Мониторинг, проведенный ведущими российскими специалистами по региону Центральной Азии, показал, что сеть зарубежных исламских экстремистских организаций там стремительно разрастается, включая районы, приграничные к китайскому Синьцзяну⁶³. В связи с этим для Центральной Азии и других беспокойных регионов подтверждается гипотеза проф. А.Д. Богатурова о том, что в современных условиях масштабные энергетические и транспортные проекты будут перманентно провоцировать международные конфликты, чью географическую конфигурацию будет сложно прогнозировать в отрыве от анализа политических рисков вдоль маршрутов пролегания трубопроводов. Не исключено, что подобный «террористический механизм» будет складываться и вдоль пролегания маршрутов ЭПШП, что автоматически усиливает кооперацию КНР, РФ и других заинтересованных стран в сфере безопасности и борьбы с «тремя силами зла».

По-прежнему высоко оценивается вероятность дестабилизации обстановки в Афганистане. Талибский фактор только усиливается, угрожая слиться с ИГИЛ. Сохраняется взрывоопасная и не контролируемая официальным Исламабадом обстановка в зоне афгано-пакистанской границы⁶⁴. При этом включение Индии и Пакистана в ШОС теоретически может работать как на укрепление региональной безопасности, так и на ее расшатывание, учитывая незавершенный характер территориальных споров Дели и Исламабада. Многое в индийско-пакистанском измерении в рамках ШОС будет зависеть от согласованной линии Москвы и Пекина в отношении этих членов Организации. На усиление военного компонента ШОС работает институт ежегодных совместных антитеррористических учений «Мирная миссия». В связи с этим требует более подробного рассмотрения необходимость пересмотра роли ШОС в региональных делах, возникающая в связи с осуществлением проекта ЭПШП и его сопряжением с ЕАЭС.

С одной стороны, с учетом количества вызовов безопасности в регионе существуют явные предпосылки для увеличения ее роли в региональных делах. С другой стороны, появление новых инициатив и институтов требует более четкого разделения обязанностей между региональными акторами, а с

учетом большого экономического веса ЭПШП роль ШОС, которая тоже частично обладает подобными функциями, явно нуждается в объяснении. Более того, среди некоторых исследователей есть точка зрения, что Китай создал ЭПШП из-за неудачных попыток реализации «экономического измерения» ШОС. Как известно, ШОС не является военным блоком или военно-политической структурой, жестко сохраняя баланс между тремя основными направлениями деятельности — сферой безопасности, экономикой и гуманитарным треком. Вместе с тем в последние годы в России все чаще стали раздаваться голоса о необходимости «военной модернизации» Организации. В ней действуют Региональная антитеррористическая структура (РАТС), институт регулярных совещаний министров обороны стран-участниц, встречи начальников генеральных штабов и пр.

Российскими экспертами не один год обсуждается возможность/невозможность дальнейшей эволюции Организации в сторону усиления ее военно-политического компонента. Среди российских военных экспертов — специалистов по ШОС и ОДКБ давно сложилась точка зрения, связанная с необходимостью качественного усиления военно-политической составляющей ШОС⁶⁵. Одним из первых ее подробно обосновал ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН А.Ф. Клименко. Его доводы, с одной стороны, чрезвычайно актуальны и необходимы с учетом текущего момента. С другой стороны, основным препятствием для их полной реализации является даже не внешняя критика западных оппонентов о том, что, следуя этим путем, ШОС неформально может превратиться в блоковую военную структуру. Главное препятствие лежит внутри самой Организации, точнее в ее уставном принципе принятия ключевых решений — на основе полного консенсуса. Так, отдельные центральноазиатские государства — члены ШОС не разделяют мнений российских военных экспертов и не пойдут на военную реформу Организации. Очевидно, что вряд ли в Организации, даже в ее нынешнем составе, удастся достичь по этому вопросу полного единства. Первым, кто заблокирует предложения Москвы, скорее всего, будет Ташкент. Серьезным политическим и военным усилением ШОС в условиях потенциальных конфликтов с отрядами ИГИЛ мог бы стать иранский фактор, точнее интеграция в нее Ирана. Поэтому аргумент А.В. Лукина относительно антитеррористического потенциала шиитского Ирана в борьбе с ИГИЛ в контексте проблем безопасности ЭПШП на пространствах Ближнего и Среднего Востока в настоящее время и в ближайшем будущем представляется чрезвычайно актуальным как для России, так и для Китая. Деятельность Ирана в сфере антитеррористической борьбы может распространяться практически на все потенциальные районы активности боевиков ИГИЛ, включая Сирию, Ирак, страны Северной Африки, что и происходит в настоящее время⁶⁶.

Направления сотрудничества России и Китая в рамках ЭПШП

В настоящее время в российско-китайских отношениях по-прежнему существует большая доля неопределенности, которая во многом обусловлена необходимостью поиска новых подходов в условиях качественно нового уровня сотрудничества⁶⁷. Главным из них может стать превращение РФ из «моста» между Западом и Востоком в «евразийское ядро», формирующее свою международную систему координат, свою глобальную и региональную (евразийскую) повестку⁶⁸. Центральным звеном этой системы должна стать обновленная структура «ЕАЭС — ШОС», использующая ресурсы и возможности ЭПШП. Стыковка ЕАЭС и ЭПШП возможна на нескольких платформах. Это ШОС, двусторонние межправительственные комитеты сотрудничества, многочисленные аналитические центры в России и Китае, приграничные регионы, с успехом работающие в России китайские компании и российские компании в Китае. Они в наибольшей степени заинтересованы в стыковке проектов. Ибо ЭПШП это всеобъемлющая инициатива, которая направлена на запад, восток и юг, она позволяет объединить усилия России и Китая в высокотехнологической сфере, в сфере транспорта, инфраструктуры, сельского хозяйства, финансов.

В данном случае должны обсуждаться конкретные инфраструктурные проекты, механизмы взаимной защиты инвестиций, сближения норм регулирования сотрудничества в отдельных отраслях, таких, как информационные технологии, электронная торговля, медицинские и образовательные услуги и туризм. А идея стыковки ЕАЭС и ЭПШП состоит в совместном развитии некоторых зон и проектов с целью роста производства на российской и китайской территориях и создания совместных предприятий. Интерес для сторон также представляют северные маршруты с использованием Северного морского пути. При этом социально-экономическая сфера интересов России в контексте ЭПШП — наиболее сложная, имеющая как блок возможностей, так и потенциальную группу рисков. В настоящее время российский интерес просматривается в двух экономических измерениях. В текущем, когда часть проектов либо уже работают, либо готовятся к запуску — железная дорога Москва—Казань, углеводородный проект — СП «Ямал СПГ» и др.⁶⁹.

Транспортное поле России, Китая и региона ЦА в перспективе будет развиваться более интенсивно в связи с наличием мощного китайского финансово-политического ресурса (открытие Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и др.). ЭПШП будет стимулировать развитие транспортного трека по всем азимутам и направлениям, включая, прежде всего, евразийское. Хотя и здесь возможны технологические и маршрутные «нестыковки» — от ширины планируемой китайской колеи до географических

направлений, большинство которых пойдут либо минуя Россию, либо проходя лишь половину ее территории. Очевидно, что ЭПШП дает возможность различным странам в соответствии с их уровнем экономического развития различный набор предложений и проектов. РФ в этих условиях должна найти свою нишу, возможность адаптации и применения к российским условиям сложного рельефа китайских технологий строительства высокоскоростных железных дорог, инвестиционных программ и др.

Другие совместные российско-китайские проекты

Как уже отмечалось, основным внешнеэкономическим партнером России выступает Китай, следовательно, наиболее актуальной является организация совместной деятельности, которая успешно реализуется на практике в различных областях, а также потенциальные проекты⁷⁰. При этом совокупность современных внешнеполитических и экономических факторов отразилась на состоянии экономики России и ее внешнеэкономической деятельности. С одной стороны, российская экономика сталкивается с определенными рисками, с другой стороны — перед ней открываются перспективы инновационного совершенствования устоявшихся связей с крупнейшими мировыми игроками. Ключевым внешнеэкономическим партнером России в перспективе выступает Китай, с которым только в 2014 г. было подписано более 40 контрактов, подписан пакет соглашений об инвестиционном сотрудничестве, при этом китайские партнеры настойчиво продвигают свои интересы и эффективно реализуют долгосрочную внешнеэкономическую политику. В 2015 г. российско-китайский товарооборот составил 59,1 млрд долл. В общем объеме притока прямых иностранных инвестиций на Китай приходится 5,5 %. На проводившейся в 2016 г. международной конференции «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений» российскими и китайскими партнерами была поставлена задача — к 2020 г. увеличить двусторонний оборот почти в 4 раза. Россия делает ставку на взаимодействие между финансовыми структурами двух стран в рамках Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Банка развития БРИКС и Евразийского банка развития.

Поэтому в целях более плодотворного сотрудничества при соблюдении интересов российских компаний и обеспечения национальной безопасности страны в деле углубления и расширения внешнеэкономических связей между Россией и КНР необходимо более серьезно относиться к организации совместной проектной деятельности, под которой понимается многоуровневая система взаимосвязанных этапов, благодаря чему учитываются рекомендации различных заинтересованных участников проекта, совместно обсуждаются идеи и пути решения поставленных задач.

Одним из методов ведения внешнеэкономической деятельности и построения эффективных внешнеэкономических связей на современном этапе является кооперация компаний на основе заранее проработанного и запланированного создания или модернизации промышленных или инфраструктурных объектов, технологических процессов, технической и нормативной документации, материальных, финансовых, трудовых ресурсов, а также управленческих решений и мероприятий. К таким проектам относятся следующие.

В топливно-энергетическом комплексе: реализуются контракты о поставках российского газа в Китай, подписанные ОАО «Газпром» и Китайской национальной нефтяной корпорацией; подписан меморандум о взаимоотношениях между госкорпорацией по атомной энергии «Росатом» и Агентством по атомной энергии КНР о сотрудничестве в сооружении плавучих АЭС и соглашение о стратегическом сотрудничестве между ОАО «РусГидро» и «Пауер Чайна».

В области транспорта и транспортного машиностроения: подписано соглашение о стратегическом сотрудничестве между ОАО «РЖД» и корпорацией «Китайские железные дороги»; трехстороннее соглашение о сотрудничестве при реализации инвестиционного проекта «Строительство завода по производству автомобилей» на территории Тульской области между правительством области и компанией Great Wall»; соглашение о сотрудничестве между ОАО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод»» и Jizhou Zhongyi FRPCo. Ltd.

В сфере межбанковского и инвестиционного сотрудничества: подписан меморандум о взаимоотношении между российско-китайским инвестиционным фондом и компанией Нору Investments в отношении инвестиций в развитие логистической инфраструктуры в России и Китае; реализуется рамочное соглашение между ОАО «Газпромбанк» и Государственным банком развития Китая о стратегическом сотрудничестве и соглашение о кредитном сотрудничестве между Внешэкономбанком и Экспортно-импортным банком Китая.

В области развития инфраструктуры и производства стройматериалов: реализуется партнерское соглашение между ОАО «Ростелеком» и компанией «Хуавэй» о сотрудничестве с целью предоставления телекоммуникационных услуг в рамках реализации национальной программы по ликвидации цифрового неравенства; подписан контракт между «Евроцемент групп» и SINOMA International Engineering на строительство новой технологической линии на базе закрытого АО «Михайловцемент» в Рязанской области. Китайская национальная нефтегазовая корпорация CNPC сотрудничает с госкорпорацией «Роснефть» по разведке и добыче углеводородов в Иркутской области, участвуя в СП «ООО «Восток-Энерджи». В то же время компания

«Роснефть» участвует с долей 49 % в проекте строительства в г. Тяньцзине совместного нефтеперерабатывающего и нефтехимического комплекса мощностью 16 млн т. в год. Для реализации проекта создано КОО «Китайско-российская Восточная нефтехимическая компания».

Среди совместных российско-китайских инфраструктурных проектов следует отметить строительство и расширение нефтепровода «Сковородино-Мохэ» и проектируемого газопровода «Сила Сибири». В 2014 г. крупнейший российский производитель газа НОВАТЭК подписал контракт с китайской CNPC на поставку 3 млн т сжиженного природного газа в год в течение 20 лет в рамках проекта «Ямал СПГ». Цена на газ будет определяться по формуле с привязкой к нефтяному индексу JCS. Внешэкономбанк, Газпромбанк, «Ямал СПГ» и China Development Bank подписали меморандум по вопросу организации финансирования проекта. Российско-китайский газовый контракт представляет собой создание в России газоперерабатывающего производства под Белогорском. Согласно совместному проекту «Газпрома» и «Сибура», на газоразделительных станциях будет выделяться этан — сырье для производства этанола и полимеров для нужд России, в Китай пойдет сухой метан, который будет использоваться как энергетическое сырье. В перспективе российские компании при содействии государства рассматривают свое участие в следующих глобальных проектах.

В областях биотехнологий и биофармацевтики российские фармацевты и группа China National Biotech занимают разработкой и производством фармацевтических препаратов, биотехнологической продукции, вакцин и медицинской техники. Одной из основных задач группы является выход на международный рынок и переход от выпуска «дженериков» к производству самостоятельно разработанной продукции. В сфере разработки нанотехнологий, новых материалов National Laboratory of Solid State Microstructures, Nanjing University совместно с российскими учеными занимаются исследованиями в области материаловедения и микроструктурных материалов, спектроскопии физических процессов, исследования теплотехнических свойств новых материалов. В настоящее время они проводят исследования по 22 международным проектам.

Таким образом, в настоящее время на стадии подготовки, а также реализации находится множество проектов по развитию российско-китайских внешнеэкономических отношений в различных областях деятельности. Российские компании, участвующие в проектах, обладают достаточным потенциалом, чтобы вывести российскую экономику на мировой уровень и сделать ее более конкурентоспособной. При этом приоритет должен отдаваться разработке и реализации совместных с китайскими компаниями инновационных проектов в области развития нанотехнологий, судостроения, особенно речного, авиастроения, машиностроения и прочих проектов в вы-

сокотехнологичных отраслях экономики. Для этого должны быть привлечены научные кадры, представители бизнеса, государственные деятели и со стороны России, и со стороны Китая.

Реализация российской идеи «поворота на Восток» на практике

После того, как провозглашенная Китаем инициатива ОПОП начала приносить положительные результаты, Россия начать продвигать идею «Большого евразийского партнерства». Выдвижение данной инициативы имеет важное значение как для России, так и для целого ряда государств, с которыми сложились исторически и идеологически тесные отношения, в том числе и в сфере политики. На практике эта идея содействует дальнейшему продвижению российской стратегии «поворота на Восток». Экономическая статистика показывает, что торговый оборот между Россией и странами АТР постоянно развивается и год от года увеличивается. В долгосрочной перспективе цели и ориентиры российской идеи «Большого евразийского партнерства» и китайской инициативы «Пояса и пути» во многом совпадают. Кроме того, их взаимодействие должно принести положительные результаты, оказав в немалой степени влияние на урегулирование проблем международных отношений на современной политической арене⁷¹.

В настоящее время российские ученые публикуют свои исследования, относящиеся к идее «Большого евразийского партнерства», геополитики Новой Евразии, в которых достигли определенных результатов⁷². В то же время исследования, относящиеся к конкретным политическим вопросам идеи, пока еще только начинают появляться.

Китайские ученые, в свою очередь, также провели немало исследований идеологии евразийства⁷³. В отношении «Большого евразийского партнерства» одной из самых ранних работ является статья Ли Цзыго: «Большое евразийское партнерство: новый порядок на континенте?». По мнению автора, цели и принципы «Большого евразийского партнерства» во многом отвечают интересам ОПОП. В связи с этим в рамках инициатив на континенте Евразия возможно устройство нового порядка сотрудничества.

Другой ученый, Да Чжиган, считает, что Россия намерена позаимствовать наиболее успешные принципы «Пояса и пути» с тем, чтобы на их основе стимулировать строительство ЕАЭС, особенно его экономической составляющей. Выстраивание партнерских отношений на территории Евразии также входит в список приоритетов политики России, что в очередной раз сближает ее идею с инициативой ОПОП. По мнению Чжан Нина, после вступления в ШОС Индии и Пакистана, Организация имеет все шансы стать механизмом сотрудничества, простирающимся на территории центральной части Евразии от Северного Ледовитого до Индийского океана. ШОС может связать китайскую инициативу «Пояса и пути» с российской «Большой Ев-

разией», создав серьезную по своей мощи платформу ОПОП. В связи с этим в 2017 г. журнал «Исследования России» напечатал серию статей китайских ученых на тему «Большого евразийского партнерства», тем самым показав нарастающий интерес китайских научных кругов к данной идее.

А 17 июня 2016 г. в ходе 20-й сессии Петербургского международного экономического форума президент РФ В.В. Путин заявил о том, что Евразийский экономический союз получит свое продолжение в форме еще большего сотрудничества — в рамках Большой Евразии. Вслед за этим, в официальных источниках понятие «Большой Евразии» постепенно начало заменять концепцию «Большой Европы». Эта замена подчеркнула факт 25-летнего юбилея становления РФ независимым государством. Кроме того, данное понятие отразило смещение интересов российской дипломатии с Запада на Восток. И, несмотря на то, что идея «Большого евразийского партнерства» была провозглашена президентом РФ В. Путиным только в июне 2016 г., ее формирование и локальная реализация начались задолго до этого. Именно «Большая Евразия» способствовала скорейшему «повороту» России на Восток.

В настоящий момент эта стратегия для России в целом сводится к углублению китайско-российского сотрудничества, стабильному развитию и поиску новых форм политического и экономического взаимодействия, а также к рассмотрению ряда возможностей, направленных на расширение кооперации с государствами Восточной и Южной Азии. Вследствие того, что основная цель стратегической идеи взаимодействия в рамках «Большой Евразии» заключается в стимулировании регионального экономического сотрудничества на континенте, ее основные результаты проявляются, прежде всего, в сфере экономики. Изучив данные статистики за последние годы в области экономического сотрудничества России и стран АТР, можно прийти к выводу, что стратегия страны «поворота на Восток» уже принесла конкретные положительные результаты.

А для привлечения долгосрочных зарубежных инвестиций в инфраструктуру Дальнего Востока российскому правительству необходимо было вызвать интерес у иностранных предпринимателей. Для этого было решено создать ряд необходимых условий, в число которых входила и соответствующая законодательная политика. В октябре 2014 г., выступая с докладом в Государственной Думе, президент России заявил, что развитие Дальневосточного региона входит в число приоритетных государственных задач в этом веке. Он подписал указ о создании Министерства РФ по развитию Дальнего Востока, а также ввел для иностранных компаний, осуществляющих свою деятельность в Дальневосточном регионе, налоговые льготы, отмену визового режима, право свободы передвижения и выбора места жительства.

Россия пересмотрела значение этого региона в контексте экономического развития страны. 4 декабря 2014 г. Путин передал на рассмотрение в

Государственную Думу проект закона о создании Свободного порта Владивосток, который вступил в силу 12 октября 2015 г. В его рамках планировалось увеличить инвестиционную привлекательность Дальнего Востока с помощью ряда мер, направленных на продвижение товаров, а также увеличение трансграничных потоков финансовых и трудовых ресурсов. Помимо этого, на повестке дня также стоял вопрос о развитии южной части Приморского края с целью создания там мощного мегапорта мирового значения. Поэтому статус Свободного порта Владивосток относится не только непосредственно к городу, но распространяется сразу на 13 районов в южной части Приморского края, включая порты Восточный и Зарубино.

Улучшение инвестиционного климата в России, а также введение льготной политики повлекли за собой приток китайских инвестиций. В связи с этим было инициировано двустороннее сотрудничество в сферах энергоресурсов, полезных ископаемых, авиации, судостроения, сельского хозяйства, лесоводства, инфраструктуры и пр. Началось строительство мостов через пограничные реки, пассажирской канатной дороги через Амур, железнодорожных путей, контрольно-пропускных пунктов в приграничных областях и др. Были созданы китайско-российское ЭКСПО, выставка «Китай — Северо-Восточная Азия», Восточный экономический форум и ряд других платформ для взаимного сотрудничества. В первом полугодии 2016 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Дальнего Востока РФ. Объем внешнеторгового оборота Дальневосточного округа составил 1/4 от общего объема товарооборота с КНР.

В целом Россия поддерживает китайскую инициативу ОПОП и планирует развивать Евразийский транспортный коридор. В период с 2013 по 2018 г. РЖД инвестировала в развитие железнодорожной инфраструктуры страны 302 млрд руб., где главным проектом считается строительство высокоскоростной железной дороги в центральной части страны.

Помимо этого, Россия рассчитывает привлечь китайские инвестиции в проекты по модернизации БАМа, Транссиба и ряда портов на Дальнем Востоке. В сфере строительства автомобильных дорог компания «Российские автомобильные дороги» играет ключевую роль. В число ее приоритетных задач входит реализация проекта строительства автодорожной сети по всей стране, в частности идет строительство автомагистрали Москва-Санкт-Петербург. «Автодор» планирует привлечь в этот проект частные инвестиции. Совместно с China Communications Construction Company Ltd., Shandong Luqiao Group Company Ltd. и фондом Шелкового пути компания намерена реализовать строительство магистрали Европа — Западный Китай.

Россия также прикладывает усилия для возведения нефтегазовых объектов с тем, чтобы, разнообразив каналы экспорта, расширить возможности транспортировки ресурсов на восток. Нефтяная компания «Роснефть» в на-

стоящее время плотно сотрудничает с АКОО «Петрочайна» в рамках трех соглашений на поставку нефти. Российские компании также принимают активное участие в совместной реализации программы экономического пояса Великого шелкового пути. Ключевые проекты по сотрудничеству затрагивают и сферы мобильной связи, разработку программного обеспечения, международной волоконно-оптической связи, строительства центра обработки данных в Сибири, безопасности в сети Интернет и пр.

Однако американско-европейские экономические санкции и падение цен на нефть на мировом рынке сильно подорвали экономику России, затормозив реализацию инициативы «Большого евразийского партнерства». Несмотря на это, Россия сумела выступить с разумной альтернативой. Путин предложил состыковать российскую идею построения партнерства с китайской инициативой ОПОП, а их соединение под названием «Один пояс, один союз» рассматривать в качестве реализации первого этапа инициативы «Большого евразийского партнерства». Фактически выдвинутая Россией концепция построения партнерских отношений в Евразии имеет много общего с китайской инициативой ОПОП. В частности, это касается содержания экономического сотрудничества. Обе инициативы выступают за развитие евразийских транспортных коридоров, углубление торгово-экономической интеграции, уничтожение барьеров для экономического обмена, стимулирование взаимодействия регионов и пр.

В геополитической сфере, хотя и присутствует спор между Москвой и Пекином за лидерство, тем не менее, в обозримом будущем он вряд ли сможет оказать значительное влияние на конъюнктуру двустороннего сотрудничества. Несмотря на то, что в содержании концепции построения партнерства в Евразии имеется ряд новых идей, они все равно не идут вразрез с китайской инициативой «Пояса и пути». Российская сторона акцентирует внимание на том, что проект реализуется совместными усилиями России и Китая. В его основе лежит идея использования инновационных подходов, которые, в свою очередь, способствовали бы ослаблению китайской гегемонии. КНР со своей стороны выступает за диалог и совместную реализацию проектов, что ликвидирует разного рода противоречия на корню. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что у России и Китая гораздо больше общего, нежели отличий. Обе страны подписали соглашение о стимулировании развития «Одного пояса, одного союза», обозначив при этом, что данный шаг является началом совместного строительства международных отношений стратегического партнерства в Евразии.

Для этого Россия прикладывает усилия для формирования и дальнейшего развития единого экономического и политического пространства на территории Евразии. Именно эта идея рассматривалась основополагающей в контексте реализации инициативы. Фундаментом «Большого евразийско-

го партнерства» по плану должен был стать ЕАЭС, в цели которого входило подписание максимального числа соглашений о свободной торговле, установление широкой сети контактов для сотрудничества, в числе которых Китай должен был стать одним из ключевых партнеров.

Согласно экономической статистике последних лет, Китай уже вошел в число главнейших партнеров ЕАЭС. Объем экспорта из этого союза в Китай увеличился с 26,9 млрд долл. в 2007 г. до 59,6 млрд долл. в 2012 г. Последние статистические данные свидетельствуют о том, что отношения между Китаем и ЕАЭС становятся плотнее день ото дня. Россия, являющаяся инициатором создания этого союза, играет в нем главную роль. Данная ситуация свидетельствует о том, что стимулированное Россией и Китаем региональное сотрудничество в Евразии уже начинает приносить первые результаты.

В контексте регионального сотрудничества в Евразии, помимо отведения Китаю одной из ключевых ролей, Россия также выступила с предложением о подписании между КНР и ЕАЭС соглашения о свободной торговле и усилении роли ШОС. После вступления в члены Организации Индии и Пакистана ее миссия, география, а также форма проведения переговоров претерпели изменения. По мнению российской стороны, ШОС должна перейти от первого этапа своего развития ко второму. На первом этапе было учреждено евразийское партнерство между государствами, лежащими на территории от Восточной Европы до Южной Азии и от Восточной до Западной Азии. На втором этапе следует создать межрегиональную всеохватывающую сеть контактов с тем, чтобы в дальнейшем была возможность предметно обсуждать вопросы создания Евразийского сообщества. Российскими политологами в настоящее время активно исследуется ШОС с тем, чтобы увеличить ее роль в экономической сфере. Очевидно, что это, в свою очередь, могло бы положительно сказаться на эффективности реализации идеи «Большого евразийского партнерства»⁷⁴.

В рамках инициативы «Большого евразийского партнерства» Россия продолжила продвигать стратегию поворота на Восток путем углубления дипломатических отношений с наиболее значимыми государствами в регионе, а также странами, входящими в ОПЕК.

Для улучшения отношений продолжали поддерживать регулярные контакты между собой Россия и Япония, что, в итоге, сделало их ключевыми странами в Северо-Восточной Азии. В сфере экономического сотрудничества, а также в периоды территориальных споров государства они находили способы урегулирования противоречий. Тем не менее, прогресс шел весьма медленно, и в его результатах присутствовала некоторая доля неопределенности. Возможно, самым большим плюсом было то, что переговоры всегда проходили «один-на-один». Поддерживая контакты с Японией, Россия намеревалась таким образом противостоять попыткам США

и Европы изолировать ее на международной арене, а также снизить давление экономических санкций на страну. Именно по этой причине Россия не могла игнорировать вопрос притязания Японии на определенные территории. Япония, в свою очередь, надеялась переманить Россию на свою сторону, способствовать ослаблению российско-китайских отношений, что, в конечном итоге, сказалось бы на обстановке в Северо-Восточной Азии. Поэтому, несмотря на необходимость подписания мирного договора и решение территориальных споров, стороны продолжают проведение переговоров в прежнем ключе.

Россия укрепила дипломатические отношения со странами в АТР, развивая сотрудничество в поставках энергоресурсов, военной техники и атомной энергетики. Эти направления традиционно являлись для РФ ключевыми в установлении международных отношений. Исторически сложилось, что Вьетнам всегда являлся одним из ключевых союзников РФ, отношения с которым продолжали постоянно развиваться. Вьетнам — один из ведущих покупателей российской ядерной технологии и военного оборудования. В 2016 г. на саммите ОПЕК в Перу В. Путин во время встречи с председателем государства Чан Дай Куангом пожелал успешного проведения предстоящей сессии в Ханое в 2017 г. Россия также всячески способствовала подписанию соглашения о создании зоны свободной торговли между Вьетнамом и ЕАЭС. В настоящее время переговоры на аналогичную тематику РФ проводит с Индией, Сингапуром и рядом других государств Юго-Восточной Азии. Все это позволяет говорить о смещении геополитических интересов России с севера на юг, по направлению к Юго-Восточной Азии и Индийскому океану.

В этом направлении Россия всегда придавала большое значение развитию связей с Индией в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, технологической сферах, включая в том числе и область военных технологий. Отношения их партнерства лежат в основе развития экономических связей между двумя странами. В ходе последних 15 лет товарооборот между Индией и Россией увеличился в 6 раз. Реализуются совместные проекты в сферах военных технологий и поставке природных ресурсов. Углубляются контакты в научно-технической и в культурной области. Обе страны имеют схожие точки зрения по ряду региональных и международных вопросов, поддерживая согласованность действий. Несмотря на сближение Индии с США, страна приняла решение вступить в ряды государств — членов ШОС. Индия также поддерживает прочные отношения с группой государств БРИКС. А тенденция углубления дипломатических отношений в рамках инициативы Большой Евразии заставляет Индию находиться в некоторой нерешительности. Тем не менее, не желая оставаться в стороне от происходящих процессов, страна продолжает принимать в них

активное участие. Если Индия в конечном итоге примет решение укрепить стратегические контакты с Китаем и Россией, то степень ее важности на международной арене резко возрастет.

Россия, несмотря ни на что, продолжает поставлять оружие на Филиппины. В 90-е годы XX в. и в начале XXI в. она предпринимала попытки зайти на филиппинский рынок оружия, однако история не увенчалась успехом в связи с сокращением бюджета страны на военные нужды, а также вследствие вмешательства США. Одно из главных преимуществ России при поставке странам Юго-Восточной Азии военной техники заключается в том, что Россия не выставляет странам региона никаких политических условий. Поэтому с точки зрения Филиппин, Россия является силой, которая могла бы спасти страну от американского влияния. Поэтому вслед за изменениями в отношениях с США чаяния Филиппин по отношению к России резко возросли. При этом Филиппины испытывают острую нужду в российских вертолетах, бронетранспортерах, малокалиберном стрелковом и огнестрельном оружии, средствах транспортировки особого назначения, сторожевых судах, военных беспилотных летательных аппаратах, а также, в меньшей степени, боевых самолетах. Выход на новый рынок для российской военной промышленности всегда расценивался в стране как огромный успех.

Важность стран Юго-Восточной Азии в контексте российской дипломатии также набирает обороты. Россия непрестанно продвигает идею сотрудничества ЕАЭС со странами АСЕАН, придавая ей стратегическое направление. Связи с чем необходимо, во-первых, учредить зоны свободной торговли, получить взаимные выгоды, увеличить товарооборот между РФ и странами АСЕАН; во-вторых, удержать инициативу в своих руках, постепенно преобразовав структуру экономического сотрудничества в Евразии.

Тем не менее, Россия в этой области столкнулась с рядом больших трудностей. В первом квартале 2016 г. товарооборот несколько вырос только в экономических связях России с Вьетнамом и Индонезией, достигнув уровня в 796 млн. и 637 млн долл. соответственно, что на 20 и 13 % выше по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. Одновременно с этим уровень товарооборота России с другими государствами Юго-Восточной Азии снизился. Данная ситуация неразрывно связана с отрицательным ростом российской экономики, а также падением цен на нефть на международных рынках. Рост товарооборота с Вьетнамом произошел, главным образом, потому, что ЕАЭС подписал соглашение со страной о создании зоны свободной торговли. В связи с данным обстоятельством взаимные экономические выгоды для обеих сторон значительно расширились.

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что России необходимо срочно изменить направление продажи своих ресурсов с тем, чтобы поправить сложившуюся невыгодную для государства ситуацию на международ-

ной арене. Инициатива «Большого евразийского партнерства» сыграла значительную роль в изменении дипломатической стратегии государства с прицелом на Восток. Успехи России на азиатско-тихоокеанском направлении, главным образом, проявляются в углублении китайско-российского взаимодействия. В то же время Россия ведет активные переговоры с Японией с целью решить территориальные споры, что оказывает влияние на отношения между государствами. Инициатива партнерства включает в себя также и Юго-Восточную Азию, однако, очевидно, что для России первостепенную важность представляет, прежде всего, северо-восточный Азиатский регион. Отношения России с государствами Юго-Восточной Азии до настоящего момента можно было бы охарактеризовать как довольно «мелкие», без наличия нужной широты и глубины. Исторически так сложилось, что страны Юго-Восточной Азии никогда не были приоритетным направлением в российской внешней политике.

Потенциальные угрозы российским интересам при реализации проекта ЭПШП

Следует также отметить, что ЭПШП — это не благотворительная акция, а исключительно прагматичный проект, главная задача которого сделать доступными недра Азиатского региона для китайских инвесторов и проложить наиболее удобный путь продвижения китайских товаров в Европу. Кроме того, для Китая Евразия важна потому, что она находится на перекрестке двух огромных и очень важных экономических образований. С одной стороны — Дальний Восток, прежде всего Китай, с другой — Европа, Европейский союз. Посередине — страны, где низкие доходы населения, но хорошая демографическая перспектива и большие запасы полезных ископаемых. В доказательство этому следует привести формулу «Экономического пояса», озвученную Си Цзиньпином, которая включала пять направлений продвижения Китая в Центральном-Азиатском регионе.

Во-первых, усиление координации государств региона в политической области. Это явно прослеживается во властной элите республик Центрально-Азиатского региона с доминирующим положением китайского лобби.

Во-вторых, интенсификация строительства единой дорожной сети. В российских СМИ Шелковый путь более рассматривается в данном контексте, хотя транспортные сети — это лишь часть ЭПШП.

В-третьих, развитие торговли путем ликвидации торговых барьеров, снижения издержек торговли и инвестиций, повышения скорости и качества экономических операций в регионе. Комплекс данных мер в этом случае создает угрозы вытеснения российских товаров из региона более дешевыми китайскими.

В-четвертых, усиление роли народной дипломатии, расширение прямых связей между народами стран региона, то есть активное применение «мягкой силы» КНР.

В-пятых, увеличение валютных потоков за счет перехода на расчеты в национальных валютах, то есть расширение применения юаня и где рубль значительно проигрывает китайской валюте: основным торговым партнером республик, с которым осуществляются расчеты, выступает Китай. Хотя республики Центрально-Азиатского региона в экспорте ориентированы на российский рынок, они потребляют преимущественно китайские товары (рис. 3.5).

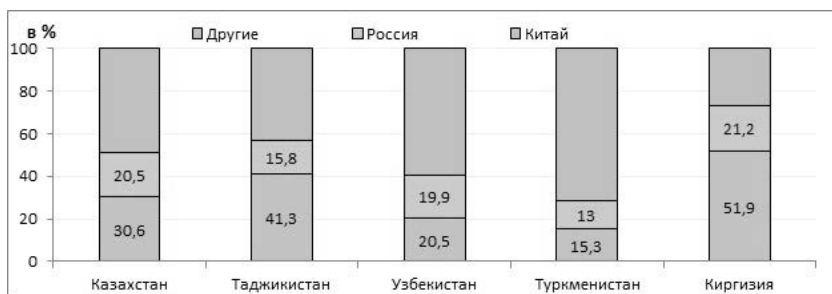

Рис. 3.5. Доля товаров из России и Китая в импорте центрально- и среднеазиатских республик, %. *Источник:* по данным cia.gov

Таким образом, Новый Шелковый путь через Евразию преследует цели продвижения Китая в роли сопоставимого с США актора мировой политики за счет создания пояса лояльных государств через сотрудничество в сфере логистики, энергетики, строительства и культуры.

Связи с этим оправданным выглядит вопрос — почему Россия только присоединяется к китайским инициативам, как, например, к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций или финансовым институтам в рамках БРИКС, где доминирующая роль отводится Китаю, выступает за присоединение к китайскому рейтинговому агентству, но не выдвигает собственных?

Очевидно, это потребует усиление политических амбиций России на международной арене, где она заняла нишу так называемой энергетической державы и удовлетворилась этой ролью. Иными словами, по либеральной парадигме достаточно быть сырьевым придатком, от которого кто-то полузависим, продвигая одновременно с этим идею многополярности, в которой России якобы зарезервирована роль одного из полюсов силы.

С другой стороны, любые самостоятельные инициативы требуют значительных финансовых вложений, на что Россия пока не готова пойти, что

доказывает состояние ее обрабатывающей промышленности и планируемое сокращение государственных инвестиций ежегодно три года подряд по 30—40 %, а также политика санкций стран Запада по отношению в РФ.

Поэтому можно бесконечно долго рассуждать о перспективах участия России и убеждать, что ЭПШП потенциально не угрожает российским интересам в регионе. Но необходимо помнить об опыте Восточного партнерства, которое также реализовывалось с целью развития стран Европы, которая тогда уверяла, что интересам РФ ничего не угрожает. В результате путь евроинтеграции избрали Молдавия, Украина и Грузия — государства, в которые были вложены наибольшие объемы средств. Армения долгое время находилась на развилке и, несмотря на то, что выбрала интеграцию в Евразийский экономический союз, уже успела заключить ряд соглашений с Европой.

Белоруссия осталась в пророссийском векторе исключительно благодаря волевым усилиям лидера республики. Отдаленные от Европы границами с Россией республики Центральной и Средней Азии проходили в рамках других программ помощи. Однако здесь влияние определяется в первую очередь территориальной близостью. Граничащие с Европой республики совершили трансформацию внешнеполитического вектора в пользу Европы, а страны Центральной Азии на данном этапе пока колеблется между Россией и Китаем. Оба государства имеют крупные инвестиционные проекты, значительный торговый оборот, но лидерство Китая в этом направлении становится все более очевидным. Реализация проекта ЭПШП сделает это лидерство еще более контрастным. История может повториться, как и с Восточным партнерством, и России придется констатировать факт суверенного выбора ряда государств не в ее пользу и мириться со сложившимися обстоятельствами.

Определенные надежды российских экспертов вызывает то обстоятельство, что Новый Шелковый путь станет альтернативой попыткам США по реализации своего проекта, который также должен связать Европу с Азией. Но радоваться этому факту стоит только китайской стороне, она смогла Россию превратить в наиболее последовательного союзника, обосновав ничтожность для России политических и экономических рисков в рамках реализации проекта ЭПШП. Китайская стратегия, успех которой демонстрирует присутствие китайского бизнеса в каждом уголке мира, включая страны мировой периферии, начинает воплощаться и в отношении России, но не в форме равноправного и взаимовыгодного партнерства, а на принципах обслуживания китайских интересов в ущерб российским интересам.

В современных условиях и поставки энергоресурсов в Китай, и экспорт из КНР зависят от тех, кто контролирует океаны планеты. Тихий океан и их

проливы, равно как и другие океаны, в настоящее время контролируют американцы. Поэтому КНР хочется вырваться из этого геостратегического окружения, и сделать это они могут только в западном направлении — в сторону Центральной Азии, Ирана и России. Поэтому китайская инициатива Шелкового пути, в первую очередь, предполагает расширение инвестиционной деятельности в транспортно-логистической сфере. Эта идея возникла когда китайское руководство осознало, что Китаю необходимо избавляться от зависимости от морских транспортных путей (рис. 3.6).

Вторая причина, по которой был запущен ЭПШП, — это то, что китайский внутренний рынок строительства дорог уже исчерпан. При этом страна располагает колоссальными ресурсами для того, чтобы осуществлять транспортно-инфраструктурные проекты. Проще говоря, в КНР много компаний, имеющих большой опыт, технологии, технику и рабочую силу для того, чтобы строить высококлассные дороги.

Подводя итоги анализа реализации экономических проектов в Евразии с участием России и Китая, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, китайский проект ЭПШП является важнейшей инициативой КНР. Он затрагивает различные области развития многих государств и целых регионов мира: безопасность, социокультурные, политико-дипломатические и цивилизационные аспекты их существования. При этом в Китае на официальном уровне предпочитают не акцентировать внимание на ее геополитических целях. При этом его идея имеет прочную культурно-цивилизационную базу: отсылка к исторической роли стран-участниц проекта в развитии ЭПШП является мощным объединяющим фактором для государств с разными уровнями экономического и политического потенциала, как, например, страны Центральной Азии, КНР и Пакистан. В геополитическом плане Китай противодействует политике США и в целом Запада в соседних регионах, которая, по его мнению, подрывает там выгодную ему стабильность, а также направлена на сдерживание экономического роста в самом Китае и ограничение его растущего влияния в мире.

Во-вторых, ЭПШП — это набор проектов, которые даже формально не образуют отдельный международный институт. Однако их оформление в рамках единой концепции придает новое звучание китайским инициативам, где КНР выступает не только как экономический, но и как «идейный» лидер для стран региона. Она уже не стремится держаться в тени, а, напротив, проводит активную политику, предлагая собственные решения в ответ на региональные вызовы.

В-третьих, основным драйвером развития ЭПШП для Китая являются экономические интересы: необходимость обеспечения собственной экономики сырьем, производимой продукцией — рынками сбыта, а рабочей силы — работой. Так как в самом Китае во всем этом наблюдается нехватка,

единственная возможность — на рынке соседних государств. И политические интересы КНР сводятся, прежде всего, к продвижению ее экономических интересов, развитию торгово-экономического сотрудничества с ближними и дальними соседями, а также обеспечению безопасности в регионе, особенно в свете растущей террористической угрозы в самой КНР (СУАР).

В-четвертых, реализация ЭПШП осуществляется на фоне роста интереса к потенциалу Евразии. Помимо данной инициативы, за последние несколько лет на этой территории возникло несколько новых проектов — ЕАЭС, американская идея «Нового шелкового пути», центральноазиатские инициативы японского премьера Синдзо Абэ, «Евразийская инициатива» корейского президента Пак Кын Хе и др., не говоря о том, что уже существующие получили второе дыхание (в первую очередь — ШОС). Поэтому в ходе разработки и реализации проекта ЭПШП концепция приняла более упорядоченный характер. Были более четко сформулированы экономические цели, кроме того, большее внимание начало уделяться вопросам безопасности. Несмотря на некоторую несогласованность между различными ведомствами, в целом Китай рассматривает ЭПШП как комплексный план по продвижению своих интересов в мире в целом, и прежде всего в пограничных регионах. Эти интересы на официальном уровне он рассматривает как совпадающие с интересами партнеров. Так, китайские интересы по большей части совпадают с интересами России и Центральной Азии. Они, как и Китай, заинтересованы в собственном экономическом развитии, политической стабильности. Кроме того, Китай, не навязывающий политических условий при осуществлении торгово-экономического сотрудничества, представляет собой важнейшую опору в противостоянии попыткам Запада, который стремится реализовать в ряде стран политику «смены режимов», подрывающую региональную безопасность и стабильность.

В-пятых, китайские декларации о полном совпадении собственных интересов с интересами партнеров не всегда соответствуют тому, что делается на практике. Осуществляя инвестиции, Китай порой обуславливает их использованием его собственных технологий и рабочей силы, не во всех случаях китайские компании соблюдают местное природоохранное законодательство и т. п. Однако все эти вопросы можно регулировать, и китайские компании и госструктуры идут на диалог, воспринимая аргументы партнеров. Важнейшим свидетельством этого является согласие Китая на сопряжение ЭПШП и ЕАЭС. Несмотря на отрицательные заключения многих китайских экспертов, руководство страны пошло на сопряжение, очевидно восприняв российские аргументы о том, что сотрудничать с единым таможенным пространством ЕАЭС по ряду направлений проще и выгоднее, чем на двусторонней основе с каждым из членов объединения.

В-шестых, в последнее время в Пекине проявляют все большую озабоченность проблемами обеспечения безопасности экономических проектов ЭПШП и с растущим интересом относятся к идеям российских экспертов о разделении труда в деле сопряжения, в соответствии с которым Россия займется вопросами безопасности, ЕАЭС — нормативной базой сотрудничества, а Китай — по преимуществу инвестициями в инфраструктуру и развитие. В нынешней геополитической ситуации, очевидно, что Китай заинтересован в поддержке России и евразийской интеграции, так как рассматривает стабильное евразийское пространство как важнейший буфер, препятствующий американскому курсу сдерживания КНР.

В-седьмых, один из объединяющих факторов государств Центральной Азии — советское наследие, которое сближает их с Россией. Китайский проект ЭПШП воспринимается в этих странах как значительный ресурс, который можно использовать в интересах собственного развития. С учетом углубляющегося российско-китайского сотрудничества и нарастающих разногласий и России, и Китая с Западом, формирования нового Евразийского экономического пространства на основе сотрудничества России, Китая и Центральной Азии фактически нет альтернативы. России и государствам Центральной Азии необходимо воспользоваться создавшимся положением, заинтересованностью мощного Китая в сотрудничестве, использовать его потенциал в интересах собственного развития. Необходимо в скорейшее время выдвинуть согласованную в рамках ЕАЭС программу наполнения концепции сопряжения конкретными инфраструктурными и иными проектами. Также необходимо существенно повысить активность ШОС в новом, расширенном составе, переориентировав ее на координацию экономического сотрудничества, в том числе и в рамках сопряжения, но с подключением государств Центральной Азии, не входящих в ЕАЭС, а также таких крупных и заинтересованных государств, как Индия, Пакистан, Иран, Монголия, и других членов и наблюдателей Организации.

3.4. Нераскрытый потенциал российско-китайского сотрудничества

Важным стимулом для реализации потенциала российско-китайского сотрудничества являются продолжающиеся экономические санкции Запада по отношению к России и американские санкции по отношению к Китаю, возрастание роли АТР и российского Дальнего Востока как перспективных рынков сырья и сбыта готовой продукции, развитие добрососедских отношений между обеими странами. Как заявил премьер Госсовета КНР Ли Кэцян по итогам 23-й регулярной встречи глав правительств РФ и КНР,

«Пекин готов развивать сотрудничество с Москвой. Мы заинтересованы в развитии инновационного сотрудничества с российскими коллегами, в частности планируем создать фонд, чтобы поддержать совместные научно-технические проекты и разработки. Но такой высокий уровень — это не финал. Это говорит о том, что у нас огромное пространство для дальнейшего развития. В процессе общения мы сошлись в том, что у нас огромный нераскрытый потенциал»⁷⁵. Среди других факторов, способствовавших укреплению российско-китайских связей, следует отметить географическую близость стран, взаимодополняемость экономических ресурсов и заниженные курсы национальных валют, позволившие наращивать взаимный экспорт товаров и услуг⁷⁶.

Для того чтобы охарактеризовать нераскрытый потенциал сотрудничества России и Китая, следует более подробно рассмотреть направления взаимодействия этих стран в его основных сферах для того, чтобы выявить узкие места и найти способы их устранения.

Развитие сотрудничества в сфере торгово-экономических связей

Смещение центра роста мировой экономики в страны Восточной и Юго-Восточной Азии поставило перед правительством РФ задачу активнее задействовать восточное направление внешнеэкономической деятельности и в первую очередь расширять торговое и инвестиционное сотрудничество с КНР. Введение секторальных санкций со стороны США и их союзников, которые ограничили доступ российским банкам и промышленным компаниям к западным рынкам капитала, ускорило эти процессы⁷⁷. В то же время руководство Китая выступило с предложением создать «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века». Осуществление этой инициативы, известной также как «Один пояс — один путь» (ОПОП), призвано обеспечить широкую кооперацию стран, расположенных вдоль исторического Великого Шёлкового пути. Центральное место в ходе реализации этой инициативы отводится России, через которую должно пройти три из шести экономических коридоров, призванных установить тесные связи между Европой и Азией. Тем самым создается значительный потенциал для российско-китайского инвестиционного сотрудничества. Однако для финансирования проектов в рамках инициативы ОПОП требуются значительные средства, часть из которых могут предоставить китайские компании и банки, которые уже сейчас активно работают за рубежом. Наряду с этим, Китай начал постепенно открывать свой фондовый рынок для иностранных эмитентов, разрешив им привлекать средства в юанях за счёт размещения долговых облигаций внутри страны. Выйдя на первое место по объёмам внешней торговли и на второе — по размерам ВВП, Китай стал быстро догонять ведущие экономики мира и по объёму прямых зару-

бежных инвестиций (ПЗИ). В 2016 г., по данным ЮНКТАД, они достигли 183,1 млрд долл., увеличившись в 14,9 раза по сравнению с 2005 г., когда они составили всего 12,3 млрд долл. Таким образом, ПЗИ из Китая в этот период росли в среднем на 30,7 % в год, тогда как общемировые — всего на 9,2 %. В результате, если в 2005 г. на долю Китая приходилось всего 1,5 % от мирового объёма ПЗИ, то в 2016 г. она составляла уже 12,6 %⁷⁸.

При этом мировой финансовый кризис оказал существенное негативное влияние на экономики России и Китая, что привело к резкому падению товарооборота. В 2010—2012 гг. наблюдались восстановление объёмов двусторонней торговли и их рост. Однако в 2013 г. многочисленные факторы неопределённости в мировой экономике и международной торговле, а также замедление темпов экономического роста в России и Китае обусловили определённое снижение динамики развития двусторонней торговли (рис. 3.7).

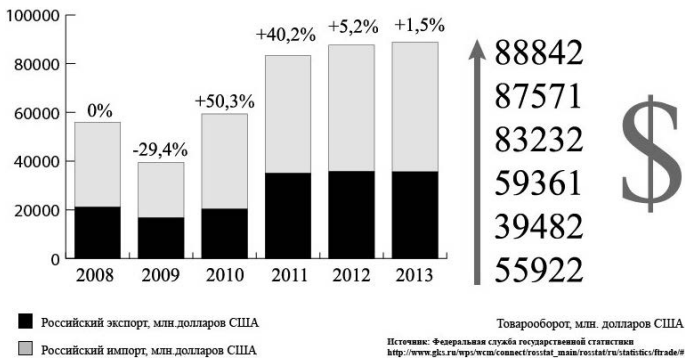

Рис. 3.7. Внешняя торговля России с Китаем.
 Источник: URL: <http://www.gks.ru/wrps/wimp/connect/rosstat>

Данные статистики за эти годы свидетельствуют о том, что России совместно с Китаем удалось остановить негативные тенденции, стабилизировать ситуацию во взаимной торговле и обеспечить устойчивые темпы прироста товарооборота⁷⁹. Но, несмотря на достаточно высокий товарооборот между двумя странами, его структуру нельзя назвать благоприятной для РФ, поскольку она не соответствует установкам на модернизацию ее экономики.

В структуре российского экспорта в КНР с середины 2000-х годов преобладают сырьевые товары, и их доля постоянно растет. Так, в 2014 г. на поставки минерального топлива, нефти и нефтепродуктов в стоимостном вы-

ражении приходилось более половины российского экспорта — 71,63 % против 67,89 % в 2013 г. На 2-й позиции в российском экспорте в Китай находятся поставки древесины и изделий из нее, составляющие 6,97 % совокупного экспорта России в Китай. На 3-м месте в совокупном российском экспорте в Китай поставки цветных металлов — 3,99 % (рис. 3.8). А в китайском экспорте в Россию преобладают товары обрабатывающей промышленности. В то же время наблюдается постоянный рост доли высокотехнологичной продукции.

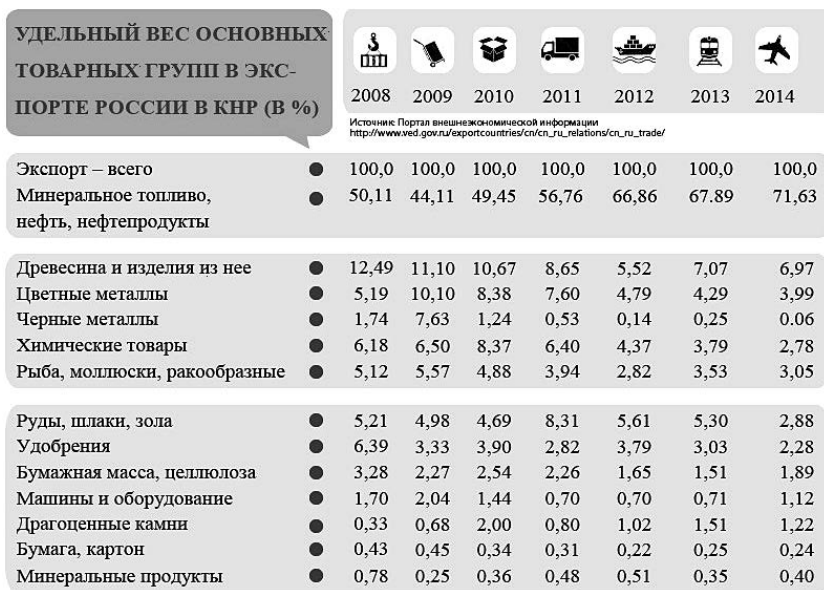

Рис. 3.8. Удельный вес основных групп в экспорте РФ в КНР.

Источник: URL: <http://www.ved.gov.ru/exportcountries/>

Основными статьями китайского экспорта в Россию являются: машинно-техническая продукция (36,12 %), химическая продукция (8,37 %), текстильная одежда (6,70 %), одежда трикотажная (5,95 %) и обувь (рис. 3.9).

На первый взгляд, подобное положение дел может показаться естественным: располагающей богатыми природными ресурсами России выгодно специализироваться на поставках сырья в Китай. Однако эта ситуация иррациональная, потому что в отраслевой структуре российской экономики,

помимо сырьевого сектора, также широко представлены другие секторы промышленности и сферы услуг, а российские товары и услуги вполне могут конкурировать с китайскими. Так, еще в 2014 г. доля сферы услуг в ВВП составила 59,8 %⁸⁰, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей достигла 23,6 %⁸¹. Также в российской экономике представлены конкурентоспособный энергетический сектор, аэрокосмический сектор, авиа- и судостроение и др.

**УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ОСНОВНЫХ
ТОВАРНЫХ ГРУПП В ИМПОРТЕ
РОССИИ В КНР (В %)**

2008 2009 2010 2011 2012 2013 2014

Источник: Портал внешнеэкономической информации
http://www.ved.gov.ru/export/countries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/

Импорт – всего	•	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Машины и оборудование	•	36,71	33,44	38,43	40,91	42,43	37,90	36,12
Химические товары	•	7,46	8,20	8,01	9,28	8,76	8,35	8,37
Обувь	•	5,18	7,70	7,91	6,34	5,90	6,31	5,96
Одежда текстильная	•	4,91	7,08	6,12	5,41	4,82	6,85	6,70
Одежда из трикотажа	•	11,18	6,63	6,00	5,20	4,96	6,31	5,95
Изделия из кожи	•	2,32	2,98	2,48	2,69	1,65	2,12	1,86
Мебель, матрасы	•	4,85	2,62	2,94	2,12	2,18	2,44	4,46
Готовые изделия из текстиля	•	2,06	2,37	1,85	1,80	2,82	3,27	3,16
Пушнина	•	0,16	2,20	2,93	3,00	3,56	2,85	4,84
Игрушки, спортивный инвентарь	•	1,64	1,83	1,49	1,85	1,55	1,53	1,73
Продукты из овощей и фруктов	•	1,01	1,35	1,02	1,01	0,92	0,81	0,81
Фрукты	•	0,69	1,19	0,79	0,65	0,66	0,64	0,59
Изделия из черных металлов	•	2,40	1,16	3,43	3,30	3,06	3,29	3,00

Овощи, горох, фасоль	•	0,51	0,97	0,85	0,80	0,51	0,48	0,61
Керамические изделия	•	1,07	0,91	0,70	0,75	0,65	0,69	1,04
Мясные продукты	•	0,88	0,80	1,02	0,72	0,84	0,81	0,68
Минеральное топливо	•	0,81	0,51	0,75	0,90	0,67	0,60	0,34
Трикотажное полотно	•	0,25	0,39	0,72	0,35	0,84	0,34	0,30
Зерновые	•	0,04	0,08	0,0	0,04	0,02	0,00	0,00
Мясо	•	0,02	0,08	0,0	0,0	0,02	0,0	0,00

Рис. 3.9. Удельный вес основных товарных групп в импорте РФ из КНР.

Источник: URL: <http://www.ved.gov.ru/export/countries/>

Таким образом, существующий потенциал российской экономики не реализуется в китайском направлении в полной мере, который можно реализовывать в Китае с очень ёмким внутренним рынком. Тем более что с китайской стороны проявляется большой интерес к такому сотрудничеству. Данную проблему можно рассматривать с точки зрения эффекта «ресурсного проклятия» — отрицательного влияния структуры экономики на темпы экономического роста, то есть не самого наличия природных ресурсов, а их доминирования в экономической структуре страны⁸².

Двустороннее инвестиционное сотрудничество

В отличие от ситуации в мировой внешнеторговой сфере, демонстрирующей ежегодный прирост, инвестиционное сотрудничество двух стран остается недостаточным. За последние годы прямые инвестиции из Китая составляли в среднем менее 1 % в совокупных инвестициях, полученных Россией. Ещё меньше доля России в полученных Китае прямых инвестициях (рис. 3.10)⁸³.

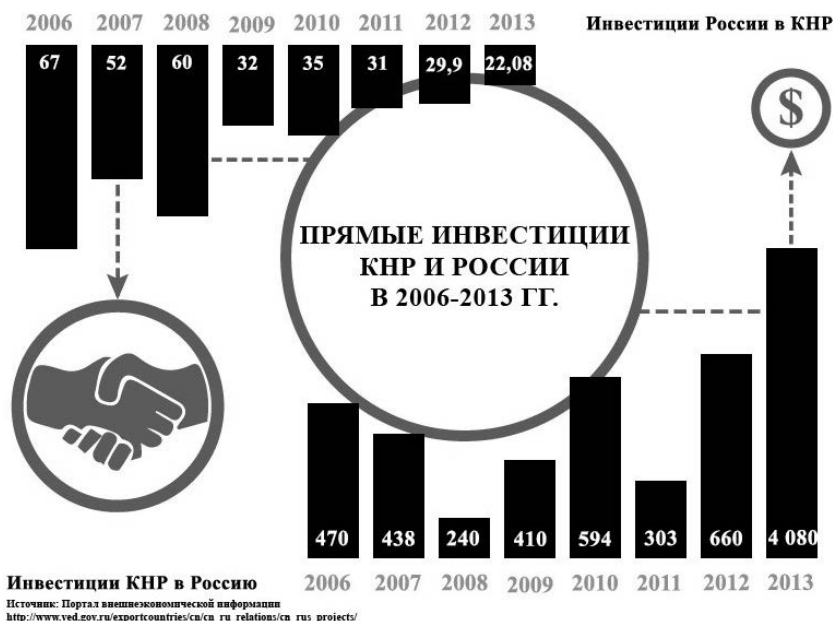

Рис. 3.10. Прямые инвестиции КНР и РФ

Так, по данным Министерства коммерции КНР, общий объем китайских прямых инвестиций в России к началу 2013 г. увеличился на 22,59 % и составил 3,58 млрд долл., в том числе 660 млн долл. было инвестировано в 2012 г. Главными приоритетами инвестиционной деятельности КНР в России являются разработка полезных ископаемых, лесное хозяйство, энергетика, торговля, строительство и связь. Основной объем китайских инвестиций в размере 25 млрд долл. приходится на кредиты, выданные китайскими банками российским компаниям (ОАО «Роснефть» — 15 млрд долл., ОАО

«Транснефть» — 10 млрд долл.) в обмен на поставки нефти. К началу 2013 г. суммарный объем российских прямых инвестиций в КНР достиг 847,71 млн долл. Общее количество российских проектов с прямыми инвестициями в КНР превысило 2,45 тыс.

К числу наиболее крупных инвестиционных проектов, реализуемых российскими компаниями в Китае, можно отнести покупку «Русалом» в 2005 и 2008 г. двух заводов по производству катодных блоков для алюминиевых заводов в пров. Шаньси и создание совместного предприятия по разработке, производству строительных пластмасс и сплавов Kuibyshev Azot Engineering Plastics Company, учредителями которого стали ОАО «Куйбышев Азот» и шанхайская торговая компания «Хэ Е», а общий объем инвестиций составил 18 млн долл., в том числе 8,1 млн долл. российских инвестиций⁸⁴.

Ещё одним из важнейших совместных проектов является строительство нефтеперерабатывающего завода в городе Тяньцзине с участием ОАО «НК «Роснефть» и Китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC). Общая сумма инвестиций составила 5 млрд долл. (российская часть 49 %), закладка завода была начата в 2010 г., а строительство началось в середине 2014 г.

По данным Банка России, чистый приток прямых инвестиций из Китая в 2016 г. сократился и составил всего 349,6 млн долл., что на 45,8 % меньше, чем в 2015 г. А доля капиталовложений китайских компаний в общем объёме привлечённых иностранных инвестиций в 2016 г. составила 1,1 % по сравнению с 9,4 % в 2015 г. Схожую динамику демонстрирует и китайская статистика. По сведениям российского торгпредства в Китае, прямые нефинансовые инвестиции китайских компаний в Россию уменьшились в 2016 г. на 26,6 % — до 547 млн долл.

Но официальная статистика не отражает действительных объёмов китайских ПЗИ в Россию. Регулирующие органы распределяют поступившие капиталовложения в зависимости от того, в какой стране зарегистрирован непосредственный инвестор. Между тем в международной практике широкое распространение получило использование так называемых «компаний специального назначения», которые дают возможность не только оптимизировать налогообложение, но и обеспечить возврат вложенных средств в случае возникновения конфликта с властями принимающей страны. Использование компаний специального назначения, зарегистрированных в одном из признанных оффшорных центров, позволяет также скрывать конечных инвесторов, что и приводит к искажениям в официальной статистике.

Поэтому о реальных масштабах китайских ПЗИ в Россию можно судить по данным АЕИ, основанным на публичных отчётах о зарубежных вложени-

ях китайских компаний. Согласно этой информации, в 2013 г. они инвестировали 6,25 млрд долл. в уставный капитал Банка России⁸⁵. В 2014 г. капиталовложения сократились до 3,53 млрд долл. Вместе с тем были заключены контракты на новое строительство на сумму 4,67 млрд долл. Таким образом, всего в 2014 г. из Китая было привлечено в Россию 8,2 млрд долл. В дальнейшем рост прекратился. В 2016 г., по данным АЕИ, китайские инвестиции в Россию составили 2,23 млрд долл., что на 38 % меньше, чем в 2015 г. Объём новых строительных контрактов упал до 440 млн долл. по сравнению с 3,3 млрд долл. в 2015 г.

По мнению экспертов Евразийского банка развития, слабая активность китайских инвесторов на российском рынке была вызвана завершением реализации ряда крупномасштабных сделок, заключённых ранее — в 2011—2014 гг. Сказались также опасения крупных китайских компаний, и прежде всего банков, работающих на рынках США и ЕС, попасть под действие экономических санкций, введённых против России. Кроме того, некоторые китайские инвесторы ожидают более выгодные предложения для начала инвестиций. Специалисты Аналитического кредитного рейтингового агентства связывают уменьшение притока инвестиций из КНР со снижением интереса китайских компаний к проектам в добывающем секторе, тогда как в России сырьевые отрасли обеспечивали около 67 % прироста китайских капиталовложений в 2009—2015 гг.

Новые вложения в постиндустриальный сектор, объявленные приоритетными для китайских госкомпаний, также сдерживаются сравнительно слабым развитием сферы услуг в России и закрытостью области высоких технологий для иностранного капитала. Тем не менее, следует отметить, что список отраслей, привлекающих внимание китайских инвесторов в России, постепенно расширяется. Они проявляют интерес к вложению средств в онлайн-кинотеатры и мобильные игры. Как отметил зам. генерального директора ВГТРК Д. Медников: «Мы заключили контракты с крупнейшими онлайн-кинотеатрами и работаем над тем, чтобы медиаконтент из Китая появился в России. Это взаимное узнавание друг друга, привычка к одним и тем же платформам и товарам. 50 % мультипликационных игрушек производится в Китае, это более 1 млрд долл. Это станет одной из ключевых платформ в развитии наших взаимоотношений».

Таким образом, в ближайшие несколько лет инвестиционные проекты в традиционных областях сотрудничества вполне могут быть дополнены проектами на стыке информационных технологий и услуг. Кроме того, обозначился интерес китайских компаний к российской фармацевтической промышленности, проектам в области биотехнологий и медицинских исследований.

Что касается временного снижения активности на российском рынке, то китайские инвесторы объясняли его в значительной степени состоянием российской экономики. Об этом свидетельствует, в частности, исследование, проведенное компанией Ernst & Young в 2015 г. Были опрошены руководители 142 китайских фирм, имеющих оборот свыше 30 млн долл., в том числе 31 крупной компании с оборотом более 1 млрд долл. Чаще всего в качестве препятствия для инвестиций в российскую экономику руководство китайских компаний называло проблемы с соблюдением законодательных норм. Такой вариант ответа выбрало 39 % участников опроса. Наиболее остро недостатки в правовой сфере воспринимаются крупными китайскими компаниями (71 %). Еще 34 % всех респондентов отметило экономическую нестабильность в России. Причём среди компаний, которые уже присутствуют на российском рынке, на ухудшающуюся макроэкономическую ситуацию указало 63 %. В то же время на трудности с поиском интересных проектов для капиталовложений пожаловалось только 15 % из работающих в России китайских компаний по сравнению с 22 % в целом. Аналогичные результаты дал опрос 60 представленных в России китайских компаний, проведённый консалтинговой компанией IPT Group в конце 2015 г. На этот раз уже большинство респондентов (57 %) полагало, что притоку инвестиций из Китая препятствует нестабильная макроэкономическая ситуация. Тогда как традиционные для российского рынка проблемы с соблюдением законодательных норм назвали только 43 % участников опроса.

Обращает на себя внимание также то, что китайские инвесторы в данном случае достаточно низко оценивали для себя затруднения, связанные с коррупцией. Об этом заявило всего 14 % участвовавших в опросе компаний. Между тем исследование компании EY выявило большую озабоченность руководства китайских компаний данной проблемой. На неё указало 30 % респондентов, в том числе 52 % среди компаний, работающих в России. На преобладающее влияние экономических факторов указывали и официальные китайские лица. Так, например, директор департамента Восточной Европы и Центральной Азии Министерства коммерции КНР Лин Цзи признал, что сокращение притока инвестиций из Китая за первые 7 месяцев 2015 г. на 20 % было напрямую связано со снижением курса российской валюты, которое имело место в тот период. Слабеющий рубль не только снизил приток новых инвестиций, но также стал причиной выхода ряда китайских инвесторов из российских активов. В феврале 2016 г. инвестиционный фонд Chengdong Investment Corporation продал свою долю в капитале Московской биржи, реализовав 5,2 % акций по цене 89 руб. за штуку. Вместе с тем, как показали результаты опроса IPT Group, у китайских инвесторов сохраняется позитивный настрой относительно российской экономики. Только 14 % опрошенных полагает, что в ближайшие годы объём инвестиций со стороны

китайских компаний в российскую экономику продолжит сокращаться. Еще 29 % считает, что заметных изменений в динамике инвестиций не произойдет. При этом 57 % респондентов отмечает, что китайские компании планируют расширять присутствие на российском рынке. По данным исследования ЕУ, 61 % участвовавших в опросе китайских компаний намеревался осуществить вложения в экономику России в течение ближайших 5 лет.

Таким образом, сохраняющийся высокий интерес китайских инвесторов к российскому рынку позволяет рассчитывать на активизацию инвестиционного взаимодействия. В значительной степени этому будет способствовать начавшаяся макроэкономическая стабилизация российской экономики в 2018 г.

Пока Россия заметно отстает в освоении рынка капитала КНР, хотя развитие сотрудничества между Россией и Китаем в инвестиционной сфере отвечает взаимным интересам обеих стран. Вместе с тем необходимо учитывать, что Китай всё сильнее интегрируется в мировую финансовую систему. Такие институты, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шёлкового пути, платёжная система CIPS, начинают тесно сотрудничать с западными институтами. Об этом свидетельствует разрешение выполнять функции андеррайтера — организатора размещения облигаций на межбанковском рынке Китая, которое китайский филиал американского банка JPMorgan Chase получил от Национальной ассоциации институциональных инвесторов по финансовым рынкам. Одновременно Народный банк Китая уполномочил Citi Bank осуществлять расчеты в юанях по облигациям на внутреннем рынке. Со своей стороны, CIPS в марте 2016 г. заключила соглашение со SWIFT и работает над согласованием используемых стандартов передачи данных. А Фонд Шёлкового пути подписал меморандум о взаимопонимании с Европейским банком реконструкции и развития, который выразил готовность участвовать в проектах Фонда на условиях софинансирования. Представляется, что китайское руководство не желает конфронтации с Западом и будет избегать прямого нарушения экономических санкций, введённых против России. Об этом свидетельствует также отказ руководства КНР на предложение России в 2018 г. перейти на взаиморасчеты в национальной валюте. Это ограничивает возможности реализации имеющегося потенциала инвестиционного сотрудничества РФ и КНР.

Приграничное и межрегиональное сотрудничество

Важной составляющей двусторонних экономических связей, а также значимым фактором стимулирования социально-экономического развития определенных регионов РФ является межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Китая. Около 70 субъектов России в настоящее время напрямую взаимодействуют с провинциями Китая. Они решают масштабные задачи в рамках проводимых региональных программ развития.

Для России это программа развития Дальнего Востока и Забайкалья, а для Китая — восстановления и возрождения старых промышленных регионов Маньчжурии. Осуществление этих программ позволит решить ключевую проблему торгово-экономических отношений с точки зрения России, а именно стимулировать диверсификацию структуры российского экспорта, которая в последние годы характеризуется усугубляющейся диспропорцией, когда экспорт российских регионов представлен преимущественно природными ресурсами⁸⁶.

В региональном масштабе основными торговыми партнерами Китая в России являются Хабаровский и Приморский края, Амурская область, а также Красноярский край, Кемеровская и Иркутская области. Из китайских регионов лидерами являются пров. Хэйлунцзян, Автономный район Внутренняя Монголия и пров. Цзилинь.

Подтверждением необходимости развития приграничного сотрудничества служат оценки российских и китайских экспертов, высказанные на круглом столе по вопросам китайско-российского финансового сотрудничества, который состоялся в сентябре 2018 г. в Харбине, где приняли участие более 300 официальных лиц двух стран.

Как заявил генеральный секретарь Азиатской ассоциации финансового сотрудничества Ян Цзайпин: «Мы видим большие перспективы развития финансового сотрудничества и интерес со стороны бизнеса к возможности доступа к финансовым рынкам России и Китая». Его дополнил начальник Дальневосточного управления Банка России С. Белов, который также полагает, что особое геополитическое положение Дальнего Востока и Забайкалья в АТР заключается «в значительной протяженности наших приграничных территорий», и это своеобразная «точка отсчета» на пути расширения экономических связей России и Китая⁸⁷. А по словам заместителя мэра города Хэйхэ Чжан Цзиньчжуна, финансовое сотрудничество — это сфера, в которой Китаю и России необходимо усилить взаимодействие. Финансы играют все большую роль в промышленном сотрудничестве двух стран, имея большой нераскрытый потенциал. Он выразил надежду на то, что странам необходимо будет прилагать большие усилия для расширения пространства финансового сотрудничества и дальнейшего повышения уровня промышленного сотрудничества.

Как отметил генеральный директор АО «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона» А. Чекунков: «Наиболее перспективно развитие сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке, в регионе, который является кладовой природных богатств»⁸⁸. В связи с чем генеральный секретарь Китайской ассоциации по развитию предприятий за рубежом Хэ Чжэньвэй заметил: «Потенциал сотрудничества наших стран в области сельского хозяйства до сих пор не использован в полной мере. В 2018 г. был запу-

щен Крымский мост, а у нас на границе нет ни одного моста. В Благовещенске мост вступил в последний этап строительства, но на это потребовалось 20 лет, так как за это время мы не могли договориться». Его озабоченности разделяет и генеральный управляющий China Chengtong International Investment Ltd. Чжоу Лицунь: «Есть договоренность, что товарооборот между нашими странами достигнет 100 млрд долл., а к 2020 г. — 200 млрд долл. Однако этого пока не произошло. Товарооборот между Россией и Китаем составляет 80 млрд, а с США — 500 млрд». «Мы бы хотели импортировать не только из США. Мы импортируем больше 95 млн т сои, треть из них — американского происхождения, из России — только 500 тыс. т. Мы должны использовать план Китая по расширению импорта для более активного сотрудничества в сельском хозяйстве», — считает Хэ Чжэньвэй. Его дополнил председатель наблюдательного совета ГК «Море Байкал» М. Сурнин: «Две приоритетные темы — сельское хозяйство и туризм. Необходимо решать вопросы развития логистики и транспорта — транспортные коридоры, таможенное регулирование и т. д. Мы создали российско-китайский инвестфонд и вложились более чем в 20 проектов и превзошли первоначальный капитал в 1,1 млрд долл. Посредством инвестиций мы должны стимулировать торговлю. В области инвестиций мы нуждаемся в большей открытости. Мы ожидаем, что российские инвесторы тоже усилят открытость». «Усилив инвестиции, мы сможем усилить торговлю», — отметил вице-председатель, China Investment Corporation Ту Гуаншао. И как заметил постоянный заместитель председателя правления Центра планирования и исследований Шелкового пути Сяолин Ли: «Должны быть очень прочные финансовые инструменты, которые помогут нам справиться с влиянием кризисов». Его дополнил председатель Туристической палаты КНР Ван Пин: «В 2017 г. мы отправили более 1,5 млн китайских туристов в Россию, а в Таиланд — около 10 млн. То есть у нас есть огромный потенциал этой сферы. Мы запустили прямые авиарейсы в Россию из разных городов Китая. К 2018 г. было около 20 таких рейсов, которыми воспользуется до 300 тыс. человек, что означает рост воздушных перевозок между нашими странами на четверть».

Как считает председатель Российско-китайского комитета дружбы Б.Титов, важнейшее значение для развития отношений имеют крупные проекты — энергетические и инфраструктурные. Однако не менее важны также проекты в области малого и среднего бизнеса, поскольку это проекты между людьми. И если эти проекты будут успешными, тогда можно говорить о реальном развитии отношений между Россией и Китаем.

Касательно территорий опережающего развития на Дальнем Востоке и свободного порта во Владивостоке, Титов отметил, что это уникальный эксперимент в России и нигде больше нет такого понятия, как «зона опережающего развития». Таких зон на Дальнем Востоке 14: во Владивостоке,

Хабаровске, Петропавловске-Камчатском и других городах. Там были созданы такие особые условия для инвесторов, как низкие налоги, благоприятный деловой климат. Эксперт считает, что инвесторы проявляют большой интерес к этим зонам, а китайским компаниям следует поторопиться, ведь сейчас там уже много инвесторов из различных стран Тихоокеанского бассейна и Америки⁸⁹.

Значительная роль в обеспечении инвестиционного рывка, преодолении сложившихся в регионе структурных диспропорций отводится развитию широкого спектра форм российско-китайских приграничных внешнеэкономических связей. В их использовании особую актуальность приобретает формирование баланса интересов сторон. Его достижение во многом определяется взаимовыгодностью реализуемых сторонами задач и соответствием механизмов организации и основных форм экономического сотрудничества⁹⁰. При этом внешняя торговля с КНР для приграничных регионов Дальневосточного федерального округа имеет разное значение. Так, если на долю внешнеторгового оборота с Китаем в 2012 г. в Приморском и Хабаровском краях приходилось соответственно 51 и 43 % внешнеторгового оборота этих регионов, то в Амурской области — 90 %. Поэтому осуществление на практике баланса интересов составляет серьезную проблему, требующую скоординированных усилий и являющуюся длительным и сложным процессом.

Как в России, так и в Китае к настоящему времени сформировалась стратегия развития сопредельных территорий. Исходя из имеющихся преимуществ региона, государственной программой «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» предусматривается превращение его в конкурентоспособный регион с диверсифицированной экономикой, в структуре которой преобладают высокотехнологичные производства с высокой добавленной стоимостью. Реализация поставленных задач предусматривает создание условий для опережающих темпов роста экономики и социальной сферы на территории макрорегиона, позволяющих обеспечить развитие государственно-частного партнерства. При этом государством определены и реализуются проекты по развитию транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры, а частным и иностранным инвесторам отводится определяющая роль в освоении природных ресурсов и развертывании обслуживающих производств.

В рамках «Плана возрождения Северо-Восточного Китая» также разрабатываются региональные программы, нацеленные на решение конкретных задач в различных сферах жизнедеятельности региона, в которых важная роль при их реализации отводится взаимодействию с приграничными российскими территориями⁹¹. Так же как в российских программах, в число задач входит развитие приграничной и транспортной инфраструктуры, разви-

тие высокотехнологичных производств с высокой добавленной стоимостью, ориентированных на использование сырьевых ресурсов из России.

В «Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и северо-востока КНР», российской и китайской сторонами предусматривается осуществление целого комплекса детально проработанных согласованных мер по обустройству пунктов пропуска, строительству и реконструкции приграничной инфраструктуры. Их реализация позволит кардинально совершенствовать условия для внешнеэкономических контактов, наращивания внешнеторгового оборота.

Высокий уровень проработанности вопросов развития российско-китайского сотрудничества также нашел свое отражение в решениях по сотрудничеству в сфере транспорта, где закрепляется открытие конкретных направлений российско-китайского международного железнодорожного и авиационного сообщения. В приграничье России и Китая предусматривается создание и развитие ряда зон научно-технического сотрудничества. Программой закреплена заинтересованность сторон в укреплении сотрудничества в сфере трудовой деятельности и туризма, гуманитарной сфере, охране окружающей среды. Такое сочетание предполагает в перспективе как наличие широкой зоны для развития сотрудничества, так и возможность формирования конкурентных отношений. В последнем случае, как показывают сравнения данных по привлечению прямых иностранных инвестиций в приграничье обеих стран, в более выигрышном положении находятся китайские провинции, имеющие значительно более благоприятный инвестиционный климат.

В целом опыт развития приграничных связей показывает их востребованность и способность к развитию. Ограничиваясь бартерными торговыми операциями между предприятиями и компаниями сопредельных территорий на начальной стадии межрегиональных контактов, сотрудничество получило дальнейшее развитие преимущественно в строительстве и сельском хозяйстве.

Достигнут также определенный прогресс в таких сферах, как энергетика, совместное производство бытовой электротехники, комплексное освоение лесных ресурсов. Улучшается инфраструктура транспортных перевозок, более разнообразными становятся формы развития двустороннего технико-экономического сотрудничества. Особо следует отметить, что в большинстве случаев на региональном уровне инициатором процесса экономической интеграции выступает китайская сторона. А ориентация на российские природные ресурсы как источники сырья для развития обрабатывающих производств на территории китайского приграничья делает безусловными ожидания китайских инвестиций в создание высокотехнологичных производств, обеспечивающих формирование конкурентных

преимуществ в переработке сырья, преодоление экономикой Дальнего Востока гипертрофированной примитивно-сырьевой приграничной экспортной ориентации.

Отсутствие интереса к продукции перерабатывающих производств существенно ограничивает также возможности использования потенциала китайских компаний в модернизации и перепрофилировании действующих в приграничье неконкурентоспособных российских предприятий. Исключение может составить развитие производственной кооперации, обеспечивающей вхождение на российский рынок китайской продукции. При этом задачи модернизации и перепрофилирования предприятий-аутсайдеров оказываются практически не представленными в стратегических программах социально-экономического развития, разрабатываемых органами власти приграничных регионов.

В целом, развитие межрегионального и приграничного сотрудничества России и Китая будет способствовать стратегическому раскручиванию широкомасштабных торгово-экономических отношений между этими странами.

Энергетическое сотрудничество России и Китая

Российско-китайское сотрудничество в энергетической сфере в последние годы вышло на качественно новый уровень, о чём можно судить по количеству и масштабу проектов и подписанных двусторонних соглашений в данной области. При этом Китай, который является одним из крупнейших мировых энергопотребителей, заинтересован в обеспечении энергетической безопасности и поддержании высоких темпов роста своей экономики. Для России как для одного из крупнейших поставщиков энергоресурсов сотрудничество с Китаем в данной сфере предоставляет возможность диверсификации направлений экспорта энергоресурсов, а что еще важнее — стимул для инфраструктурного развития дальневосточных и сибирских регионов страны.

Рассматривая нефтегазовую сферу, которую можно назвать основным направлением российско-китайского энергетического сотрудничества, следует отметить совместные проекты трубопроводных поставок углеводородов из РФ в КНР. Результатом сотрудничества в нефтяной сфере стало вступление в строй трубопроводной ветки «Сковородино—Мохэ—Дацин», которая является ответвлением российского нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан». Значительные результаты достигнуты и в газовой сфере. В 2014 г. российский газовый холдинг «Газпром» и Государственная нефтегазовая компания Китая (CNPC) подписали договор купли-продажи природного газа с поставкой по «восточному» маршруту. Контракт действует 30 лет и предусматривает поставки в КНР 38 млрд куб. м газа в год. После 2018 г. возможно увеличение экспорта до 60 млрд куб. м. На реализацию

проекта поставок газа в КНР России потребуются инвестиции в размере 55 млрд долл. (Китаю — 22 млрд долл.), которые будут направлены на обустройство месторождений и строительство газопроводов, в том числе газотранспортных систем «Сила Сибири» и «Алтай».

Военно-техническое сотрудничество

Следует отметить, что военно-техническое сотрудничество с КНР наиболее плодотворно развивалось в период с 1992 г. по 2004 г., когда Россия осуществляла масштабные поставки боевой техники и вооружения в Китай. В их числе более 100 боевых самолетов и вертолетов различных типов, в том числе истребители СУ-27, а также их модификация СУ-30МКК. Кроме того, российская сторона передала Китаю лицензии на производство СУ-27, а российские специалисты приняли участие в проектах китайских истребителей J-10, JF-17, учебного самолета L-15⁹².

Во второй половине 2000-х годов в Китае, пережившем научно-техническую революцию, вызванную бурным освоением японских, американских и российских технологий, было решено, что страна в состоянии самостоятельно справиться с оснащением НОАК современным вооружением и техникой. Однако полностью Китай не отказался от импорта вооружений. В 2009 г. объем поставок вооружений и военной техники в КНР составлял 9 % российского экспорта вооружений, в 2013 г. — 12 %.

«Рособоронэкспорт» заключил с Минобороны Китая контракт на поставку 150 авиадвигателей АЛ-31Ф. Затем был заключен контракт на поставку 123 двигателей АЛ-31ФН, которые используются на истребителе J-10. В настоящее время военное сотрудничество между Китаем и РФ развивается по многим другим направлениям, включая подготовку китайских военных специалистов, обмен военными делегациями, взаимные визиты боевых кораблей, установление механизма консультаций по вопросам стратегической безопасности, ставшего важным каналом координации российско-китайского взаимодействия в этой сфере. При этом российско-китайское военно-техническое сотрудничество в обозримой перспективе будет продолжать играть важную роль в общем комплексе двусторонних отношений. Китай остается ключевым рынком российской продукции военного назначения, и от взаимодействия с Россией зависит ряд важных программ перевооружения НОАК. Перспективы сотрудничества также связаны с переходом от экспорта готовой продукции к тесной промышленной кооперации и реализации совместных проектов. В этом случае Россия сохранит возможности для сдерживания экспансии китайских экспортеров вооружений на важных для нее рынках.

Однако недостаточная защита интеллектуальной собственности остается острой проблемой, с которой сталкиваются все страны, развивающие со-

трудничество с КНР в сфере гражданских и военных высоких технологий. При этом мировой опыт показывает, что эта угроза почти никогда не ведет к отказу от совместных с Китаем проектов, она лишь вынуждает тщательнее планировать взаимодействие. А примеры сотрудничества КНР с развивающимися странами в сфере высоких военных и гражданских технологий (Аргентина, Иран, Пакистан) показывают, что китайская сторона легко идет на передачу партнерам технологий на экономически обоснованных условиях. Можно предположить, что новый импульс сотрудничеству в сфере военных высоких технологий придаст кризис в отношениях России с США и ЕС на фоне сохраняющегося роста напряженности в китайско-американских и китайско-японских отношениях. В этих условиях обе стороны заинтересованы максимально использовать имеющийся потенциал промышленной кооперации, чтобы защитить себя от возможных санкций и других мер экономического давления. Тем не менее, развитию такого сотрудничества препятствует недостаточная информированность сторон о реальном потенциале друг друга. Также надо отметить, что в настоящее время пока не разработан сценарий взаимодействия российских и китайских руководителей при принятии решения о военном взаимодействии в случае угрозы безопасности для обеих стран в рамках ШОС. Как следствие, например, в 2010 г. страны «Шанхайской пятерки» так и не смогли сыграть заметную роль в урегулировании межэтнических столкновений в Киргизии⁹³. Поэтому кооперация с КНР приобретает особую важность в свете обострения отношений России с США и ЕС и Китая с Соединенными Штатами и приграничными странами в Южно-Китайском море.

Научно-техническое сотрудничество

Одним из приоритетных направлений сотрудничества между Россией и Китаем является расширение практического сотрудничества в научно-технической области между научными центрами, академическими институтами и технопарками. Так, в апреле 2014 г. на базе Амурского госуниверситета состоялся российско-китайский студенческий научно-исследовательский лагерь Ассоциации технических университетов России и Китая. Тема лагеря: «Создание малых спутников». В октябре 2014 г. в Шанхае прошел 7-й Международный инновационный форум «Пуцзян», организованный Министерством науки и технологий КНР и мэрией Шанхая. В состав российской делегации вошли представители Дальневосточного, Уральского и Юго-Западного федеральных университетов, технопарка «Сколково», «НТГ Геотех», ЦНИИ робототехники и технической кибернетики, ОАО «РВК», Научного центра «Прометей», группы компаний «Генезис знаний» и других организаций.

По линии Российского фонда фундаментальных исследований ведется активное сотрудничество с Государственным фондом естественных наук

Китая. В 2013 г. из 171 заявки было поддержано 50 совместных проектов по таким научным направлениям, как ядерная физика, нанотехнологии, энергосберегающие технологии, математика, экология, биофизика, биотехнология, фотохимические процессы, материаловедение, лазерные технологии, исследования плазмы и др.

Одним из важных направлений продвижения российских технологий на зарубежные наукоемкие рынки является участие региональных исследовательских структур, промышленных предприятий и компаний в проводимых в Китае выставках и ярмарках высоких технологий. В ноябре 2014 г. в городе Шэньчжэнь на XVI Международной выставке-ярмарке высоких технологий Минобрнауки России организовало объединенную российскую экспозицию. На период 2014—2016 гг. была оказана поддержка 9 проектам на общую сумму 305,5 млн руб., в том числе на 2014 г. — 122,5 млн руб. Совместные проекты выполняются по таким приоритетным направлениям, как энергосберегающие технологии, наносистемы, промышленная химия, рациональное природопользование, информационно-коммуникационные технологии и живые системы⁹⁴. Также активно развивается сотрудничество региональных отделений РАН с научно-техническими организациями Китая. В настоящее время более 30 институтов Российской академии наук осуществляют научное сотрудничество с различными научными организациями Китая в рамках межинститутских прямых договоров.

Развитие сотрудничества в космической области

В последние годы резко активизировались отношения Китая и России в космической отрасли. Эти державы обладают собственными ракетами и космодромами, создают свои спутники и планируют проведение межпланетной экспедиции, но без совместной кооперации решить ряд задач ни Москве, ни Пекину не удастся.

В 2020 г. Китай планирует начать строительство многомодульной станции. У нее должно быть три отсека и два стыковочных узла для космических кораблей или добавления новых модулей. К 2022 г. КНР планирует собрать на орбите полноценную космическую станцию типа «Мира», послать корабли к Луне и Марсу и, таким образом, сравниться с Россией и США в освоении космоса. При этом космическая программа стала для Китая одним из главных приоритетов: ее бюджет и амбициозность не оставляют сомнений в том, что Пекин намерен в течение ближайших 10 лет значительно укрепить свои позиции в космической отрасли.

В настоящий момент в активе Китая 11 отправленных в космос тайконавтов, 2 космические лаборатории, луноход Yutu, гигантский телескоп для поиска внеземной жизни и многое другое. Китайская спутниковая группировка насчитывает 181 аппарат (США — 576 аппаратов, Россия — около

140), включая 21 спутник навигационной системы Beidou, аналога американской GPS и российской ГЛОНАСС.

Секрет успеха — большие финансовые вливания, упорство и российские технологии, благодаря которым китайская космическая программа совершила в 1990-е годы существенный скачок. В 1992 г. Москва и Пекин заключили Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях. Результатом стали 93 контракта, включая продажу Пекину схем строительства корабля «Союз» со всей начинкой и скафандрами, а также помощь в тренировке тайконавтов в Центре подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина.

Сотрудничество России и Китая в космической отрасли базируется на двух документах: межправительственном соглашении от 18 декабря 1992 г. и межведомственном соглашении от 25 марта 1994 г. С начала 2000-х годов стороны стали продвигать идею совместного исследования и использования космического пространства в мирных целях, однако говорить о каком-то прорывном сотрудничестве долгое время не приходилось. Ситуация начала меняться в 2014 г., когда после воссоединения Крыма с Россией США наложили вето на поставки высокотехнологичной продукции: запрет распространился и на электронно-компонентную базу, которая использовалась в спутникостроении. Какие-то запасы у предприятий космической промышленности были, но искать полноценную замену американской продукции в краткосрочной перспективе было попросту необходимо. Подходящую замену нашли в Китае.

В 2018 г. Россия и Китай обсудили возможность создания совместной космической станции. При этом сотрудник Института космических исследований РАН Н. Эйсмонт отмечает, что исследование космоса не может быть чисто национальной задачей. По его словам, китайскую сторону, которая в ближайшие годы планирует приступить к строительству многомодульной космической станции, интересует российский опыт длительных космических полетов и строительства крупных космических объектов. Помимо этого, у Пекина нет ряда важных технологий, и он готов предложить свое партнерство Москве в обмен на них⁹⁵.

По сравнению с Россией США к Китаю не так благосклонны. Их сотрудничество началось на оптимистичной ноте: в 1979 г. между странами было заключено Соглашение о взаимопонимании и сотрудничестве в космической сфере. В 1990-х годах Китай запустил в космос 19 американских коммерческих спутников (6 пусков были неудачными), выведя сотрудничество между двумя странами на новый уровень. Но в процессе сотрудничества выяснилось, что часть американских технологий, «повышающих точность китайских баллистических ракет», оказалась в руках КНР, причем некоторые из них были переданы им компаниями США Hughes и Loral

добровольно. Результатом стало прекращение сотрудничества США и Китая в области космических запусков, а потом и во всех остальных сферах. В 2011 г. в бюджет США была включена строка, запрещающая NASA в любой форме контактировать с Китаем.

Таким образом, КНР в каком-то смысле в силу позиции США находится в некоей изоляции. Уже много лет США делают все, чтобы воспрепятствовать развитию там этого направления науки и техники. Например, из-за американских санкций Китай не может продавать свои запуски, хотя возможности у Китая очень большие, но выйти на рынок пусковых услуг он не может. В создании орбитальных станций Китай оказался также позади остальных участников этого процесса. Тем не менее, какие-то успехи есть: они запустили небольшую орбитальную станцию, которая состояла фактически из двух модулей. Есть планы расширения этой станции, считает российский эксперт Н. Эйсмонт. «Есть и препятствия технического плана к налаживанию сотрудничества. Китайцы для своих орбитальных станций выбрали орбиты несколько иного наклона. Если сейчас запланировать стыковку с китайскими станциями, будут определенные проблемы. Но такого рода проблемы были в свое время и между США и СССР, и это удалось преодолеть», — отмечает он.

Поэтому КНР ищет других партнеров, и следствием этих поисков в значительной мере является то сотрудничество, которое развивает РФ. Так, «Роскосмос» и Национальная космическая администрация Китая договорились значительно расширить сотрудничество в проектах изучения Луны и создания совместных орбитальных группировок. Исполнительный директор «Роскосмоса» по бизнесу и коммерциализации А. Жиганов заявлял, что Россия рассчитывает на сотрудничество с Китаем в создании сверхтяжелой ракеты. Это подтвердил и генеральный секретарь Китайской национальной космической администрации Юйлун Тянь.

В целом, космическая отрасль оказалось в общем тренде развития российско-китайских отношений, которые начали резко улучшаться после введения санкций против России со стороны Европы и США. Китай крайне заинтересован в приобретении российских двигателей РД-180, которые могли бы использоваться в китайском ракетостроении, а Россия — в поставках китайской радиоэлектроники космического назначения. Такой обмен обсуждался и на уровне вице-премьеров Д. Rogozина и Ван Яна, а также на уровне президента В. Путина и председателя КНР Си Цзиньпина — и там и там стороны к подобному взаимодействию проявили значительный интерес. Летом 2016 г. было подписано соглашение между правительствами России и Китая о мерах по охране технологий в области исследования и использования космического пространства: иными словами, китайская сторона не сможет заняться нелегальным копированием российской

продукции. Это было основное условие, которое Москва выдвинула для начала предметных переговоров.

В ближайшие годы «Роскосмосу» предстоит заложить основу для дальнейшего сотрудничества с Китаем: «Усилия, которые предпринимаются сейчас, не должны распасться через год или два, мы исходим из десятилетней перспективы». Ни в «Роскосмосе», ни в правительстве как таковых противников развития широкого сотрудничества с Китаем нет. «Из стран, входящих в БРИКС, Китай оказался самым развитым, с ним и решили работать», — считает топ-менеджер ракетостроительного предприятия. На самом деле логика этого решения проста: при наличии огромного количества противников, при отсутствии единомышленников нужно дружить с КНР. Тем более что в условиях экономического спада, когда финансирование отрасли постоянно подвергается секвестру, реализовывать проекты вроде лунной или марсианской миссий в одиночку России практически невозможно.

При этом успехи китайской космической программы вызывают закономерный вопрос о том, не составит ли она конкуренцию российской. Ведь позиции России в космосе — не только один из неоспоримых поводов для национальной гордости, но и существенный источник дохода: прибыль за доставку астронавтов на МКС и доставку спутников на орбиту при помощи российских ракет-носителей приносит «Роскосмосу» сотни миллиардов рублей. Помимо этого, Россия продает США двигатели РД-180, служащие первой ступенью для американской ракеты Atlas-5. До конца 2019 г. их в США должны поставить 20 экземпляров.

Впрочем, по мнению ведущего научного сотрудника ИДВ РАН В. Кашина, россияне китайцев пока конкурентами особенно не считают. «Представители аэрокосмической индустрии РФ всегда были больше озабочены американским предпринимателем и конструктором И. Маском, который проводит эксперименты по возвращению многоразовой ступени, — считает он. — По поводу вытеснения из сектора коммерческих пусков опасений нет. Издержки производства в Китае уже выше, чем у нас. При этом зарплата в долларовом выражении в китайской ракетной промышленности выше в разы. Особенно это стало очевидно после девальвации рубля».

Член-корреспондент Российской академии космонавтики им. Циолковского А. Ионин полагает, что рынок коммерческой космонавтики китайцам просто неинтересен. «Для Китая это вопрос престижа, — считает эксперт — У них слишком много национальных задач, и коммерческие пуски здесь не главный приоритет. В деньгах Китай не нуждается». К тому же Китай все еще находится под санкциями со стороны США, и это мешает ему выйти на самых прибыльных клиентов из Европы и Северной Америки. «Поэтому рынок для них остается небольшим и состоит, по сути, из их партнеров. Для них они разрабатывают спутники и сами же их запускают», — добавил он.

«Подводные камни» сотрудничества для российской экономики

Следует отметить, что в многочисленных научных и журналистских публикациях и в электронных изданиях неоднократно высказывается обеспокоенность в связи с «мирным китайским нашествием» в Россию. Там приводятся различные факты и примеры того, как китайские трудовые мигранты и предприниматели при фактической поддержке своего государства ведут на территории России деятельность, которая зачастую приводит к разрушительным последствиям — прежде всего для окружающей среды и процессов природопользования.

Если оставить в стороне административно-правовые и социальные аспекты, касающиеся деятельности китайцев в России, ухудшения криминогенной обстановки на заселяемых ими территориях, а выделить сугубо экономическую составляющую нынешнего трансграничного сотрудничества, то можно констатировать, что выгоды от этого сотрудничества в немалой степени являются для РФ иллюзорными — соотношение издержек и выгод складывается для России далеко не самым благоприятным образом. Если внутреннее содержание хозяйственных взаимоотношений с Китаем, которые опираются на межгосударственные соглашения, в будущем не претерпит существенных изменений, тогда вполне вероятными становятся и неблагоприятные политические последствия. В связи с этим целесообразно привести мнение эксперта В. Шмата, высказанное им в одной из недавних публикаций⁹⁶.

По его мнению, в экономической сфере основные риски сотрудничества России с Китаем находятся в ресурсно-сырьевом секторе. Развитие добывающих производств, нацеленных на экспорт продукции, не создает достаточных предпосылок для усиления внутренних интеграционных процессов в РФ и привязывает восточные регионы страны в большей степени к Китаю, нежели к России. Это относится и к нефтегазовому сектору, который в современном формате развития не создает серьезных интегрирующих эффектов. Трассы магистральных трубопроводов прокладываются «с прицелом» на экспорт и, по большей части, обходят обжитые территории стороной, чем делают нефть и газ, добываемые на востоке страны, недоступными для российских потребителей. Для выполнения работ в строительстве привлекаются китайские подрядчики и рабочие. Китайские инвестиции в нефтегазовые проекты РФ, и не только нефтегазовые, привлекаются на условиях предоставления связанных кредитов. Все вышеназванные обстоятельства не позволяют рассматривать развитие нефтегазового сектора на востоке России в качестве «сильнодействующего средства» от хозяйственной дезинтеграции, которое помогло бы устойчивому развитию приграничных регионов РФ.

Кроме того, практически все авторы, затрагивающие тему социально-экономического развития восточных регионов России, сходятся во мнении, что выправить баланс издержек и выгод в сотрудничестве с Китаем и другими странами можно лишь путем увеличения экспорта обработанной продукции, товаров с высоким «содержанием» добавленной стоимости. Действительно, в стоимостной структуре экспорта регионов Дальневосточного округа сырьевые товары занимают порядка 80 %. При этом доля машин, оборудования и транспортных средств в суммарном экспорте дальневосточных регионов составляет всего 2,2 %. А показатели удельного веса машиностроительной продукции в импорте: по Дальневосточному ФО — 51,2 %, 47,4 % — из стран АТЭС; по российскому импорту в целом — 34,4 %, по импорту из стран АТЭС — 61,7 %. В структуре экспорта Хабаровского края, который является крупнейшим производителем продукции обрабатывающей промышленности на Дальнем Востоке, доля машин и оборудования составляла всего 2,4 %, а в импорте — 58,7 %. Эти данные статистики свидетельствуют о том, что восточные регионы РФ, да и вся страна в целом остро нуждаются в улучшении структуры экспорта.

Но возникают вопросы, как это сделать, если развитие обрабатывающего сектора промышленности происходит слишком медленно? Если в последние 3—4 года обрабатывающая промышленность Дальнего Востока набрала темпы роста, превышающие среднероссийский показатель, а для промышленности Сибирского ФО эта скорость оказывается недостижимой — макрорегион устойчиво демонстрирует самый медленный рост среди всех федеральных округов России? Если в структуре обрабатывающей промышленности преобладают отрасли, фактически замыкающие технологическую цепочку ресурсного сектора — обогащение сырья, выплавка металлов, деревообработка, а продукции с действительно высокой добавленной стоимостью производится крайне мало?

При этом некоторые ведущие российские ученые-экономисты, не без влияния которых формируется государственная экономическая политика, полагают, что развивать обрабатывающую промышленность на Дальнем Востоке вообще нет смысла из-за ее слишком высокой трудоемкости и что при дефиците рабочей силы выгоднее сосредоточиться на развитии добывающего сектора и энергетики. Речь идет о якобы слишком высокой трудоемкости обрабатывающей промышленности. Производительность труда в современной российской обрабатывающей промышленности по выпуску продукции в среднем в 3,5 раза ниже, чем в добыче полезных ископаемых, а по валовой добавленной стоимости — в 6,4 раза.

Но показатели добывающего сектора находятся под сильным влиянием нефтегазовой промышленности, а без учета добычи топливно-энергетических полезных ископаемых оказывается, что производительность тру-

да по добавленной стоимости в горнодобывающем секторе сопоставима с обрабатывающим — в среднем на уровне 2 млн руб. в расчете на 1 занятого. В обрабатывающем секторе есть отрасли с более высокой производительностью, например, химическое производство — 2,8 млн руб., при том, что в российской химической промышленности крайне низка доля производств сложной дорогостоящей продукции. Однако если на востоке России, равно как и в других регионах страны, развивать обрабатывающий сектор с применением новых технологий, если сделать акцент на производстве дорогостоящей продукции, то вопрос повышенной трудоемкости отпадет сам собой.

Очевидно, главная проблема такого пути развития — отсутствие собственных технологий для освоения ресурсов полезных ископаемых в сложных горно-геологических условиях, которые преобладают в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, что хорошо видно на примере нефтегазовых ресурсов и в особенности шельфовых месторождений, где у РФ пока нет своих технологий. К ведению интенсивного сельского хозяйства в районах рискованного земледелия Россия тоже технологически не готова. Сказанное отнюдь не означает, что не нужно осваивать ресурсы полезных ископаемых восточных регионов, но это не должно стать каким-то безусловным приоритетом. На востоке России нужно и должно развивать добывающий сектор — как естественную и неотъемлемую часть региональной экономики и сырьевую основу для глубокой переработки, — но нельзя допускать его превращения в проблему, которая, разрастаясь, может погубить весь социально-экономический организм территории. Это относится и к освоению природно-ресурсного потенциала вообще.

При этом на востоке страны для обеспечения роста необходимо создать такие условия трудовой деятельности, которые включают возможности приложения высококвалифицированных специальностей, знаний и навыков, творческой самореализации, а не только высокие денежные доходы и такие условия жизни, чтобы часть населения страны была бы готова устремиться на Восток. Для этого идеологические и мобилизационные методы прошлого должны быть заменены надлежащими экономическими и социальными стимулами.

Также в экономике восточных регионов страны требуется достижение межсекторальной и межотраслевой сбалансированности при ведущей роли обрабатывающих и высокотехнологичных производств. В южных широтах Сибири и Дальнего Востока необходимо взять курс на массивное хозяйственное освоение территорий при объективно разумном сочетании концентрации и децентрализации производственных мощностей — крупных, средних и малых предприятий, оставив в прошлом гигантоманию.

А для интеграции восточных территорий в экономику РФ следует сбалансированно подходить к формированию региональной специализации и товарных потоков, которые главным образом должны быть ориентированы на внутренний рынок, а не на внешнеторговые направления. Необходимо стремиться к достижению естественной конкурентоспособности всех региональных экономик страны на основе внутренней эффективности производства. Применительно к хозяйству восточных регионов это означает нацеленность на выпуск продукции, в ценах которой действительно содержится высокая доля добавленной стоимости. Только подобным способом можно свести к минимуму негативное действие объективного фактора удаленности восточных регионов страны и больших транспортных издержек.

Современная проблема восточных регионов России состоит не в их слабости или бедности, а, наоборот, в богатстве природными ресурсами и обширности территории, что в сочетании с удаленностью от центра и слабыми хозяйственными связями с остальной частью страны делает Дальний Восток и Забайкалье слишком привлекательными для экспансии со стороны сопредельных и не только государств. Одной из главных причин, породивших нынешнюю сложную ситуацию, является унификация подходов к регулированию социально-экономического развития регионов. Правительство РФ ввело на Дальнем Востоке и в Забайкалье специальный налоговый режим, что является чрезвычайной мерой, поскольку на пути унификации взаимоотношений между центром и регионами, по которому двигалась Россия в последние годы, решить проблемы ускоренного развития восточных регионов пока не удается.

Необходим целый комплекс мер, направленных на выравнивание конкурентных условий в экономике российского востока и северо-восточных провинций Китая. Это касается тарифов и цен на продукцию и услуги инфраструктурного характера — электроэнергию, транспортные услуги и прочие условия. Если китайские предприниматели для ведения бизнеса на территории РФ получают госкредиты под 2 %, то и у российских предпринимателей должны быть не худшие условия кредитования.

Возможно, имеет смысл, чтобы функции льготного кредитования взял на себя специальный фонд для финансирования проектов по развитию восточных регионов, который предложил создать премьер-министр Д. А. Медведев. Тем не менее, хотелось бы подчеркнуть, что конкурентоспособность региональных экономик (включая сибирскую и дальневосточную) должна быть естественной, основанной на внутренней эффективности хозяйственного развития, а не искусственно питаемой за счет специальных налоговых, инвестиционных и прочих режимов. Только 5—6 российских регионов располагают реально достаточным хозяйством, которое может развиваться без прямой помощи со стороны федерального центра. И еще от силы десятка

полтора регионов близки к экономической и бюджетно-финансовой самостоятельности. Все же остальные, а это без малого 70 из 88 субъектов РФ, оказываются не в состоянии сформировать собственные бюджеты без трансфертов.

Видимо, России нужна налогово-бюджетная реформа, нацеленная на то, чтобы каждый регион — субъект РФ, а в его границах — каждый субъект местного самоуправления располагал достаточными компетенциями для использования и развития своего хозяйственного и финансового потенциала. Межбюджетные перетоки средств должны быть сведены к минимуму, а заодно было бы полезным сократить само количество дотаций, субсидий и субвенций, коих сейчас насчитывается более двух сотен разновидностей. От такого рода рестрикций заметно убавится работы и у всех государственных финансовых органов, начиная с федерального министерства и заканчивая муниципальными управлениями.

Восточные регионы РФ объективно заинтересованы в построении более рациональной модели федеративных отношений, включая сферу межбюджетных взаимодействий с центром. Но в сегодняшней ситуации Сибири, и в особенности Дальнему Востоку, в не меньшей степени нужна прагматичная политика хозяйственного развития, балансирующая интересы регионов и центра. Однако в рекомендациях экспертов «Стратегии-2020» о такой политике не сказано ни слова, равно как практически ничего не сказано о региональной экономической политике вообще, о промышленной политике и других подобных категориях⁹⁷.

При этом федеральный центр продолжает двигаться по пути административного решения проблем и в определенной степени копирует советский стиль управления экономикой, который основывался на принципе: если есть проблема, нужно создать специальный управленческий орган для ее решения. Так для решения проблем развития восточных территорий создано федеральное Министерство по развитию Дальнего Востока с широко, но весьма неконкретно очерченными функциями, включая координацию деятельности по реализации государственных программ развития, управлению частью федерального имущества, контроль за осуществлением органами государственной власти субъектов своих полномочий.

Очевидно, жесткие административные меры воздействия следовало бы применить к монополизированному российскому бизнесу, причем не только нефтегазовому, и заставить его повернуться лицом к интересам восточных территорий. В силу чрезвычайно высокой монополизации на всех уровнях экономики — федеральном, региональном, локальном — российский бизнес оказывается не слишком восприимчивым к регуляторным «сигналам», а создаваемые государством условия старается обратить к собственной выгоде, не задумываясь о целях, ради которых вводятся те или иные стиму-

лы. И если власти России перевели экономику в режим «ручного управления», значит, нужно использовать этот механизм для решения критически важных задач по социально-экономическому развитию восточных регионов страны.

Пусть на Дальнем Востоке и в Сибири бизнес пользуется стимулами, льготами и преференциями, которые намерено создать государство, но должен быть и жесткий контроль. А в дополнение к этому нужно применить директивное, хотя бы отчасти государственное планирование деятельности корпораций и бизнес-структур (независимо от их размеров и отраслевой принадлежности), для достижения требуемых результатов в развитии хозяйства регионов. За получаемые льготы и преференции бизнес должен заплатить целенаправленной работой на общегосударственные и региональные интересы.

В современных подходах к решению проблем российского востока, выдвигаемых разными сторонами, просматривается одно любопытное совпадение. Федеральные власти действуют в административном ключе, либеральные экономисты продолжают изыскания по части реформирования институтов, но и те, и другие сходятся в оценке значения восточных территорий как инструмента для интеграции России в экономическое пространство АТР. Причем акцент делается на сотрудничестве в энергетической сфере и на привлечении иностранных инвестиций.

В «Стратегии-2020» констатируется, что «приоритетным партнером России в АТР выступает Китай», а далее указывается, что «энергетический экспорт является главной составляющей стратегии «вхождения» России в АТР». Для стимулирования территориального развития необходимо определение формата открытия регионов Дальнего Востока для иностранных инвестиций и размещения производств, в первую очередь из развитых стран. Данный шаг также поможет реализовать стратегию «перетягивания» на территорию России части китайских инвестиций в развитие производственной и социальной инфраструктуры развивающихся стран. Россия может развернуть такую политику КНР (особенно в контексте развития инфраструктуры ресурсного экспорта) на решение задач масштабного развития инфраструктуры на российском Дальнем Востоке.

К прагматизму следует еще добавить разумный протекционизм. Стимулирование притока иностранных инвестиций не должно оборачиваться созданием для зарубежных компаний и предпринимателей условий деятельности, более предпочтительных по сравнению с условиями для российского бизнеса. Если возникает необходимость в каких-то особых преференциях, то они должны быть локализованы в рамках отдельных хозяйственных анклавов, отделенных от общего экономического пространства и внутреннего рынка.

При этом развитие экономического сотрудничества с КНР таит в себе риски по вполне очевидной причине. Участие в РФ капиталов других стран, в отличие от китайского, не сопровождается массовым заселением «осваиваемых» территорий выходцами из стран-инвесторов с образованием национальных диаспор, прежде всего — в восточных регионах. Причем плохо контролируемая российскими властями иммиграция из Китая зачастую идет впереди инвестиций в экономику или даже вместо них.

При этом Россия просто «обречена» — в силу объективных обстоятельств — на тесное экономическое сотрудничество с Китаем в различных сферах. И дело — не только в географическом соседстве. Взаимодействие — обмен ресурсами и капиталом и глубокая интеграция с одной из крупнейших национальных экономик мира таит в себе значительный потенциал разнообразных выгод для России, однако они не придут сами собой. Россия должна реализовать на деле прагматичные подходы к сотрудничеству, позволяющие максимизировать свои выгоды и минимизировать издержки, добиваться наилучшего баланса издержек и выгод для себя. Китайская сторона стремится к этому же и пока что преуспевает гораздо лучше. Выгоды, которые сейчас получает Россия, в значительной степени — поверхностные, а издержки затрагивают фундаментальные основы социально-экономического развития восточных регионов страны.

Направления раскрытия потенциала российско-китайского сотрудничества

В результате анализа «узких мест» российско-китайского сотрудничества представляется возможным определить ряд приоритетных направлений раскрытия потенциала этого сотрудничества. К основным из них относятся следующие.

Первое направление — необходимо минимизировать риски, связанные с иммиграционно-экономической экспансией Китая, а саму экспансию ассимилировать в рамках общего регионального хозяйства, лишь при выполнении трех условий: при относительно высокой и равномерной заселенности восточных регионов гражданами России, — существенно более плотной, чем в настоящее время; при достаточно развитой, диверсифицированной и конкурентной экономике, не находящейся в прямой зависимости от «китайского фактора»; при эффективном иммиграционном, финансовом, техническом, экологическом и ином госконтроле, распространяющемся на все виды и форматы хозяйственной деятельности.

Второе — совместные разработки в области высоких технологий и внедрение их в производство. Китай нуждается в производимом в России оборудовании и продукции обрабатывающей промышленности в области военной, космической, авиационной и судостроительной отраслей. Предлагает-

ся в ходе совместного сотрудничества на основе высоких технологий производить самолеты гражданского и военного назначения, космические летательные аппараты и военное оборудование, газовые турбины и другое крупное оборудование гражданского назначения. Это сотрудничество может быть осуществлено на следующих условиях: Россия выделяет в качестве своей доли технику и технологии, а Китай предлагает денежные средства, рынок для совместного освоения и совместного производства.

Третье — совместное освоение запасов нефти и газа. Речь идет об ускоренном освоении богатейших запасов нефти и газа в России, прокладке трубопроводов для поставки нефти и газа в Китай за счет предоставляемых Китаем капиталов и рабочей силы. При таком варианте в ближайшие 10 лет Китай смог бы получать ежегодно 50 млн т сырой нефти и 10 млрд куб. м природного газа, а Россия — более 10 млрд долл. или товаров на эту сумму.

Четвертое — совместное освоение лесных ресурсов. Россия обладает 1/4 всех мировых запасов древесины, производит ежегодно древесины в 2 раза больше Китая. После принятия программы охраны природных лесонасаждений Китай сократил производство древесины, а потребность в ней растет. Предлагается, чтобы Россия увеличила свое производство и экспорт древесины в Китай с нынешних нескольких миллионов кубометров до нескольких десятков миллионов кубометров в год, увеличив тем самым свои валютные поступления до 10 млрд долл. Для удовлетворения этих потребностей Россия ежегодно будет расходовать только часть естественного прироста леса, что никак не повлияет на экологию. С другой стороны, в Китае только на Северо-Востоке имеется несколько сот тысяч свободных лесорубов.

Пятое — совместное освоение земельных ресурсов. Россия занимает первое в мире место по территории, а по размеру пахотной земли на душу населения превышает Китай в 10 раз. Однако вследствие влияния таких факторов, как нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве, недостатки механизма управления и использования научных достижений в производстве, ощущается нехватка продукции сельского хозяйства, на ее импорт приходится тратить валюту. В Китае же, где отмечается наименьшая в мире площадь на душу населения и огромный избыток рабочей силы, наработана достаточно передовая технология сельскохозяйственного производства. Население России за последние 10 лет сократилось более чем на 6 млн человек, одна только Сибирь испытывает острую потребность в рабочей силы — около 5 млн человек. В этой ситуации выходом из положения могло бы быть использование качественной и многочисленной китайской рабочей силы для участия в освоении обширных районов восточной части России, особенно в форме подряда на обработку земли для выращивания зерновых, овощей, фруктов, а также в животноводстве. Если бы Китай временно экс-

портировал 1 млн человек рабочей силы, то это было бы менее 1 % населения России, но обеспечило бы обработку около 10 % пахотных земель, с которых можно получить продукции на 10 млрд долл. Китай и Россия занимают 1/6 территории земного шара, их население составляет 1/5 населения планеты. Фактически подобное сотрудничество в настоящее время непрерывно расширяется в пограничных районах. Если бы его можно было поднять на государственный уровень, то это стало бы мощным стимулом для ускорения развития экономики обеих стран.

Шестое — совместное развитие районов свободной торговли, торговых зон взаимных рынков и районов совместного освоения. Они обеспечивают большой протяженностью общих границ, многочисленными пунктами пропуска на границе и огромными потенциальными возможностями торговли. В самое ближайшее время необходимо решить ряд вопросов: в приграничных районах, особенно там, где имеются парные пункты пропуска и удобные пути сообщения, организовать зоны свободной торговли, торговые зоны взаимных рынков, районы экономического освоения. Сюда относится и спорная территория — участок площадью в 400 кв. км на островах Б. Уссурийский и Тарабарова, которую можно было бы совместно использовать для создания особой торговой зоны или свободного порта. Таким образом, Китай и Россия могли бы избежать налогообложения или сократить налогообложение при проведении экспортно-импортных операций, чтобы расширить масштабы торгово-экономической деятельности. А чтобы поднять китайско-российскую торгово-экономическую деятельность на новую ступень, необходимо убрать два основных препятствия:

необходимо устранить угрозу китайским гражданам в России. Россия нуждается не в десятках или сотнях тысяч, а в миллионах рабочих рук в интересах развития своей экономики. Предлагается, чтобы российское правительство поставило на повестку дня вопрос о принятии политики, поощряющей приезд китайской рабочей силы в Россию, создавало соответствующее общественное мнение, благосклонное отношение к появлению китайской рабочей силы на российском рынке. При этом обе стороны должны усилить контроль за экспортом Китаем рабочей силы;

и ликвидировать сверхвысокие таможенные тарифы. Многие российские эксперты считают эту причину основным мотивом отказа от вложения капиталов в РФ. В России самые высокие тарифы в мире, поэтому ежегодный объем капиталовложений в нее не превышает 10 % от капиталовложений в Китае. Стремление КНР участвовать в разработках природных богатств России и научно-техническом освоении также упирается в высокие налоги. Предлагается уменьшить ставки налогов и ориентироваться на мировой опыт в этой сфере⁹⁸.

Седьмое — для достижения максимального эффекта инвестиционного сотрудничества необходимо сосредоточиться на решении внутренних проблем российской экономики, которые препятствуют полноценному взаимодействию с китайскими партнёрами. В частности, представляется целесообразным, чтобы Межправительственная российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству оказала содействие разработке и согласованию общих правил и требований к взаимным инвестициям, что позволит снять имеющее место недопонимание между представителями российского и китайского бизнеса. Целесообразно учредить специальный фонд при Внешэкономбанке или другом российском институте развития, располагающем квалифицированными кадрами, в задачу которого входила Национальная ассоциация институциональных инвесторов по финансовым рынкам, на которую возложен контроль за размещением и обращением облигаций на межбанковском рынке Китая⁹⁹. Наряду с этим, необходимо содействовать продвижению российских компаний на рынок капитала Китая. В настоящий момент — это целесообразно для предприятий, имеющих активы на территории КНР или ведущих с ней активную торговлю. Кроме того, выход этих банков на внутренний китайский рынок позволит им существенно снизить стоимость фондирования в юанях для своих клиентов. По мере дальнейшей либерализации валютного регулирования китайский рынок капитала может составить достойную конкуренцию таким традиционным лидерам по осуществлению трансграничных сделок, как Лондон или Нью-Йорк.

Восьмое — возможности использования внешнеэкономических связей во многом закладываются при разработке стратегий социально-экономического развития сопредельных регионов. Расширение спектра взаимодополняемости формирующихся экономик создает условия для развития сотрудничества, поскольку способствует наращиванию преимуществ обеих сторон при интеграции в международное разделение труда. Наличие противоречий в интересах сторон, напротив, приводит к обострению конкуренции и ограничению сфер конструктивного взаимодействия. Соответственно, поле для экономического приграничного сотрудничества может иметь как тенденцию к расширению, так и к ограничению связей сторон. Накопленный за годы приграничных связей опыт позволяет оценить перспективность использования потенциала приграничного сотрудничества при решении задач социально-экономического развития региона, повышения его эффективности за счет продвижения в формировании баланса интересов сторон.

Подводя итоги анализа потенциала российско-китайского сотрудничества, следует отметить, что оно по объему и разнообразию форм является неотъемлемой составной частью совокупного комплекса российско-китайских отношений стратегического партнерства и равноправного взаимодей-

ствия. В последние годы между РФ и КНР заключено более сотни соглашений, которые способствовали активизации и значительному расширению двустороннего сотрудничества. Экономическая составляющая сотрудничества стала ключевой во всём комплексе российско-китайских отношений, которые на современном этапе характеризуются диверсификацией видов экономических связей и их активным взаимодействием.

Однако главным звеном торгово-экономического сотрудничества России и Китая остается торговля, структура которой не отражает конкурентные преимущества экономик обеих стран. Расширению общего поля и определенной гармонизации торгово-экономического взаимодействия двух стран может способствовать устойчивое наращивание инновационно-модернизационного вектора экономического развития России и Китая. А экстенсивное и интенсивное развитие торгово-экономического сотрудничества с Китаем крайне важно как дополнительный источник динамики для российской экономики. Главное на данном этапе — полностью использовать предоставляемые возможности в целях реализации конкурентных преимуществ экономики России.

Двусторонняя торговля между Россией и Китаем также обладает большим нераскрытым потенциалом, об этом свидетельствует резкое увеличение объёма сотрудничества с начала 2017 г., заявил премьер Госсовета КНР Ли Кэцян: «За первые два месяца текущего года оборот существенно увеличился, что свидетельствует о грандиозном потенциале, которым обладают наши торговые отношения, и высокой дополняемости наших экономик»¹⁰⁰.

Относительно масштабное взаимодействие с Китаем сохраняется в атомной энергетике и в меньшей степени в космосе и гражданском авиастроении¹⁰¹. Но по многим направлениям — станкостроение, микроэлектроника, отдельные сегменты транспортного и энергетического машиностроения — КНР опережает Россию, приближаясь к мировому уровню и может рассматриваться как источник современного оборудования и технологий для модернизации соответствующих отраслей российской экономики.

Также Россия и Китай представляют собой огромные растущие рынки для аутсорсинга. Для этого им необходимо повышать качество и уровень двустороннего сотрудничества по таким направлениям, как разработка программного обеспечения и его прикладное использование. Россия надеется, что ее технопарки привлекут китайские инвестиции, но пока это не приносит заметных результатов. При этом российская сторона выбирает для технопарков удаленные регионы с небольшим населением и недостаточно развитой экономикой. Она надеется, что иностранный капитал будет развивать эти регионы, однако для зарубежного бизнеса такой рынок недостаточно привлекателен. Китайские парки новых технологий в основном являются высокотехнологичными производственными зонами, а российская сторона

сооружает научно-исследовательские объекты, которые значительно различаются с точки зрения экономической эффективности и модели продвижения. Китайский опыт показывает, что невозможно вести научно-исследовательскую работу и одновременно запускать производство, сложно сочетать экономическую эффективность и производственные ожидания. По объективным причинам эти два направления не могут быть объединены, так как у них отсутствуют точки пересечения.

Таким образом, в будущем возможны два пути развития двустороннего экономического сотрудничества. Первый — более глубокое развитие существующего потенциала торговой кооперации, второй — открытие новых сфер взаимодействия, включая расширение кооперации в неэнергетических областях, что позволит сделать структуру китайско-российского экономического сотрудничества более рациональной, разнообразной и всесторонней. Представляется целесообразным и изучение возможностей расширения спектра услуг в телекоммуникационной сфере, а также в области электронной передачи данных и электронной коммерции. По мере увеличения торгового оборота на внутреннем рынке двух стран электронная коммерция превращается в новую форму бизнеса. Она обладает огромным потенциалом и в будущем может стать важным видом торговли между КНР и Россией, поэтому надо прилагать максимум усилий для ее развития. Россия, защищая свои интересы, проводит регулирование экономической политики. Однако внешние изменения не становятся окончательными, им не хватает преемственности, а это вызывает серьезные вопросы у китайских компаний, инвестирующих в российскую экономику и ведущих активную торговлю.

3.5. Использование «мягкой силы» России и Китая для реализации их национальных интересов

«Мягкая сила» РФ в дискурсе российских политиков и политологов

Впервые в официальном политическом дискурсе России понятие «мягкая сила» было озвучено в выступлении президента В. Путина на совещании послов и российских дипломатов 9 июля 2012 г. По его мнению, под «мягкой силой» подразумевалось «продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и духовной культуре и интеллектуальной сфере». Путин также отметил, что образ России за рубежом часто оказывается искаженным и не отражает ни реальную ситуацию в стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку, культуру, ни в развитие мирных международных отношений. В связи с этим встает вопрос о необхо-

димости применения отечественной дипломатией новых технологий и методов внешнеполитического влияния. «Традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например, так называемой «мягкой силы», есть над чем подумать», — заявил В.В. Путин на этом совещании¹⁰².

Президент Института национальной стратегии М. Ремизов, комментируя предложение президента РФ применять «мягкую силу» в международной политике, справедливо отмечал, что она является слабым местом в российской международной политике, «потому что образ страны в международном общественном мнении оставляет желать лучшего. Есть какие-то старые ресурсы, связанные с русской культурой, с советским научно-техническим заделом. Но они работают именно в режиме ретро-стиля, в режиме воспоминаний, а не как актуальный ресурс». По его мнению, нарастить «мягкую силу» можно «только инициировав какие-то действительно интересные амбициозные проекты внутри страны и привлечь к ним внимание»¹⁰³.

А из выступлений участников заседания Российского общественного совета по международному сотрудничеству, состоявшегося 31 октября 2012 г. в Общественной палате РФ, становится понятно, что общегосударственной концепции «мягкой силы» до этого времени в России не существовало. Можно было говорить о существовании определенной единой позиции членов Общественной палаты относительно интерпретации данного термина. Ими «мягкая сила» трактовалась, главным образом, как сила, которая занимается овладением умами людей и привлечением их симпатий на свою сторону, симпатий к своей стране, ее культуре, прибегая к таким инструментам, как кинематограф, пропаганда культурных ценностей, произведений искусства, музыки, научных достижений, образовательных программ, то есть «всего, что может создать позитивный и узнаваемый образ страны за рубежом»¹⁰⁴.

В тот период согласно международным рейтингам Россия по многим показателям «мягкой силы» уступала аналогичным показателям других стран. Поэтому в выступлении президента РФ Д. Медведева на совещании руководителей представительств Россотрудничества за рубежом 3 сентября 2012 г. было отмечено, что Россия находится на 10-м месте по индексу мягкой силы, в то время как по индексу «жесткой силы» Россия занимает одно из первых мест в мире. Такая диспропорция, по его мнению, снижает позитивный имидж страны и ее конкурентоспособность. Среди инструментов «мягкой силы», которые бы могли исправить диспропорцию, он назвал применение механизмов вовлечения иностранных граждан в культурные обмены и развитие образовательных услуг России на международных рынках. Компенсировать имиджевые потери России, по мнению Медведева, также должны центры науки и культуры Россотрудничества, количество которых к

2015 г. планировалось приблизить к 100. «Мы должны расширять сеть, но, прежде всего, думать о содержании работы, ее формах, делать центры многофункциональными и полезными, — пояснил Медведев. — Критерием эффективности должны быть конкретные показатели — количество людей, вовлеченных в культурный обмен».

Вместе с тем официальная государственная позиция, направленная на важность применения технологий «мягкой силы» во внешней политике страны, сопровождается критическим отношением к расширенному применению данных технологий. Более того, реальная практика использования в ряде случаев технологий «мягкой силы» расценивалась как деструктивная и противоправная.

В связи с этим примечательным является п. 20 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» — комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии».

Вместе с тем в Концепции отмечалось, что усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека за рубежом¹⁰⁵. Поэтому в обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации отмечается, что в рамках публичной дипломатии с применением новых информационно-коммуникационных технологий Россия будет:

- добиваться ее объективного восприятия в мире;
- развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом;
 - обеспечивать усиление позиций российских СМИ в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую государственную поддержку;
 - активно участвовать в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимать необходимые меры по отражению информационных угроз ее суверенитету и безопасности.

Следует также отметить, что в соответствии с президентским указом «Вопросы Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству»

ву» от 8 мая 2013 г. Россия внесла изменения в области выделения средств на международные донорские проекты. Вместо многосторонних проектов, которые осуществляются, например, в рамках Всемирного банка, правительство России будет уделять больше внимания конкретным двусторонним проектам, чтобы участие России в решении проблем иностранного государства было персонализировано¹⁰⁶.

Дипломатический источник газеты «Коммерсантъ» так объяснил логику этого указа: «В странах Африки никто не догадывается, что речь идет о донорской помощи из России. Мы финансируем программы по всему миру, без разбора, по усмотрению международных организаций, в которые идут наши деньги. Между тем наши геополитические конкуренты львиную долю средств направляют на адресные двусторонние проекты в важных для себя регионах»¹⁰⁷.

Работы в области разработки российской модели и стратегии «мягкой силы» в настоящее время ведется фондом «Русский мир», созданным по указу президента России от 21 июня 2007 г., и Федеральным агентством по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), созданным в сентябре 2008 г.

В одном из своих выступлений министр иностранных дел России С. Лавров заявил: «Русский мир — огромный ресурс укрепления авторитета России в мире, над его сохранением и развитием надо работать активно и целеустремленно, на ежедневной основе. Важно не только распространять русский язык и российскую культуру, но и расширять возможности получения образования на русском языке»¹⁰⁸.

Согласно заявлению руководителя Россотрудничества К. Косачева, «чем в большем числе стран Россия будет иметь свои центры, чем больше стран будет иметь возможность говорить на русском языке, о русской культуре, о русской истории, о русской науке, тем легче будет России занимать подобающие ей позиции в глобальном масштабе». И далее: «Наши центры не призваны противодействовать каким-то тенденциям, будь они в зародыше или уже обозначившиеся. Но если не будет культурного присутствия, если не будет связей на духовном уровне между людьми, то никакие усилия политиков, экономистов, таможенников — кого угодно — по созданию дееспособных интеграционных структур не окажутся востребованными»¹⁰⁹.

Большим успехом России в области использования такого инструмента «мягкой силы», как «спорт высоких достижений», стала организация и проведение в 2014 г. зимних Олимпийских игр в Сочи. По замечанию политолога О. Матвейчева, эти игры стоит рассматривать как «сверхоружие в сфере «мягкой силы», как гигантское событие, которое смотрят миллиарды людей на планете. О нем рассказывают все мировые СМИ. Причем медийный отклик, как это было и в случае с советской Олимпиадой 80-го, растягивает-

ся на десятилетия. «Никакие затраты на проведение игр не могут сравниться с масштабами информационного покрытия получаемого позитивного эффекта. Олимпиада является кульминацией всплеска положительных эмоций в мировом масштабе. Она дает возможность заставить мир полюбить себя, что сделать очень и очень непросто»¹¹⁰.

При этом важно отметить, что недооценка роли инструментов «мягкой силы» в деле выстраивания тесных контактов между государствами на практике может привести к ослаблению партнерских отношений и к усилению влияния деструктивных сил, формирующих из дружественного государства образ врага. Именно такого рода метаморфоза случилась с политической элитой Украины в последние годы: Россия стала представляться в образе враждебного государства. Формированию резко негативного имиджа России способствовала слабая работа российских дипломатических каналов влияния, работа в области межкультурного обмена, в сфере информационного продвижения общих для России и Украины культурно-исторических ценностей, общей исторической памяти¹¹¹.

Слабостью российской «мягкой силы» на Украине воспользовались агенты влияния из США и Европейского союза, которые стали проводить политику усиленного продвижения европейских ценностей и политику присоединения Украины к западным международным организациям. В итоге массированная атака «мягкой силы» на украинское общество со стороны стран Запада обернулась победой «Евромайдана» и государственным переворотом, приведшим в итоге к гражданской войне внутри страны и к попыткам изоляции России со стороны Запада.

Иначе говоря, соревнование в области эффективного применения инструментов «мягкой силы» по отношению к Украине Россия проиграла. К настоящему времени Европейский союз и США имеют безраздельное влияние на властные структуры Украины за исключением самопровозглашенных республик на юго-востоке страны.

С критической позиции в отношении эффективности использования Россией своих ресурсов «мягкой силы» в отношении Украины и других государств выступил министр иностранных дел С.В. Лавров: «Необходима существенная перестройка работы с общественностью не только на украинском, но и на всем постсоветском направлении. Рискованно во всем полагаться на очень важные, но все же статичные факторы вроде исторических корней, сохранения русского языка или русских диаспор — сами по себе они еще ничего не гарантируют. Нужны глубокий и трезвый анализ эффективности действий всех без исключения вовлеченных в эту сферу государственных и негосударственных институтов и формирование на основе этого анализа последовательной и долгосрочной работы в общегосударственном масштабе, а не только усилия одних дипломатических или культурных представительств»¹¹².

В настоящее время репутация государства на международной арене, формируемая в том числе и с помощью инструментов «мягкой силы» (МС), является важным условием для привлечения и приращения идеологических и материальных ресурсов страны. Тем не менее, до сих пор в мировой политологии, включая и российский, и китайский ее сегменты, единой трактовки МС нет. Экспертное сообщество РФ рассматривает «мягкую силу» зачастую как механизм позитивизации международного образа РФ через ресурсы гуманитарного диалога, «народной дипломатии» и СМИ.

А в китайской политологии она предстает как триада следующих элементов: культурный диалог со странами-партнерами; несилевое лидерство, обусловленное экономическими успехами в развивающемся мире и оказание гуманитарной и технологической помощи государствам «третьего мира»; проведение на мировой арене политики сотрудничества со всеми странами. При этом культурный компонент реализуется с помощью потенциала китайских эмигрантов (хуацяо), «народной дипломатии», распространения китайского языка в мире, в том числе и через Институты Конфуция и СМИ¹¹³. Простое гуманитарное сотрудничество Китая (ГС), его «народная дипломатия» (НД), а также усилия по созданию позитивного образа страны за рубежом — это «три кита», на которых обычно и зиждется «мягкая сила».

Это триединство может быть реально возведено в ранг МС только в том случае, если оно будет дополнено четвертым компонентом — мировоззренческой установкой продуцирующего их государства. Установкой, согласной которой это государство будет четко представлять себе, какие именно политические, экономические и иные цели оно намерено достичь несилевыми методами.

По мнению сотрудника ИДВ РАН Е. Сафроновой, «мягкая сила» — это не только гуманитарное сотрудничество и «народная дипломатия», но и имиджмейкерская работа государства. Цель гуманитарного сотрудничества и НД — формирование климата доверия как благоприятной среды для более масштабных политико-стратегических и экономических инициатив, а также улучшение образа страны в мировом восприятии. «Мягкая сила» же — это овладение умами в государстве-контрагенте настолько, чтобы оно не просто одобряло *modus «vivendi»* и *modus operandi»* страны-партнера, но и добровольно приняло бы их как модели для подражания¹¹⁴. Е. Сафронова, учитывая существующие разночтения термина «мягкой силы», позволила там, где это не нарушает смысла повествования, заменять его термином «гуманитарное сотрудничество» для ясного понимания излагаемого. При этом она подразумевает, что гуманитарную деятельность страны по своей значимости можно поставить в один ряд с его внешнеполитической и экономической активностью, направленной на обеспечение государственных интересов за рубежом.

Современная «мягкая сила» России на международной арене

В современном мире на Россию оказывается солидное давление, преимущественно со стороны США и стран Западной Европы. Естественно, вступать в прямую военную конфронтацию с Россией невыгодно никому из них, поэтому в ход идут всевозможные методы мягкого воздействия на нее. В качестве примера такого влияния можно привести введение санкций против РФ США и странами ЕС-акты, направленные на введение персональных ограничений и санкций для ряда граждан России, серия допинг-скандалов и отстранений от соревнований различного уровня российских атлетов и паратлетов на весьма шатких и практически бездоказательных основаниях.

Соответственно, этим действиям необходимо эффективно противодействовать. Также не последним вопросом является экономическое развитие России. Как государство с не самой развитой экономикой РФ необходимо её укреплять, а также искать партнёров для совместных экономически проектов. Это важно для создания положительного облика России на мировой политической арене.

В связи с этим 30 ноября 2016 г. президент РФ В. Путин представил Совету Безопасности страны новую Концепцию внешней политики РФ. Помимо закрепления основных принципов внешней политики Российской Федерации — «открытость, предсказуемость, прагматизм, нацеленность на достижение и отстаивание национальных интересов» — и описания порядка взаимодействия с другими государствами, в документе фигурирует понятие «мягкая сила», которая определяется как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»¹¹⁵.

В соответствии с этим документом «мягкая сила» во внешней политике РФ использует соответствующий инструментальный и реализуется в следующих областях.

Во-первых, она опирается на Россотрудничество — организацию, подведомственную МИД РФ, на которую возложен широкий ряд задач (распространение русского языка и укрепление его позиций в мире, продвижение русской культуры за рубежом, поддержка общемирового развития, сохранение памятников и мемориалов и т. д.). Главным образом деятельность организации направлена на страны СНГ.

Во-вторых, в последнее время в России проводилось много спортивных состязаний и международных форумов по различным тематикам (зимняя Олимпиада в Сочи в 2014 г., Кубок Конфедерации по футболу и Международный студенческий форум в 2017 г.). Организация данных мероприятий и

гостеприимство приятно удивили многих иностранных гостей вопреки негативному настрою различных западных СМИ. Таким образом, постепенно стал складываться образ России как дружелюбной, готовой тепло принять страны, вопреки западной дезинформации.

В-третьих, у Российской Федерации есть могучий потенциал для развёртывания «мягкой силы» с помощью информационных технологий, у которых есть возможность охватить широкую аудиторию, оперативно доставить необходимую информацию. В социальных сетях, как отечественных, так и зарубежных, распространяется актуальная информация о внутренней и внешней политике России с целью формирования её позитивного облика, а также анализируются и «парируются» антироссийские выпады.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что роль «мягкой силы» в современном мире невозможно переоценить, ведь зачастую это едва ли не единственный возможный способ приобретения влияния на международной политической арене. Только использовать её необходимо аккуратно, так как результаты её применения трудно предугадать заранее¹¹⁶. И в нынешней непростой политической ситуации России просто необходимо совершенствовать свою концепцию мягкой силы, защищая жизненно важные интересы страны и не теряя свои позиции в мировой расстановке политических сил.

Стратегия использования России «мягкой силы» во имя реализации ее интересов

По мнению российских экспертов, «мягкая сила» России должна включать в себя следующие параметры:

- сеть различных центров и учебных заведений на постсоветском пространстве по изучению русского языка, русской культуры и русской истории. Задача этой сети — обеспечивать доминирование русской ментально-культурной, духовной составляющей на евразийском направлении;
- формирование политики государства в вопросах научно-образовательного сотрудничества России со странами постсоветского пространства. Цель — через научное взаимодействие, оказание услуг в получении высшего образования сформировать интеллектуальную, элитную пророссийскую прослойку в странах СНГ;
- конструирование схем взаимодействия российских политических элит с различными неправительственными общественными организациями. Здесь предстоит добиваться того, чтобы многочисленные НПО выполняли роль активных проводников российских национальных интересов в государстве СНГ по технологиям «прямого» и «непрямого» действия;
- использование современных информационно-сетевых технологий в сочетании с взаимодействием различных прогосударственных организаций,

«мозговых» информационно-аналитических центров, неправительственных общественных организаций, структур масс-медиа (интернет-сообщества, твиттер, информационные сообщества, телевидение, радио, печатные издания) — все это вместе взятое должно быть выстроено в определенную систему и представлять из себя арсенал вооружений, которые необходимо использовать в борьбе с врагами и конкурентами России;

- применение внутривнутриполитических сетевых возможностей, в том числе через горизонтальные структуры, а также церковные общины, для ослабления влияния российского либерального политического кластера, ориентированного на западные, англосаксонские ценности. В связи с этим следует отметить эффективность деятельности Центра исследования политической культуры России;

- увеличение патриотического движения в стране. Взаимодействие с Русской Православной Церковью также позволит не только укрепить позиции в стране, но и русский мир в целом, а РФ сделает безусловным лидером постсоветского пространства, что создаст предпосылки для восстановления ее в качестве великой державы. В перспективе она может стать мировым лидером по всем направлениям: политико-идеологическому, культурному, научному, экономическому, военному и т. д.

Данная сверхзадача определяет стратегию национальной безопасности РФ в глобальном информационном мире в период продолжающейся информационной войны Запада против России. В этот период функцию противодействия данному процессу сетевого сопротивления «мягкой силе» Запада и восстановления целостности цивилизационного пространства страны могут осуществлять патриотические силы России. Именно общественные силы имеют потенциал сетевого «горизонтального» распространения образно-смысловых доминант, соответствующих тем установкам и потребностям, которые мотивируют к активной и полноценной жизни социализировавшихся в поле русской культуры личностей¹¹⁷. При этом важнейшими элементами мягкой силы России являются культурный обмен и двустороннее взаимодействие. Сильной составляющей этих элементов является наработка контактов для бизнеса и информирование российского бизнеса о предложениях, что особо важно для экспортеров. Такие организации, как Россотрудничество, фонд «Русский мир», подразделения российских университетов и Российской академии наук, вносят значимый вклад не только в образование и науку, но и в формирование благоприятного бизнес-климата. В связи с чем министр иностранных дел РФ С. Лавров акцентировал внимание на следующей проблеме применения российской «мягкой силы»:

Россия традиционно помогает другим государствам, однако эта помощь фактически обезличена и не воспринимается общественностью как помощь

именно России, а, скорее, как помощь международных финансовых институтов;

решением этой проблемы будет являться эффективное использование потенциала Росструдничества с тем, чтобы бизнес более активно получал политическую поддержку со стороны государства, дипломатическое сопровождение своих проектов, а государство — добивалось более эффективного укрепления наших позиций на международной арене. Поэтому дипломатическое сопровождение бизнеса требует подготовки высококвалифицированных российских специалистов данного профиля;

российские культурные и образовательные проекты остаются одним из эффективных инструментов российского влияния на страны СНГ.

Ведущий сотрудник ИМЭМО РАН Э. Соловьев, отмечает, что сегодня благоприятное позиционирование России на постсоветском пространстве как никогда требует комплекса мер «мягкой силы». К этим мерам он относит: создание более широких и открытых общественных и экономических связей, привлечение финансовых ресурсов российских бизнес-структур к различным образовательным и культурным проектам. При всей ограниченности ресурсов Россия на постсоветском пространстве является важным фактором обеспечения безопасности и экономическим локомотивом развития. Россия необходима странам СНГ как рынок приложения избыточных трудовых ресурсов, как важнейший транзитный путь для надежного и стабильного выхода на рынки третьих стран, а также в качестве источника инвестиций.

А для союзников по ОДКБ Россия выступает гарантом безопасности, поставщиком современных вооружений и военно-технического сотрудничества на льготных условиях.

В свою очередь, страны СНГ способны обеспечить России ресурсную базу (природные ресурсы, рабочая сила, транзитные возможности), необходимую для успешной модернизации и ускоренного развития страны. Однако на постсоветском пространстве есть ряд факторов, усложняющих развитие России на пространстве СНГ:

трудности российской модели развития в ходе нынешнего финансово-экономического кризиса и международных санкций сильно ударили по имиджу России;

этот кризис значительно снизил как прямые российские внешнеполитические возможности (проекции влияния, обусловленного экономической мощью), так и косвенные (формирующиеся за счет авторитета политики и эффективности избранной модели развития);

в постсоветских государствах уже выросло поколение людей, для которых Россия представляет собой нечто внешнее в социокультурном и языковом отношении.

Поэтому в данных условиях для усиления реального влияния России на постсоветском пространстве использовать влияние «мягкой силы» представляется лучшим вариантом. Также решению возникающих проблем будет способствовать грамотное государственное регулирование. А в связи с болезненностью восприятия государственной инвестиционной активности России за рубежом целесообразно создание влиятельных институциональных структур, включающих не только государственных чиновников и бюрократов, но и частных предпринимателей всех заинтересованных стран региона, таких, как круглый стол промышленников и предпринимателей, или Делового совета.

Особое внимание целесообразно уделить адекватному представительству бизнес-сообществ разных стран региона. Их необходимо привлекать к деятельности различных объединений предпринимателей, в том числе в сфере малого бизнеса, которая должна стать удобной площадкой, где инвесторы могли бы получить необходимое информационное обеспечение и взаимодействовать с экспертами. Исходя из этого, можно сделать вывод, что состояние бизнес-климата России на постсоветском пространстве зависит, прежде всего, от экономической и культурной политики РФ, использования инноваций, финансовой поддержки НИОКР, взаимодействия с зарубежными партнерами, а также от политики в сфере образования. В разработке международной рыночной стратегии следует учитывать тесную связь между экономической и культурной средой, между бизнесом и образованием.

Благоприятными для экономического климата являются курсы повышения квалификации для бизнесменов и руководителей, научные конференции в ведущих университетах, мастер-классы для российских специалистов, программы по международному академическому обмену, гранты для обеспечения сотрудничества отечественных и зарубежных исследователей. Ответом на подобные шаги образовательных учреждений может быть финансирование предприятиями данных проектов, а также предоставление рабочих мест выпускникам вузов.

Важнейшим вкладом в будущее является применение инновационных технологий. Так, для быстрого и бесплатного обмена информацией при обучении и бизнес-сотрудничестве могут быть использованы социальные сети, «облачные» серверы и другие возможности Интернета. Институт исследований развивающихся рынков Московской школы управления в Сколково также советует переключить внимание с крупных государственных компаний на поддержку и развитие частного предпринимательства. Это, по мнению аналитиков, докажет, что «мягкая сила» России может развиваться даже вопреки методам «жесткой силы», зачастую используемой для решения внешнеполитических задач.

Для достижения своих целей России нужно будет продолжить модернизировать и выводить на глобальную арену вузы, что поспособствует формированию связей в молодежной среде и распространению культурных идей. А применение мягкой силы негосударственными организациями поможет преодолеть экономические трудности, возникшие в связи с украинским и сирийским кризисами.

Миротворческая деятельность РФ как инструмент реализации «мягкой силы»

Анализ тенденций развития ВПО в мире показывает, что, *во-первых*, мироустройство середины XX в., определённое Ялтинской и Потсдамской конференциями, в современных условиях подвергается глубокой трансформации — происходит передел сфер влияния между современными национальными и региональными «центрами силы», претендующими на лидерство в мире. В отличие от военных катаклизмов, характерных первой половине XX века, процессы перераспределения сфер влияния сейчас происходят в основном мирным путём, за счёт финансово-экономической, политической и миротворческой экспансии. Там, где мирными средствами достичь политических целей передела политической карты мира не удаётся, применяется военная интервенция под прикрытием международного мандата в форме миротворческих акций. При этом миротворчество становится специфичным способом обеспечения военного присутствия ВС государства во многих регионах мира. Именно под его флагом, а после 11 сентября 2000 г. под лозунгом борьбы с международным терроризмом США создают новые военные базы на Балканах, расширяют военное присутствие в Закавказье, в Африке и в других регионах мира¹¹⁸.

Во-вторых, миротворческая деятельность многих стран мира в рамках ООН выходит на новые рубежи. Так, в 2007 г. под эгидой Организации действовало 22 миротворческие миссии, из них 10 — в Африке, 4 — на Ближнем Востоке, по 4 — в Азии и Европе, 4 — на Ближнем и Среднем Востоке, а также «миссия по стабилизации» на Гаити. Еще 33 операции проводились под эгидой региональных организаций и альянсов¹¹⁹. В этих операциях в общей сложности было задействовано более 110 тыс. военнослужащих. А начиная с 1948 г. 118 стран добровольно предоставили в распоряжение ООН более 750 тыс. военнослужащих и гражданского полицейского персонала. И если учесть, что еще 10 лет назад численность миротворческих контингентов составляла всего 20 тыс. человек, то рост государственной заинтересованности в миротворческих миссиях — налицо.

Первые две строчки в списке стран-миротворцев занимают Бангладеш и Пакистан, на которые вместе приходится четверть всех военнослужащих в

составе миротворческих сил ООН. Ведущими странами-поставщиками контингента для «голубых касок» также являются Индия, Иордания, Непал, Эфиопия, Гана, Нигерия, Уругвай и Южная Африка. Эти страны вместе с Бангладеш и Пакистаном обеспечивают 67 % персонала миротворческих сил ООН. Активность стран — поставщиков миротворцев объясняется достаточно просто — денежным содержанием воинских контингентов в зонах миротворческих миссий, проводимых по мандату ООН, и демонстрацией национального флага за рубежом. Для ряда этих стран денежное содержание военнослужащих в миссиях ООН на порядок выше, чем их денежное довольствие в национальных ВС. К примеру — автор этих материалов, будучи военным наблюдателем в миссии ООН в бывшей Югославии в секторе Сараево, в день получал денежное довольствие, равное его месячному окладу в Минобороны РФ.

В настоящее время Россия занимает лишь 45-е место в рейтинге миротворчества, а Китай — 12-е. При этом до недавнего времени Пекин воздерживался от какой-либо вовлеченности в миротворчество, а на сегодняшний день он направил для участия в операциях ООН, в основном в африканские страны, богатые энергоресурсами, почти 2 тыс. военнослужащих и впервые продвинул своего кандидата на пост командующего силами в одной из миссий ООН¹²⁰.

В-третьих, западные государства крайне неохотно посылают своих военных на территории, где у них нет явных интересов. В текущих операциях ООН на долю ВС Евросоюза приходится менее 5,8 %, на США — 0,5 %, в то же время Организация испытывает хроническую нехватку миротворцев. Поэтому ООН предпочитает переложить миротворческие задачи на региональные блоки государств. Очевидно, что практика решения региональных конфликтов силами региональных миротворцев, где США играют одну из «первых скрипок в оркестре» стран-миротворцев (НАТО, ЕС, ОБСЕ, Африканский союз и т. д.), продолжится.

В-четвертых, чтобы играть «первую скрипку» в миротворческой деятельности, совсем не обязательно находиться в списке стран-лидеров. Достаточно проанализировать, как относительно «небольшие» страны с гораздо меньшими амбициями активно проводят свою политику, и шаг за шагом реализуют свои интересы в «горячих точках», например, Дания и Южная Корея в Ираке или Норвегия в Шри-Ланке. Или другой пример — за последние 5 лет африканские государства для реорганизации своих ВС и «зачистывания их под миротворчество» закупили оружия и вооружений на сумму 5 млрд 104 млн долл. И хотя эти данные не получали своего официального подтверждения, в них упоминается, что первое место в объеме продаж заняла Россия, поставив оружия на сумму 1 млрд 985 млн долл., затем Беларусь, продав вооружений на 1 млрд 28 млн. Третье место заняла Украина —

672 млн долл. За Украиной с отрывом следуют США и Франция (соответственно 175 млн и 172 млн), далее — Китай, Германия, Великобритания, Италия с суммами контрактов до 100 млн долл.

В-пятых, важным фактором для России, как для государства-миротворца, является прогноз результатов настоящих и будущих кризисных ситуаций в мире и четкое представление, где следует уклоняться от участия в миротворческих акциях, а где обязательно стоит «поучаствовать». Так как под вывеской «прекращения конфликтов и строительства мира» решается большое количество стратегически важных национальных задач, которые обычно не афишируются. Зачастую в результате «силового» умиротворения, миротворческих акций и гуманитарной помощи в конфликтных регионах/странах к власти приходят режимы, которые становятся «в кильватер» политической ориентации основного государства-миротворца. Яркий тому пример — нынешняя власть в балканских странах, в Ираке, Афганистане, ориентирующаяся на США.

В-шестых, неравенство в военно-политических возможностях и средствах воздействия на обстановку в районе кризиса, в ресурсном обеспечении, финансово-экономических возможностях партнеров по миротворческим операциям приводит к фактическому подчинению общей политики региональных организаций и миротворческих коалиций целям и задачам политики «старшего партнера». Когда в момент прекращения конфликта с использованием механизмов миротворчества рушится «старая» государственная машина и начинают налаживаться новые схемы взаимоотношений, у государства-миротворца, участвовавшего в операции, появляется шанс упрочить свои позиции «в новой системе координат». Оперативность и гибкость страны, участвующей в миротворческом процессе, позволяют в этот момент занять новые позиции в стране в связи с изменяющейся политической и экономической ситуациями.

Так, в постконфликтном урегулировании вслед за военными в стране начинают «разворачиваться» гуманитарные организации, экономисты, промышленники, приходит частный бизнес страны-миротворца и т. п. Десятки национальных гуманитарных организаций, тянувшихся за международными миссиями, проникают во все поры местного общества, делая его зависимым от стран-миротворцев.

В современных условиях в основном это организации, базирующиеся на прочной евро-американской политико-экономической системе, которые обеспечивают местному населению куда больший заработок и лучшее отношение, нежели местная власть. В последующем частный бизнес страны-миротворца, как правило, выигрывает тендеры на послевоенное восстановление экономики зоны конфликта и разработку полезных ископаемых. Так было на Балканах, в Ираке, на Африканском континенте, где

американские компании безоговорочно одерживали победу над конкурентами.

В-седьмых, поддержание мира представляет собой эффективную с точки зрения затрат государственную деятельность. В свое время генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отмечал, что 30 млрд долл., израсходованные на миротворческие операции за всю историю Организации, представляют собой лишь 1/30 часть мировых военных расходов в 2007 г. «Мизерные» расходы США на миротворческую деятельность по сравнению с бюджетом на оборонные нужды страны приносят Вашингтону большие политические и экономические дивиденды. Военные санкции Соединенных Штатов в конфликтных регионах мира, где присутствуют американские национальные интересы, часто прикрываются мандатом ООН. Поэтому миротворческая деятельность под вывеской ООН зачастую является более выигрышной для Соединенных Штатов, чем оказание помощи в формате двусторонних взаимоотношений.

По сравнению с Соединенными Штатами РФ обладает гораздо меньшим опытом миротворчества. Российские воинские контингенты участвовали в миротворческих операциях на Балканах (в составе миссии ООН UNPROFOR и операций НАТО IFOR, SFOR и KFOR), часть подразделений находится в миссиях ООН в Африке. На постсоветском пространстве ВС РФ локализовывали конфликты в Таджикистане, Приднестровье и в зонах конфликтов Грузии с Южной Осетией и Абхазией.

Характерными чертами и одновременно проблемами миротворческих операций на постсоветском пространстве являлось:

отсутствие мандата ООН для проведения операций, они проводились по мандату СНГ (в Таджикистане и Абхазии);

ограниченное участие стран СНГ в миротворческих операциях, или делегирование своих полномочий России (в Абхазии); проведение операций без мандата СНГ (в Южной Осетии и Приднестровье) с нетипичным привлечением «лояльных» контингентов конфликтующих сторон к стабилизации обстановки; нечёткое выполнение требований «равноудалённости» и негласная поддержка миротворческими силами одной из сторон конфликта;

разрыв между военной и политической составляющими операций, вынужденное взятие военными на себя некоторых политико-дипломатических и экономических задач постконфликтного урегулирования; отставание процессов политического урегулирования конфликта от военных аспектов операций;

отсутствие информационно-аналитических и психологических подразделений в миротворческих структурах; слабое информирование общественности о текущем состоянии операций и её перспективах.

С другой стороны следует отметить, что на основе практики проводимых операций одновременно происходило и развитие правовой базы российского миротворчества, переход к всё большему учёту стандартов и требований ООН. Именно миротворческая деятельность России сдержала развитие большинства военных конфликтов на постсоветском пространстве. Однако есть и неурегулированные конфликты, не охваченные миротворчеством.

Один среди них — «застарелый» конфликт между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха. В настоящее время конфликт «заморожен», но военные действия могут возобновиться в любой момент. Для его урегулирования используется не механизм миротворчества, а дипломатические усилия миссии ОБСЕ в Нагорном Карабахе (Минская группа ОБСЕ). К сожалению, политический процесс идет очень медленно, по отдельным аспектам урегулирования часто складывается тупиковая ситуация.

Нынешняя ситуация на Украине, где продолжается ведение боевых действий Киева против «мятежных властей» ДНР и ПНР, по решению Минской группы также предусматривает проведение миротворческой операции. Это связано с тем, что украинские вооруженные силы понесли крупные потери в результате сопротивления ополчения на юго-востоке страны, поэтому планы украинских властей по подавлению ополченцев Новороссии потерпели крах. Тем не менее, вышедшее за рамки существующей реальности украинское командование призывает население готовиться к «отечественной войне» и многотысячным жертвам. Поэтому на Украине возможны два сценария развития событий. Первый — продолжение «тотальной войны» с колоссальными жертвами — среди и комбатантов, и мирного населения Украины. И второй вариант — привлечение миротворческого контингента для проведения операции на территории страны. Это пока является единственным выходом из сложившегося положения, который позволит сохранить Украину в качестве государства. Но, несмотря на предпринимаемые Москвою усилия в Совбезе ООН, ожидаемая миротворческая деятельность на территории Украины так и остается в рамках деклараций, с учетом блокирования российских миротворческих инициатив Киевом и рядом западных государств¹²¹.

В другой «горячей точке» планеты — на Ближнем Востоке в результате действий сирийской армии при поддержке ВКС РФ был полностью восстановлен контроль над сирийско-иорданской границей. И были созданы условия для возобновления деятельности миротворческих сил ООН, развернутых в районе разделения между Сирией и Израилем на Голанских высотах в соответствии с резолюцией СБ ООН 1974 г. № 350. При этом работа международных наблюдателей в данном районе была приостановлена в 2012 г. по соображениям безопасности. В августе 2018 г. миротворцы ООН в сопровождении российской военной полиции начали совершать регулярное

патрулирование в районе сирийско-иорданской границы. А в целях исключения возможных провокаций напротив постов ООН вдоль линии «Браво» спланировано выставление 8 наблюдательных постов военной полиции ВС РФ. И по мере стабилизации обстановки эти посты будут переданы военнослужащим сирийских правительственных войск. На освобожденных от бандформирований территориях ведется разминирование российскими саперами, восстанавливаются социально значимые объекты, возобновлены электроснабжение и подача воды. Подразделения российской военной полиции также оказывают содействие местным органам власти в обеспечении безопасности и правопорядка. Для поддержания стабильности и предотвращения возможных провокаций ими осуществляется патрулирование и выставляются наблюдательные посты¹²².

Поэтому при реализации миротворческой деятельности РФ как инструмента реализации ее «мягкой силы» в горячих точках планеты необходимо учитывать следующие критерии:

- наличие в регионе реальной угрозы миру и безопасности;
- степень, в которой данный конфликт затрагивает интересы России, и отвечает ли участие в операции интересам организаций и союзов, членом которых является РФ;
- целесообразность применения миротворческих сил как наиболее подходящего средства разрешения кризиса; перспективы урегулирования конфликта и увязка учреждаемой операции с политико-экономическим процессом урегулирования;
- согласие легитимного правительства на учреждение операции;
- точный и ясный Мандат на проведение операции (весьма желателен Мандат ООН);
- наличие сил и средств, финансовых возможностей для проведения операции;
- степень риска для миротворческого контингента;
- адекватное представительство России в командовании миротворческих сил в соответствии с ролью и численностью её воинского контингента в учреждаемой операции.

Естественно, должны учитываться и тенденции в развитии миротворчества и те уроки, которые позволяет извлекать анализ операций, проводимых ведущими странами мира в сфере миротворчества.

Возможные совместные шаги России и Китая в области укрепления гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС

В разделе 3.5. этих материалов было проанализировано глобальное и региональное измерение «мягкой силы» Китая. При этом важно отметить, что на глобальном уровне Россия и Китай являются стратегическими парт-

нерами. В ООН и во многих других международных организациях КНР и РФ занимают сходные или совпадающие позиции по целому ряду мировых проблем.

Тем не менее, развитие ситуации на международной арене и деструктивные действия Запада, создающие препоны для РФ и КНР в их внешнеполитических инициативах, обостряют вопрос о совершенствовании стратегического партнерства двух стран. Надо учитывать вероятность того, что при неблагоприятном развитии событий Москва и Пекин в одиночку не смогут успешно решать возникающие проблемы.

Для поддержки совпадающих интересов Китая и России в ЦА целесообразны совместные усилия по возведению своего рода гуманитарного кордона западным акциям и по превращению ШОС в важный элемент региональной безопасности, в частности, путем укрепления «внутришосовского» гуманитарного взаимодействия.

Страны Центральной Азии, Китай и Россия являются носителями богатых традиций и обычаев, удивительной истории, и поэтому можно сказать, что их сотрудничество открывает пути для межцивилизационного диалога. Поэтому следует отметить крайнюю желательность китайско-российских инициатив по развитию гуманитарного потенциала ШОС в следующих областях.

Совершенствование информационной политики в рамках ШОС. Еще в 2008 г. грузино-осетинский конфликт выявил проблемы в информационном обеспечении и освещении событий. На саммите в Душанбе бывший в то время Президентом РФ Д.А. Медведев был вынужден разъяснять лидерам государств-членов и наблюдателей ШОС суть происходивших событий на Кавказе. Это свидетельствует о том, что, во-первых, даже не все лидеры государств имели полное представление о юго-осетинском кризисе, а, во-вторых, что информационная политика в ШОС оставляет желать лучшего. В рамках Организации до сих не создано единой информационной сети, и в ее центральноазиатском сегменте продолжается «ретрансляция» западных трактовок положения дел. Можно вспомнить, как предвзято освещались и освещаются в США и странах ЕС события на Украине, в Андижане и на Тибете, ситуация вокруг иранской ядерной программы, а также положение в Афганистане¹²³.

В плане выправления ситуации в медийной сфере, очевидно, что первоочередной задачей российско-китайского гуманитарного взаимодействия должно стать формирование единого «информационного поля» ШОС: на телевидении, в прессе, на радио. В связи с этим целесообразным видится создание радио- и телевизионного канала «Новости Евразии» (Eurasia News) либо обеспечение широкой доступности телеканала «Мир» для населения не только стран-участниц ШОС, но и наблюдателей и партнеров по

диалогу. Важным представляется и основание печатного органа ШОС, например, доступной общественно-деловой ежедневной газеты, выходящей на языках стран Организации. Эти и другие меры в исполнении российско-китайского «дуэта» могли бы повысить взаимопонимание между народами и снизить возможность искажения политики РФ и КНР и деятельности ШОС в целом.

Сотрудничество в области здравоохранения. Со дня своего основания ШОС декларирует необходимость сотрудничества в области здравоохранения. Но поскольку эта сфера во многом — конкурентная отрасль, то кооперация стран Организации в этом направлении носила (и носит до сих пор) дискретный характер. Правда, на саммите глав государств ШОС в Шанхае в 2006 г. Секретариату было поручено разработать план взаимодействия ведомств, отвечающих за вопросы здравоохранения, а также сформировать целевую экспертную группу, действующую на постоянной основе, что пока не принесло ощутимых результатов. При этом необходимость наращивания сотрудничества в здравоохранной сфере диктуется реальным положением дел. Во многих странах ЦА состояние лечебной базы больниц из-за нехватки средств является неудовлетворительным, наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров, информированность среди профессионалов-медиков невысока, а осведомленность высокоуязвимых к заболеваниям групп населения вообще оставляет желать много лучшего¹²⁴. Следует отметить, что к настоящему времени страны ЦА с помощью международных здравоохранных организаций достигли определенных успехов в борьбе с некоторыми заболеваниями, в частности туберкулезом. Тем не менее, вопрос о качестве медицинской помощи продолжает оставаться крайне острым, и он напрямую связан с проблемой предотвращения заболеваемости на всем пространстве ШОС.

Еще одним фактором эпидемического риска является сама глобализация мировой экономической жизни, сопряженная с ростом миграции рабочей силы, индустриализацией и интернационализацией торговли продовольствием. При массовом производстве и переработке продуктов питания, при экспорте замороженных продуктов и полуфабрикатов повышается вероятность обширных трансграничных эпидемий. Поэтому особо остро для ШОС встает вопрос о качественности санитарного контроля на границах, состоянии экспортно-импортных продуктов питания, о здоровье скота, содержащегося в приграничных районах и служащего сырьем для мясомолочной промышленности. Думается, внимание этому вопросу должен в первую очередь уделить Китай, который является не только крупным экспортером продовольствия, но и третьим по объему мировым донором продуктов питания.

Огромный ущерб здоровью населения стран ШОС наносит наркоторговля. Распространение ВИЧ/СПИД ускоряется ростом внутривенного по-

ребления наркотиков в ЦА. На долю потребителей инъекционных наркотиков приходится 70—90 % новых случаев СПИД/ВИЧ в регионе, при этом инфицируется в основном молодежь. Комбинированная инфекция ТБ/СПИД снижает выживаемость и увеличивает затраты на медицинскую помощь. В Россию из ИРА ежегодно переправляется около 100 т чистого героина, а число жертв наркомании превышает ежегодные потери СССР времен афганской военной кампании. Несмотря на строгость законов, потребление наркотиков растет и в Китае. В стране удается изымать только 18 % ввозящихся наркотических средств¹²⁵.

В перспективе смягчению проблем здравоохранения в ЦА могло бы способствовать учреждение Шанхайской организации здравоохранения (ШОЗ), имеющей задачей создание единой сети медицинской помощи и страхования и предоставление качественного медицинского обслуживания гражданам государств-членов ШОЗ в любой стране-участнице Организации. В системе ШОЗ, основные усилия по созданию которой, видимо, придется предпринять России и Китаю, можно было бы проводить обучение и стажировку специалистов из стран-участниц и наблюдателей ШОЗ, обмениваться опытом и идеями. Создание ШОЗ — это задача средне- и даже долгосрочного характера, поскольку для ее выполнения понадобится не только отладка практического взаимодействия и договорное обеспечение новой структуры, но и весьма значительные инвестиции.

Пока же Шанхайский форум, ввиду скромности его бюджета, мог бы ограничиться созданием условий для обучения лаборантов по исследованию биологического материала с целью эффективного выявления случаев особо опасных инфекций, в том числе туберкулеза, полиомиелита, чумы, малярии; а также для подготовки врачей и фельдшеров-фтизиатров; консультирования медицинских учреждений, курирующих зараженных людей, проведения действенного эпидемиологического мониторинга, повышения ответственности санитарного контроля в пунктах пересечения границ. Профилактика, выявление и лечение болезней эпидемического характера — весьма актуальная и важная задача для многих стран ШОЗ, учитывая то, что Азия периодически подвергается вспышкам массовых заболеваний. Страны ШОЗ по совместной инициативе Москвы и Пекина могли бы в перспективе создать единый исследовательский центр по разработке вакцин, новых лекарственных средств, а также диагностических и антинаркотических тест-систем. Видится целесообразным и привлечение стран ШОЗ к практике здравоохраненных учений, опыт которых на региональном уровне имеет АТЭС и МЧС России — на страновом.

Сотрудничество в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Известно, что регион ЦА периодически подвергается оползням, землетрясениям, засухе, заморозкам и прочим природным катаклизмам.

Особенно страдают от их последствий менее экономически успешные страны региона, а также ряд провинций КНР. В 2005 г. между правительствами государств ШОС было подписано Соглашение о взаимодействии при ликвидации чрезвычайных ситуаций (ЧС). Однако стороны так и не рассмотрели вопрос о создании постоянно действующего специализированного центра. В его отсутствие странам ЦАР приходится каждый раз просить помощь у соседей, что не только не решает проблему, но и затрудняет процесс развития национальных служб ЧС: их специалисты не имеют должной подготовки и тренинга и не могут адекватно отвечать на вызовы природы или техногенных катастроф.

Учитывая большой опыт МЧС РФ, Москва могла бы стать инициатором и совместным с Пекином спонсором создания единого центра ШОС по формированию служб ЧС и управлению ими. Финансирование деятельности центра могли бы осуществлять страны Организации по долевному принципу.

Сопутствующая задача здесь — создание необходимых правовых и организационных условий для проведения совместных спасательных операций, включая подготовку и тренировку персонала по единым методикам и его быструю переброску, а также обеспечение совместимости технических средств.

Сотрудничество в области экологии. Тяжелой экологической проблемой в ШОС является обмеление Аральского моря. Это крупнейшее экологическое бедствие современности вызвало резкое ухудшение условий жизни сотен тысяч людей не только в Приаралье, но и на соседних пространствах ШОС. Кроме того, в районе Ферганской долины большую опасность представляют захоронения радиоактивных отходов. Страны ЦАР глубоко озабочены проблемами природоохранной сферы и пытаются проводить соответствующие мероприятия по ее охране при содействии международных организаций: ПРООН, ОБСЕ, ЕС, Международного фонда спасения Арала и др. В 2004 г. в ШОС была достигнута договоренность о сотрудничестве по вопросам охраны окружающей среды и сохранения экологического баланса в ЦАР, предотвращения опустынивания земель, а также по противодействию другим деградационным процессам. Но свое развитие кооперация в этой сфере получила лишь в 2006 г., когда началось проведение регулярных встреч соответствующих экспертных групп. В результате их работы были утверждены проекты — «Прогнозирование водности трансграничных рек бассейна Аральского моря» и «Расширение сотрудничества в области охраны окружающей среды и улучшения экологии бассейна Аральского моря».

Несмотря на стремление ШОС разрешить многочисленные экологические проблемы стран-участниц, справиться с ними собственными силами она не может. Поэтому в этой области российско-китайскому тандему в ШОС следует принять меры по налаживанию регулярного взаимодействия с

международными структурами, в частности, с ЮНИСЕФ, ЮФПА, Всемирным и Азиатским банками и другими финансовыми институтами. Казахстанский дипломат Б. Нургалиев в его бытность генеральным секретарем ШОС не раз подчеркивал мысль о целесообразности подключения международного ресурса: «Только если к усилиям государств Центральной Азии, а также ШОС присоединятся дружественные страны и институты системы ООН, можно добиться прогресса в реализации проектов по восстановлению благоприятных условий для жизнедеятельности населения Приаралья, в области охраны здоровья населения и окружающей среды, создания новых рабочих мест, улучшения бытовой инфраструктуры, восстановления биоразнообразия»¹²⁶.

В заключение следует отметить, что задействование возможностей «мягкой силы» должно стать самоценным вектором внешней политики РФ, нацеленным на поддержание положительного международного имиджа нашей страны. Если Россия не будет целенаправленно и постоянно уделять внимание развитию своей МС, вкладывая в нее достаточные средства, то соперники РФ смогут расширить собственное культурное присутствие также и в ЦАР и заметно потеснить нашу страну с занимаемых ею позиций.

Гуманитарное сотрудничество России со странами Центрально-Азиатского региона устойчиво продолжается: где-то РФ поддерживает свое влияние, где-то утрачивает, однако пророссийское пространство в ЦА сохраняется. И его консолидация с помощью «мягкой силы» есть важная предпосылка успешного, жизнеспособного позиционирования РФ в Центральной Азии и в ШОС в целом. Поэтому России следует незамедлительно принять меры по усилению ее «мягкосиловых» позиций в ЦАР, которые, несмотря на их сужение за последние 20 лет, все еще превосходят по значению и качеству позиции Китая. Не стоит терять это преимущество, и гуманитарное сотрудничество может быть эффективным механизмом выполнения этой задачи.

Авторитет ШОС в мире растет. Организация все более становится структурой активного политического и экономического взаимодействия, и гуманитарное сотрудничество, несомненно, благоприятствует сближению народов стран Евразии. Реализация предложенных выше российско-китайских инициатив, став новым гуманитарным «прорывом», способствовала бы усилению не только «мягкосиловых» позиций, но и общего потенциала ШОС.

Очевидно, что «мягкая сила» России не может опираться на ту же систему ценностей, на которую она опирается в западных странах, поскольку в этом случае Россия фактически попадет под идеологическую зависимость от США и Европы.

Основой российской идеологии могут стать ценности мирного сосуществования народов. Для реализации «мягкой силы» России необходимо соз-

давать свою логическую связку, которая бы отвечала имиджу и миссии России в сложном многополярном мире. Это может быть логическая связка: Россия — гарантия безопасности. Миссия России — невзирая на лишения и нужды своего народа, не жалея сил и затрат, гарантировать безопасность и стабильность в регионе, на континенте и в глобальном мире в целом¹²⁷.

Необходимо сформировать образ России как страны, где бережно сохраняются богатые исторические традиции русской культуры, где уважаются культуры всех народов, где существуют творческая свобода и плюрализм. Образ России должен быть образом страны, где интересы федерального центра и регионов согласуются — при уважении суверенитета и государственной целостности Российской Федерации. Позиционирование России как динамично развивающейся страны, члена БРИКС и ведущего государства ШОС, несомненно, усилит привлекательность ее «мягкой силы». Приоритетом политики «мягкой силы» РФ должно стать предоставление систематической и всесторонней поддержки соотечественникам за рубежом, защита постоянно проживающих за границей российских граждан, помощь в реализации прав русскоязычного населения в иностранных государствах. Созданию имиджа России, конечно, будут служить улучшение условий жизни граждан страны, построение эффективной системы образования, расширение гражданских прав и свобод. При этом «мягкая сила» России не будет эффективна без проведения грамотной внутренней политики¹²⁸.

3.6. Возможные пути нормализации российско-американских отношений и нейтрализации экономических угроз РФ в условиях глобализации

Негативные факторы, влияющие на развитие отношений России и США

Современные причины глубокого кризиса в российско-американских отношениях, начавшегося в 2012 г., и усугубившегося после присоединения Крыма к России в 2014 г., можно свести к двум ключевым обстоятельствам:

это явное пренебрежение, выказываемое США в отношении РФ на протяжении длительного времени, официальное отнесение ее к разряду государств, не имеющих решающего слова в серьезных вопросах мировой политики;

и охватившее российскую политическую элиту и значительную часть населения страны острое чувство несправедливости, желание доказать США, что Россия, несмотря ни на что, остается великой державой, к мнению которой не просто желательно, но и необходимо прислушиваться¹²⁹.

При этом существующая ныне российско-американская конфронтация имеет системную природу и сложно преодолимые последствия, что обусловлено несколькими факторами¹³⁰.

Во-первых, они носят комплексный характер и отражают противоречия на ценностном, военно-политическом и международно-правовом уровне, накопившиеся с 1991 г. В российско-американских отношениях после эйфории 1991—1993 гг. на первый план стали выходить разногласия сначала по второстепенным, а затем и по более важным вопросам. Лишившись глобальной роли после развала СССР, Москва попыталась очертить круг своих интересов, а США отказывались признать их не только в Центральной и Восточной Европе или на Ближнем и Среднем Востоке, а также на территории бывшего Советского Союза. В дальнейшем список расхождений стал выглядеть все более внушительнее: войны в Боснии, Ирака и Сирии, санкции против Ирана, расширение НАТО, политика Москвы и Вашингтона в отношении стран СНГ и кризис на Корейском полуострове.

Во-вторых, их предпосылки охватывают серию кризисных событий 1997, 1999, 2004, 2008 гг., когда происходило столкновение интересов России и США, затем сменявшееся определенной нормализацией отношений. В последующем Украина стала переломным моментом, который перевёл двусторонние отношения в качественно новую фазу, когда стороны стали однозначными противниками. И последние два года президентства Б. Обамы способствовали углублению этой конфронтации. Хотя в настоящее время между Москвой и Вашингтоном не случилось военно-политической эскалации, всякие надежды на партнёрство или нормализацию отношений пока не имеют под собой основания.

В-третьих, в настоящее время отсутствуют признаки улучшения отношений, что позволяет говорить о нарушении их маятникового характера. Так, после «перезагрузки» российско-американских отношений 1991—1993 гг. сложно выделить период, когда Москва и Вашингтон пошли бы на существенное сближение подходов даже в том, что представляет равную угрозу стабильности для двусторонних отношений и международного сообщества. Напротив, Россия и США пытаются взаимно ослабить влияние друг друга на постсоветском пространстве, в Европе и на Ближнем Востоке, а также минимизировать сотрудничество по совпадающей повестке: международный терроризм, вопросы контроля над вооружениями, стабилизация региональных конфликтов. Разблокирование конфронтации также осложняется прочно укоренившимися в американском истеблишменте антироссийскими настроениями и инерционностью внешней политики США. Подобное восприятие сложно изменить ввиду отсутствия экономической, научно-технологической или культурно-гуманитарной основы взаимоотношений США и России. Тем не менее, в Москве готовы к конструктивному

диалогу, но лишь на условиях равноправия, уважения интересов друг друга и взаимных юридических гарантий. Однако эти условия неприемлемы для Вашингтона, не желающего принять реалии мировой политики XXI в. с множественностью моделей развития.

В-четвертых, каждая из сторон воспринимает другую как угрозу своим национальным интересам и сложившимся правилам международного порядка. В ходе украинского кризиса стало очевидно, что США видят угрозу не столько в действиях России, сколько в её политическом режиме. Распространёнными стали обвинения российского президента в «аннексии» Крыма, крушении малазийского «Боинга» и т. д.

В свою очередь, Россия на протяжении 1990-х и начала 2000-х годов избегала открытой конфронтации с США в ответ на косвенное противостояние военно-политической интеграции в рамках СНГ и попытки открытого выведения Украины из орбиты российского влияния. Однако с началом конфликта на Украине в ноябре 2013 г., параллельными наступательными действиям США по линии НАТО и провокациями на Ближнем Востоке Россия стала воспринимать действия американцев как враждебные и потенциально подрывающие безопасность и стабильность её границ.

В-пятых, с беспрецедентным усилением санкционного режима и информационной кампании, направленной против России, стало очевидно, что Вашингтон делает ставку на ослабление России изнутри. Негативное восприятие друг друга Вашингтоном и Москвой продолжает нарастать в отсутствие предпосылок двустороннего сближения. Также следует учитывать, что в российско-американских отношениях почти отсутствует торгово-экономическая компонента: по пути сокращения идёт традиционное сотрудничество в области космоса и атомной энергетики. Также важен фактор лобби: отсутствие российского лобби в органах власти США и антироссийские настроения среди внешнеполитического американского истеблишмента — которые являются сдерживающим фактором при попытках начать конструктивный диалог с Россией.

Помимо этого, дипломатический процесс не характеризуется поступательной динамикой. Напротив, любая положительная риторика в адрес России или соглашение с ней воспринимается в США в качестве «предательства» национальных интересов и наличия связей с российским режимом. Это обстоятельство вынуждает президента США Д. Трампа отказываться вести переговоры с президентом РФ В. Путиным по проблемам, представляющим взаимный интерес, как это было запланировано на саммите в Аргентине в декабре 2018 г.¹³¹ Главной темой встречи Путина и Трампа должен был стать возможный выход США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности, так как Д. Трамп 20 октября публично объявил о намерении США выйти из этого Договора. По мнению российской стороны, это соз-

даёт существенные риски неконтролируемой гонки вооружений. Кроме того, американский лидер обвинял Москву в нарушении договора, и сообщил, что Штаты будут наращивать ядерный потенциал. Российская сторона эти обвинения отвергла и назвала недопустимым отсутствие диалога по вооружениям между РФ и США.

Как правило, такие действия и заявления приводят к разоблачительной кампании, которая существенно подрывает рейтинг и маргинализирует политическую фигуру Трампа и сильнее поляризует американское общество. В связи с этим стоит напомнить о факторе ядерного оружия: Россия и США как две ядерные сверхдержавы по определению не могут быть друзьями ввиду необходимости контрбалансировать друг друга.

Таким образом, российско-американская конфронтация представляет собой не просто очередную схватку двух противников времён холодной войны, но самое острое с момента распада биполярного мира противостояние за право определять контуры нового миропорядка. При этом каждая из сторон опасается проиграть решающую схватку за миропорядок, утратив позиции на мировой арене и внутренний авторитет. При этом российско-американские глобальные противоречия глубже причин украинского кризиса и требуют разрешения базовых причин конфронтации и выработки единых правил игры на постсоветском пространстве, в Европе и на мировой арене.

Факторы «за» развитие российско-американских отношений

Существующие ныне проблемы в российско-американских отношениях можно было бы преодолеть, если Москва и Вашингтон смогли бы создать действенный механизм партнерства. Ведь Россию и США могли бы объединить их совпадающие стратегические интересы. У обеих стран есть общая заинтересованность по поддержанию стабильности и безопасности в мире, однако Москва и Вашингтон так и не сумели выработать систему согласования и координации своей политики. Тем не менее, возможности для создания реального партнерства России и США далеко не исчерпаны. Это обусловлено следующими факторами.

Первый фактор — это отсутствие фундаментального конфликта интересов между Россией и США. Тезис о «неизбежной вражде» России и США столь же необоснован, как и миф об их «естественной дружбе». Как свидетельствует двухсотлетнее развитие история российско-американских отношений, и царская Россия, и Советский Союз в критические моменты истории, когда нарушался баланс сил в мире, оказывались партнерами и даже союзниками США. Так было и в период американской революции, и в годы Гражданской войны в США, и во время двух мировых войн. Причина этого заключалась в совпадении ключевых интересов безопасности двух держав, когда они сталкивались с вызовом какой-то третьей державы или коалиции.

Общая опасность помогала найти общий язык двум весьма непохожим друг на друга государствам.

Второй фактор — падение глобальной управляемости в международных отношениях, что серьезно беспокоит и американские и российские политические круги. В эпоху глобализации международных отношений признанным фактом является растущая взаимозависимость международной системы, не позволяющая США изолировать Россию и не считаться с её интересами. Отношения между Москвой и Вашингтоном также нельзя считать постоянным кризисом, поскольку именно кризисными были события на Украине после чего российско-американские отношения перешли в фазу активного противостояния. И ошибочно полагать, что Россия и США и впредь будут следовать модели ситуативного и избирательного сотрудничества. Формула «соглашаемся/не соглашаться» по проблемным вопросам неприменима к текущим отношениям, поскольку США и Россия воспринимают друг друга как врага и не питают надежд на реальное партнёрство. Таким образом, российско-американские отношения на текущем этапе не являются постоянной холодной войной ввиду усложнения системы международных отношений, отсутствия компоненты идеологического противостояния и увеличения числа сдерживающих механизмов, полностью не подконтрольных ни одной из сторон. Их также ошибочно считать застойным кризисом.

Третий фактор свидетельствует о том, что институционализация российско-американского партнерства возможна при наличии трех основных компонентов: системы определения общих интересов; совместного механизма принятия решений и общего осуществления этих решений. К сожалению, эти составные блоки стратегического партнерства в настоящий момент в российско-американских отношениях отсутствуют. В результате их отсутствия партнерство России и США также не может быть эффективным, если при этом не создан механизм военно-политического взаимодействия.

И чтобы не допустить окончательного развала существующего ныне лимитированного партнерства, необходимо преодолеть разрыв между декларациями и реальностью. Это подразумевает совместное определение общих интересов, создание механизма консультаций при принятии решений, а также органов взаимодействия на рабочем уровне. Ибо сохраняющиеся сферы расхождений обладают потенциалом возврата к конфронтационной модели отношений между Россией и США. Также следует учитывать банкротство американского лидерства в том виде, в котором оно имело место в течение последних 15—20 лет, и наиболее дальновидная часть политического и экономического истеблишмента США это осознает. Они понимают, что Америка более не способна самостоятельно в одиночку решить ни одну крупную политическую проблему. И в этом также заключается потенциал российско-американского сближения.

Четвертый фактор, усиливающий взаимное притяжение, — отсутствие общего врага, столь необходимого для любого военно-политического альянса. Сегодня практически отсутствуют политические и экономические причины для российско-американского военного столкновения, тем более ракетно-ядерной войны. А разница в общих интересах безопасности России и США носит скорее завуалированный, чем прямой и непосредственный характер. При этом в обоих государствах стратеги не воспринимают друг друга как прямую и явную военную угрозу.

Ни Вашингтон, ни Москва также не заинтересованы в неконтролируемом перераспределении военной мощи среди участников многополярного мира. Их общий интерес заключается в том, чтобы не допустить такой диффузии военной силы, которая может привести к возникновению в XXI в. новых военных сверхдержав. Россия и США также не заинтересованы в резком наращивании военной мощи третьими странами, которые могут попытаться добиться региональной гегемонии в регионах мира, что может дестабилизировать глобальный баланс военной силы. Это основной стимул для сотрудничества между Россией и США в сфере военной безопасности.

Следует также учитывать, что новая глобальная конфронтация с США и Западом будет проходить почти при полном отсутствии у России достаточно серьезных союзников на международной арене. В современном мире антиамериканские силы скорее являются обузой для России, но никак не позволят изменить баланс сил в ее пользу. Нет оснований рассчитывать и на то, что Китай предпочтет явно поддерживать в таком противостоянии Россию. Не исключена и аналогичная реакция со стороны некоторых сил в исламском мире. Наконец следует также признать, что новое силовое противостояние с Западом потребует еще большей мобилизации всех национальных ресурсов РФ, чем это было в советский период. Конфронтация России с США и американскими союзниками будет на практике означать отказ от продолжения реформ внутри страны.

Пятый фактор свидетельствует о том, что при всех сегодняшних разногласиях и асимметричности экономических и политических позиций у Москвы и Вашингтона сохраняются многие общие интересы в подходе к ключевым проблемам международной безопасности. В полицентрической системе международных отношений, складывающейся в XXI в., Россия помимо Китая, вряд ли можно найти более сильного партнера в сфере геополитики, чем США. Любой другой центр силы на мировой арене (ЕС, Япония, Германия и др.) в обозримом будущем не будет сопоставим по своим возможностям с США. РФ и США также не заинтересованы в распространении ядерного оружия, других средств ОМП. Есть у Москвы и Вашингтона общий интерес и в том, чтобы не допустить разрастания этнических и религиозных конфликтов в регионах мира. Есть у этих стран и другие параллель-

ные интересы, что позволяет надеяться, что им удастся не допустить разрастания расхождений и возврата к геополитической конфронтации в результате неспособности обеспечить взаимодействие на основе национальных интересов обеих держав.

Шестой фактор — время. Вопрос, связанный с переломом отношений РФ—США в лучшую сторону, не в последнюю очередь связан со сменой стереотипов, а, значит, и со сменой поколений. При этом формирование их взаимовыгодного партнерства будет непростой задачей — слишком различны сегодня возможности двух государств. Так, нынешняя асимметрия в положении двух стран сегодня слишком велика. ВВП США превышает ВВП России в 30 раз по обменному курсу валют и в 10 раз по паритету покупательной стоимости. Еще более заметен разрыв в сфере военных расходов. Среди многочисленных американских союзников и партнеров сегодня никто не равен США по совокупной военной силе. Вашингтон нередко использует это в своих интересах, тем не менее, свою выгоду от сотрудничества с США получает и Западная Европа, и Япония, и Израиль. И в краткосрочной перспективе баланс сил в российско-американских отношениях вряд ли изменится в пользу РФ, что может быть использовано США для усиления нажима на нее.

И по мере обеспечения устойчивых темпов экономического развития России возникнут предпосылки для выравнивания отношений с Соединенными Штатами, обеспечивающие более равноправное взаимодействие двух государств и преодоление их рецидивов противостояния. Это создаст основу для формирования в отдаленной перспективе устойчивой модели взаимовыгодного сотрудничества как в рамках двусторонних отношений, так и в подходе к решению ключевых проблем мировой политики и экономики, обеспечения безопасности на глобальном и региональном уровнях. И вполне вероятно, что создание такого механизма партнерства позволит обеспечить наиболее важные взаимные геополитические интересы.

Возможные направления улучшения российско-американских отношений

В основе улучшения российско-американских отношений могли бы быть принципы сотрудничества, открытости и предсказуемости, которые были заложены в «Декларации о стратегических рамках российско-американских отношений» в 2008 г.

В ней отмечается, что прочность и устойчивость этого фундамента будут основываться на расширении многообразия связей между правительствами стран и народами на положительных примерах. В Декларации также сказано, что РФ и США, подавая пример всему миру, вместе будут противодействовать новым и возникающим угрозам глобальной безопасности. Они

намерены там, где возможно, углублять сотрудничество, в то же время предпринимая дальнейшие шаги для демонстрации мировому сообществу ответов на новые вызовы миру и безопасности в соответствии с принципами международного права и учитывая роль ООН.

Для достижения этих целей РФ и США было бы целесообразно постоянно консультироваться для выработки инициатив, отвечающих их общим интересам. При этом Россия и Соединенные Штаты должны перешагнуть барьеры стратегических принципов прошлого, сфокусированных вокруг перспектив взаимного уничтожения, и сосредоточиться на реальных угрозах, которым обе страны противодействуют. К ним в первую очередь относится угроза распространения ОМП и средств его доставки.

Россия и США должны предотвратить попадание этого оружия в руки террористов и тех, кто их поддерживает. Ибо в настоящее время терроризм представляет собой серьезную угрозу глобальной безопасности и стабильности. Сочетание международного терроризма с опасностью распространения ОМП представляет собой глубокую угрозу как безопасности России, так и Соединенным Штатам и другим странам, которые являются партнерами в глобальной борьбе против терроризма. Поэтому необходимо придать дополнительный импульс деятельности российско-американской Рабочей группе по борьбе с терроризмом по всем направлениям, включая усилия по уничтожению террористических организаций и сетей, которые предоставляют им финансовую и материальную поддержку.

Этому будет способствовать то обстоятельство, что Глобальная инициатива, запущенная РФ и США в 2006 г., расширилась до 67 государств-участников, включая ЕС и МАГАТЭ в качестве наблюдателей. Государства-участники этой инициативы сотрудничают в укреплении индивидуальных и коллективных возможностей предотвращения получения террористами доступа к ядерным материалам, недопущения предоставления террористам убежища, финансовой и другой поддержки, в обмене информацией о террористической деятельности, взаимодействуют по правоохранительным аспектам и по вопросам ликвидации последствий террористической атаки.

Также необходимо совместно работать над достижением критически важных целей, включая блокирование доступа террористических группировок к ресурсам, необходимым для осуществления ими терактов, укрепление решимости и возможностей государств во всем мире вести борьбу с терроризмом в интересах создания глобального консенсуса, отвергающего использование террора в любых целях, а также активное вовлечение гражданского общества и деловых кругов в усилия по противодействию терроризму.

Таким образом, РФ и США могут обеспечить их глобальное лидерство в широком спектре усилий на основе сотрудничества, которые будут спо-

способствовать достижению общих целей в области нераспространения ОМП. Они также должны разработать новые подходы, сфокусированные на экологически безопасных технологиях, которые будут поддерживать экономический рост и способствовать расширению использования ядерной энергии, созданию жизнеспособной альтернативы распространению чувствительных технологий ядерного топливного цикла. В этих целях необходимо оказывать неизменную поддержку Договору о нераспространении ядерного оружия и сотрудничать в обеспечении его результатов. В этом направлении необходимо работать с другими государствами над разработкой взаимовыгодных подходов, обеспечивающих экономически привлекательный и надежный доступ к ядерной энергии.

Россия и США, обладающие передовыми ядерными возможностями, должны оказать содействие государствам, рассматривающим возможность развития своей ядерной энергетики, в создании необходимой инфраструктуры (в том числе ядерных реакторов) и обеспечить им поставки ядерного топлива со своих реакторов. Это предусматривает предоставление доступа к ядерной энергии других стран мира. В качестве первого шага к этому можно привести пример России и Казахстана, которые создали на российской территории Международный центр по обогащению урана. Также необходимо сотрудничать с широким кругом других государств по разработке нового поколения гражданского ядерного потенциала, который будет безопасным и надежно защищенным, улучшать экологию и снижать риск ядерного распространения. Это существенно сократит ядерные отходы и упростит их утилизацию.

Что касается Ирана, то Россия и США по-прежнему должны быть привержены политическим и дипломатическим усилиям по нахождению переговорного решения, гарантирующего исключительно мирный характер его ядерной программы. Согласие России поставить для иранской АЭС в Бушере ядерное топливо и забрать оттуда отработавшее топливо является шагом, который предоставляет Ирану возможность обладать гражданским ядерно-энергетическим потенциалом без необходимости создавать собственные мощности по обогащению урана и переработке отработавшего ядерного топлива.

Также необходимо наращивать совместные усилия путем постоянного сотрудничества в рамках ООН и других международных форумов, включая ОБСЕ, Совет Россия—НАТО, а также по расширению Глобальной инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма. Целесообразно реализовать эту активность в сфере противодействия ядерному терроризму.

Существует и значительный потенциал для расширения двусторонней торговли и инвестиций, что принесет значительные выгоды, которые могли бы принести экономикам России и США. Для реализации этого потен-

циала обе страны должны следовать фундаментальному принципу открытой рыночной экономики, основанному на уважении верховенства закона, как на национальном, так и на международном уровне. С целью улучшения понимания и ликвидации барьеров для торговли и инвестиций, а также укрепления институтов, которые обеспечат доверие, надежность и предсказуемость соответствующих рынков, необходимо углублять экономическое взаимодействие через правительственные каналы и в рамках частного сектора.

Для этого необходимо развитие российско-американское экономического и делового взаимодействия, в том числе через создание межправительственного и бизнес-диалога. Эти шаги помогут создать условия, которые укрепят торговые и инвестиционные отношения, улучшат контакты между деловыми кругами РФ и США. Для этого экономический диалог необходимо направить на определение областей, в которых российские и американские законы и правила тормозят торговлю и инвестиции, что является критически важным для нужд рыночной экономики и привлечения новых участников к коммерческой деятельности, осуществляемой Россией и США.

Сотрудничество в области энергетики также продолжает оставаться областью со значительным потенциалом для обоих государств. Необходимо интенсифицировать российско-американское энергетическое сотрудничество при помощи более структурированного энергетического диалога, направленного на расширение поставок энергии без ущерба для экологии, развивая при этом новые источники энергии с пониженным уровнем выбросов углерода. Для этого нужно предпринять шаги по сотрудничеству в рамках инициатив по эффективным технологиям, развитию технологий экологически чистого сжигания угля, инициатив по топливным элементам, а также в рамках других научно-исследовательских инициатив для замены уменьшающихся традиционных запасов углеводородного сырья.

А в области противодействия изменению климата необходимо совместно работать по продвижению ключевых элементов переговоров под эгидой Рамочной конвенции ООН по изменению климата с целью создания всеобъемлющей программы действий, включающей обязательства крупнейших экономик-эмитентов по ограничению или сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу в соответствии с их национальными условиями, и решения вопросов уменьшения выбросов в ключевых отраслях.

Однако на сегодняшний момент приходится констатировать, что эти направления улучшения российско-американских отношений пока не состоялись, и в ближайшем будущем не состоятся. Разрыв между декларациями и реальностью российско-американских отношений произошел вследствие грубых ошибок дипломатии обеих стран, особенно в первый период по-

сле развала Советского Союза. В тот период создавалось впечатление, что РФ готова пойти на любые уступки США, ничего не требуя взамен — ни уступок, ни каких-либо гарантий. Предоставив инициативу чуть ли не целиком американской стороне, Россия не смогла обеспечить равноправный характер провозглашенного партнерства. Как писала в то время английская газета «Индепендент», «диалог между Западом и Россией, в конечном счете, сводился к официальным встречам, на которых России предлагалось согласиться с решениями, принятыми другими правительствами».

Кроме того, в последнее время вырос список международных проблем, где две державы придерживаются противоположных позиций. Во внутриполитических дебатах в обеих странах амбициозные политики все чаще используют риторические выпады в адрес другой стороны, будь то Америка или Россия, для того чтобы «набирать очки» в ходе избирательных баталий. Конечно, можно списать эти тревожные симптомы в российско-американских отношениях на «конъюнктурные моменты», связанные с этими выборами.

Так, например, по итогам промежуточных выборов в США в ноябре 2018 г., Д. Трамп, избавившись от угрозы импичмента, почувствовал себя свободнее в принятии внешнеполитических решений, в том числе по новым антироссийским санкциям. Это исключительно важное обстоятельство, потому что 6 ноября 2018 г. истек срок американского ультиматума Москве с требованием предоставить «доказательства отказа от использования химического и биологического оружия». Москва проигнорировала этот ультиматум, и теперь Вашингтон намерен реализовать угрозу очередного раунда санкций «за отравление Скрипалей». Первый пакет ограничений, вступивший в силу 6 августа, запретил продажу России оружия и технологий двойного назначения, а также кредитование со стороны американских госструктур. Очередной может затронуть кредитование по линии международных структур (Всемирного банка и МВФ), приостановить полеты в США для «Аэрофлота», а также почти полностью прекратить экспорт и импорт. Тем на менее, Д. Трамп вправе выбирать, какие именно санкции из этого списка ввести в действие. Мало того, он может вообще не вводить или же отменить их в любой момент, если сочтет, что эти ограничения вредят интересам США. И судя по всему, Белый дом собирается спустить вопрос о новых санкциях «на тормозах». Во всяком случае, Госдепартамент сообщил о начале «консультаций с конгрессом относительно следующих действий», подчеркнув, что закон не устанавливает никаких конкретных сроков для принятия решения.

Так что если новые санкции и последуют, то не скоро и, вероятнее всего, будут чисто символическими. Например, объявят запрет на кредитование со стороны МВФ и Всемирного банка — Россия уже много лет не нуждается

в подобных кредитах. И еще один важный момент. Результат ноябрьских промежуточных выборов в конгресс полностью соответствует многочисленным предвыборным прогнозам как американских политологов, так и СМИ. Обвинить Россию во вмешательстве и влиянии на итоги голосования будет крайне затруднительно. Тем более что и раньше такими причинами объяснялись регулярные «заморозки» на российско-американской почве, которые неизменно приходили на смену очередной «оттепели» в диалоге между Москвой и Вашингтоном.

Тем не менее, привычные объяснения наметившегося осложнения отношений России и США вряд ли можно признать адекватными принципиально новой ситуации, которая возникла после прекращения холодной войны в прошлом веке. Для этого есть объективные причины. Так, отсутствие идеологического и военного противостояния Москвы и Вашингтона неизбежно уменьшает значение российско-американских отношений. В современном многополярном мире доминируют иные — неидеологические и невоенные факторы. Объективно два государства существенно различаются по своим возможностям и роли в системе международных отношений, и, видимо, российско-американское партнерство, даже если оно будет реализовано, неспособно стать центральной осью новой системы международных отношений. Этому препятствуют неразвитость двусторонних отношений России и США и низкий уровень взаимодействия экономических интересов двух держав. Экономически Россия для США является далеко не первостепенным партнером. А для России Соединенные Штаты существенно уступают таким экономическим приоритетам, как Китай, Европа и СНГ. И такое однобокое российско-американское партнерство будет уравниваться другими связями, прежде всего экономическими, в которые вовлечены США, Европа, Япония, Китай. Именно комплекс этих экономических отношений будет определять мировую политику в обозримом будущем. При этом Россия вовсе не соперничает с Америкой в экономической сфере, в экспорте России в США преобладают сырье и товары первичной переработки — алюминий, черные металлы, никель, драгоценные камни; а в импорте — мясо и мясные субпродукты и оборудование. При этом практически прекратились крупномасштабные поставки американского зерна, занимавшие ведущее место в советском импорте из США, поскольку благодаря экономическим санкциям США Россия сама стала экспортером этого продукта в другие страны мира. Поэтому, по мнению американских политологов и экономистов, угроза торгово-экономических войн для США связана не с РФ, а с Китаем и нефтедобывающими странами. Это обстоятельство, что Россия не воспринимается больше в США как явная и очевидная угроза, а именно американо-китайское соперничество на глобальном уровне, начинает проявляться все заметнее.

Возможные шаги РФ в регионах мира при отсутствии сотрудничества с США

В современных условиях задача российской внешней политики состоит в содействии установлению такого международного порядка, который предполагал бы меньшее неравенство и уравнивание условий для развития РФ, ее большую безопасность, основанную на многостороннем диалоге и учете интересов всех вовлеченных сторон.

При этом в ближайшем будущем для России Евросоюз останется крупнейшим торговым партнером и потенциальным донором технологий. Учитывая сложность политического контекста в отношениях между Москвой и Брюсселем, перспективы их взаимоотношений зависят от темпов и характера российского экономического роста. Если Россия и ее евразийские партнеры окажутся привлекательным и быстрорастущим рынком для промышленного экспорта из ЕС, западноевропейские столицы найдут способ изолировать политические разногласия от позитивной программы по осуществлению совместных экономических проектов. В этой ситуации требуется новое прочтение дилеммы безопасности в Европе — но не на основе разграничения сфер влияния или создания коллективного органа регулирования¹³². Вместо укрепления противостояния ЕАЭС и ЕС нужно инициативно вести дело к размыванию границ и де-факто конвергенции интеграционных блоков. Поскольку ЕС приглашает в свои форматы союзников России, то и Москве следует действовать так же. Отложив тезисы об антагонизме, целесообразно предложить ряду стран ЕС одновременное участие в интеграционных форматах под патронажем России.

В настоящее время степень союзной дисциплины в отношениях ЕС и США падает, а укрепление самостоятельности европейских стран от США соответствует интересам России. Поэтому целесообразно поддержать внешнеполитическую самостоятельность Франции и немецкое лидерство в ЕС. Возобновление оси Париж—Берлин—Москва может нейтрализовать американское влияние на ЕС. Но этот желанный сценарий нацелен на длительную перспективу. Пока же особый формат интеграционного взаимодействия может быть предложен Венгрии, Болгарии, Словакии, Греции, Турции и другим странам Евросоюза.

Смещение внимания России в XXI в. на развитие отношений со странами АТР также закономерно, так как полюс мировой экономической мощи перемещается на Тихий океан, где Россия непосредственно граничит с наиболее динамичным в экономическом плане регионом мира. При этом уникальность положения России на Дальнем Востоке в том, что она не связана глубокими противостояниями ни с одной из региональных держав, за исключением США. У России практически союзнические отношения с КНР и

хорошие отношения со всеми остальными — Японией, Южной Кореей, Индонезией, Филиппинами, Вьетнамом и другими странами, где Россия обладает высоким геополитическим статусом. По сути, она может инвестировать свои внешнеполитические ресурсы влияния, накопленные в других регионах мира, в создание наиболее благоприятной ситуации в АТР.

Также многолетняя работа российских дипломатов сначала по нормализации, а затем по развитию отношений с Китаем и другими странами-соседами создала условия для нового качества развития Дальнего Востока. Этими условиями должны воспользоваться российские компании и экономические ведомства. Высокий геополитический статус компенсирует нехватку экономических ресурсов и дает России возможность выбирать партнеров. В плане развития внутренних территорий страны впервые в истории у России возникает тандем с крупным партнером — Китаем. КНР сама ищет помощи России для реализации проекта «Экономического пояса Шелкового пути» со сходными целями — ускорить развитие отстающих регионов севера и запада Китая.

Тем не менее, с учетом важности Восточной Сибири и Дальнего Востока для будущего России, не стоит превращать успех развития этих территорий в функцию «доброй воли зарубежных инвесторов». Государство многое делает для мобилизации внутренних ресурсов освоения этих регионов — в эту логику вписывается программа «дальневосточный гектар». Стоит рассмотреть и целесообразность ускоренной натурализации и расселения на дальневосточных территориях мигрантов из Украины и других стран постсоветского пространства. При этом усилия государства могут концентрироваться на развитии нескольких городских агломераций — Красноярска, Иркутска, Благовещенска, Хабаровска и Владивостока — способных стать катализаторами дальнейшего роста Сибири и Дальнего Востока. Вопрос на ближайшие годы состоит в том, сможет ли Россия использовать свое растущее политическое влияние для нужд развития собственной экономики.

Следует отметить, что в качестве военно-политического игрока Россия занимает уникальное место в мировой политике. В Сирии она показала, что ее военные возможности не уступают возможностям ведущих стран НАТО, а с точки зрения совокупной эффективности военной силы и дипломатии даже превосходят их. Россия обладает полной «линейкой» таких технологий, позволяет конкурировать с Западом в области производства современных вооружений, опробованных в конфликтах. При этом военные обязательства России за пределами ее границ минимальны и ее военно-политические союзы сравнительно подвижны. Она не связана необходимостью поддерживать значительное число военных баз и воинских контингентов за пределами своей территории, и лишь в небольшой мере вовлечена в вооруженные конфликты во взрывоопасных регионах мира.

Перспектива российского внешнеполитического и военного влияния в регионах мира будет определяться рядом условий.

Во-первых, сможет ли Россия обеспечить своими силовыми и политическими гарантиями устойчивый порядок в хрупких регионах мира? Хотя вмешательство США и их союзников способствовали возникновению хаоса в Ираке, Ливии, Египте и Сирии, ближневосточная турбулентность определяется не только и не столько политикой Запада, сколько долговременными внутренними факторами — в первую очередь экономическими и демографическими. Без широкой и капиталоемкой программы реконструкции этих стран достигнутый мир может оказаться недолгим, а для такой реконструкции России потребуются партнеры, обладающие достаточными финансовыми ресурсами.

Во-вторых, присутствует ли в российской стратегии задача извлечения экономических выгод из тех позиций, которые были обеспечены внешнеполитическими успехами? Ранее попытки руководства страны ориентировать внешнеполитическое сообщество на работу по содействию российскому бизнесу за рубежом оказывались не слишком успешными. Российские профессионалы в области внешней политики и международной безопасности, как правило, были мало «погружены» в экономические вопросы, а российские экономические ведомства, как правило, были равнодушны к международной проблематике. Поэтому требуется трансформация их политической культуры, чтобы сам вопрос о путях извлечения экономических преимуществ из внешнеполитических успехов последних лет был бы поставлен в качестве практического.

Российские гарантии безопасности и ее политический подход к решению региональных проблем также открывают возможности для международной экономической активности в странах и регионах мира — Сирии, Ливии, Венесуэле, Египте и др. Однако в стабильности каждой из названных стран заинтересована не одна Россия. К примеру, нет такой страны, более затронутой ливийским кризисом, чем Италия, а Турция является ключевым интересантом стабильной Сирии. Энергетическими проектами на шельфе этой страны интересуется Франция, а Индия стремится к непрерывным поставкам нефти из Венесуэлы.

Поэтому формирование Россией международных консорциумов открывает возможность для работы с западными компаниями, ищущими пути обхода антироссийских санкций. Если России совместно с ее ключевыми партнерами в Сирии удастся обеспечить в этой стране надежное урегулирование и развернуть программу ее реконструкции, то это может стать первым важным шагом в монетизации российских внешнеполитических достижений. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что во многом нынешние процессы глобализации объективны и вызваны уровнем научно-технического прогресса. Следует также признать, что США и другие развитые страны

одними из первых осознали преимущества, которые дает глобализация, и попытались выстроить модель нового глобального общества под собственные интересы без учета мнений таких держав, как Китай и Россия.

Однако уязвимость этой идеи очевидна — устойчивое глобальное общество может быть построено только на основе сетевой, а не иерархической структуры, в которой каждый узел будет равноправен в своих отношениях. За время, истекшее с начала агрессии против Ирака и других стран мира, США уже заплатили за свои амбиции, восстановив против себя более половины человечества. В этих условиях одной из насущных проблем становится выработка новых идей дальнейшего позитивного развития глобального общества, и в этом вопросе Россия может и должна сыграть свою объединительную роль. Кроме того, в условиях существующих западных санкций Россия должна быть способной развиваться, используя собственный экономический потенциал.

Опора России на собственные силы в условиях западных санкций

Созданный западными санкциями неблагоприятный климат для повышения конкурентоспособности российских предприятий на международном рынке требует принятия мер по обеспечению выживаемости российской экономики в условиях все обостряющейся конкуренции на мировом рынке в процессе его глобализации. К таким мерам относятся:

- разработка государственной международной политики России с увязкой с ее инновационной и промышленной политикой и политикой в отношении малого бизнеса;
- ускорение научно-технического прогресса и повышение конкурентоспособности, ключ к которым лежит в свободном предпринимательстве, основанных на усовершенствовании рыночных механизмов;
- последовательное проведение политики по укреплению российской науки на базе укрепления реального сектора российской экономики, прежде всего в части сельского хозяйства и промышленных отраслей, производящих предметы народного потребления;
- перевод российского производства на инновационный путь развития и создание мощного комплекса производств, работающих в условиях зрелой рыночной инфраструктуры;
- последовательное проведение политики постоянной поддержки и расширения новых конкурентных преимуществ тех предприятий, которые ориентируются на выпуск новой технологичной продукции и создание собственных брендов, освобождаясь от неконкурентоспособных предприятий-банкротов;
- проведение антимонопольной политики с запрещением любой искусственной поддержки и лоббирования интересов отдельных, особенно неэффективных производителей;

- завершение реформы естественных монополий, направленной на формирование конкурентоспособных блоков внутренних производителей;
- разработка национальной программы повышения производительности труда и конкурентоспособности производства в целях стимулирования отечественного инновационного бизнеса, усиления связей между академическими институтами и вузами, отраслевыми НИИ и лабораториями и промышленными предприятиями;
- изменение налогового режима для инновационных фирм и подразделений;
- разработка законодательства по защите интеллектуальной собственности;
- подъем уровня инвестиций с 20 до 30 % ВВП, при этом основным приоритетом экономической политики России должен стать инвестиционный климат и привлечение частных инвестиций.

Факторами и условиями обеспечения вышеперечисленных мер, направленных на создание интеллектуальной экономики, основанной на знаниях, могут являться следующие.

Во-первых, реформирование российской науки, включающее следующие этапы:

коммерциализация сферы НИОКР и вовлечение в рыночный механизм ученых, прикладное использование их достижений;

ориентация исследований, в том числе и фундаментальных, на конкретные целевые программы, на конкретное финансирование научно-технических проектов, связанных с развитием инновационного бизнеса;

выстраивание сетей «наука — эксперимент — производство» и увеличение в результате этого доли частного финансирования НИОКР при снижении доли государственного финансирования.

Во-вторых, обеспечение достаточного объема финансирования научно-технической сферы. К сожалению, затраты на НИОКР на сегодняшний момент в России составляют порядка 12 млрд долл., в то время как в США — 264, в Евросоюзе — 150 и в Японии — 130 млрд долл. К тому же, необходимо учесть, что значительная часть российских затрат на НИОКР по-прежнему идет в военно-промышленный комплекс и почти не касается выпуска массовой отечественной продукции гражданского назначения.

В-третьих, формирование тесной связи между сферой НИОКР и промышленностью, в том числе:

создание государственной системы поощрения предпринимателей за использование в производстве новейших достижений отечественной науки и техники;

целевое финансирование особо важных и перспективных российских проектов;

снижение налогов и предоставление специальных кредитов, лизинг новейших видов машин и оборудования под государственные гарантии.

В-четвертых, открытое признание Россией приоритетности научно-технического прогресса и инновационного развития перед ростом производства. Государство должно иметь специальные программы по ускорению научно-технического прогресса и инновационному развитию российской промышленности. Такие программы имеются практически во всех развитых странах мира.

И, в-пятых, расширение международного научно-технического сотрудничества и изучение полезного зарубежного опыта.

Также необходимо реализовать комплекс мер по улучшению экономической деятельности и безопасности российских предприятий. К ним относятся:

проведение исследований и анализ изменений в законодательной базе, экономической и политической обстановке в РФ, в том числе — в городах и в областях;

выявить конкурентов, особенно проводящих агрессивную политику на международном рынке, выяснять направленности их устремлений и выработать реализацию адекватных мер по противодействию им;

изучать партнеров и выявлять среди них недобросовестных юридических и физических лиц, а также выработать методики строительства безопасных для предприятий отношений с ними, согласно Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»;

оказывать содействие выявлению и уточнению финансовых, коммерческих, организационных, технических и технологических позиций, гарантирующих сохранение и укрепление положения предприятий на рынке, и проводить систематический анализ потенциальных и реальных угроз этим позициям;

отслеживать криминогенную обстановку вокруг предприятий и собирать информацию об устремлениях организованной преступности и отдельных лиц, имеющих противоправные намерения в отношении предприятий;

организовать охрану объектов предприятий, защищать жизнь и здоровье сотрудников, обеспечение личной безопасности руководителей предприятий и членов их семей от посягательств со стороны преступных элементов, согласно Конституции РФ;

также необходимо уточнение принципов и подходов в реализации кадровой политики, выявление кризисных ситуаций в коллективах предприятий, отслеживание негативных настроений в них, предупреждение проникновения агентуры конкурентов, криминальных организаций и отдельных лиц, вынашивающих противоправные намерения;

исключить техническое проникновение на объекты предприятий конкурентов, криминальных организаций и отдельных лиц с целью съема важной информации, согласно Федеральному Закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранной и детективной деятельности» от 22 декабря 2008 г. № 272-ФЗ;

разработать и внедрить оптимальные режимы обеспечения безопасности на объектах предприятий и осуществление контроля за их соблюдением, согласно Федеральным законам РФ;

обеспечить бесперебойную работу предприятия в условиях кризисных ситуаций, составить предложения и участвовать в принятии конкретных мер по выходу из них, согласно Гражданского кодекса РФ;

применить информационное обеспечение управленческой деятельности руководства по проблемам безопасности и иным жизненно важным по определению руководства предприятий вопросам, а также совершенствовать нормативную базу в интересах обеспечения безопасности предприятий.

Также целесообразно реализовать ряд направлений для внедрения на предприятиях мероприятий по обеспечению экономической безопасности (табл. 3.2).

При этом проблемы обеспечения экономической безопасности России на международном рынке могут решаться следующим образом:

проведение на национальном уровне грамотной аналитики и выявление слабых мест в экономике страны, многогранное изучение вопроса на основе опыта прошлых лет, в том числе в других государствах;

умелое государственное прогнозирование, которое предполагает анализ рисков появления угроз безопасности и даёт детальный прогноз возможных исходов, и *уточнение долгосрочной экономической стратегии* России и конкретных мероприятий по снижению этих угроз;

создание независимых аналитических источников в стране, включая в научной и технологической сфере жизнедеятельности государства;

нормализация и поддержка благоприятных международных отношений для России и *улучшение законодательной базы* в сфере национальной экономики;

поддержание финансовой независимости страны и *частичный отказ* от иностранных кредитов.

Для этого Минэкономразвития РФ разработало концепцию, одним из главных ориентиров которой стало восстановление статуса мировой экономической державы. Россия должна стать одним из главных государств, выйти на уровень высокоиндустриальных стран. По уровню ВВП России необходимо войти в шестёрку мировых государств, а также значительно увеличить уровень благосостояния среди населения страны. Неотъемлемой

Таблица 3.2. Мероприятия по обеспечению экономической безопасности предприятий

№ п/п	Наименование мероприятий	Результаты реализации мероприятий
1	Изучение и анализ законов РФ и регионов, подзаконных актов, инструкций и положений, аналитическая обработка информации	Выявление нестыковок и противоречий в законодательных актах и нормативно-инструктивных материалах с целью минимизации налогов и сборов
2	Сбор, обработка и анализ сведений о заинтересованных в работе предприятий экономических, общественных и политических организациях	Выработка рекомендаций по достижению компромиссных решений по устранению препятствий для развития бизнеса
3	Изучение и анализ информации о потенциальных и действующих партнерах, методах их поведения на рынке	Выявление уровня профессионализации партнеров, психологии их поведения, принятие мер по нормализации отношения либо по отсечению недобросовестных партнеров
4	Сбор и анализ информации о криминальных структурах, выявление агентов этих структур внутри предприятия, их целях в отношении предприятий и методах их работы	Выработка механизмов и принятие контрмер против ОПГ, в том числе силовых, с возможным привлечением силовых структур (МВД, ФСБ) для противодействия криминалу
5	Изучение и анализ информации о недобросовестных конкурентах и методах их деятельности на рынке и внутри предприятия	Разработка и реализация механизмов противодействия деятельности недобросовестных конкурентов фирмы, а также коррумпированных чиновников, предотвращение внеплановых налоговых проверок, мошеннических действий, попыток использования спецслужб

частью этого плана становится доминирование в научной, технологической и финансовой сфере.

Однако современное состояние экономической безопасности России оставляет желать лучшего, поэтому решением этой проблемы является переход от экспортно-сырьевого развития страны к инновационному и использование преимуществ в отечественной науке, образовании и технологиях, которые являются решающими факторами, способствующим экономическому развитию РФ.

Важно также сделать прорыв в отраслях, являющихся основной специализацией РФ на мировом рынке: в сфере энергетики, транспорта и в аграрном секторе; формирование мощного научно-технического комплекса; диверсификация национального хозяйства; развитие рынка и предпринимательства, их обеспечение на законодательном уровне.

При этом тенденции развития экономической ситуации в мире создают определённые риски, где перспективы России в эпоху глобализации зависят от объективных условий развития мирового хозяйства и субъективных — процессов, происходящих на мировой арене и в отдельных регионах РФ. Экономическая безопасность России 2018 г. все еще оставляет желать лучшего, поэтому это обуславливает поиск новых партнеров и развитие собственной экономики. В решении множества международных и внутренних российских проблем может помочь Стратегия пространственного развития РФ до 2030 г.

Подводя итоги направлений развития России с опорой на собственные силы в условиях западных санкций, можно сделать следующие выводы.

Первый — в современных условиях перед Россией стоит неотложная задача реформирования и достаточное финансирование национальной науки, иначе без этого нынешние реформы не дадут необходимого эффекта для отечественной экономики. Необходим перевод российского промышленного производства на инновационный путь развития, основанный на знаниях и расширении научно-технических связей и партнерства с мировыми научно-технологическими лидерами.

Второй — инновационная способность России является важнейшим фактором ее конкурентоспособности на мировом рынке. Если РФ будет обладать такой способностью, то будет иметь стратегическое преимущество над своими конкурентами. Следовательно, необходимо сформировать современные механизмы связи науки и бизнеса и обеспечить конкретный выбор приоритетов и «точек роста» на инновационной основе в экономической политике России на международном рынке.

Третий — Россия может и должна интегрироваться в мировое научно-техническое пространство, стать достойным партнером мировых научно-технических лидеров в области инноваций и торговли высокотехнологичными продуктами. Несмотря на уход из науки и конструкторских бюро многих ученых и изобретателей, Россия все же сохранила свой внушительный научно-технический потенциал. В РФ работает 12 % всех ученых планеты (4-е место после США, Японии и Китая), однако главная проблема заключается в том, что в стране слабо развито инновационное предпринимательство. РФ включена в процесс глобализации и уже является частью этой системы. Но это включение относится, прежде всего, к сырьевым отраслям, что позволяет характеризовать Россию рядом экспертов как «сырьевой при-

даток экономики западных стран». Но Россия продает сырье не только на Запад, но и другим странам. При этом дальнейший масштабный экспорт сырья не снимает перспектив индустриального и постиндустриального развития для России.

Четвертый — в целом будущее место России в мире зависит, прежде всего, от политики, мер и действий российского руководства, общества и государства, от масштаба и интенсивности экономических реформ и от степени интеграции России в мировое хозяйство в условиях грамотного учета современной рыночной среды. Это расширяет и углубляет научно-технический прогресс с инновационной экономикой и государственным регулированием. Таким образом, главным направлением развития России с опорой на собственные силы является повышение конкурентоспособности российской экономики при активизации инвестиционного процесса, а также сохранении науки и перевода ее на приоритетное финансирование.

Развитию двусторонних отношений России и США могут способствовать направления сотрудничества США, Китая и России по противодействию общим угрозам и вызовам на глобальном и региональном уровнях.

3.7. Направления сотрудничества США, Китая и России по противодействию общим угрозам и вызовам

Утраченные перспективы совместной борьбы с международным терроризмом

Несмотря на то, что с момента теракта 11 сентября 2001 г. прошло почти 20 лет, высокий уровень активности исламских радикалов в различных частях света продолжает указывать на наличие внушительной угрозы со стороны экстремистов для многих стран мира, в том числе для США, России и Китая. Соответственно, оправданным выглядит планомерное развитие в этих странах институтов, отвечающих за международное сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом. Это одна из ключевых областей трехсторонних связей, условно уступающая по значимости только проблемам ядерной безопасности и контроля над вооружениями¹³³. На решение этой задачи как в России и Китае, так и в США направлены усилия соответствующих структурных подразделений государственного аппарата. В РФ и США, к примеру, созданы отдельные структуры, работа которых заключается в аккумулировании всей информации, касающейся террористической угрозы, и обеспечении международного сотрудничества по этой проблематике.

В Соединенных Штатах для выполнения указанных функций в рамках реформы разведывательного сообщества в 2004 г. был создан Национальный

контртеррористический центр, а в России, взамен существовавшей с 2002 г. Федеральной антитеррористической комиссии, в 2006 г. по указу президента РФ был создан его аналог — Национальный антитеррористический комитет (НАК). На его сайте подчеркивается факт одобрения внесения изменений в российское антитеррористическое законодательство за счет создания новой структуры по борьбе с терроризмом, высказанный в ежегодном докладе Госдепартамента США. В нем, в частности, подчеркивается, что во многом благодаря эффективной работе НАК, взявшего на себя координацию работы в этой сфере, впервые за 4 года в России не было допущено масштабных терактов¹³⁴. Вместе с тем при детальном рассмотрении функционал данных организаций России и США несколько отличается.

Российский НАК возглавляет директор ФСБ, который напрямую докладывает разведывательную информацию президенту России. Соответственно, деятельность комитета сужена до рассмотрения терроризма в пределах силовых ведомств, задачи которых фокусируются вокруг профилактики терроризма, для чего создано отдельное управление в структуре центрального аппарата НАК.

В США деятельность по обработке информации в области терроризма и экстремизма это лишь часть работы, которую выполняет контртеррористический центр. По данному вопросу глава центра, назначенный для исполнения указанной должности, предоставляет доклад директору национальной разведки. Вторая миссия центра заключается в подготовке аналитических материалов и планировании контртеррористической деятельности, отчет по которым передается лично президенту США. Таким образом, в широком смысле деятельность американского центра представляет собой подобие мозгового треста, что не заложено в российском аналоге, дублирующем в каком-то смысле часть функционала ФСБ.

Важную роль в международном сотрудничестве по антитеррористическому треку в России призван был играть посол по особым поручениям специальный представитель президента РФ по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и транснациональной организованной преступностью¹³⁵. Но, несмотря на то, что в его задачи входят внешнеполитические функции, что могло бы стать серьезным подспорьем в вопросах выстраивания эффективных механизмов сотрудничества с зарубежными странами, его работа во многом дублирует это направление в силовых ведомствах. Кроме того, в задачи спецпредставителя МИД РФ входят также представительские функции, он регулярно представляет позицию России по антитеррористической тематике на международных конференциях. В частности, в докладе Исследовательского центра Agentura.ru указывается, что спецпредставитель РФ это составная часть механизма дипломатического давления на страны, не выдающие России лиц, подозреваемых в террориз-

ме, в то время как западные государства от дипломатического давления уже перешли к более регулярному и плодотворному юридическому и техническому сотрудничеству¹³⁶.

В Госдепартаменте США также имеется должность координатора по контртерроризму. Но в отличие от задач, стоящих перед российским коллегой, в обязанности американского координатора входит укрепление партнерства с неправительственными многоцелевыми организациями и иностранными государствами с целью разнообразить антитеррористические усилия, что способствует большей защищенности территории Соединенных Штатов. Также координатору отводится ведущая роль при стратегическом планировании контртеррористической миссии США за границей и особое место в международном сотрудничестве по рассматриваемому направлению. К примеру, этот координатор участвует в подготовке ежегодного доклада госсекретаря по терроризму, который представляется в Конгресс США 30 апреля.

После 11 сентября правительство КНР принимает активное участие в международных коалиционных действиях против террористов, что значительно повысило международный статус Китая и способствовало улучшению его отношений с США, Японией, Россией и Европой. При этом позиция китайского правительства в вопросах борьбы с терроризмом носит принципиальный и целостный характер¹³⁷.

Так, после теракта 11 сентября китайское правительство поддержало соответствующую резолюцию Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН и действия международного сообщества по борьбе с терроризмом. Китайское правительство стремится к укреплению сотрудничества с другими государствами в борьбе с терроризмом. В многостороннем плане КНР учредила со многими странами мира, включая США, Великобританию, Россию, Францию, Индию и Пакистан, механизмы консультаций по борьбе с терроризмом. Правительство Китая предприняло меры по борьбе с финансовым и правовым терроризмом, по обеспечению безопасности гражданской авиации, иммиграционному контролю¹³⁸. Важное значение китайское правительство придает сотрудничеству Китая и с центральноазиатскими странами. При этом китайская сторона считает:

что борьба с терроризмом должна ограничиваться определенными рамками и что военными средствами проблему терроризма не решить и выбить почву из-под ног международного терроризма можно лишь путем действенной борьбы с бедностью, разрешением региональных конфликтов, обеспечением поступательного развития;

борясь с терроризмом, необходимо руководствоваться целями и принципами Устава ООН и другими общепризнанными нормами международного права. ООН как наиболее крупная, влиятельная и представительная

международная организация призвана играть ведущую роль в вопросах борьбы с терроризмом, в кратчайшие сроки создать справедливый, рациональный и эффективный механизм международного сотрудничества в борьбе с терроризмом;

правительство КНР, поддерживая борьбу международного сообщества против террористических действий, постоянно подчеркивает, что «только точность ударов может обеспечить их эффективность». Такие удары должны быть целенаправленными, не сопровождаться страданиями невинных людей, содействовать сохранению регионального и всеобщего мира и стабильности, а также не разрушать мир и безопасность человеческого общества;

Китай твердо стоит на том, чтобы в вопросах борьбы с терроризмом существовал единый подход, чтобы не было двойных стандартов. Всем странам следует с одинаковыми критериями подходить ко всем внутренним и внешним террористическим акциям, не разграничивать их с позиции идеологии и национальных интересов. Осуждая и нанося удары по внутреннему или же международному терроризму в том или ином его проявлении, нельзя одновременно попустительствовать или поддерживать терроризм в других странах или же деятельность международного терроризма в других формах;

правительство КНР, активно участвуя в международной борьбе с терроризмом, значительно активировало антитеррористические операции и внутри страны: борьба с терроризмом включена в функции армии; повышена способность к антитеррористическим действиям оперативных подразделений, после 2002 г. в Китае принято решение о создании отрядов народной полиции на воздушном транспорте, повышена готовность против захвата самолетов; усилены тренировки на случай антитеррористических действий, а также деятельность разведывательно-координирующих органов, их связь и сотрудничество с зарубежными антитеррористическими разведывательными ведомствами.

Также следует отметить, что активная позиция Китая в борьбе против терроризма не случайна. Китай является одной из жертв терроризма. При поддержке международных террористических сил и религиозного экстремизма антикитайские сепаратисты демонстрируют растущую тенденцию к проведению насильственных действий и готовность к широкомасштабным террористическим акциям. В 1995—2000 гг. раскольнические элементы из организации «Восточный Туркестан» провели более 300 террористических актов в Синьцзяне, в результате которых погибли свыше 100 человек и более 300 человек получили ранения. Серьезный урон был нанесен развитию экономики СУАР.

Одной из проблем борьбы с терроризмом в Китае является нейтрализация западных антикитайских сил, которые стремятся затормозить развитие КНР, стимулируют деятельность, направленную на расчленение Китая.

Внешние исламистские силы, воспользовавшись тем, что Китай проводит политику реформ и открытости, а также политику свободы религии, осуществляли религиозно-культурную экспансию. Международные исламские радикальные элементы пытались достичь независимого режима и в Синьцзяне.

Раскольнические элементы в Китае и за его пределами, подстрекаемые и поддерживаемые международным панисламизмом и пантюркизмом, а также провоцируемые США и другими западными державами, пытающимися направить энергию исламских сил на Восток, никогда не прекращали свою преступную деятельность, направленную на раскол Китая. Национальные раскольники за рубежом не только создавали и создают в некоторых странах организации национального раскола, но и пытаются в отдельных странах создавать правительства в изгнании. Они требуют иностранного вмешательства в синьцзянскую проблему, готовы представить ее в ООН. Их конечная цель — с помощью заграницы создать «Восточно-Туркестанскую республику», заявляя, что «китайские мусульмане стремятся добиться того же, чего уже добились их братья в бывшем Советском Союзе», а именно — «национального самоопределения».

За вторую половину прошлого столетия серьезных действий международного терроризма против Китая не наблюдалось. По мере ускорения процесса экономической глобализации, повышения международного статуса Китая и возможного обострения в стране в переходный период различных социальных противоречий реальная угроза и потенциальное воздействие терроризма в различных формах на национальную безопасность будут возрастать. Особенно это касается террористических и насильственных действий со стороны террористических сил «Восточного Туркестана». При этом необходимо отметить, что «Восточный Туркестан» неоднороден и состоит из большого числа организаций, полуподпольных партий, ассоциаций и т. д.

Во-первых, это экстремистская организация «Исламское движение Восточный Туркестан», руководимая в свое время Хасаном Махсумом и Усамой бен Ладеном. Махсум был ответственен за дестабилизацию обстановки в трех центральноазиатских республиках — Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане, а также за проникновение боевиков в СУАР КНР. Боевое крыло «Исламского движения Восточный Туркестан» называлось «Туркестанская армия» и участвовало в войне в Афганистане на стороне талибов. В ней имелся специальный «китайский батальон», который включал в себя до 300 боевиков. Руководил им заместитель Хасана Махсума Кабар.

Во-вторых, существовала целая группа уйгуров, прошедшая подготовку в лагерях движения «Талибан» в Кабуле, Кундузе, Мазари-Шарифе, Кандагаре, Вардаке, Герате, Шибиргане и в других местах. Некоторые из этих лагерей находились непосредственно под контролем Усамы бен Ладена, остальные — под контролем талибов и «Узбекского исламского движения».

«Центральноазиатский уйгурский Хезболлах» насчитывал до 1 тыс. подготовленных бойцов с постоянными тренировочными лагерями и базами в Афганистане. «Уйгурская национальная армия» получила «боевое крещение» в июле и августе 1999 г. на базах «Талибана». Часть ее потом участвовала в боевых действиях в Афганистане, Чечне и Узбекистане либо вернулась в Синьцзян.

В-третьих, существует ряд организаций, как в самом Китае, так и за его пределами, которые находятся на полуправильном положении. Они очень нестабильны в организационном плане и принимают различные формы, отличительными чертами которых являются лишь экстремизм и религиозная направленность (как, например, «Зеленое знамя ислама»). Число этих организаций — около 40. Среди них, по крайней мере, 8 открыто провозглашают приверженность принципам насилия. Их лагеря находятся в труднодоступных районах на юге автономного района, характеризуются высокой мобильностью.

Существует и ряд «партий» и «объединений», создаваемых для проведения одноразовых террористических акций, причем не только на территории Китая.

Например, «Демократическая исламская партия Восточного Туркестана» (в июне — сентябре 1993 г. организовала серию взрывов в южном Синьцзяне, которые привели к множественным жертвам среди мирного населения), «Партия справедливости Восточного Туркестана» (организовала восстание в тюрьме Касаяра 15 июля 1996 г. — 15 убитых и более 300 раненых), «Союз национальной солидарности Восточного Туркестана», «Уйгурская молодежная ассоциация Казахстана» и т. д. При этом следует заметить, что «уйгурский вопрос» и связанные с ним обвинения в адрес Пекина сегодня со стороны Вашингтона явно активизируются. США обвиняют руководство КНР в «попрании прав человека по отношению к мусульманам-уйгурам в Синьцзяне».

Что касается конкретных механизмов и примеров российско-американского сотрудничества в борьбе с экстремизмом, то условно в рамках совместных контртеррористических усилий их можно классифицировать по типу участвующих в них субъектов как специализированные (в основном в рамках силовых ведомств) и дипломатические.

После событий 11 сентября 2001 г. контакты между спецслужбами двух стран были нормализованы. А в 2004 г., когда директор ФСБ России и глава ФБР США подписали в Меморандум о сотрудничестве между спецслужбами двух стран в сфере борьбы с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения и по целому ряду других соглашений. В ходе подписания этого документа официальные лица США и России подчеркнули, что контакты и конкретные акты сотрудничества между ука-

занными ведомствами осуществлялись и до этого. Тем не менее, было отмечено, что наличие подобного меморандума, предусматривающего обмен информацией по антитеррористической тематике и оговаривающего целый ряд последующих мероприятий, позволит упростить зависящую от двустороннего сотрудничества ежедневную работу.

В дальнейшем укрепление российско-американских связей по линии силовых ведомств, направленных на противодействие современным вызовам и угрозам, продолжилось. Оно было зафиксировано подписанием следующих документов: Меморандума о межведомственном сотрудничестве (в ноябре 2006 г.) и Меморандума о взаимопонимании (в мае 2011 г.). Подписание этих документов характеризовалось как позитивное движение в развитии взаимовыгодного российско-американского сотрудничества и предусматривало быстрый обмен разведывательной информацией, касающейся потенциальной террористической активности.

Таким образом, вследствие событий 11 сентября 2001 г. Россия в противодействии талибам приобрела для себя союзников в лице США и НАТО. Здесь также сыграло роль желание России способствовать подобным действиям в области нормализации двусторонних российско-американских отношений.

В частности, по инициативе российской стороны, ожидавшей повышения уровня исламистской активности на границах РФ в связи с продолжавшейся активизацией талибов в ИРА, под эгидой МИД России и Государственного департамента США была создана совместная Российско-американская рабочая группа по Афганистану. В рамках деятельности этой группы были изучены двусторонние, региональные и глобальные возможности противодействия угрозе роста уровня терроризма, подпитываемого режимом талибов. Косвенно сторонами также затрагивались вопросы наркоугрозы и необходимости формирования легитимного афганского правительства.

При этом Россия стала одной из первых стран, поддержавших США в их борьбе с международным терроризмом и влившимся в ряды масштабной антитеррористической коалиции, придав импульс как деятельности рабочей группы по Афганистану, так и российско-американскому контртеррористическому сотрудничеству в целом.

Россия также помогала Соединенным Штатам вооружать Северный Альянс, стоявший в фарватере борьбы с талибами на территории Афганистана, открыла границы для транспортировки американских войск и военной амуниции, предназначенной для ведения боевых действий против «Талибана» и дала согласие на размещение в странах СНГ, являющихся приоритетным направлением российской внешней политики, военных баз США и НАТО.

Кроме того, впервые с момента окончания холодной войны президент РФ В.В. Путин в телефонном разговоре пообещал американскому прези-

денту Дж.Бушу-мл. в случае приведения в боевую готовность американских войск в ходе антитеррористической войны не принимать ответных мер по наращиванию боеготовности ВС РФ¹³⁹. Эти действия российской стороны были высоко оценены в американских политических кругах и свидетельствовали об усилении российско-американской кооперации.

Вскоре после начала военной операции в Афганистане, направленной на свержение режима «Талибан» и противодействие «Аль-Каиде», стала очевидной необходимость корректировки деятельности Рабочей группы по Афганистану¹⁴⁰. В связи с чем ее функционал и задачи были расширены, а весной 2002 г., она была преобразована в Российско-американскую группу по борьбе с терроризмом, что привело к увеличению числа вопросов повестки дня и расширению мандата этой группы. Одновременно сторонами стал серьезно изучаться вопрос предотвращения угрозы использования террористами оружия массового уничтожения. Однако на эффективность рабочей группы по терроризму и на углубление российско-американского сотрудничества заметно влияла конъюнктура политических реалий.

Так, под понятие террористическая угроза в РФ наравне с признанием угрозы от незаконных вооруженных бандформирований Северного Кавказа с 2004 г. подгонялись различные политические мероприятия, не имевшие своей целью применение насилия, а иногда уголовные преступления, например — наркоторговля. Если в выступлениях Президента России В.В. Путина в 2001 г. после событий 9/11 «терроризм» характеризовался как явление извне для всего цивилизованного человечества⁶, то в 2004 г., после политического кризиса на Украине, в России появилась расширительная трактовка этого термина. Согласно ему, при определенных условиях действия, направленные на защиту демократических ценностей представлялись «питательной средой для международного терроризма», а страны Запада были обвинены в применении двойных стандартах при борьбе с сепаратизмом, в том числе, в части поддержки независимости Косово, и использовании лозунгов «защита демократии» с целью легитимации политической или военной интервенции в неугодных Западу странах¹⁴¹.

В дальнейшем, курс на эскалацию критики США и их обвинение в повороте экстремистам продолжился в течение всего периода второго срока президентства В.В. Путина. При этом отправными точками этого курса стали его заявления по поводу победы Хамасана парламентских выборах в Палестинской автономии, и организация визита ее представителей в Москву в марте 2006 г., а также обращение к проблеме терроризма в Мюнхенской речи, где действия США на мировой арене были увязаны с ростом международного терроризма¹⁴².

Подобная критика США была и в выступлениях следующего российского Президента РФ Д.А. Медведева, который после войны с Грузией

2008 г. заявил о схожести событий 8 августа 2008 г. и 11 сентября 2001 г., а также напрямую обвинил США в подготовке грузинского вторжения в Южную Осетию путем воздействия на президента М. Саакашвили¹⁴³. Приведенное выше сравнение было подхвачено российскими аналитиками, начавшими тиражировать вопрос о необходимости изменения структур глобальной безопасности в связи с зарождением прецедента использования военной силы в обход процедуры получения международного мандата ООН на ее применение¹⁴⁴.

После предложенной администрацией США во главе с Б. Обамой в марте 2009 г. перезагрузки российско-американских отношений со стороны российских властей последовали умеренные комментарии в отношении усилий Соединенных Штатов на Ближнем Востоке¹², что снизило негативную оценку американской внешней политики, преобладавшую в российских властных кругах после 2004 г. Заметным фактором укрепления сотрудничества между Россией и США по контртеррористическому направлению стало учреждение в 2009 г. Российско-американской двусторонней президентской комиссии, в рамках которой также функционировала Рабочая группа по борьбе с терроризмом. Создание подобного механизма сотрудничества позволило институализировать работу по указанному направлению, придав ей плановый характер, объединив разрозненные элементы специализированных контактов в единую систему взаимодействия.

В рамках этой группы были проведены ежегодные встречи в ноябре 2009 г. и в мае 2010 г. По результатам работы Президентской комиссии за указанный период на сайте Госдепартамента США был опубликован отчет о результатах деятельности всех рабочих групп комиссии, где среди достижений в противодействии терроризму было указано расширение и укрепление взаимовыгодного сотрудничества в сфере транспортной безопасности¹⁴⁵. Там также отмечалось, что за указанный период были предметно рассмотрены вопросы, связанные с изготовлением, идентификацией и обезвреживанием самодельных взрывных устройств, и подтверждалась взаимная заинтересованность в расширении сотрудничества в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам и дальнейшим контактам по линии Минюста США и Генпрокуратуры России¹⁴⁶.

Кроме того, отдельным итогом антитеррористического взаимодействия в рамках созданной структуры, которое было высоко оценено властью РФ, можно считать признание в июне 2010 г. Госдепартаментом США Д. Умарова международным террористом и объявление о денежном вознаграждении в размере 5 млн долл. за любую информацию о его местонахождении, а также внесение 26 мая 2011 г. группы «Кавказский эмират» в список террористических организаций.

Оба эти факта были оценены МИД РФ в качестве важного практического проявления укрепившегося взаимодействия по борьбе с терроризмом. Более того, на подобные действия администрации Б. Обамы незамедлительно отреагировали и ведущие американские научно-исследовательские центры. В частности, в сентябре 2011 г. Центр международных стратегических исследований опубликовал доклад «Правильный подход к организации Кавказский Эмират», что было расценено в России как важный сигнал к переосмыслению политической элитой США устаревшей политической логики двойных стандартов и реального восприятия общих террористических угроз, без которых невозможно выстраивать доверительное партнерство перед лицом новых вызовов¹⁴⁷.

В повестке дня Рабочей группы по тематике российско-американского взаимодействия также стояли транспортная и инфраструктурная безопасность, противодействие идеологии насильственного экстремизма и терроризма, сотрудничество правоохранительных органов и спецслужб, противодействие финансированию терроризма и многостороннее сотрудничество¹⁴⁸. Вместе с тем, несмотря на фактические шаги по укреплению двустороннего российско-американского сотрудничества в целом, а также по направлению борьбы с терроризмом, намеченные с момента создания Президентской комиссии конкретных механизмов работы по противодействию исламскому радикализму предложено не было.

Это косвенно прослеживается и в докладе о результатах работы комиссии за 2009—2011 гг., и в высказываниях в ходе дискуссии с российскими и американскими экспертами в Вашингтоне по вопросу борьбы с экстремизмом, и российско-американском сотрудничестве в Центре международных стратегических исследований в мае 2010 г. Фактически, работа по противодействию исламскому радикализму в рамках Комиссии шла почти исключительно по линии антитерроризма, что существенно снижало ее эффективность в контексте продвижения к цели минимизации угрозы, исходящей от радикальных элементов в исламе. Однако необходимо отметить, что вопросы необходимости демократизации, экономического стимулирования исламских стран, а также диалога между религиозными конфессиями также обсуждались в пределах установленного механизма российско-американского сотрудничества, и эти направления обретали значительный вес как составляющие общего решения проблемы радикализации в исламе. Тем не менее, тормозящим работу фактором оставалось отсутствие комплексного подхода к наделению подобным функционалом органа, уполномоченного в борьбе с терроризмом, а, наоборот, произошло его нивелирование до статуса силового межгосударственного ведомства. В то же время расширение деятельности Рабочей группы до уровня экспертного совета с привлечением ученых, как это было продемонстрировано в ходе встречи спецпредставите-

лей в Центре международных стратегических исследований в мае 2010 г., позволило бы устранить имеющиеся недостатки в ее работе и усилить анти-террористическое направление российско-американского сотрудничества.

С учетом ныне существующего кризиса в системе взаимодействия между Россией и США и беспрецедентного снижения уровня доверия и эффективности взаимодействия между двумя странами российская сторона стремится перевести работу по контртерроризму под эгиду ООН для придания ей большей легитимности, что неоднократно подчеркивалось в выступлениях официальных лиц России. По мнению российской стороны, необходимость сотрудничества на региональном и других уровнях не отрицается, но все вновь создаваемые дополнительные механизмы должны встраиваться в общую работу в рамках ООН с учетом ее координирующей роли в борьбе с терроризмом¹⁴⁹. В подтверждение означенной линии Россия поддержала создание под эгидой ООН Глобального контртеррористического форума, который, как предполагается, будет в дальнейшем работать над реализацией принятой в 2006 г. Глобальной контртеррористической стратегии. В состав форума вошли порядка 40 стран, включая Соединенные Штаты. Однако, несмотря на активное участие США в деятельности глобальных институтов ООН, говорить о том, что Вашингтон разделяет пристрастие Москвы к изначальной легитимации своих политических шагов посредством ООН, не представляется возможным. Следовательно, есть все основания полагать, что тенденция действовать по обстоятельствам, не оглядываясь на сторонние оценки и пренебрегая правилами процедуры, применяемая политическим истеблишментом Соединенных Штатов, сохранится, что крайне негативно воспринимается российской стороной.

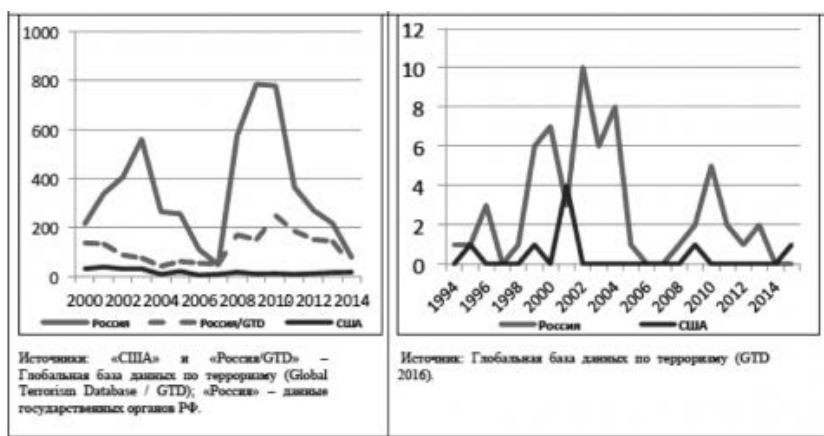
Российско-американские схождения и разногласия в области противодействия экстремизму и терроризму

В настоящее время разногласия между Россией и США в области противодействия экстремизму и терроризму носят долгосрочный характер. Они проистекают из фундаментальных различий между государственно-политическими системами, культурами, системами ценностей, историческим опытом, национальными интересами и глобальной ролью этих двух стран, которые сохраняются и в будущем¹⁵⁰.

Тем не менее, несмотря на резкое ухудшение двусторонних российско-американских отношений с 2014 г., наблюдается сближение и растущее совпадение основных типов терроризма и общего уровня террористической угрозы для России и США, а также тех контекстов, в которых эти страны противодействуют вооруженному экстремизму, включая терроризм.

Россия и США не только взаимно заинтересованы в борьбе с терроризмом в сирийско-иракском контексте и в Афганистане, но и имеют все боль-

ше оснований для обмена опытом в области противодействия замороженному экстремизму и радикализации на собственной территории. При этом угрозы терроризма и вооруженного экстремизма для России и США могут различаться по типу, масштабу, движущим силам и путям радикализации. В целом, на протяжении четверти века после окончания холодной войны Россия была более сильно и систематически подвержена терроризму на своей территории, чем США — в основном благодаря терроризму как одной из основных тактик вооруженного исламистско-сепаратистского движения на Северном Кавказе (рис. 3.11).

1

2

Рис. 3.11. 1 — теракты в России и США, 2000–2014 гг.; 2 — теракты с 10 и более убитыми в России и США, 1994–2015 гг. *Источник:* URL: <https://echo.msk.ru/blog/ponarseurasia/1926030-echo/>

На протяжении того же периода территория США в целом была мало подвержена террористическим атакам. В этом смысле беспрецедентные по масштабу теракты 11 сентября 2001 г. стали, скорее, исключением, резко контрастировавшим с минимальным уровнем террористической активности в США как до, так и после них.

А Россия за период с начала XXI в. систематически занимала гораздо более высокие места в Глобальном индексе терроризма, чем США. Так, по данным за 2002–2011 гг., за первое десятилетие после 2001 г., Россия входила в первую десятку стран мира по уровню террористической активно-

сти, заняв в ней 9-е место. Потом она опустилась сначала на 11-е место¹⁵¹, а затем на 23-е¹⁵². Такие высокие показатели контрастировали с соответствующими показателями Глобального индекса терроризма для США, которые занимали в нем лишь 41-е место за период 2002—2011 гг., 30-е согласно индексу 2014 г., и 35-е согласно индексу 2015 г. места. Однако в последнее время этот разрыв сокращается, а соответствующий общий уровень террористической угрозы на территории России и США становится более сравнимым. Так, согласно Глобальному индексу 2016 (2000—2015 гг.), РФ по уровню террористической активности занимала 30-е место, а США — 36-е.

При этом следует учитывать, что США имеют гораздо более широкие глобальные интересы и их присутствие в мире больше, чем России, что чаще делает американских граждан и объекты за рубежом мишенью транснациональных террористических сетей с глобальными целями. Поэтому подверженность США угрозе международного терроризма — сильнее, а ее масштаб и охват для США — шире чем для России, что, например, отражено и в списках террористических организаций и террористов, которые составляются Госдепартаментом и Министерством юстиции США.

При этом в официальных списках террористических организаций России и США преобладают группировки радикально-исламистского толка. Так, в ноябре 2016 г., 21 из 26 организаций в российском списке и 43 из 61 в списке «иностранных террористических организаций» Госдепа США носили радикально-исламистский характер. Минимальное пересечение между российским и американским списками, которое увеличилось в последние годы, объясняется различиями в основном типе терроризма, угрожающем каждой из этих стран, в масштабах их военного и иного присутствия за рубежом и т. д. Тем не менее, лишь в двух случаях, как в американский, так и в российский списки была включена более чем одна группировка для одного и того же региона — «Аль-Каида» и афганский «Талибан» в 2006—2010 гг.¹⁵³. А ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусра» — в середине 2010-х годов. Поэтому в настоящее время, несмотря на сильные разногласия между Россией и США по Сирии и поддержку ими противоборствующих сторон в сирийской гражданской войне, именно сирийско-иракский контекст является точкой наиболее выраженного частичного совпадения антитеррористической повестки России и США.

Особенно серьезный внешнеполитический вызов, как для США, так и для России, бросает ИГИЛ как идеология и катализатор вооруженного исламистского экстремизма. Обе страны выражают обеспокоенность транснациональными потоками боевиков в Сирию и Ирак и перспективой их возврата. Для России эта проблема стоит намного более остро, чем для США. По данным на сентябрь 2015 г., лишь 21 гражданину США удалось добрать-

ся до Сирии и Ирака и вступить в ряды ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусры». Относительная географическая удаленность зон сирийского и иракского конфликтов от США, а также в целом более низкая степень радикализации американских мусульман отчасти объясняют минимальную численность американских боевиков-джихадистов в рядах радикально-исламистских организаций в Сирии и Ираке, по сравнению с 5000 джихадистами из стран ЕС и 2900 боевиками из России.

Тем не менее, для США ИГИЛ бросает целый ряд вызовов — в Ираке, в более широком ближневосточном контексте и с точки зрения влияния и пропаганды со стороны ИГИЛ на радикализацию исламистских экстремистов в самих США. Феномен ИГИЛ серьезно подрывает перспективы стабилизации обстановки в Ираке, который и так страдает от последствий американской интервенции, слабой функциональности власти и острых конфессиональных противоречий. ИГИЛ также препятствует стабилизации в более широком Ближневосточном регионе, катализируя региональные противоречия, мешая решению сирийской проблемы и стимулируя возникновение своих радикально-исламистских «клонов» и филиалов.

Также следует отметить, что до ноября 2016 г. включительно на территории США преобладали теракты со стороны двух основных типов акторов: правых радикалов и исламистских экстремистов. И хотя в США исламистские террористы совершали теракты реже, чем правые экстремисты, от их рук погибло в 3,5 раз больше людей. При этом смертоносность терроризма исламистского типа продолжает расти в США. А при этом «доморощенный» исламистский терроризм в США в основном практикуют небольшие ячейки или индивидуальные террористы, как правило, имеющие минимальные связи — или вообще не имеющие прямых контактов — с иностранными террористическими организациями. Тем не менее, они часто радикализируются и переходят к вооруженному насилию под влиянием транснациональных радикальных идеологов и движений типа «Аль-Каиды» и ИГИЛ.

Для России вызовы со стороны ИГИЛ внутри страны не сводятся к ситуации на Северном Кавказе, включая перспективу возвращения джихадистов из Сирии и Ирака и присяг местных отрядов вооруженного подполья на верность ИГИЛ.

За пределами Северокавказского региона ИГИЛ катализовала новый феномен мелких «доморощенных» радикализирующихся ячеек и отдельных лиц в разных частях страны, минимально связанных — или вовсе не связанных — с северокавказскими боевиками. Эти ячейки отличаются от северокавказского бандподполья, но все сильнее напоминают тот тип «доморощенной» исламистской радикализации и экстремизма, который распространен в США и Европе в виде террористов-одиночек и сетевых агентов¹⁵⁴.

Таким образом, налицо усиливающиеся параллели между Россией и США в области фрагментированного вооруженного экстремизма радикально-исламистского типа в форме мелких «доморощенных» ячеек, вдохновленных тем не менее транснациональной идеологией и пропагандой, прежде всего, со стороны ИГИЛ. Если на Западе этот тип радикализации и вооруженного экстремизма уже укоренился, то для России это относительно новый феномен. Параллельно в России спад терроризма и другой вооруженной активности исламистско-сепаратистского толка на Северном Кавказе после 2010 г. сопровождался растущими проявлениями правого экстремизма все более отчетливой антииммигрантской направленности, хотя насильственный экстремизм праворадикального толка в России в основном проявлялся не столько в виде терроризма, сколько в форме стычек с целью провоцирования уличного насилия, вандализма, погромов и массовых беспорядков.

Сравнительные стратегии РФ и США по противодействию терроризму и экстремизму

Следует заметить, что на протяжении большей части начала XXI в. антитеррористические стратегии США и России носили сильно милитаризированный характер, а преобладающим подходом оставалась «война с терроризмом». Однако эти стратегии применялись в совершенно разных контекстах. Россия противодействовала терроризму в основном во внутривнутриполитическом контексте — в ходе контрповстанческой кампании на Северном Кавказе. А для США основными «фронтами» войны с терроризмом стали военные интервенции, контрповстанческие и стабилизационные операции в отдаленных от них регионах мира — в том числе в развалившихся в результате американской интервенции и расколотых государствах, таких, как Афганистан и Ирак.

Соответственно, основное решение Россией проблемы терроризма, обеспечившее устойчивое снижение террористической активности в стране после 2010 г., состояло в опоре на традиционалистские этноконфессиональные силы в самой Чечне как на преграду и хотя бы отчасти «управляемую» альтернативу транснационализированному вооруженному салафизму джихадистского толка.

В этом контексте российская военная кампания в Сирии демонстрирует хотя бы типологическое сходство с операциями военных коалиций во главе с США за рубежом, прежде всего, операции против ИГИЛ в Ираке 2014 г., затем частично перенесенной и на Сирию. Тем не менее актуальность российского антитеррористического опыта, полученного как в северокавказском, так и в ближневосточном контекстах, для США жестко ограничена, прежде всего, идеологическими причинами.

Среди них — традиционно сильный упор Вашингтона на необходимость демократизации в постконфликтных зонах, вне зависимости от контекста и применимости, и неприятие решений по типу «диктаторы против экстремистов», по крайней мере, до прихода к власти администрации Трампа в 2017 г.

Тем не менее, в последние годы и США, и Россия, хотя и в разной степени и по разным причинам, выходят за рамки сильно милитаризированных контртеррористических стратегий, а борьба с терроризмом постепенно обретает более всесторонний и целостный характер. В США в годы правления администрации Б. Обамы даже произошла определенная смена политической парадигмы — на смену «глобальной войне с терроризмом» пришло «противодействие насильственному экстремизму». Такая корректировка была продиктована все более сильной компрометацией дискурса «войны с терроризмом», в том числе в самих США, в условиях:

растущих проблем и провалов, связанных с американскими интервенциями в Афганистане и Ираке;

таких новых явлений и процессов на международном и региональном уровнях, как, например, «арабская весна» и, отчасти, рост «доморощенного» насильственного экстремизма, особенно исламистского толка, в самих США.

Эта смена парадигм в США при администрации Обамы не имела параллелей в России — прежде всего, потому, что в России политика «войны с терроризмом» и действия силового блока и структур безопасности по борьбе с терроризмом не приобрели столь спорного характера внутри страны и в целом не были политически скомпрометированы. Напротив, именно активизация борьбы с терроризмом стала одним из ключей к внутривнутриполитическому успеху В. Путина и одной из причин его значительной поддержки со стороны населения. В последние годы этот фактор был вновь актуализирован феноменом ИГИЛ на Ближнем Востоке и за его пределами, включая распространение влияния транснационального экстремизма исламистского толка в России. Таким образом, эволюция российской антитеррористической стратегии не предусматривала концептуального сдвига от контртерроризма к «противодействию насильственному экстремизму» по типу американского. В то же время в рамках доминирующего подхода Россия постепенно стала уделять все больше внимания причинам и условиям терроризма и невоенным аспектам противодействия терроризму и его предотвращения, в том числе политическими и социальными методами решения проблем развития соответствующих регионов страны и т. д. При этом сравнительный анализ американских и российских подходов к противодействию терроризму и иному вооруженному экстремизму выявляет два парадокса.

Во-первых, несмотря на более локальный характер основной угрозы вооруженного экстремизма для постсоветской России, определение и интерпретация «экстремизма» в России гораздо шире, чем американское понятие «вооруженного экстремизма». В России категория «экстремизма» носит крайне общий и размытый характер и включает любую внутреннюю и внешнюю активность, как с применением, так и без применения насилия, направленную на «нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривластной и социальной обстановки в стране»¹⁵⁵.

Во-вторых, хотя за последние 25 лет Россия была более сильно и систематически подвержена угрозам терроризма и другим действиям вооруженного экстремизма на своей территории, чем США, которые в последние годы проявляют больше интереса к превентивным мерам по противодействию радикализации и другим методам из сферы «мягкой безопасности» внутри страны, чем Россия.

Подходы США и России к противодействию экстремизму также наглядно иллюстрируют фундаментальные различия в соответствующих доминирующих системах ценностей и норм. Так, например, в области противодействия экстремизму США упирают на *демократический ответ со стороны гражданского общества, особенно на местном уровне*, а Россия — на укрепление «межнационального и межконфессионального согласия» и «традиционных для российской культуры духовных, нравственных и патриотических ценностей». Хотя эти различия и нюансы важны, их не стоит абсолютизировать. Также не следует переоценивать степень американского упора на «противодействие вооруженному экстремизму» как альтернативе борьбы с терроризмом. Концепция администрации Обамы по противодействию вооруженному экстремизму и радикализации, с повышенным вниманием к превентивным и несиловым аспектам, вряд ли будет подхвачена администрацией Трампа и уж тем более не станет для нее приоритетом.

Также надо учитывать, что при Обаме сдвиг к противодействию вооруженному экстремизму на уровне политической риторики на практике не повлиял на какое-либо существенное перераспределение финансовых расходов в области противодействия терроризму и не ослабил опор на военно-силовые операции за рубежом как на основную стратегию снижения террористических угроз территории и населению США.

Россия также не уделяла такого внимания вопросам предотвращения и противодействия экстремизму и радикализации внутри страны, как США, которые в этой области не преуспели. Тем более существующие концептуальные, политические и иные различия в подходах России и США не должны препятствовать обмену отдельными эффективными практиками в области противодействия вооруженному экстремизму, в том числе терроризму, и

извлечению уроков, как из позитивного, так и из негативного опыта друг друга — особенно с учетом того, что в плане общего уровня терроризма и типов угроз российский и американский контексты постепенно становятся более, а не менее, сравнимыми.

Возможные направления сотрудничества в противодействии терроризму

Как уже упоминалось, начиная с 2014 г. основные институциональные механизмы российско-американского сотрудничества в противодействии терроризму были свернуты или заморожены Соединенными Штатами в ответ на действия России по кризису на Украине.

Была прекращена деятельность двух рабочих групп по терроризму под эгидой двусторонней Президентской комиссии: одной — по линии МИД, другой — в составе руководителей спецслужб обеих стран. Та же участь постигла и взаимодействие России с США и другими западными странами в рамках таких многосторонних форматов, как Совет Россия-НАТО и Группа контртеррористических действий «Большой восьмерки».

И если какие-то контакты и каналы связи и сохранились, то либо на минимальном, техническом уровне в форме негласного обмена отдельной информацией между специальными службами, либо в ходе диалога и работы на уровне ООН. Например, в рамках подготовки резолюций СБ ООН по противодействию иностранным боевикам-террористам и финансированию ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусры» и группировок, связанных с «Аль-Каидой», в том числе за счет доходов от торговли нефтью и нефтепродуктами, или Глобального контртеррористического форума при ООН.

В условиях, когда институциональные форматы сотрудничества были свернуты или заморожены, а некоторые из них, возможно, и не подлежат восстановлению, Россия, Китай и США могут и должны продвигаться, по крайней мере, по двум основным направлениям в области более эффективного противодействия терроризму и другому вооруженному экстремизму к взаимной выгоде.

Первое направление — это выход за рамки заикленности предыдущих форматов почти исключительно на контртерроризме в сторону как минимум не меньшего внимания к противодействию и предотвращению насильственного экстремизма и радикализации.

Потребность в таком расширении фокуса трехсторонних контактов и будущих форматов сотрудничества отражает растущую параллельную необходимость — остро актуальную и для России, и для Китая, и для США — адекватно противостоять вызовам со стороны как радикально-исламистских ячеек внутри страны, в том числе «доморощенных», но вдохновленных транснациональными идеологиями и сетями, так и праворадикальных экстремистов.

Среди полезных практик в отдельных областях, по которым крайне желателен обмен информацией и опытом — специализированные программы противодействия радикализации молодежи, разработка антиэкстремистских и идеологических посылов, ограничение возможностей пропаганды и вербовки экстремистами сторонников посредством электронных форумов и социальных сетей. Примером такого взаимодействия является ШОС, где в рамках Регионального антитеррористического центра этой Организации Россия и Китай тесно взаимодействуют.

В плане взаимного извлечения уроков из сравнительных преимуществ друг друга в области противодействия экстремизму наиболее сильной стороной американской модели является ее особый упор на роль муниципальной полиции и вовлечение органов местного самоуправления, местных сообществ, представителей и институтов гражданского общества. Однако такая модель вряд ли применима к России с ее системой правления, слабым гражданским обществом и жесткоцентрализованной системой органов внутренней безопасности. Тем не менее, России имеет смысл внимательно присмотреться к опыту США по профилактике и борьбе с правонарушениями на уровне муниципальной полиции и даже избирательно позаимствовать некоторые элементы такого опыта. Это полезно как в специфических целях противодействия терроризму и экстремизму, так и в более широком контексте реформирования российской правоохранительной системы.

В свою очередь, главное преимущество России и Китая в этой области состоит в многовековом опыте тесного совместного проживания и взаимодействия с многомиллионным коренным мусульманским населением, хотя в последние годы в России также растет озабоченность возможной радикализацией среди мусульман-мигрантов, особенно из Средней Азии.

Нынешний американский подход к исламистской радикализации внутри США, чрезмерно копирующий британскую модель и подходы стран ЕС, в основном нацелен на мусульман-мигрантов в первом и втором поколении и мусульманские иммигрантские диаспоры. Однако не все европейские подходы адекватны североамериканским реалиям. Так, мусульмане в своей массе лучше интегрированы в Соединенных Штатах, особенно в экономическом отношении, чем в странах Европы, не говоря уже о большой коренной афроамериканской мусульманской общине. В этом смысле российский опыт может оказаться весьма полезным для США — особенно в плане того, как России, при всей тяжести террористических угроз ее безопасности и при всей жесткости ее подхода к борьбе с исламским экстремизмом, в целом удалось избежать отчуждения своего многочисленного и хорошо интегрированного коренного мусульманского населения.

Вторым направлением является активизация сотрудничества России и США по конкретным региональным и функциональным проблемам, пред-

ставляющим взаимный интерес. Спектр таких проблем — от специфических вопросов и инцидентов в сфере безопасности, требующих срочных и прямых контактов между спецслужбами, предоставления разведанных и обмена ими, до крупных региональных вооруженных конфликтов вроде Сирии и Афганистана.

Среди недавних примеров функционально-технических контактов — предоставление России разведанных ФБР о террористической атаке на российский пассажирский самолет над Синаем в 2015 г. и консультирование российских спецслужб по поводу обеспечения безопасности предстоящего в 2018 г. в России чемпионата мира по футболу.

В более широком международном плане, США и Россия — это те две державы, которые лучше всего способны обеспечить, чтобы именно иракско-сирийский и афгано-пакистанский контексты оставались приоритетами глобальной антитеррористической повестки дня, а Китай может внести существенный вклад в стабилизацию обстановки в Афганистане. Эти страны в рамках коалиции могут и должны служить примерами активизации многосторонних усилий по поиску путей реального урегулирования этих конфликтов как долгосрочной глобальной стратегии по сокращению и предотвращению терроризма. При этом существующие конфликтные зоны в мире являются аренами наиболее интенсивных и широко транснационализированных региональных конфликтов, в том числе гражданских войн в ослабленных и полуразвалившихся государствах, и именно на них приходится до двух третей всей террористической активности в мире.

Разрешение таких сложных, сильно фрагментированных конфликтов часто ставит заинтересованных международных игроков перед сложным выбором, сильно зависящим от конкретного контекста. Например, особенно актуальна необходимость провести грань между вооруженными акторами, способными к участию в политическом урегулировании, и крайними, непримиримыми транснациональными вооруженными экстремистами или между реальной эволюцией радикальной группировки в направлении мирного процесса и национального политического урегулирования — и имитацией такой эволюции.

И решения сложных вопросов такого рода, как в сирийском контексте, так и за его рамками, вряд ли могут быть найдены, реализованы или универсально признаны в отсутствие совместных усилий и договоренностей США, Китая и России. Именно такой опыт совместного решения конкретных и острых региональных и других проблем, представляющих взаимный интерес, может не только способствовать общему улучшению российско-американских и американо-китайских отношений, но и стать основой для восстановления, совершенствования и создания более тесных механизмов совме-

стного сотрудничества в области противодействия террористическим угрозам и сепаратизму на планете.

Что касается других направлений сотрудничества России, США и Китая в областях представляющих угрозу не только их национальным интересам, но и всей системе глобальной безопасности, то и здесь ситуация выглядит не лучшим образом. Это касается и системы ограничения стратегических наступательных вооружений, и распространения оружия массового поражения на планете и ограничения вывода оружия в космическое пространство, и совместных миротворческих операций для прекращения локальных конфликтов. И основная вина в этом лежит на Соединенных Штатах, которые считают себя «нацией № 1» которой другие субъекты международных отношений должны безоговорочно подчиняться.

И пока в американском менталитете не произойдет сдвиг в сторону осознания реалий современного мира, эта ситуация не изменится в лучшую сторону.

Примечания

¹ *Шадрин Е.* Стратегическое партнерство России и Китая: перспективы развития. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/>

² *Морозов Ю.* К чему может привести публикация мифов о китайской угрозе // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. № 2. С. 118—129.

³ Россия и Китай начинают десятки совместных проектов. URL: <https://vz.ru/politics/2015/5/8/574698.html>

⁴ *Рогозин* рассказал о динамике развития торговых отношений с КНР. URL: <https://versia.ru/rogozin-rasskazal-o-dinamike-gazvitiya-torgovux-otnoshenij-s-krp>

⁵ Становление и развитие российско-китайских отношений в современный период. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/>

⁶ *Ли Бо.* Пусть китайские строители строят дома в России // Китай-2013. № 9.

⁷ *Чун Яту.* Визит Чжан Гаоли в Россию // Китай-2013. № 7.

⁸ *Островский А.* О перспективах сотрудничества России и Китая. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_8dc_jWLSWc

⁹ *Мельник М. К.* Совместные инновационные проекты России и Китая // Молодой ученый. 2018. № 34.

¹⁰ Официальный интернет-портал государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». URL: <https://www.rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/>

¹¹ Официальный интернет-портал информационного агентства Интерфакс: URL: <http://www.interfax.ru/business/544603>

¹² Официальный интернет-портал ООО «Компания Востсибуголь». URL: <http://old.kvsu.ru/news/3024.html>

- ¹³ *Чжао Хуашэн*. Россия—Китай: почему «горячо» в политике и «холодно» в экономике? URL: http://perevodika.ru/articles/1204190.html?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com
- ¹⁴ *Цзунь Хэ*. Внешнеторговая ситуация будет усугубляться // Китай-2013. № 8.
- ¹⁵ *Шу Кэ*. Небывалый уровень сотрудничества // Китай-2012. № 7.
- ¹⁶ *Юэ Ляньго*. Новый «двигатель» развития российско-китайских отношений // Китай-2013. № 4.
- ¹⁷ *Ли Айминь*. Широкие перспективы китайско-российской торговли // Китай-2012. № 9.
- ¹⁸ *Хуньюй Бянджи*. Китай и Россия приступают к реализации 73 совместных проектов. URL: <https://ruesonomics.ru/240637->
- ¹⁹ Экономика Китая. URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?count=china&razdel=country>
- ²⁰ Революция зонтиков. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
- ²¹ *Войнаков В.* Российско-китайские отношения: основные направления сотрудничества в XXI веке. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/rossijsko-kitajskie-otnosheniya>
- ²² Лидер КНР подтвердил свой приезд на празднование Дня Победы в Москву. URL: <http://russian.rt.com/article/80557>
- ²³ Российско-китайские отношения и направления сотрудничества в XXI веке. URL: <http://voprosik.net/sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya/>
- ²⁴ Российско-китайские отношения: основные направления сотрудничества. URL: <http://www.nbenegroup.com/understanding/innovation.html>
- ²⁵ Современное состояние российско-китайских отношений. URL: <https://studwood.ru/1059170>
- ²⁶ *Титаренко М.Л.* Россия. Безопасность через сотрудничество: восточноазиатский вектор. М., 2003. С. 223.
- ²⁷ *Фэн Шаолэй*. Политическое сотрудничество России и КНР. URL: http://www.globalaffairs.ru/person/p_2409
- ²⁸ *Лавров С.* Россия—Китай: партнерство, открывающее будущее // Жэньминь Жибао. 2004.
- ²⁹ *Ларин В.* Российский вектор политики КНР: новые веяния и старые проблемы // Россия и АТР. 2009. № 3.
- ³⁰ *Ванг Гуангченг*. Китайская политика «добрососедства» // Internationale Politik. 2006. № 2. С. 69—77.
- ³¹ Информационное агентство Rambler. URL: <http://finance.rambler.ru/news/economics/108007694>.
- ³² Некоторые аспекты политического взаимодействия России и Китая. URL: <https://allbest.ru/otherreferats/international/00193472>
- ³³ *Овчинников В.* Цепь из тринадцати вершин // Российская газета. 2005. № 3808.
- ³⁴ *Гельбрас В.Г.* Российско-китайские отношения и проблемы глобализации // Альманах «Восток» 2007. № 1.

³⁵ Холбрук Ричард. Проблемы американо-китайских отношений // The Wall Street Journal. URL: <http://inosmi.ru/world/20050531/219983.html>

³⁶ Морозов Ю.В. Влияние ближневосточного кризиса на национальные интересы государств ШОС // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 27—41.

³⁷ Морозов Ю.В. Перспективы стратегии России в Северо-Восточной Азии в XXI веке // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 21. С. 34—45.

³⁸ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2009. 280 с.

³⁹ Соловьев Э. Украинский разлом в российско-американских отношениях. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=287471>.

⁴⁰ Итоги 2015: Россия убивает порты Прибалтики, а Белоруссия и Китай — спасают // ИА REGNUM. 06.01.2016.

⁴¹ URL: http://regnum.ru/news/economy/2049222.html?utm_source=infox.sg

⁴² Договор о создании Союзного государства РФ и РБ от 8 декабря 1999 г. // Бюллетень международных договоров. 2000. № 3; Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 146.

⁴³ «Шелковый путь» в обход ключей Украины // Pravda.Ru. 06.01.2015.

⁴⁴ Аганбегян А. Густой навар. Кто больше пострадал в кризис — население или бизнес? // Аргументы и факты. 2016. № 6.

⁴⁵ Трегубова Е. Прощённые миллиарды // Аргументы и факты. 2014. № 30.

⁴⁶ Клименко А.Ф. Государства-участники и наблюдатели ШОС, их интересы и влияние на стратегическую ситуацию в Центральной Азии // Мировые державы в Центральной Азии: М.: ИДВ РАН, 2011. С.91—152.

⁴⁷ Исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства. М.: ИДВ РАН, 2015.

⁴⁸ Портяков В. Сотрудничество в сфере безопасности между Китаем, Россией и республиками Центральной Азии. URL: http://www.ifes-gas.ru/images/stories/2016/port_yakov-2-2016_jun_ru.pdf

⁴⁹ Организация Договора о коллективной безопасности и безопасность в Евразии // Публичный доклад Аналитической ассоциации ОДКБ.

⁵⁰ В число «Стамбульского процесса» входят его 14 участников, а также Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Туркмения.

⁵¹ Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2011.

⁵² ШОС готова к сотрудничеству по противодействию вызовам и угрозам безопасности. URL <https://tass.ru/politika/2019845>

⁵³ Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи. М.: Научный эксперт, 2016. 130 с.

⁵⁴ Жи Сююй. Перспективы экономических, торговых отношений между Китаем и Россией // Китай Пресс. 2010. С. 38—40.

⁵⁵ Шохзода С. Проблемы региональной безопасности Центральной Азии: внутренние аспекты в теории и на практике. URL: <http://centralasia.narod.ru/articles/1.htm>

⁵⁶ *Богатуров А.Д.* Россия в глобальной системе обеспечения энергетической безопасности // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: Энергетика и политика. М., 2005. Вып. 2.

⁵⁷ *Ремская К. А.* Проектный метод как один из современных методов организации внешнеэкономической деятельности на предприятии // *Juvenisscientia*. 2015. № 1. С. 56—59.

⁵⁸ *Вихрев М.* Исламские организации и их влияние на существование и распространение исламистского экстремизма. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1122192600>

⁵⁹ *Звягельская И.Д.* К вопросу об угрозах безопасности в Центральной Азии. URL: <http://viperson.ru/wind.php?>

⁶⁰ *Денисов И.Е.* Пекин выйдет из тени по Шелковому пути. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/>

⁶¹ *Лузянин С.Г., Семенова Н.К.* Россия — Китай — Центральная Азия: транспортные и энергетические интересы // *Обозреватель*. 2016. № 2 (313). С. 61.

⁶² *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. URL: http://www.fundeh.org/files/publications/132/kazancev_a_a_bolshaya_igra_s_neizvestnymi_pravilam.pdf

⁶³ Доклад Центра антитеррористических программ «Специфика проявлений терроризма и экстремизма в Центральной Азии». URL: <http://www.tetronet.ru/analytic/64.html>

⁶⁴ *Аристова Л.Б., Семенова Н.К.* Энергетические (углеводородные) проекты в Центральной Азии: потенциальные риски и возможности усиления конкуренции России и Китая / Институт востоковедения РАН. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 41—71.

⁶⁵ *Лузянин С.Г.* Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014—2015. Рабочая тетрадь. РСМД. М.: Спецкнига, 2015. С.10—12.

⁶⁶ *Лукин А.В.* Шанхайская организация сотрудничества: в поисках новой роли // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Shankhaiskaya-organizatsiya-sotrudnichestva-v-poiskakh-novoi-rol-i>

⁶⁷ *Лузянин С.Г.* Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014—2015...

⁶⁸ *Кашин В.Б., Пятачкова А.С.* Россия и Китай: отношения стратегической неопределенности. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-kitay-otnosheniya-strategicheskoy-neopre/82_centero.ru

⁶⁹ *Лузянин С.Г.* Российско-китайский диалог: модель 2016: доклад № 25/2016.

⁷⁰ *Крупчина Л.Н., Фролов Д.В.* О крупнейших проектах российско-китайского внешнеэкономического сотрудничества // *Молодой ученый*. 2016. № 14. С. 351—353.

⁷¹ Российская «Большая Евразия» и китайская инициатива «Пояса и Пути»: сравнительная характеристика и взгляд из Китая. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/10861>

- ⁷² Лузянин С. Г. Российско-китайский диалог: модель 2015: доклад № 18/2015. М.: Спецкнига, 2015. 32 с.; *Он же*. Развитие российско-китайских отношений на примере глобальных проектов: доклад. М.: Центр политической информации, 2015. 22 с.
- ⁷³ Жи Сяюй. Перспективы экономических, торговых отношений между Китаем и Россией. Пекин: Китай Развитие Пресс, 2010. С. 38—40.
- ⁷⁴ Войтенко В.П. Торгово-экономическое сотрудничество России и Китая: состояние, проблемы, перспективы // Парламентская ассамблея НАТО, Комитет по экономическим вопросам и безопасности. 2014. № 4. С. 34—39.
- ⁷⁵ Ли Кэцян: мы готовы развивать сотрудничество с Россией на Дальнем Востоке. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/19661/>
- ⁷⁶ Мозиас П.М. Российско-китайское экономическое сотрудничество // Обозреватель. 1994. № 9. URL: http://observer.materik.ru/observer/N09_94/9_10.htm.
- ⁷⁷ Трошин Н.Н. Потенциал российско-китайского инвестиционного сотрудничества. URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2017/5/11.pdf>
- ⁷⁸ Проблемы национальной стратегии. 2017. № 5(44).
- ⁷⁹ Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/=
- ⁸⁰ The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.ZS?display=graph>
- ⁸¹ Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/#
- ⁸² Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 63.
- ⁸³ Цвигун И.В. Российско-китайское экономическое сотрудничество: состояние и перспективы развития // Сборник трудов конференции по развитию сотрудничества в сфере экономики, политики и юриспруденции между Россией и Китаем. 2014. С. 207.
- ⁸⁴ Основные итоги инвестиционного сотрудничества России и Китая / Портал внешнеэкономической информации. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/
- ⁸⁵ Центральный банк РФ. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs>
- ⁸⁶ Александрова М.В. Приграничная торговля с Китаем затихает перед новым подъемом // Российская газета. Спецвыпуск «Китай». № 5016 (192). URL: <http://www.rg.ru/2009/10/13/volny.html>.
- ⁸⁷ Китайско-российское сотрудничество в финансовой сфере имеет большие перспективы. URL: http://russian.news.cn/2018-09/15/c_137470180.htm
- ⁸⁸ Новые платформы сотрудничества Китая и России: перспективы развития. URL: <https://tass.ru/pmef-2018/articles/5232189>
- ⁸⁹ Титов Б. В российско-китайском сотрудничестве еще много нераскрытого потенциала. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-10/23/content_36871751.htm

⁹⁰ Российско-китайское приграничье: использование потенциала сотрудничества. URL: <http://naukarus.com/rossiysko-kitayskoe-prigranichie-ispolzovanie-potentsiala-otrudnichestva>

⁹¹ Journal of Economy and entrepreneurship. Vol. 9. Nom. 4—2.

⁹² Военное и военно-техническое сотрудничество России и Китая. URL: <http://ria.ru/spravka/20140520/1008416110.html#ixzz3eUBpUv7N>.

⁹³ Российско-китайское военное сотрудничество. URL: <https://topwar.ru/30726-rossiysko-kitayskoe-voennoe-sotrudnichestvo.html>

⁹⁴ Научно-техническое и инновационное сотрудничество России и Китая. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/5690>.

⁹⁵ Эксперт рассказал о перспективах сотрудничества России и Китая в космосе. URL: <https://ria.ru/20180704/1523908220.html>

⁹⁶ Шмат В. Нефтегазовый дугцванг. Очерки экономических проблем российского нефтегазового сектора. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=2237&type=news>

⁹⁷ Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. URL: <https://www.kommersant.ru/Docs/2011/2011d153-doklad.pdf>

⁹⁸ Новый этап в развитии научного сотрудничества между Китаем и Россией. URL: <http://mo.bobrodobro.ru/9965>

⁹⁹ New China bond licences raise more questions // AsiaMoney. 2017. URL: <https://www.euromoney.com/article/b12khpksz7yfm/new-china-bond-licences-raisemore-questions>

¹⁰⁰ В Китае заявили о грандиозном нераскрытом потенциале в торговле с Россией. URL: <https://russian.rt.com/world/news/368236-kitai-rossiya-potencial-torgovlya>

¹⁰¹ Российско-китайское военно-техническое сотрудничество, взаимодействие в сфере высоких технологий и освоения космоса. URL: https://studwood.ru/505686/istoriya/rossiysko-kitayskoe-voenno-tehnicheskoe_

¹⁰² «Мягкая сила» Владимира Путина // Независимая газета. 10.07.2012. URL: http://www.ng.ru/world/2012-07-10/1_putin.html

¹⁰³ «Мягкая сила» во внешней политике РФ — величина, практически отсутствующая. URL: Electorat.info

¹⁰⁴ России нужна «мягкая сила». Выступления участников заседания Российского общественного совета по международному сотрудничеству 31 октября 2012 г. // Российская газета. 01.11.2012.

¹⁰⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 12 февраля 2013 г. // Официальный сайт МИД РФ.

¹⁰⁶ Россотрудничество является элементом «мягкой силы». Интервью с А.Г. Чесноковым. Радио «Голос России». 26.03.2012.

¹⁰⁷ «Мягкую силу» снабжают средствами // Коммерсантъ. 05.05.2013.

¹⁰⁸ Выступление С.В. Лаврова на юбилейной конференции «Россия в мире силы XXI века», приуроченной к 20-летию СВОП. Москва, 1 декабря 2012 г. // Официальный сайт МИД РФ.

¹⁰⁹ Указ Президента РФ от 8 мая 2013 г. № 476. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/>

¹¹⁰ *Матвейчев О.А.* «Сверхоружие» в области «мягкой силы» // Независимая газета. 10.02.2014.

¹¹¹ *Русаков В. М., Русакова О. Ф.* Реализация технологий «мягкой силы» во внешней политике России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-tehnologiy-myagkoj-sily-vo-vneshney-politike-rossii>

¹¹² Выступление и ответы на вопросы С.В. Лаврова в рамках «правительственного часа» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Москва. 18.12.2013.

¹¹³ *Резенова Д.* Исторический опыт стратегемности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая. URL: <http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/86152>

¹¹⁴ *Морозов Ю.В., Сафронова Е.И.* Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г.: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства. М., 2015. С. 119—128.

¹¹⁵ Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/>

¹¹⁶ *Богачев А.М., Лагутин М.М.* «Мягкая сила» русской цивилизации на постсоветском пространстве. URL: <http://www.xn--80ajkthhn.xn--p1ai/%D0%>

¹¹⁷ Роль «мягкой силы» России в формировании благоприятного бизнес-климата. URL: <http://delonovosti.ru/analitika/3567>

¹¹⁸ *Морозов Ю.В.* Трансформация миротворческой деятельности США и ее влияние на региональную стабильность // Мировые державы в Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 153—183.

¹¹⁹ Ежегодник СИПРИ. М.: ИМЭМО, 2008. С. 136.

¹²⁰ В настоящее время китайский миротворческий контингент — это 1 тыс. 962 подготовленных военных.

¹²¹ Миротворческая операция на Украине: возможности и препятствия // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/analytics/20140902/1022446845>.

¹²² Миротворцы ООН возвратились в Сирию. URL: <http://arsenal-otechestva.ru/article/1105>

¹²³ *Морозов Ю.В.* Афганистан после 2014 года: стабильность для государств ШОС или новый виток напряженности в Центрально-Азиатском регионе? // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 94—115.

¹²⁴ *Сафронова Е.И.* Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран-членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования // Шанхайская организация сотрудничества. К новым рубежам развития. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 161—182.

¹²⁵ Опросы, проводившиеся центрами «Ижтимоий Фикр», SIAR — Bishkek и Gallup в 2003—2008 гг. Официальный сайт ШОС. URL: <http://www.sectesco.org/ru123/show.asp?id=81>.

¹²⁶ Сафронова Е.И. 10 лет ШОС: некоторые итоги сотрудничества стран Организации в области здравоохранения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 96—123.

¹²⁷ Смородина Ю.В. «Мягкая сила» России и пути повышения ее эффективности. URL: <http://rossovmir.ru/files/184.pdf>

¹²⁸ Фатеев Д.В. Эффект «мягкой силы» и её применение в РФ. URL: <http://nic-pnb.ru/raboty-molodyx-uchyonux/effekt-myagkoj->

¹²⁹ Цветков И. Кризис в российско-американских отношениях (2012—2018). URL: <https://ushistory.ru/component/comprofiler/userprofile/65-ivan-tsvetkov?Itemid=408>

¹³⁰ Проблемы и перспективы российско-американских отношений на современном этапе. URL: https://otherreferats.allbest.ru/international/00819500_0.html

¹³¹ Песков назвал главную цель несостоявшейся встречи Путина и Трампа в Аргентине. URL: https://life.rupieskov_nazval_ghlavnuiu_tsiel_niesostoiavshiesia_vstriechi_putina_i_trampa_v_arghientinie

¹³² Международные угрозы 2018. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/forecasts/mezhdunarodnye-ugrozy-2018/>

¹³³ Цуркан А.А. Механизмы российско-американского сотрудничества в противодействии угрозам международного терроризма и исламского радикализма. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=344>

¹³⁴ Выступление первого заместителя руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета Е.П. Ильина на Третьей международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. URL: <http://nak.fsb.ru/nac/structure.htm>.

¹³⁵ Эта должность была учреждена в соответствии с указом Президента России от 11 октября 2004 г.

¹³⁶ U.S. President George W. Bush Freezes Terrorists' Assets, The Rose Garden, September 24, 2001. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010924-4.html>.

¹³⁷ Китай в борьбе с сепаратизмом и терроризмом. URL: <http://naukarus.com/kita-y-v-borbe-s-separatizmom-i-terrorizmom>

¹³⁸ Ян Хуэй. Люань пин дань дай кун бу чжу и : [Некоторые замечания о современном международном терроризме и борьбе против терроризма] // Гоцзи чжаньлюэ яньцю. 2002. № 1. С. 6—10, 14.

¹³⁹ Заявление президента России В.В. Путина в связи с террористическими атаками в США, Москва, Кремль, 11 сентября 2001 г. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2001/09/11/0003_type63374type82634

¹⁴⁰ Трубников В.И. Российско-американская рабочая группа по борьбе с терроризмом. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_6_2.htm

¹⁴¹ *Лавров С.В.* Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия в глобальной политике. 2004. Ноябрь—декабрь.

¹⁴² Выступление президента России В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 10 февраля 2007. URL: <http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737>

¹⁴³ Стенографический отчет о встрече Президента России Д.А. Медведева с участниками международного клуба Валдай. URL: <http://archive.kremlin.ru/appears/2008/09/12/1518>

¹⁴⁴ *Ovchinsky Vladimir.* The Flipside of September 11, 2001 // Russia in Global Affairs. № 4. December 2008.

¹⁴⁵ Результаты деятельности рабочих групп российско-американской Президентской комиссии в 2009—2010 гг., URL: <http://www.state.gov/documents/organization/143806.pdf>

¹⁴⁶ Комментарий Департамента информации и печати МИД России по поводу публикации в США доклада «Правильный подход к организации Кавказский эмират», 30.09.2011. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/4A47460A623B0343C325791B003A4196

¹⁴⁷ Результаты деятельности рабочих групп российско-американской Президентской комиссии в 2009—2010 гг. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/143806.pdf>

¹⁴⁸ В мае 2011 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании по авиационной безопасности, а также по вопросу о размещении федеральных маршалов на американских воздушных судах, осуществляющих полеты между США и Россией.

¹⁴⁹ Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 27 сентября 2011 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2fee282eb6df

¹⁵⁰ *Степанова Е.* Как и почему Россия и США могут сотрудничать в противодействии терроризму. URL: <https://echo.msk.ru/blog/ponarseurasia/1926030-echo/>

¹⁵¹ Согласно «Глобальному индексу терроризма» 2014, который охватывал период 2000—2013 гг. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info>

¹⁵² Согласно «Глобальному индексу терроризма» 2015 г. за период 2000—2014. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info>

¹⁵³ В 2010 г. афганское движение «Талибан» было исключено из списка «иностранных террористических организаций» Госдепа США. Официальный российский список террористических организаций был впервые опубликован в июле 2006 г.

¹⁵⁴ *Степанова Е.* «Исламское государство» как проблема безопасности России: характер и масштаб угрозы // ПОНАРС Евразия, аналитическая записка. 2015. № 393. Декабрь.

¹⁵⁵ *Тренин Д., Кулаков О., Малашенко А., Топычканов П.* Афганистан после вывода войск международной коалиции: угрозы, риски и вызовы для Российской Федерации. М.: Московский центр Карнеги, 2014. Апрель.

Заключение

В результате анализа перспектив развития взаимоотношений России — Китая — США в рамках «стратегического треугольника» с точки зрения национальных интересов РФ автор данной монографии пришел к следующим выводам и практическим рекомендациям органам власти РФ.

В перспективе взаимоотношения акторов «треугольника» будут напоминать биполярную систему отношений эпохи холодной войны, с той разницей, что в одной стороне будет находиться Россия и Китай вместе с государствами — сторонниками многополярности, в другой — США и их сателлиты, придерживающиеся однополярной системы отношений в мире во главе с Соединенными Штатами. В рамках этого «треугольника» Россия будет противостоять США в политической и военной областях, а Китай — в экономической области. При этом Китай будет постепенно наращивать свою военную мощь и активность мире.

Цели и политика Китая и России будут носить в «треугольнике» схожий между собой характер: и та, и другая сторона будут использовать тесные двусторонние связи в качестве выигрышного аргумента в отношениях каждой из них с США. И чтобы не «пропустить» негативных для себя моментов, они будут внимательно наблюдать за диалогом друг друга с Соединенными Штатами. А США в рамках политики «разделяй и властвуй» продолжат курс на разрыв их связи; ведя «войну на два фронта», будут усиливать попытки провоцировать ситуации, ставящие РФ и КНР в положение политического и экономического выбора, требующего жертв на китайско-российском треке. При этом США по-прежнему будут преследовать цель гарантировать безоговорочное американское лидерство в мире.

Поэтому при любом варианте развития событий в рамках «треугольника» в интересах России целесообразно продолжать сложившуюся линию на дальнейшее развитие российско-китайских отношений. В диалоге с КНР ей разумно опираться на те сферы, где имеет место не декларативная, а подлинное совпадение их интересов. Вместе с тем нужны трезвая оценка и понимание того, что в ряде случаев тезисы о «координации, сочетаемости и совпадении интересов» в отношениях РФ и КНР все еще нуждаются в серь-

езном практическом наполнении (Центральная Азия, сопряжение ЕАЭС и ЭПШП, инвестиционное, приграничное сотрудничество и т. п.).

На этом фоне для РФ будет более востребована максимально возможная диверсифицированная политика в рамках «треугольника», какой бы сложной не выглядела ее реализация и, исходя из существенной разницы между Россией, США, и Китаем в экономической области, ей необходимо усиливать взаимодействие с КНР по всем направлениям сотрудничества на глобальном и региональном уровнях, соблюдая при этом свои национальные интересы.

Основные направления глобального партнёрства России с Китаем целесообразно проводить с учетом необходимости реализации их общей концепции соразвития. Ее важнейшими элементами являются: сотрудничество по линии ООН и ее укрепление в качестве гаранта международной стабильности; активизация взаимодействия по вопросам глобальной безопасности и экономического сотрудничества в рамках БРИКС и РИК по линиям, представляющим их общий интерес; сотрудничество в рамках АТЭС и форума АСЕАН, которые содействуют укреплению стабильности в АТР; развитие архитектуры международных институтов по предотвращению распространения ОМП; совместное противодействие созданию региональных систем ПРО, направленных против РФ и КНР; активизация сотрудничества в Евразии при активном участии ШОС, направленного на противодействие «трем силам зла», и насыщение антитеррористического взаимодействия практическим содержанием в рамках РАТЦ ШОС, что обеспечит успешное решение Россией и Китаем вопросов безопасности и снизит риск возникновения региональных конфликтов на их рубежах.

Для улучшения регионального взаимодействия было бы целесообразно: расширять масштаб двусторонней торговли, развивая рыночную открытость и ускоряя строительство современной логистической платформы; совершенствовать положения законодательства РФ об инвестициях, устраняя административные барьеры и прибегая к более гибким методам инвестирования проектов; углублять взаимодействие в научно-технической области, реализуя ряд важных научно-технических проектов по важным для РФ и КНР направлениям; расширять сотрудничество в приграничных регионах, ускоряя трансграничный обмен и строительство объектов инфраструктуры, упорядочив процесс прохождения грузов через границу, совместно борясь с «серой растаможкой» и создавая благоприятную среду для всестороннего сотрудничества.

Эти направления напрямую затрагивают перспективы евразийской интеграции, так как проекты, которые продвигают РФ и КНР (ЕАЭС и ЭПШП), направлены на выстраивание региональной архитектуры вокруг их интеграционного ядра. Это обуславливает необходимость продолжения

поиска компромиссов между Россией и Китаем при реализации интеграционных проектов в Евразии. А взаимодействие России и Китая в Арктическом регионе целесообразно рассматривать в контексте сопряжения ЭПШП и Северного морского пути, что обуславливает продолжение взаимовыгодного сотрудничества при реализации проектов освоения РФ в Арктике.

В ближайшей перспективе важнейшей задачей для России может стать поиск варианта сбалансированной континентальной геостратегии, основным направлением которой способно стать согласование с Китаем формата широкого евроазиатского политического альянса. Также необходимо ясно понимать, что новая стратегия России не имеет права исключать возможность возникновения за ее спиной американо-китайского сговора, когда США «уступят» КНР евроазиатское пространство и поддержат некий китайский проект его геополитической реорганизации. При этом необходимо обратить внимание на идеологический контекст китайско-американских взаимоотношений: китайское руководство не может себе позволить не отвечать на попытки США привнести в КНР политическую смуту и общественный хаос, создавая предпосылки для смены режима в стране.

Публичное дистанцирование Китая от глобального соперничества с США наводит на мысль о том, что Пекин приступил к переоценке своих реальных возможностей на мировой арене, рассчитывая сконцентрировать основные усилия в Евразии, внимательно отслеживая настоячивые попытки Германии начать собственную геополитическую игру на евроазиатском пространстве. Кроме того, для США российское взаимодействие с другими странами в Евразии остается весьма настораживающим с точки зрения ослабления их позиций на континенте.

Целесообразно отказаться от планов создания российско-китайского военно-политического союза, направленного против США — на такой альянс Китай в ближайшее время не пойдет. Но и не отказываться от попыток нормализации российско-американских отношений — односторонняя зависимость от КНР в рамках «стратегического треугольника» не в интересах России. Ввиду экономической слабости РФ, она не должна быть заинтересована в том, чтобы взаимоотношения в рамках «треугольника» были бы сведены исключительно к решению экономических проблем.

Реализации глобальных и региональных направлений сотрудничества будет способствовать использование «мягкой силы» России и Китая в интересах реализации их национальных интересов в мире. А задействование возможностей «мягкой силы» должно стать самоценным вектором внешней политики РФ, нацеленным на поддержание ее положительного международного имиджа. Если Россия не будет целенаправленно уделять внимание ее развитию, вкладывая в нее достаточные средства, то ее соперники смогут расширить собственное культурное присутствие в важных для националь-

ных интересов России регионах мира, заметно потеснив ее с занимаемых позиций.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе повестка двустороннего взаимодействия России с США будет ограниченной. При этом основная часть международных проблем, в которых проявляется конкуренция между ними, будет касаться их стратегического паритета, региональных кризисов и геополитического соперничества в плане расширения НАТО, ситуации на Украине, а также ряда других вопросов. В связи с этим важную роль в борьбе с этими вызовами и угрозами будет играть практическое взаимодействие России с другими государствами мира.

Однако диалог с США по региональным проблемам не потеряет своего значения для уменьшения недопонимания и снижения вероятности возникновения непреднамеренного конфликта. Это особенно важно в свете того, что украинский кризис изменил относительную значимость Евроазиатского региона для внешней политики России. На других континентах — на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, Африке и в Арктике конкуренция между Россией и США будет по-прежнему высокой. Относительно АТР, то целесообразно оценить выдвинутую США идею «Индо-Тихоокеанского региона», которая может оказаться полезной для российских интересов из-за возникновения жесткой конкуренции между США, Китаем, Индией и Японией, что неизбежно отвлечет усилия США от попыток противодействия российским мероприятиям по налаживанию более тесного взаимодействия со странами АСЕАН.

Что касается конкретных направлений сотрудничества России и США в рамках «треугольника» в части касающихся областей, представляющих угрозу не только их интересам, но и системы глобальной безопасности, то и здесь ситуация в среднесрочной перспективе выглядит не лучшим образом. Это касается и системы ограничения СНВ и распространения ОМП, ограничения вывода оружия в космическое пространство, совместных миротворческих операций и т. п. Основная вина в этом лежит на Соединенных Штатах, для которых другие субъекты международных отношений должны безоговорочно им подчиняться. И пока в американских законодательных органах власти не произойдет сдвиг в сторону осознания реалий современного мира, эта ситуация не изменится в лучшую сторону. Поэтому было бы целесообразно предпринять шаги по повышению роли России в борьбе с современными вызовами и угрозами, активно продвигая на международной арене свои инициативы. Это относится как к глобальным проблемам (в том числе систем СНВ, распространения ОМП на планете, ограничения вывода оружия в космическое пространство и т. д.), так и к вызовам и угрозам регионального масштаба (борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также с локальными военными конфликтами в регионах мира).

Важным компонентом в отстаивании национальных интересов России в мире является усовершенствование ее военных возможностей с учетом действий ВС РФ в Сирии и выработки «зеркальных» ответов на выход США из договора по ДРСМД. Также целесообразно активизировать военное сотрудничество с другими странами для комплексного решения ряда региональных конфликтов (включая сирийской и венесуэльской). Одновременно необходимо усилить и борьбу по нейтрализации угроз России в информационной сфере. Для этого целесообразно проработать варианты трансформации существующих подходов к ведению Западом информационной войны с целью вывести процессы их управлением на один из высших уровней стратегического планирования РФ и выработать единую систему защиты государства от западного информационного оружия и кибер-тероризма. Для чего необходимо совершенствовать информационную деятельность, развивая российскую сеть вещания, постепенно наращивая количество ее узлов за рубежом.

Рекомендации, изложенные в монографии, могут найти своё непосредственное применение в деятельности Администрации Президента РФ, Совета Безопасности РФ, в профильных комитетах Госдумы и Совета Федерации РФ, Министерства иностранных дел, Министерства обороны, и иных органов государственного управления России.

Summary

The analysis of prospects of development of relations between Russia — China — USA in the framework of the “strategic triangle” from the point of view of national interests of the Russian Federation the author of this monograph Yu. V. Morozov came to the following conclusions and practical recommendations for the authorities of the Russian Federation.

In the long term, relationships between actors in the “triangle” will remind the bipolar system of relations of the era of the cold war. However, with the difference, that one side will be Russia and China together with States supporters of multipolarity, on the other side — the US and its satellites adhere to a single system of relations in the world headed by the United States. Within this “triangle”, Russia will oppose the United States in the political and military areas, and China-in the economic area. At the same time, China will gradually increase its military power and activity in the world.

The goals and policies of China and Russia will be similar in the “triangle”: both sides will use close bilateral ties as a winning argument in their relations with the United States. In addition, in order not to “miss” negative moments for themselves, they will closely observe each other’s dialogue with the United States. The United States in the framework of the policy of “divide and rule” will continue the course of breaking their ligament; waging a “war on two fronts” and will strengthen attempts to provoke situations that put the Russian Federation and China in the position of political and economic choice, requiring victims on the Chinese-Russian track. At the same time, the US will continue to pursue the goal of guaranteeing unconditional American leadership in the world.

Therefore, in any case, the development of events within the “triangle” in the interests of Russia-it is advisable to continue the existing line for the further development of Russian-Chinese relations. In the dialogue with the PRC, it is reasonable to rely on those areas where there is not a declarative, but a genuine coincidence of their interests. At the same time, we need a sober assessment and understanding of the fact that in some cases the theses about “coordination, compatibility and coincidence of interests” in the relations of the Russian

Federation and China still need serious practical content (Central Asia, the integration of the EEU and the EPSP, investment, cross-border cooperation, etc.).

Against this background, the Russian Federation will be more in demand for the maximum possible diversified policy within the “triangle”. No matter how difficult its implementation may look and, based on the significant difference between Russia and the United States, and China in the economic field, it needs to strengthen cooperation with China in all areas of cooperation at the global and regional levels, while respecting its national interests.

Carry the main directions of the global partnership between Russia and China out taking into account the need to implement their common concept of co-development. Its most important elements are cooperation through the UN and its strengthening as a guarantor of international stability, including the following directions.

Activation of interaction on issues of global security and economic cooperation within the framework of the BRICS and the RIC on the lines of their common interest and cooperation within the framework of APEC and the ASEAN forum, which contribute to strengthening stability in the Asia-Pacific region.

Development of the architecture of international institutions to prevent the spread of WMD; joint opposition to the creation of regional missile defense systems directed against the Russian Federation and China.

Activation of cooperation in Eurasia with the active participation of the SCO, aimed at countering the “three forces of evil” and saturation of anti-terrorist interaction with practical content within the framework of the SCO RATC, which will ensure the successful solution of security issues by Russia and China and reduce the risk of regional conflicts on their borders.

To improve regional cooperation it would be appropriate:

Expand the scale of bilateral trade, developing market openness and accelerating the construction of a modern logistics platform.

Improve the provisions of the Russian legislation on investment, eliminating administrative barriers and resorting to methods that are more flexible.

Deepen cooperation in the scientific and technical field, implementing a number of important scientific and technical projects in important areas for the Russian Federation and China.

Expand cooperation in border regions, accelerating cross-border exchange and construction of infrastructure, streamlining the process of passing goods across the border, jointly fighting the “gray customs clearance” and creating a favorable environment for all-round cooperation.

These areas directly affect the prospects of Eurasian integration, as the projects promoted by the Russian Federation and China (EEU and EPSP) aimed at building regional architectonics around their integration core. This makes it necessary to continue the search for compromises between Russia and China in the

implementation of integration projects in Eurasia. The interaction of Russia and China in the Arctic region considered in the context of the interface of the PSHP and the Northern sea route, which determines the continuation of mutually beneficial cooperation in the implementation of projects for the development of the Russian Federation in the Arctic.

In the near future, the most important task for Russia may be the search for a balanced continental strategy, the main direction of which can be the coordination with China of the format of a broad Euro-Asian political Alliance. It is also necessary clearly understand that Russia's new strategy has no right to exclude the possibility of an American-Chinese collusion behind its back, when the United States “cedes” the Eurasian space to China and supports a Chinese project of its geopolitical reorganization. At the same time, it is necessary to pay attention to the ideological context of the Sino-American relations: the Chinese leadership cannot afford not to respond to the US attempts to bring political turmoil and social chaos to China, creating preconditions for regime change in the country.

China's public distancing from global rivalry with the United States suggests that Beijing has begun to reassess its real capabilities on the world stage, hoping to concentrate its main efforts in Eurasia, closely monitoring Germany's persistent attempts to start its own geopolitical game in the Eurasian space. In addition, for the United States, Russian interaction with other countries in Eurasia remains very alarming in terms of weakening their position on the continent.

It is advisable to abandon plans to create a Russian-Chinese military-political Alliance directed against the United States-China will not go to such an Alliance in the near future. However, it is not in Russia's interests to abandon attempts to normalize Russian-American relations — unilateral dependence on China within the framework of the “strategic triangle”. In view of the economic weakness of the Russian Federation, it not be interested in the fact that the relationship within the “triangle” reduced exclusively to solving economic problems.

The implementation of global and regional areas of cooperation facilitated by the use of “soft power” of Russia and China in the interests of their national interests in the world.

The use of soft power should become a valuable vector of Russia's foreign policy aimed at maintaining its positive international image. If Russia does not purposefully pay attention to its development, investing sufficient funds in it, its rivals will be able to expand their own cultural presence in important regions of the world for Russia's national interests, significantly pushing it from its positions.

The opinions and conclusions expressed in the monograph reflect the personal views and research positions of the author. This research executed at financial support RFBR, research project No. 19-014-00009.

Список литературы

Документы

Конституция Российской Федерации. (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)

Военная доктрина Российской Федерации на период до 2020 г. Утверждена Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации».

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

Концепция внешней политики РФ до 2000 г. Системная история международных отношений в четырех томах 1918—2003. Т. 4. Документы. М., 2004. С. 538—539.

Договор о создании Союзного государства РФ и РБ от 8 декабря 1999 г. // Бюллетень международных договоров. № 3. 2000 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 146.

Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора (подписан в Париже 27 мая 1997 г.).

Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

Указ Президента РФ от 16.07.1997 № 725с «О первоочередных мерах по реформированию Вооруженных Сил Российской Федерации и совершенствованию их структуры».

Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ».

Федеральный закон 61-ФЗ «Об обороне» / 61 ФЗ.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями на 19 июля 2018 года).

Федеральный закон «Об участии в международном информационном обмене».

Резолюция Совета Безопасности ООН 2014 года. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2014>

Резолюции Совета Безопасности ООН 2015 года. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2014>

Резолюция 1624 (2005), принятая Советом Безопасности ООН на его 5261-м заседании. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902047973>

Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности ООН на его 7272-м заседании 24 сентября 2014 года. URL: <http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/36809/2178.pdf>

Монографии, статьи и доклады

Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Энергетические (углеводородные) проекты в Центральной Азии: потенциальные риски и возможности усиления конкуренции России и Китая // Центр стратегической конъюнктуры. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. № 108. С. 41—71.

Батюк В. А., Морозов Ю.В., Анчикина Т.Б. и др. Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века: монография. М.: Институт США и Канады РАН, 2017. 328 с.

Безруков А. Развод с миром и его последствия // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. С. 45—59.

Бжезинский З.Б. Великая шахматная доска // Международные отношения. М., 2009. 280 с.

Бордачев Т.В. Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. № 5.

Брандман Э. М. Цивилизационные императивы и приоритеты информационной безопасности общества // Философия и общество. 2006. Вып. № 3(44).

Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект, 2007. 382 с.

Ванг Гуангченг. Китайская политика «добрососедства» // Internationale Politik. 2006. № 2. С. 69—77.

Войтенко В. П. Торгово-экономическое сотрудничество России и Китая: состояние, проблемы, перспективы // Парламентская ассамблея НАТО, Комитет по экономическим вопросам и безопасности. 2014. № 4. С. 34—39.

Гельбрас В.Г. Российско-китайские отношения и проблемы глобализации // Альманах «Восток». 2007. № 1.

Гордиенко Д.В. Геополитический компонент политики Китайской Народной Республики в «стратегическом треугольнике» Россия—Китай—США // Экономика и управление: проблемы и решения. 2019. № 1. Т. 8 (85). С. 21—37. ISSN 2308-927X, ISSN 2227-3891.

Гордиенко Д.В. Геополитический компонент политики Российской Федерации в «стратегическом треугольнике» Россия—Китай—США // Экономика и управление: проблемы и решения. 2019. № 1. Т. 9 (85). С. 50—67. ISSN 2308-927X, ISSN 2227-3891.

Гордиенко Д. В. Возможные направления сотрудничества ШОС с международными организациями в сфере безопасности // Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 145—169. ISBN 978-5-8381-0349-9.

Гордиенко Д.В. Глобальные интеграционные проекты: изменение уровня экономической безопасности государств мира при их реализации. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. 338 с. ISBN 978-5-00024-098-4.

Гордиенко Д.В., Сафонов М.С. Реинтеграция или дезинтеграция. Как защитить национальные интересы? М.: Научная библиотека, 2018. 384 с. ISBN 978-5-6040896-8-2.

Гордиенко Д.В. Оценка изменения уровня экономической безопасности стран — членов Шанхайской организации сотрудничества при реализации стратегии «Экономического пояса Шелкового пути» // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018. № 10. Т. 6 (82) С. 35—47. ISSN 2308-927X, ISSN 2227-3891.

Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 63.

Гущин А. Украинский вызов для России // Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2015. 48 с.

Давыдов А.С. Россия—Китай—США про альянсы и соперничество // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С 3—14.

Дугин А.Г. Евразийская миссия. Международное евразийское движение. М., 2005. С. 11.

Жи Сяоюй. Перспективы экономических, торговых отношений между Китаем и Россией. Пекин: Китай Развитие Пресс, 2010. С. 38—40.

Зенгер Х. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые стратегемы за три тысячелетия. В 2-х т. М.: 2005.

Иноземцев В.Л. Осторожно, двери закрываются. Следующая санкция... // Бизнес-журнал. 2014. № 12(225).

Каменнов П.О., Клименко А.Ф. О военной политике и военной доктрине Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5.

Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М.: ИДВ РАН, 2009. 348 с.

Клименко А.Ф. Государства-участники и наблюдатели ШОС, их интересы и влияние на стратегическую ситуацию в Центральной Азии // Мировые державы в Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 91—152.

Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи. М., 2016. 130 с.

Крапчина Л.Н., Фролов Д.В. О крупнейших проектах российско-китайского внешнеэкономического сотрудничества // Молодой ученый. 2016. № 14. С. 351—353.

Ларин В. Российский вектор политики КНР: новые веяния и старые проблемы // Россия и АТР. 2009. № 3.

Лузянин С.Г., Семенова Н.К. Россия — Китай — Центральная Азия: транспортные и энергетические интересы // Обозреватель. 2016. Февраль. № 2 (313). С. 61.

Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014—2015 // Рабочая тетрадь. РСМД. М.: Спецкнига, 2015. С. 10—12.

Лузянин С. Г. Российско-китайский диалог: модель 2015: доклад № 18/2015. М.: Спецкнига, 2015. 32 с.

Развитие российско-китайских отношений на примере глобальных проектов: доклад. М.: Центр политической информации, 2015. 22 с.

Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 271—280.

Никонов Я. И. Компаративный анализ подходов к организации финансирования стратегии инновационного развития национальных экономик за рубежом // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 145.

Ремская К. А. Проектный метод как один из современных методов организации внешнеэкономической деятельности на предприятии // *Juvenisscientia*. 2015. № 1. С. 56—59.

Рогов С.М. Россия и США: Уроки истории и выводы на будущее // Россия и Америка в XXI веке. 2006. № 1.

Степанова Е. «Исламское государство» как проблема безопасности России: характер и масштаб угрозы / ПОНАРС Евразия, аналитическая записка № 393, декабрь 2015 г.

Лавров С.Ф. Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия в глобальной политике. Ноябрь—декабрь 2004.

Ли Бо. Пусть китайские строители строят дома в России // Китай-2013. № 9.

Ли Айминь. Широкие перспективы китайско-российской торговли // Китай-2012. № 9.

Материалы заседания Экспертного совета СФ России «Государственная политика Российской Федерации в Арктике: парламентское измерение» 24 апреля 2009 г.

Матвейчев О.А. «Сверхоружие» в области «мягкой силы» // Независимая газета. 10.02.2014.

Мельник М. К. Совместные инновационные проекты России и Китая // Молодой ученый. 2018. № 34.

Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / отв. ред. А.Д. Богатурова. М., 2011.

Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2017. 352с. с.54

Моргунов Б.А. Методология учета экологического фактора в процессе выработки стратегии устойчивого развития арктической зоны России. СПб., 2006.

Морозов Ю.В. Афганистан после 2014 года: стабильность для государств ШОС или новый виток напряженности в Центрально-Азиатском регионе? // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 94—115.

Морозов Ю.В. Влияние ближневосточного кризиса на национальные интересы государств ШОС // Проблемы Дальнего Востока. М., 2013. № 2. С. 27—41.

Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами в рамках ШОС // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 32. С. 35—49.

Морозов Ю.В. Интеграционные проекты для Евразии: подходы Китая, России и США // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 32—41.

Морозов Ю.В. К чему может привести публикация мифов о китайской угрозе// Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. № 2. С. 118—129.

Морозов Ю.В. Перспективы стратегии России в Северо-Восточной Азии в XXI веке // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 21. С. 34—45.

- Морозов Ю.В.* Проблемы и перспективы взаимодействия в Афганистане заинтересованных в этом государств и их союзов // Национальные интересы: приоритеты безопасности. 2018. № 3. С. 17—31.
- Морозов Ю.В.* Стратегические проекты Китая, России и Соединенных Штатов для Евразии // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 1.
- Морозов Ю.В.* Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2016. 376 с.
- Морозов Ю.В., Сафронова Е.И.* Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г.: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства. М., 2015. С. 119—128.
- Морозов Ю.В.* Трансформация миротворческой деятельности США и ее влияние на региональную стабильность // Мировые державы в Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 153—183.
- Морозов Ю.В.* Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25.
- Морозов Ю.В., Сафронова Е.И.* Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами...
- Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: РАГС. 2002. 320 с.
- Панарин И.Н., Панарина Л.* Информационная война и мир. М., 2003. 384 с.
- Панарин И.Н.* Информационная война: теория и практика // Кадровая политика. 2002. № 2.
- Примаков Е.М.* Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М., 2014.
- Сафронова Е.И.* Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран-членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования // Шанхайская организация сотрудничества. К новым рубежам развития. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 161—182.
- Сафронова Е.И.* 10 лет ШОС: некоторые итоги сотрудничества стран Организации в области здравоохранения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 96—123.
- Тренин Д., Кулаков О., Малашенко А., Топычанов П.* Афганистан после вывода войск международной коалиции: угрозы, риски и вызовы для Российской Федерации. М., 2014.
- Трегубова Е.* Прощённые миллиарды // Аргументы и факты. 04.03.2014.
- Титаренко М.Л.* Россия. Безопасность через сотрудничество: восточноазиатский вектор. М., 2003. с. 223.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1998. С. 36.
- Цвиун И.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество: состояние и перспективы развития // Сборник трудов конференции по развитию сотрудничества в сфере экономики, политики и юриспруденции между Россией и Китаем. 2014. С. 207.
- Цзунь Хэ.* Внешнеторговая ситуация будет усугубляться // Китай-2013. № 8.

- Цымбал Л.А.* Синергетика информационных процессов. М., 1995. 119 с.
- Чун Яту.* Визит Чжан Гаоли в Россию // Китай-2013. № 7.
- Шамин И.В.* Современная геополитика: технологии «прямых» и «непрямых» действий. Н. Новгород-Саров: СГТ, 2010.
- Шамин И.В.* «Цветная (бархатная) революция» как технология осуществления геополитического противоборства в условиях постбиполярного мира // Материалы межрегиональной научной конференции. Н. Новгород: ННГУ, 2008.
- Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. Институт им. А. Эйнштейна. URL: http://www.aeinstein.org/organizati...DTD_Russian.pdf
- Шарп Дж.* Роль силы в ненасильственной борьбе // Вопросы философии. 1992. № 8.
- Швейцер П.* Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. М., 1995
- Швец Д. Ю.* Информационная безопасность России и современные международные отношения. М., 2001. 176 с.
- Шу Кэ.* Небывалый уровень сотрудничества // Китай-2012. № 7.
- Юэ Ляньго.* Новый «двигатель» развития российско-китайских отношений // Китай-2013. № 4.
- Ян Хуэй.* Люань пин дань дай кун бу чжу и (Некоторые замечания о современном международном терроризме и борьбе против терроризма) // Гоцзи чжаньюэ яньцю. Пекин, 2002. № 1. С. 6—10, 14.
- Allison, G.* China vs America. Managing the Next Clash of Civilizations. Foreign Affairs. September/October 2017.
- Baldwin, H.* Battles Lost and Won. Great Campaigns of World War II. New York, 1966.
- Campbell, K.M., Ratner E.* The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations // Foreign Policy. 2018. March/ April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning>
- Graham T. Allison, G. Simes D.* A Sino-Russian Entente Again Threatens America. The Wall Street Journal, January. 29, 2019.
- Nye, J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. 1990. New York: Basic Books.
- Kaplan R.* What Next for Donald Trump? (Symposium). The National Interest. 2017. January — February.
- Mann, S.R.* Chaos Theory in Strategic Thought // Parameters. Vol. XXII. Autumn 1992. p. 54—68
- Merry R.* What Next for Donald Trump? (Symposium). The National Interest. January — February 2017. P. 5—24.
- Ron Paul.* Russia gate is not about Trump, and It Isn't Even Ultimately about Russia. The Institute for Peace and Prosperity. 2017, — P. 7.
- Russian-Chinese Joint Declaration on a Multipolar World and the Establishment of a New International Order, adopted in Moscow on 23 April 1997. Letter dated 15 May 1997 from the Permanent Representatives of China and the Russian Federation to the United

Nations addressed to the Secretary-General, Distr. GENERAL A/52/153, S/1997/384, 20 May/ 1997

Morozov Y. Arctic region: the Next «Hot Point» in Sphere of the International Relations or an Area for the Regional Cooperation? *Peace Review: a journal of social justice* # 5/2011, Volume 27, P. 25—41

Michael Mazza & Henry Sokolski. China's Nuclear Arms Are a Riddle Wrapped in a Mystery. USA Nonproliferation Policy Education Center, March 13, 2020.

Swaine, M.D. China's Assertive Behavior Part One: On “Core Interests” // *China Leadership Monitor*. No. 34.

Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India, August 22, 2007. Ministry of Foreign Affairs of Japan.

What to do about China's “sharp power”. *The Economist*, 16/12/2017.

Краткие сведения об авторе

Морозов Юрий Васильевич,

кандидат военных наук, профессор, член-корреспондент Академии военных Наук, ведущий научный сотрудник Институтов США и Канады и Дальнего Востока РАН.

Научный руководитель проекта РГНФ «Стратегический треугольник США—КНР—РФ: вызовы и перспективы для национальной безопасности России» и отв. ред.-составитель данной монографии.

Является руководителем и участником 6 российских исследовательских и 5 международных проектов по проблематике глобальной и региональной безопасности. Автор более 130 научных работ, в том числе опубликованных в последнее время:

Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации: монография. М.: ИДВ РАН, 2019. РИНЦ.

Конфликты низкой интенсивности в американской военно-политической стратегии в начале XXI века: монография. М.: Весь мир, 2018. РИНЦ.

Перспективные направления развития ШОС в Евразии. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 1 (358). С. 137—152. РИНЦ.

Проблемы, препятствующие реализации интеграционных процессов Китая и России в Евразии // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС. М., 2017. С. 112—133. РИНЦ.

Применение США «мягкосилового арсенала» в современном мире // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М., 2017. С. 154—160. РИНЦ.

Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века: монография. М.: ИДВ РАН, 2017. РИНЦ.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Brief information about the author

Yuri Vasilievich Morozov, candidate of military Sciences, Professor, corresponding member of the Academy of military Sciences, leading researcher of the Institute of USA and Canada and Far Eastern studies. Scientific Director of the project “Strategic triangle of the USA-China-Russia: challenges and prospects for national security of Russia” and the editor author of this monograph. He is the head and participant of six Russian research projects and five international projects on global and regional security. Author of more than 130 scientific papers, including recently published ones:

Prospects for multilateral cooperation between the SCO and international structures in the interests of developing the Organization's strategy. Monograph. Moscow, IFES RAS, 2019.

Low-intensity conflicts in American military-political strategy at the beginning of the XXI century. Monograph. Moscow, the Whole world.

Perspective directions of development of the SCO in Eurasia. National interests: priorities and security. 2018. Vol. 14. No. 1 (358). P. 137—152.

Problems hindering the implementation of the integration processes of China and Russia in Eurasia. In the collection: Problems and prospects for the implementation of the Silk Road Economic belt initiative in the context of the SCO Moscow, 2017. P. 112—133.

The use of the US “soft power Arsenal” in the modern world. In the collection: Russia: trends and prospects of development Yearbook. Moscow, 2017. P. 154—160.

Western strategy in the Central Asian region at the beginning of the XXI century. Monograph. Moscow, IFES RAS, 2017.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Научное издание

Морозов Юрий Васильевич

**Пути нейтрализации угроз России
в рамках стратегического треугольника
«РФ—США—КНР»**

Выпускающий редактор *Е.В. Беллина*
Корректор *Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 28.10.2020.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 30,5. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 12

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.